СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XIII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
М. И. Артамонов

Редакционная коллегия:
Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, С. Н. Замятнин, Т. Н. Кипович,
В. А. Миханкова (ответственный секретарь), А. П. Окладников,
А. Ю. Якубовский

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стр.

И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья (По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.) 7

М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб . 33

Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века 63

С. Н. Бибиков. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. . 95

А. П. Окладников. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея . 139

В. Ф. Гайдукевич. Боспорский город Илурат. 173

С. И. Капошина. Погребение скифского типа в Ольвии 205

А. П. Манцевич. Гребень и фиала из кургана Солоха 217

А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия 239

А. А. Передольская. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница 255

Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи 272

Материалы

С. Н. Замятнин. Первая русская инструкция для раскопок 287

Н. Н. Гурина. Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты . . 292

К. В. Сальников. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного 311

М. М. Иващенко. Кувшинный могильник в Западной Грузии . 320

В. С. Синяев. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма 331

В. П. Левашева. О городищах Сибирского юрта . . 341

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР	— Археологическая летопись южной России.
АН	— Академия Наук СССР.
Бур.	— П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней южной России. Одесса, 1884.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВУАК	— Воронежская ученая архивная комиссия.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ДП	— Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1899.
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел.
ЗОО	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИАН	— Известия Академии Наук СССР.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК.
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение ИИМК.
МАР	— Материалы по археологии России.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчеты археологической комиссии.
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
СА	— Советская археология.
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК.
СЭ	— Советская этнография.
ТР . . . АС	— Труды I—XV Всероссийских археологических съездов.
ТСРАНИОН	— Труды секции археологии РАНИОН.
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов.
ЦГВИА	— Центральный Государственный военно-исторический архив.
ЧОИДР	— Чтения в Московском обществе истории и древностей российских.
AA	— Archäologischer Anzeiger.
AJA	— American Journal of Archaeology.
AM	— Athenische Mitteilungen.
CVA	— Corpus vasorum antiquorum.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antique.
IosPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
JAI	— Jahrbuch des Archäologischen Instituts.
RA	— Revue archéologique.
SC	— Scythica et Caucasica. В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893.

СТАТЬИ

И. И. ЛЯПУШКИН

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ «ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ[1]

(По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.)

1

В конце XIX в. известный киевский археолог В. В. Хвойка открыл среди древностей Среднего Поднепровья ряд могильников и поселений конца I тысячелетия до н. э. и начала н. э., получивших в литературе наименование памятников культуры «полей погребений» или «полей погребальных урн». Вновь открытые памятники привлекли к себе широкое внимание археологов. На страницах центральной и местной прессы появились заметки, подчеркивающие большую значимость этих памятников для изучения древнейшего периода восточного славянства.[2] Своими наблюдениями над исследуемыми памятниками В. В. Хвойка поделился в статье «Поля погребений в Среднем Приднепровье».[3] В ней он очертил территорию распространения известных ему памятников этой культуры и топографическое местоположение, охарактеризовал общий облик их, дал описание некоторых наиболее характерных находок и на основе этих данных произвел хронологическое членение памятников на две группы: раннюю — зарубинскую, датируемую временем «около Р. Х.», и позднюю — черняховскую, датируемую II—V вв. н. э. В заключение автор выставил положение, что вновь открытые им памятники «полей погребений» зарубинского и черняховского типов «принадлежат единственному народу, жившему так долго на указанной территории, именно древним славянам, поселившимся в области Среднего Приднепровья, как показано, со времен самой отдаленной древности».[4]

Несмотря на интерес, проявленный к открытым памятникам, работа В. В. Хвойка не получила должного развития. С момента открытия первых памятников до конца тридцатых годов нашего столетия новых

[1] Термин «культура полей погребений» далеко не отвечает содержанию рассматриваемых нами памятников. Мы пользуемся им в том же условном значении, в каком он применяется большинством исследователей к памятникам первой половины I тысячелетия н. э. Среднего Поднепровья и смежных областей.

[2] Погребальные поля в Киевской губернии. АЛЮР, т. II, Киев, 1900, стр. 117—118; ИАК, Прибавление к вып. 3, СПб., 1902, стр. 50—51 (по материалам: Правит. Вестн., 22 III 1902, № 66; Киевская Газета, 24 III 1902, № 84; СПб. Ведомости, 2 III 1902, № 83; Финляндская Газета, 24 III 1902, № 46).

[3] ЗРАО, т. XII, нов. серия, СПб., 1901, стр. 172—190.

[4] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, стр. 190.

значительных полевых исследований произведено не было. Мало пополнился и круг известных памятников. Все последующие исследователи вплоть до наших дней в своих выводах об этой культуре основывались на материалах В. В. Хвойка из могильников у с.с. Зарубинцы, Черняхово, Ромашки и некоторых других, открытых и исследованных им же.

Трудность обнаружения новых памятников была обусловлена в первую очередь тем обстоятельством, что ни поселения, ни могильники «полей погребений» не имеют наружных признаков. Они могли быть выявлены или случайно при земляных работах, как это и было с большинством памятников, исследованных В. В. Хвойка, или в результате специально поставленных разведочных работ. Поскольку разведочные работы не производились, единственным источником оставались случайные находки. Однако известия о последних не всегда доходили до археологов. Найденные вещи чаще всего гибли или оседали в руках местных любителей старины, а на места находок просто не обращали внимания, о них забывали.

Особенно мало было данных о культуре «полей погребений» на территории Днепровского Левобережья, хотя памятники этой культуры (ранней ее стадии) здесь были открыты В. В. Хвойка одновременно с правобережными.[1]

Первые не вызывающие никакого сомнения данные о наличии на Левобережье элементов культуры «полей погребений» черняховского типа связаны с открытием и исследованием М. Я. Рудинским в 1924 г. могильника и поселения у с. Кантемировка Чутовского района Полтавской обл.[2] Правда, Кантемировский могильник не является типичным могильником «полей погребений» черняховского типа. С последним его связывает лишь сходство могильного инвентаря, в первую очередь керамики.

В 1925 г. следы поселения начала н. э. были обнаружены близ устья р. Орель, у Кабаковых хуторов.[3]

Разведочными работами 1926 г. были выявлены еще два пункта этой культуры: могильник у с. Гурбинцы Сребнянского района Черниговской обл. (Н. Е. Макаренко)[4] и поселение близ с. Манжелеи Великокринковского района Полтавской обл. (М. Я. Рудинский).[5] Если не считать случайных находок отдельных предметов этой культуры, опубликованных в разное время в украинской печати (у с. Ковали Хорольского района Полтавской обл., 1929 г.,[6] у хут. Холодного близ г. Ромны, 1929 г.,[7] у хут. Савинского близ г. Лубны, у хут. Гречаники близ Переяслава, в с.с. Нехвороща, Шишаки Полтавской обл.[8]), — это все, что было

---

[1] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 172; он же. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43.

[2] М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, Полтава, 1928; он же. Кантамирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, Киев, 1930.

[3] К. Антонович-Мельник. Археологічні досліди на Кременчужчині. Коротке звідомлення за археологічні досліди за 1925 рік, Киев, 1926.

[4] М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення за 1926 рік, Киев, 1927, стр. 111—112.

[5] М. Рудинський. Досліди на Полтавщині. Коротке звідомлення за 1926 рік. Киев, 1927, стр. 151—153.

[6] С. Магура. Випадкові знахідки за рік 1927. Хроніка археології та мистецтва, ч. 2, Киев, 1930, стр. 49—50.

[7] М. Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. Хроніка археології та мистецтва, ч. 1, Киев, 1930, стр. 69—71.

[8] М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник. ., стр. 51 сл.

известно о культуре «полей погребений» на Левобережье до последних дней.

Число известных памятников культуры «полей погребений» стало быстро возрастать в последние, в основном послевоенные, годы в связи с широкими разведочными работами, предпринятыми Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР совместно с Институтом археологии АН УССР. Днепровская Левобережная экспедиция поставила одной из основных задач своей работы выяснение территории распространения памятников «полей погребений» (II—V вв. н. э.) на Левобережье.[1] И если в предшествующий период, когда памятники культуры «полей погребений» открывались случайно, при различных хозяйственных земляных работах, ведущее место среди них занимали могильники как памятники наиболее заметные по составу своего инвентаря (цельные горшки, различные металлические поделки, бусы и т. д.) и по наличию в них человеческих костяков, то при разведочных работах на первое место выступили остатки поселений, незаметные для глаз местных жителей, но вполне уловимые археологом при тщательных поисках.

За время полевых работ (1940, 1945—1948) Левобережной экспедицией обследовано 30 памятников, относящихся к культуре «полей погребений». Подавляющее большинство их совершенно не было известно. Из этого числа 25 являются ясно выраженными остатками мест поселений. При четырех из них известны места могильников (Свинковка, Кантемировка, Писаревка, Пересечное). Следует отметить, что из обширной территории Днепровского Левобережья только бассейн среднего и нижнего течений р. Ворсклы был подвергнут сплошному обследованию, да и то преимущественно в нагорной своей части, вся же остальная территория (бассейн рр. Псла, Сулы, Сейма, нижнего течения Десны, верховьев Сев. Донца) была охвачена лишь предварительными разведками. Нет никакого сомнения в том, что выявленные памятники культуры «полей погребений» составляют лишь незначительный процент их действительного наличия. Ежегодные открытия новых памятников этой культуры в достаточной мере подтверждают последнее положение. Весьма показательны также результаты двадцатилетней работы харьковских научно-исследовательских учреждений, неизвестные до последних дней широкому кругу исследователей (опубликованы в статье И. Луцкевича).[2] Вновь открытые памятники в совокупности с известными ранее коренным образом изменяют наше представление о месте культуры «полей погребений» в области Днепровского Левобережья. Достаточно указать хотя бы на такой факт: на Левобережье поселений культуры «полей погребений» черняховского типа нам известно сейчас больше, чем на Правобережье в рамках одних и тех же широт (Сейм—Ворскла и Тетерев—Рось). Территориально эти памятники охватывают не какую-либо узкую полосу, а все лесостепное Левобережье от Днепра до С. Донца и от Ворсклы до Сейма. Правда, известные нам памятники в очерченной области размещены неравномерно. Их больше в бассейне рр. Ворсклы и верхнего течения С. Донца, но они есть и в бассейнах рр. Псла и Сулы и по левому берегу Днепра от устья р. Орели до Трубежа. Остатки их прослеживаются и в бассейне рр. Сейма и нижнего течения Десны. Эти данные, однако, не могут являться свидетель-

---

[1] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИИМК, XII, 1946, стр. 117 сл.

[2] І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, II, Киев, 1948, стр. 164—178.

ством того, какой из районов Левобережья в начале нашей эры был заселен плотнее. Это пока лишь показатели степени изученности того или иного района, не больше. В этом мы в достаточной мере убедились на опыте работы экспедиции за последние годы (см. Карту археологических памятников, между стр. 32 и 33).

2

По своему внешнему облику поселения культуры «полей погребений» весьма однообразны. Это открытые, не имеющие никаких искусственных укреплений поселения-селища. На Левобережье мы не знаем ни одного городища, где были бы найдены отложения этой культуры. Имеющееся в литературе указание о керамике культуры «полей погребений» «с городища на высоком правом берегу р. Псла, в 10 км на юго-запад от г. Лебедина, у с. Ново-Троицкого», собранной О. О. Потаповым и хранящейся в Археологическом музее Харьковского университета,[1] не находит подтверждения. В 1948 г. при обследовании бассейна р. Псла мы посетили Ново-Троицкое городище. Обнажение одного из склонов мыса, занятого городищем, позволило достаточно тщательно исследовать культурные отложения. Собранные материалы не содержат данных для утверждения о наличии на территории мыса поселения в начале нашей эры. Как материалы, так и внешний облик городища свидетельствуют о том, что на мысу было раннеславянское укрепленное поселение VIII—X вв. Поселение существовало недолго. После прекращения жизни около X в. на территории не возводилось никаких построек вплоть до наших дней, о чем свидетельствуют хорошо сохранившиеся на поверхности мыса задернованные ямки-западинки от разрушенных полуземляночных жилищ. Развалины полуземлянок прослеживаются и в обнаженном склоне. Повидимому, в документацию коллекции Археологического музея Харьковского университета вкралась какая-то техническая ошибка, повлекшая за собой отнесение к Ново-Троицкому городищу материалов, не имеющих к нему никакого отношения.

Погрешность подобного рода лежит и в основании утверждения В. В. Мавродина, что «недалеко от могильников [«полей погребальных урн». — *И. Л.*], повидимому, родовых кладбищ, располагаются г о р о д и щ а. Продолжают существовать древние городища скифской поры (на Левобережье — Бельское)... Наряду с огромными городищами (Бельское...) в лесостепной полосе Среднего Поднепровья в эти времена [I—V вв. н. э. —*И. Л.*] существуют небольшие городища (н а Л е в о б е р е ж ь е — Кременчуг на Псле, Кантемировка у Полтавы)».[2]

То, что на Бельском городище отложения начала н. э. пока что не известны, мы отмечали уже неоднократно;[3] Кременчугское же и Кантемировское поселения не городища, а селища. Об этом сказано и в работах М. Я. Рудинского,[4] это наблюдали и мы при обследовании Кантемировского поселения.[5]

---

[1] І. Л у ц к е в и ч, ук. соч., стр. 165.

[2] В. В. М а в р о д и н. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 30.

[3] И. И. Л я п у ш к и н. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 132—133.

[4] М. Р у д и н с ь к и й. Кантамирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, 1930; о н ж е. Досліди на Полтавщині. Коротке звідомлення за 1926 рік, Киев, 1927, стр. 151—153.

[5] И. И. Л я п у ш к и н. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, XIX, стр. 31.

Не меньше однообразия и в топографическом размещении поселений культуры «полей погребений». Все известные поселения Левобережья, обследованные как Левобережной экспедицией, так и другими исследователями, размещены на первой надпойменной террасе, вернее на ее склоне — при устьях небольших речек, оврагов или мокрых балок. Они тянутся узкой (50—100 м) полосой вдоль берегов рек и впадающих в них балок и оврагов, огибая мысы, образованные стыком двух водных артерий. Протяженность таких поселений бывает самая разнообразная — от сотни метров до километра и больше.

Следует отметить, что территории, занятые остатками поселений, и прилегающие к ним земельные участки в наши дни в большей своей части находятся под усадьбами или под огородно-бахчевыми и пропашными культурами.

Подавляющее большинство поселений культуры «полей погребений» Днепровского Левобережья не раскапывалось. Незначительным раскопкам были подвергнуты лишь два поселения у с.с. Кантемировка в 1924 г.[1] и Пересечное (1931—1933 гг.).[2] Все материалы, характеризующие сущность культуры, являются, подъемными, собранными при обследовании поселений. Вполне естественно, что материалы эти отрывочны и не позволяют воссоздать хозяйственный и общественный строй жизни обитателей этих поселений, а равно обосновать твердые хронологические границы как отдельных поселений, так и культуры в целом. Впредь до изучения хронологии этих памятников на широкой территории мы датируем их рамками первой половины первого тысячелетия н. э., несколько расширяя наиболее распространенную в настоящее время и в какой-то мере обоснованную датировку II—IV вв. н. э.

Основную массу культурных остатков на поселениях составляют черепки глиняной посуды, кости различных животных, куски обожженной глины с отпечатками прутьев и кольев, единичные поделки из глины и камня. Следует отметить также наличие на площадках поселений большого числа камней самых разнообразных пород. На многих поселениях черепки глиняной посуды принадлежат исключительно гончарным сосудам. Но есть и такие поселения, где встречаются черепки и лепных сосудов. В ряде случаев облик последних так ясен, что нет ни малейшего сомнения в том, что они не имеют никакого отношения к керамическому комплексу культуры «полей погребений» черняховского типа. Это остатки или эпохи бронзы (Пересыпь, Бродок), или зольничной культуры (Курортная). Однако на большей части поселений черепки лепной посуды настолько мало характерны, что нет никакой возможности не только найти им место среди известных керамических групп, но и восстановить хотя бы приблизительно типы отдельных сосудов.

Поскольку керамические остатки состоят почти исключительно из обломков, а не из целых сосудов, нам представляется возможным охарактеризовать керамику исследуемых поселений преимущественно с технологической стороны и лишь в весьма общем виде со стороны форм сосудов.

По составу глины, технике обработки поверхности, обжигу и некоторым другим признакам гончарную керамику поселений культуры «полей погребений» можно разбить на три группы.

Первую и, пожалуй, самую большую группу составляют сосуды преимущественно серого цвета из глины с примесью крупных зерен различных горных пород. Поверхность их шершавая. В нижней части сосу-

[1] М. Рудинський, ук. соч.
[2] І. Луцкевич, ук. соч.

дов большое количество так называемых задоринок, процарапанных зернами горных пород под нажимом руки при вращении сосуда на гончарном круге. В большей части черепки этой группы принадлежат кухонной посуде, горшкам по преимуществу. Форма их хорошо известна по материалам Кантемировского могильника [1] (рис. 1, *г*, *д*), а также по ряду случайных находок. Они имеют овальный в сечении, слегка отогнутый во внешнюю сторону венчик, невысокую, но хорошо профилированную шейку, ясно выраженные плечики и слегка припухлый корпус, переходящий ко дну на конус. Донышки некоторых горшков этого типа имеют кольцевую ножку. Плечики иногда орнаментированы врезными круговыми линиями.

Сосуды второй группы в технологическом отношении лишь немногим отличаются от сосудов первой. Они имеют более чистый, лишь с незначительной примесью мелкозернистого песка состав глины. Поверхность стенок этих сосудов значительно глаже. Основную массу остатков посуды этой группы составляют черепки крупных сосудов чаще всего с плоскими горизонтально отогнутыми венчиками. Это, повидимому, сосуды хозяйственного назначения, тара типа пифосов, но только несколько меньших объемов.

Третью группу составляют черепки сосудов, изготовленных из тщательно отмученной глины. Цвет их красный, желтый, оранжевый, светлосерый, темносерый, черный. Поверхность покрыта лощением. Это остатки столовой посуды. Ведущее место в ее составе принадлежит мискам самых разнообразных профилей, затем кувшинам, кружкам, чаркам и некоторым другим формам. Многие сосуды этой группы орнаментированы. Техника орнаментации и рисунки самые разнообразные: прочерченные прямые и волнообразные круговые линии, различные геометрические фигуры, нанесенные на матовое поле лощеных сосудов с помощью лощения, каннелирование, наколы при помощи гребенок или какого-то другого острого инструмента и др. Многие сосуды этой группы являются образцами художественного ремесла (кувшин из с. Коровинцы).

Характерными чертами керамической посуды всех трех групп являются четкость профилировки сосудов, плотность теста и высокое качество обжига. Сосудам всех трех групп, — но не всем — свойственна еще одна общая черта: наличие так называемой «кольцевой» или «плиточной» ножки у донышка.

Среди керамических остатков поселений культуры «полей погребений» встречаются черепки и еще одной группы сосудов, сделанных на гончарном круге, — амфор так называемого римского типа. Черепки этих сосудов резко выделяются из состава черепков посуды собственно культуры «полей погребений» как по своему оранжево-желтому или палево-желтому цвету, так и по профилю. Количественно черепки этих сосудов занимают небольшое место, но они повсеместно сопутствуют керамике «полей погребений», а потому и не могут быть обойдены при изучении культурных остатков поселений «полей погребений». Однако следует иметь в виду, что сосуды этой группы присущи не только поселениям «полей погребений». Территория их распространения значительно шире. Они встречаются в тот же период на поселениях Крыма, Нижнего Дона, Кубани и в других местах и не являются характерным признаком керамического комплекса культуры «полей погребений».

Из числа глиняных поделок на поселениях чаще всего встречаются пряслица. Бóльшая часть их имеет усеченную биконическую форму

---

[1] М. Рудинський, ук. соч.

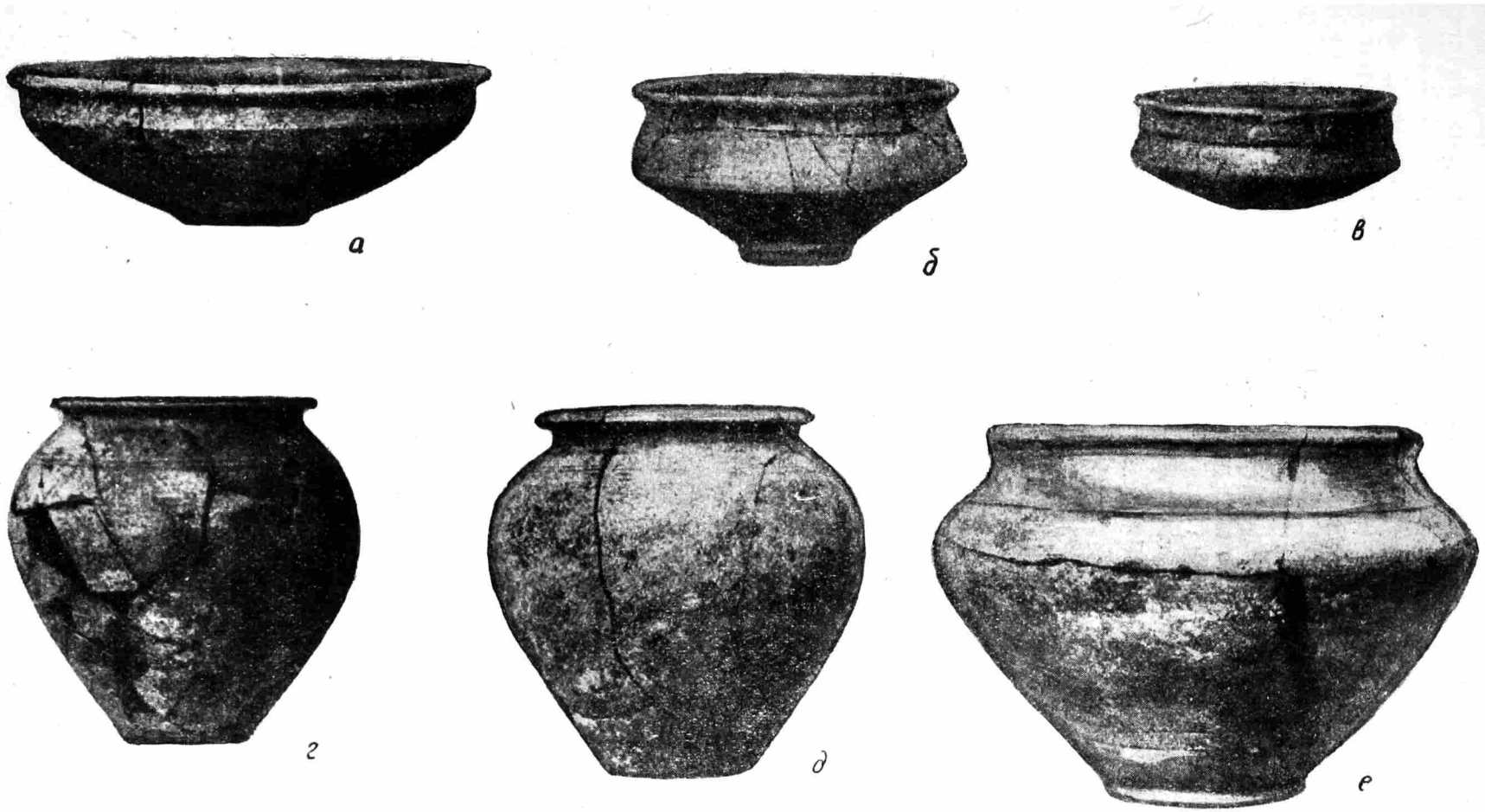

Рис. 1. Керамика Кантемировского могильника. Погребение № 1 (по М. Я. Рудинскому).
а — 2/3 н. в.; *б*, *в* — 1/4 н. в.; *г*, *д* — 1/3 н. в.; *е* — 2/7 н. в.

с наибольшим диаметром 3.5—4 см и диаметром отверстия около 1 см. Глина, из которой сделаны пряслица, — чистая, без заметных примесей. Обжиг, как и у других изделий из глины, отличается высоким качеством.

Составной частью культурного слоя являются куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и кольев. Диаметр первых 1.5—3 см, диаметр вторых 5—8 см. Чаще всего отпечатки имеются лишь с одной стороны, вторая — плоская, заглаженная. Остатки обмазки, как правило, расположены гнездами. На поселениях, длительное время обрабатываемых под посевы, они рассеяны по всей территории.

Изредка на поселениях встречаются предметы украшения: фибулы, поясные пряжки, бусы из стекла и горных пород (сердолика) и т. п.[1]

Существенное место среди материалов, характеризующих культуру «полей погребений», занимают остатки гончарных обжигательных печей. Такие остатки были обнаружены в 1948 г. при обследовании территории с. Коровинцы Недригайловского района Сумской обл. (б. Роменский уезд) в обрезе дороги, проложенной из села в долину р. Сулы (левый берег). При разборке завала собрано большое количество черепков глиняной посуды, сделанной на гончарном круге. На многих черепках заметны следы производственного брака. Изучение собранного материала показало, что он относится к керамическому комплексу культуры «полей погребений» черняховского типа. Здесь были черепки всех трех групп, охарактеризованных нами выше. К сожалению, печь оказалась настолько разрушенной, что восстановить облик ее не представляется возможным. Удалось выяснить лишь следующее: под топки находится на глубине 1.35 м от современной дневной поверхности; ширина сохранившейся части пода топки 1.40 м, толщина пода 0.15 м, высота свода топки 0.30 м. Среди остатков развалившейся печи большое количество кусков обмазки, а также разрушенного столба из белого плотного вещества — цемента-извести (высота сохранившейся части столба 0.40 м, в сечении 0.50×0.40 м). Близ развалин гончарной печи, не более как в 0.5 км от нее, в 1922 г. был найден своеобразный «клад», относящийся к культуре «полей погребений» (см. ниже). Гончарная обжигательная печь, относящаяся к культуре «полей погребений», была открыта также при раскопках поселения близ с. Пересечное Дергачевского района Харьковской обл. (правый берег р. Уды, бассейн С. Донца).[2] По-видимому, к той же культуре относится и печь, открытая случайно при хозяйственных работах в с. Фроловке Чутовского района Полтавской обл. и обследованная в 1927 г. сотрудниками Полтавского краеведческого музея.[3]

3

Как и поселения, могильники культуры «полей погребений» на Левобережье почти не исследовались. Из числа известных были подвергнуты незначительным раскопкам лишь могильники у с.с. Кантемировка, Пересечное и Гурбинцы. Материалы Кантемировского могильника были опубликованы, а о раскопках остальных имеются сведения самого общего порядка.

Могильник у с. Гурбинцы был открыт случайно местными жителями при копке глины для хозяйственных надобностей. По данным Н. Е. Макаренко, производившем исследование этого памятника, в могильнике

---

[1] І. Луцкевич, ук. соч., стр. 165, 168, 169, 175, 176.

[2] Там же, стр. 168.

Збірник, присвячений 35-річчю Музею, т. I, Полтава, 1928, стр. 287—288.

обнаружены два обряда захоронения: трупоположение и трупосожжение (?). Некоторые захоронения сопровождались сосудами и другим инвентарем, характерным для «полей погребений» черняховского типа [1] (рис. 2).

Оба обряда захоронения выявлены и в могильнике у с. Пересечное. Как и в могильнике у с. Гурбинцы, сопровождающий инвентарь состоит из посуды черняховского типа, фибул и некоторых других вещей.[2]

Совершенно иной обряд захоронения обнаружен в могильнике у с. Кантемировка. Могильник отличается уже по внешнему облику; это курганный могильник. Во всех трех открытых могилах обнаружено трупоположение в глубоких ямах с подбоями (камерами). В инвентаре наряду с вещами черняховского типа (преимущественно керамикой) (рис. 1) имеются и такие, которые ближе стоят к инвентарю сарматских могильников. Автор исследования называет их «варварскими элементами».[3]

Рис. 2. Керамика из могильника близ с. Гурбинцы (по Н. Е. Макаренко).

Подкурганная могила с таким же обрядом захоронения, с керамикой черняховского типа вскрыта и еще в одном месте юго-восточной части Левобережья — близ с. Воронцовки б. Купянского у. Харьковской губ. Могильник был раскопан Е. Мельник, в начале XX в. (1900—1901 гг.).[4] Здесь под невысокой курганной насыпью (около 0.70 м), в глубокой с подбоем (камерой) яме было обнаружено два погребения. Одно из них оказалось разрушенным. Инвентарь сохранившегося погребения состоял из мелких украшений: цилиндрическая спираль, бронзовая пластина, свернутая в трубку, обломки бронзовой бляшки, бронзовая пряжка, 14 маленьких бус из синего стекла, бронзовая фибула арбалетовидного типа. Кроме того, при погребении оказалась «нижняя часть сосуда из мелкой серой глины с тонкими стенками, сделанного, очевидно, с помощью гончарного круга. . Там же найдена половина такой же мисочки с округленными боками, из желтой глины очень тонкой отделки».[5]

---

[1] М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення, ВУАК за 1926 рік, Киев, 1927, стр. 111—112.

[2] І. Луцкевич, ук. соч.

[3] М. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, Киев, 1931.

[4] Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губ., 1900—1901 гг. Дневник раскопок. Труды XII АС, т. I, стр. 726. — І. Луцкевич, ук. соч., стр. 174.

[5] Е. Мельник, ук. соч., стр. 726. — І. Луцкевич, ук. соч., стр. 173, табл. II, *5*, *8—9*.

Могильник в с. Свинковка был обнаружен в 1940 г. случайно, при хозяйственных работах. Колхозник Чиж при рытье погреба открыл три костяка и при них несколько сосудов черняховского типа. Позже сотрудники Полтавского музея произвели доследование вскрытой колхозником площади и обнаружили еще одно захоронение по обряду трупосожжения. В августе того же 1940 г. Левобережной экспедицией близ могильника на берегу р. Свинковки было обнаружено поселение культуры «полей погребений».[1]

Писаревский могильник открыт колхозниками при строительстве свинарника в 1946 г. Судя по сведениям, собранным сотрудниками Полтавского музея, колхозники обнаружили несколько костяков. Рядом

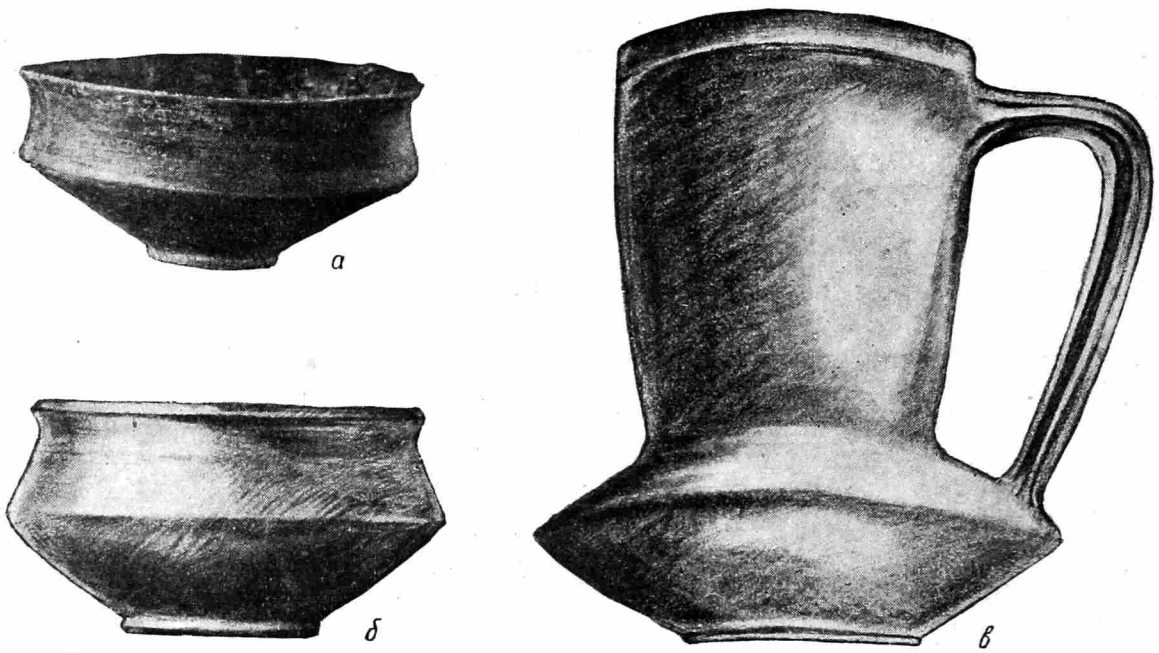

Рис. 3. Керамика Писаревского могильника (рис. Л. С. Кухаревой).
а — 1/3 н. в.; *б* — 1/2 н. в.; *в* — 2/3 н. в.

с костяками были найдены сосуды. Часть сосудов сохранилась и была передана в Полтавский историко-краеведческий музей (кувшин и одна миска) (рис. 3, *б*, *в*). Позже, в июне 1946 г. при посещении Писаревки Днепровской Левобережной экспедицией совместно с сотрудниками Полтавского музея у одной из колхозниц удалось найти еще одну миску, уже приспособленную под цветочный горшок (на дне была просверлена дырочка). Кроме того, были найдены фрагменты двух мисок (рис. 3, *а*), подобранных колхозницами вместе с костными остатками, выброшенными из могил. Черепки этих мисок и кости были ими захоронены метрах в 200—300 от могильника, под кустами; как оказалось несколько позднее, захоронение костей совместно с фрагментированными сосудами было произведено на территории поселения культуры «полей погребений».[2]

Некоторые дополнительные данные для суждения об облике культуры «полей погребений» дают материалы случайных находок, хранящиеся

---

[1] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 22 сл.

[2] И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа (По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы). СА, XI, 1949.

в местных музеях. Так, в Роменском краеведческом музее хранятся вещи (глиняные сосуды и железные поделки) из своеобразного «клада», найденного в 1922 г. при рытье колодца в с. Коровинцы Недригайловского района Сумской обл.[1] Основную часть «клада» составляет глиняная посуда: горшки, миски и кувшины черняховского типа, лощеные и без лощения. Из их числа особого внимания заслуживает одноручный кувшин черного цвета [2] (рис. 4). По форме кувшин близок к сосудам из металла: он имеет узкое цилиндрическое горло высотою около 13 см,

Рис. 4. Кувшин из «клада» в с. Коровинцы (рис. Л. С. Кухаревой).

украшенное двумя веревкообразными валиками, размещенными — один в средней части, а другой — у основания горла. Верх горла обрамлен плоским венчиком, слегка скошенным от слива к месту прикрепления ручки. Корпус кувшина биконический, усеченный. Нижняя часть корпуса гладкая, верхняя имеет 13 граней, по ребрам которых нанесен орнамент в виде наколов. Горизонтальное ребро огранено тринадцатью овальными срезами; верхнее ребро этих срезов украшено такими же наколами, как и ребра граней верхней части кувшина. Ручка ребристая, квадратная в сечении, толщиною около 1.5 см. Она прикреплена к середине горла, там, где проходит веревкообразный валик, и к основанию одной из тринадцати граней. Общая высота кувшина 31—32 см, наиболь-

[1] Михайло Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, Киев, 1930, стр. 70—71. Инв. №№ сосудов 994—1005; вещей из железа: 1006, 1008—1010.

[2] Роменский музей, инв. № 995.

ший диаметр (по ребру) 27 см. Кувшин сделан из хорошей чистой глины и хорошо обожжен. Поверхность гладкая, лощеная. Сосуды подобного типа, повидимому, были не редкостью в обиходе обитателей поселений «полей погребений». В составе этого же «клада» имеется верхняя часть (горло с ручкой) второго такого же сосуда. Фрагмент ручки аналогичного сосуда найден нами на одном из поселений, обследованном в 1948 г. Фрагменты двух таких сосудов опубликованы М. Я. Рудинским.[1] На некоторых сосудах «клада» заметны следы копоти, свидетельствующие о том, что сосуды были в употреблении.

Наибольший интерес «клада» заключается, однако, не в керамике. Последняя является лишь хорошим датирующим материалом, показателем культурно-хронологического облика этого «клада». В составе «клада», как отмечено выше, кроме керамики имеются еще вещи из железа: два сварных кольца, продетые в ушки дужек; железная пластина и плужный нож (чересло) (рис. 5, *б*). Мы не будем касаться здесь всех вещей из железа. Остановимся лишь на плужном ноже (чересле)[2] как предмете, который, с нашей точки зрения, придает данному «кладу» особое значение среди материалов, характеризующих культуру «полей погребений». Чересло представляет собою довольно массивный нож длиною 53 см. Рабочую часть ножа составляет лезвие длиною 23 см, при наибольшей ширине 5.5 см и толщине обуха около 2 см. Черен ножа прямоугольный в сечении, со сторонами 1.5—2×2—3 см. В верхней части черена имеется небольшой выступ, заметно сработанный снизу. Повидимому, за эту часть производилось дополнительное (помимо градиля) крепление ножа. Нож хотя и сильно заржавел, все же сохранил свой облик достаточно хорошо. Среди материалов культуры «полей погребений» начала н. э. в Среднем Поднепровье плужные ножи пока не известны. Это, повидимому, первая находка. Вполне естественно, что это обстоятельство должно было заставить нас подойти к ней весьма осторожно.

С целью проверки принадлежности плужного ножа к «кладу», содержащему керамику культуры «полей погребений» черняховского типа, а также выяснения условий находки «клада» мы посетили с. Коровинцы. Нам удалось найти владельца колодца И. П. Гречаника, принимавшего непосредственное участие в извлечении «клада». И. П. Гречаник рассказал нам историю находки, суммарно перечислил найденные вещи (типы сосудов, вещи из железа) и в числе прочих упомянул и чересло.

Насколько хорошо в памяти старика сохранились отдельные вещи, можно судить хотя бы по такому факту: он с точностью до 1 см указал диаметр колец, найденных в этом же кладе. Жена И. П. Гречаника, рассказывая о глиняных сосудах из «клада», между прочим, упомянула о сосуде с двумя ручками и округлым дном. В фондах Роменского музея такой сосуд из Коровинцев имеется, — это небольшая яйцевидная амфора салтовского типа; точного паспорта у нее нет; возможно, и она принадлежит к этому же «кладу». Правда, амфор этого типа для первой половины I тысячелетия мы почти что не знаем, но также плохо знаем мы и верхнюю границу керамического комплекса черняховского типа. Не исключена возможность, что последняя в какой-то мере заходит в VI в., для которого подобные амфоры известны,[3] а, может быть, амфоры этого типа бытовали и раньше.

---

[1] М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею, стр. 47, табл. V, *14*; он же. Кантамирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, стр. 138, рис. 4.

[2] Роменский музей, инв. № 1010.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Известия ГАИМК, вып. 131, Л., 1935, стр. 71—73.

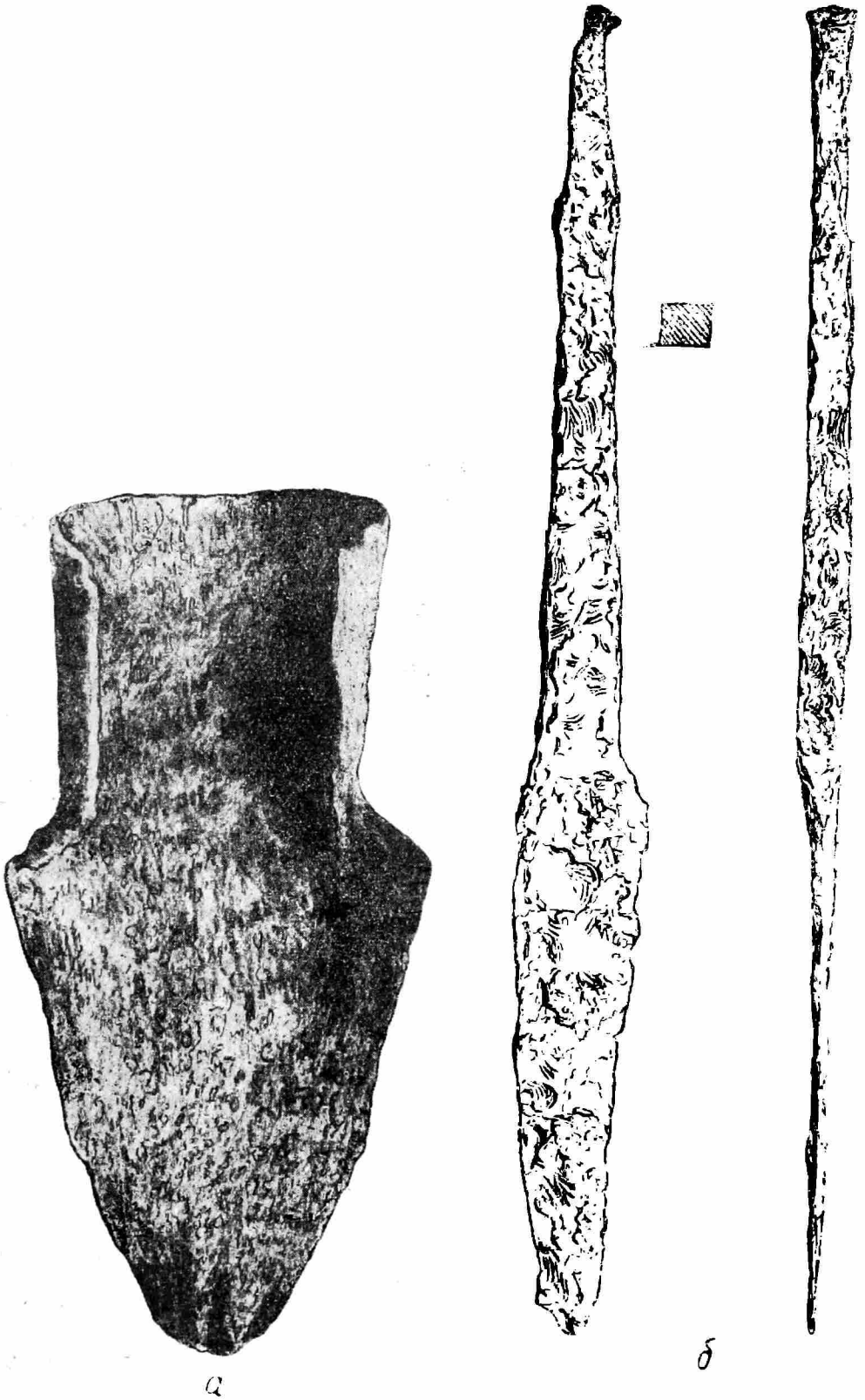

Рис. 5. Земледельческие орудия культуры «полей погребений».

а — сошник из раскопок Д. Я. Самоквасова близ д. Шмырево, Курской обл., 1/2 н. в.;
б — плужный нож (чересло) из «клада» в с. Коровинцы, Сумской обл., 1/3 н. в.

Из земледельческих орудий начала н. э., найденных на территории Левобережья, следует вспомнить симметричный сошник с плоской трубкой (рис. 5, *а*), найденный Д. Я. Самоквасовым при исследовании песчаной россыпи у д. Шмырево. Там же были найдены римские монеты II в. и бронзовая прорезная подвеска, инкрустированная красной эмалью.[1]

С территориями некоторых поселений «полей погребений» связаны находки римских монет первых веков нашей эры. Так, в 1880 г. близ с. Гредасовки Обоянского у. Курской губ. при вспашке поля крестьянин М. П. Барышев выпахал клад серебряных римских монет. Всего было собрано около 300 экз. Часть их (15 экз.) приобрел профессор Киевской духовной академии П. А. Лошкарев, уроженец с. Гредасовки. По времени монеты относятся ко II—III вв. н. э. (от Трояна до Септимия Севера).[2] В 1909 г. одну из монет этого клада приобрел К. П. Сосновский. Обследовав место находки клада, К. П. Сосновский отметил, что «в настоящее время на этом поле попадаются в большом количестве черепки битой посуды, куски обожженной докрасна глины, осколки пращевых камней и кости животных».[3]

В 1948 г. при обследовании бассейна р. Псла мы посетили с. Гредасовку, осмотрели указанное К. П. Сосновским место и установили, что отмеченные К. П. Сосновским культурные отложения есть не что иное как остатки поселения — селища культуры «полей погребений» начала н. э. (черняховского типа).

Ряд римских монет найден близ с. Снижки Валковского района Харьковской области. Среди материалов Археологического музея Харьковского университета имеется керамика культуры «полей погребений», собранная в окрестностях того же с. Снижки, свидетельствующая о наличии там поселения.[4]

По данным Полтавского музея, большой клад римских монет (около 1000 экз.) был найден недалеко от с. Писаревки (близ Лукощино) Полтавской обл. (левый берег р. Ворсклы) в 1942 г. В 1946 г. близ Писаревки, при хозяйственных земляных работах был открыт могильник культуры «полей погребений», а несколько позже, в том же 1946 г., Левобережной экспедицией было найдено и поселение той же культуры.[5] Выше отмечены находки римских монет на дюнах у д. Шмырево, где Д. Я. Самоквасов обнаружил поле «погребальных урн». Находки римских монет известны и в ряде других пунктов Левобережья. Большинство их носит случайный характер. Очень возможно, что при тщательном исследовании мест находок там будут обнаружены и поселения начала н. э. типа «полей погребений».

---

[1] Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губ., произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым. М., 1915, стр. 3—5; Атлас Гочевских древностей. Приложение к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губ. М., 1915, табл. I,*а*, II,*а*.

[2] Н. Петров. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за месяц июль 1880 г. Труды Киевской духовной академии, 1880, № 8.

[3] К. П. Сосновский. Городища и курганы верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губ. Тр. Курской губернской ученой архивной комиссии, вып. 1. Курск, 1911, стр. 318—319.

[4] И. Луцкевич. Материалы. . . Археология, II, стр. 169 и 174. — О. Федоровський. Инструкції та програми для розвідок и реєстрації пам'яток археологічних. Харьков, 1927, стр. 53.

[5] И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI.

4

Как отмечено выше, «поля погребений» долгое время считались памятниками культуры, связанной с Правобережьем по преимуществу. Да это вполне естественно. На Правобережье были открыты и исследованы первые памятники этой культуры; там же в основном были сосредоточены и последующие работы, связанные с исследованием этой культуры. Этот взгляд в какой-то мере сохраняется и по сей день. Его можно найти и в специальной историко-археологической литературе,[1] и в обобщающих работах по истории нашей страны,[2] и в учебных пособиях.[3] Полевые изыскания последних лет вносят существенные изменения в это представление. Оказывается, что Днепровское лесостепное Левобережье в первой половине первого тысячелетия н. э. было освоено оседлым населением, оставившим памятники культуры полей погребений», не в меньшей степени, чем Правобережье. Не случайные поселения, разбросанные вдоль левого берега Днепра и нижнего течения его притоков, связанные одной жизнью с Правобережьем, как представлялось еще недавно,[4] а густая сеть их покрывает все лесостепное пространство от Днепра до С. Донца и от Ворсклы до Сейма.[5]

Судя по собранным материалам, население Левобережья первой половины первого тысячелетия н. э. стояло на довольно высокой ступени общественного развития. Это было оседлое население, знавшее пашенное земледелие с применением плуга типа сабана, орудия для того времени достаточно сложной конструкции. О высокой ступени общественного развития свидетельствует и широкое распространение ремесла, в частности — гончарного. Следы его находим в самых глухих уголках исследуемой территории, удаленных друг от друга на сотни километров (Коровинцы — верхнее течение р. Сулы; Пересечное — среднее течение р. Уды, бассейн С. Донца; Фроловка — бассейн р. Ворсклы). Об этом же говорят и многочисленные находки римских монет как в виде отдельных экземпляров, так и в виде кладов, а также часто встречающиеся на поселениях черепки амфор так называемого римского типа. Хотя монетные находки в большей своей части носят случайный характер и в подавляющем большинстве пока не могут быть увязаны ни с поселениями, ни с могильниками, это обстоятельство ни в какой мере не может служить основанием к игнорированию их как источника для характеристики жизни населения Левобережья первой половины первого тысячелетия н. э. Они свидетельствуют о значительных связях населения этой территории с средиземноморскими областями. У нас нет пока данных для суждения о том, какие это были связи. Существующие на этот счет взгляды — самые разнообразные и многие из них носят умозрительный характер.[6]

---

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 98, карта № 6.

[2] В. В. Мавродин. Древняя Русь. Госполитиздат, 1946, см. карту «Восточные славяне».

[3] Атлас Истории СССР, ч. I. Под общей редакцией проф. К. В. Базилевича, И. А. Голубцова, М. А. Зиновьева. 1948, карта № 2 (авторы карты проф. А. Я. Брюсов и проф. А. Н. Смирнов).

[4] Б. А. Рыбаков, ук. соч.

[5] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 44.

[6] Д. Я. Самоквасов. История русского права, вып. II. Варшава, 1884, стр. 142. — В. Г. Лясковронский. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья. Тр. XI АС, т. I, стр. 464. — В. Е. Данилевич. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губ. Тр. XII АС, т. I, стр. 380—381. — П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 45—46.

Не знаем мы, какую роль играли римские монеты и во внутреннем обиходе населения Левобережья. В связи с этим считаем нужным отметить лишь одно наблюдение: в литературе, относящейся к монетным находкам на Левобережье, мы не встретили ни одного указания на использование римских монет как украшений (подвески и т. п.), что имеет место в отношении иноземных монет (арабских, византийских и др.), попадающих в Восточную Европу в более позднее время, в VII и последующие века. Делать из этого наблюдения какой-либо вывод преждевременно, но оно должно быть учтено, когда в распоряжении исследователя окажутся и некоторые другие данные.

Интересный материал для понимания общего облика населения культуры «полей погребений» дают могильники Левобережья. При описании их мы уже отмечали, что население Левобережья знало разнообразные способы захоронения покойников: трупосожжение (Свинковка, Пересечное), трупоположение в обыкновенных ямах без курганных насыпей (Гурбинцы, Свинковка, Пересечное, Писаревка), трупоположение в глубоких ямах с подбоем и курганными насыпями (Кантемировка, Воронцовка). Это разнообразие в обряде, повидимому, не случайное явление. Если даже допустить, что трупосожжение и трупоположение в обыкновенных ямах без курганных насыпей есть не более как свидетельство наличия имущественного неравенства (богатые хоронили по обряду трупоположения, бедные сжигали трупы), как предполагают одни исследователи,[1] или, как предполагают другие, — что это обряды разновременные, но все же принадлежащие одному и тому же населению,[2] то в отношении захоронений под курганными насыпями в глубоких ямах с подбоем можно сделать лишь один вывод — это обряд захоронения какой-то иной племенной группы, отличной от первой. В юго-восточной части Восточной Европы подобный обряд захоронения имел широкое распространение и хронологически бытовал длительный период. Обычно он связывается с населением сарматской группы. Повидимому, к этой-то группе населения и следует отнести обитателей поселений близ с.с. Кантемировки и Воронцовки. Из-за отсутствия достаточных данных, к сожалению, ничего конкретного нельзя сказать об этническом облике той части населения, которая хоронила своих покойников в обыкновенных ямах без курганных насыпей по обряду трупоположения или трупосожжения. Этот обряд захоронения характерен и для многих могильников культуры «полей погребений» Днепровского Правобережья, принадлежащих, по мнению большинства исследователей, славянскому населению.[3]

Не позволяют имеющиеся материалы сделать заключение и о том, насколько характерна подмеченная нами этническая неоднородность населения культуры «полей погребений» для всей территории Левобережья. Но как ни незначительны материалы могильников — они ценны. Только они позволяют понять племенной состав населения, то, что скрывают другие данные, в частности керамика. Именно на этой группе памятников должно быть сосредоточено внимание при дальнейшем изучении этнического состава населения культуры «полей погребений».

---

[1] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 19—20.

[2] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 44.

[3] П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 43 сл. — М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении восточных славян. Вопросы истории, 1948, № 9, стр. 102—106.

5

Все изложенное выше подводит нас непосредственно к одной из основных задач в изучении культуры полей погребений» — выяснению места населения этой культуры в истории Левобережья, его отношения к населению предшествующего (скифского) и последующего (славянского) периодов. Задача эта, как известно, не новая и не легкая. Она встала перед исследователями вместе с открытием первых памятников культуры «полей погребений». В работах многих исследователей, начиная с В. В. Хвойка, можно найти и ответы к этой задаче, но, к сожалению, без доказательств.[1] Мы не ставим своей целью решить эту задачу, ибо состояние изученности памятников Левобережья не позволяет этого сделать. Мы ограничиваемся на данном этапе лишь показом материалов, которыми располагаем для ее решения, и теми выводами, которые вытекают из них. Вместе с тем мы отмечаем и отсутствующие звенья в материалах.

Полевые работы в области Днепровского лесостепного Левобережья показали, что территория, занятая в первой половине первого тысячелетия н. э. населением культуры «полей погребений», была заселена и в предшествующий, скифский, период. Об этом достаточно красноречиво говорят многочисленные поселения (городища и селища) и курганы «скифов-пахарей». Сводка последних и хронологическая классификация их в свое время была сделана А. А. Спицыным.[2] А. А. Спицын пришел к выводу, что ко II в. до н. э. курганы «скифов-пахарей исчезают вследствие массового и, главным образом, подневольного переселения в приречные и приморские города, боспорские и греческие».[3] Не касаясь здесь вопроса, насколько верно А. А. Спицын определил причину исчезновения «скифов-пахарей» (об этом нами сказано в другом месте),[4] отметим сейчас лишь факт исчезновения курганов «скифов-пахарей» ко II в. до н. э., факт не опровергнутый, кажется, пока еще никем. Другая группа памятников, предшествующая памятникам «полей погребений», — поселения «скифов-пахарей» — в подавляющей массе стала, или вернее становится, известной лишь в последние годы. В то время, когда А. А. Спицын составлял сводку курганов «скифов-пахарей», он смог назвать не более 10 поселений этой культуры, разбросанных на громадной территории лесостепи — от Ахтырки до Балты и от Чернигова до Полтавы. За истекший период число известных поселений значительно возросло. Только в области Левобережья их насчитывается сейчас более сотни. Не все они одновременны. Наиболее древние из них — селища VII—V вв. до н. э. — связаны с южной полосой лесостепи. Группа поселений V—III вв. до н. э. (селища и городища) имеет более широкое распространение. Она охватывает южную и среднюю полосы лесостепи — бассейн рек Ворсклы, Псла, Сулы и верхнего течения С. Донца. Группу поселений-городищ с III в. до н. э. и позже составляют поселения северной полосы — бассейна р. Сейма. Верхней хронологической границы северной группы поселений «скифов-пахарей» указать пока не представляется возможным.[5]

Ряд исследователей рассматривает население, оставившее культуру

---

[1] В. В. Хвойка, ук. соч. — В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Изд. ЛГУ, 1940, стр. 30—31; он же. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 18—19. — П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1949, стр. 52 сл.

[2] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, Петроград, 1918.

[3] А. А. Спицын, ук. соч.

[4] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») северной полосы Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII.

[5] Там же.

«скифов-пахарей», как непосредственных предков славянского населения Левобережья («роменцов»).[1] При таком подходе верхнюю хронологическую границу некоторых городищ третьей группы поселений пришлось бы отодвинуть до конца первого тысячелетия н. э., а то и позже. Имеется, однако, большое число фактов, явно противоречащих этому положению.

Курганные могильники и поселения «скифов-пахарей» на большей части территории Левобережья, как раз той, где сосредоточены памятники «полей погребений», относятся ко времени до II в. до н. э. От наиболее ранних памятников «полей погребений» черняховского типа, рассмотренных нами выше, они отстоят самое меньшее на два столетия. Такое хронологическое соотношение археологических памятников ставит вопрос о непосредственной связи населения культуры «полей погребений» со «скифами-пахарями» уже под сомнение. Конечно, опираться только на эти данные было бы весьма рискованно. Хронологический разрыв может оказаться не чем иным, как результатом недостаточной разработки вопросов датировки памятников обеих культур. Но выводы, вытекающие из хронологии, находят подтверждение и в некоторых других данных, в частности в отсутствии таких элементов материальной культуры, которые в какой-то мере показывали бы близость этих культур по их содержанию.

Чтобы лучше разобраться в этом, напомним некоторые, наиболее характерные черты культуры «скифов-пахарей» на последнем этапе ее развития: господствующий тип поселения — городища, расположенные близ лесных массивов или просто в лесу, на высоких крутых мысах коренных берегов рек, балок и оврагов. Бытовой инвентарь примитивен: посуда изготовлялась из грубой глины ручным способом, много изделий из кости, среди культурных остатков большое место занимают всевозможные глиняные поделки — пряслица, грузики разнообразных форм неизвестного назначения, и т. п. В составе культурного слоя много золы, костей животных, кусков обожженной глины. В целом культура достаточно своеобразна, и ее памятники легко выделяются из числа памятников синхроничных ей культур (деснинской, дьяковой) смежных областей.[2] Культура «полей погребений», в меру сил охарактеризованная выше, существенно отличается от культуры «скифов-пахарей» как по своему общему облику, так и составляющим ее элементам. Ни на поселениях «скифов-пахарей», ни на поселениях «полей погребений» пока не найдено остатков, которые свидетельствовали бы о какой-то близости материальной культуры населения этих двух хронологических этапов.

Сравнение культурных остатков «полей погребений» с материалами культуры предшествующего периода позволяет утверждать лишь одно, что в хозяйственной и общественной жизни населения Левобережья на рубеже нашей эры произошли значительные изменения. Прежде всего изменился тип поселения. Укрепленные поселения (городища) «скифов-пахарей», широко распространенные в конце первого тысячелетия до н. э., в первых веках нашей эры сменяются новым типом — селищами. Одновременно изменяется и топографическое местоположение их. Поселения размещаются на открытых местах: в долинах рек по склонам надпойменных террас, при устьях небольших речек, мокрых балок и оврагов — в окружении удобных для земледелия участков.

О серьезных сдвигах в хозяйственной и общественной жизни свидетельствует и общий облик культурных остатков поселений «полей погребе-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, Л., 1947, стр. 94.

[2] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») северной полосы Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII.

ний». Наличие гончарной посуды и развалин гончарных обжигательных печей говорит о появлении ремесла, об общественном разделении труда. Об этом же говорят и найденные железные земледельческие орудия — сошники, характеризующие одновременно существование и еще одной отрасли хозяйственной деятельности — пашенного земледелия.

Значительные изменения произошли, повидимому, и в характере связей населения Левобережья с Средиземноморским бассейном, о чем свидетельствует появление большого количества монет, неизвестных в предшествующий период.

Конечно, материалы, приведенные нами, незначительны и не отражают всей глубины происшедших перемен. Не показывают они и того, в силу каких причин произошли эти перемены. Ответ, повидимому, может быть найден лишь в материалах переходного периода, который, судя по всем данным, следует отнести к концу первого тысячелетия до н. э. К сожалению, памятников этой поры мы пока не знаем. Поиски их — одна из очередных задач советских археологов.

Столь же неуловимо, как и возникновение, время исчезновения культуры «полей погребений» на Левобережье. Некоторые исследователи предполагают, что «поля погребений» на Левобережье исчезают в конце первой половины первого тысячелетия н. э. и связывают этот факт с гуннским нашествием.[1] Такое решение, повидимому, наиболее правдоподобно. Во всяком случае, от второй половины первого тысячелетия до нас дошли на той же территории памятники уже иных культур. Мы имеем в виду многочисленные поселения и могильники VII—X и VIII—X вв. салтово-маяцкой и славянской (роменско-боршевской) культур. Большая часть их, расположенная в Днепровском бассейне, принадлежит славянскому населению («роменцам»). Вторая, меньшая, сосредоточенная в юго-восточной части исследуемой территории (бассейн С. Донца), относится к салтово-маяцкой культуре.

Вопрос об отношении населения культуры «полей погребений» к населению последующей поры, в частности к славянскому, один из серьезнейших вопросов древнейшей истории народов СССР. Поскольку памятники второй половины первого тысячелетия по своему существу не однородны и за ними стоят различные этнические группы населения, будет целесообразнее рассмотреть вопрос об отношении населения «полей погребений» с каждой из этих групп отдельно.

Исходя из принятой нами точки зрения, что культура «полей погребений» исчезает на Левобережье в V в., при датировке славянских памятников роменско-боршевского типа VIII—X вв. приходится признать, что между этими двумя группами памятников оказывается хронологический разрыв в три столетия. Это положение давно отмечено исследователями [2] и останавливаться на нем сейчас нет необходимости. Но как и в случае, разобранном нами выше, сложность в исследуемом вопросе заключается не в преодолении хронологического разрыва, который быть может даже не так велик, как мы предполагаем, а в том, что каждая из этих культур настолько своеобразна, что ни в одной из них мы не можем указать элементов материальной культуры, которые в какой-то мере связывали бы их. Чтобы понять это положение, достаточно напомнить некоторые наиболее характерные черты роменско-боршевской культуры и сравнить их с материалами культуры «полей погребений», охарактеризованными выше. Тип роменско-боршевского поселения — небольшое

[1] П. И. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 70—71.

[2] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, 6, М.—Л., 1941, стр. 11.

городище на высоком крутом мысу или среди болот. К укрепленной части примыкает селище. Основная масса бытового инвентаря изготовлялась из кости. Вещи из металла встречаются редко. Глиняная посуда грубая, лепная. Известно лишь несколько поселений, где наряду с лепной керамикой роменского типа встречены отдельные обломки гончарной посуды культуры «полей погребений» (Авдеево, Горицы). Жилища наполовину углублены в землю (полуземлянки). В составе культурного слоя много обожженной глины, костей животных, чешуи рыбы, золы, углей.[1] Как видно из изложенного, здесь нет элементов, которые могли бы послужить связывающими звеньями между культурами «полей погребений» и роменско-боршевской. Приведенные нами материалы показывают лишь одно: во второй половине первого тысячелетия н. э. на Левобережье в жизни населения произошли новые изменения. Бóльшая часть населения, как и в последний период скифского времени, сосредоточена в укрепленных поселениях — городищах. Часть этих городищ создана вновь, но были использованы и старые городища, оставшиеся от скифского времени.[2] Из числа последних были освоены городища небольших размеров, с линией обороны небольшой протяженности. Широко распространенный в первой половине первого тысячелетия гончарный круг исчезает. Керамика изготовляется лепным способом. В общем облике культуры чувствуется примитивность. Многие черты ее напоминают культуру «скифского времени» рубежа н. э.

По мнению некоторых исследователей, резкое различие между культурой «полей погребений» и славянской культурой роменско-боршевского типа объясняется их различным происхождением. Эти исследователи полагают, что население, оставившее роменско-боршевскую культуру, появилось в области Левобережья сравнительно поздно, в VII—VIII вв. Такой точки зрения придерживается, например, П. Н. Третьяков. «Культура «полей погребений» в области Днепровского Левобережья, — пишет он, — как явление массового порядка исчезает к VI ст. н. э. Ее сменяют славянские памятники в виде так называемых „роменских“ городищ и курганов с трупосожжением, обрисовывающие несравненно более примитивный быт и более отсталую ступень в развитии общественной жизни».« „Роменская“ культура, — продолжает он, — генетически увязывается не с „полями погребений“, а с культурой племен бассейна р. Десны, откуда несомненно и пришли ее носители».[3]

Но не только сторонники позднего появления «роменцев» на территории Левобережья не находят ничего общего в этих двух культурах. Не находят этой общности и те, кто считает «роменцев» аборигенами Левобережья. Архаизм, наличие скифских традиций в роменской культуре приводит этих исследователей к поискам истоков роменской культуры в памятниках не непосредственно предшествующих ей, какими являются «поля погребений», а в памятниках культуры «скифского времени». К такому выводу в одной из своих работ пришел Б. А. Рыбаков. «Как показали мои раскопки Гочевского городища, — пишет он, —

---

[1] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, стр. 55—88; он же. Городище «Монастирище». Науковий збірник за рік 1924, т. XIX — П. Н. Третьяков. Стародавні слав'янські городища у верхній течії Ворскли. Археологія, I, Киев, 1947. — И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИИМК, XII, 1946.

[2] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII.

[3] П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, V, 1940, стр. 15—16; он же. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 70.

роменская культура вырастала из своеобразного южного варианта дьяковской культуры».[1] «Южным вариантом дьяковской культуры» автор называет культуру «скифов-пахарей», или так называемую зольничную культуру, слои которой были вскрыты на Гочевском городище.

Но население Левобережья во второй половине первого тысячелетия, т. е. после исчезновения культуры «полей погребений», не исчерпывалось славянским населением роменской группы. Одновременно с ним в юго-восточном углу этой области обитала другая группа оседлого населения, оставившая многочисленные памятники, известные в настоящее время под именем салтово-маяцкой культуры. Большая часть этих памятников находится за пределами исследуемой нами территории — между С. Донцом и Доном и в предгорной полосе Сев. Кавказа. В области Левобережья, в широком смысле этого слова (между Днепром и Осколом), наиболее изученным и до последних лет почти единственным известным памятником этой культуры являлся катакомбный могильник в с. В. Салтово.

Изучая памятники культуры «полей погребений» Левобережья, в частности наиболее полно исследованный Кантемировский могильник, мы пришли к заключению, что некоторые черты культуры, свойственные этой группе «полей погребений», прослеживаются в салтово-маяцкой культуре. В памятниках последней — традиции культуры «полей погребений» кантемировского типа явно ощущаются и в катакомбном обряде захоронения (дальнейшее усложнение могил с подбоями), и в некоторых формах гончарных сосудов, и в технике их изготовления, и в некоторых деталях одежды покойника (в частности, обуви).

В результате разведочных работ последних лет число известных памятников салтово-маяцкой культуры в области Левобережья значительно возросло. Изучение их дало новые материалы, свидетельствующие о связях салтово-маяцкой культуры с культурой «полей погребений». Так, в 1947 г. при обследовании нижнего течения р. Оскола нами было обнаружено несколько открытых поселений-селищ салтово-маяцкой культуры, по своему топографическому местоположению буквально тождественных поселениям-селищам «полей погребений». Они были расположены на склонах надпойменных террас в устьях небольших речек и балок (у д. Новоселье, между с.с. Тополи и Каменка, у д. Голубовка близ Купянска). Больше того, среди собранного керамического материала, наряду с остатками сосудов, характерных для салтово-маяцкой культуры в собственном смысле, были обнаружены черепки сосудов, ничем не отличающихся от сосудов «полей погребений» как по технике изготовления, так и по своим формам (сосуды хозяйственного назначения с горизонтально отогнутыми венчиками). Наблюдения 1945—1947 гг. нашли подтверждение в полевых изысканиях 1948 г. Одновременно были выявлены и новые материалы, свидетельствующие о том, что салтово-маяцкая культура своими корнями связана с культурой «полей погребений» значительно глубже, чем это казалось до сих пор. Вспомним комплекс земледельческих орудий из правобережного Цымлянского городища VIII—X вв., состоящий из плужного ножа (чересла), пары симметричных сошников, косы и нескольких серпов, из раскопок 1939 г.[2] (рис. 6). Долгое время этот комплекс стоял особняком, вне связи с предшествующим периодом. Плужный нож (чересло) из Коровинцев и сошник из раскопок Д. Я. Самоквасова у д. Шмырево,

---

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, Л., 1947, стр. 94.

[2] И. И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цымлянского городища, КСИИМК, IV. М. — Л.,1940.

относящиеся к культуре «полей погребений», — в свете других материалов помогают нам разобраться в этом вопросе. По своим формам и размерам плужный нож (чересло) и сошники Цымлянского городища настолько близки к аналогичным орудиям «полей погребений», что их трудно различить. Размер плужных ножей буквально совпадает. Общая длина их 0.52—0.53 м, длина лезвия 0.22—0.23 см.

Отмеченную нами близость некоторых элементов салтово-маяцкой культуры с культурой «полей погребений» едва ли можно считать явлением случайного совпадения. Вероятнее всего, следует предполагать, что какая-то группа населения культуры «полей погребений», в первую очередь кантемировская (сарматская), близко стоящая к степному населению, явилась одним из слагаемых в формировании оседлого населения салтово-маяцкой культуры. Эта группа и внесла в отдельные области хозяйственной и духовной жизни населения салтово-маяцкой культуры некоторые элементы культуры, известной нам под именем «полей погребений».

Итак, памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. в области Днепровского лесостепного Левобережья имеют повсеместное распространение от Днепра до С. Донца и от Ворсклы до Сейма. Большую часть известных памятников составляют поселения. Это исключительно селища. На некоторых поселениях обнаружены развалины гончарных обжигательных печей. Среди культурных остатков наряду с остатками домашнего быта, имеются сельскохозяйственные орудия: сошник, плужный нож (чересло). Незначительную часть известных памятников составляют могильники, по внешнему облику делящиеся на две группы — курганные и бескурганные. Обряд захоронения в могильниках курганного типа — трупоположение в глубоких ямах с подбоями (камерами). Бескурганным могильникам присущи оба обряда захоронения — трупоположение и трупосожжение.

На территории Левобережья в разное время при всевозможных земляных работах найдено большое количество римских монет начала н. э. как в виде отдельных экземпляров, так и в виде кладов. Границы территории, на которой найдены римские монеты, совпадают с границами территории известных нам памятников «полей погребений». Некоторые из монетных находок территориально могут быть увязаны с известными нам в настоящее время поселениями «полей погребений».

Эти данные позволяют сделать следующие выводы:

а) Вся территория Левобережья в первой половине I тысячелетия н. э. (точнее датировать пока не представляется возможным) была занята различными племенами оседлого населения. Одна из групп этого населения, связанная с памятниками типа Кантемировки, может быть определена как сарматская, вторая — по обряду захоронения близка к Правобережному населению, которое большинством исследователей считается славянским.

б) Население знало развитое ремесло (гончарное производство), пашенное земледелие и имело тесные связи с Средиземноморскими областями. По сравнению с предшествующим, скифским, периодом в хозяйственной и общественной жизни Левобережья ощущаются значительные изменения.

в) Культура «полей погребений» в области Левобережья исчезает в конце первой половины первого тысячелетия н. э. В последующий период следы этой культуры можно подметить лишь на незначительной территории, в юго-восточном углу области, в памятниках салтово-маяцкой культуры. В них прослеживаются некоторые традиции «полей погребений», в первую очередь кантемировской группы памятников: в типе поселений,

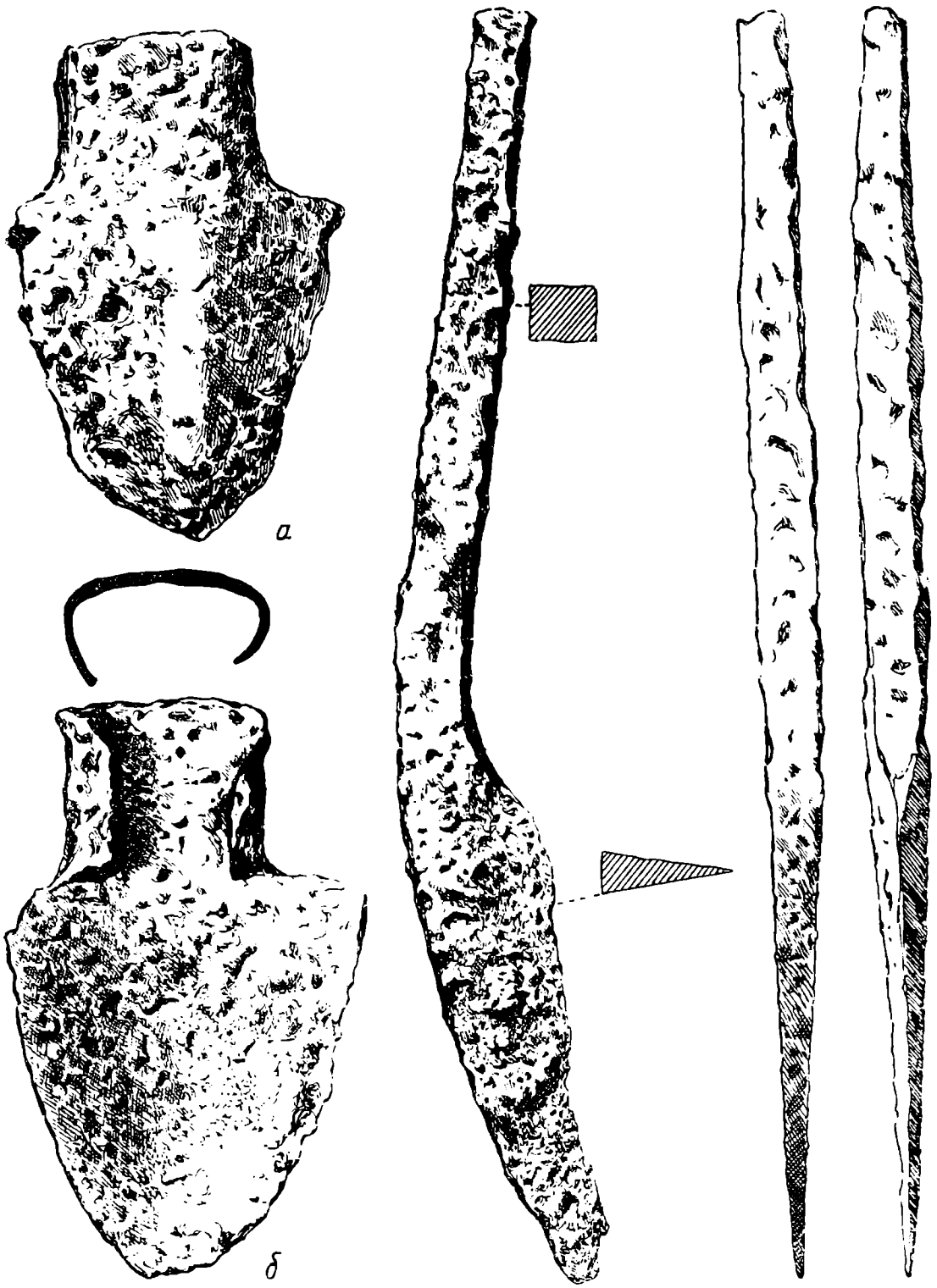

Рис. 6. Земледельческие орудия салтово-маяцкой культуры (Правобережное Цымлянское городище), $^1/_3$ н. в.

в технике гончарного производства, в обряде захоронения, в орудиях пашенного земледелия и некоторых других сторонах жизни и быта.

На остальной части территории во второй половине I тысячелетия н. э. культура «полей погребений» сменяется славянскими памятниками роменско-боршевского типа, по общему облику резко отличающимися от памятников «полей погребений». Взаимоотношение этих двух групп населения требует дальнейшего всестороннего изучения.

Приложение к карте

1 — Список населенных пунктов, близ которых расположены археологические памятники

1 — Свинковка Полтавской обл. и р-на — селище и могильник;
2 — Кантемировка Полтавской обл. Чутовского р-на — селище и могильник;
3 — Писаревка Полтавской обл. Н. Сенжарского р-на — селище и могильник;
4 — Н. Сенжары Полтавской обл. — селище;
5 — Кобеляки Полтавской обл. — селище;
6 — Сухиновка Полтавской обл. Кобелякского р-на — селище;
7 — Исаевка Полтавской обл. Кишеньковского р-на — селище;
8 — Градижск Полтавской обл. — селище;
9 — Вырвихвист Полтавской обл. Градижского р-на — селище;
10 — Шабельники Полтавской обл. Золотоношского р-на — селище;
11 — Авдеевка Курской обл. Ленинского р-на — отдельные находки;
12 — Топлинка Курской обл. Белгородского р-на — отдельные находки;
13 — Мартовая Харьковской обл. Печенежского р-на — селище;
14 — ж.-д. остановка Курортная, близ с. Пересечное Харьковской обл. Дергачевского р-на — селищ ;
15 — Пересечное Харьковской обл. Дергачевского р-на — селище и могильник;
16 — Должик Харьковской обл. Золочевского р-на — селище;
17 — Ореховские хутора Харьковской обл. Золочевского р-на — селище;
18 — Рассоховатое Харьковской обл. Золочевского р-на — селище;
19 — Пересыпь Курской обл. Кривцовского р-на — селище;
20 — Услонка Курской обл. Обоянского р-на — селище;
21 — Гредасово Курской обл. Обоянского р-на — селище;
22 — Рашовка Полтавской обл. Гадячского р-на — селище;
23 — Хут. Терновый близ Б. Сорочинцы Полтавской обл. — селище;
24 — Ковалевка Полтавской обл. Шишакского р-на — отдельные находки;
25 — Грянчиха Полтавской обл. Богачковского р-на — селище;
26 — Волковцы Сумской обл. Роменского р-на — селище;
27 — Коровинцы Сумской обл. Недригайловского р-на — селище;
28 — Гурбинцы Черниговской обл. Сребнянского р-на — могильник;
29 — Манжелея Полтавской обл. Великокрынковского р-на — селище;
30 — Ковали Полтавской обл. Хоролского р-на — отдельные находки;
31 — Холодный Сумской обл. Смеловского р-на — отдельные находки;
32 — Хотмыжск Курской обл. Борисовского р-на — селище;
33 — Луговое Сумской обл. Великописаревского р-на — селище;
34 — Яблочное Сумской обл. Ахтырского р-на — селище;
35 — Между Н. Рябина Ахтырского р-на и Добренское Великописаревского района Сумской обл. — селище;
36 — Писаревка Сумской обл. — селище;
37 — Кунцы Полтавской обл. Н. Сенжарского р-на — селище;
38 — Волчанск Харьковской обл. — селище;
39 — Верхн. Писаревка Харьковской обл. Старо-Салтовского района — отдельные находки;
40 — Кочеток Харьковской обл. Чугуевского р-на — отдельные находки;
41 — Черкасский Бишкин Харьковской обл. Змиевского р-на — селище;
42 — Снижки Харьковской обл. Валковского р-на — селище;
43 — Замоский Кут Харьковской обл. Валковского р-на — селище;

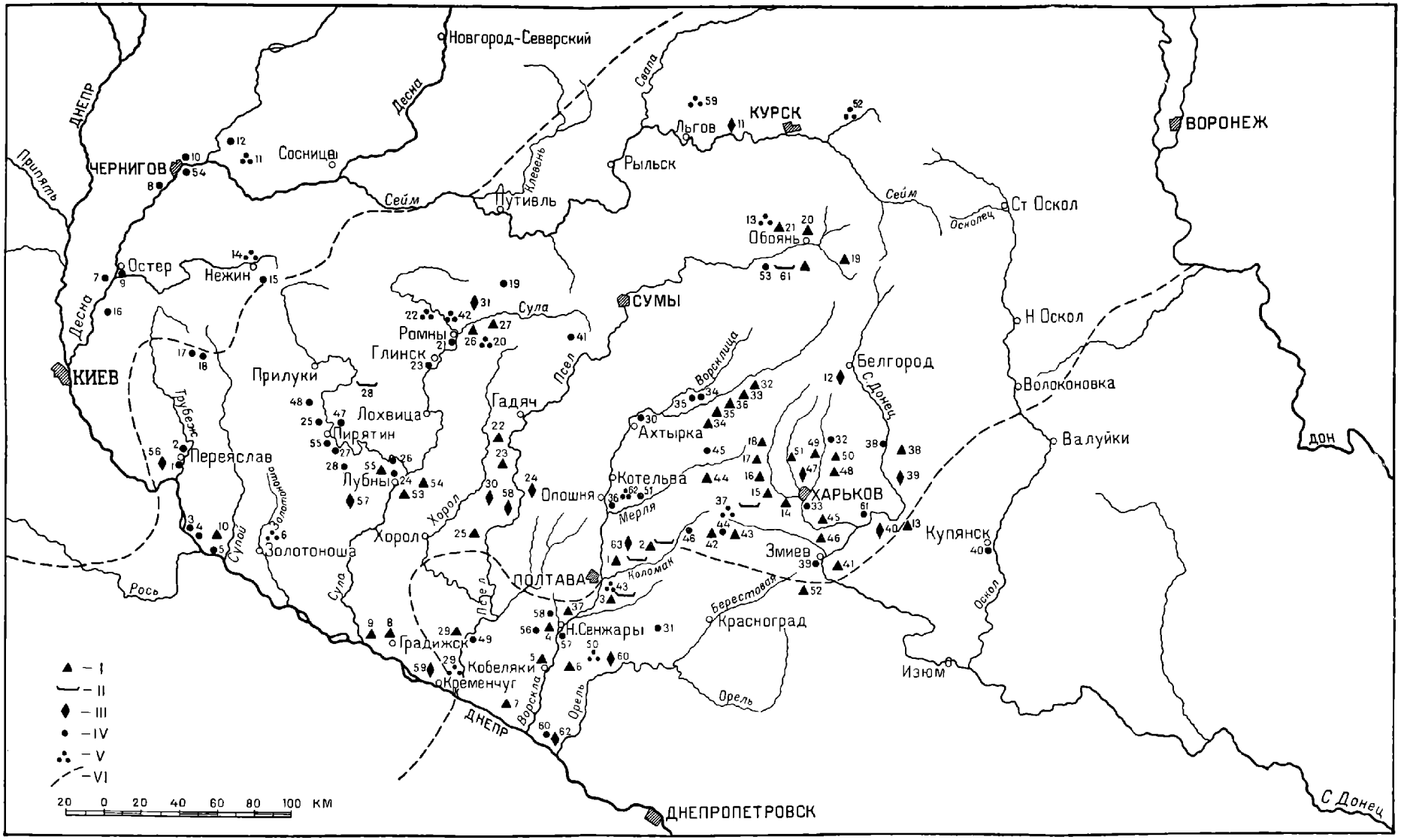
44 — Крючик Харьковской обл. Богодуховского р-на — селище;
45 — Терновое Харьковской обл. Чугуевского р-на — селище;
46 — Водяное Харьковской обл. Чугуевского р-на — селище;
47 — Харьков и его окрестности — отдельные находки;
48 — Хут. Прелесный Харьковской обл. — селище;
49 и *50* — Б. Даниловка Харьковской обл. — селища;
51 — Дергачи Харьковской обл. — селище;
52 — Западенька Харьковской обл. — селище;
53 — Засулье Полтавской обл. Лубенского р-на — селище;
54 — Войнин Полтавской обл. Лубенского р-на — селище;
55 — Калайденцы Полтавской обл. Лубенского р-на — селище;
56 — Гречаники Киевской обл. — отдельные находки;
57 — Хут. Савинский Полтавской обл. — отдельные находки;
58 — Шишаки Полтавской обл. — отдельные находки;
59 — Кременчугщина (точное место неизвестно) Полтавской обл. — отдельные находки;
60 — Нехворощa Полтавской обл. — отдельные находки;
61 — Шмырево Курская обл. Обоянский р-н — могильник (?) и поселение;
62 — Орлик Полтавской обл. Кишеньковского р-на — отдельные находки;
63 — Фроловка Полтавской обл. Чутовского р-на — отдельные находки.

II — Список населенных мест, близ которых найдены римские монеты

1 — Андруши и Коран Киевской обл. — отдельные монеты;
2 — Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. — отдельные монеты;
3 — Леплява Полтавской обл. — отдельные монеты;
4 — Келеберда Полтавской обл. — отдельные монеты;
5 — Прохоровка Полтавской обл. — отдельные монеты;
6 — Ковтуны Полтавской обл. — клад;
7 — Выползово Черниговской обл. — отдельные монеты;
8 — Шестовицы Черниговской обл. — отдельные монеты;
9 — Остер Черниговской обл. — отдельные монеты;
10 — Чернигов — отдельные монеты;
11 — Стольное Черниговской обл. — клад;
12 — Борзна Черниговской обл. — отдельные монеты;
13 — Гредасовка Курской обл. — клад;
14 — Нежин Черниговской обл. — клад;
15 — Безугловка Черниговской обл. — отдельные монеты;
16 — Семиполки Киевской обл. — отдельные монеты;
17 — Крупол Киевской обл. — отдельные монеты;
18 — Войтово Киевской обл. — отдельные монеты;
19 — Терны Сумской обл. — отдельные монеты;
20 — Волковцы Сумской обл. — клад;
21 — Ромны Сумской обл. — отдельные монеты;
22 — Медвежье Сумской обл. — клад;
23 — Глинск Сумской обл. — отдельные монеты;
24 — Лубны Полтавской обл. — отдельные монеты;
25 — Пирятин Полтавской обл. — отдельные монеты;
26 — Хитцы Полтавской обл. — отдельные монеты;
27 — Лазорки Полтавской обл. — отдельные монеты;
28 — Слепородские хутора Полтавской обл. — отдельные монеты;
29 — Кременчуг Полтавской обл. — клад;
30 — Ахтырский р-н Сумской обл. — отдельные монеты;
31 — Карловка Полтавской обл. — отдельные монеты;
32 — Липцы Харьковской обл. — отдельные монеты;
33 — Жихар Харьковской обл. — отдельные монеты;
34 — Семереньки Сумской обл. — отдельные монеты;
35 — Колки Сумской обл. — отдельные монеты;
36 — Лихачевка Полтавской обл. — отдельные монеты;
37 — Старые Валки Харьковской обл. — клад (?);
38 — В. Салтов Харьковской обл. — отдельные монеты;
39 — б. Змиевский уезд (без указания места) Харьковской обл. — отдельные монеты;
40 — Купянск Харьковской обл. — отдельные монеты;
41 — Грунь Сумской обл. — отдельные монеты;
42 — Рогинцы Сумской обл. — клад;
43 — Лукощино Полтавской обл. — клад;

44 — Снижки Харьковской обл. — отдельные монеты;
45 — Сенняский хут. Харьковской обл. — отдельные монеты;
46 — Резуненков хут. Харьковской обл. — отдельные монеты;
47 — Дейманов ка Полтавской обл. — отдельные монеты;
48 — Сасиновка Полтавской обл. — отдельные монеты;
49 — Мануйловка Полтавской обл. — отдельные монеты;
50 — Нехворощ а Полтавской обл. — клад;
51 — Колонтаев Харьковской обл. — отдельные монеты;
52 — Троица Курской обл.— клад;
53 — Шмырево Курской обл. — отдельные монеты;
54 — Анисово Черниговской обл. — отдельные монеты;
55 — Малая Круча Полтавской обл. — отдельные монеты;
56 — хут. Ладатки Полтавской обл. — отдельные монеты;
57 — Н. Сенжары Полтавской обл. — отдельные монеты;
58 — Лелюховка Полтавской обл. — отдельные монеты;
59 — Севенки Курской обл. — клад;
60 — Орлик Полтавской обл. — отдельные монеты;
61 — Чугуев Харьковской обл. — отдельные монеты;
62 — Лихачевка Полтавской обл. — клад;
63 — Прикуты Черниговской обл. — клад;
64 — Чеховка Полтавской обл. — отдельные монеты.

№№ *63—64* на карту не нанесены

Карта археологических памятников.

I — селища культуры «полей погребений»; *II* — могильники культуры «полей погребений»; *III* — находки отдельных вещей культуры «полей погребений»; *IV* — места находок римских монет нач. н. э.; *V* — места находок кладов римских монет нач. н. э.; *VI* — граница лесостепи.

М. К. КАРГЕР

РАЗВАЛИНЫ ЗАРУБСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЛЕТОПИСНЫЙ ГОРОД ЗАРУБ

I

На правом гористом берегу Днепра, напротив устья р. Трубеж расположено село Зарубинцы, хорошо известное в археологической науке, благодаря находящемуся подле него могильнику, относящемуся к группе так называемых «полей погребений».

Однако археологические памятники, расположенные в районе с. Зарубинцы, должны не в меньшей степени привлечь внимание и исследова-

Рис. 1. Городище над развалинами Зарубского монастыря.

телей культуры Киевской Руси. К северу от села, в 2 км от него, на высокой и очень крутой горе (около 100 м над уровнем реки) расположено древнее городище, состоящее из двух частей. Меньшая часть городища имеет форму вытянутого по оси ВЗ овала с несколько расширяющимся западным концом, к которому за рвом, несколько под углом, примыкает вытянутая по оси СЮ площадь второй напольной части городища (рис. 1). Площадь меньшей части городища 130×50 м, площадь большей, напольной части 180×80 м. Так как площадь городища сильно распахана, валы изнутри городища почти сравнены. Снаружи остатки валов просле-

живаются довольно ясно. Местное население называет городище «Городками Зарубскими» и связывает его с древним городом, который по одной традиции носит имя «Сурмы», по другой «Трубы». Некоторые жители окрестных сел и, в частности, крестьяне с. Зарубинцы, иногда называют этот город летописным именем Заруб. Никаких раскопок на городище никогда не производилось. Подъемный материал дает в изобилии керамику корчеватовско-зарубинского типа, а также керамику эпохи бронзы и скифскую.

У подножья городища в хорошо защищенной котловине, открытой к берегу Днепра, на высоте 10—15 м над уровнем реки расположено урочище, издавна носящее название «Церковщина» или «Церковище». В этом месте горный хребет, который тянется вдоль правого берега Днепра, достигая здесь исключительной высоты и представляя порой совершенно отвесную стену, прорезанную изредка небольшими балками, несколько отступает от Днепра, а затем вновь возвращается к берегу, образуя, таким образом, небольшую котловину, обрамленную почти отвесными обрывами горы (рис. 2).

Урочище это привлекало внимание археологов уже давно. В конце 80-х годов прошлого столетия небольшие разведочные шурфы здесь произвел Н. Ф. Беляшевский.[1] Не обратив никакого внимания на верхнее городище, Н. Ф. Беляшевский сосредоточил свои поиски в котловине, носившей название «Церковище».

В центре этой котловины, на значительной высоте над уровнем реки, по мнению Беляшевского, и было расположено древнее городище. Северо-западной стороной оно, по его мнению, примыкало к возвышенности, а юго-восточной, постепенно понижаясь, спускалось к берегу Днепра. С юго-восточной стороны «городище» было окружено рвом, глубина которого в хорошо сохранившихся частях достигала 3—4 м; местами ров почти совсем оплыл и изгладился. Огибая городище со стороны реки, этот ров упирался некогда в почти отвесные стенки котловины. За рвом Беляшевский описывал небольшой вал, высота которого доходила местами до 2.5—3 м. Понижающаяся к берегу Днепра местность, расположенная за рвом и валом городища, в свою очередь обрамлена валом, который также упирался своими двумя концами в боковые стенки котловины.[2]

Особое внимание исследователя привлек один из многих бугров, которыми была покрыта площадь котловины. Весь бугор, по свидетельству Беляшевского, состоял из извести, валунов различной величины, покрытых известкой, и многочисленных обломков кирпичей, также нередко покрытых известкой. Кирпичи по размерам и форме автор считал схожими с кирпичами из киевских построек «великокняжеского времени» — они в основном тонкие, хотя толщина их различна: $^5/_8$, $^6/_8$, 1 и $1^1/_4$ вершка. Ширина кирпича $3^1/_2$ в., длина же не могла быть установлена ввиду фрагментарности находок. Н. Ф. Беляшевский утверждал, однако, что в отличие от кирпичей киевских великокняжеских построек, кирпичи, найденные в Церковище, были не квадратные. Наряду с остатками строительных материалов в большом количестве попадались фрагменты штукатурки, покрытой фресковой росписью. Преобладали фрагменты коричнево-красного цвета, но встречались и серовато-голубые, желтые, белые, зеленые и розовые. На многих кусках были видны остатки орнамента; так, коричнево-красное поле окаймлено черной полосой; серовато-голубое — двумя полосами: белой и коричнево-красной.

---

[1] Н. Ф. Беляшевский. Церковище возле дер. Монастырек Каневского уезда Киевской губ. Киевская Старина, т. XXIV, 1889, январь, стр. 210—213.

[2] Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 210—211.

Нередко на белом фоне сделан орнамент в виде серых полуколец или колец; такой же фон окаймлен оранжево-красными полосами под прямым углом; на белом же фоне встречались бледнозеленые и красные полосы [«мраморировка»(?). — *М. К.*].

Кроме фрагментов фресок, были найдены куски поливных плиток: один с зеленой поливой, другой — с коричневой. Форма плиток квадратная ($4^1/_2 \times 4^1/_2$ в.), толщина ½ в. Многочисленные находки обломков керамики, в частности амфорного типа, стекла и других предметов позволяли отнести урочище к «великокняжескому времени».[1]

Несмотря на незначительность площади разведки (раскоп представлял яму диаметром 1 арш., на глубину ½ арш.), можно было несомненно считать, что в котловине сохранились развалины кирпичной постройки,

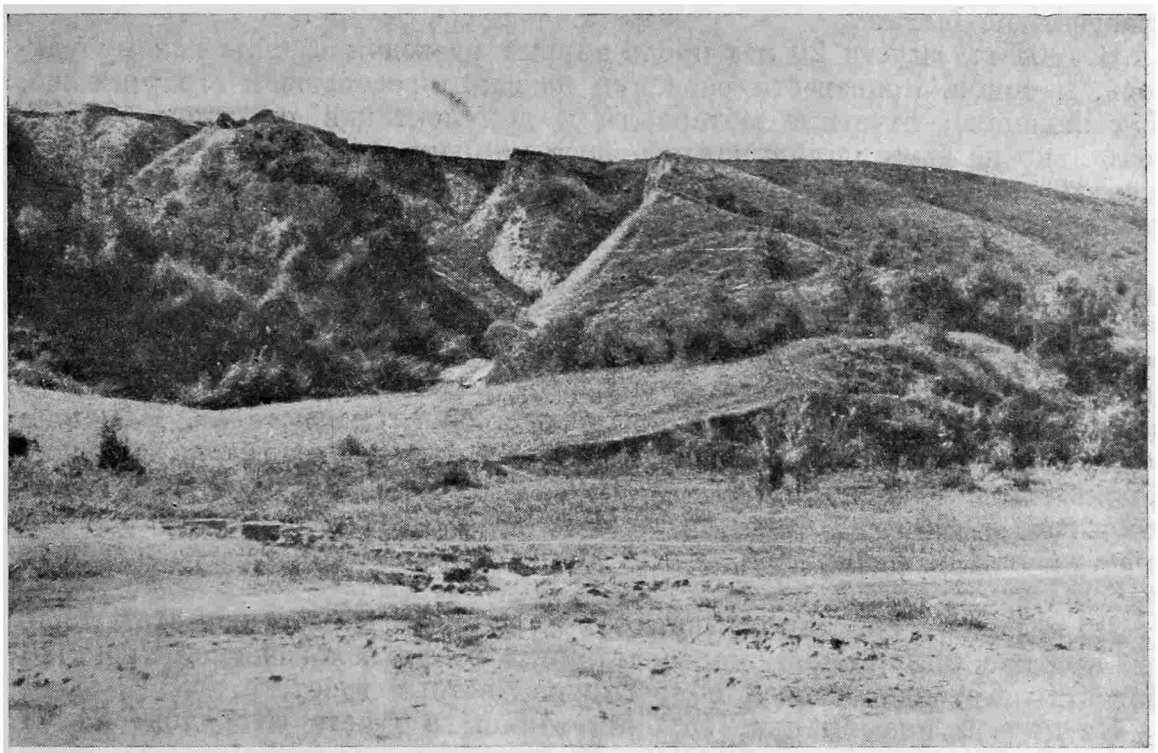

Рис. 2. Общий вид урочища Церковище.

декорированной фресковой росписью и поливными майоликовыми плитками. Бытующее название этой местности «Церковище» позволяло предполагать, что превратившаяся в руины древняя постройка была храмом. «Городище» в котловине Беляшевский отнес к «княжеской эпохе».[2]

Опубликованные в «Киевской Старине» наблюдения Н. Ф. Беляшевского редакция журнала сопроводила заметкой П. Л[ебединцева], который, связав описанное выше урочище с рядом летописных известий, отожествил его с древним городом Заруб.[3]

В те же годы Беляшевский обратил внимание на остатки «какого-то старинного укрепления», сохранившиеся несколько севернее Церковища, у дер. Монастырек, на берегу Днепра. Развалины эти состояли, по его словам, из нескольких рядов огромных валунов, наваленных один

[1] Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 211—212.
[2] Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 213.
[3] П. Л[е б е д и н ц е в]. К статье г. Беляшевского «Церковище возле дер. Монастырек Каневского уезда Киевской губ.». Киевская Старина, т. XXIV, 1889, январь, стр. 213—217.

на другой, промежутки между которыми были заполнены мусором и тонким кирпичом, тожественным с найденным на Церковище. По словам исследователя, под слоями валунов обнаруживался могильник, костп из которого выпадали и скатывались на берег.[1]

II

В 1901 г. Н. Ф. Беляшевский, судя по его заявлению в Археологическую комиссию от 17 V 1901, предполагал произвести на урочище Церковище раскопки, для чего Комиссией ему был выслан открытый лист на производство раскопок и перевод на 200 руб.[2] Однако письмом от 19 X того же года Беляшевский сообщил, что вследствие позднего получения денег и за отсутствием свободного времени раскопки им произведены не были.[3]

В 1907 г., спустя 20 лет после первых разведок, Беляшевскому удалось, наконец, произвести раскопки на заинтересовавшем его урочище. К сожалению, отчетные материалы и документация раскопок 1907 г. не только не были опубликованы, но и не были присланы в Археологическую комиссию, от которой исследователь получил открытый лист на производство раскопок.

В архиве Археологической комиссии сохранилось ходатайство Беляшевского от 22 III 1907 г. о выдаче ему открытого листа на производство раскопок на крестьянских землях у с. Трактомирова и д. Монастырек Каневского у. Киевской губ. По заявлению Беляшевского, раскопки должны были производиться «с целью открытия фундамента Зарубского монастыря, уничтоженного во время татарского нашествия». Раскопки должны были производиться за собственный счет исследователя; находки Беляшевский просил предоставить Киевскому музею. В деле есть копия открытого листа, выданного 16 IV 1907 (№ 458) на раскопки в пределах окрестностей с. Трактомирова и д. Монастырек, но отчета о произведенных раскопках нет.[4]

До недавнего времени о раскопках на Церковище были известны лишь две краткие информации, перепечатанные в «Археологической хронике» Известий Археологической комиссии из местных газет.

Из первой информации, опубликованной в газете «Подолия» 21 VI 1907 (№ 137), можно понять, что раскопки, начатые 15 июня в урочище Церковище, имели задачей «установить положение, а если возможно, то и форму постройки упоминаемого в летописи Зарубского монастыря». Уже первый день раскопок, по словам корреспондента, показал, что на урочище Церковище находился «обширный каменный храм»; были открыты части фундамента церкви, сложенного из камня; среди обломков найдены многочисленные куски штукатурки с остатками фресковой росписи, повидимому части сосудов-голосников, глазурованные плитки от пола, обломки оконного стекла и т. д.[5]

Более значительные данные можно почерпнуть из газеты «Киевские вести» от 27 VI 1907 (№ 16). Подводя итоги первой недели раскопочных работ, корреспондент сообщал (повидимому, со слов исследователя) об открытии всего фундамента с остатками стен существовавшей здесь в дотатарскую эпоху церкви Зарубского монастыря. «Церковь была небольших размеров: в длину 21, в ширину 16 м; сложена из типичных

---

[1] Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 213.
[2] Архив ИИМК АН СССР. Фонд Арх. ком., дело № 91/1901 г.
[3] Там же.
[4] Там же, д. № 31/1907 г.
[5] ИАК, Приб. к вып. 22, СПб., 1907, стр. 18.

для той эпохи тонких кирпичей-плиток; посреди церкви открыты части четырех массивных колонн [*ИМ. К.*], поддерживавших купол, восточная алтарная стена, состоящая из трех полукружий, большего по средине и меньших по бокам; в северо-западном углу церкви открыт погребальный склеп, прикрытый большой шиферной плитой».[1]

Раскопанный в 1907 г. памятник, представлявший, судя по приведенному описанию, редкий в зодчестве Киева и Киевской земли образец небольшого четырехстолпного храма, остался совершенно неизвестным для историков древнерусского зодчества, если не считать беглого упоминания о нем в Путеводителе по Киеву К. Шероцкого.[2]

III

Мое первое знакомство с описанным выше урочищем относится к 1923 г. Посещение Церковища — с задачей ознакомления с руинами храма, раскопанного Беляшевским, — вызвало, однако, большое разочарование. На месте раскопанного храма не было видно ни малейших остатков древнего здания, если не считать куч щебня, покрывавших всю площадь холма, густо заросшего кустарником. Глубокий котлован на месте храма со следами рвов свидетельствовал о последовавшем за раскопками расхищении остатков древнего здания.

Поиски отчетных материалов Беляшевского, предпринятые мною в киевских, переяславских и ленинградских архивах, также оставались долгое время безуспешными. Однако убеждение в крупном научном значении раскопанного в 1907 г. памятника и уверенность в том, что большие работы, проведенные по его изучению в сравнительно недавнее время, не могли не оставить каких-либо следов, вдохновляли на новые и новые поиски в самых различных направлениях.

Первый след разыскиваемого памятника обнаружился, как это часто бывает, там, где меньше всего его можно было ожидать. В приобретенной мною несколько лет назад коллекции фотографий, связанных с реставрационными работами по Кирилло-Белозерскому монастырю, совершенно неожиданно удалось обнаружить несколько неаннотированных фотографий, в которых не без труда можно было узнать Церковище на Днепре. Фотографии фиксировали какое-то варварское разрушение памятника, с целью, которая не оставляла сомнений: на берегу Днепра лежали горы заготовленного к дальнейшей отправке бутового камня (рис. 3—4). Безусловное сходство всего окружавшего пейзажа с характером местности, где расположено Церковище, нарушалось только наличием деревянного моста через Днепр, которого на этом месте не было в 1923 г., нет его и теперь. Мост этот послужил направляющим указанием для дальнейших поисков.

Дальнейшие разыскания привели к совершенно неожиданным и, к сожалению, очень печальным для памятника документам, обнаруженным мною в архиве Археологической комиссии.[3] Из официальной переписки выяснились следующие обстоятельства. Весной 1916 г. в разгар империалистической войны военное министерство приступило к постройке временного моста через Днепр, расположенного несколько южнее развалин Зарубского монастыря. Необходимый для строительства камень подвозился специальными баржами из расположенных поблизости каменоломен. Однако вскоре помощник начальника строительства инженер

---

[1] Там же, стр. 18.
[2] К. Шероцкий. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 345.
[3] Архив ИИМК АН СССР. Фонд Арх. ком., д. № 73/1916 г.

Андреев обнаружил в полосе отчуждения, т. е. почти непосредственно на строительной площадке, вскрытые раскопками 1907 г. развалины древнего храма. Остатки кирпичных стен храма и особенно каменная кладка его фундаментов были разбиты, «вычищены» из рвов, свалены под откос на берег и увезены на постройку.

29 апреля 1916 г. Археологическая комиссия была извещена телеграммой хранителя Полтавского музея Щербаковского об «открытии» фундаментов древнего храма и четырех шиферных гробниц, а также

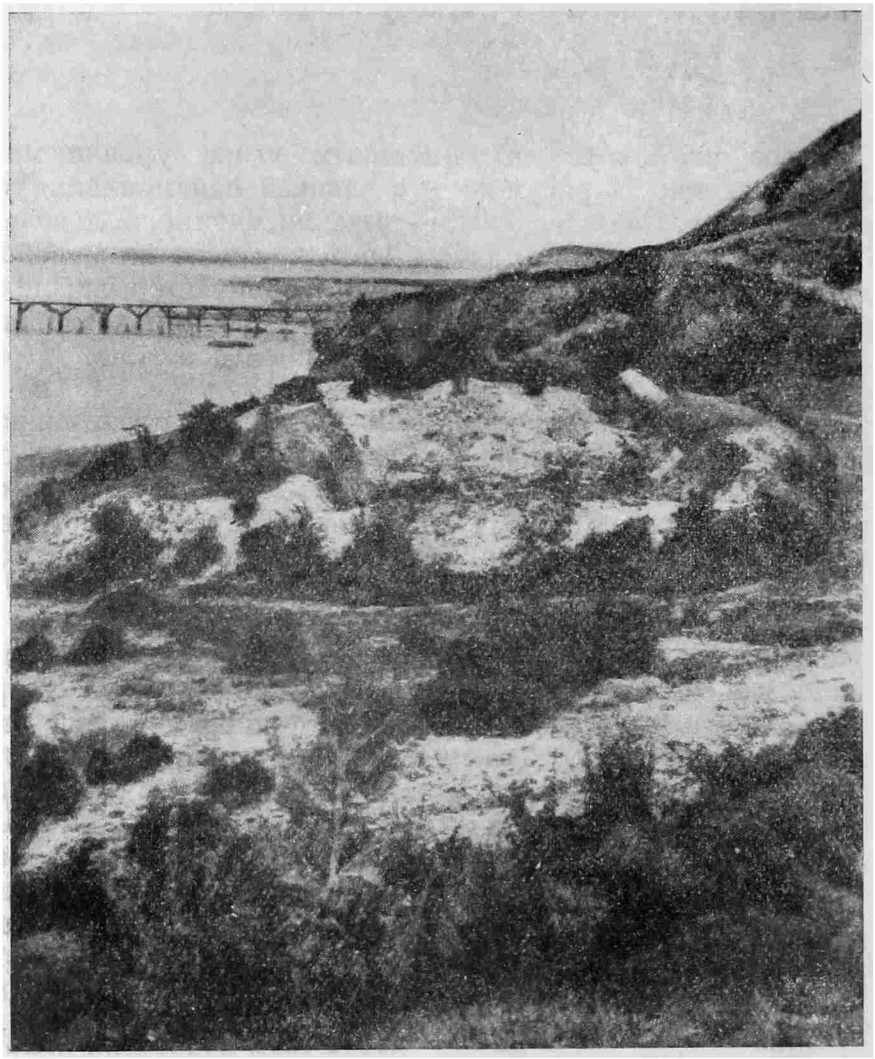

Рис. 3. Общий вид развалин Зарубского монастыря после выборки фундаментов в 1916 г.

об употреблении части фундаментов на постройку моста и угрозе полного уничтожения памятника. Ходатайство Археологической комиссии о принятии мер охраны памятника было получено полтавским губернатором, когда на месте древних развалин остались лишь рвы от выбранной дочиста кладки фундаментов.

Два месяца спустя сообщение о разрушении развалин Зарубского монастыря стало известно в Киеве. Командированные Киевским обществом охраны памятников старины и искусства члены общества В. П. Пещанский и А. Д. Эртель обследовали состояние разрушенного памятника, произвели обмеры и фотографирование. Обстоятельный отчет

о их поездке с приложением плана развалин сохранился в указанном «деле» Археологической комиссии. Несомненно во время этой же поездки были сделаны упомянутые выше фотографии, на которых есть дата «1916 г.».

Необходимо отметить, что названные авторы имели весьма смутное представление о раскопках, произведенных здесь в 1907 г.; во вся-

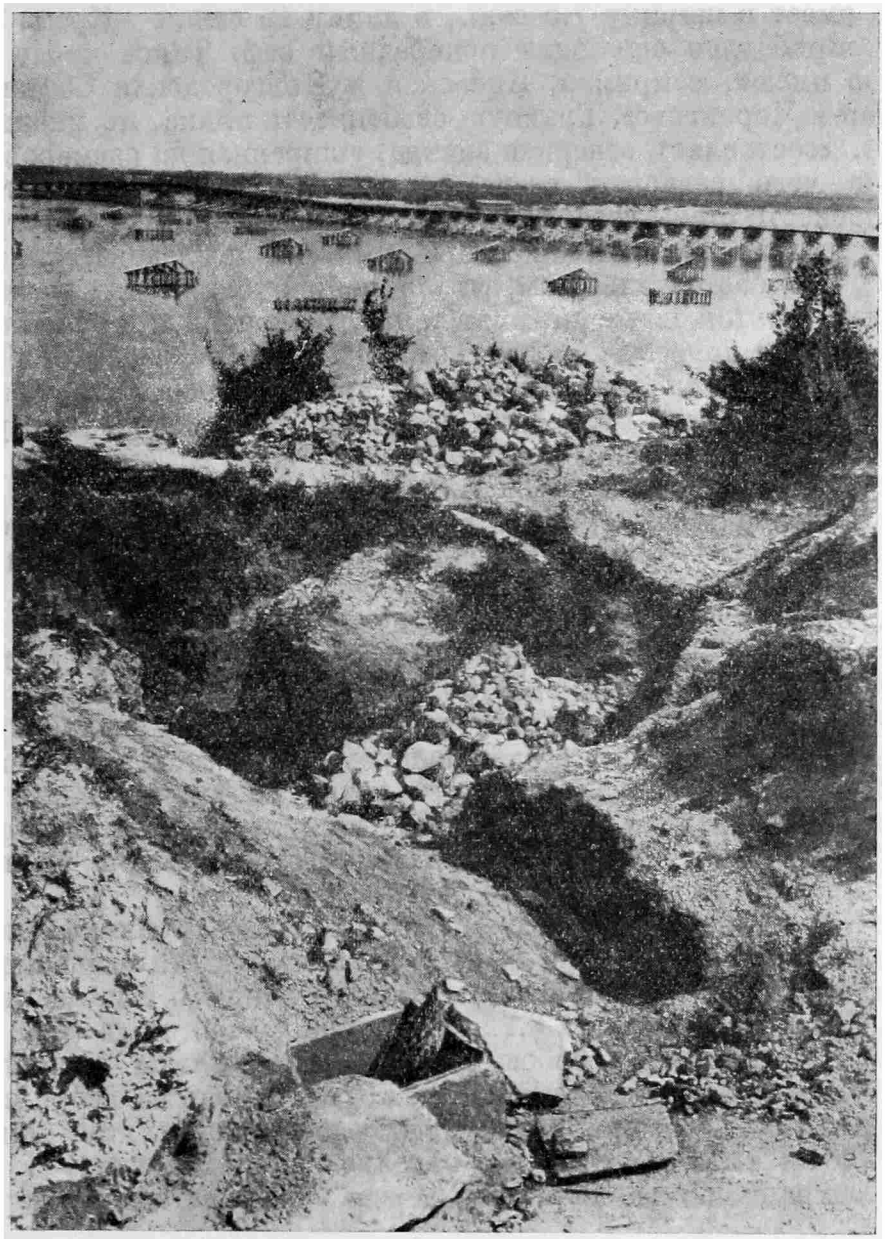

Рис. 4. Рвы от фундаментов храма и шиферная гробница в 1916 г.

ком случае, план раскопанного Беляшевским храма и характер его раскопок были им неизвестны. Раскопки, по их мнению, были произведены в 1905 г., по одним сведениям В. Б. Антоновичем, по другим Н. Ф. Беляшевским, на средства, предоставленные Киевским генерал-губернатором Сухомлиновым.

«Раскопки 1905 г., — говорится в отчете, — очевидно, имевшие задачей находку вещей, обнаружили и, быть может, вскрыли, до известной степени, стены древней церкви византийского типа, но ими далеко не был

установлен весь план церкви и, несомненно, не были обследованы ни уцелевшие части стен, ни фундаменты». Подтверждение этого предположения авторы отчета видели в том, что «земля, вырытая из канав в западной части храма, была свалена на оставшуюся тогда не вскрытой и самую важную часть храма — восточную».

План храма, выясненный обмерами канав, оставшихся от фундаментов (рис. 5), Пещанский и Эртель характеризуют следующими словами: «Церковь имеет в ширину 7.5 саж., в длину 15 саж. Кроме обычного нартекса, прибавлен еще один поперечный неф. Такое число поперечных нефов имеют, например, Киевская и Новгородская София и Спасский собор в Чернигове». Главную особенность плана, по мнению исследователей, «составляет северная апсида, уширенная до размеров главной, вследствие чего северная стена ее на 1.5 саж. выступает относительно плоскости стены северного нефа». Особенность эту, не встречаемую в других храмах великокняжеского времени, исследователи пытались объяснить тем обстоятельством, что в церкви ближе к северной стене был найден остаток шиферной гробницы, обложенной кирпичной кладкой с остатками погребения, для которого было устроено особое место, причем, в противоположность двум другим гробницам, найденным в храме ниже уровня пола, эта гробница расположена поверх пола. Исследователи высказывали предположение, что в описываемой гробнице было погребено особо почитаемое лицо. При постройке церкви, дабы это особо почитаемое погребение оставить на месте и сделать доступным поклонению, было сделано указанное отклонение от традиционного плана.

По мнению авторов отчета, восточная половина церкви (главная и южная апсиды) надежно скрыта под землей, частью нетронутой, а частью заваленной раскопками 1905 г. Исследование кирпича, раствора и сохранившейся местами кладки стен и фундаментов здания приводили их к выводу, высказанному с большой уверенностью, о датировке развалин храма XII в. Подкрепление этой даты они видели также в отсутствии под фундаментами здания деревянных лежней, характерных для киевских построек X—XI вв. и «в бóльшей свободе в плане, сравнительно со зданиями чисто византийскими XI в.».

Из отчета видно, что кроме описанной выше гробницы, найденной у северной стены здания (рис. 5, *3*), в восточной части развалин (авторы отчета называют ее «алтарной частью») были найдены еще две шиферные гробницы, расположенные на 0.25 саж. ниже уровня пола (рис. 5, *1*, *2*). Гробница *1* представляла собою две шиферных плиты длиной 1.89 м, высотой 0.44 м и толщиной 0.7—0.8 м, поставленных на ребро на землю, на расстоянии 0.42 м и прикрытых сверху шиферной плитой (длина 1.89, ширина 0.76 и толщина 0.11 м), образуя ящик без дна, в который, судя по сохранившимся остаткам дерева, был вставлен деревянный гроб.

Гробница *2* отличалась от первой лишь тем, что у нее имелось и дно, — шиферная плита, концы которой на несколько сантиметров выступали из края вертикальных боковых плит. По концам вертикальных плит в обеих гробницах просечены пазы, в которые были задвинуты квадратные шиферные плиты соответствующих размеров, образующие поперечные стенки гробниц.

К моменту обследования в гробницах ничего, кроме отдельных костей и кусков дерева, не было. По словам местного крестьянина, при обнаружении гробниц в одной из них был найден «якийсь обруч из бляшок». Очевидцы сообщали также о том, что при «раскопках» инженера Андреева было обнаружено много других погребений и что кости из них были раз-

бросаны, а черепа унесены посетителями, в том числе какими-то «студентами из Киева».

Авторы отчета утверждали, что ими «подмечены достаточно определенные признаки возможности существования вблизи церкви под землей других служебных строений».

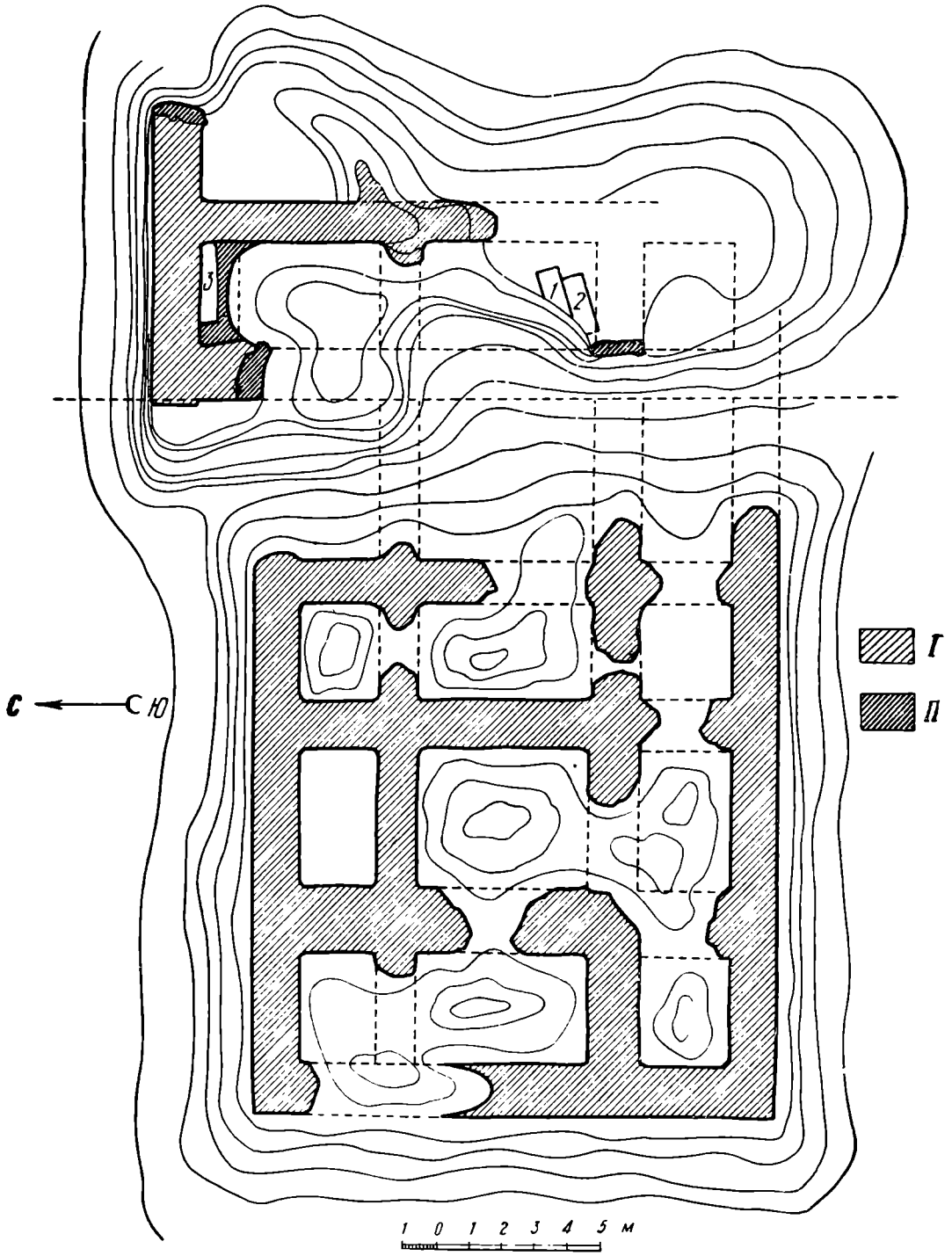

Рис. 5. План рвов от фундаментов Зарубского монастыря (по обмерам В. Пещанского и А. Эртеля 1916 г.).

I — фундаментные рвы с уничтоженной кладкой; *II* — сохранившаяся кладка стен; *1, 2* — шиферные гробницы; *3* — остатки шиферной гробницы, обложенной кирпичной кладкой.

Несмотря на значительный интерес обнаруженного в делах Археологической комиссии плана развалин, исполненного по обмерам 1916 г.

и фотографий того же времени, восстановить по этим материалам характер раскопанного в 1907 г. храма все же было весьма затруднительно.

Необходимо прежде всего отметить, что интерпретацию плана, предложенную его авторами, нельзя ни в коем случае признать удовлетворительной, доверяя в то же время точности самих обмеров. Восточную часть развалин, несмотря на то, что она вскрыта лишь частично, нельзя, на мой взгляд, представлять в качестве алтарной части храма не только потому, что северная ее стена выступает за линию северной стены западной части храма (объяснение этого обстоятельства, предложенное авторами отчета, слишком натянуто и мало убедительно), а и по соображениям гораздо более существенным. План здания в целом, если принять за основу соображения авторов отчета, представлял бы совершенно не имеющую прецедентов в русском зодчестве X—XIII вв. композицию из дважды повторенных в среднем нефе здания квадратных членений, чередующихся с трижды повторенными прямоугольными членениями, вытянутыми по оси *С—Ю*. Сравнение этого плана с планами пятинефных храмов XI в. (Киевская и Новгородская София) вообще неуместно, но если даже и прибегать к нему, то все же и в названных памятниках квадратных в плане членений в западных частях среднего нефа никогда не было и быть не могло.

Местоположение двух саркофагов в восточном членении среднего нефа также решительно противоречит трактовке этой части здания как алтарной. Нельзя же думать, что саркофаги были установлены в главном алтаре храма. Трактовка развалин, раскопанных Беляшевским, как храма, имевшего по меньшей мере восемь столбов, явно противоречит к тому же приведенным выше информациям о раскопках, где речь идет о четырехстолпном храме.

Все эти соображения приводят к выводу о том, что нераскопанную и неразрушенную в 1916 г. восточную часть развалин ни в коем случае нельзя считать алтарной частью раскопанного Беляшевским храма. Стало ясно, что для окончательного суждения о последнем план Эртеля и Пещанского, зафиксировавших жалкие остатки памятника после варварского его разрушения, давал недостаточные данные. Учитывая невозможность повторных раскопок, ввиду полного разрушения памятника, приходилось вновь возвращаться к старой задаче — поискам отчетной документации раскопок Беляшевского.

Несколько лет тому назад в собрание чертежей Киевского Софийского архитектурного заповедника из частного архива поступили различные материалы, среди которых оказался план развалин малого Зарубского храма, исполненный непосредственно после окончания раскопок 1907 г. План этот представляет если не последнее, то во всяком случае самое важное звено для характеристики раскопанного Беляшевским храма.[1]

План этот (рис. 6) полностью подтвердил выводы, сделанные на основе изучения плана 1916 г. Западная часть развалин, уничтоженная в 1916 г., оказалась, как это и высказано выше, остатками стен и фундаментов небольшого четырехстолпного трехапсидного храма с характерными и типичными для зодчества XII в. пропорциями основных членений и, к тому же, сохранившими некоторые любопытные архитектурные особенности.

К числу этих особенностей нужно отнести пустотелые полуколонны на фасадах храма, к тому же (если доверять точности наблюдений при расчистке и фиксации) приставленные не к лопаткам, как обычно, а непосредственно к плоскости фасадов. Пустотелые полуколонны не являются

[1] Выражаю благодарность дирекции Софийского архитектурного заповедника Академии архитектуры УССР за предоставление фотографии с этого плана.

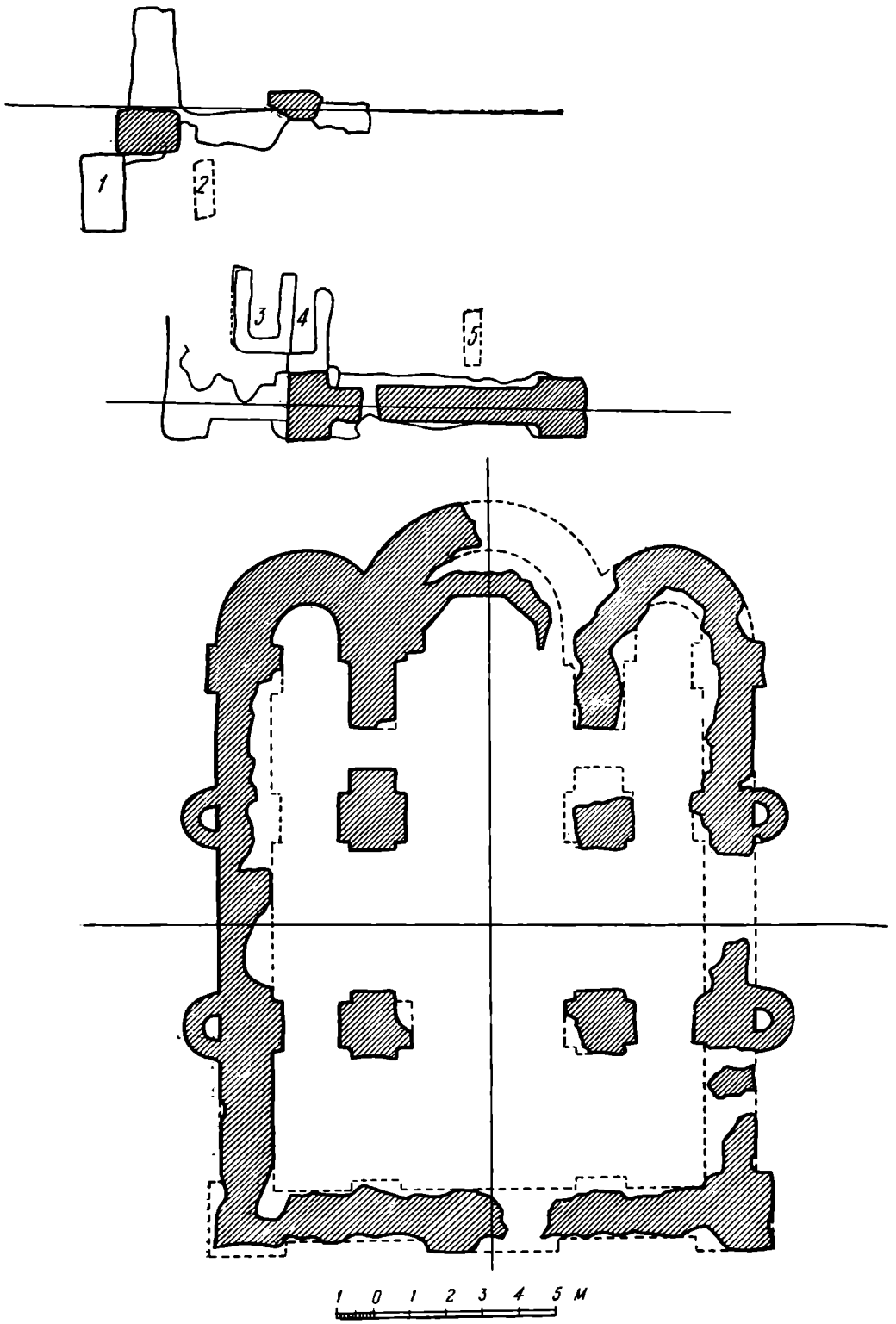

Рис. 6. План малого храма Зарубского монастыря (по обмерам 1907 г.).
1, 2, 3, 4, 5 — погребения.

для киевского зодчества конца XII в. полной неожиданностью. Подобные полуколонны были (до разборки храма) на северной стене известной киевской церкви Василия (Трехсвятительской), выстроенной в конце XII в.[1] Заслуживает также внимания своеобразная трапециевидная форма скамьи в средней апсиде храма.

По вопросу о дате раскопанного Беляшевским храма существуют различные точки зрения. Сам исследователь, если доверять писавшим с его слов корреспондентам, выдвигал лишь весьма общую датировку, относя храм к «дотатарскому времени». А. Д. Эртель и В. П. Пещанский уверенно относили постройку к XII в. К. Шероцкий столь же уверенно относил ее к XI в.

Полное отсутствие каких-либо описаний и, тем более, графической фиксации типа кладки стен разрушенного храма, затрудняют уточнение датировки памятника. Что касается плана здания, то он ближе всего к плану известной киевской церкви Василия, выстроенной, повидимому, в 1184 г. Близость этих памятников усугубляется не только сходством декоративных приемов членения фасадов полуколоннами, но и размещением этих полуколонн только в средних членениях северного и южного фасадов обоих храмов. Выше уже отмечалась и общность технического решения в применении в обеих постройках пустотелых полуколонн.

IV

Для решения вопроса о том, что представляла собой постройка, внутри которой еще раскопками Беляшевского в 1907 г., а не в 1916 г., как предполагали Пещанский и Эртель, были открыты три шиферных саркофага, один из которых был обложен кирпичной кладкой, необходимы были новые раскопки широкой площадью к востоку от апсид раскопанного Беляшевским храма. Судя по плану Беляшевского, небольшие раскопки к востоку от апсид храма были осуществлены еще в 1907 г., но они раскрыли лишь незначительные части стен какого-то здания, общий характер которого остался невыясненным. На одной из фотографий 1916 г. видно, что кладка стены (подле саркофагов), сохранившаяся на довольно значительную высоту, уходит в нераскопанную толщу культурного слоя, состоящего в основном из строительных остатков (рис. 7). Нельзя не обратить внимания на то, что кладка эта, представляющая чередование рядов камня и плоского кирпича, отнюдь не позволяет отнести эту часть руин ко времени позже конца XI или самого начала XII в. Если малый четырехстолпный храм был выстроен, как и его аналог — церковь Василия — в конце XII в., то приходится сделать вывод, что он был выстроен поблизости от более древней постройки, назначение которой предстояло выяснить новыми раскопками.

Наличие на площади холма Церковище многочисленных остатков строительных материалов и общий рельеф участка не оставляли сомнений в том, что раскопанный в 1907 г. храм и частично вскрытая теми же раскопками более древняя постройка не исчерпывают архитектурных остатков этого интереснейшего урочища.

Новую попытку раскрыть развалины здания, сохранившегося к востоку от малого храма, произвел тот же Н. Ф. Беляшевский, при участии И. В. Моргилевского, в 1918 г.[2] Раскопками были открыты три погребе-

[1] Д. В. Айналов. Искусство Киевского периода. История русской литературы, т. I, изд. АН СССР, стр. 32.

[2] Единственной информацией об этих раскопках является заметка «Розкопки в Зарубському монастирі», напечатанная в хронике журнала «Наше минуле», ч. 2, Киев, 1918, стр. 200—201.

ния и «фундаменты нескольких стен древней кладки», «назначение которых нельзя было точно понять». Судя по тому, что «стены были обнаружены вокруг погребений», на стенах и возле них найдены остатки фресковой росписи, исследователи делали вывод, что развалины представляют «остатки постройки, предназначенной для погребений, — склепа, или

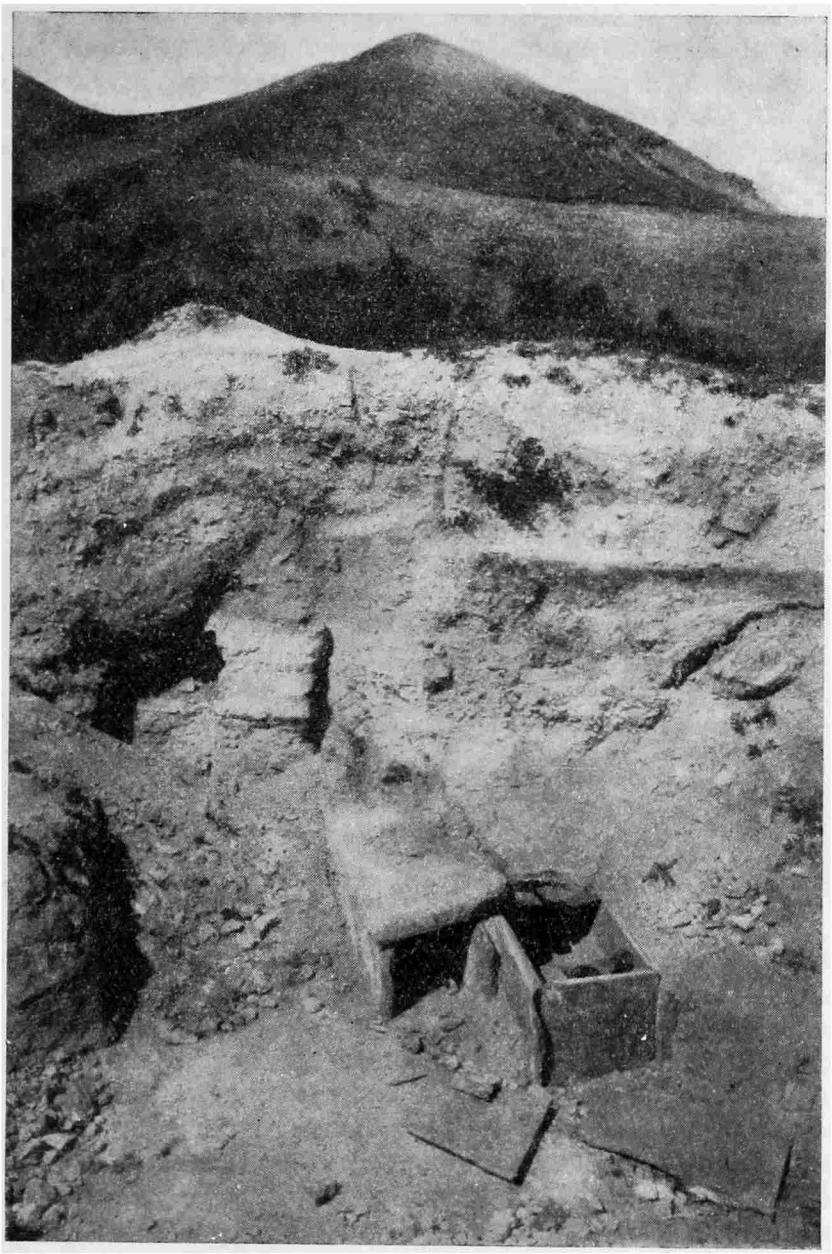

Рис. 7. Часть кладки и шиферные саркофаги (1916 г.).

подвала церкви». Глубина фундаментов, техника кладки и техника фресковой росписи приводили к выводу, что постройка относится приблизительно к тому же времени, как и малая церковь, раскопанная в 1907 г.

V

В августе—сентябре 1948 г., спустя 25 лет после первого посещения Церковища, мне удалось провести здесь археологические раскопки разведочного характера, результаты которых, несмотря на сравнительно

небольшой объем проведенных работ, внесли много нового в понимание памятников Зарубинского района, в частности раскопками были вскрыты, хотя неполностью, развалины большого храма Зарубского монастыря. Раскопки этого храма были завершены полностью в июле—августе 1949 г.[1]

Прежде чем обратиться к результатам раскопок на Церковище, необходимо отметить, что разведочные раскопки на территории верхнего городища позволили решительно отвергнуть мысль о связи этого городища с известным по летописным свидетельствам городом Заруб. Городище над развалинами Зарубского монастыря, в эпоху жизни монастыря (XI—XIII вв.), было уже давно заброшено и забыто. Среди многочисленных находок на городище нет ни одной, которую можно было бы связать с культурой Киевской Руси X—XIII вв.

Фрагменты керамики, найденные при раскопках на городище в огромном количестве, относятся к трем периодам. Наиболее значительную часть составляют фрагменты грубых лепных толстостенных сосудов большого размера, которые по форме и керамической технике можно ближайшим образом сопоставить с керамикой Зарубинского и Корчеватовского могильников. К этой же эпохе, повидимому, нужно отнести и сравнительно немногочисленные фрагменты черной лощеной посуды.

Наряду с этим на городище встречена керамика скифского времени и еще более ранняя — богато орнаментированная керамика эпохи бронзы.

Все это заставляет отнести городище, расположенное на горе над развалинами Зарубского монастыря, к значительно более древнему времени, чем это принято было думать, и решительно отвергнуть мысль о связи этого поселения с летописным городом Заруб, охранявшим в XI—XIII вв. переправу через Днепр в Левобережье. Для более обстоятельной характеристики многовековой истории этого поселения мы располагаем пока слишком недостаточными данными. Разведочные раскопки 1948 г. позволяют, однако, уверенно исключить названное городище из числа памятников киевской культуры домонгольского периода.

Вместе с тем результаты разведок 1948 г. ставят исследователей культуры Киевской Руси перед необходимостью дальнейших поисков действительных остатков исторического Заруба. Путь к решению этой задачи был лишь предварительно намечен работами экспедиции 1948—1949 гг. Поиски развалин города Заруб привели к обнаружению нескольких городищ значительно южнее развалин Зарубского монастыря, близ ныне существующего села Зарубинцы. Одно из них, находящееся в непосредственной близости к селу, на высокой неприступной Батуровой горе, господствующей над рекой (рис. 8), расположено к тому же напротив древнего городища, находящегося на левом берегу Днепра у впадения реки Трубеж. Это последнее городище, повидимому, является остатком известного по русским летописям города Устье, который должен был охранять с противоположного берега тот же Днепровский брод. Раскопки Зарубского городища, к сожалению крайне разрушенного, стоят в плане работ Киевской экспедиции ближайших лет.

---

[1] В раскопках, проведенных Киевской археологической экспедицией АН СССР и АН УССР под руководством автора, принимали участие: в 1948 г. — аспирант Института им. И. Е. Репина АХ СССР М. В. Малевская, архитектор Е. М. Лавровская, студенты-практиканты Ленинградского Гос. университета и Института им. И. Е. Репина: Э. Д. Добровольская, Р. Ш. Левина, Е. Ляшенко, М. Д. Малченко, Л. Р. Никифорова, Е. Г. Сидоренко, Е. В. Федоровская, В. В. Фролова, Т. А. Шубникова; в 1949 г. — мл. научн. сотр. ЛОИИМК П. А. Раппопорт, ст. лаборант ЛОИИМК М. Г. Агаронян, лаборанты Л. Е. Ковалевская, Р. Ш. Левина, студенты-практиканты ЛГУ и Института им. И. Е. Репина, А. Н. Кирпичников, Е. Ляшенко, М. Д. Малченко, А. Плешкова, Е. Г. Сидоренко, В. В. Фролова, Т. А. Шубникова.

Основная задача раскопок 1948—1949 гг. заключалась в выяснении ряда вопросов, связанных с развалинами Зарубского монастыря. Выше уже отмечалось, что в непосредственной близости от раскопанных в 1907 г. развалин четырехстолпного храма, к востоку от его апсид, сохранились остатки какого-то другого древнего сооружения. Оно было частично вскрыто в 1907 г. раскопками Н. Ф. Беляшевского, но оставлено последним без внимания, вновь обнаружено после разрушения развалин раскопанного храма в 1916 г. и тогда ошибочно понято как часть развалин малого храма и, наконец, подверглось новым частичным раскопкам в 1918 г., однако и на этот раз безуспешно. Открыв отдельные части фундамента этого сооружения, исследователи не смогли даже определить общий характер и назначение сооружения.

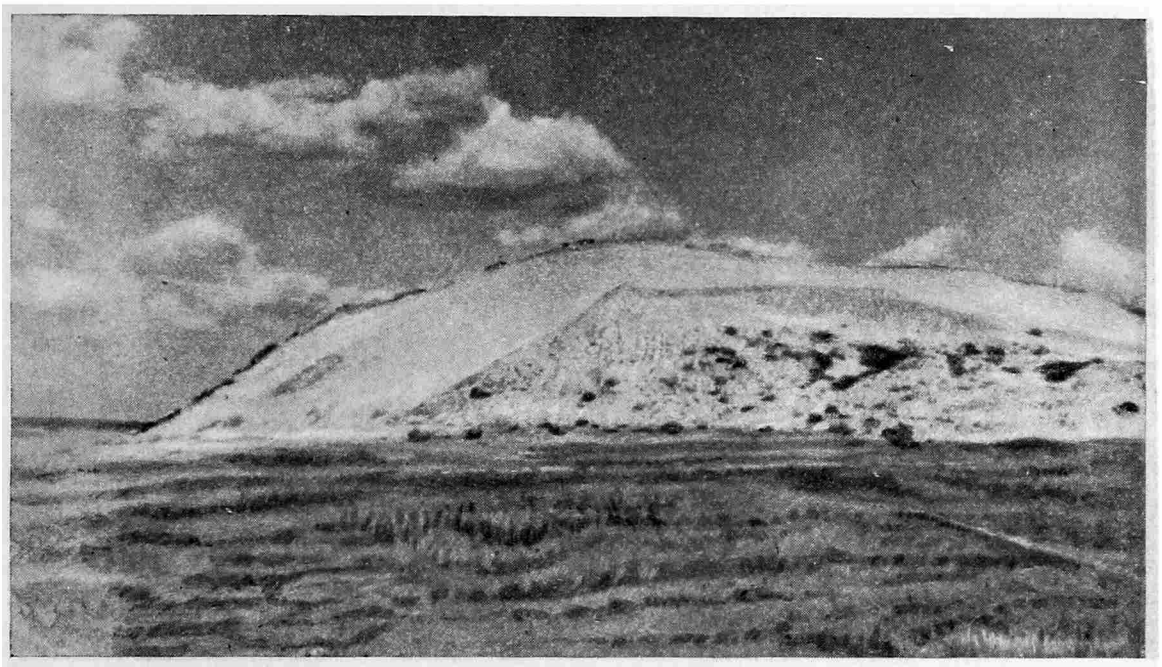

Рис. 8. Городище на Батуровой горе.

После раскопок 1918 г. это загадочное и в основной части еще нераскопанное сооружение постигла участь развалин малого храма Зарубского монастыря. Неизвестно, когда и кем бутовая кладка фундамента этого сооружения, повидимому оставленного после частичных раскопок 1918 г. незасыпанным, была использована в качестве строительного материала.

К началу наших раскопок холм Церковище представлял в западной его части глубокий котлован, образовавшийся от выемки фундаментов малого храма. Несмотря на то, что рвы от фундаментов этого храма несколько заплыли и покрылись густыми зарослями, основные линии фундаментных рвов прослеживаются и сейчас еще достаточно ясно.

Восточная часть холма также покрыта густо разросшимся кустарником (рис. 9). В западной половине ее в непосредственном соседстве с котлованом от малого храма, т. е. как раз на том месте, где были обнаружены западные части второй постройки, находится сейчас глубокий котлован. В отличие от котлована малого храма, где хорошо прослеживаются фундаментные рвы, котлован в западной половине восточной части холма имеет форму прямоугольной ямы (11×15 м). Выемка бутовой кладки здесь производилась не по трассе рвов, а сплошным котлованом. Поверхность восточной половины восточной части холма покрыта грудами мелкого щебня, выброшенного сюда при работах в западной половине.

Считая западную половину восточной части холма безнадежно испорченной глубоким котлованом, мы начали раскопки в восточной половине холма. Под мощным завалом строительного щебня, толщина которого достигала порой 0.60—1.50 м, в первые же дни работ удалось обнаружить остатки древнего пола здания, представлявшего известковую заливку, положенную непосредственно на материковый грунт. Местами в заливке сохранились in situ керамические плитки квадратной формы (0.19× ×0.19×0.025 м), покрытые поливой желтого, зеленого или коричневого цвета (рис. 10). В большом количестве фрагменты таких плиток попадались в слое щебня, покрывавшего пол здания.

Рис. 9. Урочище Церковище (с юго-востока).

В северной части раскопа вскоре удалось обнаружить нижние ряды кирпичной кладки стены здания (рис. 11). Размер и характер кирпичей, а также известковый раствор с примесью мелко толченого кирпича, не оставляли сомнений в большой древности обнаруженного здания. В восточной части кирпичная кладка стены оказалась разрушенной, но под ней была обнаружена бутовая кладка фундамента, заложенного на глубину до 1.80 м от поверхности пола (рис. 12). Кладка эта сохранилась тоже далеко не полностью; восточная часть ее оказалась выбранной, но там, где не сохранилась кладка, хорошо прослеживались границы фундаментных рвов, вырезанных в плотном материковом лёссе (см. план, рис. 11). Вместо выбранной бутовой кладки рвы были засыпаны щебнем и землей. В некоторых рвах местами обнаруживалась недовыбранная древняя бутовая кладка.

Раскрывая раскопками частично кирпичную кладку стен здания, частично бутовую кладку фундаментов, или, наконец, прослеживая там, где и кладка стен и кладка фундаментов были выбраны, лишь границы

фундаментных рвов, удалось с достаточной степенью уверенности восстановить план всего здания (рис. 13—14).

Раскопками 1948—1949 гг. удалось обнаружить фундаментные рвы трех апсид с восточной стороны здания, рвы северной, южной и западной стен, а также три рва поперечных ленточных фундаментов на оси трех пар столбов храма (рис. 14—15). Степень сохранности рвов и заполнявшей их бутовой кладки весьма различна.

Хорошо сохранившаяся бутовая кладка фундамента, сложенного из валунов и песчаника, обнаружена в местах стыка средней апсиды с северной и южной апсидами.

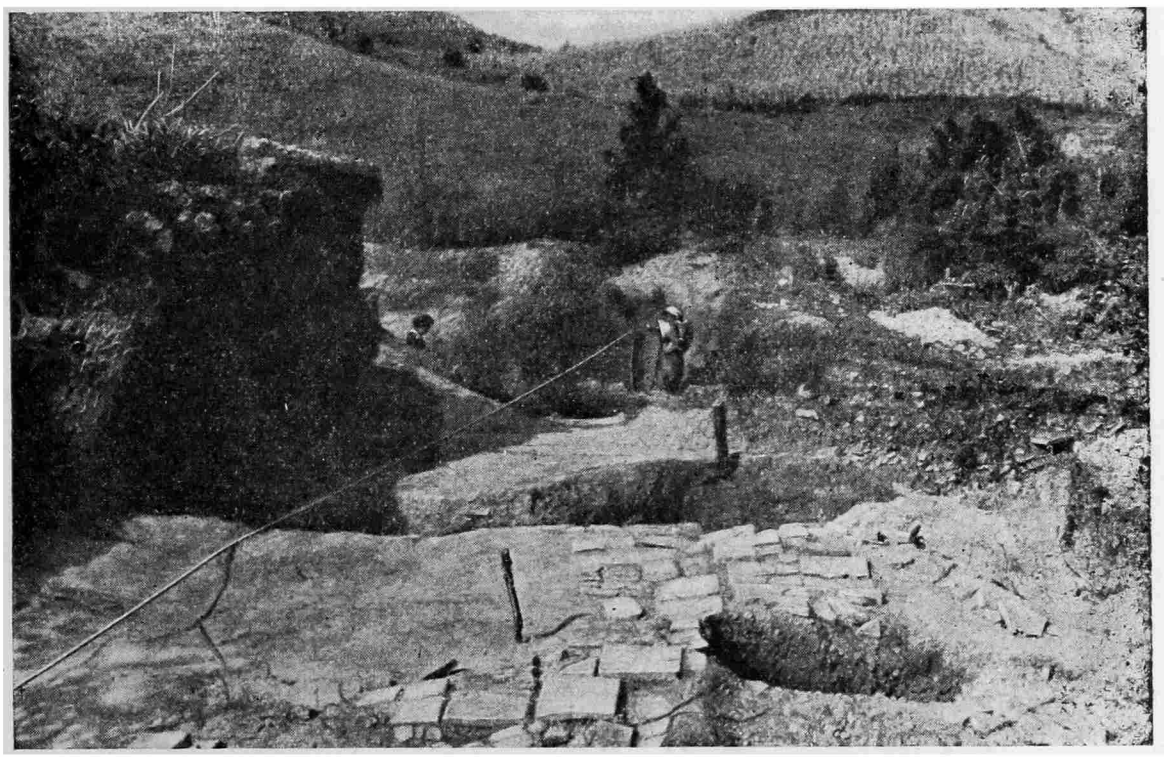

Рис. 10. Развалины большого храма (пол из поливных плиток).

Наиболее сохранным оказался фундамент, идущий от стыка средней и северной апсид к северо-восточному столбу храма. Здесь не только полностью сохранилась бутовая кладка фундамента, но и кирпичная кладка стены на стыке апсид и кладка северо-восточного столба. Между ними в проеме, ведущем из средней апсиды в северную, фундамент прикрыт хорошо сохранившимся участком пола из керамических майолпковых плиток (рис. 11).

К югу от северо-восточного столба фундамент выбран, но на дне фундаментного рва, соединявшего северо-восточный и юго-восточный столбы, хорошо сохранились отпечатки больших валунов бутовой кладки.

К северу от северо-восточного столба, в северной части того же поперечного рва, сохранившаяся кладка фундамента опускалась к северу двумя ступенями, имевшими довольно гладкие обрезы и поверхности. Назначение этих ступенчатых уступов фундамента осталось невыясненным.

Бутовая кладка сохранилась также в южной части этого же поперечного рва, к югу от юго-восточного столба.

Характерной, ранее неизвестной в киевском зодчестве, конструктивной особенностью здания была своеобразная структура ленточных фун-

даментов. В отличие от всех других известных нам памятников киевского зодчества X—XII вв., в Зарубском храме имеются лишь поперечные ленточные фундаменты, расположенные на оси трех пар столбов;

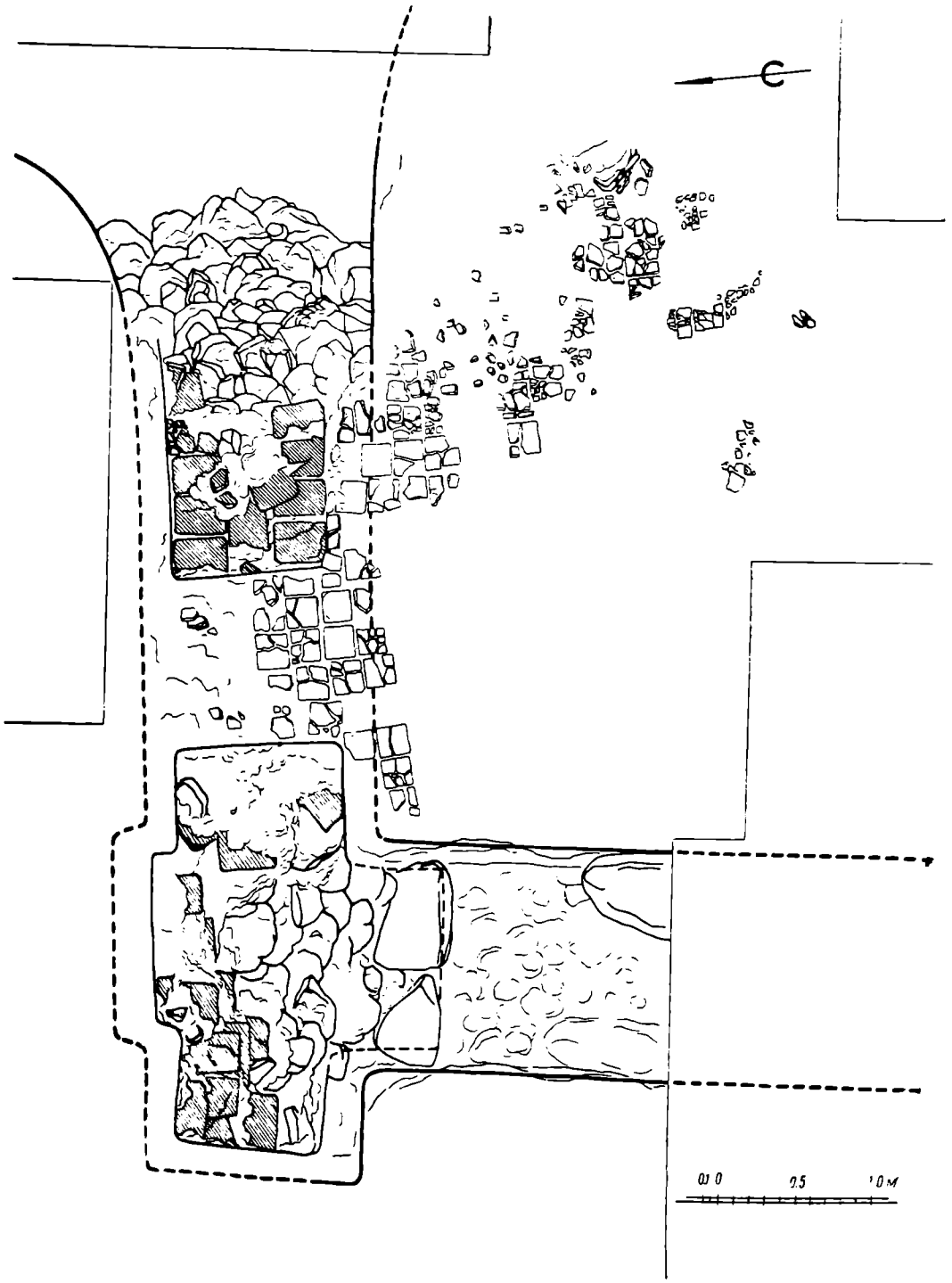

Рис. 11. План восточной части среднего нефа большого храма (раскопки 1948 г.).

по оси ВЗ столбы не были связаны между собой фундаментами. В местах, где были расположены столбы храма, поперечные ленточные фундаменты имеют расширения в две стороны в виде лопаток.

Раскопанной восточной части здания, разумеется, было совершенно недостаточно для реконструкции плана постройки в целом. Перво-

начально казалось безнадежным искать какие-либо следы западной ее части, уничтоженной, как отмечено выше, глубоким котлованом. Однако тщательными поисками на дне котлована удалось установить, что, несмотря на значительную его глубину, нижние части рвов, с остатками,

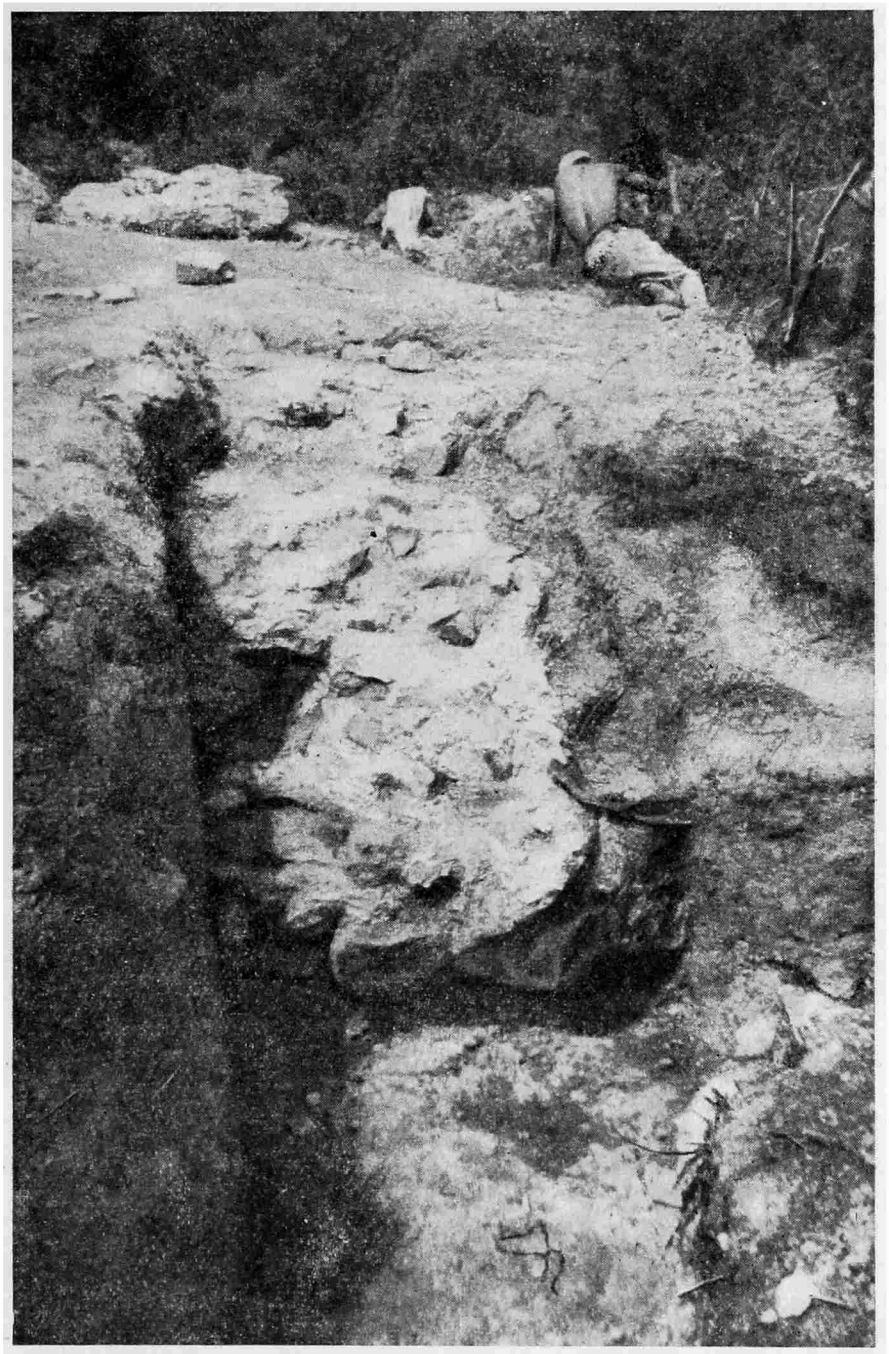

Рис. 12. Бутовая кладка фундамента большого храма (раскопки 1948 г.).

или, хотя бы, со следами недовыбранной кладки, все же сохранились. Глубина остатков этих рвов порой была совершенно незначительна (0.05—0.1—0.2 м), но для реконструкции плана здания и этого было достаточно.

На дне котлована удалось, прежде всего, установить трассу рва поперечного ленточного фундамента на оси западной пары подкупольных

столбов; на дне его сохранились остатки раствора и бутовой кладки. Ров этот находится почти точно на восточной границе котлована, получившегося при выемке бутовой кладки фундаментов в западной части храма. Поэтому, восточная стенка рва поднимается на некоторую высоту от дна рва, а западная стенка срублена и прослеживается только на крайних (северном и южном) участках рва.

К западу от этого рва были обнаружены остатки второго поперечного рва ленточного фундамента на оси западной пары столбов храма. Ров этот, находившийся в средней части котлована, сохранился хуже всех остальных. Удалось проследить лишь его западную границу и то неполностью. Восточная его граница прослеживалась только в северной части (между северной стеной и северо-западным столбом).

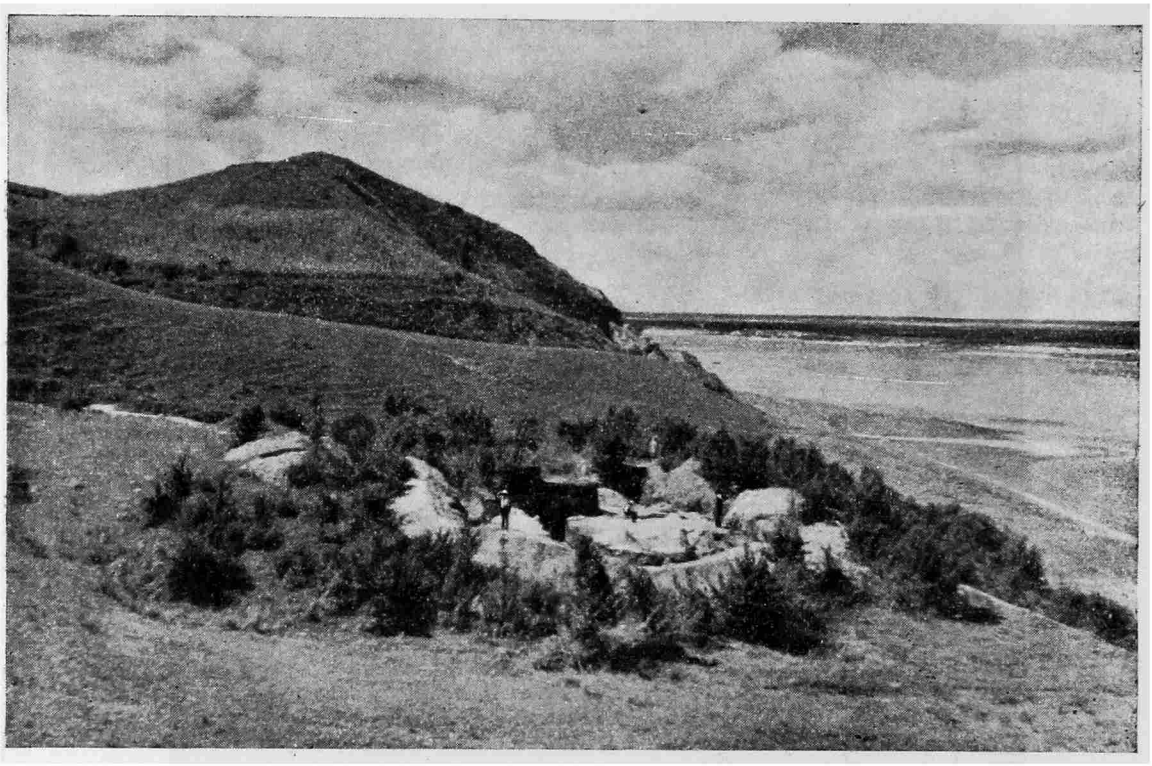

Рис. 13. Общий вид развалин большого храма после раскопок 1949 г.

На оси этого рва в южном конце была обнаружена лопатка южной стены храма, сохранившаяся в виде мощного блока бутовой кладки in situ (рис. 16).

В юго-западном углу котлована была обнаружена отлично сохранившаяся бутовая кладка фундамента юго-западного угла здания с южной и западной лопатками. Массив бутовой кладки на обоих указанных участках расчищался изнутри котлована, почему на фотографии кладка фундамента представлена как бы в разрезе (рис. 16, см. также рис. 15).

Вдоль западного края котлована удалось проследить полностью очертания фундаментного рва западной стены здания. Если внешняя и внутренняя линии этого рва сохранились довольно плохо, то на дне рва хорошо прослеживались остатки бутовой кладки фундамента западной стены (рис. 17). Местами сохранились камни фундамента in situ, местами лишь отпечатки камней в растворе. В северной части рва, на оси северных столбов сохранились внутренняя и внешняя лопатки, по аналогии с которыми реконструированы аналогичные лопатки на той же стене на оси южных столбов.

Фундаментные рвы южной и северной стен храма, засыпанные строительным мусором, хорошо сохранились на всем их протяжении. На дне рва южной стены, кроме отмеченных выше двух больших блоков бутовой

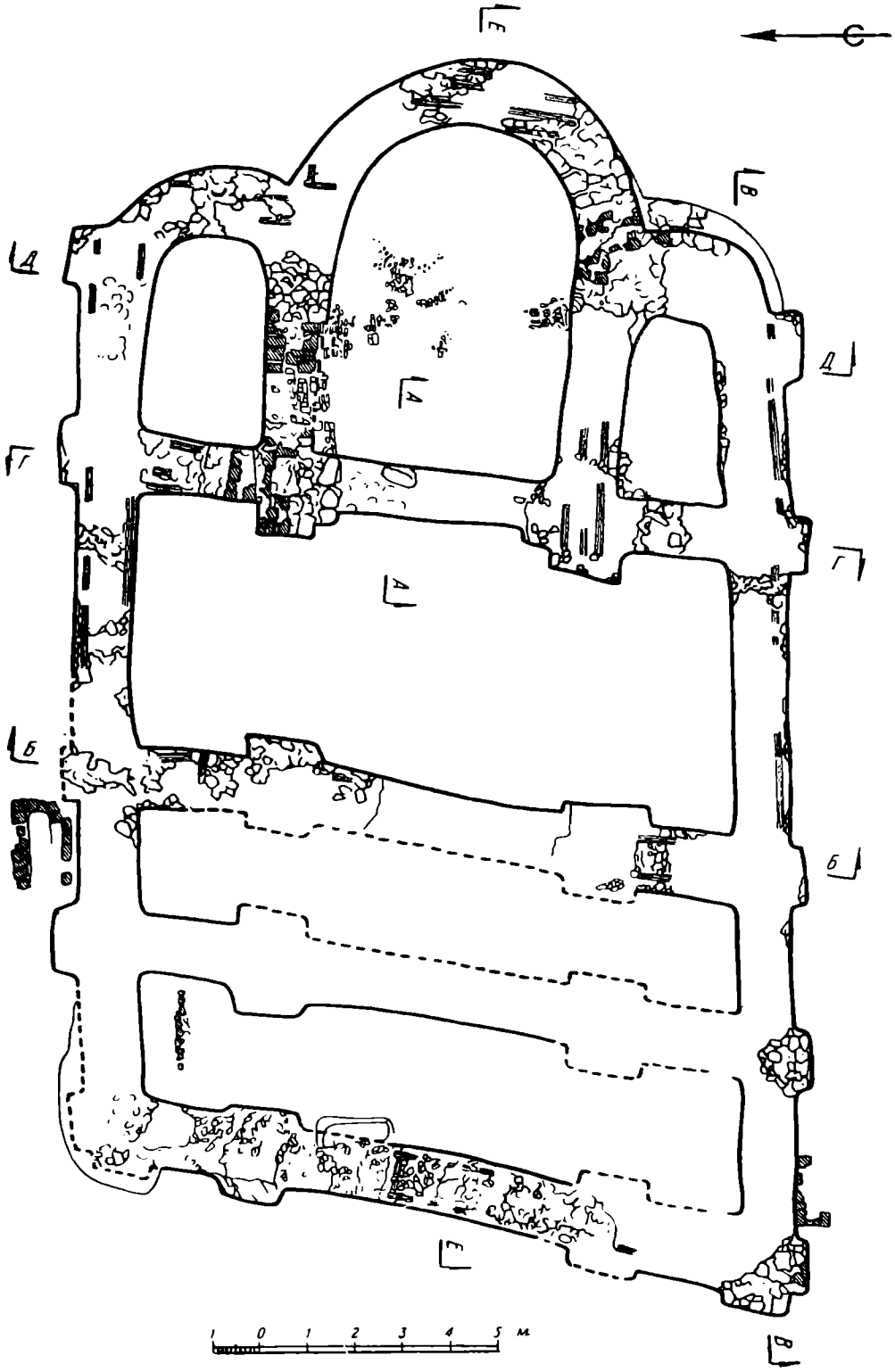

Рис. 14. План большого храма (по материалам раскопок 1948—1949 гг.).

кладки, сохранились еще незначительные остатки кладки в восточной части рва, около второй восточной лопатки. Незначительные остатки кладки прослежены также и на дне рва северной стены храма в средней

ее части. На внешней линии рвов южной и северной стен отлично сохранились следы наружных лопаток, по четыре с каждой стороны.

Наружные стены здания и поперечные ленточные фундаменты имеют на всем протяжении достаточно правильные прямые линии. Однако

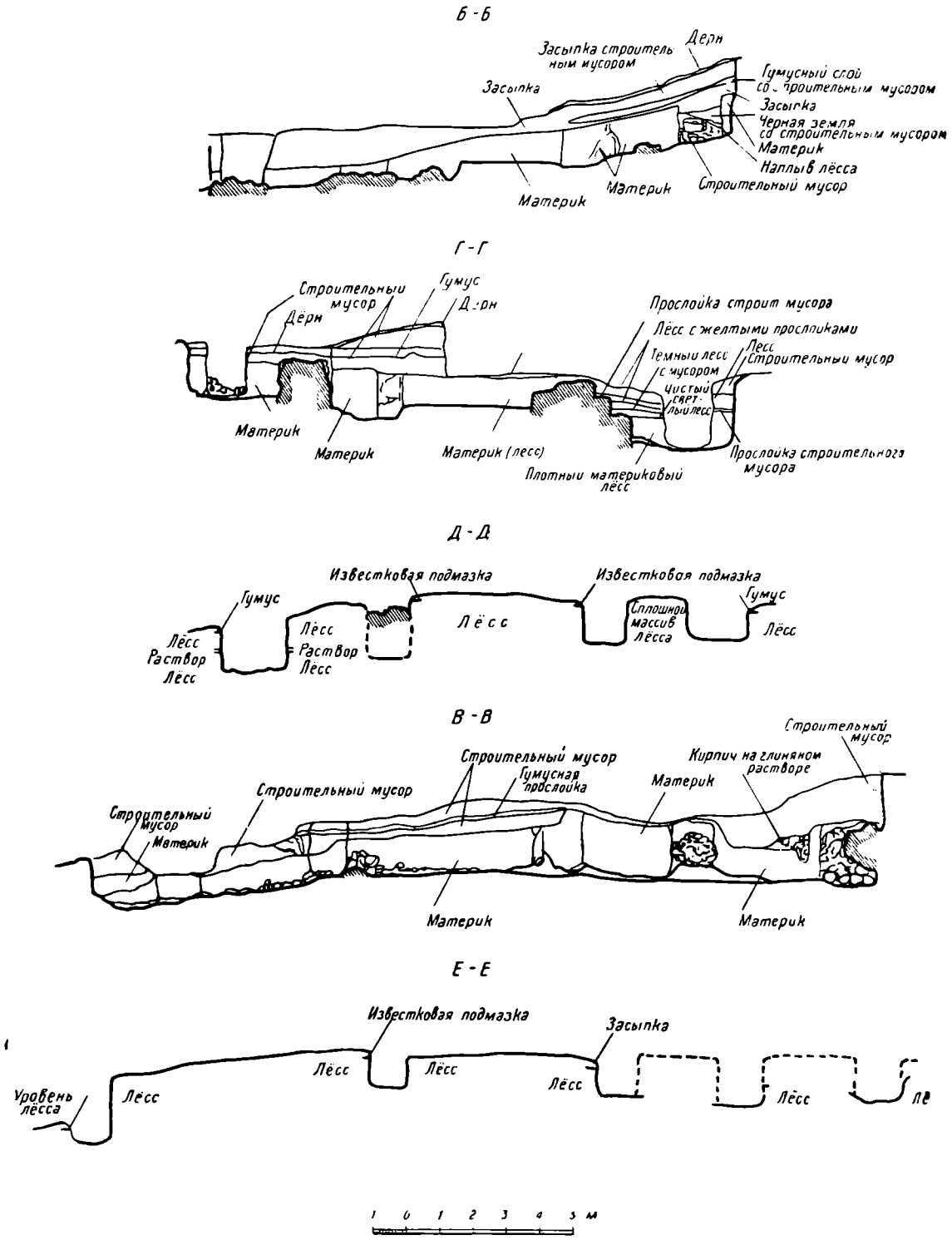

Рис. 15. Разрезы фундаментных рвов большого храма.

план здания в целом отличается чрезвычайно выраженным перекосом по диагонали, ввиду чего все сочленения продольных и поперечных фундаментных рвов в храме сделаны не под прямыми, а под острыми, или тупыми углами. Черта эта свидетельствует о том, что мастера, раз-

бивавшие план здания на местности с помощью шнура, не обладали достаточными знаниями и навыками угломерных построений.

Тщательное исследование подошвы бутовой кладки в фундаментных рвах и дна этих рвов в тех местах, где бутовая кладка была полностью, или почти полностью выбрана, позволило установить характерный технический прием кладки фундаментов. На дне рвов Зарубского храма во многих местах были обнаружены остатки деревянных субструкций в виде деревянных продольных и поперечных лежней, скрепленных железными костылями и залитых раствором извести с примесью толченого кирпича. Местами эти лежни сохранились в виде следов сгнив-

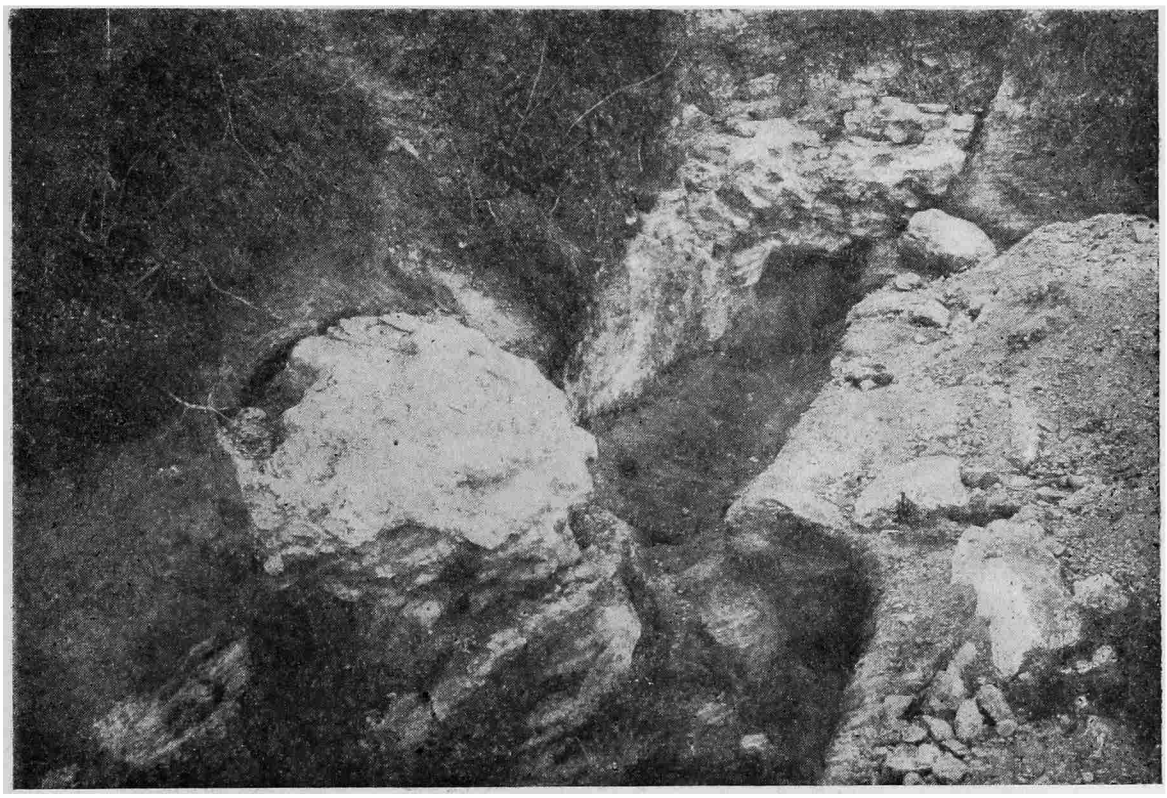

Рис. 16. Блоки кладки фундамента южной стены.

шего дерева, местами в виде отпечатков дерева в растворе, а местами даже в виде полых каналов в бутовой кладке, или в растворе на дне рвов.

Остатки деревянных лежней, лежавших как вдоль фундаментного рва, так и поперек его, были прослежены в двух местах в средней части фундаментного рва западной стены храма (рис. 18). На перекрестьи лежней был обнаружен воткнутый вертикально в грунт железный костыль, некогда скреплявший лежни между собою.

Следы от деревянных лежней, отпечатавшиеся в растворе, были обнаружены на дне рва в восточной части средней апсиды. Там же были найдены воткнутые в материковый грунт два костыля.

На дне рва у стыка средней и северной апсид был найден кусок раствора с отпечатками деревянного лежня. Лежень, судя по этим отпечаткам, представлял деревянный брусок с окантованными поверхностями. В этом же месте обнаружено два воткнувшихся в материковый грунт костыля, скреплявших лежни (рис. 19), там же лежал третий костыль, упавший на бок.

Следы лежней и один стоящий костыль найдены также на дне рва северной стены храма (у пересечения рва северной стены с рвом поперечного ленточного фундамента на оси западной пары подкупольных столбов).

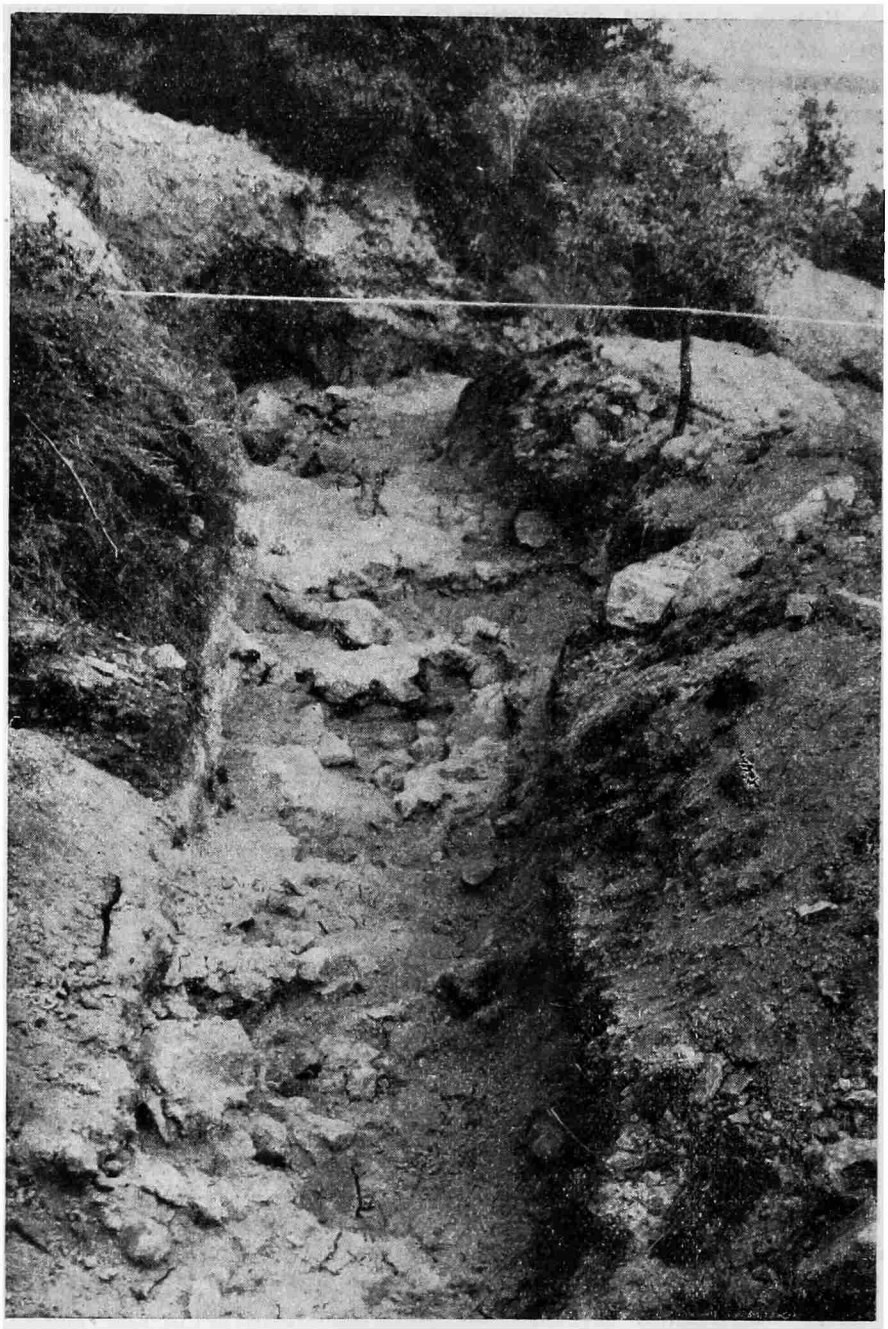

Рис. 17. Остатки фундаментного рва западной стены храма.

В нескольких местах обнаружены остатки лежней и на дне рва южной стены, на дне восточного поперечного рва (под юго-восточным столбом храма), в двух местах на дне среднего поперечного рва (под юго-западным и северо-западным подкупольными столбами). Там же под северо-западным столбом был найден стоящий костыль.

Железные костыли были найдены в значительном количестве и в завале строительного мусора, при расчистке фундаментных рвов.

Вертикально воткнутые в материковый грунт костыли скрепляли деревянные лежни, лежавшие по дну рвов под бутовой кладкой фундамента на стыках и перекрестиях. Однако в отдельных случаях костыли были вбиты на линии лежней и в таких местах, где не было перекрестий или стыков; повидимому, они скрепляли надставки лежней, наращивавшихся по всей длине рва.

Длина костылей различна: 0.18, 0.23, 0.25, 0.28 м; в сечении все они квадратные, со сторонами от 0.008 до 0.016 м. Все костыли железные, кованные. Изучение отпечатков лежней в растворе на дне рвов позволило установить, что лежни представляли деревянные бруски прямоугольного сечения. Ширина их от 0.10 до 0.20 м; высота 0.18—0.20 м.

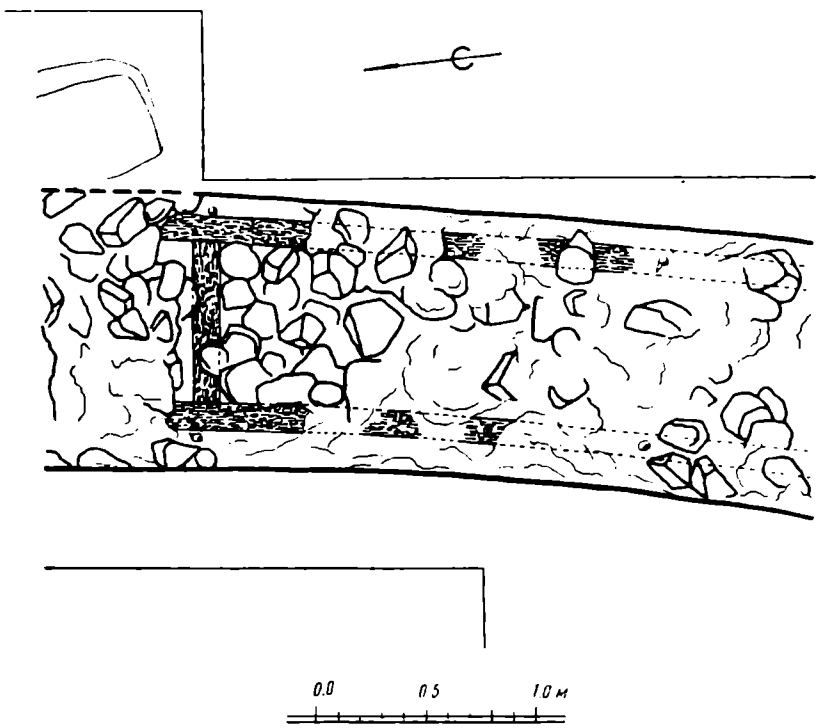

Рис. 18. Остатки деревянных лежней под фундаментом западной стены храма.

Дно фундаментных рвов после укладки и скрепления лежней засыпалось мелким булыжником и заливалось раствором извести с примесью толченого кирпича. Поверх этого слоя выкладывался фундамент из крупных блоков песчаника и огромных валунов на том же растворе.

Кладка стен здания сохранилась in situ лишь в одном месте (северо-восточный столб и часть стены между средней и северной апсидами).

В северо-западном углу храма был найден значительный блок кладки упавшей стены, в котором видно, что в кладке стен, наряду с кирпичом, был употреблен и камень в виде горизонтальных рядов, чередующихся с рядами кирпича. Размеры кирпича в кладке различных частей храма несколько колеблются: 0.33—0.31×0.25—0.22×0.045—0.035 м. Кирпич довольно хорошего обжига, имеет в изломе красный цвет. Судя по наличию в кладке фундамента бесформенных кусков пережженого (до спекания) кирпича, можно думать, что кирпич обжигался на месте и брак его использовался в бутовой кладке.

Найдены различной формы лекальные кирпичи (удлиненной формы с заострением одного конца в виде треугольника или же с полуциркульным концом) для выкладки полуколонок.

В большом количестве найдены обломки голосников, применявшихся в кладке сводов и купола храма.

В восточной части развалин довольно хорошо сохранился древний пол, представлявший тонкую известковую подмазку, на которой выкладывались поливные майоликовые плитки желтого, светлозеленого и коричневого цветов. В значительном количестве майоликовые плитки сохранились in situ (исключительно в средней апсиде храма), много фрагментов и целых плиток найдено в завале строительного мусора.

При раскопках найдено огромное количество фрагментов фресковой росписи храма. В нижних частях здания эта роспись повидимому имити-

Рис. 19. Железные костыли в субструкциях большого храма.

ровала мраморную облицовку: сохранились многочисленные куски штукатурки, покрытые «мраморировкой».

На многих фрагментах фресковой штукатурки сохранились процарапанные древние надписи и рисунки (graffiti). Такие же надписи изредка попадались на обломках гладко-затертого розового раствора извести с толченым кирпичом, очевидно представлявших куски наружной облицовки, прикрывавшей ряды утопленных в кладке кирпичей и ряды каменной кладки стен здания. На некоторых кусках этой облицовки видны остатки раскраски (красной краской).

В северо-западном углу здания обнаружены плохо сохранившиеся остатки кирпичного склепа; остатки второго, значительно лучше сохранившегося кирпичного склепа найдены за наружной линией рва южной стены здания между двумя западными лопатками. Третий склеп, также выложенный из плоского квадратного кирпича, найден к северу от северной стены храма. Все погребения полностью разграблены и уничтожены.

Напомню, что обнаруженные при раскопках 1907 г. и во время разборки фундаментов в 1916 г. шиферные саркофаги несомненно находи-

лись в западной части раскопанного нами храма. О богатых погребениях, найденных в западной части храма, сообщалось и в краткой информации о раскопках Беляшевского в 1918 г.

Не ставя в настоящей публикации задачу детального определения места и значения вновь раскопанного храма в истории зодчества Киевской земли, считаю все же необходимым коротко остановиться на этом.

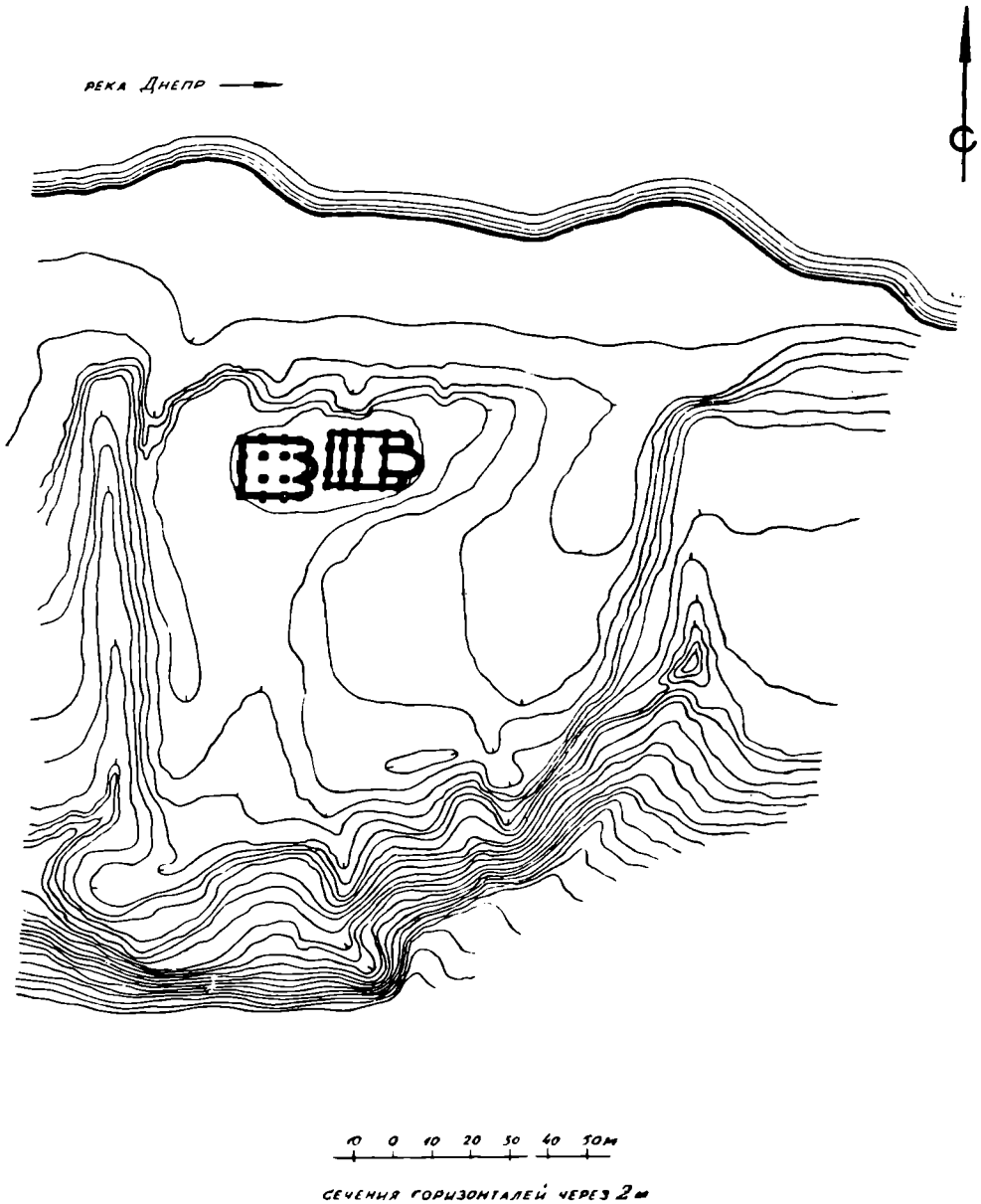

Рис. 20. План развалин Зарубского монастыря.

В восточной части Церковища, почти вплотную к развалинам малого четырехстолпного храма, раскопанного в 1907 г., находятся развалины небольшой по размерам, трехнефной шестистолпной церкви, повидимому соборного храма Зарубского монастыря. Дата этого храма определяется техническими признаками постройки. Если уже по размеру кирпича (0.33×0.25×0.04 м) большой храм можно сопоставить с киевскими памятниками второй половины XI в., то еще более важным доказательством является характер кладки здания. Незначительные остатки в виде одного-двух нижних рядов кирпичной кладки, сохранившейся in situ,

были бы недостаточны для хронологических определений, если бы мы не располагали дополнительными данными. На фотографии 1916 г., где сняты западные части большого храма после их обнаружения раскопками 1907 г., хорошо видна кладка из чередующихся рядов кирпича и камня, т. е. техника, типичная для киевского зодчества XI в. Об этой же дате свидетельствует обнаруженный в северо-западном углу храма большой блок кладки упавшей стены здания, состоящий из чередующихся рядов камня и кирпича, описанный выше. Об этой же дате свидетельствуют каменные ленточные фундаменты с деревянными субструкциями, скрепленными в перекрестиях железными костылями. Последний прием известен в трех киевских храмах второй половины XI в.: в церкви Спаса на Берестове, в Вышгородской церкви Бориса и Глеба и в развалинах храма на усадьбе Художественного института, раскопанных Киевской археологической экспедицией в 1947 г.

По плановому решению соборный храм Зарубского монастыря также очень близок к последнему памятнику. Являясь небольшим, но шестистолпным храмом, без башни для входа на хоры и без других пристроек, характерных для храмов второй половины XI в., оба раскопанных нами памятника свидетельствуют о поисках нового типа несколько упрощенного и уменьшенного в масштабе храма, характеризующих киевское зодчество самого конца XI или начала XII в.

Для уточнения датировки большого храма Зарубского монастыря имеет некоторое значение еще одно обстоятельство, установленное раскопками. Апсиды малого храма, выстроенного в XII в., расположены в такой непосредственной близости к западной стене большого храма (рис. 20), что вызывают законное предположение не был ли большой храм конца XI в. разобран, когда началась постройка малого четырехстолпного храма.

VI

Можно ли охарактеризованные выше памятники связать с летописными и другими письменными свидетельствами? Обратимся прежде всего к вопросу о городе Заруб.

31 мая 1096 г. половецкий хан Тугоркан, тесть киевского князя Святополка, подошел со своей ордой к Переяславлю «и ста около города».[1] Переяславцы затворились в городе. На помощь осажденным двинулись из Киева князья Святополк, Михаил и Владимир Мономах. Киевская рать двигалась по обычному в то время пути вдоль правого берега Днепра. «Святополк же и Володимер поидоста на нь по сей стороне Днепра и приидоста к Зарубу и туто перебродистася. .». Переправа у Заруба была произведена столь скрытно, что «не почютиша их Половце». Незаметно подойдя к Переяславлю, киевская рать, перейдя Трубеж, напала на половцев и наголову разбила их. Тугоркан, его сын и много других князей пали в бою. Князь Святополк привез тело своего тестя в Киев и похоронил в княжеском селе Берестове.

Это древнейшее летописное упоминание о Зарубе определяет и его последующую роль на многие годы. Заруб — укрепление на правом берегу Днепра, под защитой которого производится переправа на Левобережье в районе Переяславля.

В этой же роли города-укрепления у переправы Заруб выступает и в летописном повествовании, занесенном под 1146 г. в Ипатьевскую летопись. Князь Изяслав Мстиславич, направляясь со своим войском в поход из Переяславля, «перейде Днепр у Зараба [Заруба]».

---

[1] Ипатьевская летопись под 1096 г.; Лаврентьевская летопись под тем же годом.

Еще отчетливее эта роль Заруба в качестве укрепления у переправы видна в событиях 1151 г. Князь Юрий Долгорукий, подойдя со своими дружинами к Киеву со стороны устья Десны, не мог преодолеть переправы через Днепр в районе города, ибо войска Изяслава, оборонявшие город, прочно держали переправу через Днепр в своих руках. Летописец рассказывает о том, как Изяслав «исхитрил лодьи дивно, беша бо в них гребци невидимо, токмо весла видити, а человек бяшеть не видити, бяхуть бо лодьи покрыти досками и борци стояще горе в бронях и стреляюще, а кормьника два беста един на носе, а другий на корме, аможе хотяхуть, тамо поидяхуть не обращающе лодии».[1] Потерпев неудачу, Юрий перебросил свои войска вдоль левого берега Днепра к Витичевскому броду. Предугадав этот маневр противника, Изяслав также перебросил свои войска по правому берегу и, расположившись у Витичева, вновь отбросил пытавшегося переправиться через Днепр противника. Потерпев вторичное поражение на новой переправе, Юрий, собрав своих союзников, сказал им: «Се братье стоимы сде чего достоимы сде, но ловим у них того како бы ны взяти брод Зарубьский и перейти на ону сторону».[2] План его был одобрен («улюбиша то вси»). Спустившись к Зарубскому броду, сын Юрия вместе с половцами овладел переправой у Заруба.

По рассказу летописца, вместо отозванного Изяславом сына Мстислава Зарубский брод оборонял в это время боярин Шварн. Летописец заметил по этому поводу, что «тем не тверд ему Мстиславу бе брод зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушають».[3] Вскоре к захваченной переправе у Заруба подошли основные силы Юрия, переправились через Днепр и по правому берегу быстро подошли к стенам Киева. В том же году Изяслав, наступавший на Юрия, засевшего в Переяславле, спустившись по правому берегу, «перебродися у Заруба».[4]

В 1156 г. Юрий Долгорукий, взяв с собою Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича, пришел к Зарубу «на снемь с Половци и с ними мир створи. .».[5]

В последний раз в качестве укрепления у Днепровской переправы Заруб упомянут в грозные дни первого татарского нашествия 1223 г. Русские князья, готовившиеся к отпору, «совокупивше землю русскую всю противу татаром и придоша к реце Днепру на Заруб к острову Варежьскому».[6]

Приведенными упоминаниями Заруба в качестве опорного пункта, охранявшего важнейшую переправу через Днепр в Левобережье, письменные свидетельства о нем не ограничиваются. Под 1147 г. в Ипатьевской летописи читаем: «В то же лето поставил Изяслав митрополитом Клима Смолятича, вывед из Заруба, бе бо черноризечь схимник и бысть книжник и философь, так якоже в Руской земли не бяшеть».[7]

Известно, что собор епископов, собравшийся для поставления нового митрополита, не был единодушен в своем решении. Грекофильски настроенные иерархи — Мануил Смоленский и Нифонт Новгородский — утверждали, что «не есть того в законе яко ставити епископом митрополита без патриарха, но ставить патриарх митрополита». Партию сторонников князя и нового митрополита возглавлял Онуфрий Черниговский, напомнивший о существовании на Руси главы св. Климента. Так же

---

[1] Лаврентьевская летопись под 1151 г.
[2] Там же.
[3] Т м же.
[4] Там же.
[5] Ипатьевская летопись под 1156 г.
[6] Лаврентьевская летопись под 1223 г.
[7] Ипатьевская летопись под 1147 г.

как греки ставят рукою св. Иоанна, русские епископы поставили митрополита «главою святого Климента».[1]

Отмеченная летописцем образованность вновь избранного митрополита и высокий пост, на который он был выдвинут князем, свидетельствуют, несомненно, и о большом значении обители, из которой он был «выведен». Необходимо подчеркнуть, что в этом же монастыре подвизался и другой книжник, Георгий. С именем «Георгия черноризца Зарубскыя пещеры» связано небольшое «Поучение к духовному чаду», известное в ряде списков, древнейший из которых относится к XIII в. Время жизни самого автора поучения остается невыясненным. Поучение интересно бытовыми подробностями, характеризующими культуру киевского общества предмонгольской эпохи. Георгий советует своему «чаду» избегать «смеха лихого». «Скомороха и гудця, и свирця, — поучает Георгий, — не уведи в дом свой глума ради. Поганьско бо то есть все, а не хрестьянское».[2]

История Зарубского монастыря, расположившегося у подножья древнего забытого городища, в письменных источниках почти не отражена. Только из очень позднего документа мы знаем о том, что Зарубский монастырь был посвящен Богоматери, нося название Пречистенского. В описи Киевского замка 1552 г. сказано: «Монастырь слывет Зарубский святое пречистое, и тому монастырю бывала также пашня, бортная земля, озера и бобровые гоны. Но теперь пусто, один чернец стережет для пожару».[3] Повидимому, после монгольского разгрома некогда знаменитая обитель пришла в упадок и позже возрождена не была. Отсутствие на урочище Церковище каких-либо остатков XVII—XVIII вв. свидетельствует о том, что упоминание в описи 1552 г. зафиксировало последние страницы истории монастыря, о начале и расцвете которого рассказывают развалины двух раскопанных храмов на Церковище.

---

[1] Ипатьевская летопись под 1147 г.
[2] История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, стр. 353.
[3] Архив юго-западной России, т. I, ч. VII, стр. 121.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ОРУЖИЯ XI ВЕКА

В 1939 г. во время работ по исследованию остатков Десятинной церкви в Киеве Киевской археологической экспедицией под руководством М. К. Каргера было обнаружено одно исключительно интересное погребение. Скелет, лежавший в деревянном саркофаге, принадлежал, повидимому, одному из князей Рюрикова дома. На это указывало как место погребения (Десятинная церковь), так и находка при скелете меча. К сожалению, погребение оказалось слегка поврежденным при выборке местными жителями камня из фундаментов церкви. При этом были уничтожены правая рука и рукоять меча с частью клинка. Вдоль правой ноги скелета лежала только часть железного клинка длиной в 0.59 м с большим серебряным наконечником ножен. Кроме меча, при скелете были найдены литые серебряные накладки, пряжка и наконечник от ремней.[1] Все они украшены растительным орнаментом, а фон был, повидимому, заполнен чернью, сохранившейся только на наконечнике и пряжке; последние два предмета заканчиваются одинаковыми стилизованными звериными головками.

Наибольший интерес вызывает меч с наконечником ножен (рис. 1). Последний представляет собой массивный литой футляр, длиной 0.185 м. Вверху он украшен накладными валиками, сходящимися на середине под углом и заканчивающимися с каждой стороны чрезвычайно выразительной головой хищной птицы с изогнутым клювом и большим глазом. Под валиком гравированный несколько небрежно, угловатыми линиями, растительный узор. Низ наконечника украшен ажурной литой накладкой. Она представляет собой плетеный растительный мотив, одинаковый с обеих сторон. Составляющие его стебли и лепестки украшены чернью. В дополнение к накладке, на самом тулове наконечника выгравирован оконтуривающий ее узор. Вся остальная поверхность наконечника совершенно гладкая, без каких-либо узоров.

Находки наконечников ножен хоть и не так часты, но все же не представляют собою чего-то необычайного. Однако если сличить найденные до сих пор на территории России наконечники с киевским наконечником 1939 г., то сразу же бросится в глаза ряд особенностей, присущих только ему и не встречающихся ни в одном из известных доселе наконечников.

Первой особенностью наконечника 1939 г. безусловно является его величина — 0.185 м, в то время как обычно величина наконечника колеблется между 0.05 м и 0.09 м. Второй особенностью является разно-

[1] М. К. Каргер. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. КСИИМК, IV, 1940, стр. 12—20, рис. 4—5.

образие технических приемов, примененных для его декоровки. На гладкое литое тулово снизу напаяна ажурная накладка с чернью; кроме того, часть орнамента выполнена гравировкой. Обычно же наконечник отливается вместе с украшающим его орнаментом. К этому следует добавить, что чернь и серебро не так часто встречаются в качестве материалов для наконечников как в древней Руси, так и за ее пределами. Обращает на себя внимание и выразительная птичья голова, венчающая наконечник. Обычно же птичья голова (или распластанная голова животного), завершающая наконечник, грубо оболванена, превращена в птицеподобный крючок. Таким образом, наконечник 1939 г. стоит особняком от всех известных доселе изделий подобного рода и как всякий одиноко стоящий памятник вызывает к себе повышенный интерес.

На территории восточно-европейской равнины наконечников ножен найдено более двух десятков. Мы постарались с возможной полнотой собрать наконечники ножен, найденных в пределах России, а также тех стран, где они встречаются редко (Польша, Венгрия, Болгария). В Прибалтике же и особенно в Швеции (включая о. Готланд) их так много, что мы ограничились только выборкой их типов.

На табл. I наконечники распределены по типам горизонтальными рядами. Вертикальные же ряды содержат изображения наконечников, найденных в пределах страны или района. Основное направление в расположении районов, поскольку его можно было выдержать, — с севера на юг, т. е. от Скандинавии до Херсонеса и Болгарии. В расположении же горизонтальных рядов выдержан по возможности хронологический принцип — вверху более ранние, чем ниже, тем позже. В хронологической классификации были частично использованы датировки Арне [1] и Нермана,[2] однако в их датировки нами внесены некоторые изменения и уточнения.

Бо́льшая часть наконечников принадлежит к числу случайных находок. Поэтому датировка их довольно трудна. Но несколько наконечников найдено на клинках мечей, датировка которых более или менее разработана.[3] Мечи, найденные не случайно, а в комплексе, среди инвентаря погребения, дают еще больше данных для датировки. Но и в этих случаях встает вопрос: имеем ли мы право связывать общей датой меч и его ножны? На этот вопрос пока нельзя дать ни положительного, ни отрицательного ответа.

Существует мнение, что оружие, в частности меч, переходил из поколения в поколение, от отца к сыну и внуку и что поэтому меч, найденный в погребении, может быть гораздо старше всего остального инвентаря. Утверждение это для раннего периода истории древней Руси ни на чем не основано. Наоборот, можно привести доводы, убедительно опровергающие это утверждение. В курганах IX—X и даже XI вв. находят мечи, клинки которых согнуты пополам. Это обозначало, повидимому, что со смертью хозяина меч не должен больше служить никому, как

---

[1] T. J. Arne. Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit. Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata, 1913, стр. 375—390, рис. 1—39.

[2] B. Nerman. Die Verbindung zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Стокгольм, 1929.

[3] Отметим попутно, что наконечник отнюдь не являлся необходимой деталью ножен. Многие ножны, делавшиеся из дерева, кожи и ткани [ножны киевского меча (1939); ножны латвийского меча из м. Трейден (1896), см. R. Hausman. Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostsee Provinzen im letzten Jahrzehnt. Рига, 1908, стр. 24], не имели металлического наконечника. Так в погребении дружинника, вскрытом в Киеве в 1946 г. (во дворе д. № 4а по Б Житомирской ул. во время работ Киевской археологической экспедиции под руководством М. К. Каргера) на клинке меча были следы дерева, но наконечника не оказалось.

не должны служить его конь и жена, сопровождавшие его также в могилу.

Переход меча из поколения в поколение с сохранением за мечом имени его первого хозяина (Борисов меч, Довмонтов меч) — обычай, возникший, повидимому, уже после принятия христианства, когда, как правило, меч не клали в могилу. Поэтому, в дальнейшем мы не будем учитывать этот ни на чем не основанный домысел, тем более, что в подавляющем большинстве случаев дата меча, найденного в комплексе, совпадает с датами всех остальных вещей.

Теоретически разница в дате между мечом и ножнами не должна быть очень большой и превышать два-три десятилетия. Поэтому при наших довольно грубых датировках столетиями и полустолетиями практически она почти не будет ощутимой; но все же во всех случаях совместной находки меча с наконечником надо быть осторожным с датировкой их общей датой.

Удалось установить восемь случаев находки наконечников на полностью сохранившихся мечах, из них шесть происходят из комплексов, а два — из случайных находок. Три меча из комплексов найдены на территории древней Руси: в южном Приладожье (табл. I, *19*),[1] в кургане Гульбище, близ Чернигова (табл. I, *24*)[2] и в одном из Шестовицких курганов (табл. I, *25*).[3] Три меча найдены за пределами древней Руси, два — в Венгрии (табл. I, *44*, *45*)[4] и один в Польше (табл. I, *39*).[5]

Все три русских меча, как и комплексы, в которых они найдены, могут быть датированы второй половиной X в. То же самое можно сказать и про два венгерских меча. Польский меч, повидимому, относится к значительно более позднему времени. Г. Леньчик относит его, может быть, к слишком позднему времени — к концу XII в.

Меч, случайно найденный в б. Краснянском у. Харьковской губ., может быть датирован второй половиной X в., скорее всего его концом.[6] Наконечник, найденный на его клинке, по прибалтийским аналогиям может быть датирован рубежом X и XI вв.

Переходим к рассмотрению наконечников, изображенных на таблице I.

Наконечники, занимающие два верхних ряда, изготовлены в Швеции. Для наконечников с птицей (первый ряд) на о. Бьорко найдена даже глиняная литейная форма (табл. I, *2*). В целом наконечники с птицей датируются второй половиной X в., но среди них есть несколько экземпляров с сильно схематизированным изображением птицы, которые нужно относить уже к началу XI в. (табл. I, *5—7*, *12*, *14*). В первом же ряду помещен наконечник более ранний (около 900 г.) с орнаментом эпохи каролингов (найден в Швеции, Упланд), но он пока уникален (табл. I, *1*). Наконечники второго ряда с изображениями переплетающихся чудовищ, так называемого «северного» или «Borre- и Jellinge-стиля», датируются

---

[1] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18 СПб., 1895, стр. 60, рис. 18, с. Заозерье, курган № CXII-6.

[2] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917, рис. 50. — T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Упсала, 1914, рис. 41.

[3] T. J. Arne. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraina. Acta Archaeologica, т. II, вып. 3, Копенгаген — Стокгольм, 1931, рис. 1.

[4] P. Paulsen. Wikingerfunde aus Ungarn. Archaeologia Hungarica, XII, Будапешт, 1933, табл. XII. — J. Hampel. Ujabb tanulmányok a honfoglalasi kor emlékeiröl. Будапешт, 1907, стр. 83.

[5] Подхорце Злочевского р-на, погребение № 1. G. Leńczyk. Trzy miecze wikińskkie w zbiorach Museum archeologji przedhistorycznej Polskiej Academji Umiejętności w Krakówie. Księga Pamiątkowa, Познань, 1930, рис. 6е.

[6] Альбом выставки XII АС, М., 1903, табл. IV, *8*; T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Упсала, 1914, рис. 43.

X, может быть началом XI вв. Отличительной чертой наконечников первых двух рядов, т. е. X в., является то, что они все без исключения прорезные, ажурные.

В Швеции и, в частности, на Готланде наконечников этого типа найдено очень много. В древней Руси они преобладают в северных районах — Южном Приладожье, в частности, в Старой Ладоге (табл. I, *7*, *8*, *19*), Гнездове (табл. I, *9—11*, *20*), б. Владимирской губ. (табл. I, *12*), Муроме (табл. I, *21*) и далее вниз по Волге — в Билярске (табл. I, *23*) и Даниловке, б. Саратовской губ. (табл. I, *22*). В Среднем Поднепровье они встречаются реже — только четыре раза: в б. Киевской губ. (табл. I, *13*) и Черниговской губ. (табл. I, *14*, *24* *25*). Один такой наконечник найден в Херсонесе (табл. I, *26*).

В третьем ряду помещены наконечники, украшенные «северным» орнаментом ирландского стиля. Они позже рассмотренных выше, датируются XI в. и отличаются от них тем, что перестали быть ажурными. Они широко распространены в Скандинавии, но совершенно не известны как в древней Руси, так и в других, соседних с ней, странах.

Три верхних ряда исчерпывают типы наконечников с северной орнаментацией.

Наконечники двух следующих рядов (четвертого и пятого) в литературе обычно рассматриваются вместе. К сожалению, за отсутствием некоторых изданий, не удалось полностью собрать изображения этих двух типов наконечников, что чрезвычайно затрудняет рассмотрение этих наиболее интересных для нас групп.

Наконечники четвертого ряда составляют особую группу, качественно отличную от трех предыдущих. Основная масса их найдена на о. Готланде и в Прибалтике (Латвия). Они не прорезные и вся поверхность их, как и у вышерассмотренных, покрыта орнаментом, но орнамент этот совсем иного характера. На смену ленточному плетению и переплетающимся чудовищам пришли растительный орнамент с трилистниками и сопоставленные птицы. Трилистники же заменили звериные головки на венчике наконечников, контур которых также несколько изменился. Эта перемена в орнаментике произошла, безусловно, не без влияния искусства, широко распространенного на громадной территории, лежащей к югу и юго-востоку от о. Готланда и Прибалтики, и обычно определяемого как «восточное». Проникновение отдельных элементов «восточного» искусства в искусство скандинавских стран известно по многочисленным памятникам уже в X в.: поясным накладкам, подвескам, и даже специфическим северным украшениям — овальным фибулам. Своеобразной лабораторией, в которой происходило органическое соединение отдельных черт стиля искусств, столь отличных друг от друга, был в X и XI вв. о. Готланд, а с XI в. (может быть, с конца X в.) ту же роль начинает играть Прибалтика, достигшая к этому времени большого совершенства в области художественной обработки металла. Взаимоотношения между о. Готландом и Прибалтикой в это время были чрезвычайно тесными. Поэтому понятно, что несколько близких друг другу наконечников нового типа найдены как на о. Готланде, так и в Прибалтике (табл. I, *30—34*). Трудно сказать, где именно — в Прибалтике или на Готланде — они были изготовлены. Некоторые из них, кроме позолоты, декорированы так называемой «чернью», т. е. составом, в котором главной составной частью являлся свинец (Bleilegierung). Широкое применение черни в художественном ремесле о. Готланда, в частности на оружии, известно уже в X в. Известны латвийские наконечники с чернью XII в., но владели ли прибалтийские ремесленники техникой

составления черневой массы в XI в.—пока не установлено. Часть наконечников этого типа найдена на о. Эзель, принадлежавшем эстам. На основной, материковой части территории, занятой в то время эстами, не найдено ни одного наконечника, так же как и на территории близкой ей Финляндии.[1] Повидимому ни в Финляндии, ни в Эстонии они не были так широко распространены, как в Латвии. Может быть, находки наконечников на о. Эзель, при отсутствии их в Эстонии, служат указанием, что и в Латвии наконечники XI в. были привозными.

На территории древней Руси наконечников этого типа не найдено. Только в б. Купянском у. Харьковской губ. найден один такой наконечник вместе с чудесным мечом конца X в. Как рукоять меча, так и наконечник ножен, украшены чернью. Последний чрезвычайно близок наконечнику, найденному в Латвии (Кремон) (табл. I, рис. *34* и *35*).

Исключительный интерес для нас представляет следующая, пятая группа. Как указано выше, некоторые исследователи объединяют наконечники этого типа с предыдущей группой. Однако у наконечников пятого ряда есть существенные отличия от наконечников предыдущего (четвертого) ряда и в форме и в орнаментации.

В смысле формы, точнее — контуров верхнего края, они ближе стоят к наконечникам первых трех групп. Бортики их, сходясь под углом, заканчиваются либо сильно стилизованной птичьей головой, либо распластанной головой животного. Однако они имеют несколько более грузную, по сравнению с вышеописанными наконечниками, форму и, как правило, значительно превосходят их размерами. Среди наконечников этого ряда — самый крупный из известных литых наконечников (0.12 м, Венгрия, табл. I, *44*). По орнаментации наконечники отличаются от всех вышеописанных тем, что большая часть их поверхности гладкая, а орнаментированы только венчик и низ. Главное внимание уделяется именно орнаментации низа. Орнамент большей частью трилистник, делается выпуклым, возвышающимся над основной поверхностью наконечника. Получается впечатление, что на гладкий наконечник внизу надет маленький фигурный колпачок. Это особенно подчеркнуто на наконечнике из Люцинского могильника, где имитированы даже два штифтика, прикрепляющие колпачок к наконечнику (табл. I, *40*). Повидимому, развитием этого декоративного приема является следующая группа наконечников, очень разнохарактерных по форме, стилю и технике выполнения. Эти маленькие наконечники представляют собою не что иное, как обособившиеся нижние части наконечников предыдущей группы. Разнохарактерность их, очевидно, объясняется тем, что каждый из них является продуктом местного художественного ремесла. Наконечники эти следует, повидимому, датировать как XI, так и XII в.

Возвратимся к группе крупных наконечников пятого ряда. Относительно даты их в литературе мнений не высказывалось. Два венгерских наконечника найдены с мечами второй половины X в. Думаю, что всю эту группу так и следует датировать — концом X—началом XI вв. Наконечники Польши и Восточной Пруссии сильно изменились, почти утратив орнаментацию. Повидимому, они наиболее молодые из этой группы и могут быть датированы концом XI—XII вв.

Следует отметить особенности в территориальном распределении находок наконечников этой группы. Ни в самой Швеции, ни на о. Готланде их не найдено. Северной границей их распространения являются Восточная Пруссия и Латвия, южной — Херсонес. К сожалению, при-

[1] P. Paulsen. Die Wikingerschwerter in Ungarn. Archaeologia Hungarica XII, Будапешт, 1933, стр. 40.

балтийские наконечники, как указано выше, нам полностью не известны, но есть указания, что особенно в Восточной Пруссии их много.[1] Один наконечник найден в Польше (табл. I, *39*), два в Венгрии (табл. I, *44*, *45*) и два в Болгарии (табл. I, *46*, *47*). К востоку и юго-востоку от этой линии они найдены: один в Люцинском могильнике (табл. I, *40*), один в Билярске на Волге (табл. I, *41*) и два близ Киева (табл. I, *42*, *43*). Наконец, самой южной точкой является Херсонес (табл. I, *48*).

Район распространения их несколько иной, нежели в предыдущих группах. Он сильно сдвинулся на юг и юго-восток, охватив такие территории, на которых не найдено более ранних наконечников, типичных для северо-западных районов. Это заставляет подумать об их родине. Паульсен предполагал, что эти наконечники изготовлялись в Восточной Пруссии.[2] Однако он смешал в одну группу наконечники двух разных типов, чем запутал все свои доводы. Вполне возможно, что часть их действительно была изготовлена в Восточной Пруссии. Но наконечник, найденный в Болгарии, отмечен одной чрезвычайно интересной деталью. Внизу у него вместо обычного трилистника изображен один крупный сердцевидный лист, являющийся не чем иным как оттиском в литейной форме подвесной бляшки (в перевернутом виде). Такие подвесные бляшки во множестве находят в Венгрии, в инвентаре богатых погребений конца X в. Они являются специфической особенностью венгерского убора и характерны только для Венгрии. На наконечнике видно даже отпечатавшееся в форме ушко бляшки. Эта деталь говорит о том, что болгарский наконечник мог быть изготовлен только где-то в районе Дуная, но никак не в Прибалтике. Существовали ли еще какие-либо центры, отливавшие наконечники для ножен, сказать трудно, так как пока данных для этого нет. Следует отметить только поразительное сходство обоих киевских наконечников (табл. I, *42—43*) с наконечниками из Венгрии (табл. I, *44*) и наконечником из Болгарии (табл. I, *46*).

Последние две группы — седьмая и восьмая — в настоящее время для нас наименее интересны. В них представлены самые поздние типы наконечников XI—XII вв. Основной район их распространения, так же как и родина — Прибалтика. Встречаются они на о. Готланде и в Швеции. Наконечники предпоследнего ряда обычно очень тщательной работы: фон покрыт чернью, рисунок — позолотой. Наконечники нижнего ряда проще. И те и другие малы по размерам и развивают, иногда утрируя, профиль венчика с трилистниками, отмеченный для наконечников четвертого ряда. Повидимому, этот профиль имел в Швеции и Прибалтике непрерывающуюся традицию в течение XI и XII вв. В орнаментации обеих групп используется крест. Вне территории Прибалтики и ее островов эти типы наконечников встречаются редко.

Возвращаясь к интересующему нас киевскому наконечнику 1939 г., мы должны констатировать, что ни один из перечисленных типов наконечников не может быть полностью сопоставлен с ним. Наибольшую близость ему можно усмотреть в крупных гладких наконечниках пятой группы. Они так же, как и наконечник 1939 г., украшены накладками (ложными) в нижней части и слегка орнаментированы у венчика. Вся остальная, бóльшая часть поверхности гладкая. Наконечники пятой группы довольно крупные, особенно некоторые из них, но они не достигают размеров киевского наконечника 1939 г. При меньшей величине они все же выглядят более грузными, чем киевский наконечник 1939 г.

---

[1] P. Paulsen, ук. соч., стр. 40; наконечники этого типа сосчитаны им совместно с наконечниками нашей четвертой группы.

[2] Там же, стр. 41, 42.

Указанные черты сходства между наконечником меча 1939 г. и наконечниками пятой группы конца X—начала XI в. помогают не столько выяснению даты наконечника 1939 г., сколько выяснению генезиса его орнаментации. К его датировке, а также к генезису его формы мы вернемся ниже.

Издавая сообщение о погребении дружинника, меч и ножны которого интересуют нас в настоящем очерке, М. К. Каргер не ставил себе целью детальное рассмотрение инвентаря погребения. Главной его задачей была датировка погребения, в связи с чем он занялся вопросами его атрибуции. Придя к выводу, что костяк принадлежит князю Ростиславу Мстиславичу, умершему в 1093 г., он останавливает свое внимание на чрезвычайно интересной черте погребений первых веков после введения христианства на Руси: «Находка подлинного погребения XI века с мечом в развалинах Десятинной церкви является новым веским подтверждением того, что не только в Новгородской земле, но и в самом Киеве христианские погребения в храмах сохраняли еще ряд пережитков старого курганного погребального обряда».[1]

Датировка погребения XI в. не подлежит сомнению. Десятинная церковь, законченная постройкой в последние годы X в., была княжеской усыпальницей только в течение XI в., уступив впоследствии эту роль Софийскому собору и княжеским монастырям.

Для уточнения даты погребения М. К. Каргер сопоставил летописные и другие сведения о захоронениях в Десятинной церкви с количеством саркофагов, в разное время обнаруженных в ней. Данные летописи и данные о количестве найденных в церкви погребений не сошлись. На территории развалин Десятинной церкви в разное время раскопано восемь саркофагов, а по летописям известно только о семи погребениях:

1. великой княгини Ольги, перенесенной сюда Владимиром с места ее первоначального погребения;
2. князя Владимира в мраморном саркофаге, 1015 г.
3. Анны, его жены, также в мраморном саркофаге, 1018 г.
4—5. Ярополка и Олега Святославичей, умерших в X в. язычниками и перенесенных в Десятинную церковь в 1044 г.;
6. Изяслава Ярославича (сына Ярослава Мудрого), в мраморном саркофаге, 1078 г.
7. Ростислава Мстиславича, 1093 г.

Из восьми погребений, найденных на территории Десятинной церкви, семь было совершено в каменных саркофагах и одно в деревянном.

Стараясь объяснить это расхождение между данными летописей и количеством фактически найденных погребений, М. К. Каргер исключил из восьми саркофагов один, на том основании, что он находился не внутри церкви, а вне ее. Этот саркофаг был найден Д. В. Милеевым около северной галлереи церкви, примерно в 20—30 см от ее фундамента. Дальнейшее уточнение атрибуции погребения 1939 г. идет путем исключения женских погребений, погребений князей-язычников Ярополка и Олега, кости которых, перенесенные из курганов через много лет после их смерти, не могли лежать в анатомически правильном порядке и, наконец, князей Владимира и Изяслава Ярославича, похороненных в мраморных, а не в деревянном саркофаге. Таким образом, единственным кандидатом погребения, открытого в 1939 г., остался князь Ростислав Мстиславич, умерший в 1093 г.

---

[1] М. К. Каргер, ук. соч., стр. 20.

Следовательно, если погребение 1939 г. действительно принадлежало бы князю Ростиславу Мстиславичу, умершему в самые последние годы XI в., мы бы имели крайнюю верхнюю дату для меча и его наконечника. Однако правильность атрибуции вызывает ряд сомнений.

Исключая из числа семи каменных саркофагов один на том основании, что он стоит не под сводами церкви, М. К. Каргер аргументирует это тем, что летописи указывают во всех (точнее, в четырех) случаях на погребение внутри церкви (точнее, по обычному летописному выражению «в церкви святая Богородица», 1044 г., 1078 г. и 1093 г.) и что «вообще погребения князей около церкви, а не в ней самой, не известны».

Можно ли быть уверенным, что установка саркофага между столбами северной галлереи рассматривалась летописью как погребение не в Десятинной церкви? Летописные выражения «положить у святого Спаса», «у святой Софии» и т. д. могли подразумевать захоронения как в здании, так и в ближайшем от нее расстоянии, на ее усадьбе.

Неверно утверждение М. К. Каргера, что погребения князей около церкви, а не в ней самой, не известны. Княжеские погребения в XI в. вне стен церкви производились. Так, в 1078 г. был убит князь Глеб Святославич «его же тело положено бысть Чернигове за Спасом».[1] Так же не в церкви, а около нее были первоначально похоронены князья Борис и Глеб в Вышгороде.[2]

Известны находки каменных (шиферных) саркофагов просто под открытым небом в районе церкви [3] и на усадьбах монастырей.[4]

В 1885 г. в Чернигове, между Спасским и Борисоглебским соборами было найдено женское погребение. На погребенной были богатейшие золотые украшения конца XI—начала XII в.: золотые колты с перегородчатой эмалью, толстые серебряные цепи и другие украшения, изображения которых были опубликованы Н. П. Кондаковым.[5]

Нет сомнений в том, что и это погребение и шиферные саркофаги, находимые вне зданий, принадлежали членам большой, разветвленной семьи князей Рюриковичей. Найденный Д. В. Милеевым у северной галлереи Десятинной церкви шиферный саркофаг, сверху донизу покрытый резьбой, также должен быть отнесен к княжеским, тем более, что внутри Десятинной церкви были найдены каменные саркофаги, лишенные резьбы и более простой конструкции (с плоской крышкой).

На основании имеющихся в настоящее время данных о погребениях первых поколений русских князей, принявших христианство, создается как раз обратное впечатление, а именно, что князья XI в. с большей охотой хоронили своих родичей не под сводами зданий, а либо под открытым небом, либо в открытых галлереях вокруг церквей и только в XII в. прочно освоили аркосолии притворов и западных частей храмов (мраморные саркофаги Владимира и Анны в южной галлерее Десятинной церкви, саркофаг Ярослава Мудрого в галлерее Софийского собора и многие другие). Можно ли считать также установленным, что для князей Ярополка и Олега, кости которых, по словам летописи «выгребоша» из

---

[1] ПСРЛ, Лаврентьевская летопись под 1078 г.

[2] В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. СА, VIII, 1946, стр. 234—235.

[3] Два саркофага и место от третьего были найдены в 1902 г. на усадьбе Десятинной церкви Д. В. Милеевым: С. Вельмин. Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. Военно-Исторический Вестник, 1910, № 7—8. Киев, стр. 19.

[4] Саркофаг, найденный И. А. Хойновским на усадьбе Трубецкого в 1892 г. (И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 36—40).

[5] Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, табл. XIII.

мест их первоначального захоронения, были сделаны два отдельных, обычной величины каменных саркофага?

Можно ли быть также уверенными, что в летопись занесены все сведения о совершенных в Десятинной церкви захоронениях?

Следует также помнить, что в течение многих столетий Десятинная церковь подвергалась систематическому разграблению: население широко использовало ее строительные материалы, кирпич и камень, разобрав не только надземные ее части, но выбрав даже большую часть фундаментов. Не одно погребение, особенно если оно заключалось не в каменном саркофаге, а в деревянном истлевшем гробовище, могло быть уничтожено, не оставив по себе никакого следа в литературе. Не только деревянный, но целый мраморный саркофаг исчез из Десятинной церкви неизвестно куда: раскопками в различные годы обнаружено два мраморных саркофага, тогда как по летописи их было в церкви три.

Таким образом, ряд причин не дает возможности согласиться с соображениями М. К. Каргера. Погребение 1939 г. можно с уверенностью датировать XI в., но относить его именно к 1093 г. было бы опасно.

Отрицая правильность атрибуции, предложенной М. К. Каргером, мы лишаем себя точной крайней верхней даты интересующего нас погребения, а вместе с тем верхней даты его меча и ножен. Напоминаем, что крайняя нижняя дата наконечника определялась на рубеже X и XI вв.

Некоторые данные, позволяющие передвинуть погребение 1939 г. ближе к этой же дате, имеются и в самом погребении. Деревянный саркофаг, найденный в сильно разрушенном виде, своей конструкцией гораздо больше напоминает прямоугольные деревянные ящики-гробовища языческой поры, чем саркофаг. В таких гробовищах, представляющих собою упрощение сруба, были погребены в X в. дружинники, найденные здесь же, под Десятинной церковью, в 1937 и 1939 гг. В таком же гробовище, вставленном в сруб, был похоронен на Волыни ювелир в конце X в. Не следует ли княжеское погребение в Десятинной церкви из конца XI в. передвинуть ближе к началу XI в. или в первую его половину? Таким образом, и верхняя дата меча и его ножен передвинулась бы в первую половину XI в. и мы смогли бы датировать их не общей датой — XI в., а временем от конца X в. до середины XI в.

Правдоподобность этой датировки подтверждается одной очень интересной находкой.

В 1896 г. в м. Путель близ г. Трейден в Латвии, севернее Риги и недалеко от берега Рижского залива, участниками X Археологического съезда были произведены раскопки большого курганного могильника. Бóльшая часть курганов содержала трупоположения, но встретилось и несколько курганов с сожжением. При погребенных лежали скелеты собак и лошадей. Бóльшая часть курганов оказалась с очень богатым инвентарем, состоявшим из оружия и украшений. Здесь были мечи, копья, топоры, овальные скандинавские фибулы с цепями, ножи в футлярах, бронзовая чаша, янтарные бусы. Мечи и копья были украшены серебром (таушировка), два наконечника ножен — чернью. Много было найдено серебряных украшений — круглых подвесок, перстней, кольцевых фибул, украшенных серебром ременных накладок. В могильнике была также найдена одна куфическая монета X в. Насколько можно судить по этому перечню находок, раскопанный могильник может быть датирован X—XI вв. За XI в. говорят найденные два наконечника ножен с чернью (табл. I, *33*, *54*) и копья с серебряной таушировкой на втулках.

Особый интерес представляет для нас курган № 22 с сожжением, в котором были найдены копье, топор, бронзовые поясные накладки, кусок просверленного янтаря и, наконец, большой серебряный нако-

нечник со следами дерева и ткани от ножен и остатками клинка внутри[1] (рис. 2). Появление этого наконечника не прошло незамеченным. Руководивший раскопками в м. Путель рижский археолог Р. Хаусман старался найти что-нибудь похожее на него в коллекциях Московского исторического музея и Эрмитажа, но ни он, ни хранитель Эрмитажа Э. Ленц, к которому он обратился за помощью, не нашли ни одного наконечника, аналогичного ему. В течение сорока с лишним лет он оставался совершенно одиноким памятником и, упоминая о нем, Паульсен[2] и Арне[3] писали, что не могут ничего сказать о его родине, колеблясь между Прибалтикой и южной Россией.

Наконечник, найденный в 1939 г. в Киеве, явился вторым памятником этого рода, ставшим первой и пока единственной аналогией Путельскому наконечнику. Между ними много общего, но есть и ряд существенных различий (рис. 1 и 2).

Чертой, роднящей их, являются, во-первых, их размеры, превратившие их в настоящие футляры, чехлы, охватывающие снизу значительную часть ножен. Киевский наконечник в длину имеет 0.185 м, а Путельский 0.222 м при одинаковой ширине.

Между ними много общего и в технике. Для выполнения их использовано несколько технических приемов, а не только литье, как у остальных наконечников. Отдельно отлито гладкое тулово наконечника, на него снизу напаян отдельно отлитый ажурный колпачок. Эти нижние ажурные футлярчики могли бы существовать и самостоятельно, как наконечники шестого ряда табл. I. Сами футлярчики имеют совершенно одинаковый рисунок плетения из ремней, завершающихся лепестками; только на киевском наконечнике он дополнительно украшен чернью. На обоих наконечниках выше накладок, уже на самом тулове, имеется дополнительный узор, также весьма близкого друг другу рисунка, но выполненного в разной технике: на Киевском он гравированный, на путельском — рельефный, повидимому, литой, отлитый вместе с наконечниками.[4]

У обоих по венчику идут накладные литые бортики, но орнамент под ними различен и по рисунку, и по технике. На Киевском он гравированный, на Путельском — литой. На Путельском он гораздо богаче, но сделан только с одной стороны. Это первое различие между наконечниками. Вторым является венчик, завершающийся у путельского наконечника драконьей головой, настолько стилизованной, что в ней с трудом можно различить животное. Напротив, птичья голова Киевского наконечника, также стилизованная, чрезвычайно проста, лаконична и выразительна. Бортик Путельского наконечника, идущий по венчику, шире Киевского и чрезвычайно дробно и мелочно орнаментирован.

В литературе по поводу Путельского наконечника обычно отмечается смешение в орнаментике черт «северного» и «восточного» искусств. Э. Ленц отмечал, что накладные части наконечника выполнены в духе «северной» орнаментики, а литые (или, как он считал, чеканные) в «восточной».[5] Поэтому родину его искали между Латвией и Средним Поднепровьем, не склоняясь ни к одной из этих территорий. Действительно,

---

[1] R. Hausmann. Übersicht über die archäologische Forschung in Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnte. Рига, 1909, стр. 23—25, табл. II, *11*. См. также заметку «Поездка в Трейден» в Известиях X АС в Риге в 1896 г., стр. 65.

[2] P. Paulsen, ук. соч., стр. 42.

[3] T. Arne. Einige Schwert-Ortbänder. , стр. 389—390.

[4] По словам Хаусмана и Арне, орнамент этот чеканный. Однако сомнительно, чтобы на отлитом узком наконечнике можно было бы чеканить что-нибудь изнутри. См.: R. Hausmann, ук. соч., стр. 24. — T. Arne, ук. соч., стр. 389—390.

[5] Указанные работы Паульсена, Арне, Хаусмана.

ШВЕЦИЯ	ПРИБАЛТИКА	ПОЛЬША	БАСС. ЗАП. ДВИНЫ	ПРИЛАДОЖЬЕ	ВЕРХНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ	БАСС. ОКИ	ПОВОЛЖЬЕ	БАСС. ДОНА	СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ	ВЕНГРИЯ	БОЛГАРИЯ	ХЕРСОНЕС	
1 2 3 4 5	6			7 8	9 10 11	12			13 14				I
15 16 17 18				19	20	21	22 23		24 25			26	II
27													III
28 29 30 31	32 33 34							35					IV
	36 37 38	39	40				41		42 43	44 45	46 47	48	V
49 50	51								52 53				VI
	54 55 56 57	58							59				VII
60	61								62				VIII

композиция с сопоставленными птицами хорошо известна в Киевской Руси в XII и XIII вв., но сухость всего орнамента, излишняя мелочность в разделке растительных побегов и туловищ птиц, непропорциональность нижней пальметки — тяжелой, стоящей на тонких, длинных и прямых

Рис. 1. Наконечник на клинке, найденном в княжеском погребении в Десятинной церкви в Киеве в 1939 г.

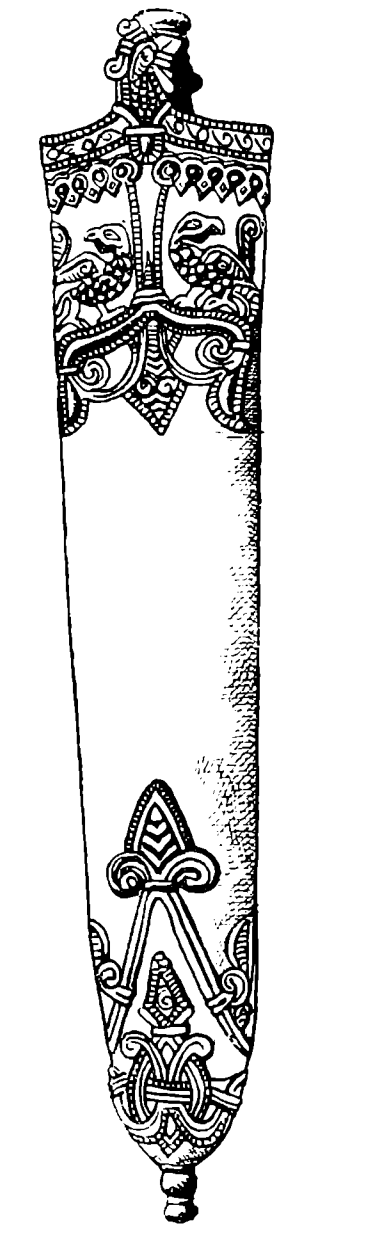

Рис. 2. Наконечник, найденный в погребении в имении Путель в Латвии в 1896 г.

ножках, — все это как-то не похоже на орнаментику, хорошо известную нам по памятникам Поднепровья. Эта сухость и мелочность близки дробной орнаментации венчика с головой дракона, а через него всей орнаментации «северного» стиля. Поэтому нам кажется, что каждый

из наконечников может считаться изготовленным там, где он найден: Киевский — в Среднем Поднепровье, а Путельский — в Латвии.

Путельский наконечник найден в могильнике, датирующемся концом X—XI в. Найден он в кургане с сожжением. Это может служить указанием на то, что датой его может быть либо рубеж X и XI веков, либо начало XI в., что еще раз подтверждает нашу датировку Киевского наконечника первой половиной XI в.

Но если находка второго, чрезвычайно близкого Киевскому, наконечника помогает в известном смысле определению его датировки, то она нисколько не делает его более понятным в смысле генезиса его формы. Киевский наконечник остается таким же одиноким памятником в Поднепровье, как Путельский в Прибалтике. Оба наконечника говорят только о наличии культурных взаимоотношений между этими территориями.

Для выяснения генезиса формы Киевского наконечника 1939 г. приходится обратиться к форме клинка, вместе с которым он найден. Форма его оказалась не менее интересной, чем сам наконечник, что вызывает необходимость остановиться на описании форм некоторых клинков.

В летописи под 969 г. описывается, как в отсутствие Святослава на Киев напали печенеги. Благодаря хитрости Претича Киев удалось спасти. При заключении мира князь печенежский и Претич «подаста руку межю собою, и въдаст Печенежьский князь Претичю конь, саблю, стрелы; он же дасть ему броне, щит, меч».[1]

В этом рассказе, как в капле воды, отражены два мира — мир кочевнических степей и культура молодого Киевского государства с ее новой знатью, недавно опоясавшейся мечом. Меч этот еще не свой, а франкский, и красивая легенда о дани, которую хазары, знавшие только саблю, якобы взяли на полянах — «от дыма меч», легенда, записанная через двести лет после описываемых событий, есть только горделивое желание подчеркнуть особую роль племени, ставшего центром вновь образующегося государства.

Завозный, франкский меч, конечно, не был гостем каждого дома, хотя бы и полянского. Нож, топор, копье, лук и стрелы — вот обычное оружие рядового русского воина. На десятки топоров и копий больших могильников мечи встречаются единицами. Меч, найденный во время раскопок, часто является предметом особой гордости археолога. Мечу с его зачастую богато оформленной рукоятью уделяется незаслуженно много внимания и места на страницах отчетов, их издают и переиздают в фотографиях и рисунках, их классифицируют, подсчитывают, спорят об их датировках и пр.

Но за этим нарядным оружием к сожалению осталась почти незамеченной целая серия клинков, уступавшая мечам в изяществе, в величине и целом ряде других качеств, кроме одного — большого значения, которые эти клинки смогут приобрести, если на изучение их обратить серьезное внимание.

Чтобы быть точным, нужно сказать, что известное внимание этой группе клинков было уделено в зарубежной литературе. Начиная с конца XIX в. и по 30-е годы нашего столетия, некоторые из этих клинков неоднократно фигурировали на страницах работ, посвященных выяснению праистории мадьярского племени. Это работы Хампеля, Пошта,[2]

---

[1] ПСРЛ, Лаврентьевская летопись под 969 г.

[2] Béla Pósta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Будапешт—Лейпциг. 1905.

Э. Ленца,[1] Солтана Тота,[2] А. Захарова и В. Арендта.[3] Авторов этих работ история культуры древней Руси интересовала, конечно, менее всего, и подбор материала был специфический, нужный им только для освещения интересующих их проблем.

Группа клинков, на которую мы хотим обратить внимание, не однородна. Полной характеристики ее и даже исчерпывающего учета клинков этого типа в настоящее время сделать невозможно, для этого необходим просмотр коллекций оружия многих музеев. Поэтому все, что нам удалось собрать, надо рассматривать как первую попытку ввести в оборот группу памятников, проливающих свет на один из самых темных периодов в истории культуры Киевской Руси — XI в.

Общие признаки, объединяющие клинки в одну группу, заключаются в следующем: клинки прямые или слабо изогнутые, однолезвийные с двулезвийным концом (от $^1/_4$ до $^1/_3$ длины клинка); рукоять изогнута в сторону лезвия; ширина клинка у рукояти — 0.03 м. Это тип так называемой «хазарской» сабли, известный нам по целому ряду экземпляров северокавказских и салтовских сабель VIII—IX вв. (табл. II—III). Клинки этих сабель так мало изогнуты, что иногда их просто считают прямыми. Прямой считал В. А. Бабенко[4] Салтовскую саблю из катакомбы № 1 (табл. III, *2*), а П. С. Уварова изданную ею саблю из Кобанского могильника называет «длинный прямой меч»[5] (табл. II, *1а*). Мечом до сих пор считается и знаменитый Перещепинский «меч»; однако он имеет легкую кривизну, а кроме того, он однолезвийный, что заставляет именовать его «Перещепинской саблей» (табл. III, *1*). Перещепинская сабля, повидимому, один из самых ранних экземпляров сабель этого типа, найденных в Восточной Европе. К этой ранней группе относится знаменитая Загребинская сабля (б. Вятская губ.; табл. III, *4а*, *4б*) и остатки Воробьевской (б. Воронежская губ.; табл. III, *3*).

Гораздо многочисленнее группы ранних сабель VII—IX вв., группа клинков X—XI вв. Целая серия их найдена на Северном Кавказе (табл. II), а также в Поволжье, в б. Курской, б. Тамбовской, б. Владимирской губерниях и Прикамье (табл. III).[6] Изображенные на рисунках сабли разновременны и собраны не с исчерпывающей полнотой. В литературе часто встречаются указания на находки сабель, изображения которых не приведены, поэтому без осмотра этих находок в музеях сказать о них что-либо трудно. Так, очень возможно, что к этой же группе принадлежат клинки, найденные в б. Харьковской и б. Полтавской губ. и других местах.

В Государственном Эрмитаже хранятся «два прямых клинка об одном лезвии, цельный 86 сант. длины и 3 $^3_4$ сант. ширины у плеча, найдены

---

[1] E. Lenz. Eine Säbelstudie. Zeitschrift für historische Waffenkunde, т. IV, вып. 6. Берлин, 1914.

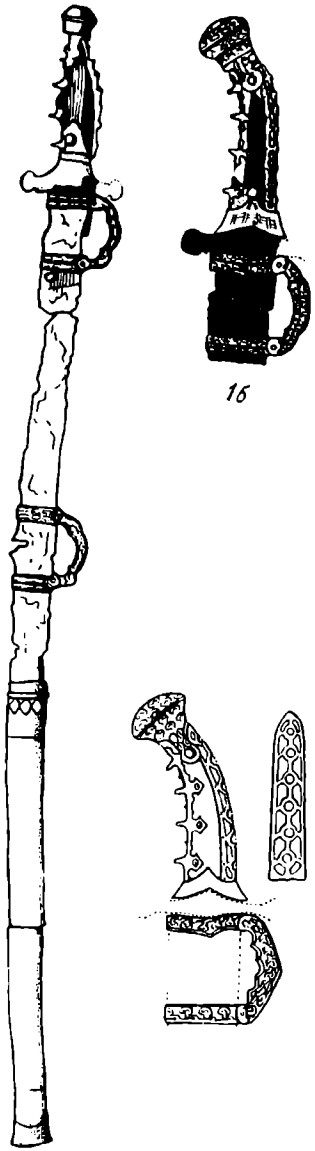
[2] Z. Tóth. Attila's Schwert. Studie über die Herkunft des sogenannten Säbels Karls des Grossen in Wien. Будапешт, 1930.

[3] A. Zakharow und W. Arendt. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Archaeologia Hungarica, XVI, Будапешт, 1934.

[4] В. А. Бабенко. Дневник раскопок 1911 г. Тр. XV АС, I, стр. 448—449.

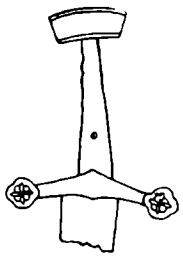
[5] МАК, VIII, М., 1900, стр. 93—94, рис. 90. На изданном П. С. Уваровой рисунке изображено только $^2/_3$ клинка сабли.

[6] Кроме изображенной на табл. III, *11* сабли из Лядинского могильника, оттуда же происходят не менее пяти клинков; они плохой сохранности, но, за исключением одного, все принадлежат к интересующему нас типу — слабовыгнутые, однолезвийные. См.: Н. В. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. МАР, № 10, СПб., 1893, стр. 7, 22, 54. — A. Zakharow u. W. Arendt, ук. соч., стр. 55, №№ 16, 17, 18; упомянутый там же в примечании клинок по мнению Арендта относится к XIII в.

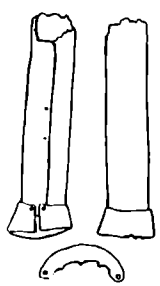

1а

1б

3

4

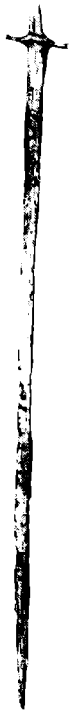

5

6

7

8

9

10

11

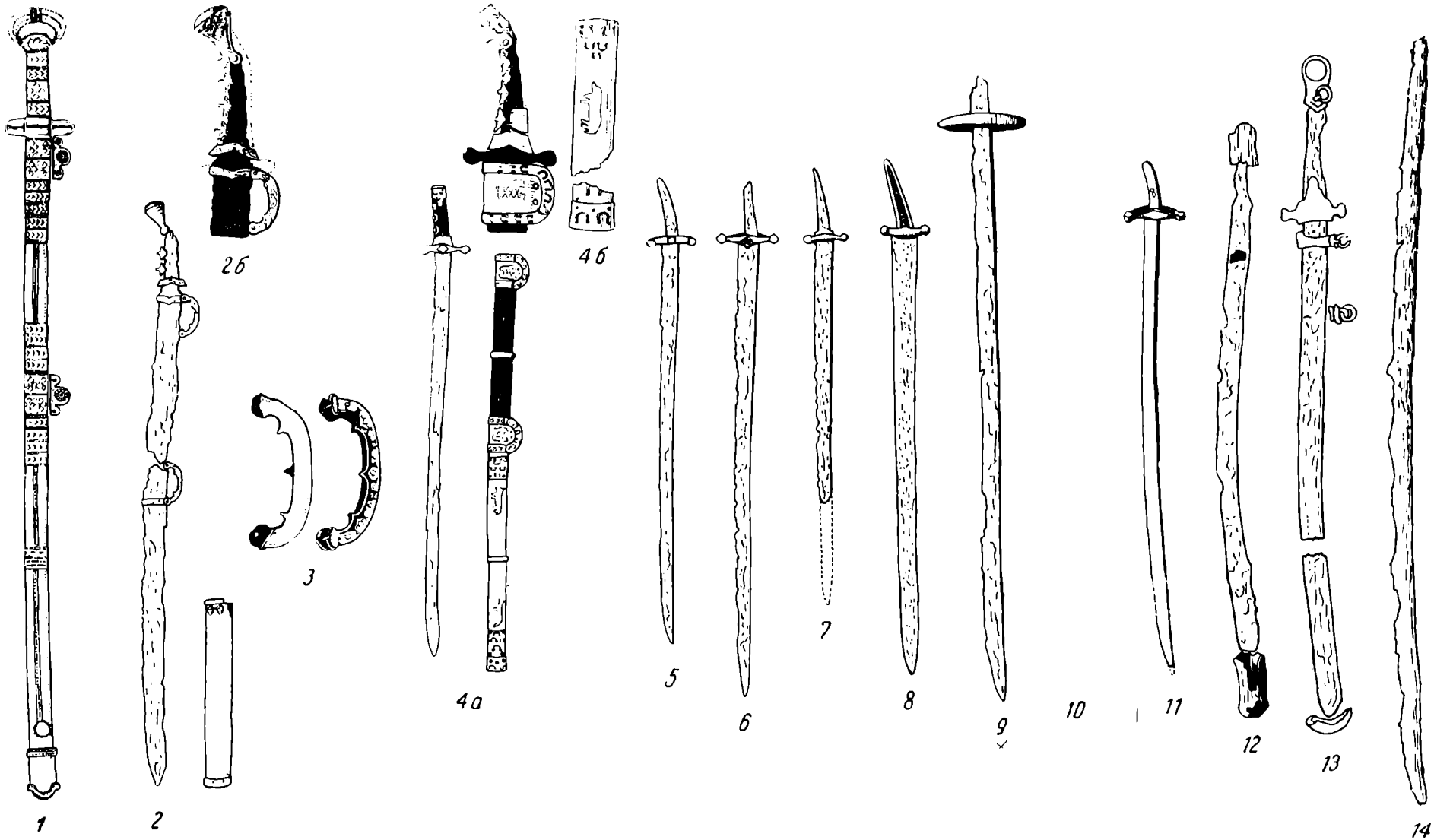
12

13

14

1
2
2б
3
4а
4б
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

в Полтавской губернии, Лохвицком уезде, близ села Поставицк».[1]

В 1899 г. в урочище Могильник в 5 верстах от с. Корулько Изюмского у. Харьковской губ. во время раскопок И. М. Бич-Лубенского была найдена «сабля железная, типа находимых в черкесских могилах, со следами дерева от ножен, и рукоять. У сабли длинное лезвие (1 м 4 см); она почти прямая».[2]

В 1888 г. в Поросье, близ с. Гадомки, в раскопанном И. А. Хойновским кургане были найдены «два прямых железных меча, крепко проржавленных и переломавшихся в нескольких местах; лезвия с одного края острые, а с другого тупые, нижняя же часть обоюдоострая; рукоятки искрошились; длина мечей без рукоятей около 80 см».[3]

Таких и еще более кратких описаний клинков, найденных в разных местах восточноевропейской равнины и не изданных графически, можно найти немало в различных каталогах музеев, выставок и частных коллекций. Если к этому добавить значительное количество перекрестий рукоятей, хранящихся в музеях (например в Киевском историческом музее) и только частично описанных,[4] то получится довольно большая группа памятников, могущая стать предметом специального исследования.

Датировать клинки очень трудно, особенно, если они происходят из случайных находок или изданы вне комплекса вещей, совместно с ними найденных. Однако все же можно установить, что поздние клинки имеют бóльшую кривизну и длину. Таковы несколько сабель из Поросья, принадлежащие поздним кочевникам (возможно половцам, примерно XI в.), некоторые из Лядинских сабель (табл. III, *11*) и одна из Владимирских. Второй Владимирский клинок (табл. III, *9*), напротив, совершенно прямой. Переиздавая его, А. А. Спицын, писал: «время этой сабли нам не известно».[5]

Клинки этого же рода, восходящие к типу хазарских сабель, но несколько более поздние — IX—XI вв., — чрезвычайно распространены в Венгрии, вследствие чего внимание венгерских археологов и привлекли южнорусские сабли (табл. IV). Действительно, часть венгерских сабель совершенно сходна с нашими, но на более поздних, повидимому конца X—XI вв., появляется дол, идущий вдоль тупого края клинка (табл. IV, *9—12*). У некоторых из этих сабель (XI в.) имеется елмань (табл. IV, *9—12*). Дол и елмань в ярко выраженном виде имеются на знаменитой венгерской «сабле Карла Великого» (табл. IV, *16*).

В обширной литературе, посвященной этой сабле, высказано много иногда противоречивых мнений относительно ее даты и происхождения. Хампель датировал ее XI в.,[6] Солтан Тот — второй половиной X в.,[7]

---

[1] Э. Ленц. Имп. Эрмитаж. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения, ч. I. Собрание оружия. СПб., 1908, стр. 305, № 7323.

[2] Каталог выставки XII АС. Отдел древностей, добытых из раскопок и случайных находок. Харьков, 1902, стр. 115, № 1179.

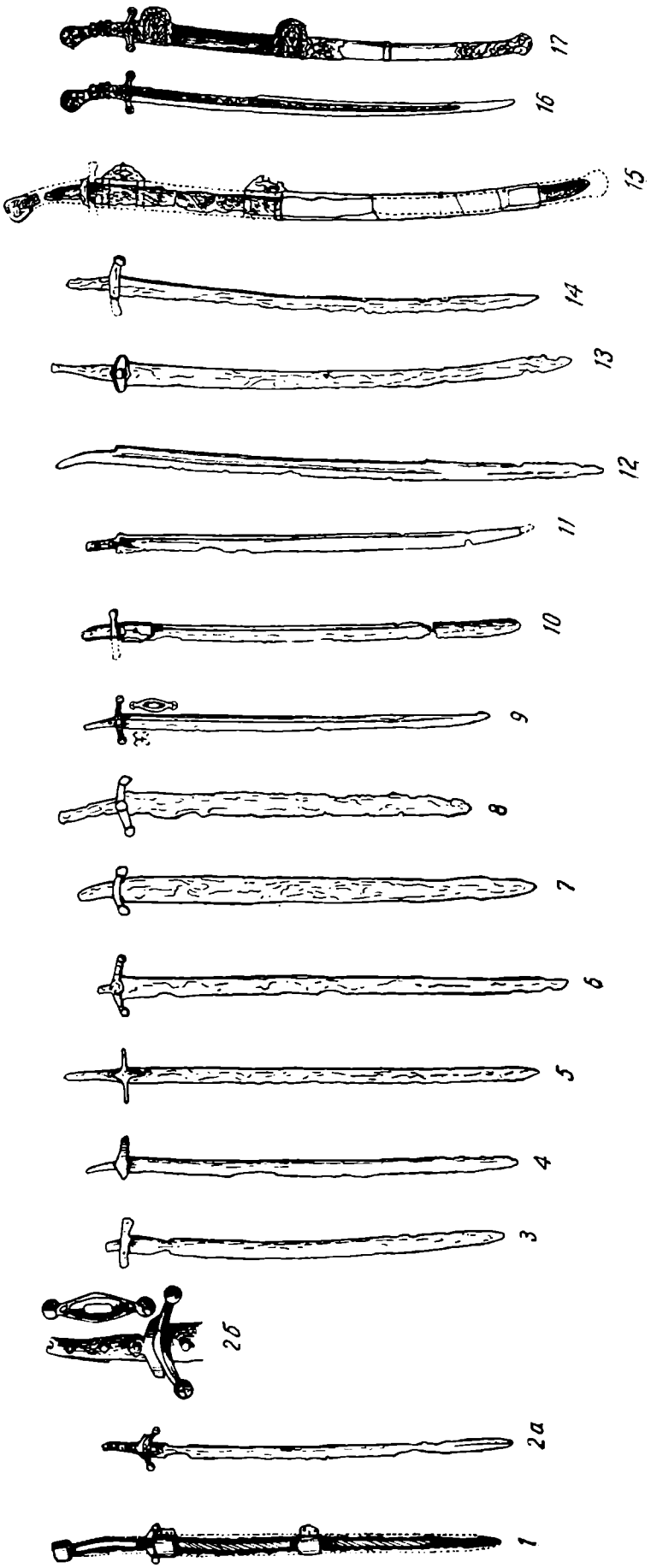
[3] И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 102, № 601.

[4] Напр. из с. Городище или Александрова Гора Владимирской губ., не в кургане (А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, рис. 71); из с.с. Загарье и Ильинское Пермской губ. (А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, № 26, табл. XXIII, 24, XXVII, 15). — A. Zakharow u. W. Arendt, ук. соч., рис. 22, *3* на стр. 56); из Лядинского могильника (там же, рис. 22, *1* на стр. 56); с Девичьей Горы Киевского у. Киевской губ., 1901 (Фотоархив ЛОИИМК, нег. III-8276, три перекрестия, хранятся в Киевском историческом музее).

[5] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 126, рис. 392. Атлас к Тр. I АС. М., 1871, табл. XXX, *30*.

[6] J. Hampel. Der sogenannte Säbel Karls des Grossen. Zeitschrift für historische Waffenkunde, т. I, вып. 2, Дрезден—Берлин, 1897—1899, стр. 45—49.

[7] Z. Tóth, ук. соч., стр. 38.

17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2б
2а
1

а В. Арендт и Феттих — IX в. Наименее убедительны доводы последних авторов, опирающихся в своей датировке на орнаментацию сабли и делающих при этом много ошибок. Наиболее близок к истине, повидимому, Хампель, датировавший саблю XI в. За это говорит форма ее клинка. К «сабле Карла Великого» и некоторым другим венгерским саблям мы вернемся несколько позже, сейчас же снова перейдем к клинкам, найденным на территории Восточной Европы.

Среди клинков как прямых, так и слабо изогнутых, имеющих ширину 0.03 м, встречается небольшое количество клинков, ширина которых приближается к ширине меча при сохраненной легкой кривизне, однолезвийности и изгибе рукояти в сторону лезвия. Такой клинок найден в б. Вятской губ. (Мордвиновский могильник, табл. III, *8*). Он совмещает в себе черты клинков западноевропейских мечей с чертами сабельных клинков. Такие же сабли-мечи известны и в Венгрии (табл. IV, *7*, *8*). К сожалению, дата Мордвиновской сабли-меча в настоящее время не может быть установлена, так как материалы по раскопкам Мордвиновского могильника не изданы. Венгерские же сабли-мечи, если судить по изогнутым книзу перекрестиям, могут быть датированы X—XI вв.

В настоящей работе мы совершенно не ставим себе целью рассмотрение причин, вызывавших изменения в формах сабли и появление своеобразного гибрида — сабли-меча, безусловно связанных с изменениями в форме боя, с переходом от пешего боя к конному, с изменением типов брони. Небольшое отступление, посвященное рассмотрению некоторых форм клинков, нам нужно для нашей основной цели — выяснение причин, вызвавших появление в XI в. такой своеобразной детали ножен, как глубокие наконечники.

До сих пор мы говорили об однолезвийных клинках, найденных в России, но не указали почти ни на один, который происходил бы из среднего Поднепровья. Были ли они в употреблении в Киевской Руси или их полностью заменил там франкский меч? Когда встает вопрос о саблях Поднепровья, то обычно вспоминают о сабле из Черной Могилы, как о чем-то случайном и инородном. Присутствие ее в Черной Могиле обычно объясняют просто постоянными сношениями со степью. В перечне сабель, найденных на территории России, В. Арендт даже не упоминает ее, может быть, по причине плохой сохранности не рискуя причислить ее к интересующему его типу «тюркских» сабель.[2] Форма ее, действительно, не прослеживается, так как она найдена в большом массиве, скипевшемся от огня, вместе с двумя мечами конца X—начала XI в. и кольчугой.[3]

Из Поднепровья Арендт упоминает только позднее, XI в., перекрестие, найденное без клинка на Княжей Горе.[4] Отметим, кстати, что он почему-то не включил в свой перечень одну из сабель Гочевского могильника Курской губ., имеющую совершенно такое же литое узорное перекрестие (табл. III, *13*).[5] Б. А. Рыбаков в работе «Анты и Киевская Русь»,

---

[1] W. Arendt. Türkische Säbel aus VIII—IX. Jahrhunderten. Archaeologia Hungarica, XVI, Будапешт, 1934, стр. 65—66. — N. Fettich. Hunnen, Altungarn und Urbevölkerung. Finska forminnesföreningens Tidskrift, XLV, Хельсинки, 1945, стр. 188.

[2] W. Arendt, ук. соч., стр. 48—68.

[3] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1917, рис. 23.

[4] W. Arendt, ук. соч., стр. 55, рис. 21. — Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. VI, *212* (перекрестие на таблице перевернуто).

[5] Д. Я. Самоквасов. Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. IX, 6—9.

помещая Гочевскую саблю рядом с реконструированной им по перекрестию Княжегорской саблей, выпрямил клинок Гочевской сабли, превратив ее в меч, а поэтому и Княжегорскую саблю изобразил в виде меча. Следуя за ошибкой Д. Я. Самоквасова, он перевернул перекрестие верхом вниз,[1] настолько необычайной казалась ему возможность существования сабель в Киевской Руси.

Вполне возможно, что в коллекциях музеев имеются еще неопубликованные клинки этого времени, происходящие из среднего Поднепровья; возможно, что вышеупомянутые два прямых однолезвийных клинка из б. Полтавской губ. относятся к этой же группе. В самом Киеве в конце XIX в. был найден «прямой обоюдоострый в нижней своей половине меч; длина 70 см, а средняя ширина 4.5 см; рукоять отломана». Также в Киеве, в старом городе, при планировочных работах были найдены «два кривых меча, т. е. сабли хазар или монголов, с прикипевшими отчасти ножнами; один имеет длину без рукояти 84 см, а другой 104 см».[2] Вторую находку нельзя с уверенностью отнести к интересующему нас типу клинков, но первая представляет значительный интерес.

Однако, бедный список среднеднепровских клинков не франкского происхождения может быть пополнен более надежным и интересным материалом.

Клинок Киевского меча 1939 г., на который надет интересующий нас наконечник, имеет легкое искривление (рис. 3, *а*, *б*). К сожалению, не известно, однолезвийный он или двулезвийный. Клинок не очищен и вследствие сильной коррозии установить это пока не удалось. Рукоять его также не сохранилась, поэтому мы не имеем и этого существенного для характеристики клинка признака. Считать Киевский клинок 1939 г. просто саблей, однако, нельзя. Клинок слишком широк для сабли — больше 0.05 м, в то время как у сабель он в среднем равен 0.03 м. Следовательно, киевский клинок при легком искривлении имеет ширину меча,

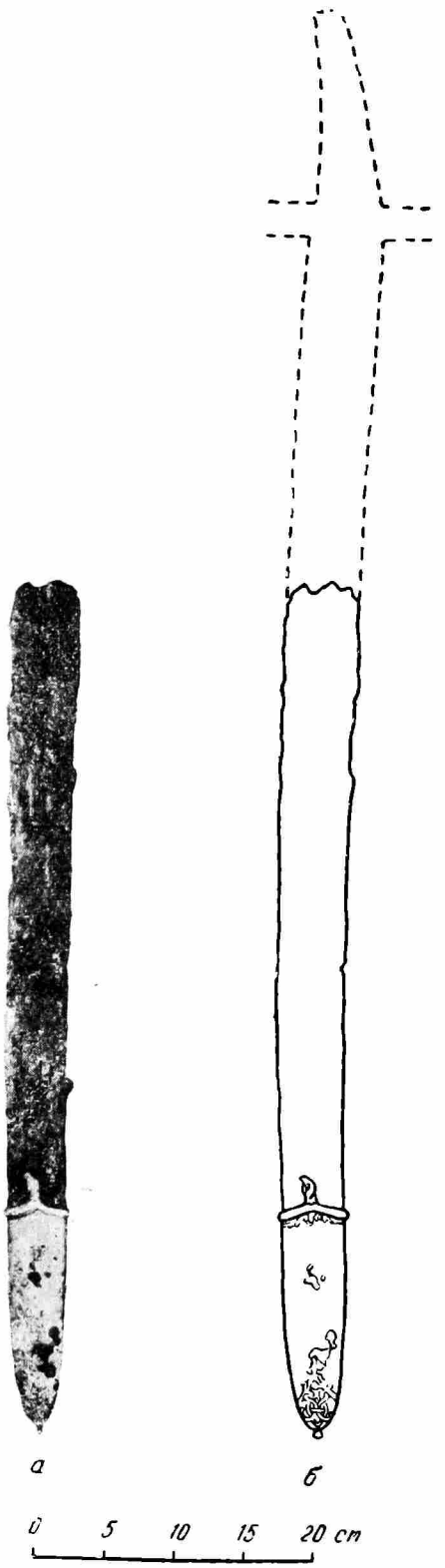

Рис. 3.
а — клинок из княжеского погребения в Десятинной церкви в Киеве в 1939 г.; *б* — он же, реконструкция.

[1] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 337, рис. 5. Перещепинская сабля на том же рисунке изображена также прямой.

[2] И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 163, №№ 802 и 803.

т. е. он представляет собою саблю-меч. Приходится еще раз пожалеть, что рукоять его не сохранилась.[1]

Прямым подтверждением всему сказанному о киевской сабле-мече 1939 г. является второй весьма своеобразный клинок, найденный всего в нескольких десятках метров от первого.

В 1892 г. во время земляных работ в Киеве на б. усадьбе Трубецкого, за которыми наблюдал киевский любитель-археолог И. А. Хойновский, был найден разбитый шиферный саркофаг. В саркофаге при лежавших в беспорядке костях был найден фрагмент зеленого мраморного нагрудного креста и согнутый меч длиной 0.92 м при ширине 0.042 м (рис. 4 и 5). Клинок его был однолезвийный и только низ на $^1/_4$ длины обоюдоострый. Рукоять изогнута в сторону лезвия. Был ли клинок его прямым или слегка искривленным, сказать трудно, так как меч согнут пополам; И. А. Хойновский утверждает, что он был прямым, но это нельзя считать окончательно установленным.[2] Следует также заметить, что на реконструкции меча, опубликованной И. А. Хойновским (рис. 4), совершенно не выдержаны пропорции клинка, т. е. ширина его по отношению к длине: клинок сделан слишком широким. Бросается в глаза желание передать в реконструкции типичные черты именно меча с его резко суживающимся острым концом. Изображение клинка в том виде, как он был найден (рис. 5), как раз не несет в себе ярко выраженных черт меча; клинок плавно суживается и заканчивается совсем не таким острым концом, как это изображено на реконструкции И. А. Хойновского.

Таким образом, в этом клинке мы имеем все признаки сабли-меча, если не просто сабли, хотя ширина его клинка — 0.042 м несколько велика для сабли, но узка для меча.[3]

Эта сабля-меч (будем называть ее условно так) имеет одну замечательную и своеобразную особенность. Вдоль всей тупой стороны клинок был орнаментирован тончайшим растительным узором, выполненным, сколько можно судить по описанию, в технике платировки: по медной полоске около 0.01 м ширины, покрытой накладным золотом, был нанесен резцом мелкий растительный орнамент «на обеих сторонах разнообразный».[4] Ни мечей, ни сабель с платированными клинками в России больше не найдено.[5] Эта редкая особенность Киевской сабли-меча 1892 г. заставила усумниться М. К. Каргера в правильности реконструкции (не только графической), данной И. А. Хойновским. «Думаем, — пишет М. К. Каргер, — что вследствие плохой сохранности меча, Хойновский неверно реконструировал меч на своем рисунке. Инкрустированная тупая сторона меча на самом деле была остатком ножен, к которым были прикреплены золотые пластинки. Точная реконструкция меча и ножен затруднена тем обстоятельством, что меч был, повидимому, ободран нашедшими его землекопами, что подозревает и сам Хойновский».[6] Повидимому, все же М. К. Каргер не прав: правильность реконструкции И. А. Хойновского подтверждается тем, что существует еще

---

[1] На предлагаемой реконструкции длина Киевской сабли-меча доведена до 1.00 м — средней длины этого типа клинков (рис. 3, *б*).

[2] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 36—40, табл. XX, рис. 85 и 86.

[3] Б. А. Рыбаков называет ее «палашом». Название это, однако, позднее (XVII в.) и относится к несколько иным клинкам (Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. IV, М., 1946, стр. 41).

[4] И. А. Хойновский, ук. соч., стр. 38—39.

[5] Если только после очистки клинка Киевской сабли-меча 1939 г. на ней не будет найден платированный орнамент.

[6] М. К. Каргер, ук. соч., стр. 19.

один клинок с орнаментом, выполненным платировкой; это «сабля Карла Великого», хранящаяся в Вене (рис. 6 и 7). Вдоль тупого конца, почти во всю длину клинка, идет орнаментальная полоса. На ней по золоту,

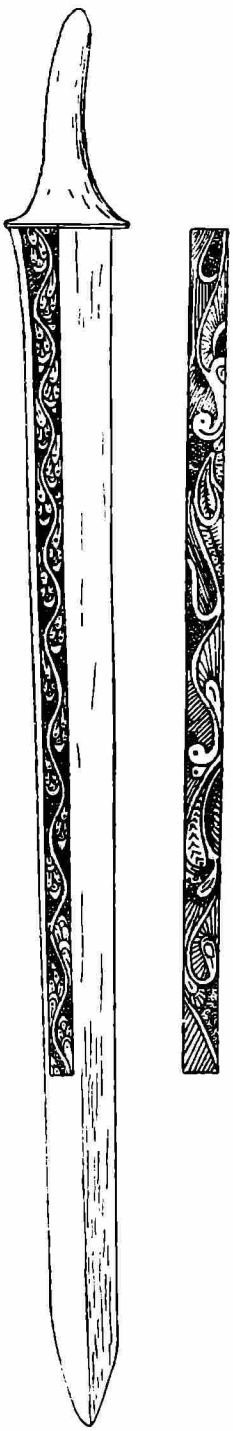

Рис. 4. Реконструкция И. А. Хойновского клинка, найденного в 1892 г. на б. усадьбе Трубецкого в Киеве.

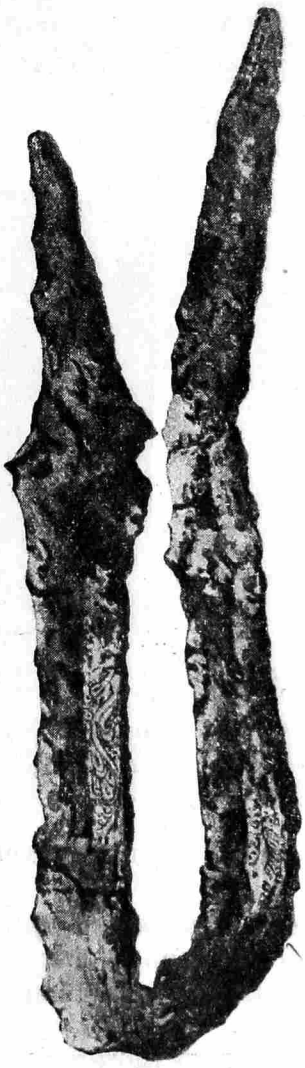

Рис. 5. Клинок, найденный в 1892 г. на б. усадьбе Трубецкого в Киеве.

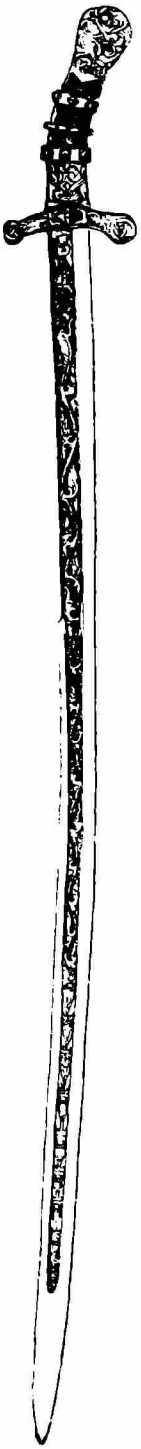

Рис. 6. «Сабля Карла Великого».

на покрытом пунсонными колечками фоне, выгравированы вверху два сопоставленных животных типа гиппокампов; хвост нижнего превращается в извивающуюся лозу с листьями, выполненными в той манере,

которая хорошо известна по памятникам Венгрии и Среднего Поднепровья, в частности Киева и Чернигова.

В Венгрии этот орнамент лучше всего представлен в орнаментации ташек и рукоятей сабель (рис. 8), происходящих из богатых погребений второй половины X в.

В Среднем Поднепровье он известен по оправам трех Черниговских турьих рогов и киевскому Золотоворотскому мечу, также второй половины X в. (рис. 9).

Это пышный растительный орнамент из переплетающихся стеблей и остролистых цветов или завитков, выполненный всегда умелой

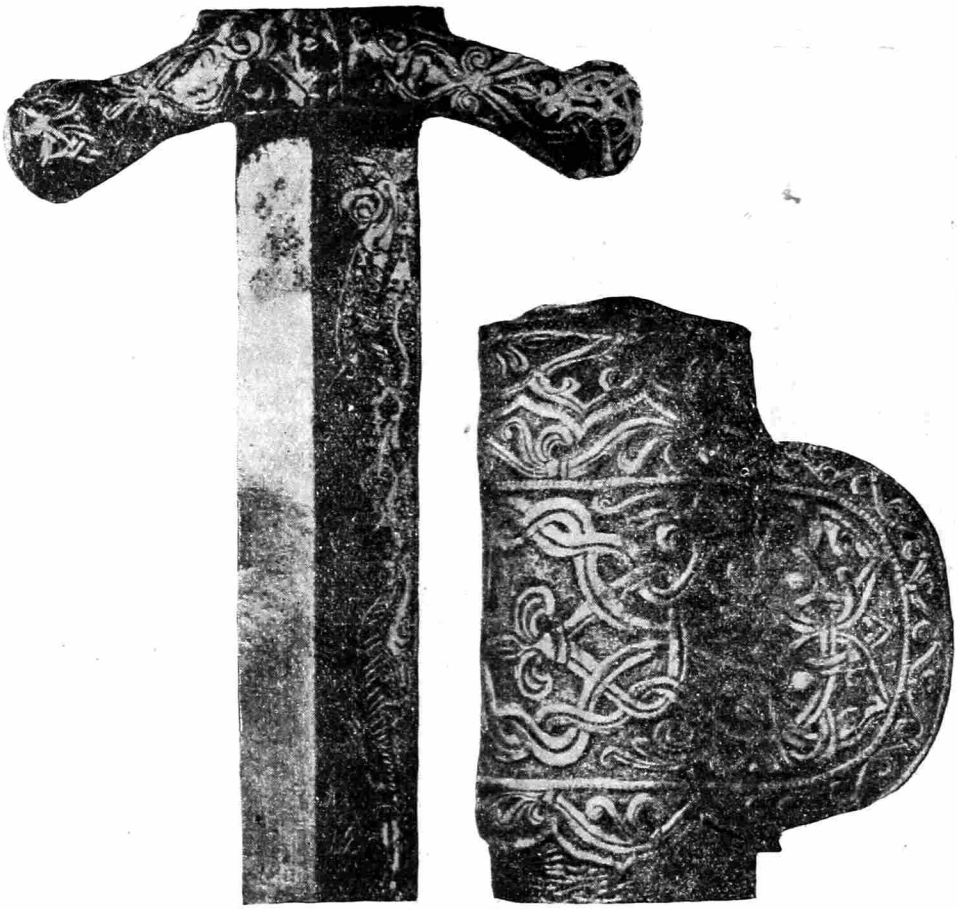

Рис. 7. Деталь «сабли Карла Великого» и ее ножен.

твердой рукой. Особый эффект орнаменту придает контраст между большими гладкими плоскостями листьев и шероховатостью фона. Неизменной деталью орнамента является украшающая гладкие листья точка с усиком.

Как ни плох рисунок Киевского клинка, опубликованный И. А. Хойновским, он все же достаточно ясно говорит о том, что орнамент его клинка по стилю был именно таким, как и на «сабле Карла Великого». На рисунке ясно видны и пучки листьев, украшенные точкой с усиком, помещенные между изгибами стебля, и штрихованные листья, и усыпанный колечками шероховатый фон (рис. 4). Клинок этот продолжает на русской почве определенное течение в художественной обработке металла, появившееся еще во второй половине X в. и тесно связанное с подобным же художественным течением в Венгрии. Как в Венгрии, так и в Киевской Руси, этот орнамент встречается только на исклю-

чительно богатых, иногда уникальных памятниках. В Киевской Руси он известен на памятниках, выполненных самыми разнообразными техническими приемами. На оправах Черниговских рогов он исполнен чеканом с чернью и просто одним чеканом; на рукоятке Золотоворотского меча — гравировкой; на рукояти Золотоворотского кинжала — резьбой по кости и, наконец, на клинке Киевской сабли-меча в новой для Киевской Руси технике — платировке.

Рис. 8. Золотые накладки ножен и сабли, найденной в Гестередь (Венгрия).

Так как клинок 1892 г. был найден в погребении явно христианском (саркофаг, крест), то ранее, чем в XI в., он не мог попасть в землю. Сопоставляя Киевский клинок 1892 г. с «саблей Карла Великого», датируемой XI в., и учитывая, с другой стороны, чрезвычайную близость орнамента обоих клинков орнаментации памятников более ранних — второй половины X в., можно, как нам кажется, датировать киевскую саблю-меч XI в., первой его половиной.

«Сабля Карла Великого» представляет для нас особый интерес не только потому, что орнаментацией своего клинка она близка Киевской

сабле-мечу 1892 г. Она интересна также оформлением своей рукояти и особенно ножен (рис. 6 и 7 и табл. IV, 16).

И рукоять и ножны «сабли Карла Великого» полностью повторяют формы ножен и рукоятей более ранних хазарских сабель — Салтовской, Загребинской и северокавказских. Над перекрестьем с округлыми концами у них помещена накладка формы усеченного конуса, охватывающая рукоять. У большинства сабель как ранних (VIII—IX вв.), так и поздних (X—XI вв.) головка рукояти слегка утолщена и имеет вытянутую округлую форму. На головку обычно надет серебряный, богато орнаментированный колпачок. Самая рукоять также имеет ряд металлических накладок. Кроме «сабли Карла Великого», в Венгрии найдено еще две аналогичных ей сабли в богатых погребениях конца X в., но без орнаментации клинка. Одна из них имела серебряные рукоять и накладки на ножнах, другая — золотые (рис. 8). Орнамент рукоятей и ножен выполнен в стиле, о котором мы говорили выше.

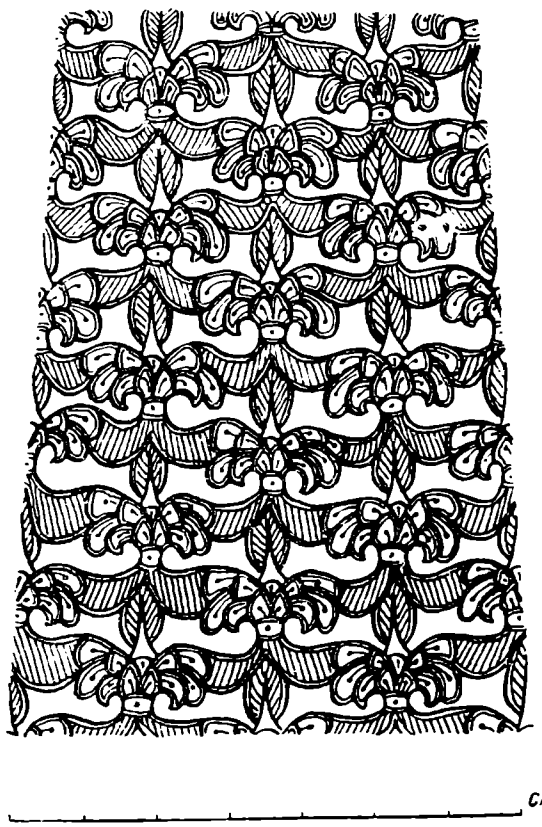

Рис. 9. Орнамент рукояти меча из погребения дружинника у Золотых Ворот в Киеве.

Ножны «сабли Карла Великого», с двумя металлическими полукруглыми выступами для прикрепления ремней, больше чем наполовину покрыты орнаментированным металлическим листом. Обе эти черты — ручки, или выступы для ремней, и глубокие металлические наконечники — характернейшие черты хазарских сабельных ножен. Нам известно девять таких сабель, найденных на территории России, из них четыре происходят с Северного Кавказа, пятая из Салтовского могильника, шестая из б. Воронежской губ. (Воробьевка), седьмая из б. Вятской губернии (Загребино), восьмая из б. Скопинского у. Рязанской губ. и, наконец, девятая из Перещепинского клада б. Полтавской губ.

У Перещепинской сабли ножны сплошь, до самой рукояти, покрыты металлическими накладками. У других сабель металлические наконечники короче: у Кобанской — 0.39 м, у Загребинской — 0.33 м, у Салтовской — 0.25 м.

Значение формы «хазарского» сабельного клинка в процессе создания древнерусских клинков XI в., о котором мы говорили выше, позволяет поставить вопрос и о роли формы ножен «хазарских» сабель в сложении формы ножен XI в. Длинный, глубокий наконечник на ножнах сабли необходим потому, что кривое режущее лезвие сабли разрезало край ножен. При вкладывании же в ножны меча основной удар приходился не на край, а на нижний конец ножен, который и защищался массивным литым, но коротким наконечником. Легкое искривление, появившееся у русских клинков в XI в., вызвало необходимость

в изменении и защитных металлических покровов ножен. Они стали глубже, чем у ножен мечей, но не достигали глубины сабельных ножен. Следовательно наконечники ножен русских клинков XI в. соединили в себе черты сабельных ножен и ножен мечей. Поэтому длинный, глубокий наконечник на ножнах Киевской сабли-меча может считаться потомком металлических покрытий ножен «хазарских» сабель.

Сама по себе форма «хазарских» ножен восходит к глубокой древности. Ножны скифских мечей зачастую имели вверху у рукояти округленный выступ. Таковы ножны мечей из курганов Келермесского, Мельгуновского, Солохи, Чертомлыка и Куль-оба.

Такие же ножны изображены на рельефе во дворце Ксеркса в Персеполе и на золотой пластинке из Амударьинского клада 1877 г. II в. до н. э.

Чрезвычайно разнообразны металлические детали ножен III—VIII вв., но они, как и все памятники этого периода, плохо датированы, не учтены и не изучены.

Из ряда пунктов юга России происходят детали ножен в виде Р-образного выступа: случайная находка на Тамани (золото, гранаты; III в.);[1] Перещепинский клад (один золотой и один серебряный, с чернью, одинаковые по форме, размерам и орнаменту); из раскопок В. В. Хвойки в Поднепровье (серебряный с изображением лица, грубо выложенным зернью).[2] Борисовский могильник близ Новороссийска (медный, без орнамента, с петлей для ремня на тыльной стороне).[3] Такие же Р-образные детали ножен найдены в Венгрии [4] и далее в Италии, в Лангобардском некрополе VI—VII вв. (Castel Trosino) на двух кинжалах;[5] у одного из них на

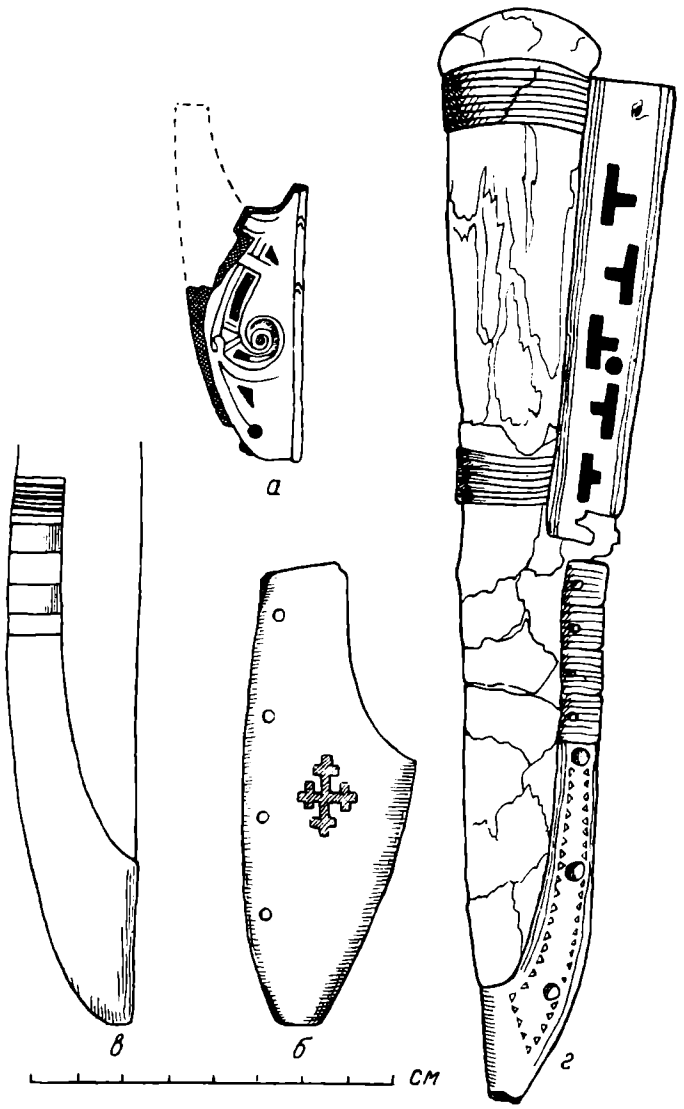

Рис. 10. Наконечники ножен больших ножей.

а — Люцинский могильник; *б* — Владимирские курганы; *в* — Шестовицкий могильник; *г* — б. Петербургская губ., д. Рябболово.

[1] M. Ebert. Ein Dolchscheidenfragment aus Südrussland. Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata, 1913, стр. 278—279, рис. 1.

[2] Архив ЛОИИМК, дело Археологической Комиссии № 199 за 1896 г., л. 46.

[3] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, стр. 98—99, кург. № 62, табл. I, *11*.

[4] Pär Olsén. Die Saxe von Valsgärde. Упсала, 1945, рис. 40, 268, 269.

[5] Pär Olsén, ук. соч., рис. 41 и 277. — M. Ebert, ук. соч., рис. 3.

Р-образном выступе грубое изображение человеческого лица, как и на найденном В. В. Хвойкой в Поднепровье.

Некоторые Р-образные выступы (повидимому, перевернутые верхом вниз) соединяются с широкой обоймой, охватывающей верхнюю часть ножен. Два таких, повидимому, совершенно одинаковых экземпляра, найдены на юге России: один в Керчи,[1] другой происходит из коллекции Алексеева, жившего в г. Днепропетровске.[2] Оба они сделаны из золота и украшены голубым стеклом. Дата их примерно IV—V вв. В добавление к накладке на верхнюю часть ножен у эрмитажного экземпляра имеется еще накладка на низ ножен в виде усеченного конуса также с Р-образным выступом. Низ этого наконечника сквозной, — нижнее отверстие ничем не закрыто. Этой своей чертой данный наконечник близок целой серии других наконечников, и глубоких и мелких, происходящих не только с юга России (Перещепино, Борисовский могильник,[3] маленький золотой с зернью наконечник и глубокий золотой футляр из коллекций Алексеева),[4] но и из других мест (Прикамье, глубокий футляр из трех частей; клад близ дер. Терехиной б. Томской губ.).[5] На Алтае (близ д. Сростки на р. Катунь) найдена сабля в бронзовых позолоченых ножнах с двумя округлыми выступами. Датируется она широко VII—X вв.[6] Из могильника Армази в Грузии происходят ножны кинжала или ножа с двумя округлыми выступами вверху и двумя внизу (погребение № 1, II в. н. э.).

Отмечу мимоходом, что ножны на сабле Збручского идола имеют ту же форму, а сама сабля имеет форму хазарских сабель (слабый изгиб клинка, перекрестие, рукоять).

Как видно по приведенным, далеко не полным примерам, форма таких ножен имела не только длительное существование во времени, но и широкое распространение в пространстве. На востоке она уходит в необъятные дали Алтая, на западе доходит до Италии.

Западноевропейские специалисты по оружию утверждают, что эта форма ножен необычна для Западной Европы, и справедливо считают ее занесенной с востока (Эберт, Ольсен). К северу от Альп существовали в VI—IX вв. либо сильно измененные варианты этой формы, либо совсем иные оковки ножен. Большая часть их сводится к асимметричному небольшому наконечнику внизу ножен; с одной стороны от него отходит узкая полоса, охватывающая сбоку узкую часть ножен и скрепляющая шов ножен, если они были из кожи. За эту узкую металлическую полосу, орнаментированную по разному, клинок подвешивался к поясу при помощи петель или колец. Большей частью эти наконечники пластинчатые. Такие оковки ножен делались для скрамасаксов, кинжалов и ножей. В виде футляров для ножей они долго живут и у нас в северных районах древней Руси, особенно на северо-западе (рис. 10, *а*, *б*, *г*), редко попадаясь в Поднепровье (рис. 10, *в*). Эта особая форма асимметричного наконечника древнее той, которая представлена на нашей таблице I. Асимметричные наконечники никогда не встречаются на ножнах мечей. Как в VII—IX вв. (на западе), так и в X—XII вв. (на западе и на востоке Европы) их помещали только на ножнах клинков меньшего размера — кинжалов или крупных ножей. Появление крупного дву-

---

[1] Pär Olsén, ук. соч., стр. 267; хранится в Кёльнском музее.
[2] Хранится в Государственном Эрмитаже.
[3] В. В. Сахарев, ук. соч., кург. № 99, стр. 110—112, табл. IV—21.
[4] Хранится в Государственном Эрмитаже.
[5] ОАК за 1909 г., стр. 231; Архив ЛОИИМК, фонд 1, д. № 75, 1909 г.
[6] A. Zakharow und W. Arendt, ук. соч., стр. 26—28, табл. VII.

лезвийного клинка — франкского меча, вызвало в XI в. новую форму наконечника ножен. Эта форма стала повсеместно господствующей в X и XI вв. Тем больший интерес имеет для нас наконечник Киевской сабли-меча 1939 г., который представляет собой своеобразную переработку формы мечевого наконечника в применении к новому типу клинка — мечу-сабле.

Заканчивая очерк, посвященный древнерусскому оружию XI в., следует сказать, что несмотря на то, что в нашем распоряжении было всего два экземпляра этого оружия, к тому же дошедшего до нас в плохо сохранившемся виде, значение его очень велико как для истории древнерусской культуры вообще, так и для древнерусского художественного ремесла в частности. До сих пор считалось, что из оружия в Киевской Руси производились только копья, боевые топоры, ножи и стрелы. Тяжелые же клинки — мечи — известны были только привозные, франкские. Проделанный анализ некоторых форм клинков привел нас к выводу, что безусловно уже в XI в. в Киевской Руси русские кузнецы ковали свое собственное оружие — крупные, тяжелые клинки. Эти клинки отличались рядом своеобразных особенностей. В них органически сочетались основные признаки и меча и сабли. При ширине, обычной для меча, клинок имел легкое искривление сабли. Как у сабли у них изогнута и рукоять, клинок же, на три четверти однолезвийный, внизу был обоюдоострый, как у меча. Это был своеобразный гибрид — сабля-меч, сложившийся в связи с постоянной борьбой со степью и с обороной границ от кочевников. В Киевской Руси был хорошо известен как тяжелый франкский меч, так и легкая сабля кочевников. В блестящую эпоху Ярослава было создано более совершенное оружие, сочетавшее в себе основные достоинства и мечей и сабель. Это было одновременно и рубящее и колющее оружие, оно было легче меча, но тяжелее сабли, оно годилось и для конного и для пешего боя.[1]

Создание нового типа клинка вызвало изменение и в конструкции ножен. Русские златокузнецы удачно справились и с этой задачей. В металлических защитных покровах ножен сабли-меча, как и в клинке, сказались характерные особенности ножен как мечей, так и сабель. Чудесный серебряный наконечник Киевской сабли-меча дает представление о том, насколько это слияние было органическим. По форме он похож на массивные наконечники ножен меча, а по длине и ширине — на наконечники ножен сабли.

В заключение хочется указать на один текст Лаврентьевской летописи, упоминающей под 1087 г. о колющих саблях. Недалеко от Звенигорода, повидимому по поручению Всеволода Ярославича, был убит Владимирский князь Ярополк, «прободен бысть отъ проклятаго Нерадьця. . Лежащю ѝ ту на возе, саблею с коня прободе ѝ...; и тогда вздвигнувъся Ярополк, выторгну из себе саблю. .». Совершенно очевидно, что Нерадец был вооружен не кривой рубящей, а прямой или почти прямой саблей с обоюдоострым колющим концом, т. е. именно такой, которая интересовала нас в данном очерке.

---

[1] К интересующим нас проблемам близко подошел А. В. Арциховский в небольшой статье «Русское оружие X—XIII вв.» (Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып IV, М., 1946, стр. 17), ставшей нам известной уже после окончания данной работы.

Приложение к табл. I

№№	Место находки	Источники и литература
I *1*	Швеция, Упланд	T. J. Arne. Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit. Opuscula Archaeologica Oscari Montelio Septuagenario dicata. 1913, рис. 1.
I *2*	Швеция, Упланд, Бьорко	Arne, ук. соч., рис. 18.
I *3*	Швеция, Упланд, Бьорко	Arne, ук. соч., рис. 13.
I *4*	Швеция, Гестрикланд, Хедезунда	Arne, ук. соч., рис. 14.
I *5*	Готланд	Arne, ук. соч., рис. 15.
I *6*	Эзель	B. Nerman. Die Verbindung zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Стокгольм, 1929, рис. 86.
I *7*	Залющик, на р. Оять бл. Ладожского озера	Arne, ук. соч., рис. 16.
I *8*	Старая Ладога, земляное городище, раскопки 1939 г.	Не издан; фотоархив ИИМК, колл. 1093.
I *9*	Гнездово Смоленской губ.	В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, 28, СПб., 1902, табл. VIII, *5*.
I *10*	Гнездово Смоленской губ.	Arne, ук. соч., рис. 12.
I *11*	Гнездово Смоленской губ.	А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 18.
I *12*	Сарское городище Ярославской губ.	Arne, ук. соч., рис. 17.— А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 79.
I *13*	Киевская губ.	Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V Киев, 1902, табл. XIV, 206.
I *14*	Шестовицкий могильник близ Чернигова, раскопки 1946 г.	Я. В. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Киев, 1949, стр. 52, рис. 1.
II *15*	Швеция, Ос, Емтланд	Arne, ук. соч., рис. 4.
II *16*	Швеция, Упланд, Бьорко	Arne, ук. соч., рис. 11.
II *17*	Швеция, Эланд	Arne, ук. соч., рис. 10.
II *18*	Швеция, Готланд	Arne, ук. соч., рис. 7.
II *19*	Приладожье, Заозерье, кург. № CXII-6	Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, 18, СПб., 1895, стр. 60, рис. 18.
II *20*	Гнездово Смоленской губ.	Arne, ук. соч., рис. 8. — В. И. Сизов, ук. соч., табл. VIII, *6*.
II *21*	Городище в 5 в. от Мурома по дороге в с. Чаадаево на берегу Оки	А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 52, табл. XXVIII, *9*.
II *22*	Даниловка бл. Камышина Саратовской губ.	T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Упсала, 1914, стр. 49—50, рис. 38. — Arne. Einige Schwert-Ortbänder. . . , рис. 2.
II *23*	Билярск Казанской губ.	A. Tallgren. Skandinaviska järnåldersföremål i östra Ryssland. Suomen Museo, Finskt Museum, XVII. Гельсингфорс, 1910, стр. 64.— Arne. La Suède. . , рис. 36.
II *24*	Курган «Гульбище» бл. Чернигова	Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М.,1917, рис. 50, № 3140.

№№	Место находки	Источники и литература
II *25*	Шестовицкий могильник близ Чернигова	T. J. A r n e. Skandinavische Holzkammergräber aus Wikingerzeit in der Ukraina. Acta Archeologica, т. II, вып. 3, Копенгаген, 1931, рис. 2.
II *26*	Херсонес	A r n e. La Suède. , рис. 44.
III *27*	Швеция	A r n e. Einige Schwert-Ortbänder. рис. 22.
III *28*	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 20.
III *29*	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 21.
IV *30*	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 26.
IV *31*	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 28; о н ж е. La Suède. , рис. 294.
IV *32*	Эзель	N`e r m a n , ук. соч., рис. 94
IV *33*	Путель бл. м. Трейден, Латвия	A r n e. Einige Schwert-Ortbänder. ., рис. 27; о н ж е. La Suède. ., рис. 370. – R. H a u s m a n n. Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen. Arbeiten des ersten baltischen Historikertages zu Riga, 1908, Рига, 1909, стр. 25.
IV *34*	Ливония	A s p e l i n. Antiquités du Nord finno-ougrien, т. V, стр. 371, № 2005. Гельсингфорс, 1884.
IV *35*	Краснянск Харьковской губ.	A r n e. Einige Schwert-Ortbänder. рис. 25.
V *36*	Мемель	
V *37*	Мемель	
V *38*	Восточная Пруссия, Линкунен	P. P a u l s e n. Wikingerfunde aus Ungarn. Arch. Hung., XII. Будапешт, 1933, табл. XIII, *4*.
V *39*	Подхорце бл. Злочова, Польша	G. L e ń c z y k. Trzy miecze wikińsckie w zbiorach Museum archeologji przedhistorycznej Polskiej Academji Umiejętno'sci w Krakówie, Księga Pamiątkowa, Познань, 1930, рис. 6е.
V *40*	Люцинский могильник Витебской губ.	Люцинский могильник. МАР, 14, СПб., 1893, табл. XIV, *3*, текст стр. 10, Приложения.
V *41*	Билярск Казанской губ.	G. F é h e r. Les monuments de la culture protobulgare. Arch. Hung, т. VII, Будапешт, 1931, рис. 35.
V *42*	Киевская губ.	Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. XIV, 206.
V *43*	Киевская губ. и у.	Не издан; хранится в Киевском историческом музее, инв. № 67190—6163 при мече без рукояти № 67191—6430. Получен от Археологической комиссии в 1894 г.
V *44*	Венгрия, Буштерек	P a u l s e n, ук. соч., табл. XII, стр. 40.
V *45*	Венгрия, Секешфехервар	P a u l s e n, ук. соч., табл. XIII, *3*. — J. H a m p e l. Ujabb tanulmányok a honfoglalási kor emlekeiröl. Будапешт, 1907, стр. 83.
V *46*	Болгария, Мадара	G. F e h e r, ук. соч., рис. 33. — P a u l s e n, ук. соч., табл. XIII, *2*.
V *47*	Болгария, Филиппополь	G. F é h e r, ук. соч., рис. 36.
V *48*	Херсонес	Не издан; архив ИИМК, фонд Археологической комиссии, д. № 12, 1903 г.
VI *49*	Швеция, Вестергэтланд	A r n e. Einige Schwert-Ortbänder. рис. 37.
VI *50*	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 29.
VI *51*	Пассельн, Латвия	A r n e, ук. соч., рис. 33.
VI *52*	Киевская губ.	Х а н е н к о, ук. соч., табл. XIV, 206.
VI *53*	Киевская губ.	Х а н е н к о, ук. соч., табл. XIV, 206.
VII *54*	Путель бл. м. Трейден, Латвия	A r n e, ук. соч., рис. 34.

№№	Место находки	Источники и литература
VII *55*	Пассельн, Латвия	Arne, ук. соч., рис. 35.
VII *56*	Пассельн, Латвия	Arne, ук. соч., рис. 37.
VII *57*	Пассельн, Латвия	Arne, ук. соч., рис. 36.
VII *58*	Польша	Z. Podkowińska. Szłowiek Przedhistoryczny na ziemlia h Polskich. Краков. 1947, рис. XIX, 3.
VII *59*	Подольская губ. и у.	Не издан; хранится в Государственном Эрмитаже № 908/2 Виз., колл. № 1018..
VIII *60*	Готланд	Arne, ук. соч., рис. 31.
VIII *61*	Эстония, Ганценхоф	Nerman, ук. соч., рис. 96,
VIII *62*	Киевская губ., южная часть	А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1912 г. ИАК, вып. 54, СПб., 1914, рис. 25.

Приложение к табл. II

№№	Место находки	Источники и литература
1*а*, 1*б*	Кобань, Северный Кавказ	П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, стр. 93 — 94, рис. 90. — A. Zakharow und W. Arendt. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Arch. Hung., XVI, Будапешт, стр. 49—50, № 3, табл. VI, *2*; реконструирована по рисункам Уваровой и Арендта.
2	Северный Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. III, *2*, стр. 48, № 1.
3	Новороссийский могильник	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. III, 5, стр. 55—56, № 20.
4	Д. Алхасте (ст. Фельдмаршальская)	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. V, 1 и рис. 16, стр. 28—29, 54, № 13.
5	Кавказ, колл. Уваровой	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, рис. 22, *2*, стр. 58, № 23.
6	Кавказ, колл. Уваровой	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 2, стр. 52—53, № 7.
7	Руча, Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 3, стр. 53, № 8.
8	Происхождение не известно	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 4, стр. 53, № 11.
9	Кобань, Северный Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 5, стр. 54—55, № 14а.
10	Кобань, Северный Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 6, стр. 54—55, № 14б.
11	Кобань, Северный Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 11, стр. 54—55, № 14в.
12	Терская область	B. Pósta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Будапешт—Лейпциг, 1905, рис. 149.
13	Терская область	Pósta, ук. соч., рис. 149.
14	Терская область	Pósta, ук. соч., рис. 149.

Приложение к табл. III

№№	Место находки	Источники и литература
1	Перещепинский клад	Реконструкция автора.
2*а*, 2*б*	Верхнее Салтово, катакомба № 1	В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Дневник раскопок 1911г. Тр. XV, АС, М., 1914, стр. 448—449. — A. Zakharow. u. W. Arendt. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Arch. Hung., XVI, Будапешт, 1934, табл. II, III, *1*, рис. 1—2, 6—9,стр. 50—51, № 4. — N. Fettich. Zur Archaeologie der ungarischen Landnahmezeit. Archaeologia Ertesitö, т. XLV, 1931, рис. 43.
3	Воронежская губ., окрестности Богучарова на Дону, бл. Воробьевки	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. IV, 12—14, стр. 48—49, № 2.—B. Pósta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Будапешт—Лейпциг, 1905, рис. 129.
4	Загребино, Котельничский у. Вятской губ., сабля № 1	ОАК за 1891 г., стр. 103—110. Pósta, ук. соч., стр. 75 сл., рис. 41—44. — Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. III. 3, стр. 51—52. № 5. — Э. Ленц. Эрмитаж. Указатель Отделения средних веков и эпохи возрождения, ч. I. Собрание оружия. СПб., 1908, стр. 303, табл. XXI.
5	Загребино, Котельничский у. Вятской губ., сабля № 2	Ленц, ук. соч., табл. XXXI. Zakharow u. Arendt, ук. соч., стр. 52, №6.
6	Ильинское Пермской губ. и у. (на р. Обве)	А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, 26, СПб., 1902, табл. XXVII, 11, стр. 34. — Zakharow u. Arendt, ук. соч., стр. 58—59, № 24.
7	Загарье Купросской вол. на р. Иньве Пермской губ.	Спицын, ук. соч., табл. XXVII, 5, стр. 34. — Zakharow u. Arendt, ук. соч., стр. 59, № 26.
8	Мордвиновский могильник Вятской губ.	Pósta, ук. соч., рис. 52.
9	Владимирская губ.	Атлас к Трудам I АС, М., 1871, табл. XXX, 30. — А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 392, стр. 126. — Pósta, ук. соч., рис. 49.
10	Танкеевка бл. Спасска Казанской губ.	ОАК за 1904 г., стр. 135. — Zakharow u. Arendt, ук. соч., стр. 59, № 25.
11	Лядинский могильник Тамбовской губ.	Н. В. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. МАР, 10, СПб., 1893, стр. 54, рис. 21 и приложение № 12.—Zakharow u. Arendt, ук. соч., стр. 55, № 19.
12	Гочевский могильник Курской губ., курган № 2	Д. Я. Самоквасов. Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. XI, рис. 1—3.
13	Гочевский могильник Курской губ., курган № 1	Самоквасов, ук. соч., табл. IX, рис. 6—9.
14	Владимирская губ., с. Городище, курган № 3039	Атлас к Трудам I АС, М., 1871, табл. XXX, 31.

Приложение к табл. IV

№№	Место находки	Источники и литература
1	Немешочаер	B. Pósta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Будапешт—Лейпциг, рис. 46.
2	Эстергом	J. Hampel. Ujabb tanulmányok a honfoglalasi kor emlékeiröl. Будапешт, 1907, стр. 13.
3	Демечер Абауж медье	Hampel, ук. соч., стр. 9, рис. 2.
4	Демечер Абауж медье	Hampel, ук. соч., стр. 9, рис. 1.
5	Чюниж	Pósta, ук. соч., рис. 51.
6	Гомбаш	Pósta, ук. соч., рис. 12, *20*.
7	Бодрогвеч	Z. Tóth. Attila's Schwert. Studie über die Herkunft des sog. Säbels Karls des Grossen in Wien. Будапешт, 1930, рис. 29.
8	Секешфехервар	Tóth, ук. соч., рис. 26.
9	Поста-чак-Берег	Hampel, ук. соч., стр. 23.
10	Адьярд	Hampel, ук. соч., стр. 1.
11	Бихар	Hampel, ук. соч., стр. 8.
12	Берегса	Hampel, ук. соч., стр. 2.
13	Касса, Баранга	Pósta, ук. соч., рис. 47.
14	Тарчаль	N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Arch. Hung., т. XXI, Будапешт, 1937, табл. XLI, *2*. — Tóth, ук. соч. — Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, т. I. Брауншвейг, 1905, № 2128—31.
15	Гестередь	Fettich, ук. соч., табл. LXVIII. — L. Kiss. Neuere Funde im Josa Museum von Nyizegyháza aus der Zeit der Völkerwanderung. Arch. Ért., т. XLII, Будапешт, 1928, табл. VIII, *2—5*.
16	Венская сабля (так называемая «сабля Карла Великого»)	Pósta, ук. соч., рис. 45. — Fettich, ук. соч., табл. LXXVII — LXXVIII. — N. Fettich. Zur Archaeologie der ungarischen Landnahmezeit. Arch. Ért., т. XLV. Будапешт, 1931, рис. 41, 42. — Zakharow und Arendt. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Arch. Hung., XVI, Будапешт, 1934, стр. 57, № 22, стр. 61, прим. 23.

С. Н. БИБИКОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ КУЛЬТУРЫ В ПЕЩЕРАХ ЮЖНОГО УРАЛА

Приступая к публикации археологических материалов, добытых в пещерах Южного Урала в предвоенные годы, мы сочли удобным излагать их в хронологическом порядке. Первый очерк был посвящен палеолитическим местонахождениям,[1] среди которых были отмечены пещеры Бурановская и Гребневая — обе на р. Юрюзани, в районе поселка Усть-Катава. В предлагаемом ниже очерке, охватывающем время неолита и раннего металла, мы, не возвращаясь больше к общеописательным данным, касающимся двух этих местонахождений, перейдем к обзору находок, сделанных в верхних слоях пещер Бурановской и Гребневой, и пополним наш очерк археологическим материалом, извлеченным из навеса Старичный Гребень и Усть-Катавской II пещеры.

Наше описание мы начнем с бурановских находок, сделанных раньше по времени (1938 г.) и дающих наиболее полный комплекс.

1. Археологические материалы из Бурановской пещеры

Разведочный шурф, заложенный в Бурановской пещере, вскрыл в верхнем слое напластований фрагменты керамики и кости животных, обратившие на себя наше внимание. Кроме того, в этой пещере на стене, около входа с внутренней стороны пещеры, были замечены два изображения, исполненные красной краской. Прежде чем углублять шурф до нижележащих слоев, нами была раскопана почти вся площадь *I* камеры, а в следующем году (1939) площадь раскопа была расширена до пределов возможностей и охватила частично *II* камеру (рис. 1.)

1-й слой отложений представляет собой довольно рыхлое образование с примесью щебня и крупных обломков камня. Слой равномерно выстилает всю поверхность пола, выдерживая повсюду почти горизонтальное положение. В верхней части слой имеет темносерый цвет, книзу он значительно светлеет благодаря примеси желтоватой глины и переходит в светложелтую глину, вернее, суглинок. Таким образом, 1-й слой можно разделить на два горизонта. Это расчленение оправдывается и расположением находок. На первом штыхе (до глуб. 30 см) встречено наибольшее количество костей животных, в особенности грызунов, много фрагментов орнаментированной и не орнаментированной керамики. На втором штыхе количество находок резко уменьшается (глуб. 30—45 см) и на третьем штыхе (45—65 см) находки почти прекращаются.

[1] СА, XII.

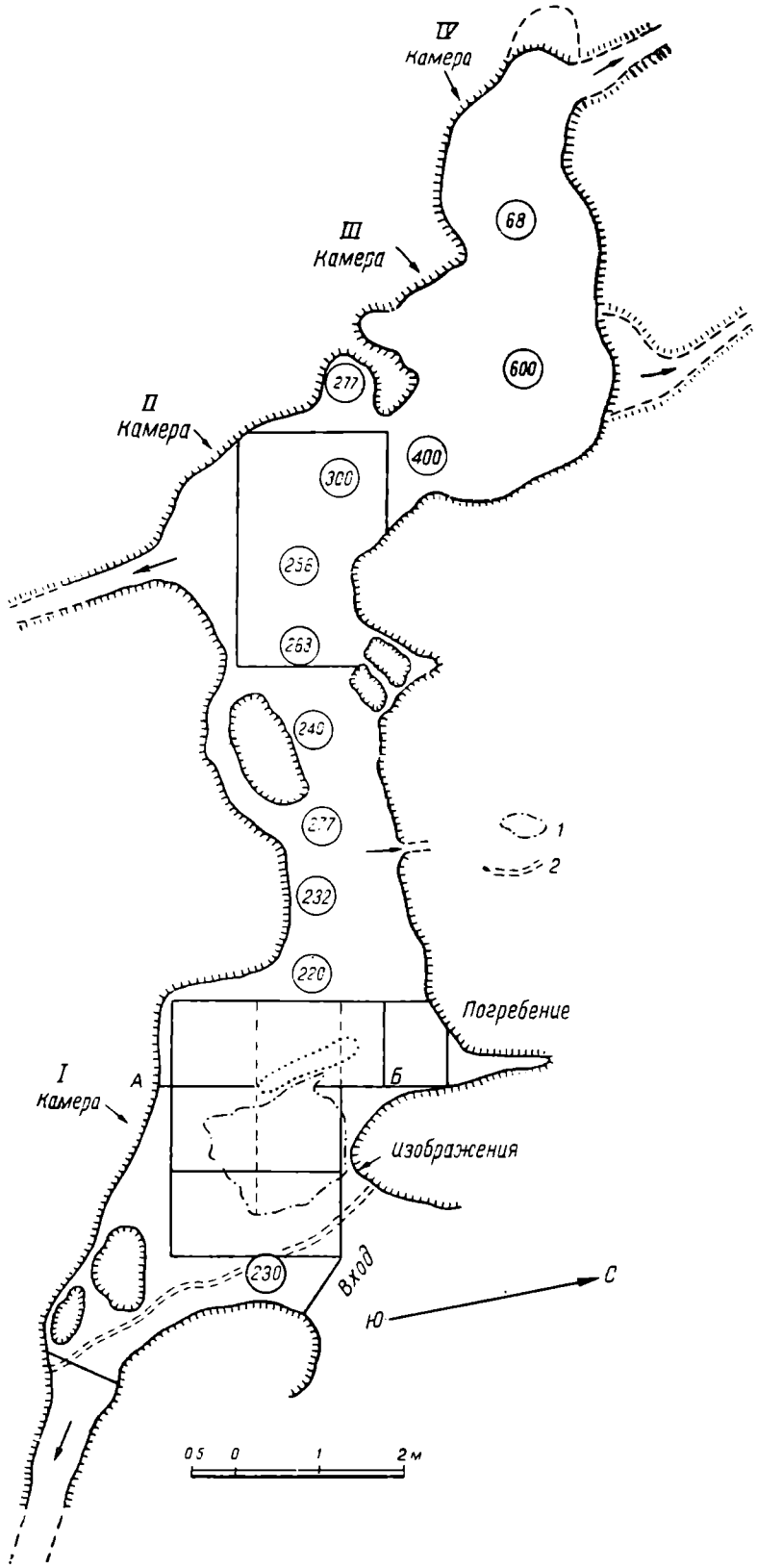

Рис. 1. План Бурановской пещеры. Сел. Лимоновка, Катавский район Челябинской обл. Южный Урал.

1 — нижняя граница шурфа; *2* — граница нависания потолка. В кружках — отметки высоты потолка над уровнем пола. Высоты камер: *I* — до 250 см, *II* — до 300 см, *III* — до 600 см, *IV* — 68 см.

Среди археологических материалов по численности первое место принадлежит обломкам керамики, собранным в количестве более 200 фрагментов, из них орнаментированных не более 10—15%. Глина, из которой приготовлены сосуды, довольно хорошо отмучена, имеет посторонние примеси в виде дресвы, толченых раковин и талькового камня. Обжиг сосудов неравномерный, чаще средний. Черепки темного цвета, однако в виде исключения попадаются совсем светлые, красноватые. С внешней стороны некоторые черепки имеют гладкую, глянцевитую поверхность, полученную в результате лощения, с внутренней — сохраняют следы нагара и выглаживания поверхности пучком травы. Толщина сосудов 5—6 мм. На рис. 3 даны наиболее выразительные образцы керамики, по которым можно представить себе характер ее. Формы сосудов достаточно разнообразные; кроме обычных горшков, были в употреблении сосуды баночной формы, сосуды с широким туловом, низкой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Днища сосудов плоские, но в коллекции есть фрагмент от остродонного сосуда. Очень разнообразна орнаментация сосудов. Орнамент локализуется в верхних частях посуды на венчиках, шейках и плечиках и редко переходит на нижнюю часть тулова. Орнамент, по технике нанесения, двух типов — штампованный (рис. 3, *б*, *в*, *д*) и нарезной (рис. 3, *е*, *и*, *к*). Первый тип рисунка — гребенчатый; он покрывал поверхность сосуда, образовывая плотные пояски в сочетании с геометрическим узором в виде треугольников, косых линий и других простейших геометрических построений. На некоторых фрагментах заметен орнамент в виде личинок, расположенных поясом и отдельными отпечатками (рис. 3, *б*). Прорезной орнамент, тоже геометрического стиля, наносился двумя-тремя ломаными линиями, идущими поясом. Очень своеобразен узор в виде крестиков или, точнее, прорезных коротких, скрещивающихся в виде знака умножения, линий. Ряды таких поясков в сочетании с ямочным или треугольным орнаментом придают нарядность сосудам (рис. 3, *е*).

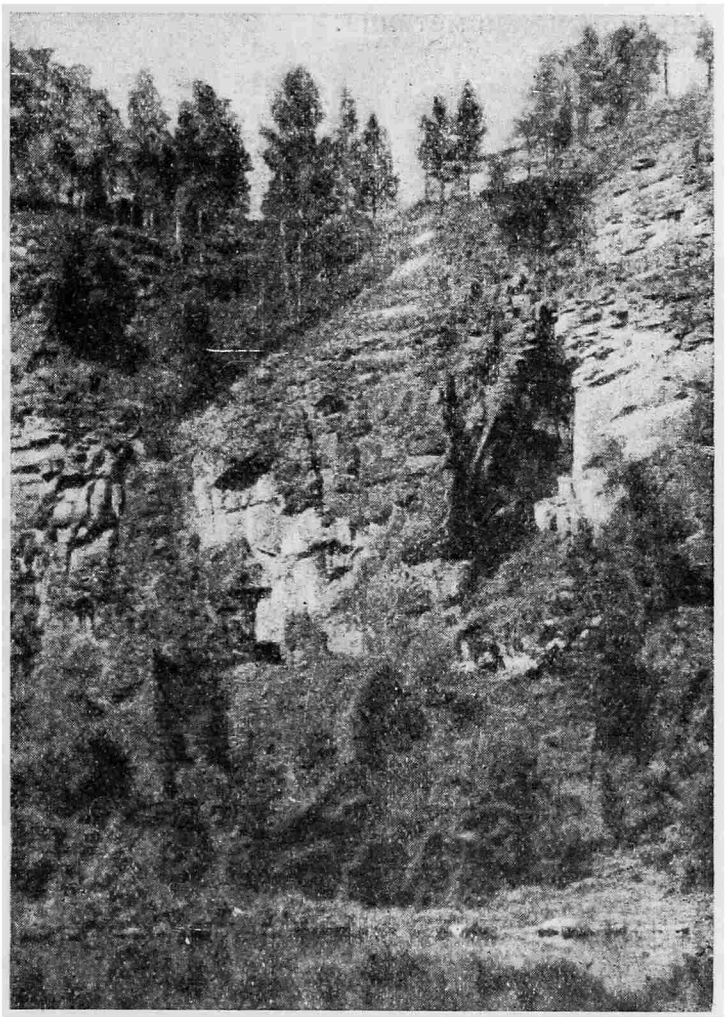

Рис. 2. Вид берега р. Юрюзани.

Каменный инвентарь состоит из 21 сечения пластинок, тонких, изящных, хорошо ограненных. Материалом для этих вкладышей служил

яшмовидный цветной кремень или роговик. Длина пластинок редко превышает 2 см. О высоте, на которой стояла техника скалывания пластинок, можно судить не только по самим сечениям пластинок, но и по обломкам нуклеусов, которые выдерживают правильно ограненные призматические очертания с параллельными гранями и хорошо подготовленной ударной площадкой (рис. 4 и 5). К каменному инвентарю относится также плитка из песчаника, служившая, видимо, для заточки костяных острий. Самих костяных предметов в слое не встречено, если не считать небольшого обломка наконечника копья или гарпуна, по которому восстановить его вид в целом не удается. В слое не найдено никаких признаков металла.

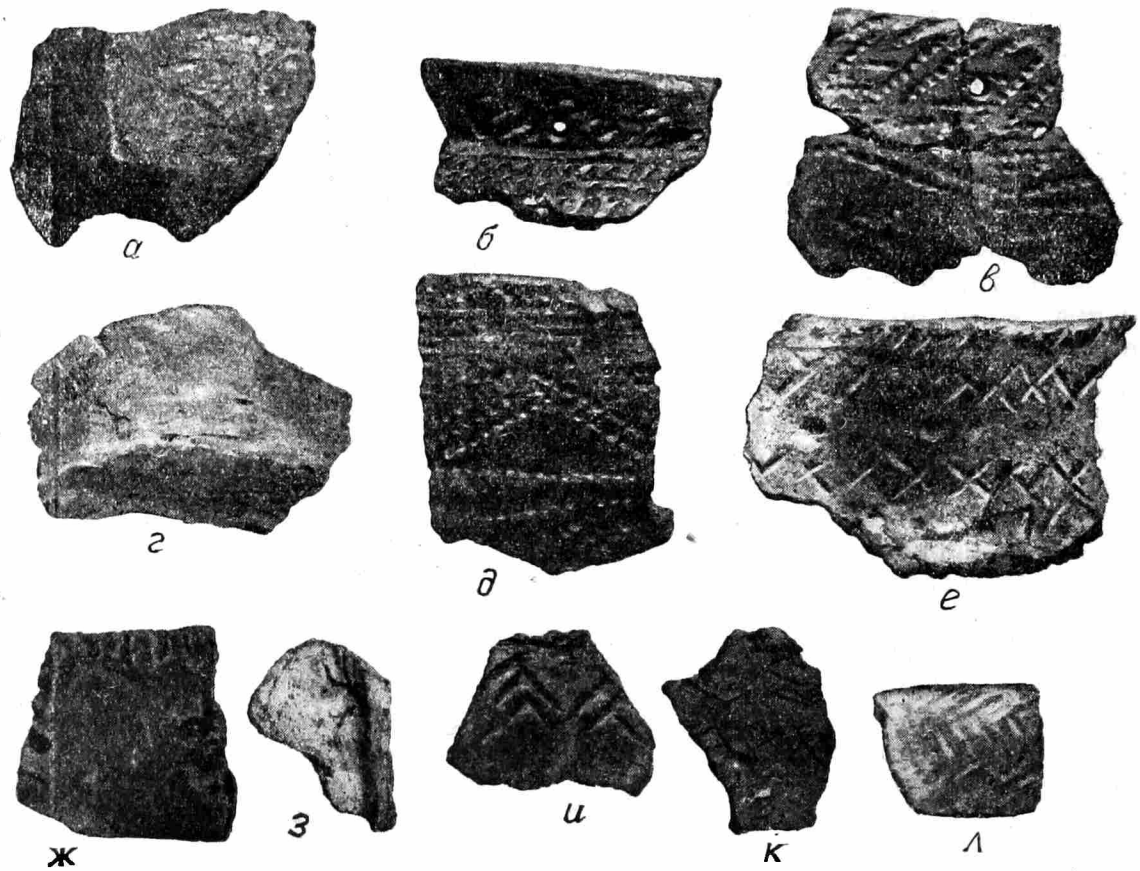

Рис. 3. Образцы керамики из пещер: Бурановской, Усть-Катавской II и Гребневой (верхние слои).

Остатки фауны, собранные из 1-го слоя, принадлежат, по определению В. В. Карачаровского и В. И. Громовой, только диким животным и заключают: лошадь, лося, косулю, бурого медведя, лисицу, куницу, хорька, зайца, пищуху, хомяка, водяную крысу, бобра, сурка и суслика. Этот смешанный состав представителей леса и степи имеет свою историю, уходящую корнями еще в позднеплейстоценовое время, и обусловливается, вероятно, положением пещеры на границе степного плоскогорья Уфимской возвышенности и горной лесной полосы Ю. Урала.

В 1-м слое (1-м горизонте) наряду с костями животных встречены в разрозненном состоянии кости человека, принадлежавшие, по крайней мере, трем субъектам — двум взрослым и ребенку — и далеко не составляющие полного набора. О погребении можно говорить только для одной группы костей, положение которых приурачивается к верхнему горизонту 2-го слоя. Погребение находится, таким образом, ниже уровня

горизонта с наибольшим количеством находок и переходит в горизонт, где находки не встречаются. Следов могильной ямы не установлено и трудно предполагать ее наличие в прошлом. Резкий цветовой контраст между 1-м и 2-м слоями безусловно сохранил бы контуры могильной ямы, если бы таковая была на самом деле. Костяк был захоронен между обломками камней и, вероятно, лишь слегка присыпан светлой землей. Погребение обращено головою на юго-запад и лицом на юг, причем череп повернут, примерно, на 120° относительно главной оси. Он находился в специально вырытой ямке, плотно засыпанной красной краской (охрой). Ямка, глубиной до 7 см, имеет округлую форму. Грудная и поясничная части скелета сохранились плохо, положение отдельных костей не имеет анатомического порядка. Лучше всего сохранилась тазовая часть, в области которой найдено несколько фаланг пальцев рук. Левая бедренная кость соприкасается с тазом головкой бедра и находится с ним в положении нормального сочленения. Правое бедро (примерно, на половину своей длины) заходит за верхнюю границу правой подвздошной кости и длинной осью несколько отклоняется вправо. Соотношение большеберцовых костей с малоберцовыми правильно, также как и сочленение с ними стоп. Легко установить, что костяк находился на спине в вытянутом положении, с руками, положенными вдоль туловища (рис. 6). Осталась невыясненной одна деталь, связанная с погребением. Примерно у грудной части костяка в слое найдено три удлиненных крупных голыша, вбитых рядом, узкими концами в землю.

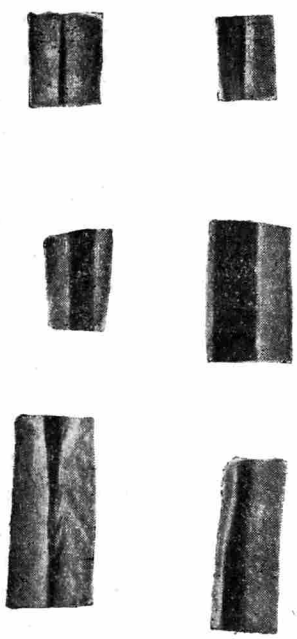

Рис. 4. Бурановская пещера. Сечения пластинок из роговика (нат. вел.).

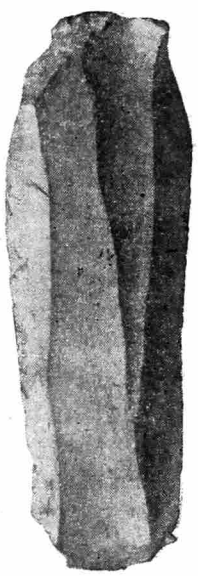

Рис. 5. Бурановская пещера. Пластина из яшмовидного кремня (нат. вел.).

Е. В. Жиров, участвовавший в раскопках и производивший антропологическое изучение костяка, приходит к следующим выводам: «Возраст погребенного субъекта зрелый (adultus) — 30—60 лет. Череп после реставрации оказался сравнительно полный. У длинных костей сильно разрушены эпифизы и для восстановления размеров тела оказалась пригодной только одна малоберцовая, наибольшая длина которой равна 315 мм. Это соответствует росту около 150 см (малому). Таз костяка мужеподобный. Череп вполне европеоиден. Мозговая коробка его длинная, узкая, средневысокая, долихохронная, со среднеразвитым надпереносьем (№ III схемы Мартина). Лицо ортогнатное, широкое, средневысокое, со средне-высокими глазницами, узким носом и глубокими собачьими ямками». Череп этот ничем существенным не отличается от андроновских черепов, описанных М. Н. Комаровой [1] и Г. Ф. Дебецом.[2]

[1] М. Н. Комарова. Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам реки Урал. Мат. Особ. ком. по исслед. союзн. и авт. респ., вып. II, 1927.

[2] Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху бронзы. АЖ, 1932, № 2.

Ниже приводятся важнейшие размеры черепа по Жирову.

1.	Наибольшая длина	181	
5.	Длина основания. .	93	
8.	Наибольшая ширина .	.136	
9.	Наименьшая ширина лба	96	
17.	Высота. . . .	124	
32.	Угол профиля лба	.840	
45.	Скуловой диаметр . .	131	
48.	Высота верхней части лица.	65	
51.	Ширина глазницы.	.44	
52.	Высота глазницы	.34	
54.	Ширина носа .	.23	
55.	Высота носа .	. 47.5	
72.	Лицевой угол	87°	
8 : 1	Черепной указ.	75.1	
48 45	Лицевой указ.	49.6	
52 51	Глазничный указ.	77.3	
54 55	Носовой указ.	48.4	

Очень своеобразен и наряден инвентарь погребения. Он состоит из 35 различной величины подвесок, овально суживающейся кверху формы (медальоновидных), сделанных из голубовато-зеленого или зеленого офита (змеевика) (рис. 7). Этот полудрагоценный минерал встречается на восточном склоне Урала, легко шлифуется благодаря своей относительной мягкости. Величина подвесок по длинной оси достигает 7 см. Наименьшая — 3—3.5 см. Ширина от 3 до 6 см. Одна плоскость подвесок хорошо отшлифована и слегка выпукла, другая плоскость без шлифовки, лишь на одном экземпляре отшлифованы обе плоскости. Края подвесок тоже аккуратно пришлифованы. На верхнем суживающемся конце у всех подвесок имеется просверленное ушко (сверлина биконическая) для привязывания. Любопытно расположение подвесок. Они все приурочены к нижним отделам костяка. Так, у тазовой кости сосредоточено основное количество подвесок — 25, залегающих на костях и под ними. Между бедренными костями найдено 3 подвески, у большеберцовых костей и у стоп — 6 подвесок. Создается довольно отчетливое впечатление, что подвески располагались вокруг бедер и спускались к стопам ног. Скорее всего это был пояс с нашитыми на него подвесками. На свободном конце пояса тоже были прикреплены подвески (рис. 8).

Кроме этих украшений, в слое, где встречено погребение, найдены: один нуклевидный отщеп, лежавший в области шейных позвонков; небольшой обломок пластинки из яшмы, в стороне от погребения. Две названные находки случайно оказались у погребения, вследствие деятельности грызунов, которая весьма интенсивно выражена в напластованиях пещеры.

Важно установить атрибуцию наскальной росписи, найденной на стене в пещере (рис. 9). Изображения располагаются у входа на правой стене пещеры, возвышаясь над уровнем пола на 25 см. Верхнее изображение воспроизводит, вероятно, наконечник гарпуна, имеющий четыре бородки, две у жальной части и две у насада. Длина гарпуна от конца черенка до конца жальца 16 см. Расстояние между верхними бородками 8 см и нижними тоже 8 см. На 3—4 см ниже изображения гарпуна нанесено второе изображение какого-то животного (лось, лошадь?). Туловище животного оформлено горизонтальной линией, продолжение которой изображает хвост. Задняя нога отходит от корня хвоста, имея с ним равную толщину. Вторая задняя нога нанесена почти параллельно первой в одной плоскости, без соблюдения перспективы. Передняя нога намечена одной толстой линией, отходящей от туловища. Голова животного сидит на короткой шее. Морда вытянута книзу, непропорционально велика по отношению к туловищу и увенчана двумя выступами, возможно, передающими рога. Лобная часть черепа подчеркнута небольшим вздутием. Непропорциональность отдельных частей тела животного видна из приводимых размеров: длина животного от головы до конца туловища 11 см; длина хвоста 3.5 см; длина задней ноги в пределах ясных контуров 6 см, а вместе с расплывчатой нижней границей

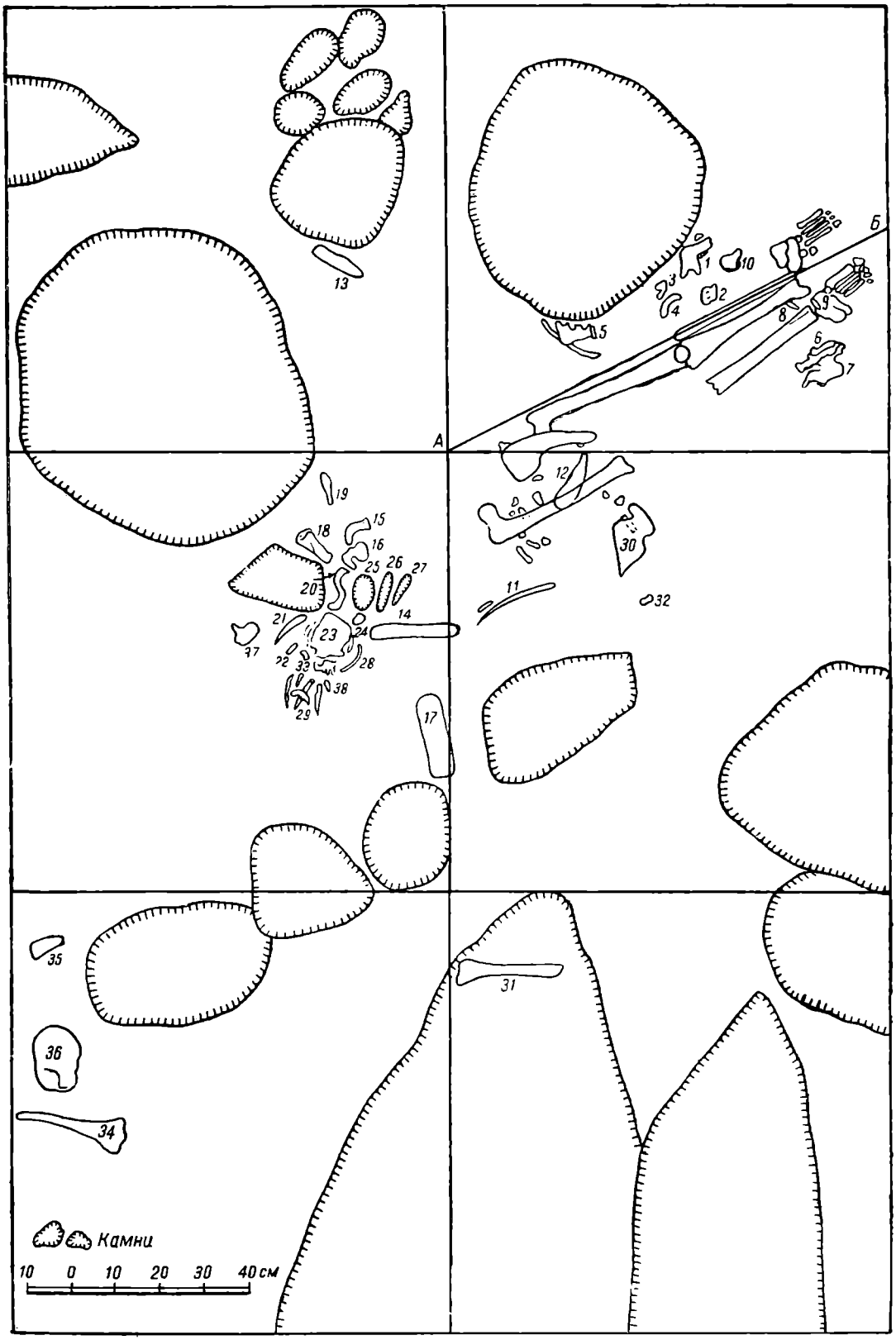

Рис. 6. План погребения в Барановской пещере.

1 — нижняя челюсть мужчины; *2* — обломок крестца взрослого; *3* — обломок лопатки взрослого; *4* — ключица взрослого; *5* — нижняя челюсть женщины; *6* — правая локтевая кость взрослого мужчины; *7* — правая лопатка мужчины; *8* — клык взрослого; *9* — клык ребенка; *10* — позвонок взрослого; *11* — ребро взрослого; *12* — обломок таза взрослого; *13* — берцовая кость взрослого; *14* — обломок бедра взрослого; *15* — первое ребро взрослого; *16* — обломки лопатки женщины; *17* — кость животного; *18* — плечо взрослого; *19* — правая локтевая взрослого; *20* — ключица взрослого; *21* — ребро взрослого; *22* — пястная взрослого; *23* — череп женщины; *24* — нуклевидный обломок кремня; *25—27* — речные гальки (стояли торчком); *28* — ребро взрослого (женщины?); *29* — обломки ребер взрослого (женщины?); *30* — лопатка взрослого; *31* — плечо взрослого; *32* — обломок яшмовой пластинки; *33* — то же; *34* — берцовая женщины; *35* — обломок берцовой взрослого (мужчины?); *36* — обломок безыменной взрослого; *37* — позвонок шейный взрослого; *38* — обломок кремневой пластинки.

9 см; длина второй ноги в четко прослеживаемых границах 6 см и 8 см в неясных пределах; длина шеи 6—7 см; длина морды от рогов до нижнего конца 6—8 см; высота «рогов» до 1 см.

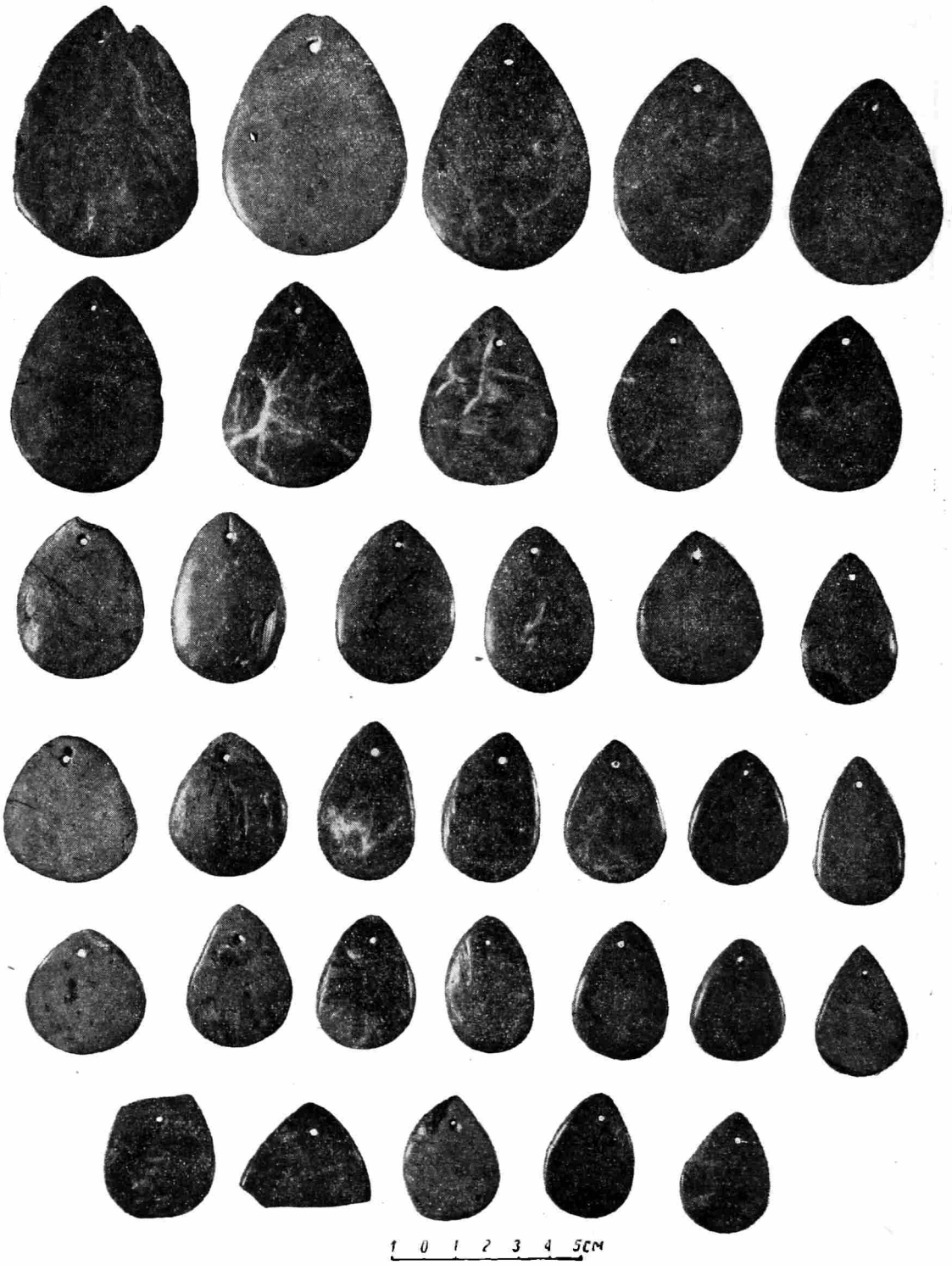

Рис. 7 Барановская пещера. Подвески из офита (змеевика) из погребения ($^1/_2$ нат. вел.).

Оба изображения окрашены в темнокрасный цвет.

Кроме отмеченной непропорциональности в соотношении размеров тела животного, нужно указать на грубую схематичность рисунка и его статичность. Полное отсутствие проработанности деталей затрудняет

даже определение вида изображенного животного. Сохранность рисунков хорошая. Лишь небольшие выбоинки и отслоившиеся поверхностные частицы известняка несколько нарушают целость изображения.

Из приведенного материала следует, что в Барановской пещере имеют место три комплекса. Первый комплекс — археологические сборы из 1-го слоя 1-го горизонта. Это по преимуществу керамика, сечения пластинок из яшмы и роговика и многочисленные кости диких животных, а также разрозненные кости человека. Второй комплекс — погребение с подвесками из офита, стратиграфически связанное с верхней частью 2-го слоя, и, наконец, третий комплекс — изображения на стене пещеры. Возникает вопрос о временном взаимоотношении между ними, т. е. представляют ли все эти три комплекса одну культурную ступень, или все они разновозрастные. Разрешение поставленной задачи возможно на основании полевых наблюдений в самой пещере, анализа стиля изображения и привлечения материалов из наших раскопок под навесом Старичный Гребень. Последние являются контролирующими.

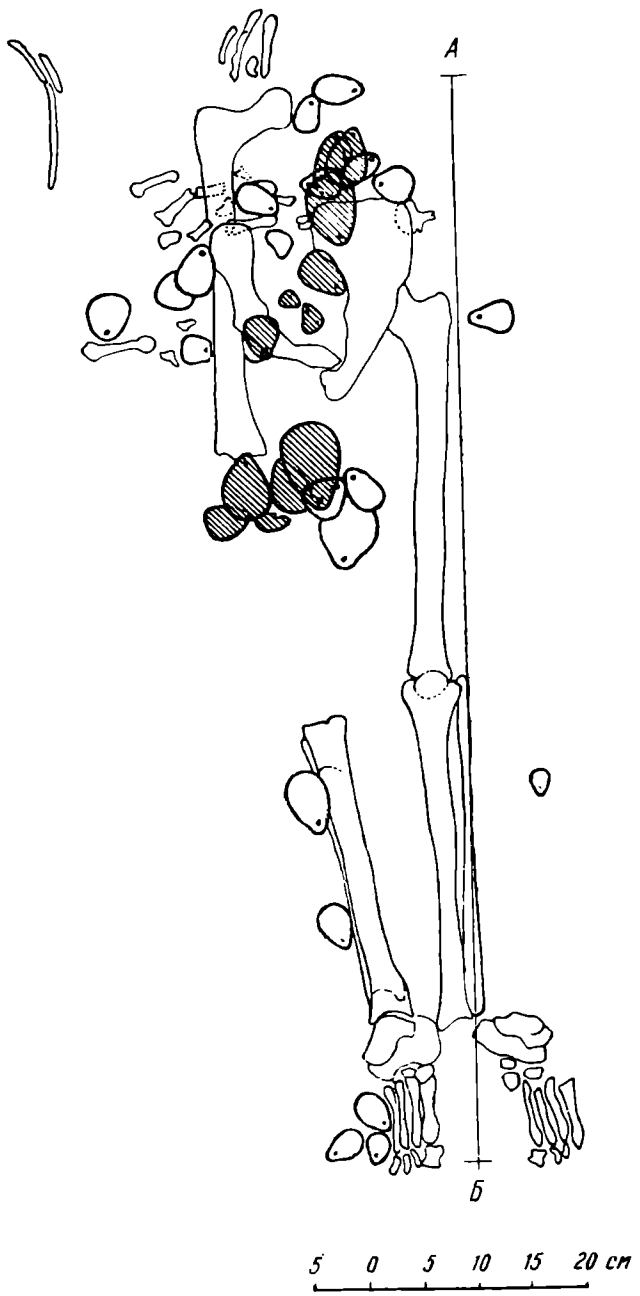

Рис. 8. План расположения подвесок при погребении в Барановской пещере.

При отчленении комплекса находок в 1-м слое от погребения основное значение приобретают стратиграфические признаки и положение самих находок в слое. Мы обратили уже внимание на тот факт, что по мере приближения к нижней границе 1-го слоя количество находок резко уменьшается и на уровне погребения они делаются редким явлением. Следовательно жилая площадка коллектива, оставившего обломки керамики, кости животных, вкладыши и т. п., была выше уровня погребения. Изолирует погребение от 1-го слоя отсутствие следов могильной ямы и остатки присыпки погребения светлым, вторым слоем, покрывающим костяк на отдельных участках — в области грудной клетки, у таза и ног. Таким образом, можно считать твердо установленным, что погребение в культурно-историческом отношении не имеет связи с перекрывающим его культурным слоем, содержащим более поздние остатки культуры. Это заключение целиком подтверждается раскопками навеса Старичный Гребень, речь о которых будет итти ниже.

Труднее установить атрибуцию изображения. В этом вопросе решающее место принадлежит анализу стиля и сопоставлению Бурановского изображения с известными писаницами и другими наскальными изображениями. Нужно сказать, что эта работа не дала еще достаточно ощутимых результатов. Мы не нашли аналогий Бурановскому изображению

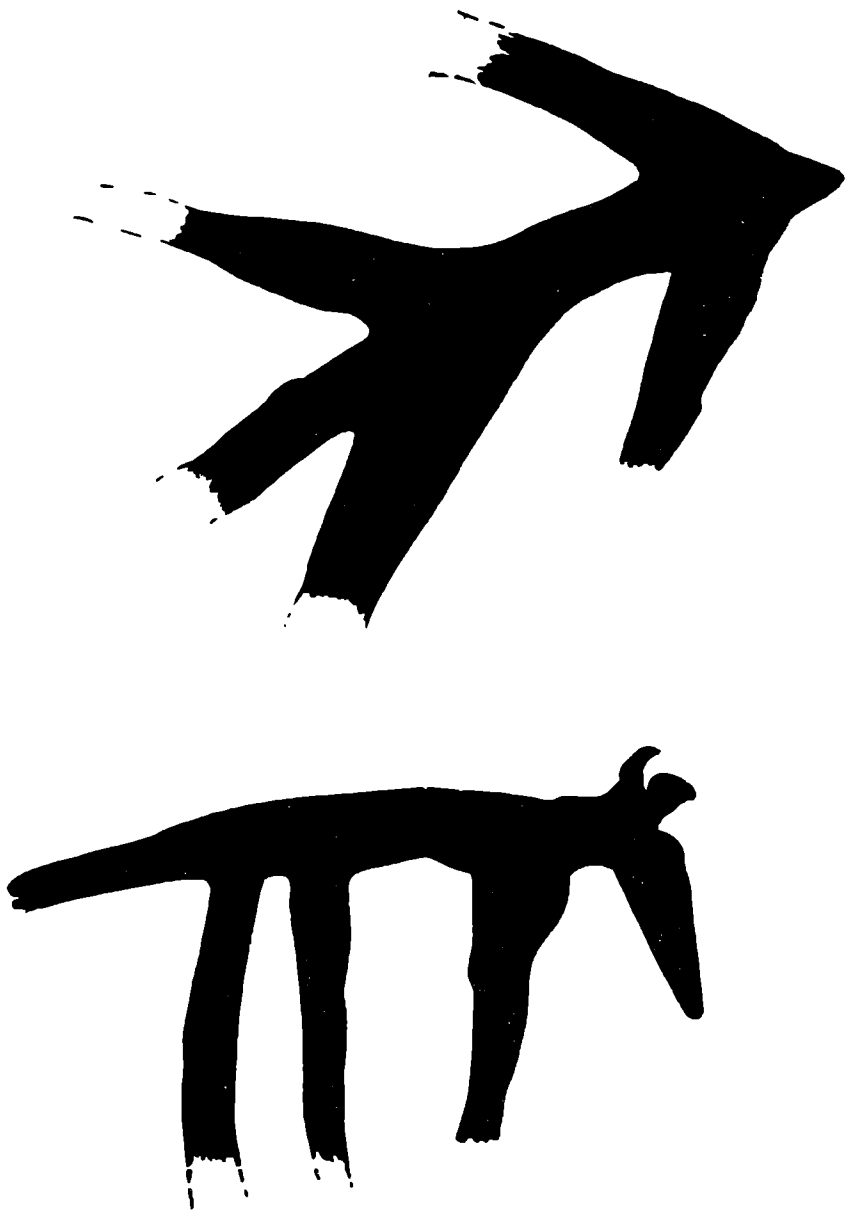

Рис. 9. Наскальное изображение у входа в Бурановскую пещеру

в петроглифах Карелии, писаницах Сибири, Казахстана и Монголии.[1] Даже наиболее территориально близкие к ним писаницы Среднего и Северного Урала, граница распространения которых проходит где-то около И. Тагила, тоже не выявляют слишком ясных родственных признаков.[2] Все известные писаницы и петроглифы отличаются сравнительно слож-

[1] Имеются ввиду работы, опубликованные В. И. Равдоникасом, Савенковым, опубликованные материалы А. П. Окладникова, Г. И. Сосновского и др.

[2] В. А. Веснов с к и й. Камни-писаницы Приуралья и Зауралья. Материалы по изучению Камского Приуралья, вып. II. Пермь, 1930.

ной композицией, совершенно иной манерой нанесения изображений, передающей изображаемые предметы в более реалистических тонах, несмотря на примитивность рисунка. В писаницах широко используется пластичность в криволинейных формах, сложность группировок и даже образность. Все эти элементы более высокой стадии изобразительного искусства целиком отсутствуют в писанице на стене Бурановской пещеры. Здесь мертвящая статичность животного сочетается с грубым схематизмом, угловатость рисунка — с полным безразличием к пластике и пропорциям. Эти признаки ставят рисунки из Бурановской пещеры на более низкую ступень, чем писаницы Урала, Сибири и Монголии. Не обычно и место их нанесения — на стене пещеры. Чаще всего писаницы встречаются в совсем иных условиях, на крутых уступах скалистых береговых обнажений или на гладких, трудно доступных обрывах в уединенных местах. Может быть, в данном случае нахождение писаницы в пещере воскрешает наиболее древнюю традицию наскальной пещерной росписи. Можно допустить, что изображение на стене в Бурановской пещере отражает какие-то религиозно-магические представления, связанные с обрядом захоронения, и заменяет собой надгробный магический символ, в иных условиях наносившийся на другую основу, может быть, дерево, и поэтому не сохранившийся. Косвенным указанием на принадлежность изображений к погребению может послужить и охра. Сличение цвета охры из ямки у черепа погребенного с цветом изображения не оставляет сомнений в полной цветовой адэкватности. Между тем никаких признаков охры в культурном слое над погребением не обнаружено, несмотря на тщательные наблюдения именно под этим углом зрения. Таким образом, примитивные особенности стиля изображения, место нанесения его и вероятность связи изображения с погребением заставляют нас видеть в нем самую древнюю из известных нам писаниц Урала, восходящую, быть может, к неолиту.

2. Археологические материалы из навеса Старичный Гребень

Примерно в 1.5 км ниже по реке Юрюзани от Бурановской пещеры, у южной оконечности пос. Лимоновка, под огромным обрывистым, скалистым обнажением высотою не менее 40 м, расположенном на правом берегу реки, находится навес Старичный Гребень (рис. 10). Место это именуется среди населения «Старица», название оправдывается пролегавшим здесь прежде руслом реки, изменившим свое направление уже на памяти старожилов. Юго-западным концом скалистое обнажение упирается в реку Юрюзань. С юга и юго-востока к обнажению примыкает заболоченная низина, поросшая тальником, травянистой растительностью и небольшими рощами. Спуск от навеса к реке с СВ на ЮЗ крутой и завален крупными обломками породы. Перед навесом, на уровне 4—5 м над рекой сохранилась площадка, сильно понижающаяся с СВ на ЮЗ к реке. Навес очень высокий, до 10—12 м, длинный, сухой, защищен от северного ветра и прекрасно освещается солнцем. Площадка под навесом покрыта толстым слоем отложений — продуктом распада известняка, а за пределами навеса — делювиальным наносом, снесенным с плато.

В самом конце работ, проводившихся в 1938 г., разведывательный шурф, заложенный под карнизом навеса, дал обнадеживающие результаты. Из слоя было извлечено несколько кремней трудно определимого возраста. В 1939 г. здесь были поставлены более широкие раскопки с соблюдением всех необходимых технических правил. Не считая разве-

дочных шурфов, в навесе вскрыто 16 кв. м на участках 34—37, *а—г* (рис. 11). Литология на площадке раскопа следующая: под слоем кизяка залегает 1-й слой серого цвета, рыхлый, с большой примесью угловатого щебня. Слой сильно деградировал вследствие прорастания корнями.

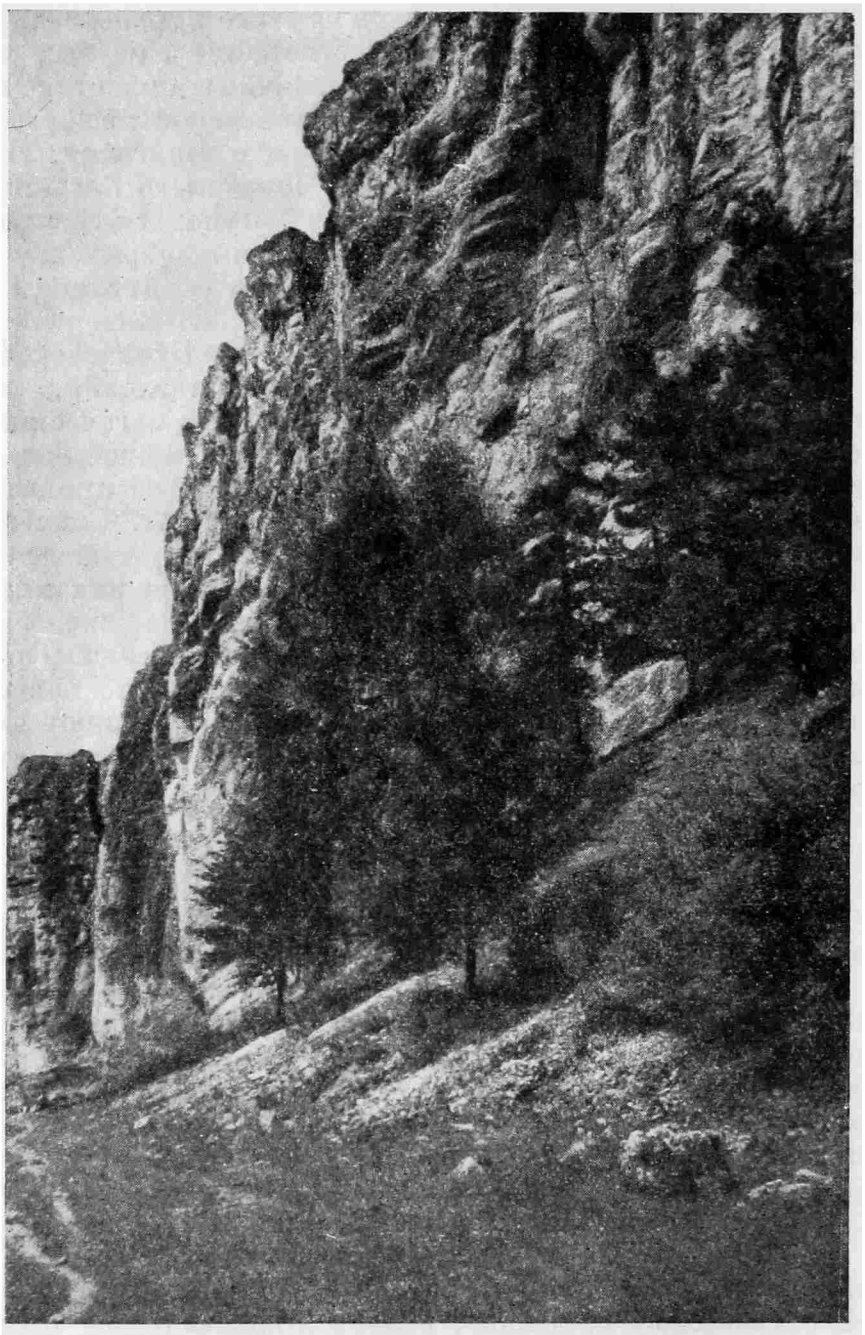

Рис. 10. Старичный Гребень.

Мощность слоя не превышает 20 см. 2-й слой тоже светлосерый, также сильно насыщенный щебнем. По своей консистенции он более глинистый и менее деградированный. На участках 37, *в*, *г* слой понижается, образуя небольшую западину («карман»). Толщина слоя не превышает 35—40 см. 2-й и 3-й слои разделяет культурный горизонт. Он устанавливается по присутствию находок кремня, мелких костей и редких угольков. 3-й слой, подстилающий культурный горизонт, мало отличается от второго

по составу, однако по цвету он все же несколько темнее. Мощность слоя до 40—45 см. Далее, до глубины 280 см от поверхности (380 от 0 горизонтали) следует желтый глинистый слой, насыщенный камнями, запол-

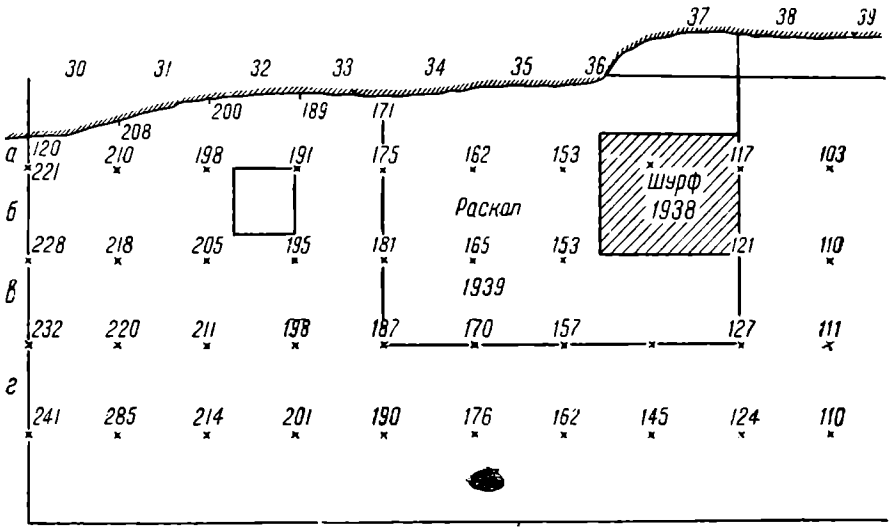

Рис. 11. План раскопа у Старичного Гребня. Южный Урал, Челябинская обл., Катав-Ивановский район, пос. Лимоновка, 1939 г.
Цифры указывают на нувеллировочные отметки от нулевой горизонтали.

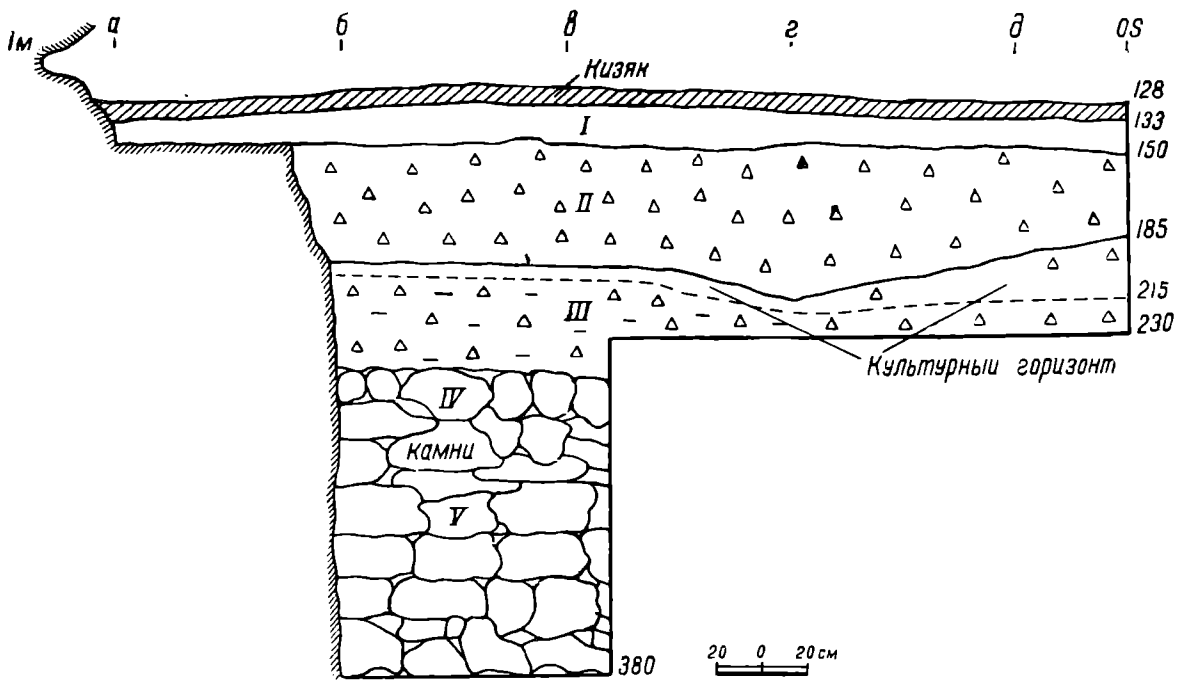

Рис. 12. Разрез восточной стенки раскопа в Старичном Гребне.
I — поздний нанос; *II* — серый рыхлый слой со щебнем; *III* — темный рыхлый слой со щебнем; *IV* — желтый слой; *V* — крупные камни известняка.

няющими скалистое дно навеса. Таким образом, по составу и характеру происхождения 1-й, 2-й и 3-й слои мало отличаются друг от друга, представляя в сущности одно образование, разделенное культурной прослойкой (рис. 12 и 13).

Большинство культурных остатков встречено на участках 36, 37 (рис. 13), совпадающих с наиболее удобной и глубокой частью навеса.

Обратимся к находкам. Кремневый инвентарь из культурного горизонта состоит из нескольких десятков отщепов, среди которых можно видеть и орудия. По общему впечатлению инвентарь отличается грубыми и мало приспособленными для трудовых процессов формами, слабо дифференцированными и не выделяющимися тщательностью отделки (рис. 14). Правда, сам материал — крупнозернистый кремень — мало способствовал изяществу отделки, однако он все же достаточно пластичен и дает неплохой раковистый излом.

Основная часть каменного инвентаря принадлежит грубоватым пластинкам, сколотым с призматического нуклеуса, и отщепам. Пластинки имеют более или менее правильные очертания. Они использовались вместе с отщепами для приготовления орудий, почти исключительно пластинок с ретушированным краем. В коллекции имеется целая серия пластинок и отщепов, имеющих боковую ретушь,

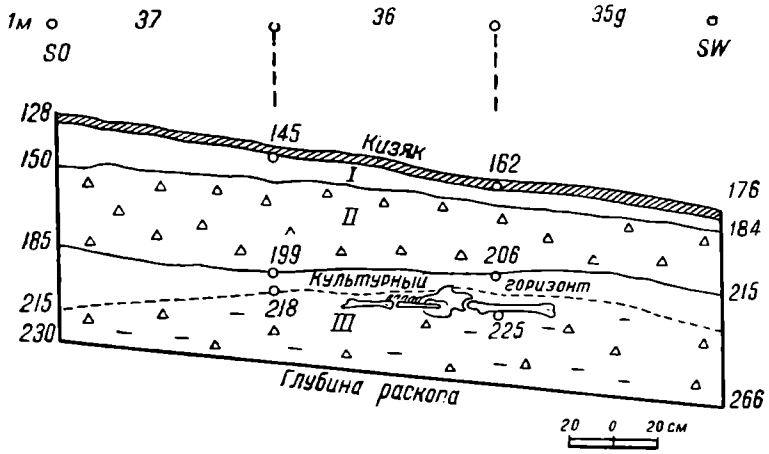

Рис. 13. Разрез южной стенки раскопа в Старичном Гребне.
I — поздний нанос; *II* — серый рыхлый слой со щебенкой; *III* — темный рыхлый слой со щебенкой. Кости человека даны в проекции на стенку этого же участка.

формирующую либо прямой, либо вогнутый край. Ретушь крупнофасеточная, локализуется лишь на небольших участках рабочего края и в некоторых случаях, захватывая ударную плоскость, переходит на бугорок. Среди в общем бедного и малоразвитого кремневого инвентаря выделяется довольно крупный лавролистный наконечник копья или дротика, обработанный двухсторонней ретушью. Длина этого орудия около 6 см, ширина до 2—3 см. Крупнофасеточная ретушь целиком покрывает обе стороны орудия, моделируя двояковыпуклую плоскость. Наряду с кремневым инвентарем должны быть отмечены находки двух подвесок (рис. 15). Одна из них сделана из кости, имеет грушевидную форму, со сверлиной в узкой части. Вторая подвеска также сделана из кости, имеет овальное очертание со слегка суживающимся кверху концом, в котором просверлено отверстие. Эта подвеска была покрыта толстым слоем ярко красной охры, очень легко стирающейся при прикосновении. Вокруг подвески в слое никаких признаков охры не наблюдалось. Приходится думать, что подвеска была когда-то окрашена в красный цвет охрой, смешанной с каким-то клеющим органическим веществом, с течением времени истлевшим.

Среди костей, собранных в Старичном Гребне и определенных В. В. Карачаровским и В. И. Громовой, наиболее многочисленную группу составляют кости косули, затем следуют кости хомяка, водяной крысы, суслика и крота. Из рыб представлен только карп.

Под культурным горизонтом, тоже в самой нижней части его (на участках 35—36 *в*, *г*), найдено погребение человека, совершенно аналогичное бурановскому (рис. 16). Так же, как и в Бурановской пещере, труп был погребен без могильной ямы и лишь слегка присыпан землей. Подобный тип захоронения, конечно, не обеспечил должной сохранности костяка, который дошел до нас в неполном виде, будучи, веро-

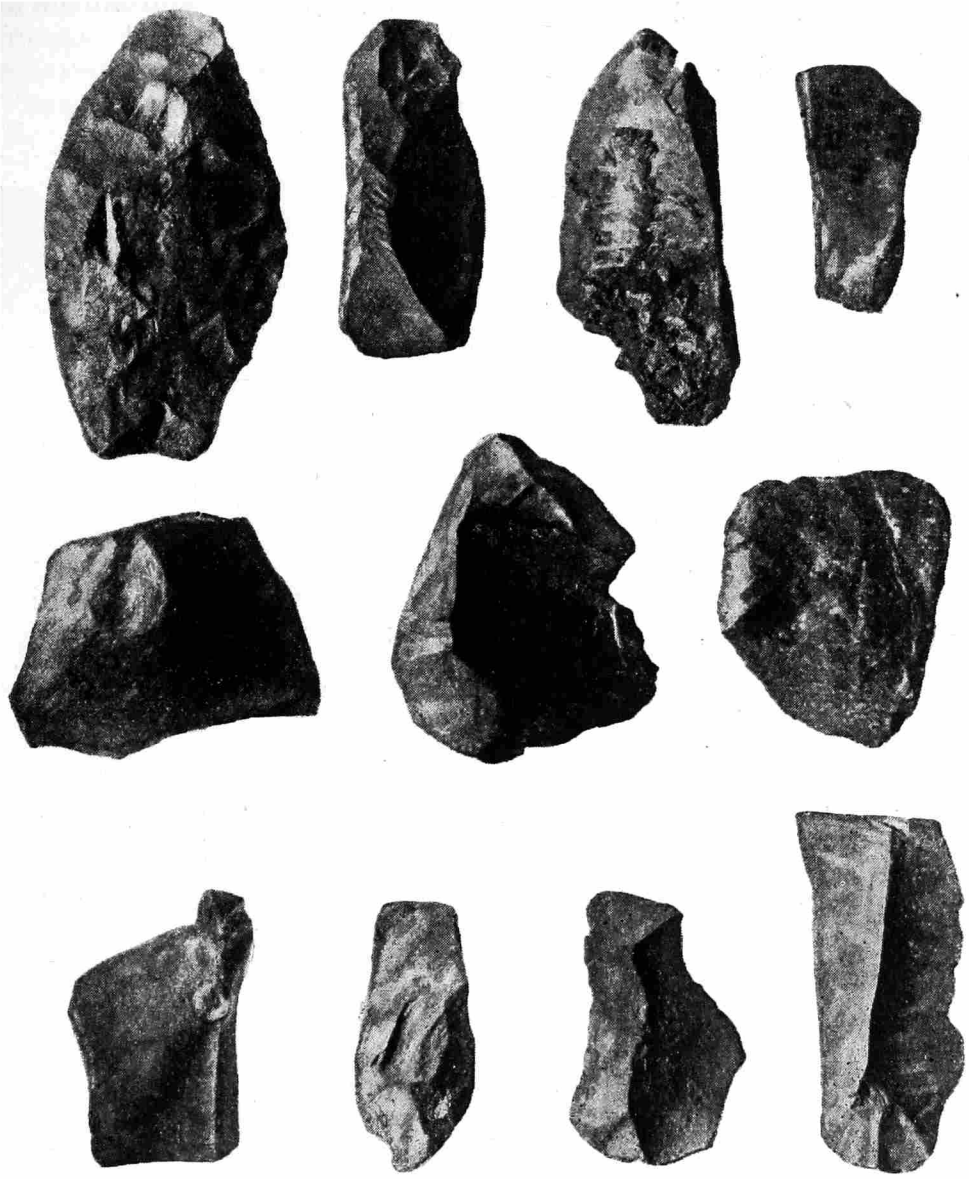

Рис. 14. Старичный Гребень. Кремневый инвентарь.

ятно, растащен хищниками после погребения и потревожен грызунами. Состояние сохранности вещества кости среднее. Костяк ориентирован на СВ. Положение его вытянутое, на спине. Череп отсутствует; нижняя челюсть находилась ближе к нижнему эпифизу правой плечевой кости и обращена венечными отростками кверху. Из шейных позвонков сохранились атлант, эпистрофей и третий шейный. Атлант смещен относительно оси погребения на 7 см ближе к верхнему эпифизу правой плечевой кости. Два остальных шейных позвонка тоже смещены. Правая ключица сохранилась на месте, левая сдвинута в область грудной клетки. Левая лопатка не смещена. Правой лопатки нет вовсе. Ребра

сохранились плохо и далеко не полно. Грудина смещена к локтевому сочленению правой руки. Кости рук лежат в анатомическом порядке. Положение рук — вдоль туловища. Кости кистей рук обращены тыльной частью кверху. Пястные и запястные кости частично сдвинуты, однако группируются у нижних эпифизов, локтевых и лучевых, и у верхних головок бедрен-

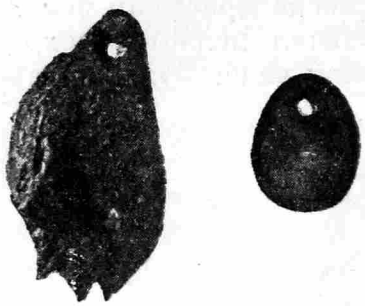

Рис. 15. Старичный Гребень. Костяные подвески из культурного слоя.

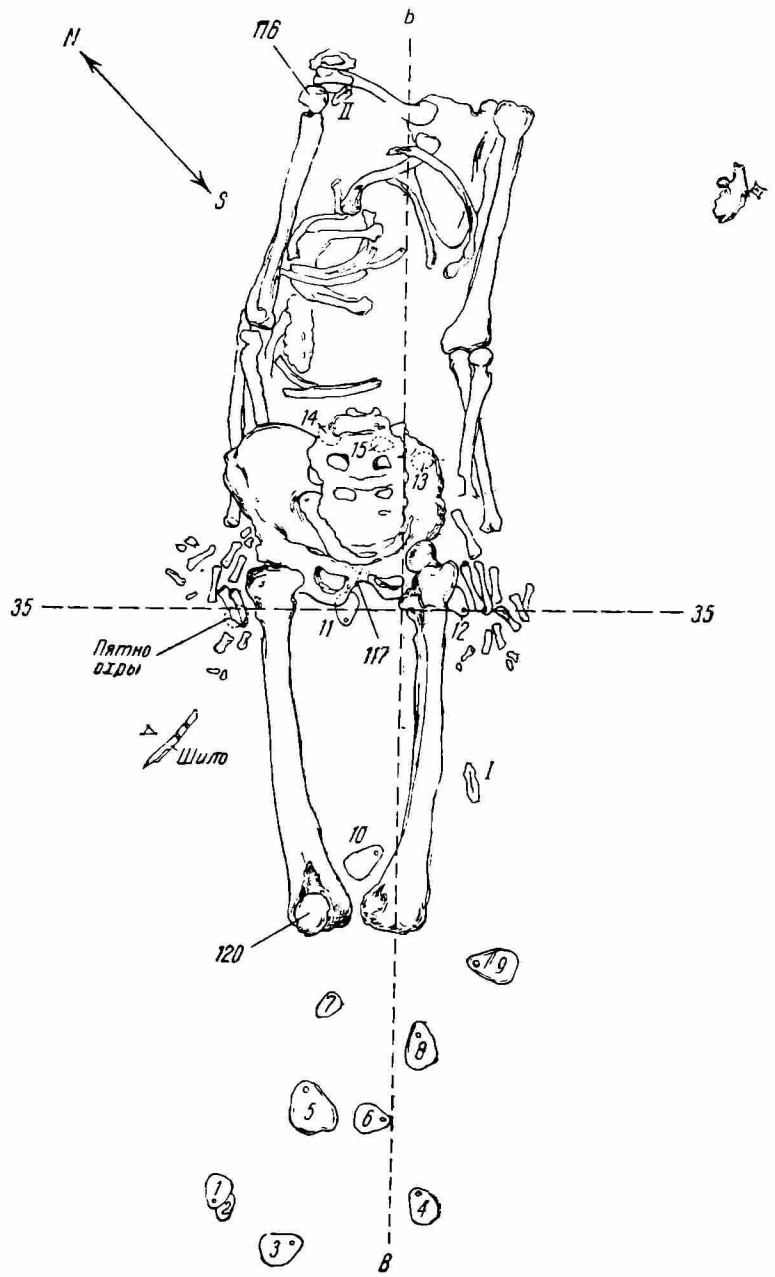

Рис. 16. Старичный Гребень. План погребения. *I*, *II* — кремневые отщепы; *1—15* — подвески из офита.

ных костей. Кости таза остались на прежнем месте, но сильно истлели. От нижних конечностей уцелели оба бедра, сочленяющиеся с тазом. Коленную чашку имеет только правая бедренная кость. У правой кисти руки выделяется яркое пятно красной охры, небольшое, но заметное на светлом фоне слоя.

Е. В. Жиров определяет костяк из Старичного Гребня как женский, в возрасте 40—60 лет, по своим расовым признакам стоящий близко к костяку из Бурановской пещеры. Особенно близкую, если не сказать полную, аналогию проявляет могильный инвентарь.

Покойник был также снабжен поясом с подвесками, сделанными из офита, повторяющими бурановские и по форме и по технике обработки. Единственное отличие их в том, что они несколько мельче бурановских и уступают им в количестве. Здесь их найдено 15 (рис. 17). Расположение подвесок у костяка тоже выявляет черты сходства. В тазовой части скелета их найдено 5, причем три лежали под костями и две лишь частично под костями. Остальные 10 подвесок находились у нижних эпифизов бедрен-

ных костей. Помимо подвесок в культурном горизонте вблизи погребения найден кремневый отщеп (у левой берцовой кости) и костяное шило, грубое с заточенным рабочим концом и не оформленное пяткой. Шило лежало ниже кисти правой руки. Были ли эти оба предмета преднамеренно положены в погребение? Шило, быть может, еще связано с погребением, что же касается отщепа из кремня, то он, несомненно, попал сюда случайно, с жилой площадки.

Сравнивая комплекс находок из Старичного Гребня с находками в Бурановской пещере, прежде всего следует обратить внимание на почти полную аналогию в обряде захоронений и в сопровождающем их инвен-

Рис. 17. Старичный Гребень. Подвески из офита (змеевика) из погребения (нат. вел.).

таре. Погребения из Старичного Гребня и Бурановской пещеры совершены без могильных ям. Положения костяков одинаковые, — на спине, с вытянутыми руками, в обоих случаях констатировано наличие охры. И, наконец, украшения, сопровождавшие погребения, и даже размещение их в нижних отделах костяков и вокруг тазовых костей целиком совпадают. Таким образом, не подлежит сомнению, что оба костяка синхроничны и принадлежат одной и той же культуре, если не одному и тому же роду или племени.

Погребение из Старичного Гребня в отличие от Бурановского совершено на жилой площадке, на которой встречены остатки инвентаря. Если сравнить данный инвентарь с инвентарем из первого слоя Бурановской пещеры, то нетрудно заметить глубокое различие между ними, которое явствует из приведенных выше описаний. Добавим только, что в наслоениях Старичного Гребня совершенно отсутствует керамика. Таким образом, одновременный погребению инвентарь из Старичного

Гребня подтверждает характеристику самостоятельности погребения в Бурановской пещере и позволяет решительно отделить его от культурных остатков 1-го слоя, перекрывающего погребение.

3. Археологические материалы из Гребневой пещеры

Описательные данные о Гребневой пещере мы поместили в другом месте в связи с разбором археологических находок из нижних горизонтов напластований. Верхний — 1-й слой пещеры тоже представляет определенный археологический интерес, так как в нем встречены остатки культуры, могущие быть по ряду признаков отнесены к тому же времени, что и находки из 1-го слоя Бурановской пещеры.

Рис. 18. Гребневая пещера. Костяная мотыга или кинжал (нат. вел.).

1-й слой представляет собой гумусированную глину толщиною до 50 см, в которой встречаются небольшие блоки камня. Этот слой подстилается коричневатой глиной с крупными камнями, залегающей однородной массой до глубины раскопа. Уже с первого штыха в 1-ом слое было отмечено сначала редкое попадание археологических находок, количество которых все возрастало к среднему горизонту слоя и резко уменьшилось у границы со 2-м слоем. Находки состояли из многочисленных обломков керамики, костей животных и нескольких костяных изделий.

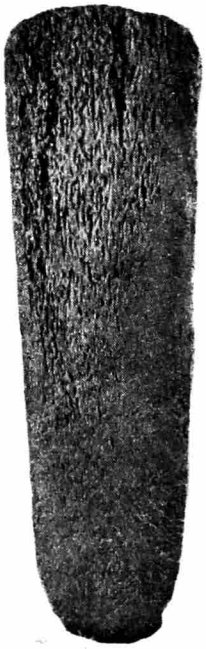

Рис. 19. Гребневая пещера. Костяное лощило (нат. вел.).

Керамика, среднего обжига, ручной лепки. Тесто имеет примесь дресвы или раковин. Толщина фрагментов от 5 мм до 12 мм. Днища плоскодонные. Основная масса керамики неорнаментирована. На орнаментированных обломках преобладает гребенчатый штамп, часто сочетающийся с ямками. Узоры гребенчатого штампа образуют простейшие геометрические построения в виде ломаных линий, поясков, косых параллельных линий и т. п. Ямки часто передаются с гребенчатыми отисками. Между прочим, здесь нужно отметить уже знакомый нам орнаментальный мотив из крестиков, чередующихся с ямками, который мы отметили в бурановских находках. Профилировка сосудов так же, как и в бурановской керамике, резко выражена, венчики иногда украшены косыми гребенчатыми оттисками и довольно резко выделяются в общей профилировке сосуда, будучи более или менее отогнутыми наружу. Среди костяных изделий следует отметить:

1) Орудие из рога (косули?), обработанное со всех сторон с помощью мелких срезов, сглаживающих шероховатую поверхность рога. Рукоятка орудия заканчивается расширением розетки рога, конец срезан на острие с одного края до губчатой массы. Орудие употреблялось без специаль-

ной рукоятки, удобно помещается в руке и, видимо, служило для выкапывания съедобных клубней, корней и пр. Не исключено, однако, что им могли пользоваться как охотничьим кинжалом. Длина орудия 14.5 см (рис. 18).

2) Костяное лощило в виде лопатки. Сделано из ребра животного, узкая часть орудия слегка пришлифована, конец орудия сильно заполирован. Длина 7.8 см (рис. 19).

3) Обломок наконечника дротика или стрелы с сохранившимся одним шипом. Длина 9 см (рис. 20).

Каменные изделия из Гребневой пещеры состоят из кремневой гальки, с суживающейся верхней частью, в которой просверлено отверстие для привязывания, небольшого обломка кремня с ретушью по одному краю и нескольких обломков плиток со следами шлифовки, а также топора из гальки с пришлифованным лезвием. Кости животных из первого слоя принадлежат только диким, и список их ничем существенным не отличается от списка животных Бурановской пещеры.

Керамический комплекс тоже очень близок к Бурановскому из I слоя, поэтому мы склонны рассматривать археологический материал из Гребневой пещеры как стадиально близкий к бурановскому и относить его к одной культурно-исторической ступени.

Рис. 20. Гребневая пещера. Обломок костяного наконечника дротика или стрелы (нат. вел.).

4. Археологические материалы из Усть-Катавской II пещеры

После того как в 1939 г. разведочный шурф в Усть-Катавской II пещере дал обнадеживающие результаты, экспедиция тотчас приступила к раскопкам, охватившим значительную часть пещеры, пригодной для раскопок. Общая площадь раскопа, размещенного в центральной части пещеры, 14 кв. м (рис. 21).

Литология слоев: 1-й слой сильно золистый с остатками современных костров. Толщина слоя 10—12 см; 2-й слой — деградированный суглинок с большой примесью золы и мелких угольков, толщина этого слоя 40—45 см. Именно в этом слое размещены интересующие нас находки и погребение, причем погребение и находимый в слое инвентарь тяготеют к нижней границе слоя. Ниже 2-го слоя залегает мощный пласт желтого суглинка, загроможденный камнями. В этом суглинке ярко выступают углистые прослойки с остатками четвертичной фауны (рис. 22).

Едва ли не самой интересной находкой в пещере является погребение. На участках 2 и 7 (рис. 23 и 24), на глубине 40—50 см от поверхности заполнения пещеры были встречены камни, пересыпанные суглинком, почти красного цвета от обжига. При расчистке оказалось, что камни образуют в общем неправильный круг и прикрывают собою множество украшений, рассеянных между камнями и под ними. Тут же были встречены и кости человека. Е. В. Жиров дает следующее заключение по костным остаткам человека: «Кости из Усть-Катавской II пещеры относятся, по меньшей мере, к двум субъектам, пол которых установить нельзя. Один костяк, плохо сохранившийся, но довольно полный, принадлежал ребенку 5—7 лет, прочие же костные остатки слишком незначительны и по ним можно составить только приблизительное представление о возрасте субъекта, умершего 30—60 лет от роду». Набор костей

состоит из фаланг кистей, стоп, и фрагментов плюсневых взрослого, обломков позвонков, костей предплечия, ребра, нижней челюсти и черепа и нескольких фаланг кисти и стоп ребенка. Разрозненные кости взрослого находились почти под самой поверхностью напластований на I—II штыхе. Принимать в расчет их не следует и положение их в слое можно считать случайным. Кости ребенка носят отчетливые следы окрашенности крас-

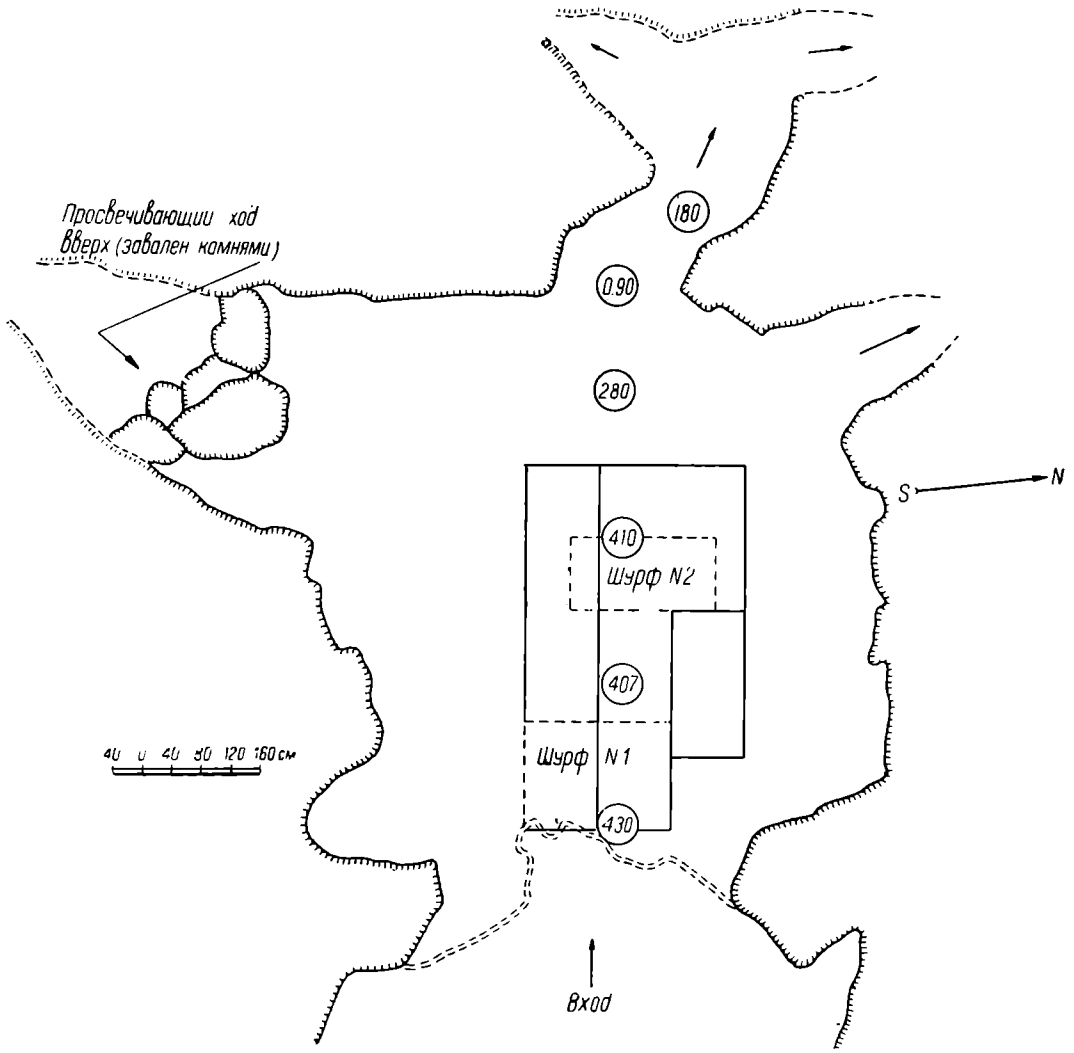

Рис. 21. План пещеры Усть-Катавской II. Южный Урал, Челябинская обл., Катавский район, окрестности Усть-Катава. Цифры в кружках означают высоту потолка над уровнем пола в см.

ной охрой и сильно обожжены. В положении костей нельзя установить атомического порядка и можно отметить лишь, что помещались они в могильном углублении, прослеженном на глубину 15—20 см, уходящем в желтый суглинок (третий слой). Это не была могильная яма в обычном понимании, а округлое углубление, куда, видимо, были положены кости, и которое затем было завалено камнями. Над камнями же разложены костры, в силу чего суглинистая присыпка на камнях и сами камни сильно обожжены. Любопытно отметить, что химический состав пещерного суглинка в Усть-Катавской пещере очень активно реагирует на действие огня, быстро принимая довольно яркую красноватую окраску. В этом нетрудно было убедиться, прибегнув к простейшему опыту.

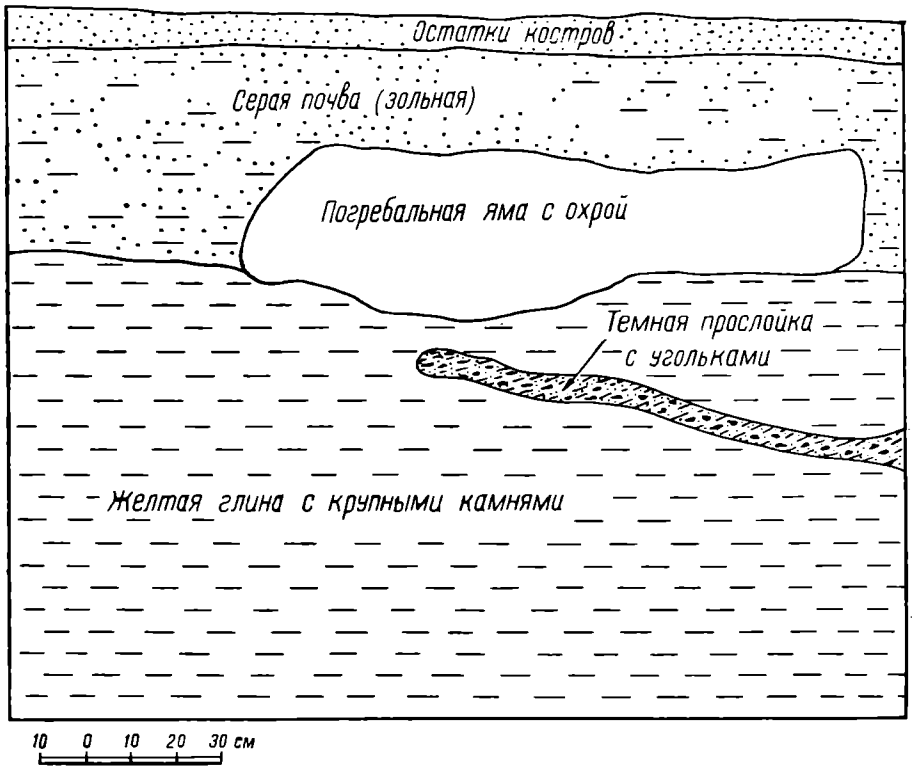

Рис. 22. Разрез западной стенки раскопа пещеры Усть-Катавской II.

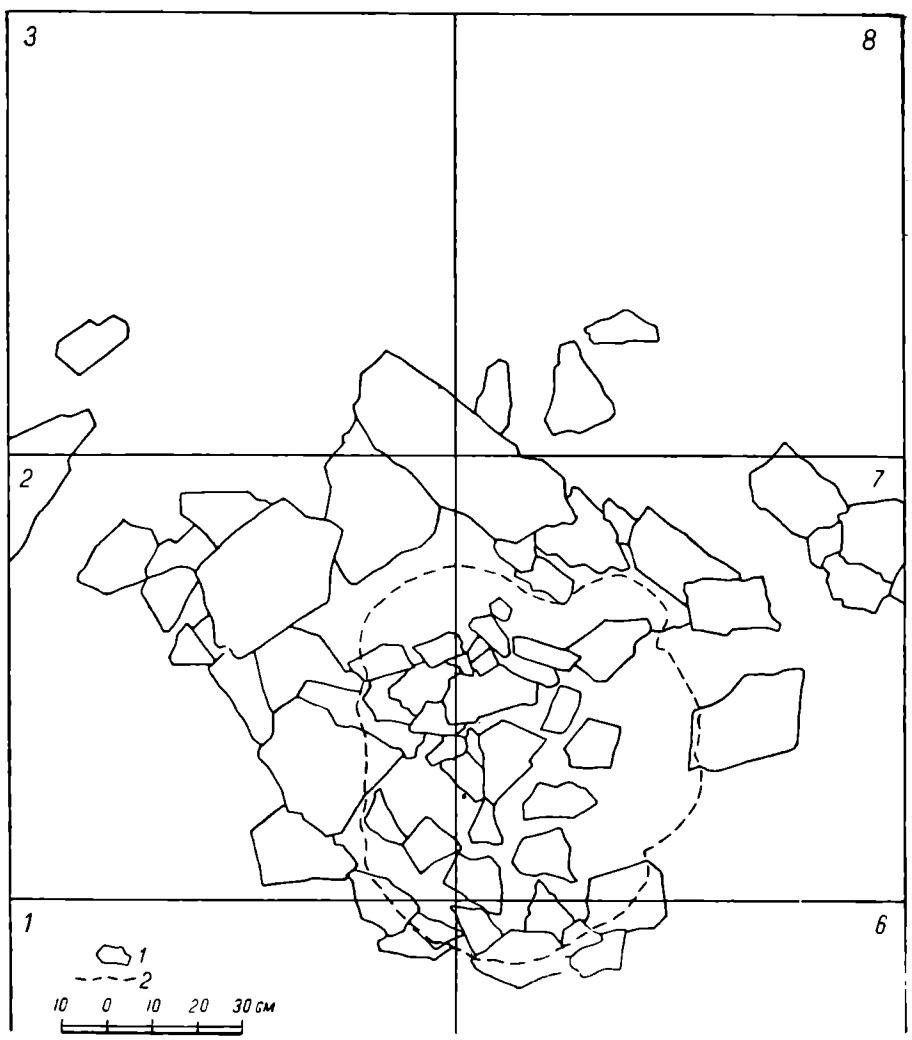

Рис. 23. Пещера Усть-Катавская II. План 1-го горизонта камней над погребением.

1 — камни; *2* — граница находок костей, украшений и охры.

Итак, характер захоронения рисуется достаточно ясно — это неполное трупосожжение с захоронением остатков в специальной ямке, заполненной затем камнями, сверху присыпанными суглинком, над которым был разложен огонь, обслуживавший, вероятно, поминальную тризну. Остается непонятной одна деталь, связанная с погребениями. Дело в том, что тут же рядом с костями встречены в большом числе украшения, носящие лишь слабые следы действия огня. Найдены украшения в рассеянном состоянии. В пределах границ залегания костей ребенка собраны:

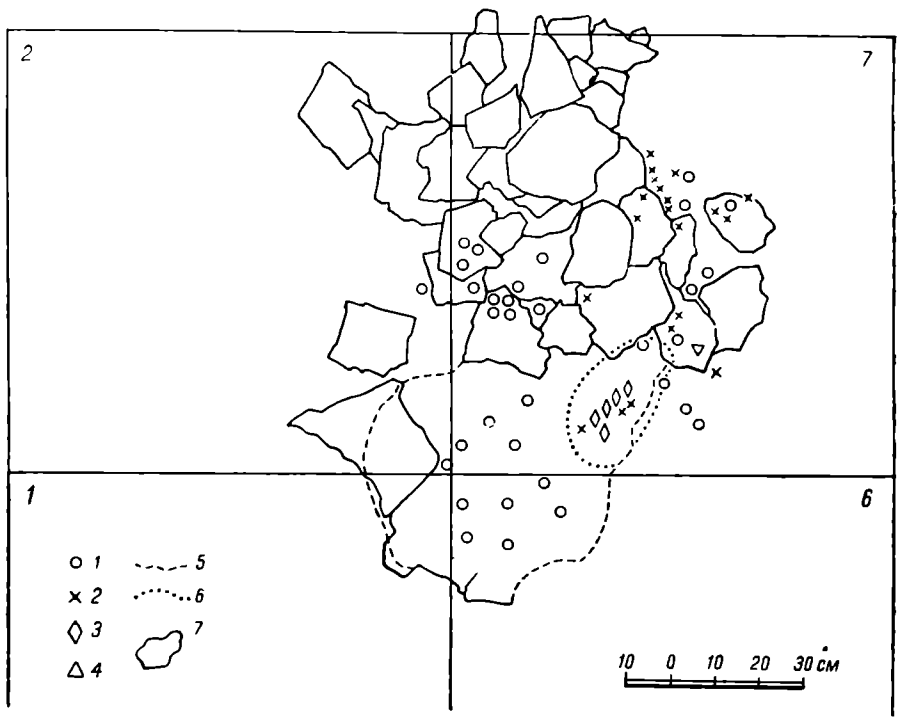

Рис. 24. Пещера Усть-Катавская II. План 2-го горизонта камней и расположения украшений у погребения.

1 — бусы; *2* — подвески; *3* — зубы байбака (резцы); *4* — обломок черепа; *5* — граница погребения; *6* — граница скопления костей; *7* — камни.

1) 20 сильно окрашенных красной охрой резцов байбака (рис. 25); на них нет отверстий для пронизывания нити, и носились они, видимо, с помощью простого привязывания, если не составляли части специального, только могильного инвентаря; 2) 53 раковины (целых и обломков) наземного моллюска (Dentalium), составлявших некогда набор в виде бус (рис. 26); 3) 36 круглых, плоских бус, сделанных из раковин каких-то моллюсков (Pectunculus?); эти небольшие кружочки диаметром меньше 1 см имеют в центре круглое отверстие для пронизывания в них нити (рис. 27); 4) пронизки из тонких, видимо, птичьих костей; длина их не превышает 2.5 см (рис. 27). И, наконец, 5) 32 небольших каменных подвески, уже знакомой нам овально суживающейся кверху формы (рис. 28). Эти подвески несколько отличаются от тех, которые встречены нами при погребениях в Бурановской пещере и в навесе Старичный Гребень. Кроме того, что сделаны они не из нарядного офита, а из простого, видимо, сланцевого камня серого цвета, они значительно уступают и в размерах, не превышая в длину 2.5 см. Подвески отшлифованы, как правило, с обеих сторон и имеют боковые выпуклости, как бы имитирующие клыки оленя. В верхней суживающейся части все они снабжены отверстиями

для подвешивания. Собранный богатый набор украшений несомненно связывается с погребением ребенка, размещаясь в пределах распространения костей.

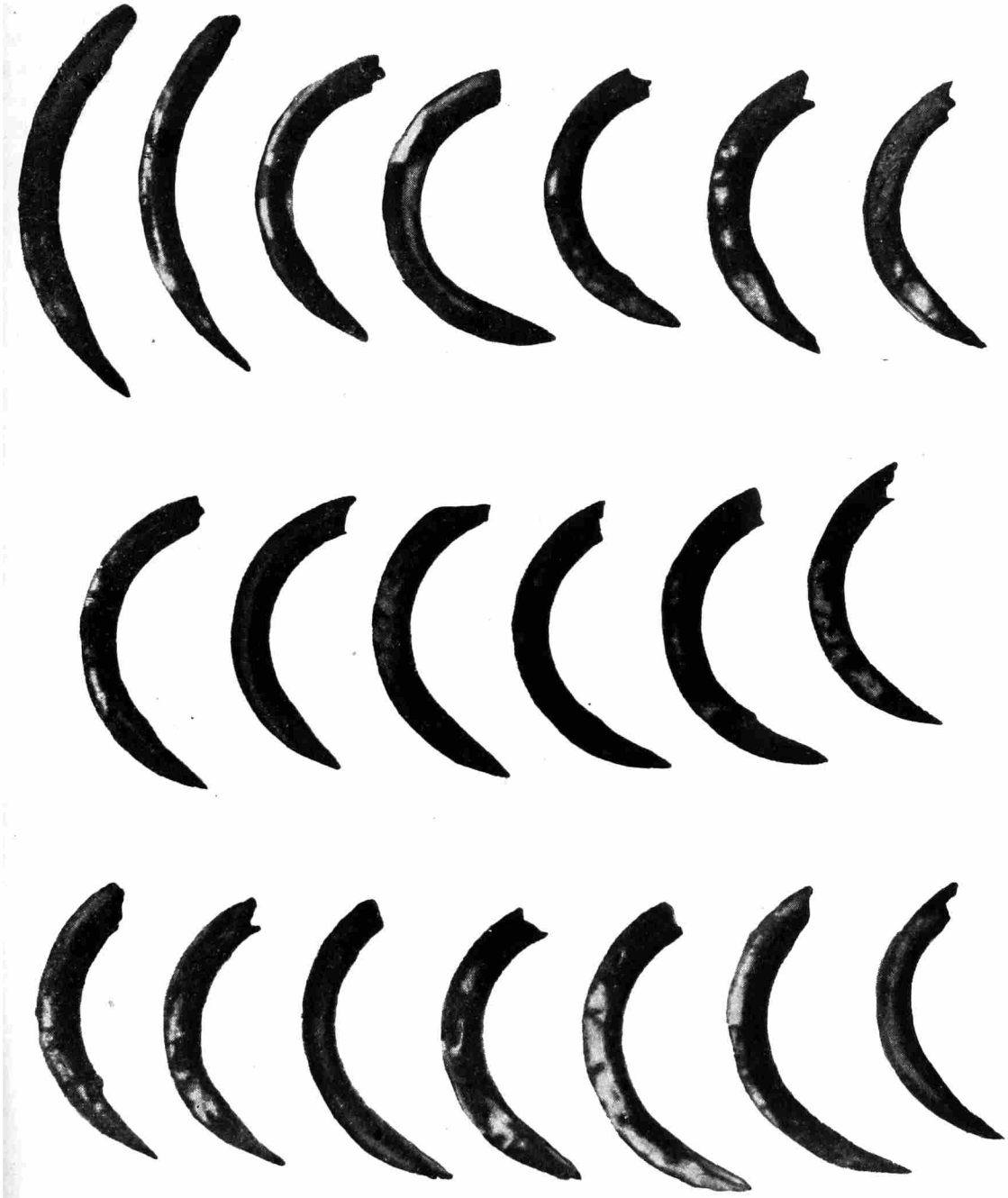

Рис. 25. Пещера Усть-Катавская II. Погребение. Подвески из резцов байбака (нат. вел).

Следует упомянуть еще об очаге, раскрытом на 10-м и 11-м участках на том же уровне, на котором встречено погребение (рис. 29). Он ограничивался округло расположенными камнями и имел диаметр около 1.5 м. Внутри очага сохранилась толстая зольная прослойка, подстилаемая почти красным от прокаливания суглинком. Вокруг очага найдено несколько фрагментов керамики и костей животных.

В разных местах раскопа на уровне культурного горизонта найдены: 1) крупный остроконечник из кремня двухсторонней обработки, длина

его около 8 см, ширина 3 см; он тщательно отделан плоской отжимной ретушью, слегка асимметричен и имеет лавролистную форму; видимо, такому же типу орудия соответствует другой обломок кремневого остроконечника (рис. 30 *г*); 2) два кремневых скребка; один из них сделан на массивной пластине, имеет выпуклый рабочий край, другой скребок — на плоском сколе, тоже относится к типу концевых скребков с выпуклым рабочим краем (рис. 30, *б*, *в*): 3) несколько пластинок с ретушью

Рис. 26. Пещера Усть-Катавская II. Погребение. Бусы из Dentalium (нат. вел.).

по краю (рис. 30, *д*) и ряд бесформенных отщепов. иногда имеющих слабо выраженные подправки.

Из костяных предметов обращает на себя внимание асимметричное костяное шило, выделанное на обломке трубчатой кости с тщательно зашлифованным концом (рис. 30, *е*) и крупный фрагмент какого-то орудия с уплощенной широкой частью (рис. 30, *ж*). Между прочим, Н. А. Прокошев, видевший этот предмет, аналогизирует его с такими же находками в стоянках эпохи бронзы из Прикамья.

Наиболее интересной является находка бронзового или медного шила, четырехгранного в сечении. Это небольшой стержень, длиною в 7 см и шириною в 3 мм, с одним концом, сведенным на рабочее острие, другим — несколько суживающимся, входившим в рукоять. Шило из Усть-Катавской I пещеры является прямой репликой Левшинскому

шилу и другим аналогичным находкам в восточной половине Европейской части СССР (рис. 30, *з*).

Довольно значительную группу находок составляет керамика. Не повторяя той характеристики, которая дана была для керамики из Бурановской пещеры, мы можем указать на целый ряд общих черт ее с керамикой из Усть-Катавской II пещеры. Однако нельзя не отметить, что в керамике из Усть-Катавской II пещеры наблюдается значительно большее количество позднейших, вплоть до современных, форм чем в керамике из Бурановской пещеры. Несомненно, что эти более поздние керамиче-

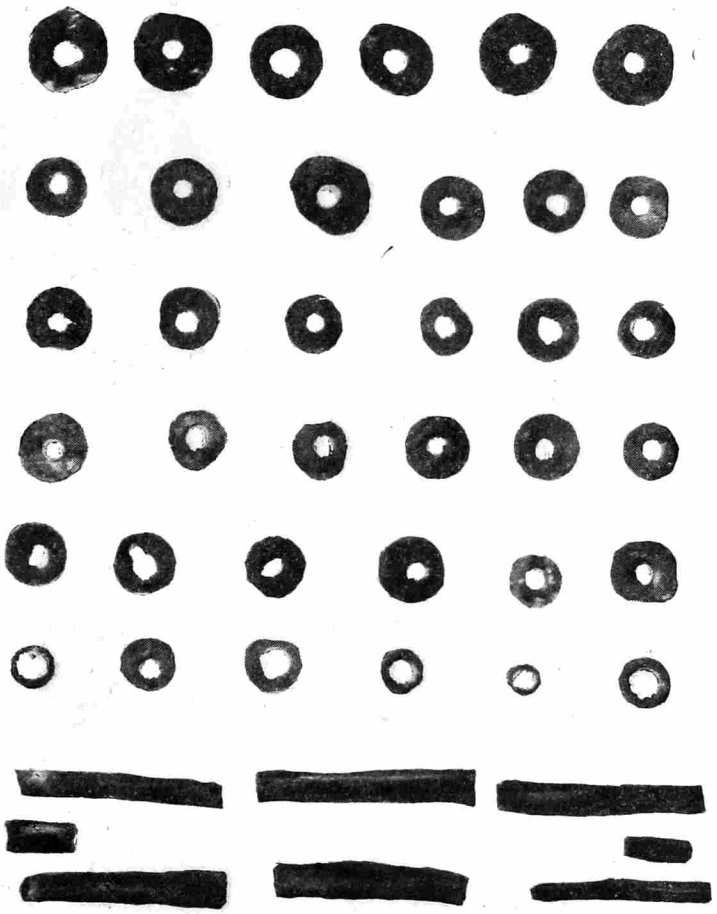

Рис. 27. Пещера Усть-Катавская II. Погребение. Бусы из моллюска Pectunculus (?) и пронизки из птичьих костей.

ские остатки попали в рассматриваемый слой случайно, здесь видимо сыграла свою роль интенсивная деятельность роющих животных.

В. В. Карачаровский и В. И. Громова определили видовой состав животных из верхнего слоя Усть-Катавской II пещеры, который заключает дикую лошадь, лося, косулю, куницу, лисицу, зайца, хомяка, водяную крысу и крота.

5. Датировка культурных остатков из пещер Ю. Урала

После того, как мы определили стратиграфическую принадлежность каждого описанного комплекса, перейдем к вопросу о датировке их, причем укажем, что предлагаемый ниже анализ носит все же предварительный характер, так как в нем не используется вся сумма материалов по неолиту лесной полосы. Однако, даже пользуясь доступными

материалами, можно приближенно определить время, к которому должны быть отнесены культурные остатки из Барановской пещеры, Старичного Гребня, Гребневой пещеры и Усть-Катавской II пещеры. Таким обра-

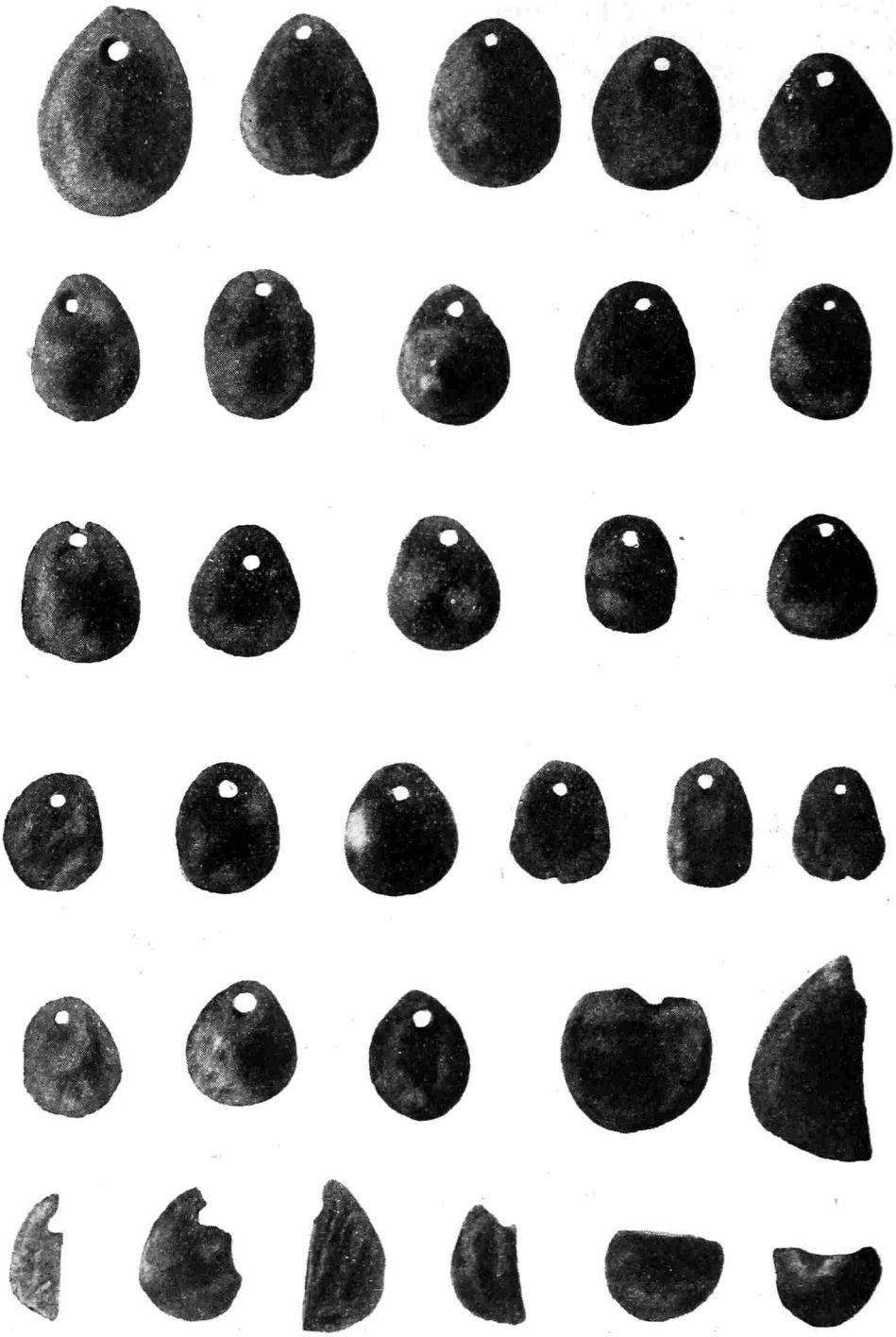

Рис. 28. Пещера Усть-Катавская II. Погребение. Каменные подвески (нат. вел.).

зом, изложение наше, отнюдь не претендуя на полноту, имеет целью расставить лишь первые вехи на пути к более полному и всестороннему изучению первобытного прошлого нагорной части Ю. Урала. Трудность решения этой, казалось бы скромной, задачи усложняется еще и тем, что территории, примыкающие к Ю. Уралу с запада и востока,

в отношении изученности немногим отличаются от нагорной части Ю. Урала. Учитывая это, нам поневоле приходится основываться на материалах Западного Приуралья и Среднего Урала, где археологические проблемы для отдельных исторических отрезков если и не разрешены, то хотя бы поставлены.

Самыми ранними следами человеческой культуры для западного склона Ю. Урала, если не считать сомнительных эпипалеолитических остатков, являются памятники андроновского этапа. Они встречены

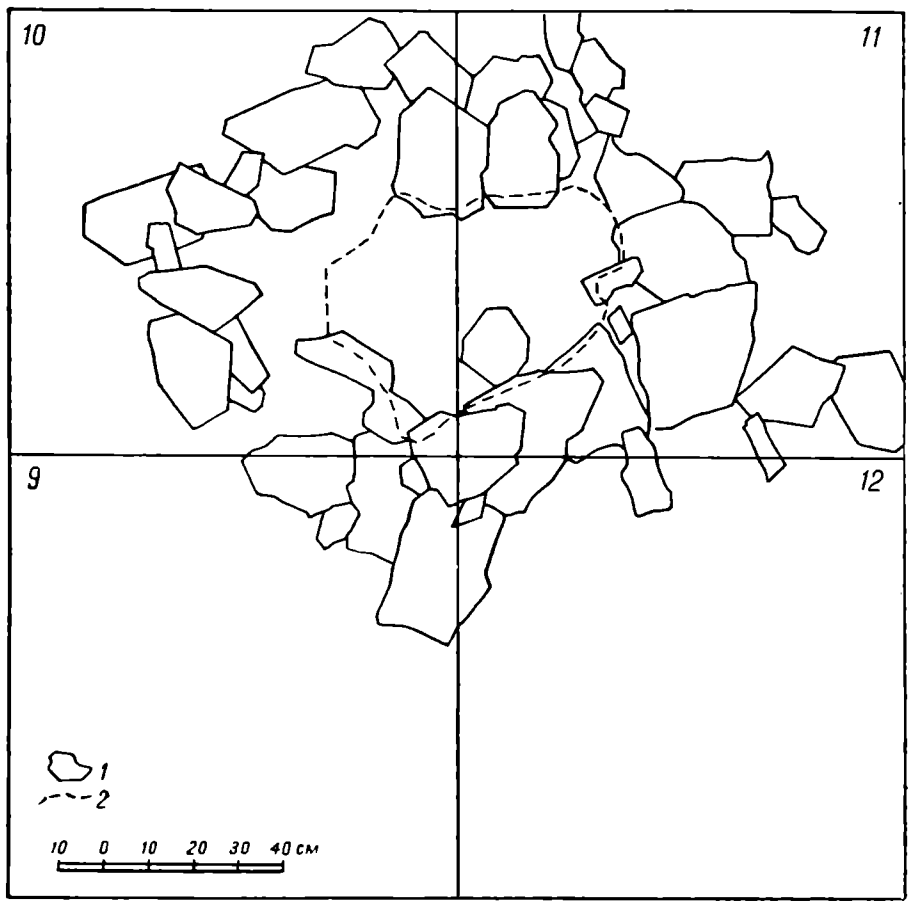

Рис. 29. Пещера Усть-Катавская II. План очага № 2.
1—камни; *2*—граница интенсивного золистого скопления.

и частично исследованы и на восточном склоне, в Зауралье, распространяясь там далеко на север, как бы прокладывая путь к низовьям Оби для племен, принесших сюда поразительную культуру Сале-Харда. По западному склону андроновские памятники не заходят столь далеко на север, и граница их распространения проходит где-то на меридиане Уфы. Ко второй половине II тысячелетия до н. э. относятся и памятники абашевской культуры, ярким представителем которой выступает известный Верхне-Кизельский клад, состоящий из медных орудий, украшений и гончарной посуды.

К началу I тысячелетия до н. э. смешение андроновской и абашевской культур создало любопытный, но еще мало изученный исторический этап, прослеженный на приуральском городище Баланбаш, изученном К. В. Сальниковым и П. А. Дмитриевым, этап, который, возможно, имел локальное значение. На Среднем Урале проникновение элементов

абашевского типа пока еще не отмечено, зато культурно-исторические связи неолитической основы с сейминской и андроновской культурами имеют место.

В ананьинско-пьяноборскую эпоху все племена Среднего и Южного Приуралья испытывают на себе мощное влияние ананьинской культуры, прочно вошедшей в бытовой и хозяйственный уклад человеческих обществ. Распространение этой культуры на восток пока еще не прослежено. Однако есть основания подозревать, что одно из городищ в бассейне Юрюзани относится к ананьинско-пьяноборскому времени. Городище это расположено на высоком утесе и носит имя героя башкирского эпоса, поэта, сподвижника Пугачева — Салавата Юлаева.[1]

Культурно-исторические связи Южного Приуралья с Пермским Прикамьем в I тысячелетии н. э. продолжаются и отмечены А. В. Шмидтом. Они выражаются в ряде родственных черт бахмутинской культуры, оба этапа развития которой соответствуют харинскому и ломоватовскому культурным этапам Пермского края (V—VIII вв. н. э.).

Не следует представлять себе исторический процесс в Западном Приуралье как процесс механической смены одной культуры другой, каждый раз вызываемой освоением территории пришлыми племенами. Здесь имело место не только этническое проникновение и, возможно, колонизация края, например андроновскими племенами Южного Приуралья, оставившими очень типичные памятники своей степной культуры, но и частичное проникновение отдельных историко-культурных приобретений соседних или даже отдаленных племен. Эти новые приобретения вливались как составной элемент в основную культуру, перерабатывались, подчиняясь хозяйственно-экономическому укладу, и, качественно не всегда изменяя самобытность культуры, сопутствовали ей в дальнейшем развитии.

В этом, весьма кратком и схематическом обзоре, по существу лишь перечисляющем основные исторические этапы взаимоотношений культур Южного и Среднего Приуралья, как они рисуются на основании археологических источников, охвачено время, начиная, примерно, с конца II тысячелетия до н. э. до первых веков н. э., причем в полосе только Западного Приуралья, не переходя на нагорный Урал и на восточный склон его.

Каковы же были взаимоотношения человеческих обществ на этой территории в более раннее время и были ли какие-нибудь культурно-исторические связи между ними?

На этот вопрос сейчас уже можно ответить, принимая за исходные археологические материалы, собранные в пещерах.

Переходим к установлению связующих начал, позволяющих говорить, что уже в эпоху позднего неолита и раннего металла наметилась некоторая общность в культурах Среднего Приуралья и Южного Урала, несмотря на различие естественно-географической обстановки, которая отличает Средний Урал и Приуралье от Южного Урала. Распространенность удобных для рыбной ловли водоемов, рек и озер, изобиловавших рыбой на Среднем Урале и, наоборот, немногочисленность рек и их горный характер на Ю. Урале, очень слабое развитие озер, должны были наложить свой отпечаток на производственную деятельность человека, его быт и его культуру. Исследования в Пермском Приуралье с полной несомненностью определили важную роль рыболовства, которая выступает во всем комплексе неолитических памятников этого края (Левшино и др.). Культуры же Южноуральского нагория должны выглядеть

[1] Городище расположено около с. Верхняя Лука на Юрюзани.

несколько иными, и базироваться на охоте, как основном источнике существования.

Обратимся к разбору материала. Наиболее чутким для датировки и вместе с тем наиболее массовым материалом является керамика. Если сопоставить керамический комплекс, например, Левшинской стоянки

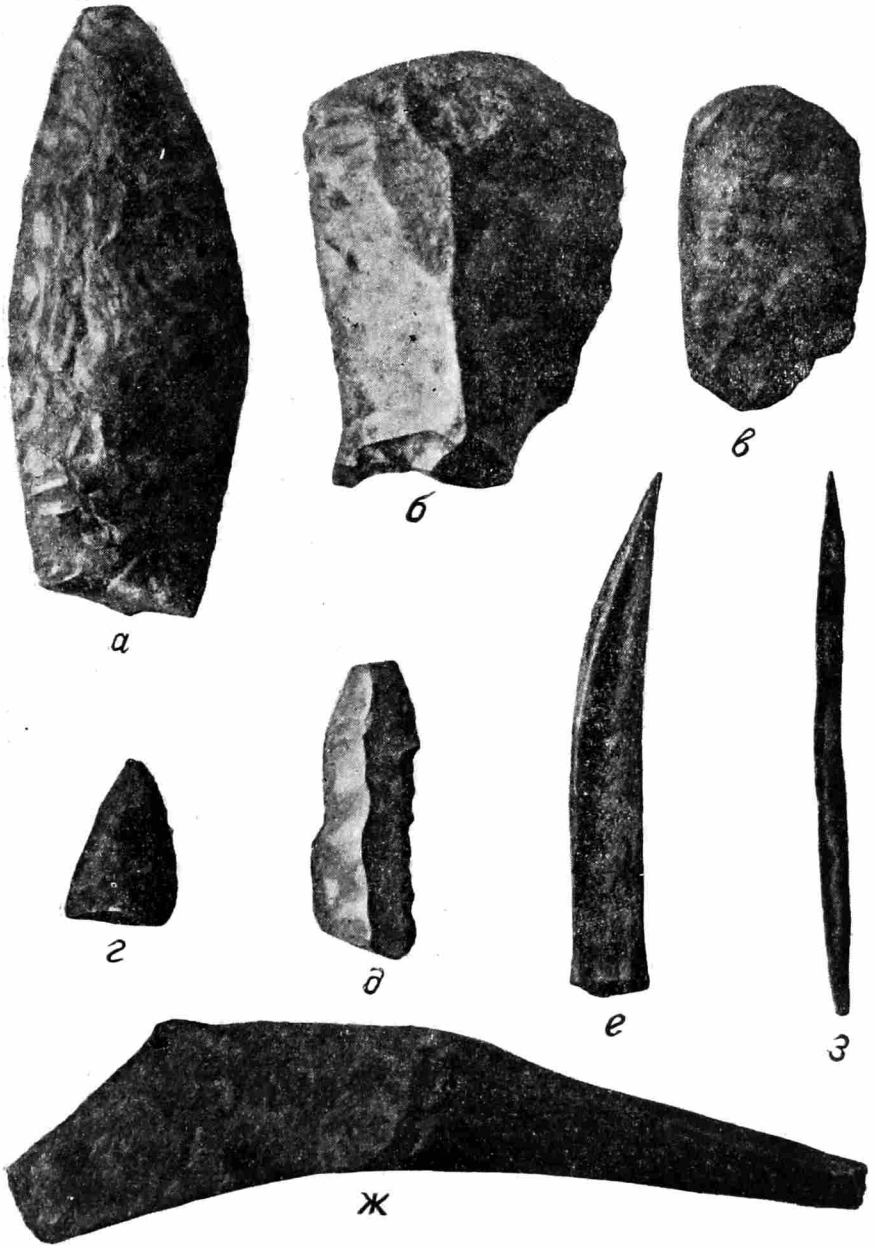

Рис. 30. Пещера Усть-Катавская II. Культурный слой.
Кремневый, костяной инвентарь и медное (?) шило (нат. вел.).

с керамикой из 1-го слоя Бурановской пещеры, то, несмотря на ряд существенных различий в орнаментации и бо́льшую архаичность комплекса из Левшино, керамика все же определенно указывает на их культурно-историческое родство. Нельзя объяснить случайностью сходство орнаментального мотива, встреченного на сосуде из Левшинской стоянки и на сосуде из Бурановской пещеры, изображающего скрещивающиеся в виде знака умножения линии, идущие по верхней части сосудов. Это сходство усиливается еще наличием ритмично расположенных ямок

между поясками из крестиков,[1] но сосуд из Бурановской пещеры по краю венчика украшен рубчиками и резче профилирован по сравнению с сосудом из Левшино. Сходные черты проявляют и некоторые другие элементы орнамента: оттиски мелких «личинок», образующих пояски,[2] прорезной геометрический узор в виде зигзагообразной линии [3] и елочный горизонтальный орнамент.[4] Более отдаленное сходство заметно и со стоянкой у деревни Усть-Чусовая, где тоже был найден обломок сосуда с орнаментом в виде крестиков на тулове сосуда.[5] Если провести сравнение форм сосудов, то окажется, что так же, как и в Левшинской стоянке, основное количество, видимо, принадлежало плоскодонным сосудам; там только в раскопках 1934 г. встречено 38 фрагментов. В материалах Бурановской пещеры почти исключительно представлены днища плоскодонных сосудов и лишь один фрагмент относится к остродонным. В Левшинской стоянке обломки круглодонных сосудов тоже занимают скромное место.[6] Сравнивая керамику первого слоя Бурановской пещеры и Левшинской стоянки, мы далеки от мысли отождествления двух этих комплексов. Посуда из Левшино по общему своему виду более архаична в смысле выработки разнообразных форм, между тем как бурановские фрагменты посуды дают основание предполагать относительно развитую и разнообразную керамику. Бурановские сосуды в ряде случаев имеют резкую профилировку, четко обрисовывающую отдельные части сосудов и особенно венчики, иногда отогнутые и украшенные узором в виде рубчиков и оттисков гребенчатого штампа. Впрочем, как отмечает Н. А. Прокошев, в левшинской керамике наблюдаются по краям сосудов защипы, рубчики, а в одном случае налеп.[7] Однако, в левшинской посуде нет еще прочного отдифференцирования венчика от тулова, что придает сосудам известную плавность очертания. Признак этот говорит об архаичности Левшинской керамики в сравнении с Бурановской. Некоторые черты орнаментации бурановской керамики тоже ставят ее на более высокую ступень, чем левшинская. Укажем, например, на разнообразные геометрические построения гребенчатых оттисков на посуде из Бурановской пещеры (рис. 3, *в*, *д*), по стилю приближающихся даже к андроновским типам.

---

[1] Ср.: Н. А. Прокошев, МИА СССР, т. I, 1940, М.—Л., стр. 35, табл. V с нашим рис. 3, *в*, *к*.

[2] Ср. у А. В. Шмидта (Стоянка у станции Левшино. СА, V) рис. 12, на стр. 27 (в третьем ряду первый слева) с рис. 3, *б*.

[3] Ср. у А. В. Шмидта (там же) рис. 12 (в нижнем ряду крайний справа) с рис. 3, *и*.

[4] Ср. у А. В. Шмидта (там же) рис. 13 (верхний ряд, крайний справа и др.) с рис. 3, *л*.

[5] Н. А. Прокошев, МИА СССР, т. I, стр. 16, рис. 3, *10*.

[6] Н. А. Прокошев (ук. соч., стр. 38), анализируя комплекс находок из Левшинской стоянки, выделил из подъемного материала фрагменты керамики с веревочным орнаментом, относящиеся к более позднему времени. Однако, как указывает Н. А. Прокошев, «о двуслойности памятника говорить не приходится» (стр. 38). П. П. Ефименко, работая над вопросом неолита Прикамья, обратил внимание на таблицу, опубликованную Н. А. Прокошевым в той же работе, в которой приведены количественные соотношения по всем видам находок из раскопанных участков (табл. I на стр. 33). Оказывается, что на разных раскопах количество орнаментированной и не орнаментированной керамики находится в весьма странном соотношении, говорящем не в пользу одновременности раскопанных комплексов: например в раскопе I на 57 фрагментов стенок сосудов и 32 обломка краев сосудов, орнаментированных найдено 42 обломка. В раскопе V, на 634 фрагмента неорнаментированных стенок сосуда и 49 обломков краев сосудов, орнаментированных оказалось лишь 21 фрагмент. Под рубрикой — «Сб.» на 55 неорнаментированных фрагментов и 25 обломков краев сосудов, собрано 175 обломков посуды с орнаментом. Таким образом, из приведенных соотношений слишком очевидна неоднородность комплексов.

[7] Н. А. Прокошев, ук. соч., стр. 37.

Сопоставление каменного инвентаря стоянки у ст. Левшино с бурановскими находками очень затрудняется малочисленностью находок его в пещере. Не говоря о близости приемов раскалывания кремня, дающих очень тонкие, правильно ограненные пластинки, что придает каменному инвентарю облик «архаичности», сближающий его с эпипалеолитическими стоянками, как это отмечают для Левшино исследователи этой стоянки, укажем на находки в обоих местонахождениях сечений пластинок прямоугольных очертаний, служивших, вероятнее всего, в качестве вкладышей в наконечники метательных орудий. Впрочем это сопоставление ввиду своей неустойчивости может быть и опущено вовсе.

Левшинская стоянка, так же как и все другие ранние стоянки Пермского Прикамья и Приуралья, выглядит у описывавших ее авторов как самостоятельный культурный очаг, изолированный от широко распространенных областей так называемого «лесного» неолита. Между тем в материалах Левшинской стоянки уже можно найти элементы, определяющие ее принадлежность к культурному ареалу ямочно-гребенчатого неолита лесной полосы СССР. В самом деле, не только уровень производительных сил с развитым рыболовством и охотой сближает Левшинскую стоянку с поселениями эпохи неолита лесной полосы. Эта близость проявляется даже в некоторых бытовых деталях.

Кроме того, что мы отметили связь левшинских орнаментальных мотивов в керамике с южным дериватом ее в Бурановской пещере, приведем ряд фактов, сближающих поздненеолитические поселения Пермского края с другими неолитическими поселениями восточноевропейской части СССР и тем самым покажем, что неолитические стоянки Западного Приуралья входят в единый культурно-исторический комплекс лесного неолита, занимающего огромные пространства от Волги и озерных стоянок северо-западной части СССР и прослеженного даже за Уралом. Воспользуемся опять наблюдениями над керамикой. Н. А. Прокошев, описывая керамику Левшинской стоянки, отмечает здесь наличие фрагментов сосудов, орнаментация которых близка к керамике восточноевропейского неолита, особенно к стоянкам бассейна Оки, Волги и северо-западной части СССР. И действительно, близость эта в ряде схем совершенно очевидна. Комбинации различных ямок (округлых, ромбических) с узором, нанесенным зубчатым штампом и прочерченными линиями, составляющими в различных вариантах узоры, повторяющие друг друга, довольно часты (Левшино, Волосово, Балахнинские, Окские и другие северо-западные). Тем не менее, Левшинская стоянка стоит все же ближе к поздненеолитическим комплексам типа Кубенина на оз. Лача, чем к более южным стоянкам или к Ладожским. М. Е. Фосс приводит материалы из стоянки Кубенино, почти в копии повторяющие левшинские и близкие к южно-уральским из Бурановской пещеры. Для примера укажем на обломок сосуда, украшенный знакомыми уже нам крестиками, расположенными пояском в сочетании с ямками.[1] Близкий к этому орнаментальный мотив на обломке сосуда опубликовал Г. П. Сосновский в материалах стоянки у Сестрорецкого разлива, но прочерченные крестиком линии на фрагменте из Сестрорецка сходятся концами, образуя ромбики, заключенные между ямками. Более отдаленное сходство этот мотив проявляет с керамическим материалом из стоянки на острове Илекса в Карелии.[2] К аналогичным и свойственным Кубенино, Левшино и Бурановской пещере относятся различные узоры из косых полос, зигзага и др. Формы сосудов тоже не противоречат отнесению этой группы

[1] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, табл. X, рис. 15.
[2] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 318, табл. 21.

памятников к одной культурно-исторической основе. В Кубенино, так же как и в Левшинской стоянке, посуда не слишком дифференцирована, и отдельные части сосудов не носят черт резкой разделенности. Объединяют три эти группы сходные орнаментальные мотивы, совместное нахождение сосудов с плоским и круглым дном и другие более мелкие черты сходства (обжиг, наличие примесей и т. д.).

Если принять во внимание отмеченную О. Н. Бадером и М. В. Воеводским [1] закономерность, установленную для группы Балахнинских стоянок и заключающуюся в том, что развитие стиля орнаментации неолитической керамики шло по линии сокращения площади, покрытой орнаментом, и появления все более сложных мотивов (зигзаг, треугольник, ромб и т. д.), то стоянки Кубенино и Левшино можно отнести к самой поздней поре неолита, барановскую же керамику — к эпохе ранней бронзы.

Значительно труднее установить абсолютную дату барановских находок. Пока мы ограничивались сравнением материала из Барановской пещеры с Левшинской стоянкой, вопрос этот казался близким к разрешению датой А. В. Шмидта для Левшино. Принимая во внимание бóльшую совершенность керамики из первого слоя Барановской пещеры, эта дата могла быть передвинута, скажем, к началу II тысячелетия до н. э. Сделав попытку сопоставить Левшинскую стоянку с позднеолитическими памятниками восточно-европейской части СССР, мы тем самым стали перед дилеммой выбора. Приведем соотношение дат для наиболее изученных стоянок восточно-европейской части СССР.

1. Стоянка у сел. Вознесенье на р. Свири. Наиболее ранний комплекс из I раскопа относится к середине III тысячелетия до н. э.; из II и III раскопов — к началу I тысячелетия до н. э., т. е. к позднему неолиту.

2. Стоянка Кубенино (раннее) — около половины II тысячелетия до н. э.; Кубенино (позднее) — конец II тысячелетия до н. э.

3. Веретье: I комплекс — начало II тысячелетия до середины II тысячелетия; II комплекс — вторая половина I тысячелетия.

4. Стоянка на р. Модлоне: VIII в. до н. э. — вторая половина I тысячелетия до н. э.

5. Андреевская стоянка у г. Тюмени — начало I тысячелетия.

6. Балахнинская — конец II—начало I тысячелетия.

7. Шигирские и Горбуновские торфяники — вторая половина II тысячелетия.

Как известно, абсолютная дата Левшинской стоянки, предложенная еще А. В. Шмидтом, а именно около 2000 лет до н. э., никем еще серьезно не оспаривалась, если не считать небольшую поправку, внесенную Н. А. Прокошевым, относящим стоянку у ст. Левшино к концу III тысячелетия до н. э. Эту дату можно было бы считать близкой к действительности и принять ее в качестве исходной для определения возраста инвентаря типа барановских находок.

А. В. Шмидт, определяя дату Левшинского поселения, опирается на датировку Галкинского городища, которое, без сомнения, относится к ананьинской эпохе, в общем синхронной скифскому периоду истории южных степей. Более ранние памятники дер. Турбино дают находки бронзовых и каменных орудий и вовсе не содержат предметов из железа. Учитывая медленные темпы развития производительных сил в родовом

---

[1] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Из истории родового общества на территории СССР. Известия ГАИМК, вып. 106, М.—Л., 1935, стр. 334.

обществе, А. В. Шмидт предполагает, что между памятниками Галкина и Турбина прошло несколько веков. Принимая во внимание архаичность левшинского инвентаря в сравнении с турбинским, приходится признать, что промежуток времени между этими двумя памятниками тоже может быть исчислен несколькими веками. Приведенные соображения А. В. Шмидта подкрепляются сравнительным анализом двух импортных предметов, найденных в Левшино: бронзовых ножа и шила, попавших сюда, возможно, из южных степей. Итак, ход аргументации А. В. Шмидта достаточно, казалось бы, убедителен и базируется на фактических данных.

В нашу задачу не входит сейчас разбор аргументаций датировок, принятых авторами исследований отдельных стоянок. Отметим только, что ими использовались самые различные данные — геологические, палеоботанические и сравнительно-типологические.

Результаты сопоставления приводят к выводу, что наиболее древние стоянки, относящиеся к неолиту, помещаются во временные рамки от середины III тысячелетия (Вознесенье, I раскоп) до середины II тысячелетия (Веретье и др.). С конца II тысячелетия начинается стадия позднего неолита. Однако, в археологической шкале время от средины II тысячелетия до конца II тысячелетия до н. э. для северных неолитических стоянок отражено в материалах очень слабо. Таким образом, Левшинская стоянка попадает в группу неолитических стоянок, относительно ранних для рассматриваемого нами круга памятников, тогда как сравнительный материал значительно больше сближает ее с поздними памятниками неолита конца II тысячелетия—начала I тысячелетия. Если действительно это так, то остается объяснить ее отношение к более поздним остаткам культуры Пермского Прикамья — Турбинскому могильнику и Галкинскому городищу, т. е. тем памятникам, которыми пользовался А. В. Шмидт, устанавливая дату Левшинской стоянки. По А. В. Шмидту, время от Галкинского городища (крайняя дата которого определяется 700 л. до н. э.) до ранних памятников дер. Турбино (имеется ввиду могильник) исчисляется, примерно, 700 годами, т. е. до 1400 г. до н. э. Промежуток времени от Турбино (по погребению 1934 г.) до основной массы находок у оз. Грязного (хут. Астраханцева) и находок у дд. В. Гари и В. Курьи (по Н. А. Прокошеву — конец неолита и эпохи бронзы) — исчисляется 400 годами, т. е. до 1800 г. до н. э. и наконец, Левшинская стоянка отделена от последних примерно 200 годами. Таким образом, не трудно заключить, что промежутки времени между отдельными историческими этапами, по мере отдаления их от верхней исходной, не увеличиваются, а уменьшаются — 700—400—200. Если перевести схему А. В. Шмидта на обычную археологическую терминологию, воспользовавшись для этого таблицей, предложенной Н. А. Прокошевым,[1] то время Левшинской стоянки определяется поздним неолитом, стоянок у хут. Астраханцева на оз. Грязном и у дд. В. Курьи и В. Гари — концом неолита и эпохой бронзы, Турбинского могильника и Турбинской стоянки — эпохой Сейминского могильника, Галкинского городища — ананьинской эпохой.[2] В абсолютных датах Н. А. Прокошев пользуется более суммарными исчислениями в пределах тысячелетий, указывая начало, середину и конец каждого тысячелетия, с которым связывается тот или иной памятник. Другими словами, Н. А. Прокошев, не внося

[1] Отчеты об археологических исследованиях в РСФСР за 1934—1936 гг., стр. 124, изд. ГАИМК.

[2] Крайняя дата для Галкинского городища взята в связи с исследованием А. В. Збруевой, относящей Галкинское городище к ранним городищам ананьинской эпохи (см. МИА СССР, т. I, стр. 99).

существенных поправок в схему А. В. Шмидта, уточняет лишь терминологию. Остается непонятным, почему по мере удаления вглубь веков, процесс смены «культур» происходил в более быстрых темпах и замедлялся, приближаясь к нашей эре. Ошибка, видимо, кроется именно в том, что А. В. Шмидт, а вслед за ним Н. А. Прокошев, все же рассматривают древние поселения Пермского Приуралья как изолированную область, не коррелируя ее памятников с неолитическими поселениями северной полосы восточноевропейской части СССР, в единый круг которых они безусловно входят, хотя и сохраняют свои самобытные черты. Не вполне обоснованной кажется и исходная дата ананьинского поселения — Галкинского городища. Отправляясь от него, следует иметь в виду, что проникновение ананьинской культуры на север от основного центра могло произойти значительно позднее расцвета ее на месте и удержаться на периферии, какой является Пермское Прикамье для ананьинской культуры, значительно дольше. Последнее замечание целиком относится и к бронзовому ножу и шилу, которые привлечены в статье А. В. Шмидта для подкрепления и уточнения выдвинутой им даты Левшинской стоянки.

Дело в том, что медный, а может быть, и бронзовый нож и шило, найденные в разное время на Левшинской стоянке, объединены и включены в посмертную статью А. В. Шмидта Н. А. Прокошевым, давшим частично и интерпретацию этих предметов. Н. А. Прокошев склонен отождествлять их с известными четырехгранными шильями ямных погребений на Сев. Кавказе в эпоху курганов типа Майкопа и с находками таких же шильев в левобережной Украине, бытующих не позднее эпохи катакомб. Им же приводится аналогия с ножом и шилом из Венгрии, встреченными в памятниках бодрог-керастурской культуры (2300 г. до н. э.). Приведенные в статье А. В. Шмидта аналогии все же не решают вопроса об абсолютной дате Левшина. Не следует забывать, что четырехгранные в сечении и реже ромбические в плане шилья встречаются не только в названных пунктах юга СССР и в Западной Европе. Они известны значительно ближе к Прикамью, например в срубной культуре Поволжья.[1] Но в лесной полосе они теряют свою ромбическую форму, оставаясь квадратными в сечении, т. е. такими, какими мы знаем их по находкам в Вауловском могильнике,[2] Балановском могильнике [3] — фатьяновской культуры, в собственно Абашевском могильнике [4] и в Верхне-Кизельском кладе [5] — абашевской культуры, и на более позднем городище Сорочьи Горы на Каме.[6] И, наконец, шило, совершенно аналогичное левшинскому, было найдено в Усть-Катавской II пещере, а по сообщению П. А. Дмитриева и на стоянке Калмацкий брод. Традиция выделки квадратных в сечении шильев еще долго удерживается в технике изготовления их посредством ковки из металлического прутика и может быть с некоторыми изменениями в деталях отмечена даже для скифского времени. Мы имеем в виду находку такого шила Б. Н. Граковым в одном из курганов близ Оренбурга (Чкалова).[7] Повсеместное распространение квадратных в сечении шильев особенно в эпоху бронзы,

---

[1] См., например, статью Ray в ESA, т. IV, стр. 54.
[2] Тр. ГИМ, т. XII, стр. 105—157.
[3] О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ дер. Балаково в Чувашии. СА, VI, стр. 72.
[4] ESA, т. I, стр. 88, рис. 5 (текст стр. 86).
[5] ESA, т. III, стр. 125, рис. 2 и 13 (текст стр. 126).
[6] А. Ф. Лихачев. Следы бронзового века в Казанской губернии. Тр. VII АС, табл. I, рис. 15 (текст стр. 162—163).
[7] ESA, т. IV, стр. 173.

возможно, было обусловлено удобствами закрепления их в рукоятке и преимуществами в процессе ковки.

Таким образом, Левшинское шило совсем не одиноко в находках на востоке СССР и должно быть в первую очередь сопоставлено не с далекими венгерскими или южнорусскими аналогиями, а с территориально близкими и действительно родственными ему шильями из лесной полосы СССР. При сближении левшинской находки с находками в восточной части СССР установленная в статье А. В. Шмидта дата, конечно, должна быть пересмотрена и перенесена ближе ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Форма левшинского ножа и, возможно, наконечника копья, тоже не является слишком устойчивой, что видно даже из приводимых в статье А. В. Шмидта аналогий.

Таким образом, стоянку Левшино можно вслед за Н. А. Прокошевым отнести к позднейшей фазе неолита и даже скорее к самому концу его. Абсолютная дата стоянки требует еще уточнения в сторону уменьшения ее ,в соответствии с поздненеолитическими памятниками лесной средней и северной полосы Европейской части СССР. Очевидно дату этой стоянки придется отодвинуть ко второй половине II тысячелетия. Эта поправка, конечно, нарушит стройность и преемственность схемы А. В. Шмидта, не допускавшего возможности сосуществования отсталых и передовых племен на близких территориях.

Нам пришлось столь подробно остановиться на вопросе о датах стоянок Пермского Прикамья только потому, что южноуральские материалы территориально близки к пермским и выявляют признаки культурно-исторического родства. Поэтому мы и сочли нелишним несколько углубиться в критическую оценку даты Левшина, этого основного и наиболее полно исследованного поздненеолитического поселения.

Возвращаясь к материалам из стоянки в пещере Барановской, указав раньше на родство их с группой поздненеолитических стоянок северной лесной полосы и в частности с Левшинской, мы, в пределах известной приближенности, можем отнести их к первой половине I тысячелетия до н. э., помня, что ряд керамических признаков ставит материалы Барановской пещеры на более высокую ступень развития.

Мы далеки от мысли отождествления комплексов типа Левшинской стоянки с комплексами типа барановских находок. На последних лежит лишь отпечаток былых неолитических традиций, идущих, видимо, от одной основы — ямочно-гребенчатого неолита. Очень может быть, что горная область Ю. Урала в пору бытования собственно ямочно-гребенчатого неолита и не была заселена вовсе, так как форма хозяйства обществ носителей ямочно-гребенчатой керамики предполагала иную географическую среду, отвечающую потребностям в рыболовстве.

Нельзя пройти и мимо того факта, что по топографическим признакам поздненеолитические стоянки, а вместе с ними и Левшинская, не имеют ничего общего с Барановской стоянкой, которая была скорее временным охотничьим стойбищем (о чем говорит ее местонахождение в сырой пещере) и, хотя находилась поблизости от р. Юрюзани, экономически совсем не была связана с рекой. Хозяйственный уклад обитателей пещеры целиком базировался на охоте, по преимуществу на лося, лошадь, косулю и медведя. Очень возможно, что охота на бобра, куницу и лисицу производилась с целью добычи меха. Инвентарь из первого слоя Барановской пещеры, несмотря на малочисленность, подтверждает руководящее место охоты в хозяйстве древнего человека.

Археологический материал из Гребневой пещеры мы склонны рассматривать вместе с комплексом из первого слоя Барановской пещеры

и относить его к одной и той же культурно-исторической ступени. Стадиальное родство двух этих местонахождений проявляется в первую очередь в керамике, сходной и по орнаментальным мотивам на ней и по формам сосудов. Не разделяет стоянок и состав фауны. В целом археологический материал из Гребневой пещеры лишь пополняет наши сведения о хозяйственном инвентаре южноуральской ранней эпохи бронзы.

Анализируя комплекс находок из Усть-Катавской II пещеры, мы, с одной стороны, можем сблизить его с находками из верхнего горизонта Бурановской пещеры, принимая в расчет общие черты в орнаментации керамики, а с другой — привести параллели из более северных областей. Так, например, небольшие подвески из камня, имитирующие, видимо, клыки оленя, отмечены в находках на береговой стоянке Горбуновского торфяника, известных по собраниям Д. Н. Эдинга. Там же, кстати, встречены и круглые плоские бусы с отверстием посредине, правда, несколько бóльших размеров, чем из погребения в Усть-Катавской II пещере. Подвеска такого же типа найдена в Липчинской стоянке П. А. Дмитриевым.[1] П. А. Дмитриев сообщил, что такие же украшения встречены при случайных обстоятельствах на берегу Исетского озера и на стоянке Калмацкий брод. На последней было найдено и четырехгранное медное или бронзовое шило. Продолжая дальше наши аналогии, вовсе не претендующие на полноту, мы не можем не отметить находки подобных подвесок к востоку от Уральского хребта — в погребениях байкальского позднего неолита или бронзы, а к западу от Урала на стоянке на р. Суре близ г. Пензы (сборы Спрыгиной).[2] Таким образом, хотя ареал находок подвесок, подражающих клыку оленя, обрисовывается еще недостаточно ясно, все же комплексы, в которых они встречаются, лежат во времени на грани эпохи бронзы, а скорее всего уже попадают в эпоху раннего металла.

Нельзя обойти молчанием выдающуюся находку, сделанную в 1929 г. у сел. Криволучье, в б. Самарском окр., в обрыве р. Чагры.[3] Здесь, в не вполне ясной обстановке залегания найдено погребение с богатым инвентарем, среди которого весьма отчетливо выступают предметы, аналогичные предметам из усть-катавского погребения. Их сближают не только одинаково присущий обоим погребениям факт обильного окрашивания костяков красной охрой, но и присутствие в погребениях раковин Dentalium, мелких бус — круглых, с дырочкой посредине, изготовленных путем распиловки раковин Pectunculus, и подлинных клыков оленя с просверленными отверстиями для ношения их на нити. В числе других предметов тут же встречены каменные наконечники копий, сходные по технике обработки с устькатавскими, каменные браслеты, кремневый нож, каменный молоток и раковины Pectunculus. Некоторые из этих предметов распространены повсеместно и не могут служить прочной основой для каких-либо выводов. В. В. Гольмстен, изучавшая могильный инвентарь из погребения у Криволучья, относит его к кругу памятников типа нальчикских погребений, а через них сближает с северокавказскими погребениями близ Майкопа, у б. ст-цы Царской, Костромской и др. Объединяющим началом для сближения погребения у Криволучья с названными памятниками служат: 1) единство ритуала, выражающееся в ориентировке головою на юг, скорченном положении

---

[1] П. А. Дмитриев. Липчинская неометаллическая стоянка. ТСРАНИОН, т. II.

[2] Фотоархив ИИМК, II-2248, №№ 37—94.

[3] В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. СГАИМК, № 5, 1931, стр. 7 сл.

и обильном окрашивании костяков, а в некоторых случаях, — устройстве погребальных камер; 2) сходство могильного инвентаря.

Что касается ритуала погребения у Криволучья, то со слов самой исследовательницы, В. В. Гольмстен, оно остается неясным. Пожалуй, самым определенным можно считать, что над погребением не было могильной насыпи. Не подлежит сомнению также и факт окрашенности костяка охрой. Положение же покойника и его ориентировка установлены лишь со слов находчиков, т. е. местных крестьян.

Если исключить целый ряд компонентов (в том числе и керамику) из могильного инвентаря северокавказских погребений, не встреченных в криволучском погребении, то на долю последнего остаются лишь привески из зубов оленя и своеобразные каменные браслеты, встреченные и в криволучском и в северокавказских погребениях. Привески из зубов оленя относятся к предметам, характерным не только для этого круга памятников, а распространенным еще с древнейших времен во множестве памятников Европы и Азии. Каменные браслеты тоже не являются особенностью, присущей только криволучскому погребению и северокавказским могильникам. Они хорошо известны, например, в сибирских могильниках эпохи неолита и раннего металла. Напомним, кстати, что каменные браслеты из криволучского погребения изготовлены, как сообщает В. В. Гольмстен, из талькового камня. Месторождения его широко известны по всему Уралу. Оставляя в стороне те выводы, к которым пришла В. В. Гольмстен на основании изучения погребения из Криволучья, отметим только, что сближение криволучского погребения с северокавказскими вряд ли можно считать обоснованным. Эти далекие аналогии хотя и дают перспективу к установлению относительной датировки, но для определения культурно-исторического родства северокавказской и самарской общественных групп вряд ли их можно считать убедительными.

Другое дело сопоставление криволучского погребения с усть-катавским. Здесь имеют место действительно ярко выступающие элементы, дающие право на культурно-историческое сближение. Могильный инвентарь, конечно, не повторяется как копия в обоих погребениях, но в ряде элементов он весьма близок, и эта близость подчеркнута еще фактом обильного использования окраски погребений охрой. Отсутствие в усть-катавском погребении ряда предметов, характерных для криволучского комплекса, может быть объяснено и тем обстоятельством, что первое все-таки принадлежало ребенку. И вряд ли обряд погребения ребенка предполагал в наборе похоронного инвентаря такие предметы, как наконечники копий, боевой молот и пр., не встреченные в усть-катавском погребении. Таким образом, криволучское погребение входит в единый культурно-исторический ареал памятников раннего металла Уральского нагорья. Памятники эти перекликаются с сибирскими аналогиями, однако имеют и свои глубокие местные исторические корни. Говоря об этом, мы имеем в виду генетическую связь между поздненеолитическим инвентарем из погребений в Бурановской пещере и Старичного Гребня с могильным инвентарем из Усть-Катавской II пещеры. Связь эта выступает в преемственности форм медальоновидных подвесок, различающихся, по существу, только по размерам и материалу. Впрочем, в слое Старичного Гребня была найдена окрашенная охрой в красный цвет костяная подвеска, вполне отвечающая медальоновидным подвескам из Усть-Катавской пещеры. Культурно-историческая преемственность этих двух типов памятников подкрепляется еще и общностью погребального ритуала. Во всех случаях может быть констатировано при погребениях наличие охры, а для места захоронения использованы именно пещеры.

Несколько иначе стоит вопрос с датировкой 2-го слоя Барановской пещеры, где встречено погребение, с которым мы связываем наскальную роспись. Этот комплекс нельзя рассматривать отдельно от материалов из Старичного Гребня, поскольку они стоят в культурно-исторической связи. Отсутствие керамики и в том и в другом случаях очень затрудняет вопрос датировки, поэтому датирующие признаки для двух этих комплексов будут менее показательны и устойчивы, хотя они тоже относятся к определенному кругу памятников. Вопрос о том, случайно ли или не случайно мы не встретили во 2-м слое Барановской пещеры и в навесе Старичный Гребень керамики — мы пока оставляем открытым. Заметим только, что погребение в Барановской пещере изолировано от каких-либо других синхронных ему культурных остатков. В Старичном Гребне погребение было совершено на жилой площадке, отмеченной находками инвентаря, мелких угольков и костей животных. Однако и здесь керамики не встречено. Это явление делается еще более непонятным, если мы вспомним стоянку Веретье (нижний слой), где в большом археологическом комплексе, включающем не только предметы из кости, но даже из дерева, тоже не найдено никаких следов керамики. Не встречено керамики на стоянке в урочище Гладком. Относительно этого местонахождения еще А. В. Шмидтом было высказано предположение о докерамическом возрасте ее. Однако последние исследования Н. А. Прокошева, тоже не нашедшего там керамики, позволяют с большей уверенностью отнести ее к группе родственных Левшинской стоянке и стоянке у дер. Усть-Чусовой.[1]

В пределах Ю. Урала и Приуралья необъяснимым фактом остается отсутствие керамики в неолитическом комплексе находок на оз. Смолино близ Челябинска, не найденной там ни С. Н. Дурылиным, ни нами. Не обнаружено керамики также в неолитической стоянке на крайнем юго-востоке Урала на р. Суундук, где проводились исследования под руководством Б. Н. Гракова.[2]

Итак, не имея керамики во 2-м слое Барановской пещеры и навесе Старичный Гребень, мы в первую очередь обратим свое внимание на погребения и на их стратиграфическое положение. Погребение в Барановской пещере находится под слоем эпохи бронзы. Из этого явствует, что по времени оно предшествует накоплению верхнего культурного горизонта и может быть отделено не слишком большим промежутком времени от стадии накопления 1-го слоя. Как сказано выше, положение костяка совпадает с верхней границей 2-го слоя. Учитывая, что скорость накопления отложений в Барановской пещере была относительно высокой, что наглядно показывает толща отложений, накопившаяся от верхнепалеолитических слоев до второго слоя, мы можем полагать, что промежуток времени, протекший с момента погребения до культурных отложений в верхней части второго слоя, был относительно невелик.

При сопоставлении погребения из Барановской пещеры с известными нам захоронениями в интересующей нас области распространения лесного неолита первое, что бросается в глаза, — это индивидуальность погребений. Правда, в погребении Барановской пещеры встречено несколько костей человека, принадлежащих второму костяку, но они лежали в самой верхней части первого слоя и явно не относятся к основному захоронению, скорее всего они были занесены сюда роющим животным.

---

[1] А. В. Шмидт. Левшино. СА, I; он же. Работы ГАИМК на новостройках, т. I.—Н. А. Прокошев, МИА СССР, т. I, стр. 15.

[2] Работы ГАИМК на новостройках, т. II.

Бурановское погребение и погребение в Старичном Гребне индивидуальные. Это отличает их от известных неолитических погребений лесной полосы, где имеют место, видимо, родовые места захоронений [1] (в Кубенино сохранились 3 погребения, в Языкове — 7 погребений, в Караваевском могильнике вскрыто 22 погребения, в знаменитом Оленеостровском могильнике свыше 150 погребений). В каждом из названных мест погребений имеются свои особенности, свой сопровождающий инвентарь, но их определенно сближает ряд общих черт в обряде захоронений. Прежде всего отметим отсутствие погребальных ям или же очень небольшую глубину их. Опуская вовсе находки костей человека, разрозненных или не достоверных с точки зрения датировки (например найденных на стоянках Ладожской, Панфиловской, Федоровской), сошлемся на погребальные комплексы. В Оленеостровском могильнике отмечена наибольшая глубина захоронений, не превышающая 1 м; в Караваевском могильнике захороенения не глубже 65 см, чаще значительно выше; в Кубенино — сразу же под культурным слоем. В Языково, Бурановской пещере и Старичном Гребне могильных ям не установлено. Нормальным видом трупоположения для названных мест погребений остается — вытянутое на спине, хотя в Оленеостровском могильнике отмечены пять случаев интереснейших вертикальных захоронений, в Караваевском могильнике несколько погребений в сидячей позе.

В Кубенино положение костяков вытянутое, но они повернуты лицом вниз. Наличие красной охры есть во всех местах погребений, за исключением языковского, причем засыпка охрой в одних и тех же могильниках бывает различна; то краской обильно посыпался сам покойник и ею же выстилалось дно погребальной ямы, то ее употребляли в виде частичной присыпки костяка. В Бурановской пещере, как уже было отмечено выше, череп помещался в специально вырытой ямке, плотно засыпанной красной краской. Может быть, здесь ямка в головах погребенного заменяла собой сплошную выстилку могильной ямы, т. е. частичное исполнение обряда, выполненного над наиболее важной частью тела — головой, заменяло собой полный ритуал, в чем нельзя не усмотреть проявление одного из основных принципов магии — часть вместо целого. Между прочим, присыпка охры только в головах наблюдалась А. Я. Брюсовым в Караваевском могильнике и В. И. Равдоникасом в Оленеостровском могильнике.

Инвентарь, находящийся при погребениях, самый различный: украшения, орудия производства и магические амулеты. В одних случаях он очень богат и разнообразен и подчеркивает привилегированное положение в обществе отдельных погребенных (Оленеостровский могильник — погребение вождя племени, погребение № 3 в Кубенино), в других — сопровождающий инвентарь достаточно скромный и немногочисленный (караваевский, языковский). В погребениях Бурановской пещеры и Старичного Гребня могильный инвентарь хотя и довольно эффектен, но однообразен по своему подбору. Один неолитический признак сближает погребения перечисленных могильников и отдельных захоронений — отсутствие в могилах посуды.

---

[1] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V; она же. Погребения на стоянке Кубенино. Тр. ГИМ. вып. VIII, 1938. — О. Н. Бадер. Неолитические погребения на В. Волге. СА, III. — О. Н. Бадер. Археологические раскопки в д. Языково. АЖ, № 2, 1936. — А. Я. Брюсов. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Тр. ГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 17 сл. — А. С. Уваров. Волосовский могильник. Археология России, стр. 298—300.

М. Е. Фосс в своей весьма содержательной статье о погребениях в Кубенино [1] попыталась проникнуть в суть идеологических представлений неолитического общества и по связи погребений с очагами или вообще с жилой площадкой поселения установить очень любопытную закономерность в том, что обряд захоронения на месте жилища древнее погребений, произведенных за пределами поселений. Правом быть погребенным на месте жилья пользовались не все члены рода, а лишь отмеченные особым уважением. Правильная предпосылка М. Е. Фосс, доказывающей на этнографических фактах, что первобытному человеку не свойственно чувство только боязни мертвых, а что это чувство переплетается с уважением к нему, приводит М. Е. Фосс к не вполне обоснованному выводу, слишком обобщающему это явление. Погребения лесной полосы восточноевропейской части СССР, охватывающие, примерно, одно время (II тысячелетие до н. э.), находились и на жилой площади и вне ее. Оленеостровский могильник, как известно, находится вне поселения. Барановское погребение тоже и, наоборот, одновременное с ним погребение в Старичном Гребне совершено на жилой площадке. Кубенинское, языковское, караваевское захоронения обнаружены под культурным слоем и даже в самом культурном слое (Языково).[2] Не подтверждается этот вывод и анализом сопровождающего инвентаря, который на одном и том же могильнике, совершенном на жилой площадке, может быть и бедным и относительно обильным (Кубенино). К тому, что справедливо высказала М. Е. Фосс о смешанном чувстве страха и уважения к покойникам на неолитической ступени, можно только добавить факт неглубоких захоронений, который идет в плане доказательств именно не слишком преувеличенного значения чувства страха перед умершими, погребенными даже на жилой площадке.

Чем же следует объяснить индивидуальность захоронений в Барановской пещере и Старичном Гребне? Это явление, видимо, нельзя не поставить в связь с хозяйственно-бытовым укладом общества, оставившего погребения. Все могильники северной полосы Восточной Европы принадлежат охотничье-рыболовческим племенам, селившимся в определенных топографических условиях — у озер и рек, обеспечивающих им возможность существования ловлей рыбы, помимо охоты на лесную и болотную дичь. Племена охотников и рыболовов прочно оседали на занятой ими территории, образуя оседлые поселения, существовавшие на одном месте в течение многих десятков лет.

В культурном горизонте Старичного Гребня не встречено никаких орудий труда, связанных с ловлей рыбы. Среди фаунистических остатков, однако, определено несколько костей карпа. Принимая во внимание горный характер рек Ю. Урала и бедность их ихтиофауной в сравнении с равнинными водоемами, следует думать, что рыболовство здесь развито не было и хозяйство человека целиком ориентировалось на охоту. Именно охотничьим хозяйством с его подвижностью можно объяснить и индивидуальность захоронения в Барановской пещере и Старичном Гребне. В самом деле, уже в позднем палеолите в горных (да и не только горных) областях намечается разделение раньше крупных верхнепалеолитических охотничьих коллективов на более мелкие группы. Чем было вызвано это дробление, сказать трудно, но возможно, что основной причиной послужило изобретение лука (Г. А. Бонч-Осмоловский, М. В. Воеводский). Не следует, однако, делать вывод, что процесс дробления влек

---

[1] М. Е. Фосс, Тр. ГИМ, т. III.
[2] О. Н. Бадер, СА, III, стр. 218.

за собой ослабление родовых связей между охотничьими группами. Родовые узы продолжали связывать отдельные коллективы и выражались, видимо, не только в формальных проявлениях отношений родства, но и в совместных празднествах, сезонной коллективной охоте и т. п. Этнографические факты, отмеченные, например, у австралийцев, стадиально довольно близких к эпипалеолитическому обществу, освещают с достаточной полнотой эту сторону родовых взаимоотношений. Между прочим, известные нам в СССР эпипалеолитические погребения в горных областях, оставленные охотничье-собирательскими коллективами (Фатьма-коба и Мурзак-коба),— тоже индивидуальны.[1] Совсем другая картина наблюдается с эпипалеолитическими и неолитическими племенами, селившимися у водоемов и занимавшимися помимо охоты ловлей рыбы и собирательством морских моллюсков. Эти племена образовывали настоящие оседлые поселения. С такого рода поселениями обычно связываются могильники. Кроме тех, которые названы нами для восточноевропейской части СССР, они найдены в Сибири и на западе Европы (например, Тивьек, Муджен и др.). Такое явление, как соответствие индивидуальных захоронений охотничье-собирательскому хозяйству и коллективных — охотничье-рыболовческо-собирательскому нельзя рассматривать как всеобщий закон, но как определенную локальную тенденцию, о которой следует сказать, имея в виду различные формы погребения в прибрежных стоянках восточноевропейского неолита СССР и нагорных южноуральских местонахождений в Барановской пещере и в навесе Старичный Гребень.

В связи с отмеченными нами общими чертами для поздненеолитических погребений в лесной полосе восточноевропейской части СССР и погребениями в южной нагорной части Урала, позволяющими говорить об едином историческом пласте, к которому они должны быть отнесены, мы не касались вопроса сравнительного анализа инвентаря погребений. Инвентарь, взятый сам по себе, необычайно разнохарактерен и мало что дает для сопоставлений. Однако, если взять сопровождающий могильный инвентарь и сравнить его с находками на поселениях, то здесь могут быть обнаружены очень существенные элементы, сближающие находки из Барановской пещеры и Старичного Гребня с лесными неолитическими, происходящими из восточноевропейской части СССР. Мы имеем ввиду те медальоновидные подвески из змеевика (офита), которые сопровождали погребения в Барановской пещере и Старичном Гребне. Еще А. С. Уваров, описывая материалы Волосовской стоянки и стоянки Плеханов бор, обратил внимание на подвески из зеленого шифера и сравнил их с аналогичными находками, отмеченными в низовьях Амура и в Финляндии.[2] После публикации А. С. Уварова накопилось довольно много материалов о каменных подвесках, составляющих один из любопытных признаков неолитической культуры в лесной полосе. Конечно, и величина и форма каменных подвесок бывают самые различные, так же как различен материал, из которого они изготовлены. Величина подвесок колеблется от очень мелких — 2—3 см длиной — до более чем 10 см. Форма от обычно-овальной до подтреугольной. На одной и той же стоянке можно встретить разные по величине и форме подвески (например, Плеханов бор, Старичный Гребень). Подвески прикреплялись посредством

---

[1] В Мурзак-кобе найдено парное тарденуазское погребение. Оба покойника, мужчина и женщина, погребены одновременно. СА, V.

[2] А. С. Уваров. Археология России, т. II, табл. 21, рис. 4094, *5* — из Волосова; табл. 22, рис. 4219, 4237, 4238, 4239 — из Плеханова бора; т. I, стр. 331, т. II, стр. 122, 125.

одного, реже — двух отверстий, просверленных путем двухстороннего сверления в верхней части подвески. Шлифовка поверхностей двухсторонняя или односторонняя. Имеются случаи простого подбора плоских, хорошо окатанных галек, на которых оставалось проделать сверлину, чтобы подвеска была готова.

Распространение каменных подвесок в форме медальона совпадает с распространением ямочно-гребенчатого неолита в лесной полосе восточной части СССР. Они найдены в ряде пунктов карельских неолитических стоянок (Сунская I, Куштозеро, Илекса, Вознесенская стоянка), в районе Лагозера, на озере Грязном, в Зауралье на Андреевской II стоянке и в Горбуновском торфянике; южнее они известны из поселений Владычино, Плеханов бор и Волосово. На Южном Урале — в Бурановской пещере, в навесе Старичный Гребень, Гребневой пещере. Однако, и в эпоху бронзы они продолжают бытовать, в том числе на Ю. Урале, и встречены при погребении в Усть-Катавской II пещере. Найдены они также в Сейминской стоянке.[1]

Территориально далекими, но хронологически близкими аналогиями для медальоновидных подвесок служат многочисленные подвески из Гумельницы и Султаны (Румыния).[2] Найдены они также в ряде пунктов в Германии, в том числе и в неолитических погребениях в Ханау,[3] где большинство подвесок покрыто точечным пунктирным орнаментом. Довольно близки к нашим подвеска, найденная А. В. Шмидтом в станице Константиновской,[4] и украшения-подвески в ряде погребений в Мариупольском могильнике.[5] На эти находки мы сослались только для того, чтобы указать на конвергентность возникновения и развития близких по типологическим признакам форм на различных территориях, для которых установление культурно-исторических связей в эпоху неолита более чем рискованно.

Итак, южно-уральские погребения по характеру своего инвентаря входят в круг неолитических памятников лесной полосы восточноевропейской части СССР, с которыми можно установить определенные типологические родственные черты.

Заканчивая обзор позднеолитических памятников, нужно отметить и своеобразие кремневого инвентаря, найденного в культурном слое Старичного Гребня. Формально-типологическое сравнение его с инвентарем памятников лесной полосы Европейской части СССР вряд ли может привести к каким-либо обоснованным выводам. Слишком не велико число его и мало выразительны формы. Можно сказать, что определенная архаичность заготовок и примитивность в оформлении грубой плоскостной ретушью поверхности наконечника дротика или копья выделяет эти предметы из серий позднеолитических коллекций восточноевропейской части СССР. Однако следует считаться с материалом, из которого сделаны кремневые изделия из Старичного Гребня. Возможно, низкое качество используемого кремня отразилось на совершенстве инвентаря из Старичного Гребня.

Исходя из стратиграфического положения погребения в Бурановской пещере под слоем эпохи бронзы, датированным нами первой половиной I тысячелетия до н. э., само погребение ориентировочно может быть отнесено ко второй половине II тысячелетия до н. э. с воз-

---

[1] ESA, т. II, стр. 137, фиг. 78, рис. 7, 8.
[2] Dacia, т. I, 1924, т. II, 1925.
[3] Prähistorishe Zeitschrift, т. III, вып. 1—2, 1911, стр. 3 сл.
[4] ESA, т. IV, стр. 13, рис. 8.
[5] М. Макаренко. Маріюпільський могильник. Киев, 1933.

можным отклонением ближе к третьей четверти. Этому не только не противоречат, но как будто, наоборот, подтверждают приведенные аналогии из поздненеолитических поселений восточноевропейской части СССР.

В нашем обзоре мы попытались найти историческое место материалам из почти новой для археологии обширной полосы нагорной части Южного Урала. Обзор наш имел своей целью показать, что эта область была тоже заселена в поздненеолитическое и посленеолитическое время, и местные культуры являлись дериватом того исторического пласта, который известен под названием культуры ямочно-гребенчатой керамики, причем в уже трансформированной фазе ее развития, когда начинается по существу уже разложение старых неолитических, родовых начал, базирующихся на охоте и рыболовстве. Проникновение элементов более высоких культур эпохи бронзы (андроновской, сейминской и абашевской) лишь способствовало быстроте перехода от охотничье-рыболовческой деятельности к скотоводству и земледелию, вскоре изменивших хозяйственный, бытовой и идеологический уклад прежних неолитических племен.

В процессе уяснения ряда положений, связанных с установлением датировки южно-уральских местонахождений, мы неизбежно вышли из рамок территориально ограниченных сравнений и в этой связи критически подошли к дате поселения Левшино, этой опорной стоянки для первобытных культур Среднего Прикамья, послужившей отправным пунктом и для датировки южно-уральских местонахождений. Итак, используя имевшиеся в нашем распоряжении материалы, мы пришли к следующим выводам:

1. Историю Башкирской АССР уже можно начинать не с эпохи бронзы, как это было до работ экспедиции ИИМК и Областного Челябинского музея, а с палеолита и неолита. Таким образом, заполняется весьма существенный пробел в наших знаниях по территории, лежащей на стыке двух частей света — Европы и Азии.

2. Пока еще отчетливо не определились древнейшие культурные взаимоотношения поздненеолитических и энеолитических племен с более развитыми человеческими обществами — носителями фатьяновской, сейминской, абашевской, срубной, андроновской культур. Однако, отдельные элементы, характерные для более ранних и поздних эпох можно отметить в наших комплексах: левшинское шило, андроновские мотивы в керамике уральских стоянок и др. В более позднее время культурно-исторические связи энеолитических племен Приуралья с передовыми культурами эпохи бронзы укрепляются и выступают в наиболее отчетливом виде. Дело дальнейших исследований проследить конкретные проявления этих исторических связей и тем самым показать всю сложность этногонических процессов, приводящих в конце концов через ряд исторических ступеней к образованию современных племен и народов Урала.

3. Погребения в Бурановской пещере и Старичном Гребне мы датировали поздненеолитическим временем и отнесли их к одному и тому же историческому пласту. Однако они имеют и свои особенности, позволяющие выделить их в особую культуру, входящую в исторический пласт лесного неолита для нагорной части Южного Урала. Здесь мы руководствуемся, конечно, не тем, что для Южного Урала вообще неолитические памятники найдены впервые и поэтому для них мы можем вводить новое понятие о бурановской культуре. В этом вопросе имеют значение:

а) Повторяемость типа культурных остатков из второго слоя Бурановской пещеры и, как мы указали ранее, генетическая преемственность

некоторых проявлений материальной культуры на последующих ступенях развития (Усть-Катавская II пещера).

б) Отличие хозяйственной основы общества, с которым мы связываем памятники барановского типа, от хозяйственных основ неолитических стоянок лесной зоны Европейской части СССР. В первом случае экономической базой почти целиком остается охота (наблюдается индивидуализация погребений), во втором — охота сочетается с рыболовством (местами захоронений являются родовые кладбища). Таким образом, типичность лесной охотничьей культуры выделяет барановские находки в свой особый, пока еще ограниченный, ареал, охватывающий южное нагорье Урала.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КЕНТАВРА, НАЙДЕННОЕ НА ОСТРОВЕ ФАДДЕЯ

Среди находок, обнаруженных на острове Фаддея в 1941 г. экспедицией Арктического института, имеется, как отмечено в описи, приложенной к предварительному сообщению Б. О. Долгих (под № 47),[1] одна «медаль из низкопробного серебра с изображением кентавра в короне, вооруженного булавой и четырехугольным щитом». Предмет этот, хранящийся в данное время в Музее Арктики в Ленинграде, является единственным в своем роде среди остальных вещей, собранных на о. Фаддея и в заливе Симса, резко выделяясь как по общему облику, так и по своим чисто художественным достоинствам и стилистическим чертам. Он вполне заслуживает особого рассмотрения и специального анализа.[2]

Прежде всего следует заметить, что это не медаль и не обычная, хотя бы орнаментированная, бляха, а в прототипе во всяком случае предмет специального назначения — круглое, без ручки металлическое зеркало, вполне аналогичное в этом отношении многочисленным другим изделиям данного рода, хорошо известным с очень раннего времени в археологических материалах Восточной и Западной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Такие металлические зеркала употреблялись с первого тысячелетия до н. э. и вплоть до позднего средневековья, т. е. до широкого распространения вытеснивших их стеклянных зеркал с подстилающим отражательным слоем. Ярко начищенная блестящая поверхность металлических, обычно бронзовых, полированных зеркал на протяжении многих веков успешно заменяла, таким образом, обычное для нашего времени стеклянное зеркало.[3] Подобно другим, это зеркало изготовлено не из «низкопробного серебра», а из специального высококачественного сплава, из особой бронзы беловатого цвета, имеющей своеобразный «стальной» оттенок, который и привел сначала к выводу, что это серебро. Поверхность зеркала сохранилась превосходно, никаких следов окиси на ней не видно, что и отличает древние изделия из «белого металла», или «белого сплава», которые обыкновенно выделяются среди прочих сопровождающих их (например, в могильниках) вещей своей хорошей сохранностью (рис. 1, 2).

Форма зеркала обычная, чаще всего встречающаяся: оно имеет вид диска правильной круглой формы, гладкого с одной стороны и покры-

---

[1] Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII веке. Проблемы Арктики, № 2, 1945. — А. П. Окладников. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. Москва, 1948.

[2] См. рисунки №№ 1, 2 (изображение дано в натуральную величину).

[3] Bruno Schweig. Mirrors. Antiquity, 1944, сентябрь.

того ровным выпуклым рисунком на противоположной стороне. На орнаментированной стороне, строго в центре ее, находится полусферический бугорок со сквозным поперечным каналом в основании — ушком, предназначенным для шнурка, на который должно подвешиваться зеркало. Гладкая сторона, т. е. та, которая и должна была служить собственно зеркальной отражающей поверхностью, отшлифована, однако, недостаточно тщательно, откуда следует, что данное зеркало, как таковое, никогда не употреблялось, а служило какой-то другой цели. Об

Рис. 1. Зеркало с о. Фаддея, лицевая сторона.

этом ясно свидетельствуют сквозные круглые отверстия, имеющиеся в краях зеркала. Их четыре: они расположены попарно — два в верхней и два в нижней части диска. Нет никакого сомнения, что зеркало употреблялось прикрепленным к чему-то другому, причем так, что гладкая «зеркальная» его поверхность была обращена внутрь, а орнаментированная — наружу. На орнаментированной поверхности диска центральное положение занимает рельефная фигура с туловищем коня и торсом человека, т. е. изображение типичного кентавра. На голове кентавра венец, расширенный кверху и расчлененный внутри на вертикальные лопасти, напоминающие в целом пальметку. Венец схвачен снизу довольно широкой поперечной полосой, изображающей тулью. Лицо кентавра — молодое, безбородое, отчетливо моделированное, в полупрофиль (в три чет-

верти). На нем ясно виден длинный широкий нос, а также изображены круглые, глубоко посаженные глаза и маленький рот. Подбородок округлый, нежно очерченный. Из-под венца сзади выбиваются волосы, образующие одну тяжелую сплошную массу кудрей.

По бокам кентавра простерты два широких крыла, поверхность которых оформлена широкими канелюрами, отделяющими друг от друга отдельные перья. Концы длинных перьев-правил слегка изогнуты вверх. Голова кентавра грациозно посажена на слегка выгнутой шее. На пле-

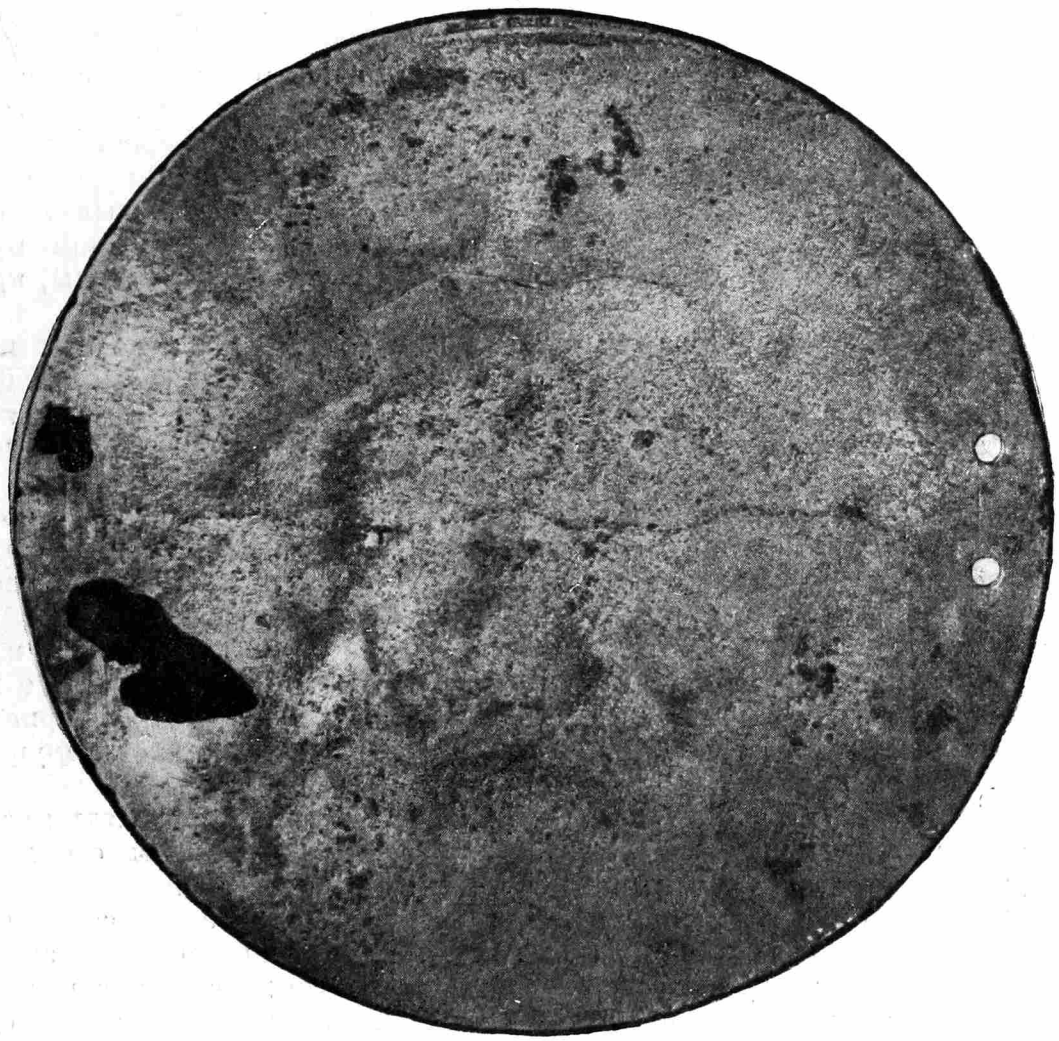

Рис. 2. Зеркало с о. Фаддея, оборотная гладкая сторона.

чах его плащ с широким округлым вырезом у горла. Материал плаща условно передан узором в виде мелкой ромбической сетки. Под плащом, повидимому, должна быть туникообразная одежда. В согнутой правой руке кентавра наклонно помещается жезл, опирающийся на плечо; верхушка жезла расширена и насечена в ромбическую сетку. Левая рука скрыта выгнутым щитом прямоугольной формы, данным в раккурсе. На щите хорошо заметна окаймляющая его орнаментальная полоска, внутри ее на внешней стороне щита видно одно широкое срединное возвышение и два маленьких округлых бугорка, расположенных в углах. В нижней части человеческого торса имеется рельефная заштрихованная в ромбическую сетку полоса, отделяющая его от лошадиного туловища. Рядом с этой полосой в передней части туловища коня возвышается

полусферический бугорок со сквозным отверстием-канальцем, проходящим поперек шишки у ее основания.

Конское туловище почти совершенно плоское, левая передняя нога круто поднята в плечевой части кверху и согнута в колене. Нижняя часть этой ноги не только спущена на ободок, но копыто ее слегка загнуто назад. Правая нога вытянута, причем мастеру удалось выразительно показать, что именно она служит опорой для всей передней части тела кентавра. Задние ноги изображены в спокойном положении. Хвост кентавра густой, волнистый, изогнутый. На гладком фоне, окружающем кентавра, разбросаны орнаментальные розетки: две больших и две малых под брюхом кентавра, две больших между передними ногами, две маленьких между передней ногой и крылом, одна большая у хвоста снизу, две малых и одна большая над крупом кентавра под другим его крылом. Малые розетки высокие и массивные, шестилучевые. Большие розетки имеют в середине крупный бугорок, окруженный низким рельефным венчиком, который образован шестью лучами, причем каждый луч состоит из трех отдельных лучей, образуя, таким образом, тройной пучок типа простейшей пальметки. Между данными пучками размещены, кроме того, небольшие короткие выступы.

Ободок диска имеет вид узкой полоски из коротких поперечных валиков, окаймленных двумя выпуклыми линиями. Эта кайма, как уже отмечено выше, просверлена над головой кентавра и под его ногами круглыми сквозными отверстиями, причем в нижних отверстиях еще уцелел ровдужный ремешок с узлом на орнаментированной стороне.

С чисто технической стороны работа была в данном случае умелая и литье совершенным. Налицо и бесспорные, более высокие, чисто художественные достоинства ее: мастер успешно справился как с передачей деталей, так и с более трудной композиционной задачей — вписать кентавра в круг, соответственно распределив массу тела кентавра и его крылья. Он с предельной полнотой использовал при этом наличное пространство и удачно скомпановал с фигурой кентавра не только орнаментальные розетки, но и совершенно чуждое для нее массивное полушаровидное ушко.

Характерно, кстати, что мастер всячески стремился избежать пустого пространства и, повидимому, сознательно желал заполнить его дополнительными орнаментальными элементами в виде розеток.

Общая, чисто декоративная цель, которую он ставил себе, несомненно была им вполне достигнута: орнаментированная сторона зеркала производит целостное и сильное впечатление особой сложностью и богатством рисунка, разнообразием его элементов, глубокой игрой света и тени на выпуклых и углубленных частях.

Налицо, следовательно, весьма совершенный в своем роде по стройности общей композиции, а также и по мастерству технического выполнения образчик художественного ремесла.

Вместе с тем, перед нами — неожиданно пышный и яркий для крайнего севера Азии и тем более для XVII в. фантастический образ мифического существа тройственной природы, крылатого кентавра, совмещающего в себе черты человека, лошади и птицы, образ, снабженный атрибутами царственного величия и божественного космического происхождения, о чем выразительно свидетельствует звездный фон, на котором он находится.

Изделие это, найденное в самой глубине Арктики, настолько своеобразно и необычайно по своему характеру, что с первого взгляда может показаться совершенно исключительным, единственным в своем роде, а потому и загадочным.

В действительности, однако, металлическое зеркало с о. Фаддея обнаруживает много общего с многочисленными сходными изделиями, изредка обращавшими на себя внимание исследователей, но полностью

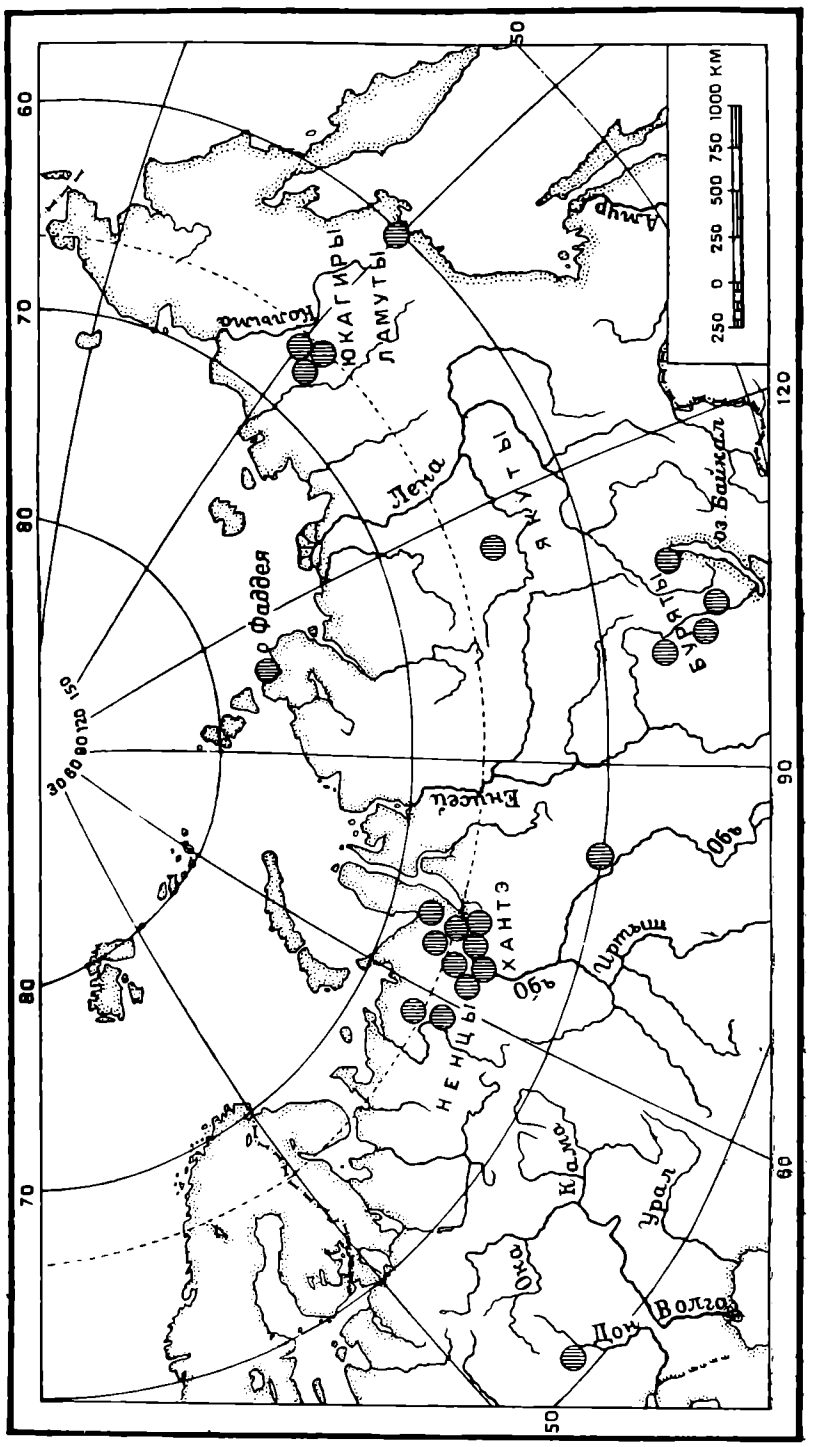

Рис. 3. Карта распространения бронзовых зеркал с крылатыми кентаврами (с жезлами).
Кружок — место находки зеркала с крылатым кентавром.

еще не описанными и не объясненными. Это — многочисленные металлические зеркала с изображениями кентавра, известные в двух вариантах (рис. 3).

Чаще всего встречается и наиболее широко распространен один вариант зеркал с кентавром, наиболее близкий к кентавру с о. Фаддея. Для характеристики его можно привести описание «бляхи», или «медаль-

она», найденного в б. Воронежской губернии.[1] Как и фаддеевское зеркало, это изделие имеет одну гладкую сторону, а другую орнаментированную. На орнаментированной стороне ее вдоль края имеется узкая полоска из двух валиков и заключенных между ними коротких поперечных валиков. Вся остальная плоскость занята одной широко раскинувшейся фигурой кентавра. Голова кентавра обращена вперед в $^{3}/_{4}$, черты лица не ясны. На голове расширенная кверху корона, составленная как бы из отдельных перистых полосок, снизу она окаймлена поперечными валиками — тульей. За плечами кентавра два широко распростертых в стороны крыла с отчетливо выделенными длинными маховыми перьями, концы которых слегка загнуты вверх. В одной, согнутой в локте, руке его — жезл, покоящийся на плече, другая прикрыта выгнутым прямоугольным щитом. Щит обрамлен снаружи двумя резными полосами-рамками. Одна передняя нога кентавра, левая, высоко поднята и согнута в колене, а другая — опущена. Хвост пышный, волнистый и короткий.

На заднем бедре кентавра имеется окаймленный рельефным валиком круг, внутри которого заключена какая-то выпуклая фигура, недостаточно ясная, по очертаниям отдаленно напоминающая птицу или скорее крылатого ящера-дракона с большой уродливой головой, двумя крыльями и прихотливо загнутым хвостом, как будто раздвоенным на конце. Посредине туловища кентавра имеется довольно массивный выпуклый бугорок, бесспорно ушко для подвешивания.

Фоном, на котором расположена фигура кентавра, является растительный стилизованный узор. Характер его лучше всего виден на самой широкой свободной плоскости — под брюхом кентавра. Это пышные пальметки в стиле возрождения, расположенные по четыре, крест-накрест, вокруг ромбического центра, причем две пальметки крупнее, а две других меньше по размеру. Таких более или менее отчетливо выраженных в рельефе четверных пальметок видно три. Вверху, у самого края изделия, имеется одно сквозное отверстие.[2]

В южных районах европейской части СССР подобные изделия, впрочем, являются исключением. Главная область их распространения лежит к северу от верховьев Волги и к востоку от Урала.

На севере европейской части СССР и в Западной Сибири подобные бляхи особенно часто встречались у приуральских племен — ненцев, маньси, хантэ.

Уже в половине XVIII в. Г. Ф. Миллер в инструкции, составленной им для И. Э. Фишера, в числе любопытных, с его точки зрения, древностей отметил «самоедский идол Юнетта, который по-русски называется „палван“ (болван), т. е. кентавр».[3]

В середине XIX в. Финш и Брэм приобрели, повидимому, бляху с кентавром у остяка Джунши (хантэ) на р. Щучьей. Финш, по его словам, приобрел за три рубля «три замечательных медали из его [Джунши] жертвенного сундука. Одна, вылитая из латуни, изображает нечто вроде деревянного конька и казалась очень древней так же, как и две другие, вылитые из меди. Одна представляла всадника с луком и стрелами, другая коронованного всадника со скипетром. Любители древностей могут видеть одну из них в королевском музее в Берлине».[4]

---

[1] С. Е. Зверев. Воронеж на XII археологическом съезде. Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, вып. II, Воронеж, 1904, стр. 158. Зеркало это найдено «в одном из курганов Воронежской губернии». «Подобная же бляха, — писал С. Е. Зверев, — имеется в собрании графини П. С. Уваровой (Поречье)».

[2] Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, вып. II, 1904, стр. 155.

[3] В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3. Приложение, стр. 113.

[4] О. Финш и А. Брэм. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882, стр. 374, прим. 1.

В 1889 г. А. Савельев в свою очередь писал: «Кентавры. У нас на севере можно встретить у самоедок на груди (подобные чухонским солге, у эстонцев — бреце, у мордвы — сустуки) род медали из желтой латуни с изображением на ней кентавра. Этого рода медаль, купленная г. Сидоровым у самоедов, живущих на р. Усе, впадающей в Печору, была доставлена на Политехническую выставку в 1872 г. в Москву».[1]

Позднее бляхи с кентаврами из коллекций Тобольского музея, одна — «изображающая полкана-кентавра, стреляющего из лука», и другая — «человека в короне, верхом на лошади с жезлом или копьем в руке, но с крыльями», были отмечены Д. Н. Анучиным.[2]

Фотографии этих блях из альбома А. Гейкеля хранятся в фотоархиве Института истории материальной культуры в Ленинграде (Q-452-6). Как видно на этих фотографиях, «человек в короне, верхом на лошади», о котором пишет Д. Н. Анучин, является обычным кентавром: на туловище его обычная шишечка, а на бедре тамга — круг с четырьмя симметрично расположенными накрест квадратиками внутри.

Такие бляхи оказались среди вещей, собранных при раскопках, произведенных экспедицией Д. Т. Яновича на Северном Урале в 1909 г. (организованной на средства Н. Г. и Г. Г. Кузнецовых).

Янович раскопал ряд могил на «знаменитом острове мертвых» (Халхась Погор) в 1—2 км от Обдорска, на Сантол-Пане, на кладбище близ священного места около устья р. Лонгот-Юган (Хэгэ-Яга), близ устья Пури-Яга, около жертвенного места Воде-Нял, на о. Хэя и Пайхат, близ Танинколода, Няу-Яга, близ Пондырских юрт и в других местах по правому берегу Оби.[3]

В могилах им найдены «древние бронзовые медали и бляхи, служившие подвесками к женскому головному убору и покрывавшие сердца [?] на мужских трупах. На бляхах изображался всадник, кентавр, сцены охоты на белку с луком и стрелами, львы, шестиголовые драконы, кони, олени, гаги, лебеди, орлы, звезды и разнообразные розетки».[4] Изображения крылатых кентавров со скипетром и короной встречены в ряде могил (рис. 4).

В погребении № 121 встречено две таких бляхи. Одна из них, диам. 9.6 см, отличается от описанной выше воронежской только тем, что здесь в срединной шишечке нет сквозного отверстия. Вместе с бляхами, изображающими кентавра, в этом погребении обнаружены следующие бляхи: прорезные коньки, орел в круге, всадник с жезлом, большие круглые пряжки.

Бляха из погребения № 151 (диам. 9.7 см) такая же, как и отмеченная выше — шишечка в средине на ней тоже не имеет ушка. Замечательно, что эта шишечка изображает, повидимому, очень сильно схематизированное лицо. Вместе с этой бляхой оказались стеклянные шаровидные бусы, зеленоватые и голубые, а также синие из непрозрачного стекла,

---

[1] А. Савельев. Несколько не разрешенных историко-географических вопросов. Исторический Вестник, т. XXXVII, 1889, стр. 161. Указание на эту статью было получено мною от Б. О. Долгих.

[2] Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. М., 1899, стр. 52.

[3] По дополнительным сведениям, полученным М. Г. Левиным в ответ на его письмо 10 VII 1936 г., стало известно, что Остров мертвых является старым большим кладбищем, преимущественно остяцким — с легкой примесью самоедов, также и второе место у устья Лонгот-Юган, а также Пом-Попол-Ханайт. Остров Хэя — чисто самоедское место (Архив Гос. Музея антропологии при МГУ, XI, № 10).

[4] Записка Д. Т. Яновича в Архиве Гос. Музея антропологии при МГУ, XI, № 1.

три янтарно-желтых стеклянных бусинки; один большой диск из листовидной меди, без узора; медный литой колокольчик.

В погребении № 140 обычная бляха с крылатым кентавром (диам. 9.7 см), тоже имевшая плоскую срединную шишечку без отверстия, сопровождалась оловянными ажурными бляшками, стеклянными бусами белого, янтарно-желтого, синего, сиреневого и светло-зеленого цветов. Там же были найдены грушевидные медные пуговицы китайского типа.

В погребении № 96 найдена обычная бляха с крылатым кентавром. Она отличается от остальных тем, что тамга на крупе конского туловища имеет вид круга, внутри которого находятся четыре ямки, сделанные чеканом. С бляхой этой найдены оловянные ажурные бляшки, трубочки-пронизки из листовой меди, стеклянные бусы голубого, янтарно-желтого, сиреневого, зеленоватого, синего цветов. Там же был ажурный литой диск из меди с концентрическими кругами внутри. Бляхи с такими же кентаврами найдены и в других могилах (напр., № 220 — три бляхи с кентаврами, № 117).[1]

В том же 1909 г. у Обдорска раскопал 19 остяцких могил С. И. Руденко. По его словам, раскопанные им в 1909 г. могилы датируются 40 — 50-ми годами девятнадцатого века. Среди найденных им вещей оказались бляхи с изображениями кентавров, на этот раз, однако, только лишь типа «стрельцов». Относительно назначения блях С. И. Руденко указывает, что они подвешивались сзади к зимним меховым шапкам с помощью длинных ремешков, на которых были надеты медные или железные трубочки. «Еще и теперь подобные бляхи нередко можно встретить у головных уборов не только остячек, но и у самоедок и вогулок».[2]

Остальные вещи из погребений, раскопанных С. И. Руденко, в общем совершенно одинаковы с вещами из могил, раскопанных Д. Т. Яновичем.

Последняя находка такого рода была сделана Г. А. Черновым во время его геологических исследований в восточной части Большеземельской тундры, когда им были там обнаружены и многочисленные археологические памятники.

На р. Падимей-вис Г. А. Чернов нашел целиком сохранившееся старинное погребение, причем костяк лежал в деревянном гробу, покрытом полотнищем берестяной крыши от чума и был ориентирован на северо-запад.

Среди разнообразных металлических изделий, сопровождавших покойного, оказались литые медные бляхи ажурной работы, изображавшие двуглавого орла и коня, а также четыре больших диска с рельефными фигурами. На первом диске изображен всадник с мечом в руках, в широкой низкой шапке. На втором виден четырехглавый дракон и стоящая фигура (по словам автора — льва, бьющегося с чудовищем). На двух других дисках изображены кентавры. На одной — «стрелец» с натянутым луком, без крыльев, и на втором — крылатый, со щитом и жезлом в руках. У крылатого кентавра на крупе имеется выпуклый кружок с вихревидной розеткой внутри и, как обычно, с выпуклой шишечкой посредине тела. Фигура кентавра дана на орнаментальном растительном фоне; диск окаймлен узкой лентой из коротких поперечных валиков и соответствующих им желобков в интервалах. Погребение датируется

---

[1] Все перечисленные находки хранятся в Гос. Музее антропологии МГУ. Химический анализ одной бляхи с крылатым кентавром, выполненный в лаборатории Института исторической технологии ГАИМК, показал, что состав ее следущий: меди 92.7%, олова 6%, свинца 1.1%, цинка, мышьяка, сурьмы, висмута, серебра — следы.

[2] С. И. Руденко. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. Материалы по этнографии России, т. II, СПб., 1914, стр. 52—53, рис. 29.

колокольчиком с надписью: «1814 сей ко. литч. Валдае. Кого. люблю. того. и дарю».[1]

Литые бронзовые или медные бляхи типа зеркал с изображением на одной стороне фигуры крылатого кентавра, имеющего в руках жезл, известны также в Восточной Сибири. Одна такая бляха, выполненная с большим искусством, найдена была, например, в с. Дубчес Енисейского округа [2] (рис. 5).

В 1937 г. другую такую «бляху» мне лично довелось обнаружить на калитке крестьянского двора в д. Седановой на Ангаре, ниже

Рис. 4. Бронзовое зеркало с низовьев Оби.

Братска; в ней было пробито отверстие и закреплено железное дверное кольцо.

Среди коллекций Иркутского музея имелась третья аналогичная бляха, найденная на р. Киренге.

В Улан-удэнском краеведческом музее имеется четвертая такая бляха, доставленная С. П. Балдаевым. Последний записал о ней следующие сведения: «Толи (зеркало) это принадлежало знаменитому Обусинскому шаману Бахунаю Дайвагарову, жившему пятнадцать поколений тому назад. По преданию, зеркало Бахунай получил от иркутского губернатора Ноева, весьма уважавшего этого шамана. Предки Бахуная, Долгото-Зарин и другие, пришли на Ангару из Забайкалья, с Селенги. Толи это Бахунай связывал со своим происхождением — „тенгерином“ Кры-

[1] Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. Рукопись работы находится в ИИМК АН СССР.

[2] ОАК за 1906 г., стр. 133, рис. 193. Ср. Архив ИИМК АН СССР, фонд 1, д. № 13, 1906. Бляха найдена в 1900 г. Н. Г. Поповым. Хранится в Гос. Эрмитаже.

латого человека-кентавра он называл своим покровителем — гением. Ворожбу свою он производил главным образом на этом зеркале-толи». Диаметр его 10 см. Любопытно отметить, что Бахунай имел и другое толи, на этот раз со львами, унаследованное им от Долгото-Зарин. О последнем существует предание, что когда Долгото-Зарин впервые приехал в Обусу, там жила шаманка, происходившая из рода Саган Курууут. Долгото-Зарин хотел испытать силу шаманки, привел силой своего волшебства льва, сел на него, а сзади взял на цепь медведя и поехал к шаманке. Та испугалась и заключила с ним договор дружбы. С тех пор они жили в согласии и никогда не враждовали.

О происхождении этого толи существует предание, что оно спустилось Бахунаю (с неба), когда он ехал домой из г. Иркутска после испытания его волшебных сил губернатором и архиереем. Это толи, имеющее рисунки, связанные с происхождением шаманского рода курууутов, буряты прежде почитали священным. Обе бляхи после смерти шамана Баханая, вместе с другими его культовыми вещами, были оставлены на специальном столбе, откуда их и взял С. П. Балдаев для доставки в музей.[1]

Большой интерес по тщательности и совершенству работы представляет бляха с крылатым кентавром из фондов Красноярского музея (№ Э-171-1), которая принадлежала одному якутскому шаману Мархинского улуса Вилюйского округа и была сдана в музей в 1930 г. Размер ее обычный — 10.5 см в диаметре.[2]

Там же хранится вторая бляха (диам. 9 см) с крылатым кентавром в короне, изготовленная, однако, гораздо грубее. Ее особенностями являются: а) наличие орнаментализованной срединной шишечки; б) ободок в виде витого шнурка; в) наличие внизу на краю бляхи двух выступов-кружков. Бляха эта входит в число предметов, принадлежавших тунгусскому шаману из Туруханского края и находившихся на его ритуальном костюме (№ бляхи Э-38-1).

Следующая группа блях-зеркал данного рода связана уже с отдаленным северо-востоком Азии. В свое время член Воронежской ученой архивной комиссии С. Е. Зверев по поводу выставки к XII Археологическому съезду писал: «В отделе древностей исторических, представленных на съезд Воронежским губернским музеем, обратил на себя внимание медный медальон с изображением Китовраса. Им заинтересовался член Американского музея естественных наук в Нью-Йорке В. Иохельсон. «Совершенно такие же изделия собраны им у тунгусов Гижигинского округа Приморской области и у юкагиров Колымской тундры (за полярным кругом) Якутской области. У обоих племен эти кружки служили грудным украшением (привешиваются к переднику на груди женщин) и на инородческих наречиях называются „грудным солнцем“. Украшения эти как семейные драгоценности переходят по наследству. С другой стороны, якуты говорили Иохельсону, что такие же бляхи находились среди металлических подвесок старинных шаманских костюмов».[3]

В. И. Иохельсон, опубликовав рисунок юкагирского передника с таким зеркалом-бляхой (рис. 6) и рисунок двух отдельных блях, в том числе одной оригинальной по композиции (рис. 7), писал, что юкагирские женщины носят их на передниках и нагрудниках и считают эти

---

[1] Обе бляхи-толи хранятся в Улан-удэнском музее. Цитированные сведения о них находятся в коллекционной описи, составленной самим С. П. Балдаевым.

[2] Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII в. Проблемы Арктики, № 2, 1945 г.

[3] С. Е. Зверев. Воронеж на XII археологическом съезде. Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, вып. II, 1904, стр. 155—156.

металлические нагрудные украшения очень ценными. Они передаются, по его словам, по наследству в женской линии через много поколений.

Новейшая находка бляхи с кентавром была зарегистрирована в 1937 г. на Колыме. Газета «Советская Колыма» сообщала по этому поводу: «Одним из дорожных рабочих на Колымском (так называемом „Яблоновом") перевале в сентябре 1937 г. найдены кованые бронзовые пуговицы, петли к ним, серьги и большая медаль. На медали изображение кентавра, очень хорошо сделанное»[1] (рис. 8). Как сообщил позднее в Охотско-

Рис. 5. Бронзовое зеркало из с. Дубчес б. Енисейской обл.

Колымский музей сам нашедший это погребение рабочий Рожнов, вещи найдены были им на 174-м км Колымской трассы.

Вещи, оказавшиеся вместе с бляхой-зеркалом, не могут быть старше XVII в. Это — пять литых бронзовых колец, пять полушаровидных пуговиц, две подвески в виде стерженьков, расширенных книзу, две фигурных винтообразных трубочки.

Зеркало с Колымы резко выделяется из всех остальных рядом особенностей, присущих только ему одному. Кайма зеркала совершенно не обычна. Она имеет вид треугольных зубчиков, сильно напоминающих кайму китайских зеркал времен ханьской династии. Фон, на котором изображен кентавр, не гладкий, а рифленый. Орнамент на нем тоже совсем необычный — это не пальметки, а прихотливые растительные завитки, больше всего похожие на китайские арабески. Кентавр в об-

[1] Газета «Советская Колыма», 12 IX 1937; 16 IX 1937.

щем такой же, как и всегда, но не имеет короны. Лицо кентавра показано не в $^3/_4$, как обычно, а прямо, en face. Вместо щита у него виден зубчатый край какой-то одежды, более всего похожий на плащ. Крылья его изломаны посредине, как у летучей мыши, концы их беспомощно свисают вниз. Шишечка на теле кентавра маленькая и, должно быть, без отверстия. Хвост широкий — веником, без обычного манерного изгиба. Тамга на бедре кентавра нового типа. Она напоминает, скорее всего, какую-то птицу. По всему видно, что это совершенно самостоятельная переработка исходного чужого образца.

Перечисленные выше остальные бляхи-зеркала в большинстве случаев настолько сходны друг с другом не только по форме и деталям, но и по размерам, что в ряде случаев смело можно предполагать, что они вышли из одной и той же литейной формы, являясь копиями одного исходного оригинала.

Имеющиеся же у них частные особенности нередко только подтверждают такое предположение: на одном зеркале из фондов Иркутского музея срединный бугорок, например, вместо канальца имеет валик, как бы в виде палочки, продетой в него. Валик образовался в данном случае, должно быть, вследствие того, что при изготовлении формы путем вдавления готового зеркала в глину отверстие последнего и в самом деле было заткнуто палочкой.

Вторая группа зеркал представлена значительно меньшим числом образцов: это зеркала с изображениями кентавров без щита и жезла, с луком, подобно кентавру корсунских врат, или с изображениями астрологического характера, например «стрельца» в числе знаков Зодиака.

Одно такое зеркало было доставлено в Ленинград с Вайгача геологом Флеровым и передано им через П. П. Ефименко в Музей антропологии и этнографии АН СССР. Это плоский диск обычного типа, из меди, густо покрытой зеленой окисью. Одна сторона изделия гладкая, другая с рельефным узором; на орнаментированной стороне, вдоль края ее, имеется узкий валик, округлый в сечении. Параллельно ему имеется второй такой же, а пространство между ними заполнено короткими поперечными валиками. В средине диска находится рельефная фигура кентавра. Голова кентавра обращена вперед и дана в профиль, на ней видна расширенная кверху корона с довольно мелкими зубцами. За спиной кентавра свисает крыло. В руках его короткий, сильно изогнутый лук. Передняя нога кентавра поднята вверх и согнута в колене, посредине его тела имеется выпуклая небольшая шишечка. Весь фон, на котором расположен кентавр, сплошь покрыт растительным стилизованным узором, из-за густой окиси плохо различимым. Вверху имеется одно круглое, сквозное отверстие.

Совершенно аналогичное по форме и рисунку изделие опубликовано С. И. Руденко в числе предметов, найденных в старинном остяцком могильнике вблизи Обдорска.[1] Много их хранится в Гос. Музее антропологии МГУ.

Как уже отмечалось выше, такие бляхи подвешивались сзади к женским остяцким шапкам при помощи длинных ремешков.

Кроме того, имеются бляхи и зеркала с иными, хотя стилистически близкими фигурами (например, изображающими всадников), но их целесообразно оставить в стороне, ограничившись одним сюжетом, представленным на описанном нами зеркале с о. Фаддея — крылатым кентавром с жезлом. Что касается происхождения этого зеркала, то оно найдено в составе обширного промыслового и мореходного снаряжения, среди

[1] С. И. Руденко. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. Материалы по этнографии России, т. II, 1914, стр. 52, рис. 29.

вещей, входящих в прозаический торговый инвентарь, расчитанный на неприхотливые вкусы и простые потребности полудиких жителей Таймыра или соседних, не менее отсталых областей крайнего севера

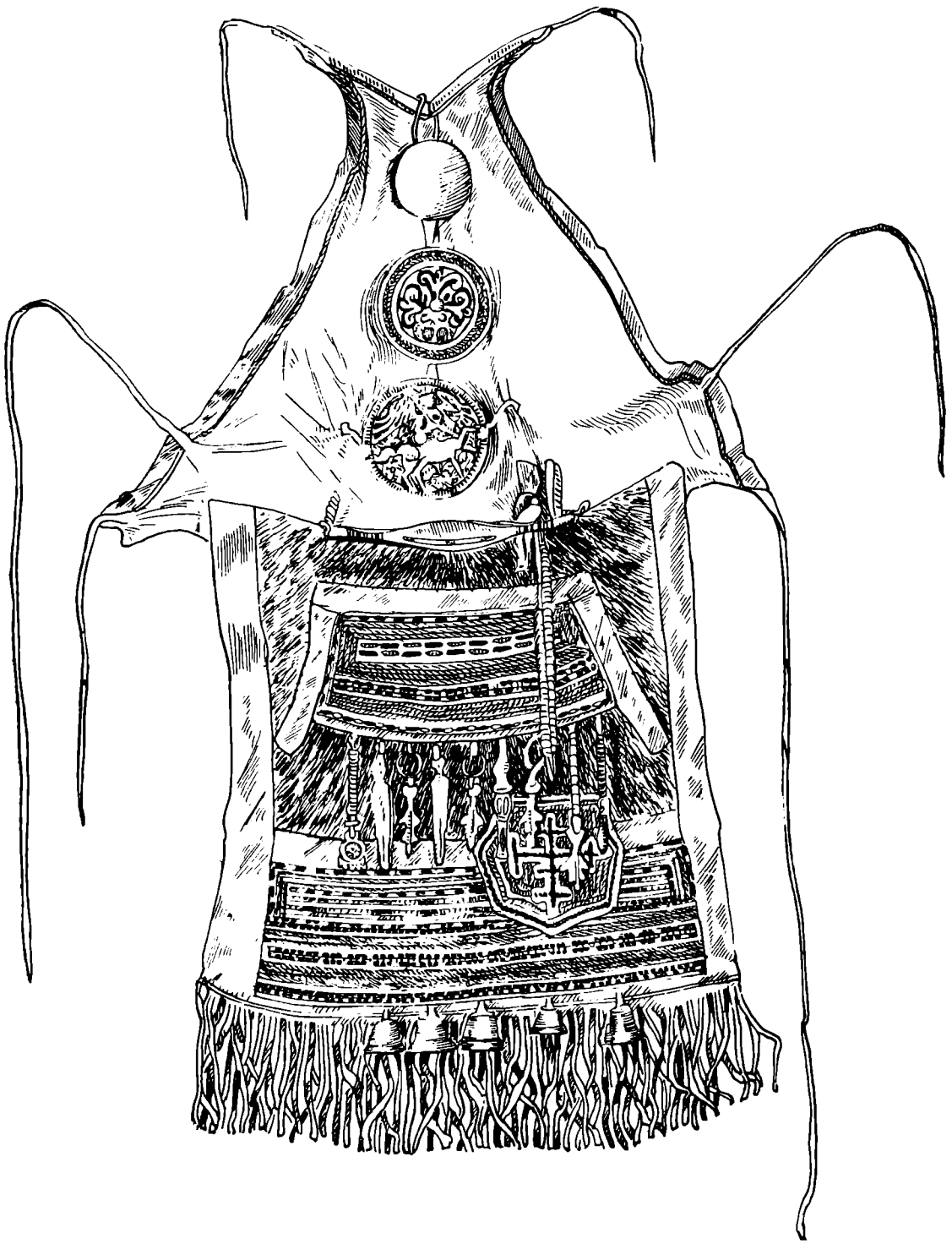

Рис. 6. Юкагирский передник, украшенный бляхой с кентавром.

в XVII веке: среди стеклянных бус, железных топоров, иголок и игольников, сделанных по образцу местных костяных, оловянных тарелок и медных котлов.

И, действительно, центральный обра кентавра, украшающий зеркало, сразу же обнаруживает свое происхождение из того мира несрав-

ненно более высокой древнерусской культуры, откуда шли смелые мореходы, оставившие свое снаряжение на о. Фаддея и в заливе Симса.

Образ кентавра пользовался, как известно, широкой популярностью в мифологии и искусстве классической древности, в Греции и Риме, на почве которых он, в свою очередь, генетически связан с культурой классического Востока, где в религии и искусстве важное место занимали образы фантастических чудовищ смешанной породы.[1]

Из культурного наследия классической древности вместе с другими персонажами языческой мифологии образ кентавра заимствовало христианское искусство средних веков, где он уже в значительной мере утратил свою былую мифологическую непосредственность и конкретность и обычно имел условное, аллегорическое значение. Тем не менее, изображения кентавров и им подобных фантастических существ все же вызывали осуждение со стороны ортодоксально мыслящих деятелей церкви, если не как пережитки язычества, то как пустая забава, отвлекающая монахов от их прямых обязанностей.

Св. Бернгард в письме, посланном около 1125 г. аббату Вильгельму С. Тьерри, с возмущением и гневом писал: «. впрочем, в монастырях в присутствии читающих братий, что производит сия смешная чудовищность, удивительное какое-то безобразное благообразие и благообразное безобразие? Что значат там нечистые обезьяны, свирепые львы, чудовищные кентавры, получеловеки, пестрые тигры?».[2]

Из таких изображений кентавров, вызывавших гнев и недоумение св. Бернгарда, можно отметить, например, их изображения в миниатюрах (рукописное собрание проповедей Григория Назианзина, IX в.), в картинах на стенах церквей (Basilica Cicinaria, позднее S. Andrea in Barbara в Риме, и др.), а также на различной утвари и металлических обшивках церковных врат, в том числе Аугсбургских XI в. и Лоретто, где они находятся в сочетании с другими образами из античной мифологии — гарпиями, сатирами и т. д.[3]

Не меньшей популярностью пользовался образ кентавра в средние века и на Руси, где он появился, очевидно, из средневековой Византии, а затем жил в искусстве древней Руси в тесном и живом взаимодействии последнего с искусством средневекового Запада.

Одним из наиболее ранних и ярких примеров большой популярности кентавра в древнерусском искусстве могут служить рельефные фигуры (рис. 9), украшавшие Георгиевский собор в Юрьеве Польском, заложенный в 1152 г. и законченный сооружением в 1234 г.[4]

Кентавры Георгиевского собора высечены в камне. Они выполнены весьма тщательно и для своего времени умело. Это, впрочем, не настоящие кентавры, ибо ноги их имеют вид лап хищника, а не конских копыт. Туловище их покрыто орнаментальными деталями, в том числе волютами на бедрах. Торс имеет вид человеческой фигуры в узком кафтане. Лицо отделано детально, особо тщательно моделированы рот и глаза. На

---

[1] Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. 1884, II, 1046. — Pauly. Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, XI. 1921, стр. 177. — Lübker. Reallexikon des klassischen Altertums. 1914, стр. 984—988 (Sternbilder).

[2] Ф. Аделунг. Корсунские врата, находящиеся в новгородском Софийском соборе. М., 1834, стр. 200, прим. 123.

[3] Ф. Аделунг, ук. соч., стр. 930. — Древности Российского государства (в дальнейшем ДРГ), отд. I, М., 1849 (текст Прохорова, стр. XV). — F. Piper. Mythologie und Symwolik der christlichen Kunst. Веймар, 1847.

[4] К. К. Романов. Георгиевский собор в городе Юрьеве Польском. ИАК, вып. 36, 1916. — А. А. Бобринский. Резной камень в России. Вып. 1, 1916, стр. XII—XIII.

голове — низкая шапочка, расчлененная вертикальными полосками. В одной руке жезл, в другой — схваченное за ногу животное. Кентавры изображены на фоне «леса», условно переданного двумя орнаментальными деревьями.[1]

XIII—XIV вв. датируется известное изображение кентавра на «Корсунских вратах» в Новгородском Софийском соборе. На этих вратах, как пишет И. Снегирев, «между фигурами замечателен центавр, стреляющий из лука; он без короны на голове и без крыльев».[2]

Как отметил еще Аделунг, кентавр этот на быстром бегу оглядывается назад и, судя по положению оружия, только что пустил из лука

Рис. 7. Бронзовое зеркало с юкагирского передника. Индигирка.

стрелу. Лицо его молодое, волосы густые и в красивых пышных кудрях Вторые врата Софийского собора, Васильевские, тоже имеют изображение кентавра, но уже увенчанного зубчатой короной и снабженного крыльями. В одной руке этой исполинской фигуры находится маленькая фигурка человека, тоже увенчанная короной. Другая рука поднята вверх, позади ее изображен горящий дом. Кентавр этот, в отличие от первого, имеет бороду (рис. 10).

Изготовление последних врат связано с инициативой архиепископа Василия, который в 1336 г., согласно летописным данным, «у святой Софии двери медяны золочены устроил». Они замечательны тем, что в от-

---

[1] А. А. Бобринский, ук. соч., табл. 26, 27.
[2] ДРГ, текст, VI, стр. 62.

личие от корсунских врат изготовлены собственными русскими мастерами, вероятно новгородцами.[1]

О большой популярности образа кентавра в русской средневековой культуре свидетельствуют и монеты тверских князей Ивана Михайловича и Михаила Борисовича.[2]

Очень интересны, затем, изображения таких же крылатых, как на наших зеркалах, коронованных кентавров на старинном паникадиле того же новгородского Софийского собора, впервые опубликованном в «Древностях Российского государства». Обручи или ободы, а также поддоны этого паникадила, которое по традиции именовали лампадой великого князя Владимира, или «свечой Великого Новгорода», имеют ажурные украшения. Среди христианских изображений здесь вычеканены в круглых рамках и кентавры, причем на поддонах они чередуются с шестикрылыми серафимами» (рис. 11, 12 и 13).

Прохоров склонялся к датировке его началом или первой половиной XIV в., полагая, что паникадило явилось обетным приношением дому св. Софии в память какого-либо важного события. Что же касается наименования его Владимировой лампадой, то, по его словам, это было просто знаком «народного благоговения к Владимиру Киевскому или же свидетельством посвящения его гробу Владимира Ярославича в Софийском соборе».[3]

И. И. Толстой и Н. П. Кондаков уделили особое внимание как этому, Софийскому, паникадилу, так и другому, весьма древнему, по их мнению, аналогичному предмету из церкви св. Никиты в Новгороде. «Новгородские паникадила», по их словам, «ведут свое начало от византийского хороса», но отличаются тем, что вместо многих обручей здесь имеется лишь один обруч. «Новгородские паникадила, — пишут они, — и по содержанию изображений представляют своего рода лики или священные хороводы».

На одном паникадиле из церкви св. Никиты имеются кружки с крылатыми кентаврами, держащими дротик для лесной охоты. На Софийском же паникадиле, по их словам, «изображены шесть крылатых кентавров в венцах и со скипетрами; все это в поле из плетеных разводов и узлов, в тоне XIII—XIV столетия, но здесь переданном уже в омертвелых и сухих формах XV—XVI веков». Соответственно этому возраст паникадил, во всяком случае первого, из церкви Никиты, определяется «не позже XVI века».[4]

По данным Н. Р. Левинсона, специально занимавшегося подвесными осветительными приборами XVI—XVII вв., такие паникадила-хоросы, состоящие из медного диска с бортом-ободом и чашевидным углублением в середине, куда ставилась лампада, своей круговой формой продолжают на Руси традицию византийских хоросов и корон XI—XII вв. Последние тоже состояли из одного или нескольких концентрических ободов, подвешивавшихся на цепях к потолку и снабженных по окружности лампадами или шипами для свечей.

---

[1] В. К. Мясоедов. Васильевские врата. Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. 3, 1910; — ДРГ, текст, VI, стр. 72—84; — ДРГ, Атлас, I, №№ 46 и 47.

[2] М. В. Рубцов. Деньги великого княжества Тверского. Археолого-нумизматический опыт из истории Тверского княжества XIII—XV вв. Тр. 2-го Обл. Тверского археологического съезда 1903 г., 1906, стр. 196.

[3] ДРГ, текст, стр. 77—79. — Кеппен. Список русских памятников. М., 1822, стр. 73.

[4] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899, стр. 163—165, рис. 202, 203.

По борту позднейших русских хоросов также располагались свещники либо в виде трубок, либо с шипами для насадки свечей. «Они отмечаются, — пишет названный исследователь, — преимущественно на территории новгородской земли и в Пскове» (в церкви Никиты в Новгороде, в Островском уезде б. Псковской губ., в Деревяницком монастыре под Новгородом). Известен также и хорос Сольвычегодского собора.

В датировке хоросов Н. Р. Левинсон склоняется к мнению И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, относящих отмеченные выше хоросы к XV—XVI вв. По его словам, «орнаментация хоросов с характерной „ремен-

Рис. 8. Бронзовое зеркало из Магадана.

ной" плетенкой соответствовала подобным же мотивам в резьбе иконостасных дверей (а также и в орнаментике рукописей XIV в.)». Это подтверждается наличием изображений крылатых кентавров как на Васильевских вратах, фигурками святых в духе русской иконографической традиции XVI в. Что же касается общего стиля, то «общая форма хоросов с их простыми геометрическими очертаниями хорошо увязывается со строгими прямолинейными членениями иконостасов этого времени», некоторые черты «готицизма», о которых писал Прохоров, объясняются, по его мнению, старыми связями Новгорода с Западом,[1] свидетельствующими о взаимодействии богатого и самобытного новгородского искусства с искусством других стран.

Для нашей темы важно, что изображенные на паникадилах-хоросах XV—XVI вв. кентавры совершенно аналогичны не только в общих чер-

[1] Н. Р. Левинсон. Подвесные осветительные приборы XVI—XVII вв. (материалы к истории осветительных приборов в России). Тр. ГИМ, вып. XIII. Сборник статей по истории материальной культуры XVI—XIX вв. Изд. ГИМ, М., 1941, стр. 83—85.

тах, но и в мелких деталях, кентавру с о. Фаддея. Они имеют распростертые в стороны и опущенные вниз концами крылья. На головах их видны короны с зубцами. В правых руках у них жезлы, покоящиеся на плечах и завершенные круглой шишкой-сферой на верхнем конце.

Относительно смысла, который вкладывался на Руси в эти языческие по происхождению образы, так упорно сочетающиеся с чисто христианской религиозной символикой на русской почве в течение ряда столетий, еще автор текста к «Древностям Российского государства» констатировал, что «этот символизм в русском художестве, повидимому, был заимствованный и употреблялся не всегда с ясным сознанием подлинного значения символов, но достоин точнейшего исследования — касательно его источников и знаменований». Он предполагал, в частности, что изображение кентавра на утвари и вратах могло быть основано на явлении св. Антонию в пустыне этого чудовища, которое указало ему путь к Павлу Фивейскому.[1]

В другом месте указано, что основой для сцены с кентавром, помещенной на Александрийских (Васильевских) вратах, послужил литературный и вместе с тем фольклорный источник «О Соломони цари и о Китоврасе, басни и кощуны», упоминаемый Иоанном, экзархом болгарским, и митрополитом Киприаном в числе ложных книг и рассказов — «О Китоврасе, басни и кощуны».[2]

По мнению Снегирева, царь, сидящий на престоле — Соломон, а предстоящий ему кентавр — Китоврас русской литературы и сказаний.[3]

Образ Китовраса один из самых популярных в древне-русской рукописной литературе и народной словесности (былины, сказки), выступающий обыкновенно в сочетании с другим, не менее популярным в фольклоре образом — царя Соломона, связывали с фигурой кентавра на Васильевских вратах также И. Е. Забелин и другие исследователи.[4]

Эти исследования с достаточной полнотой разъяснили, что представляет собой Китоврас и в каком отношении он находится к отмеченным изображениям.

В памятниках древнерусской литературы о нем говорится, что мудрый царь Соломон, желая отстроить свой храм так, чтобы камни готовились без употребления железных орудий, посылает боярина своего «лучшаго с отроки» по Китовраса. Доставленный Китоврас удивляет всех своей прозорливостью и загадочными мудрыми речами. Сам мудрый Соломон убеждается в этом, вопрошая Китовраса; когда же Соломон молвил Китоврасу: «Ныне видех яко сила ваша аки человеческа и несть сила более нашей силы, яко аз ях тя», Китоврас ответил царю: «аще хощеши видети силу мою, да сонми с меня оуже сие и даждь ми жюковину [кольцо] свою с роукы, да видеши силу мою». Когда просьба была исполнена, Китоврас «простер крыло свое, оударн Соломона и заверже и на конець земля обетованная».

Крылатый кентавр-Китоврас этих легенд — могучее и демоническое существо, подобное Асмодею талмудической повести о Соломоне: как известно, его ищут с такой же целью, он попадается на ту же уловку, те же речи на пути и перед Соломоном, полные загадочной мудрости, наконец он так же мстит Соломону.

В другой же повести из рукописи XVII—XVIII вв., где снова речь идет о Соломоне и Китоврасе и о том, как последний подобно греческим

---

[1] Аделунг, ук. соч., стр. 93, примеч. 275; — ДРГ, текст, I, стр. XV

[2] ДРГ, текст, VI, стр. 80—81.

[3] Там же, стр. 81.

[4] С. Е. Зверев. Воронеж на XII Археологическом съезде. Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, вып. II, 1904, стр. 155—156.

кентаврам похищает жену Соломона, говорится, что Китоврас был царем, подобно Соломону: «Бысть во Иерусалиме царь Соломон, а во граде Лукоморье царствуя царь Китоврас; обычай же той имея царь: во дни царствует над людьми и в нощи обращающееся зверем китоврасом и царствует над зверми, а по родству брат царю Соломону».

В дальнейшем посланец Китовраса, волхв, совращает жену Соломона, когда же Соломон является за ней в его царство, нечестивый царь Китоврас велит повесить своего брата, царя Соломона. Рассказ кончается победой Соломона, приказавшего повесить Китовраса в красную петлю, жену в желтую, волхва в лычную, людей китоврасовых побить, а царство его огнем выпалить.

Рис. 9. Кентавр в украшениях Георгиевского собора.

Бородатый кентавр новгородских врат, поднявший в одной руке человеческую фигурку в короне, и есть, очевидно, царь Китоврас, готовящийся бросить своего «брата» Соломона на край земли. Об этом свидетельствует и надпись: «[Ки]товрас мече братом своим на обетованную землю [зр]я!».

Дом, охваченный пожаром на заднем плане этой сцены на вратах, вероятно, символизирует выжженое Соломоном после наказания царя-кентавра Китоврасово царство.

Таким образом, кентавр нашего зеркала, бесспорно, является Китоврасом народной словесности и древней рукописной литературы. Об этом с убедительностью свидетельствуют как крылья, так и атрибуты этого существа, указывающие на его царственную природу: корона и жезл.[1] В стилистическом отношении он также полностью входит в число известных нам ранних древнерусских изображений кентавра. Уже в кентавре Георгиевского собора, наиболее раннем из перечисленных выше

[1] Корона на зеркалах с Китоврасом типично царская — зубчатая, жезл — тоже. См.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры. Изд. МГУ, 1944, стр. 9, 114—118, 194, 205.

образцов русских изображений, имеется много общего именно с изображением, обнаруженным на о. Фаддея. Кентавр Георгиевского собора точно также имеет в одной руке скипетр, на голове его шапка, похожая на корону фаддеевского кентавра, правая нога его поднята вверх.

Есть, правда, и некоторые важные отличия в общей трактовке и специфических деталях. Так, например, кентавр Георгиевского собора является, собственно, не кентавром, не человеком-конем, а сочетанием человека и хищника, он держит в руке животное, которого нет на нашем зеркале.

Тем важнее полное совпадение, которое констатируется как в целом, так и в мелких деталях, у фаддеевского кентавра с бородатым кентавром новгородских врат, и в особенности же с кентавром новгородской «Владимировой» лампады (крылья, корона, скипетр, общая форма тела и поза).

При всем том, что центральная фигура фаддеевского зеркала легко поддается расшифровке ее смысла, стилистическому определению и датировке на почве памятников русского средневекового искусства, это изделие в целом все же обнаруживает много своеобразного по сравнению с образцами русского искусства и в общей своей форме и в ряде характерных деталей. Своеобразные черты его настолько существенны, что происхождение фаддеевского зеркала осталось бы загадочным и в том случае если бы главный его образ был уже полностью определен и расшифрован, но эти черты не нашли бы своего объяснения.

В русском средневековом быту неизвестно, например, сколько-нибудь широкое применение металлических зеркал вообще и, в частности, в такой их специфической форме, как у нашего зеркала — дисковидной, с орнаментом и заменяющим ушко бугорком на одной стороне и с гладкой другой стороной.

Не характерны для русского средневекового искусства и розетки, усеивающие фон вокруг кентавра, точно так же как и оформление краевого ободка в виде орнаментального кольца, окаймляющего центральную композицию.

Количество таких своеобразных признаков может быть увеличено, если не ограничиться одним только описанным выше предметом, а привлечь для сравнения с ним и другие вещи, как уже отмечалось, настолько близкие к нему, что они представляют только варианты одной общей художественной формы и образца. Установить характер и происхождение этих своеобразных элементов будет возможно только в том случае, если мы в поисках аналогий обратимся с запада на восток, в направлении, противоположном тому, откуда появился в русском искусстве кентавр-Китоврас.

Характерна и специфична уже сама по себе общая форма фаддеевского и других подобных зеркал. Это типичная китайская форма, возникшая еще в первом тысячелетии до н. э. в конце чжоуского времени и достигшая классического совершенства к началу н. э. в раннее ханьское и циньское время.[1]

Последние имеют форму плоского диска, гладкого с одной стороны и орнаментированного с другой. На орнаментированной поверхности имеется центральная выпуклость с поперечным канальцем у основания — ушком. Организующим элементом орнаментики обычно являются концентрические линейные окружности, подчеркивающие форму диска. Все это мы видим и на наших северных зеркалах.

---

[1] М. П. Лаврова. Китайские зеркала ханьского времени (из собрания Русского музея). Материалы по этнографии, IV, вып. 1, М.—Л., 1926.

К аналогичному выводу, по словам В. И. Иохельсона, пришел относительно происхождения северных металлических зеркал, показанных ему В. И. Иохельсоном, и Бертольд Лауфер. Китайской, по его мнению, чертой северных зеркал с кентаврами являются концентрические круги и выпуклость в центре, которые могли быть заимствованы с бронзовых зеркал древнего Китая.

Но одной констатацией какого-то китайского влияния, установлением наличия бесспорно китайских по происхождению черт в фаддеевском зеркале вопрос в целом еще не исчерпывается. Если форма фаддеевского зеркала и восходит каким-то образом к архаическим китайским оригиналам, то, тем не менее, общая композиция покрывающего его рисунка совершенно иная.

Китайское искусство не знает образа всадника или чудовища смешанной природы, вписанного в круг. Ему чужды такие орнаментальные детали, которые заполняют фон наших зеркал: розетки, крестчатые пальметки. На китайских зеркалах нет и такого обрамления, как здесь, в виде поперечных валиков, заключенных между двумя концентрическими кругами, или кружков.

Рис. 10. Изображение кентавра на Васильевских вратах Софийского собора в Новгороде.

Имеется, следовательно, и какой-то третий, не менее, если не более важный, чем все остальные, компонент определяющий форму и стилевые признаки описываемых изделий.

Истоки этих последних стилистических особенностей обнаруживаются в новом, третьем, культурно-художественном центре, на этот раз на территории Средней Азии. Бронзовые зеркала издавна были в широком употреблении у жителей Средней Азии. Низами, например, сравнивает с ними блеск солнца, говоря, что весной, когда растения поднялись из недр земли, цвет солнца стал чище зеркала.[1]

Древние металлические зеркала Средней Азии и Ирана могут быть разделены по их форме на две группы: а) с ручкой в виде стержня, расположенного сбоку внизу, и б) дисковидные, с шишечкой для подвешивания в центре.[2]

В числе среднеазиатских металлических зеркал второй группы имеются зеркала (рис. 14), вполне соответствующие фаддеевскому по форме и общей композиции рисунка. Таково, например, зеркало, изображенное в шестом томе «A Survey of Persian Art» (табл. 1301-C), средина которого занята фигурой всадника с соколом в руке. Конь при этом поднял ногу так же, как кентавры наших зеркал, посредине его туловища имеется круглая шишечка, фон сплошь заполнен растительным орнаментом, а также изображением бегущей собаки и преследуемого ею животного.

Центральная сцена, изображающая, несомненно, охоту, окаймлена двумя концентрическими полосами, отделенными друг от друга вали-

[1] Г. Н. Балашова. Бронзовое зеркало со сценой охоты. ТОВЭ, т. III, Л., 1940, стр. 258.

[2] Ralph Harari. Metalwork after the early islamic period. A survey of Persian Art, т. III, стр. 2483.

ками. Первая из них заполнена растительным спиральным узором и фигурами животных, вторая, как обычно, — надписью. Датируется это зеркало XIII в.[1] На металлических зеркалах этого рода в XIII в. встречаются, кстати, и фигуры фантастических существ, нередких, вообще, в искусстве средневекового Ирана и Средней Азии. На зеркале на табл. 1302 по обеим сторонам центральной шишечки расположены спинами друг к другу два крылатых зверя с бычьими копытами и хвостом, с человеческими лицами, обращенными к зрителю.[2]

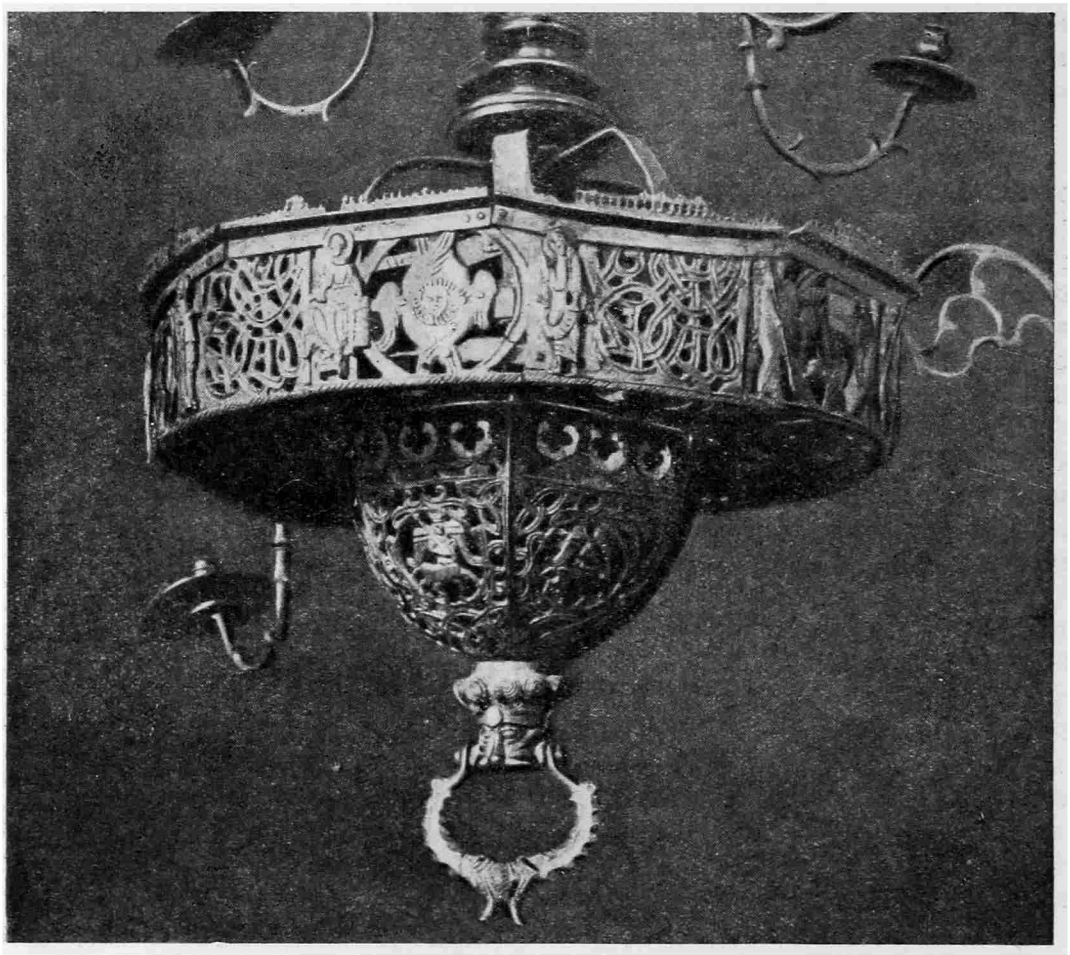

Рис. 11. Изображения кентавра на старинном паникадиле Софийского собора в Новгороде.

Совпадение, таким образом, в общих чертах полное.

Как в зеркале с о. Фаддея, так и в отмеченных выше зеркалах Средней Азии, одинаково обнаруживаются следующие характерные признаки: 1) дисковидная форма зеркала; 2) срединная шишечка-ушко, заменяющая обычную ручку; 3) орнаментальная кайма; 4) применение стилизованного растительного орнамента, как фона для главного изображения; 5) всадник или фантастическое животное, представляющее, подобно кентавру, помесь звериных черт с антропоморфными деталями; 6) вписанное в круг основное изображение; 7) центральная шишечка

[1] Близкие по характеру зеркала см. там же, табл. 1302, *B*, *G*, *f*.

[2] Ср. бронзовое зеркало XII в. с крылатым львом, имеющим человеческую голову и расположенным на растительном фоне, опубликованное М. Е. Массоном в Трудах Узбекистанского филиала АН СССР, серия I, вып. 2, стр. 54, рис. 22.

обычно грубо посажена на тело коня, нарушая тем самым цельность и смысл всего изображения.

На почву Средней Азии первого тысячелетия н. э. и сасанидского Ирана ведут и другие особенности наших зеркал, в том числе их растительный орнамент. Своеобразные четверные розетки-крабы с центральной фигурой в виде ромба и концами, представляющими разветвленные

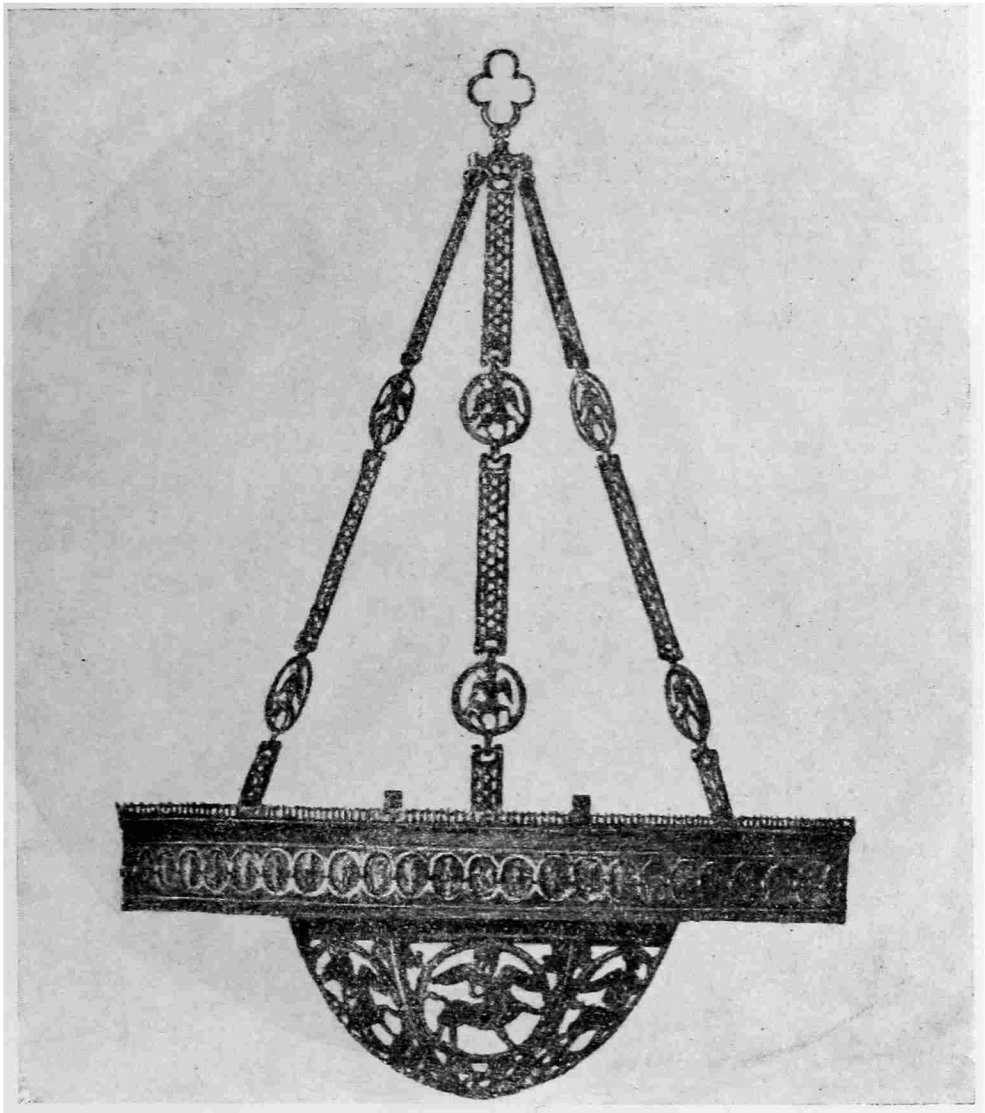

Рис. 12. Новгородский хорос (паникадило) с изображением кентавра. Вид сбоку.

лопасти-пальметки, имеющиеся на северных бляхах-зеркалах, целиком повторяют сасанидский растительный орнамент на штукковых рельефах.[1] Дальнейшим развитием их могут быть орнаменты мавзолея Айша-Биби XII—XIII вв. в г. Джамбуле.[2] Розетки же, покрывающие фон фаддеевского зеркала, в свою очередь повторяют розетки, существующие на иранской и среднеазиатской почве от архаики Суз до ахеменидов, парфян, сасанидов и до более позднего времени.[3] Сюда можно причислить и такие черты, которые сначала могут показаться несходными.

[1] A Survey of Persian Art, т. I, табл. 190; ср. т. III, табл. 2685, 2755, а также табл. 413 (XIV в.).

[2] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, рис. 98.

[3] A Survey of Persian Art, т. III, табл. 2683 и др.

Кайма наших зеркал в некоторых случаях не похожа на богатую и пышную кайму среднеазиатских. Она образована, как мы видели, «шнуром», простыми поперечными валиками или кружочками. Но это обстоятельство не имеет, однако, решающего значения и не снимает устанавливаемого нами факта наибольшей близости зеркал фаддеевского типа к средневековым зеркалам Средней Азии и Ирана. Последние тоже бывают в ряде случаев обрамлены витым «шнуром» вдоль самого края.[1]

Рис. 13. Новгородский хорос (паникадило) с изображением кентавра. Вид снизу.

Из такого шнура легко могла выработаться и отмеченная кайма, состоящая из поперечных валиков. Вообще же на бляхах из Сибири и на описанном выше зеркале с Колымы тоже имеется опоясывающий их по краю шнур. Кайма же из кружков была обычным обрамлением, как известно, еще круглых медальонов сасанидской эпохи, внутри которых заключены чаще всего фигуры фантастических чудовищ, в том числе самого излюбленного из них — Сэнмурва.[2] Такая кайма бывает иногда

[1] A Survey of Persian Art, т. VI, табл. 1300 — зеркало XII в. с изображением известной сцены охоты Бахрама-Гура в сопровождении его возлюбленной Азадэ.

[2] К. В. Тревер. Сэнмурв-паскундж. Собака-птица. Известия ГАИМК, вып. 100, 1933; она же. Сэнмурв-паскундж. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1937.

и на керамических изделиях, на глиняной посуде арабско-иранского типа.[1]

Особенный интерес, в связи с наличием «сасанидской» каймы вокруг некоторых наших зеркал и блях, представляет часто встречающаяся на них вписанная в круг зооморфная фигура, которая всегда находится на определенном месте — на заднем бедре кентавра.

В русском искусстве ничего подобного не известно, но в среднеазиатско-иранском эта деталь, или чрезвычайно близкие к ней, встречаются

Рис. 14. Зеркало из Средней Азии.

постоянно. Так, например, фигуры фантастических животных, изображенных на резных штукковых плафонах дворца термезских правителей XII в., имеют на бедрах кружки, заполненные внутри радиальными линиями и точками.[2]

На изображенном в шестом томе «Survey of Persian Art» бронзовом водолее XII в. бедра тоже подчеркнуты вписанными в них кругами, заполненными ажурной резьбой-плетенкой (рис. 15). Совершенно такие же круги, заполненные внутри абстрактным орнаментом, имеются

[1] A Survey of Persian Art, т. V, табл. 566-A; 567-A; 604-B; 607.

[2] Б. П. Денике. Изображение фантастических зверей в термезской резной декорации. Искусство Средней Азии. Сборник статей. Тр. секции истории искусств РАНИОН, V, стр. 11, 1930; он же. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 52—53, рис. 37, 38. — В. Д. Жуков. Развалины ансамбля дворца и зданий в пригороде средневекового Термеза. Тр. Узбекистанского филиала АН СССР, серия 1. История и философия, вып. 2, Ташкент, 1941 г.

на плечах водолеев (аквáманилов), изготовленных в виде птиц.[1] Есть они и на изображениях птиц и животных, выполненных в совершенно ином материале и технике, например, на расписных глиняных чашках и блюдах.[2]

Во всех случаях подобные круги соответствуют выпуклостям бедер и плеч и именно поэтому у птиц они бывают только на крыльях, а у четвероногих как на передних, так и на задних конечностях.

Такой прием условно-подчеркнутой, резко утрированной передачи выпуклостей и деталей мускулатуры тела животных, очень близок к способу, известному в искусстве ахеменидского Ирана и скифов, где, однако, отмечаются не круги, а «полулуния», «запятые» и яйцевидные пятна. Не удивительно поэтому, что в Северном Иране на луристанских архаических бронзах (I тысячелетие до н. э.) наблюдается точно такой же способ передачи выпуклостей бедер и плеч животных посредством округлых выпуклостей и выгравированных на них кругов, заполненных внутри радиальными прямыми линиями и точками.[3]

В луристанских образцах ясно видно при этом как стремление передать ярче объемность мускулатуры и ее силу привело, в конце концов, к такой абстрактной и сухой форме: на многих фигурках из Луристана мускулатура ног подчеркнута чрезмерно резко, передана совершенно правильными дисковидными выпуклостями (рис. 16).[4]

Оставалось только оконтурить эти диски резными линиями, что и было сделано. Правда, в отличие от арабско-иранских и луристанских изображений четвероногих, на изображениях наших кентавров имеется всегда только один круг и только на заднем бедре. Однако и это обстоятельство встречает полную аналогию в искусстве Средней Азии и Ирана. На одной бронзовой иранской фигуре животного XII в., хранящейся в Лувре, плечевые выпуклости передних конечностей переданы в виде легких возвышений, соответствующих их действительной форме. На задних же ногах на бедрах имеются, напротив, круги, заполненные внутри ажурным орнаментом.[5]

Отмеченные изделия из области средневекового среднеазиатско-иранского искусства отличаются, однако, тем, что здесь внутри кругов имеется только абстрактный, геометрический узор-плетенка или розетка, круги и т. п.

Внутри же кругов на бедрах наших кентавров помещена зооморфная фигурка. Нельзя не остановиться поэтому и еще на двух примерах из той же области. Первый из них — бронзовый грифон из Египта, опубликованный в известном издании Глюка и Дица.[6]

У этого грифона в бедра передних ног вписана фигура сказочного четвероногого, а в бедра задних ног — птицы. Во втором случае бронзовый водолей, происходящий из Средней Азии и имеющий вид петуха, украшен глубоко врезанными на его плечах гравированными изображениями Сэнмурва. Последнее обстоятельство очень интересно и важно.

При описании воронежского зеркала с коронованным кентавром и других, аналогичных ему изделий, выше уже отмечалось, что вписанная там в круг миниатюрная фигурка по своему виду больше всего напоми-

---

[1] A Survey of Persian Art, т. VI, табл. 1298-B (XII в.).
[2] Там же, т. V, табл. 607.
[3] A Survey of Persian Art, т. IV, табл. 32-A (фигурка быкоголового существа из собрания Бостонского музея изящных искусств); ср.: Persian Art. Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House. Лондон, 1931, табл. 2, рис. 13.
[4] A Survey of Persian Art, т. IV, табл. 38-A.
[5] Там же, табл. 1292.
[6] H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islam, табл. V.

нает существо в виде крылатого дракона с широко раскрытой пастью, длинным хвостом, напоминающим змеиный (рис. 17). По общему своему виду эта фигурка, следовательно, вызывает в памяти тот же самый образ мифического Сэнмурва иранской мифологии, каким он представлен хотя бы на известных бляшках из скифских курганов и на других близких к ним по стилю памятниках. Еще ближе она стоит к парфянским и сасанидским военным значкам и знаменам.[1]

О таких значках во II в. н. э. писал Арриан: «Скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах сораз-

Рис. 15. Бронзовый водолей XII в.

мерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем голова и все тело вплоть до хвоста делается наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем: когда кони стоят на месте, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но и по-

[1] К. В. Тревер. Серебряное навершие сасанидского штандарта. ТОВЭ, т. III, Л., 1940.

лезны для различения атаки и для того, чтобы (разные) отряды не попадали один в другого».[1]

Лукиан точно также подчеркивает, что значки парфян имеют вид змей и настолько похожи на настоящих змей, что, иронически добавляет он, «. . некий историк считал их огромными живыми змеями, происходящими из Персии, немного дальше Иберии».[2]

Изображения дракона Сэнмурва имели такое важное значение и играли роль военных стягов не только из-за грозного, устрашающего облика, наводившего, будто-бы, ужас на врагов.

Как полагал Зарре, в сасанидском драконе можно усматривать царскую эмблему.[3]

К. В. Тревер с исчерпывающей ясностью установила, что дракон сасанидов — Сэнмурв — на самом деле служил «фарром», знаком царского достоинства и власти, а изображение его являлось царским знаменем[4] (рис. 18 и 19).

Сказанное выше невольно вызывает новый и совершенно неожиданный вопрос: не потому ли именно дракон, сходный с сасанидским сэнмурвом украшал кентавра-Китовраса наших зеркал, что последний тоже был царем, братом и соперником могучего Соломона? Не отразилась ли в этой странной на первый взгляд детали древняя символика, восходящая к сасанидским временам, когда царя сопровождал его герб и талисман в образе дракона? Но здесь мы уже покидаем надежную почву бесспорных фактов и сравнительных данных.

Вернемся же к ней для того, чтобы сделать попытку охватить все сказанное выше в ином, более общем, плане.

Сравнительно-типологический и стилистический анализ приводит в результате к общему выводу о том, что фаддеевское зеркало, а также и близкие к нему по характеру прочие изделия, отмеченные выше, представляют собою очень сложное целое, скомпанованное из разновременных элементов, но при этом настолько удачно и талантливо, что оно не является механической смесью чужеродных частей, а совершенным и стройным произведением искусства, разнородные черты которого вырисовываются только лишь после специального анализа.

Встает вопрос: где, когда и как могло возникнуть такое своеобразное, скрещенное в основе, произведение искусства, столь умело и эффектно сочетающее древнекитайские, парфяно-сасанидские, средневековые русские, среднеазиатские и иранские элементы?

Общая стройность композиции и уравновешенность частей в данном случае таковы, что с первого взгляда можно приписать их творческому замыслу одного художника, какой-то единой творческой воле.

Но такое объяснение вряд ли будет правильным, ибо разные варианты отражают скорее какой-то длительный сложный путь постепенного формирования, пройденный этими зеркалами.

Следует, прежде всего, признать тот важный факт, что о прямой связи зеркал фаддеевского типа с китайскими не может быть и речи уже по той причине, что их разделяет слишком большой промежуток времени и столь же обширные пространства.

О том, что центр первоначального формирования типа фаддеевского зеркала находился значительно ближе к России, свидетельствует и стилистический анализ, показывающий, что у среднеазиатских и иранских зеркал больше общего с нашими зеркалами, чем у китайских. В особенности

---

[1] К. В. Тревер, ук. соч., стр. 175.
[2] Там же. стр. 179.
[3] F. Sarre und E. Herzfeld. Iranische Felsreliefs. Берлин, 1908, стр. 210.
[4] К. В. Тревер, ук. соч., стр. 170—174.

важно, что в Средней Азии на зеркалах часто имеется изображение конника как мифологического чудовища смешанной природы, занимающее центральное место, чего в Китае никогда не было.

Отсюда следует, что отмеченные черты сходства с китайскими зеркалами должны были перейти на изделия типа фаддеевского зеркала не прямо и непосредственно от китайских прототипов, а именно через среднеазиатские изделия, в общем комплексе характерных для них стилевых и типологических признаков.

Это были литые металлические зеркала XII—XIV вв., в которых отразились различные черты китайских бронзовых зеркал, заимствованные среднеазиатскими мастерами.

Рис. 16. Бронзовая фигура животного с подчеркнутой мускулатурой ног (Луристан).

Такое заимствование, вообще вполне закономерное и естественное в свете древних культурных связей Средней Азии с Китаем, произошло, вероятно, в связи с усилившимся здесь влиянием искусства Китая и вообще центрально-азиатских художественных традиций после завоевания Средней Азии и Ирана монголами и включения их территорий в состав Монгольской империи.

На следующем этапе, в XIV или XV—XVI вв., эта готовая среднеазиатская основа средневековой эпохи попадает в руки искусных русских мастеров, которые оставили в прежнем виде форму зеркала, но заменили центральную фигуру всадника или чудовища излюбленной фигурой героя рукописной литературы и народной словесности кентавра-Китовраса, в полной мере проявив при этом высокое композиционное мастерство, яркую живописность трактовки и тонкое художественное чувство, характерные для этого этапа в истории русского искус-

ства.[1] Общим историческим фоном для этого процесса широкого освоения и активной переработки древних среднеазиатских образцов было расширение границ русского государства и рост его культурных связей с Востоком, странами Средней Азии и Ираном в XV—XVI вв.

Интересно также, что в наших зеркалах с неожиданной силой одновременно проявились теперь, повидимому, и старые местные традиции Средней Азии, восходящие к весьма отдаленному времени — к эпохе расцвета сасанидского искусства.

Не исключено, что нашим зеркалам типа зеркала, найденного на о. Фаддея, предшествовали другие, изготовленные с намеренным подчеркиванием определенных архаических признаков и особенностей, которых требовал сибирский рынок.

Таким рынком могла служить, прежде всего, область, заселенная угорскими племенами Приуралья и соседние с ней районы Сибири, где издавна находили широкий сбыт вещи, изготовленные среднеазиатскими мастерами сасанидского времени. Кроме того, как свидетельствуют археологические материалы Приуралья и Западной Сибири (например могильника Барсов Городок), именно здесь, почти неизменно, веками, существовали древние традиции во всех областях быта и материальной культуры. Не было бы удивительным, если бы, приноравливаясь ко вкусам местного населения и учитывая его потребности, среднеазиатские мастера-ремесленники издавна именно для него и выделывали вещи привычного архаического облика с определенными устойчивыми деталями, освященными временем и традицией, в том числе с изображением Сэнмурва.

Как ни близки наши зеркала к исходным образцам — среднеазиатским и иранским зеркалам XII—XIII вв., — совершенно необходимо, чтобы здесь был в полном объеме отмечен соответственно его реальному значению и удельному весу также и решающий вклад русских литейщиков, создавших нечто совершенно новое и своеобразное.

Широко используя весь имевшийся в его распоряжении богатый запас декоративных форм и элементов, русский мастер создал совершенно новое и высоко-художественное произведение. Это была смелая творческая переработка, а не подражание чужим готовым образцам, переработка, в результате которой возникло нечто новое и не менее, а более совершенное, чем раньше.

По живописности, декоративности, а также и композиционному совершенству фаддеевское зеркало, как и все остальные зеркала «воронежского типа», представляет в этом отношении бесспорно новую и более высокую ступень в сравнении с его восточными прототипами. Особенно искусно справились при этом русские мастера с нелегкой задачей разместить в круге фигуру кентавра. Используя опыт своих предшественников, уже вписавших кентавра в круг на хоросах, они блестяще разрешили эту задачу. Широко раскрытые крылья кентавра полностью уравновешивают все внутреннее пространство круга; передняя нога коня, гордо поднятая вперед, согнута ровно настолько, насколько требует этого круглое обрамление. Наши древние мастера не оставили без переработки даже мелких второстепенных деталей своих зеркал, в том числе их орнамента или каймы. Крестовидно расположенные узоры приобрели, например, в их руках совсем новый характер, они стали гораздо более пышными и разветвленными — в духе русской орнаментики этого времени.

Внимательно всматриваясь в эти изделия, нельзя не обратить внимания и еще на один, принципиально важный момент — на полноту

[1] В. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Известия ГАИМК, вып. 73, 1933, стр. 53.

знаний и широкую почти энциклопедическую осведомленность, которая требовалась, чтобы достичь такого результата, как эти зеркала. Изготовлявшие их мастера должны были одинаково хорошо разбираться как во вкусах племен Сибири, так и в восточном искусстве, из которого они смелой рукой черпали художественные детали и орнаментальные мотивы. Они, следовательно, обладали не только верным художественным чутьем и умелыми руками, но располагали также и необходимой общей культурой.

Какие именно русские художники и где именно впервые выполнили эту работу, сказать трудно, но ясно, что это были старые древнерусские мастера, те самые мастера, работы которых позднейшая традиция, из уважения к старине, приписывала легендарным «корсунским» мастерам.

Не исключено, что это были те мастера, чьими руками выполнены Васильевские врата 1336 г. и «свеча Великого Новгорода», т. е. безымянные новгородские художники XIV—XV вв. Кроме уже отмеченной полной тождественности изображений кентавров Софийского хороса с изображениями на фаддеевском и других зеркалах, косвенным указанием на это может служить то обстоятельство, что именно Новгород состоял

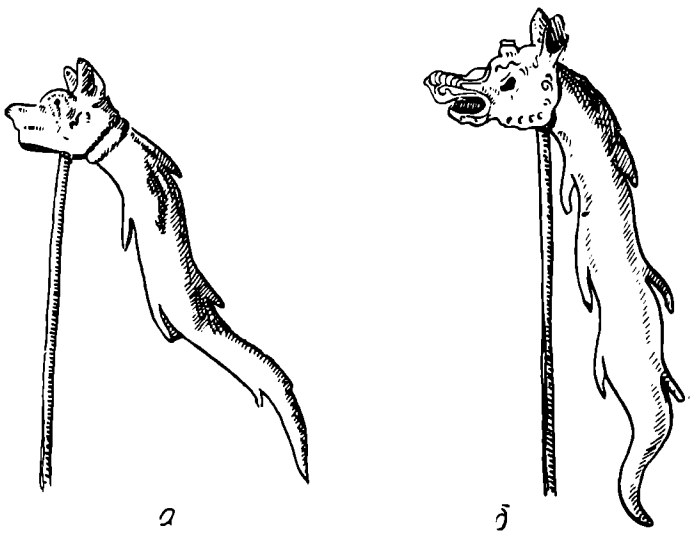

Рис. 17. Изображения сэнмурвов с змеевидным телом на сасанидских штандартах.
а — с колонны Траяна; *б* — из Остяко-Вогульска.

Рис. 18. Тамги с кентавров на сибирских зеркалах. В середине сэнмурв.

в тесной связи с Югрой и другими народами Севера, что эти традиции существовали здесь непрерывно на протяжении веков.

О том, что именно здесь, на севере России, первоначально должны были выделываться подобные вещи, свидетельствует и относительно позднее известие (XVIII в.) о том, что самоеды подвязывают штаны и сапоги ремешками, застегивая их «медными, из города Архангельска получаемыми пряжками».[1] Из сказанного следует, что возникновение зеркал типа фаддеевского и воронежского и, во всяком случае, их широкое распространение имели в качестве общей социально-экономической предпосылки развитие экономических, преимущественно торговых, связей русских с северными племенами, следствием чего и было освоение севера русскими мореплавателями и землепроходцами XVI—XVII вв.

[1] Кабинет Петра Великого, отделение 2, СПб., 1800, стр. 187.

Не случайно поэтому, что самое раннее из числа известных нам датированных зеркал с кентаврами, а вместе с тем одно из наиболее совершенных в художественном отношении изделий этого рода, найденное на о. Фаддея, оказалось в составе инвентаря русской торгово-промысловой экспедиции начала XVII в.

Как показывают более поздние находки, изделия данного типа вполне удовлетворили тех, на кого они были рассчитаны. Со временем они нашли сбыт не только в северной части Европейской России, не только в западном и восточном Приуралье, но и далеко к востоку от Урала: на Енисее, на Ангаре, на Лене, даже на Колыме и Чукотском полуострове, у самоедов-ненцев, вогулов-маньси, остяков-хантэ, бурят, якутов, ламутов, юкагиров, одним словом, почти у всех коренных племен Западной и Восточной Сибири, кроме коряков и чукчей и амурских племен (см. карту распространения зеркал с кентаврами).

Такая широкая их популярность объясняется, главным образом, тем, что дисковидная форма металлического зеркала ассоциировалась здесь с наиболее распростаненным и древним у народов Сибири общим культовым символом в виде диска, изображающего солнце. Юкагиры, как мы видели, так и называли эти бляхи «грудным солнцем». Бурятские шаманы ценили их наравне со своими священными зеркалами — толи, которые, по их верованию, чудесно спускались с неба, как дар светлых небесных божеств.

Изображения кентавра на зеркалах точно так же соответствовали местным верованиям; их повсюду осмысливали по своему. У бурят это были изображения небожителя — тенгерина; у племен Приуралья, вероятно, их собственного конного божества солнца Мир-Сусне-Хум.

Большой спрос на подобные металлические изделия вызвал в XIX в. к жизни настоящий промысел, занятые которым мастера, естественно, стремились в точности следовать традиционным образцам. Промысел этот издавна существовал в северных губерниях России, в Тобольске и даже на Волге в Казани.

Еще в XVIII в. Г. Ф. Миллер предполагал, что находимые на Оби у остяков металлические идолы «по всей вероятности, много лет тому назад привезли к ним из других местностей и, может быть, из Пермского края».[1] В числе таких металлических изделий были ажурные бляхи и могли быть металлические зеркала.[2]

По позднейшим данным Патканова, в Тобольске работал некий поляк Р., который делал различные металлические предметы для самоедов и остяков по их собственным образцам.[3]

По сведениям Гейденрейха, медные бляхи и пряжки для самоедов делали кустари-медники деревни Кижи на Мезени.[4]

С. И. Руденко предполагал, что описанные им бляхи и другие вещи, скорее всего, зырянской работы. «По крайней мере, — пишет он, — подобные вещи и теперь в огромном количестве отливаются зырянами специально для низовских остяков и самоедов; они же, как ближайшие соседи, еще с давних времен вели с последними торговые сношения. Только сравнительно недавно всевозможные медные предметы начали отливаться для остяков и самоедов в гг. Тобольске и Березове, да и то исключительно по образцам, привезенным от них же самих».[5]

---

[1] В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, ч. III, прилож., стр. 113, п. 94.
[2] Там же, п. 95.
[3] Patkanov. Die Irtisch-Ostyake und ihre Volkspoesie. СПб., 1897, стр. 107.
[4] Гейденрейх. Канинские самоеды. Советский север, № 3, 1930, стр. 35.
[5] С. И. Руденко, ук. соч., стр. 52; ср. Известия ГАИМК, вып. 115. Археологические работы на новостройках, II, стр. 212.

О том же сообщал в 1888 г. Н. М. Ядринцев: «Заинтересованный изучением образцов древней культуры, я нашел впоследствии в Казани целую выставку произведений, которые подделывались к старинным образцам и приноровлены к вкусу инородцев. Произведения эти выделывает Рыбная Слобода на Волге и сбывает мордвинам, вотякам, башкирам, киргизам и татарам. Замечательно, что всегда эти произведения сообразуются со вкусом и требованиями каждого из этих племен. Эти произведения ныне проникают до отдаленного Востока; разница от древних, однако, в том, что они делаются из меди и только серебрятся, между тем как прежние были из серебра, украшены камнями и т. п.».[1]

Таково, несомненно, было происхождение и большинства отмеченных выше зеркал с кентаврами. Но потребность в них была так велика, что их выделывали и сами северные мастера, особенно на далеком северо-востоке, куда не проникали в таком большом количестве изделия русских и зырянских кустарей.

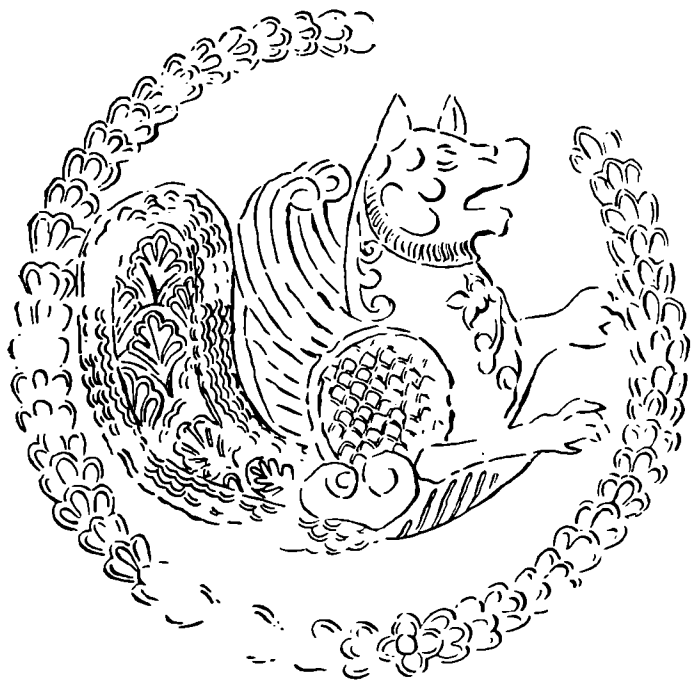

Рис. 19. Сэнмурв (Сасанидский Иран).

По разъяснению Г. М. Василевич, техника подобных отливок была очень проста: оловянные украшения тунгусской работы, по ее словам, изготовляются в деревянных, резанных ножом, формах. Медные пластинчатые украшения одностороннего типа, куда входят и наши зеркала, могли выделываться в формах, изготовленных, пожалуй, еще проще: готовую вещь оттискивали на глине и получали нужную форму. Старые сюжеты и традиционные формы могли неизменно жить в таком случае веками, не говоря уже о том, что и сами готовые вещи передавались из рук в руки, переходя из поколения в поколение.

При этом, на новой почве далекого северо-востока неизбежно были, конечно, и дальнейшие изменения. Интересно в этом отношении зеркало из Магадана, где обнаруживаются новые элементы, несомненно китайского происхождения.

Не менее ярким примером таких изменений может служить бляха, опубликованная В. И. Иохельсоном, где появился в корне иной, чем прежде примитивный прямолинейно-геометрический узор, а сама фигура кентавра распалась на отдельные и совершенно бессмысленные орнаментальные фрагменты (рис. 20). Юкагирский или тунгусский литейщик, изготовлявший форму, в которой было отлито данное изображение, вовсе не понимал, что представляет собой чуждый для него фантастический образ кентавра и оставил от него только четвероногое туловище.

---

[1] Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ. ЗРАО, т. III, новая серия, СПб., 1888, стр. XI.

Видоизменение образа кентавра (или конного всадника) шло и другими путями. Сохраняя основную форму диска-зеркала, таежный мастер заполнял его внутреннее пространство родным сюжетом — всадником, едущим на олене, или даже шатром-чумом обычного конического типа.

На данном этапе эволюции и застает современная нам этнографическая наука эту любопытную во многих отношениях группу художественных изделий, образом которых является бронзовое зеркало XVI в.

Ценность последнего в данном отношении определяется тем, что оно представляет самое раннее известное нам и, может быть, очень близкое к исходному образцу изделие такого рода. Только в XVII в. появятся зеркала воронежского типа, с пышным растительным орнаментом и тамгой на крупе кентавра.

Рис. 20. Бронзовое зеркало с р. Индигирки, юкагиры.

В конце XVIII и в XIX вв., наряду с устойчивым сохранением древних сюжетов и форм, наблюдается постепенное разложение этого образа, упрощение типа самого зеркала и, особенно на далеком северо-востоке Азии, полное вытеснение его другими, более понятными и близкими жителям Севера сюжетами.

Таким образом, мы могли убедиться, что загадочные бронзовые зеркала с кентаврами, столь широко распространенные в Сибири XVI—XIX вв., имели своим источником творчество старинных русских мастеров, которые сумели широко использовать находившийся в их распоряжении богатый и разнородный художественный материал — как русский, так и восточный в соответствии с бытовыми традициями и вкусами коренного сибирского населения.

Эта творческая переработка тем более замечательна, что в данном случае мастер работал для далекого сибирского рынка, учитывая потребности племен тайги и тундры. Даже связанный рамками этого заказа, в том числе заранее данными формами бронзового зеркала, он не только в полном блеске показал свое мастерство и художественное чувство, но и ввел в чужую традиционную форму свое собственное содержание, близкий ему образ русского фольклора.

Так случилось, что мифический Китоврас старинной легенды, этот чудесный символ жизнерадостного и сказочно-богатого русского народного творчества, гордо взмахнул крыльями над безкрайней сибирской тайгой и тундрой.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

БОСПОРСКИЙ ГОРОД ИЛУРАТ

На Керченском полуострове, бывшем в древности основной и важнейшей частью владений Боспорского царства, сохранилось значительное количество остатков поселений античной эпохи. Здесь находятся не только развалины столицы Боспорского государства — Пантикапея — и других крупных боспорских городов, но также и многочисленных более мелких поселков и селищ, названия которых не сохранились в наших источниках. Античные писатели, касавшиеся северного Причерноморья, в частности Боспора, оставили нам сведения почти исключительно о приморских поселениях. Большинство таких поселений, расположенных на побережье, было связано с торговым мореходством, благодаря чему они пользовались определенной известностью, нашедшей свое отражение в литературных источниках и прежде всего в так называемых «периплах». Но по сравнению с количеством населенных пунктов береговой полосы Керченского полуострова, упоминаемых в античных письменных памятниках, гораздо больше поселений находилось за ее пределами как в виде неукрепленных селищ, в которых жило местное коренное земледельческое население, так и в виде более значительных укрепленных поселений, представлявших собою опорные пункты Боспорского царства.

Теперь уже не подлежит сомнению, что археологическое исследование не только крупных, но и мелких городищ Керченского полуострова, а также других районов, входивших в древности в состав Боспорского царства, может дать очень много для правильного разрешения важнейших проблем социально-экономической и культурной истории Боспора. В этом убеждают, прежде всего, ведущиеся в настоящее время и приобретающие все более планомерный характер исследования городищ европейской и азиатской половин Боспора (раскопки Фанагории, Пантикапея, Мирмекия, Тиритаки, Нимфея, кубанских городищ и др.). Однако, мы не ошибемся, если скажем, что систематическое изучение боспорских поселений только начинается, в основном оно еще впереди. Имея в виду эту большую предстоящую работу, надлежит, конечно, тщательно учесть все, что уже сделано в том же направлении нашими предшественниками. Сделано было, правда, немного. Достаточно хорошо известна печальная участь остатков боспорских городов в дореволюционное время, когда их, как правило, не только не изучали, но, к сожалению, и не оберегали от разрушения, ибо считалось, что эта категория памятников древности представляет скромную научную ценность. Имели место лишь отдельные попытки археологических раскопок остатков боспорских городов, но попытки эти, как правило, не встречали сочувствия и поддержки в руководящих верхах, вследствие чего начинавшиеся работы обычно быстро прекращались.

К числу таких наиболее ранних начинаний относится съемка планов развалин древних городов на Керченском полуострове, выполненная П. Дюбрюксом в начале XIX в., т. е. еще тогда, когда археологическое изучение Боспора только зарождалось.

Известно, с какой самоотверженностью Дюбрюкс выполнял работу по описанию и обмерам остатков боспорских поселений, предпринятую по личной его инициативе. Ценность труда Дюбрюкса особенно велика потому, что он зафиксировал ряд важнейших боспорских городищ в то время, когда сохранность их была настолько еще хороша, что представлялось возможным по наружным признакам установить не только общие очертания городищ, но и заметить немало существеннейших подробностей, вскоре исчезнувших с лица земли, вследствие интенсивно происходившей порчи и разрушения археологических памятников.[1] Однако, работа Дюбрюкса, как мы знаем, в свое время оценена по достоинству не была. Труды Дюбрюкса при его жизни света не увидели, а дюбрюксовские рукописи, поступавшие в Петербург, стали достоянием архивов. Спустя лишь примерно лет двадцать после смерти Дюбрюкса, Одесское общество истории и древностей впервые издало приобретенную у его сына рукопись, содержавшую описание остатков древних поселений на Керченском полуострове, составленное в 20-х и начале 30-х годов XIX в.[2] К сожалению, при этой рукописи не оказалось чертежей с планами городищ. Указанное обстоятельство сильно понижало ценность опубликованного труда Дюбрюкса.

В рукописи Дюбрюкса, опубликованной в «Записках» Одесского общества, имеется описание городища, расположенного на Керченском полуострове северо-западнее Чурубашского озера, возле дер. Джапар (ныне Ивановка), в 17 км на юго-запад от Керчи. Если даже считать, что Чурубашское озеро в античную эпоху сообщалось с морем, будучи морским заливом, то и в этом случае указанное поселение находилось в отдалении от береговой линии и представляло собой, следовательно, поселение континентальное. Впервые на него обратили внимание Дюбрюкс и Бларамберг в 1827 г. В течение 1827—1831 гг. Дюбрюкс снял детальный план городища и составил к нему подробное описание. Тем и ограничилось изучение данного городища, которым после Дюбрюкса никто больше не заинтересовался. В дальнейшем, после опубликования в 50-х годах рукописи Дюбрюкса, городище близ Чурубашского озера вошло в археологическую литературу под названием «Керменджик» или «Кермеш-келечик»,[3] причем Бларамберг[4] неудачно пытался в свое время отождествить это городище с Тиритакой — боспорским поселением, упоминаемым в перипле Анонима и у Птолемея.[5]

---

[1] Характеристика деятельности Дюбрюкса дана в ЗОО, т. I, стр. 652; т. II, стр. 229.

[2] П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море. ЗОО, т. IV, стр. 12 сл.

[3] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 258; под таким названием городище показано на карте Керченского полуострова, изд. при Древностях Босфора Киммерийского, на карте в атласе Dubois de Montpéreux (I серия, табл. II).

[4] Н. Бларамберг. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. ЗОО, т. II.

[5] Следуя за Бларамбергом, городище, лежащее северо-западнее Чурубашского озера, отождествляли с Тиритакой и другие: F. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. . . et en Crimée. Париж, 1843, т. V, стр. 248. — К. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. Берлин, 1855, стр. 477. — К. Брун. Черноморье. т. II, стр. 307. — Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926, стр. 5; на карте Керченского полуострова в книге E. Minns «Scythians and

Полное отсутствие каких-либо доказательств в пользу подобного отождествления и, более того, ошибочность указанного предположения Бларамберга были нами подвергнуты подробному разбору в специальной статье, в которой мы обосновали локализацию Тиритаки на южной окраине поселка Аршинцева (б. Камыш-бурун).[1] Поэтому здесь к этому вопросу возвращаться не будем. Древнее наименование поселения, развалины которого находятся близ дер. Ивановки, может быть с значительной долей вероятности определено на основании указаний, имеющихся в одном из древних литературных источников, но данный вопрос мы рассмотрим позже, в заключительной части статьи. Городище, лежащее в районе дер. Ивановки, представляет большой интерес: в нем мы имеем остатки континентального и, как увидим ниже, своеобразного боспорского поселения.

Между тем все сведения об этом археологическом памятнике ограничивались описанием его, составленным Дюбрюксом и опубликованным в «Записках» Одесского общества без планов. Вследствие этого и само описание, представлявшее собою, в сущности, комментарий к планам, снятым Дюбрюксом с натуры, в значительной мере теряло смысл. Только недавно удалось выяснить, что в архиве Гос. Эрмитажа хранится подлинная рукопись Дюбрюкса, в которой, наряду с описанием состоявшегося в 1830 г. открытия Куль-обы, имеется не только описание интересующего нас городища, но и планы его. Оказалось далее, что в архиве ИИМК АН СССР находятся точные копии с вышеуказанной дюбрюксовской рукописи и с приложенных к ней планов, иллюминованных акварельными красками, как и оригиналы.[2] Находка названных материалов и ознакомление с городищем на месте (в 1933 г. во время работ Боспорской экспедиции на Керченском полуострове) побуждали нас к изданию ценных планов Дюбрюкса совместно с более точным изданием и самого текста описания, представленного в «Записках» Одесского общества не без серьезных погрешностей.[3]

Greeks» (Кембридж, 1913) Тиритака локализируется также выше Чурубашского озера, т. е. у дер. Ивановки, хотя и со знаком вопроса.

[1] В. Ф. Гайдукевич. О местоположении древней Тиритаки. МИА СССР, № 4, стр. 85 сл.

[2] Копия находится в числе рукописей архива Оленина, поступивших в свое время в архив Археологической комиссии. В опубликованном В. В. Латышевым описании материалов архива Оленина, касающихся археологии северного Причерноморья (тогда еще, т. е. в начале 80-х гг. XIX в., бумаги эти находились в руках наследников Оленина), упоминается «всеподданнейший доклад Дюбрюкса (в копии) об открытии Куль-обской гробницы в 1830 г., препровожденный по высочайшему повелению министром двора князем Волконским на рассмотрение и заключение Оленина». Далее В. В. Латышев добавляет: «Отзыв последнего оказался неблагоприятным для Дюбрюкса, но впоследствии его скромный труд был оценен по достоинству и принят за основание при составлении описания этого открытия для роскошного издания „Древностей Босфора Киммерийского“» (В. В. Латышев. К истории археологических исследований в южной России. ЗОО, т. XV, стр. 63). Несомненно, здесь В. В. Латышев имеет в виду ту же рукопись, которая хранится ныне в архиве ИИМК. В том же томе ЗОО (стр. 116 сл.) В. В. Латышев опубликовал находившуюся в бумагах Оленина собственноручную рукопись Дюбрюкса «Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 годах».

[3] Публикуемое ниже описание и чертежи городища у дер. Ивановки, составленные Дюбрюксом, а также некоторые сведения об этом же археологическом памятнике, основанные на разведочных обследованиях городища в период с 1933 по 1940 г., были подготовлены нами к печати еще до Великой Отечественной войны, но война задержала своевременное издание названных материалов. Между тем, возобновившая после окончания войны исследования на Керченском полуострове Боспорская археологическая экспедиция ЛОИИМК АН СССР включила в план своих работ изучение городища у дер. Ивановки. После разведочных исследований в 1947 г., экспедиция в 1948 г. предприняла первые большие и очень успешные раскопки городища, которые будут продолжаться в течение ряда ближайших лет. Последнее обстоятельство

Оригинал работы Дюбрюкса представляет собой рукопись на французском языке, датированную 7 января 1832 г. Она содержит следующие части: 1) описание открытого в 1830 г. погребения в кургане Кульоба; [1] 2) описание различных типов древних могил, встречаемых в окрестностях Керчи; [2] 3) описание городища Кермеш-келечик, расположенного к северо-западу от Чурубашского озера, и 4) описание находящегося к северо-западу от Еникальского маяка городища, отождествленного Дюбрюксом с боспорским поселением Порфмием, упоминаемым в перипле Анонима.[3]

Мы даем здесь новый перевод описания городища Кермеш-келечик, составленного Дюбрюксом, сопровождая это описание воспроизведением соответствующих ему планов, остававшихся до сих пор неизвестными.[4]

«Описание развалин, находящихся на земле Джапар в 4 верстах выше Камышбурунского озера [5] и называемых татарами Кермеш-келечик.

«Развалины, которые Бларамберг отождествляет с Тиритакой Птолемея, находятся в 14 верстах к юго-западу от Керчи, на земле Джапар, принадлежащей губернскому секретарю Федору Падалке.

«Акрополь или крепость *A* [рис. 1*а*], наилучше сохранившаяся часть [бывшего здесь в древности поселения], представляет неправильный продолговатый четырехугольник, простирающийся ‹на 90 саж.› с северо-востока на юго-запад. ‹Ширина акрополя не одинакова: с южной стороны — 45 саж., а с северной более 50 саж.›. Акрополь окружен с северо-западной и северо-восточной сторон узкой, но довольно глубокой ложбиной *a* [рис. 1*б*], где в продолжении части зимы и весной течет ручей *B*, высыхающий в остальное время года, хотя здесь и находится несколько родников *c*. Этот ручей был, повидимому, прежде небольшой, но довольно глубокой рекой, что подтверждается укреплениями *D*, расположенными в ложбине на $1^1/_2$ саж. выше дна ручья и предназначавшимися для защиты прохода через реку. Ширина ложбины между вышеуказанными остатками укреплений и подошвой отвесных скал, расположенных напротив, колеблется от 6 до 9 саж.

не умаляет значения работы Дюбрюкса. Напротив, труд Дюбрюкса, посвященный боспорскому городищу у дер. Ивановки, становится теперь отправным пунктом при развертывании планомерных исследований этого археологического памятника. Исходя из таких соображений, мы даем ниже как публикацию труда Дюбрюкса, так и дополняющее его описание городища, составленное нами до войны в том виде, в каком это уже было подготовлено к изданию. Однако, во второй части статьи мы приводим и главные результаты раскопок, которые, как отмечалось выше, успешно начаты на городище у дер. Ивановки Боспорской экспедицией в 1948 г.

[1] Эта часть рукописи использована Жилем в «Древностях Боспора Киммерийского», т. I, стр. X сл.

[2] Опубликовано в Трудах VI АС, т. II. В. Тизенгаузен. Записка Дюбрюкса «Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи», стр. 135—139.

[3] Обе последние части опубликованы в ЗОО, т. IV, но без планов, так как их не оказалось при рукописи, приобретенной Одесским обществом истории и древностей у сына Дюбрюкса; при подлинной рукописи Дюбрюкса (архив Эрмитажа) и при копии ее (архив ИИМК) находятся не только два плана городища Кермеш-келечик, но и детальный план городища, в котором Дюбрюкс видел развалины Порфмия.

[4] В публикуемом ниже переводе дюбрюксовского описания мы придерживаемся следующих обозначений: редакционные дополнения, сделанные нами в целях придания большей ясности описанию, заключены в прямые скобки [ ]. В тех случаях, когда оказалось целесообразным воспроизвести некоторые подробности, имеющиеся в тексте, изданном в ЗОО, но отсутствующие в рукописи Эрмитажного архива (а равным образом и в копии, хранящейся в архиве ИИМК), вставки такого рода заключены в скобках ‹›.

[5] [Так Дюбрюкс называет Чурубашское озеро].

«Северо-западная сторона горы [на которой расположена крепость] очень крута и в некоторых местах даже отвесна, тогда как противоположная сторона ложбины имеет пологий склон. На северо-западном склоне горы были две крепостные стены E и E_1, выше них проходила главная стена [этой стороны] крепости F, построенная на самой вершине. Средняя стена [E] была сложена из больших камней, без цемента или извести,

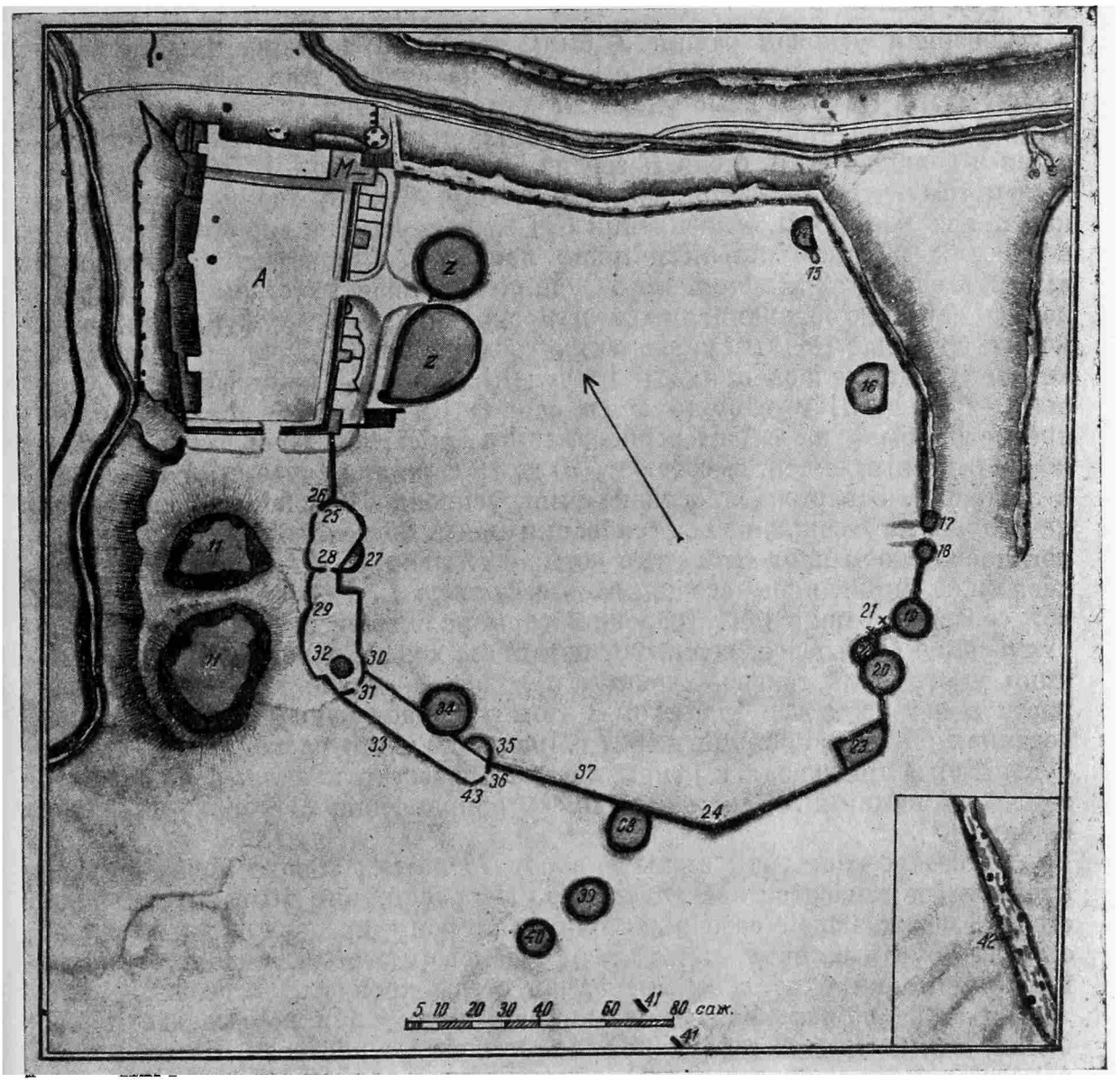

Рис. 1а. Общий план городища и прилегающей к нему местности. Съемка Дюбрюкса.

причем в некоторых местах в скале были сделаны вырубки для укладки камней стены, которая в своем направлении следовала почти всюду изгибам самой верхней стены [F]. Третья стена [E_1] была построена гораздо ниже, на краю совершенно отвесной скалы, высота которой над уровнем ручья достигает 3 саж. Эта стена соединялась с западной [угловой] башнею [крепости] посредством стены, которая спускалась [от западной башни] в северо-западном направлении, образуя при этом угол, обращенный [вершиною] к подошве горы. От нижней стены [E_1], шедшей почти по прямой линии, сохранились лишь в немногих местах тесаные камни,

попадающиеся еще кое-где на своих местах и указывающие лишь направление некогда существовавшей здесь крепостной стены.

«Впрочем, в северной части фундаменты ее сохранились полностью. Между двумя стенами [т. е. между нижней стеной E_1 и средней — E] была площадка G, вероятно служившая в качестве place d'arme ‹ибо на ней нигде не видно следов жилищ›. Нижняя стена [E_1] соединялась со среднею [E] посредством стены H, которая шла от передового укрепления I.

«Северная угловая башня J была прикрыта несколькими укреплениями I, построенными ‹в виде террас› на склоне горы, весьма крутом в этом месте. Наиболее выступающая часть постройки I упиралась в стену H, а эта последняя, вероятно, соединялась с укреплениями, построенными в ложбине [т. е. стена H соединялась со стеною D]. Я сказал вероятно потому, что имеется промежуток [между H и D], где не видно никаких признаков стены. Укрепления [D], выдвинутые на две стороны, были построены в самом широком месте ложбины. Стены этих укреплений имели только 2 арш. в толщину. Судя по направлению стены D и направлению частично сохранившихся в нескольких местах фундаментов *3*, можно думать, что эти укрепления соединялись с большой стеной K, которая поднималась прямо к [круглой] башне L, прикрывавшей угол стены [крепости] и восточную ее башню [M]. Северо-восточная стена крепости ‹была на самой вершине горы›, имеющей здесь очень крутой, почти отвесный склон, высотою от 10 до 12 саж. над ручьем, [проходящим в ложбине]. Эта стена посредине была усилена башнею N, построенной на склоне, на 2 саж. ниже от основания стены. Восточный угол был укреплен посредством продолговатого четырехугольника AA, стена которого, несколько округляясь, соединялась с башнею L. Несколько ниже угловой северной башни [J] у подошвы горы находится заполненное землею углубление O, бывшее, вероятно, потайным ходом, через который защитники укреплений, расположенных в ложбине, могли выходить из крепости и возвращаться туда же. В этом убеждает меня раскопка, произведенная внутри акрополя в 1827 г. [на плане место раскопки обозначено буквой *в*] и приведшая к открытию своеобразного канала, заполненного землею и камнями. Канал этот имеет направление в сторону северной башни [J].

«От северо-восточной стены до ворот *13* на юго-западе почва [внутри крепости] повышается незначительно. На расстоянии 10 саж. от первой стены [ограждавшей северо-восточную сторону крепости], параллельно ей шла другая стена p, которая, начинаясь от юго-восточной стены, шла по прямой линии до северо-западной стены крепости. Еще выше шла третья стена q, имеющая то же направление, что и первые две стены. Между этими тремя стенами нет никаких следов построек. Но все пространство внутри крепости от третьей стены [q] до ворот [*13*] завалено слоем камня глубиною 1 арш. и более. Это свидетельствует, что постройки или дома, которые там существовали, были весьма обширны и располагались друг возле друга. Я склонял владельца, имевшего поблизости известковую печь, использовать эти камни, не затрагивая, однако, частей стен, которые могли бы при этом открыться. Тогда можно было бы установить размеры и снять план построек, находившихся за укреплениями и представляющих большой интерес.[1]

[1] [В рукописи Дюбрюкса, опубликованной в 300, вместо абзаца, начинающегося словами «Это свидетельствует что постройки или дома...» и т. д., имеется другой текст, который считаем не лишним привести здесь. «Засуха последних двух лет до того открыла фундаменты этих жилищ, что можно было снять план всех улиц, которые все были прямы, но узки. Отправившись в эти места в сентябре месяце для проверки

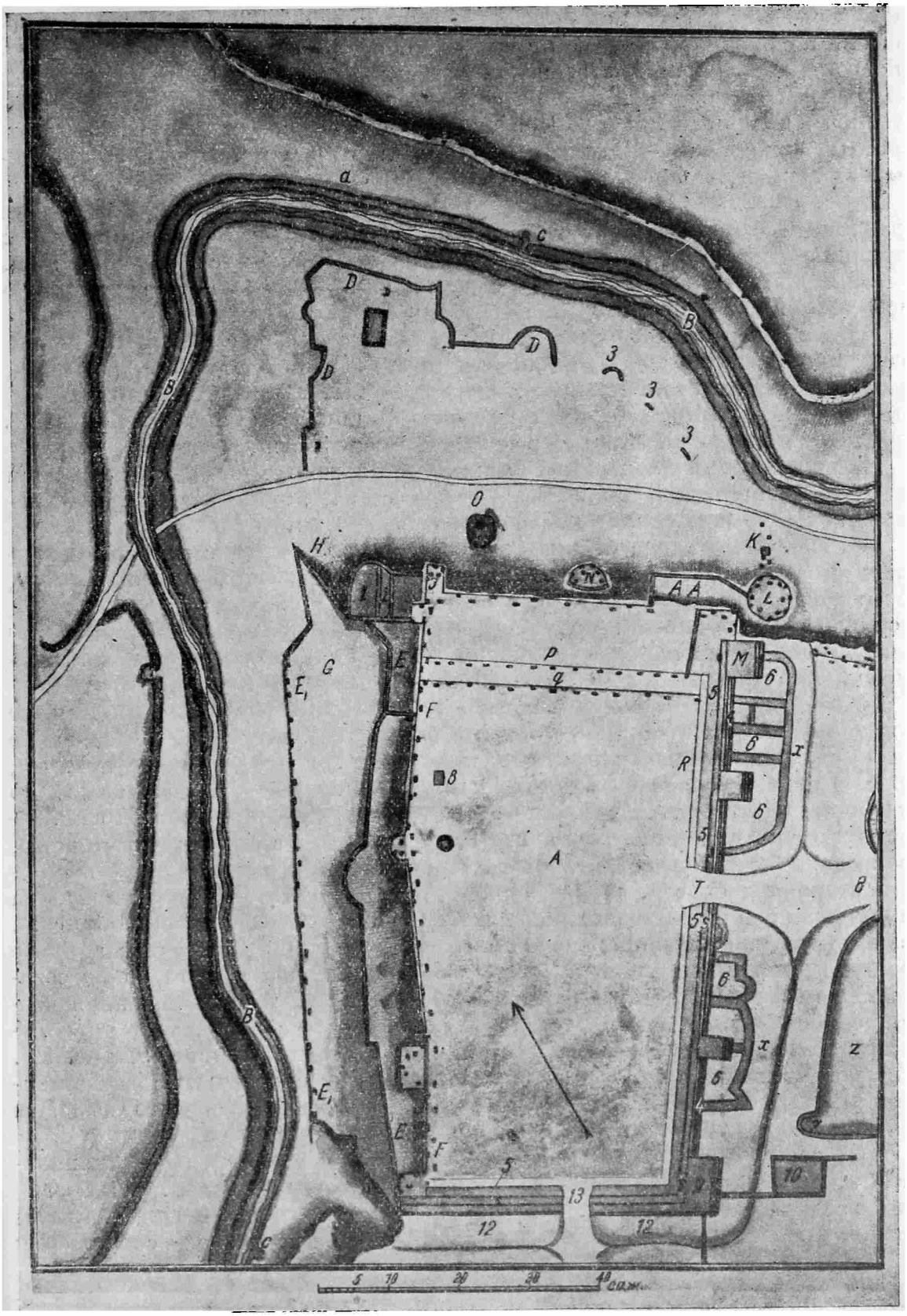

Рис. 1б. План городища. Съемка Дюбрюкса.

«Юго-восточная сторона крепости *R* сохранилась лучше всех прочих: основание стены, сделанное из крупных камней, сложено без цемента и извести в виде ступеней *4*, имеет в вышину еще 2—3 арш. На сохранившейся площадке *5*, имеющей в ширину более 3 саж., шла стена *S*, шириною в 4 арш. Стена построена на извести (en chaux). Во многих местах фундаменты этой стены вполне сохранились, и я их измерил в трех-четырех различных пунктах. Посредине юго-восточной стены [*S*] были ворота *T* шириною 3—4 саж. Справа и слева от ворот находились передовые укрепления *6*.

«Все фундаменты укреплений [*6*], расположенных во рву и имеющих различную форму, хорошо сохранились, и часть их я вычертил на плане; толщина стен, образующих эти укрепления, равняется почти 4 арш.

«Ширина рва *x* была от 2 до 3 саж. Укрепления [*6*], о которых я только что говорил, прерывались лишь против ворот [*T*].

«Впереди, в 8 саж. от рва, находились две большие башни *Z* Из них северная башня имела в плане совершенно круглую форму, а башня, расположенная к юго-западу от первой, — имела продолговатую форму, причем юго-западная сторона последней приближается к рву и здесь образует полукруг *7*, проход в который имеет 3 саж. в ширину.

«Между двумя большими башнями *Z* против ворот [*T*] находится проход *8* шириною 5 арш. ‹Была также стена, прикрывавшая этот проход, которую я открыл в последнюю мою поездку в эти места›.

«В южную угловую башню *9*, связанную с большой стеной *S*, упиралась стена, которая продолжалась до четырехугольного сооружения *10*, от которого шла другая стена, соединявшаяся, повидимому, с башней *Z* ‹служившей жилищем›, но тут ее фундаменты незаметны. Стены больших башен, примыкавших к южному углу акрополя и стены четырехугольного сооружения *10* имели толщину не более 2 арш.

«Юго-западная сторона крепости *A* была наиболее узкая и наименее укрепленная: одна прямая стена без башен, без выступов, ее основание было сложено так же, как и основание стены *S* с юго-восточной стороны, т. е. в виде ступеней из больших камней, без цемента. Площадка [*5*], по которой шла стена *S* шириною 4 арш. и ров *12* шириною около 2 саж., — вот и все укрепления юго-западной стороны, хотя в стене *S* с этой стороны, посредине были ворота *13* такой же ширины, как и ворота *T* с юго-восточной стороны крепости. Можно, однако, предполагать, что была укреплена и большая земляная возвышенность *11* (рис. 1а), имеющая свыше 30 саж. в ширину, т. е. в направлении с северо-запада на юго-восток и вдвое более в длину, лежащая на самом гребне горы, над ручьем, перед юго-западною башней, над которой она господствует. Эта укрепленная возвышенность, должно быть, соединялась стенами с основными укреплениями акрополя и со стенами, которые шли от южной башни [*9*, рис. 1*б*]. Но мои розыски следов предполагаемых стен [связанных с возвышенностью *11*], были тщетны. Повидимому, эти стены полностью выбраны на камень, а фундаменты их совершенно заплыли землею.

«От северо-восточной угловой башни *M* начинается и идет в направлении, приблизительно юго-восточном, линия отвесных скал, возвышающихся более чем на 1 саж. над весьма крутыми откосами холма. Скалы поворачивают затем несколько на восток и идут далее до сооружения

моего труда, я снял план нескольких улиц и зданий, образовавших перекрестки и лежавших недалеко от ворот. Все эти здания состоят из большой комнаты и нескольких малых. Странные формы некоторых зданий селения побудили меня нанести на план несколько из них». Описание это относится, несомненно, к территории крепости *A*. Но ни на одном из сохранившихся планов городища, составленных Дюбрюксом, нет никаких данных о следах жилищ внутри крепости *A*].

14, имеющего в плане форму полукруга диаметром 11 саж., к которому присоединена другая постройка *15* овальной формы, длиною 4 саж. Отсюда начинается небольшая балка, имеющая поперечное направление к ложбине, по которой протекает ручей. С этого же места линия скал образует изгиб и продолжается далее на юг до сооружения *16*, также почти полукруглого в плане и имеющего наибольший диаметр 14 саж. Здесь цепь скал поворачивает на юго-запад и идет далее вплоть до башни *17*, внутренний диаметр которой составляет 5 саж.

«На протяжении 236 саж. между северо-восточной башней [*M*] и башней *17*, хотя скала и сильно пострадала от времени, все же в ней еще заметны в некоторых местах вырубки, служившие основанием для некогда возвышавшейся тут стены, от которой кое-где сохранились остатки. Что касается остатков стен двух соружений [*Z*] и башен *14*, *15*, *16* и *17*, то они еще целы и даже выступают из земли. Стены перечисленных сооружений, а равным образом и тех, о которых я буду говорить ниже, имели толщину 2 арш.

«На расстоянии 4 саж. от башни *17* находилась другая башня *18* такого же диаметра, т. е. 5 саж. Так как в промежутке между этими башнями нет никаких следов стены и пространство это представляет нечто вроде дороги, можно предполагать, что здесь были ворота, тем более, что слегка повышающаяся балка заканчивается у первой из этих башен [т. е. *17*], построенной впереди линии скалы, на которой была возведена стена крепостной ограды. К башне *18* примыкает стена, которая на расстоянии $12^1/_2$ саж. от башни на юго-запад соединялась с двумя большими башнями *19* и *20*, имевшими в диаметре по 10 саж. Башни *19* и *20* соединены стеной, которая, вдаваясь внутрь, образовывала тупой угол *21*. Одна сторона этого угла ⁘ имела 4 саж., а другая его сторона ⁘ составляла 5 саж. Позади башни *20* видны фундаменты полукруглой в плане постройки *22*, диаметром 4 саж. От башни *20* стена продолжалась в направлении почти на юг, еще на 7 саж. и упиралась затем в сооружение *23*, обращенное округленной стороной наружу. С внутренней стороны сооружение *23* имело прямоугольную форму. Размеры стен, образующих прямоугольную часть постройки, следующие: стена, идущая с востока на запад, имела длину 16 саж., длина стены, идущей с севера на юг, равняется 8 саж. От юго-западного угла сооружения *23* — стена продолжалась на запад-юго-запад на протяжении 41 саж. и соединялась со стеною, шедшей от крепости [*A*], причем в точке соединения стен образовался тупой угол *24*.

«От угловой башни [*9*, рис. 1*б*] шла стена, которая, пересекая ров, продолжалась в юго-западном направлении на протяжении 20 саж. От пункта *25* начинались две другие стены: одна, несколько округляясь, направлялась к югу, другая, также округляясь, шла к западу. В этой последней сохранилось место ворот [porte] *26*, обращенных в сторону крепости [*A*]. Через 12 саж. стены изменяли свое направление: та, которая шла на юго-восток, поворачивала на запад и по прямой линии продолжалась далее в западном направлении на 12 саж. Позади нее к югу видны фундаменты полукруглой постройки *27*, внутренний диаметр которой составляет 8 саж. Стена, обращенная фасадом на северо-восток, т. е. в сторону ручья, представляла часть круга и так же, как стена противоположной стороны упиралась в соединявшую их поперечную стену, с устроенным посредине нее проходом [porte] *28*. Отсюда, несколько закругляясь, шла другая стена *29*, имеющая в длину 32 саж. В 10 саж. от места своего начала она образовывала небольшой входящий угол.

«Юго-восточная стена, начинавшаяся от угла полукруга *27*, проходила по прямому направлению к юго-западу на 6 саж., затем поворачивала под прямым углом к юго-востоку и в этом направлении шла также 6 саж.:

далее она принимала первоначальное направление, т. е. шла на юго-запад и, пройдя 19 саж., закруглялась [30] на протяжении 6 саж. Стена другой стороны [*29*], пройдя 32 саж., поворачивала на юго-восток и шла по прямой линии на 3 саж., затем поворачивала на юг и тянулась в указанном направлении по прямой еще на расстояние 5 саж. Затем обе большие стены снова соединялись посредством поперечной стены, немного закругленной к югу и имеющей в длину 9 саж. В поперечной стене были ворота или проход [*31*]. К северу от него, на расстоянии $1^1/_2$ саж., находится площадка *32*, совершенно круглая, высотою в 2 арш. и имеющая в диаметре $6^1/_2$ саж. без всяких следов каких-либо построек. [От поперечной стены, в которой мы отметили наличие прохода *31*] шла по прямой линии на юг, несколько отклоняясь к востоку, стена *33* длиною 49 саж.

«С другой стороны в том же направлении параллельно стене *33* шла стена длиною 20 саж., упиравшаяся в башню *34*, диаметр которой равняется 15 саж. Более четверти ее окружности находится между стенами. К югу от этой башни стена продолжалась в том же направлени еще на 2 саж., затем образовывала полукруг *35*, обращенный к востоку, диаметром 9 саж. Третья поперечная, несколько закругляющаяся к югу стена [*43*] в 7 саж. длиною, имея, как и предыдущая [поперечная стена], посредине ворота *36*, соединяла снова главные стены. Юго-западная стена [*33*] здесь и заканчивалась, по крайней мере в этом месте [*43*] прекращаются ее следы — и только в 100 саж. к югу они появляются снова [*41*]. Северо-восточная стена *37* продолжалась на восток-юго-восток по прямой линии на 70 саж. до тупого угла *24*, образуемого стеною *37* и стеною, которая шла [с другой стороны] от башни *M* акрополя. Не доходя до этого угла на 17 саж., выше расположено выступающее от стены вперед сооружение *38*, имеющее в плане форму $^3/_4$ круга.

«Со стеною *37* постройка *38* соединяется двумя своими концами. К западу от постройки *38*, на расстоянии 11 саж. от нее, видны фундаменты большой круглой башни *39*, имеющей 15 саж. в диаметре. Западнее башни *39*, приблизительно в 6 саж. от нее, была другая башня *40*, диаметр которой равняется 12 саж. На расстоянии около 200 саж. к югу от этих сооружений [1] расположен могильник. Могилы [*42*] высечены горизонтально в скалах, возвышающихся над уровнем почвы на 2 арш. и более; могилы, таким образом, представляют собою своего рода гроты, курганов тут нет совсем».[2]

В настоящее время в непосредственной близости от городища Кермеш-келечик, к северо-западу от него, находится деревня Ивановка (б. Джапар). Несмотря на такую близость населенного пункта и связанную с этим опасность эксплоатации развалин древнего поселения в качестве каменоломни, городище сохранилось очень хорошо.

Впервые мы посетили городище осенью 1933 г., когда нам совместно с Ю. Ю. Марти пришлось руководить работами по первому вымежевыва-

---

[1] [Т. е. от так называемых «башен» *38*, *39*, *40*].

[2] В рукописи Дюбрюкса описание городища заканчивается соображениями относительно возможности приурочить к данному месту укрепленную царскую резиденцию («зáмок») упоминаемую у Диодора (XX, 20—23) при описании борьбы между сыновьями Перисада I (см. SC, I, стр. 475). Домыслы Дюбрюкса по этому поводу мы опускаем, как решительно не представляющие значения и основанные на явном недоразумении. Описанные у Диодора военные действия происходили, что твердо установлено, на азиатской стороне Боспора в Прикубанье, а не в окрестностях Пантикапея, как это предполагали некоторые ученые первой половины XIX в. (см. В. В. Григорьев. Цари Боспора Киммерийского. СПб., 1851, стр 23). Диодор описывает не «замок боспорских царей», а резиденцию вождя одного из меотских племен—фатеев.

нию важнейших археологических памятников Керченского полуострова, в число которых было включено тогда и городище около деревни Ивановки.[1]

Более обстоятельно мы смогли обследовать городище в 1936 и в последующие годы, когда при проведении раскопок Тиритаки из Камыш-буруна регулярно устраивались разведочные маршруты на городище у дер. Ивановки. Имея в своем распоряжении планы Дюбрюкса и его же комментарии к ним, мы произвели проверку, сличая их с сохранившимися реальными следами древнего поселения. Проделанная таким путем работа привела к заключению, что Дюбрюкс выполнил фиксацию городища очень тщательно. И если некоторые детали у него отображены не совсем точно, то в общем планы Дюбрюкса воспроизводят несомненно то, что он видел в натуре, хотя далеко не все еще удалось правильно

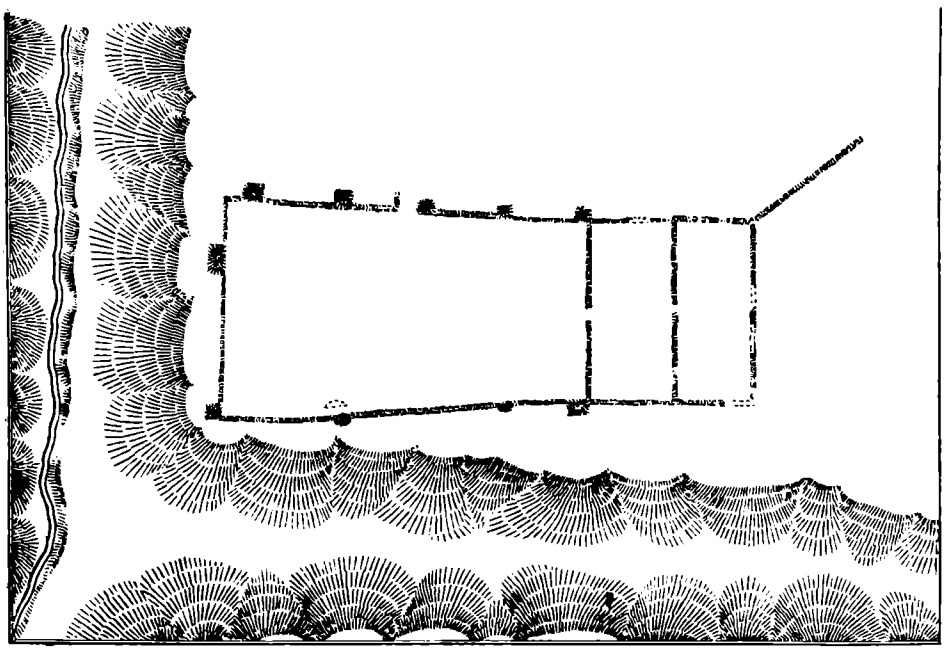

Рис. 2. План городища по Бларамбергу.

осмыслить и объяснить в приложенном к планам описании городища.

Вместе с тем стало ясно, что план этого же городища, изданный при статье Бларамберга (упоминавшейся выше) и бывший до сего времени единственным графическим воспроизведением, по которому исследователи могли судить о конфигурации городища у дер. Ивановки, представляет собою грубую и к тому же в высшей степени неточную схему (рис. 2).

Городище занимает угловую часть возвышенности, ограниченной с северо-востока и северо-запада крутыми склонами. Северо-восточной стороной городище обращено к узкой балке, которая тянется на юго-восток к Чурубашскому озеру. В том месте, где расположены развалины древнего поселения, балка, расширяясь, огибает северный угол возвы-

[1] В результате произведенного в 1933 г. вымежевывания, городище у дер. Ивановки было включено в список главнейших археологических памятников на территории РСФСР всесоюзного и республиканского значения. См.: П. А. Сухов. Археологические памятники, их учет и первичное изучение. М.—Л., 1941, стр. 120, № 85: «Городище к западу от Чурубашского озера — остатки боспорского греко-скифского города Илурата. В 16 км к ЮЗ от Керчи, около дер. Ивановки (б. Джанар)».

шенности, занимаемой городищем, и, резко изменяя свое направление, идет дальше на юго-запад. По дну балки проходит русло небольшого ручья, который в период дождей наполняется водой, летом же почти совсем пересыхает. Тогда лишь местами в ручье удерживается вода, благодаря выходящим наружу родникам, которые отмечены на плане Дюбрюкса. На месте одного из таких родников устроен большой колодец, снабжающий водой близлежащую деревню. Соответственно направлению балки, ручей проходит у подножия возвышенности сначала вдоль северо-западной стороны, затем вдоль северо-восточной, уходя далее к Чурубашскому озеру. Не подлежит сомнению, что выбор места для устройства на указанной возвышенности укрепленного поселения был продиктован прежде всего удобством организации его фортификационной системы, облегчавшейся благоприятными условиями естественного рельефа. Крутые склоны, ограничивающие с двух сторон территорию поселения, были успешно использованы в древности как фактор, значительно усиливающий обороноспособность искусственных укреплений поселения. Вряд ли был прав Дюбрюкс, предполагая, что на месте ручья в древности по балке протекала река. Присутствие в расширяющейся части балки остатков каменных стен, отмеченных на плане Дюбрюкса (*D* и *3*) и являющихся, повидимому, остатками северо-восточной передовой оборонительной стены (протейхизмы), которая должна была не допускать противника к склону возвышенности, показывает, что русло ручья, если он существовал в древности, отнюдь не было заметно больше, шире, чем теперь.

Современное состояние городища рисуется в следующем виде. С северо-восточной стороны городища, в ложбине, в настоящее время совершенно не сохранилось наружных признаков стен, обозначенных на плане Дюбрюкса цифрой *3* и буквой *D*, но зато очень хорошо заметно место, отмеченное у Дюбрюкса буквой *O* и истолкованное им как начало подземного хода. Действительно, у подошвы горы близ угловой ее части находится в земле большая круглая впадина глуб. 1.50 м, заполненная мелким бутом. Местные жители рассказывают (со слов старожилов), будто некогда в эту яму провалился крестьянин с конем, после чего ее засыпали.

Наверху холма при прохождении вдоль северо-западного края плато (по линии *F*) бросается в глаза обилие камней, преимущественно в виде мелкого бута, которым усеян частично и склон. Очевидно, эти камни появились здесь в результате разрушения оборонительной стены *F*. Местами на поверхности отчетливо выступает кладка этой стены шириною 1.60—1.70 м. Линия верхней стены *F* на плане Дюбрюкса образует в одном месте четко выраженный излом, вызванный изменением направления стены. Показанный здесь на плане полукруглый выступ представляет остатки полукруглой башни. В натуре указанный выступ хорошо заметен, хотя от кладки сохранились лишь единичные камни. От следующей, четырехугольной башни, указанной на плане Дюбрюкса, следов не заметно. Но угловая прямоугольная башня, где согласно съемке Дюбрюкса верхняя стена *F* смыкалась со средней стеной *E*, отчетливо выступает в виде одного ряда кладки из массивных камней, образующих лицевую прямую стену башни. От угловой башни крепостная стена под прямым углом поворачивает на юго-восток.

Прежде чем перейти к описанию юго-западной части городища, продолжим рассмотрение северо-западного склона холма.

Следов средней стены *E* теперь уже не видно. Что касается нижней стены E_1, то только в части *H* прослеживается ряд отдельных крупных камней, подтверждающих существование здесь протейхизмы, защищав-

шей подступы к склонам холма. Проверить насколько Дюбрюкс верно зафиксировал данную линию укреплений в целом, теперь невозможно. Столь же неопределенны остатки кладок северного угла крепости, где Дюбрюкс представил на плане довольно сложный комплекс стен, так называемых «передовых укреплений» *J*. Несколько уцелевших крупных камней позволяют лишь предполагать, что тут была стена или башня полукруглого очертания в плане.

Внушительно выглядит юго-западная сторона крепости. Здесь прекрасно сохранился широкий ров *12* и высокий вал, образовавшийся на месте развалин стены, которая обозначена на плане Дюбрюкса буквой *S*. Одернованная поверхность вала обильно усеяна камнями. Кое-где на внешнем (обращенном на юго-запад) откосе вала выступают массивные камни, принадлежащие, очевидно, наружному поясу стены, подобно

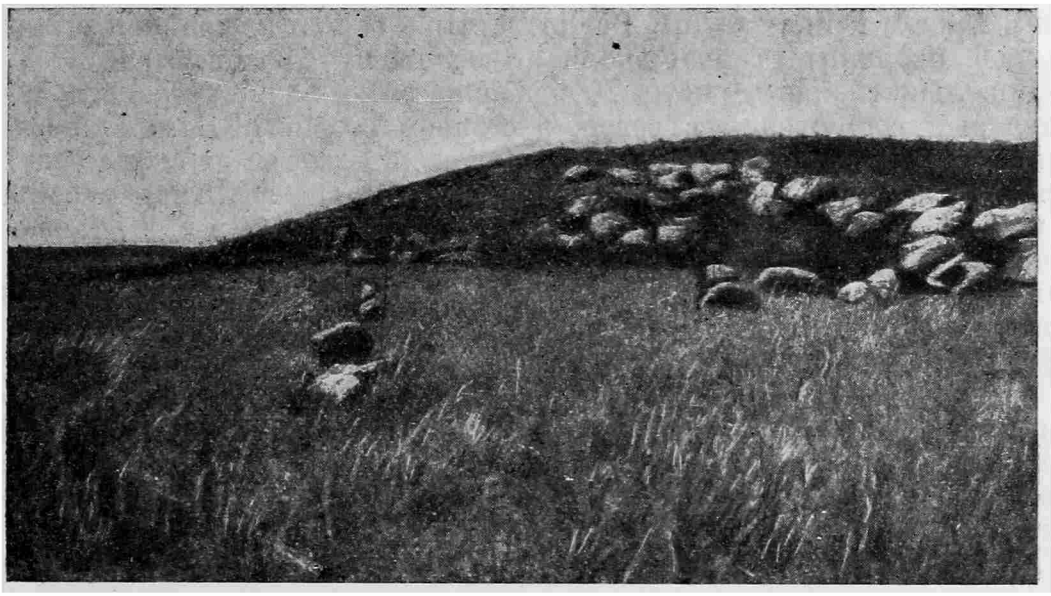

Рис. 3. Развалины южной угловой башни. Вид с востока (снимок 1933 г.).

юго-восточной стороне крепости, где внешний панцырь крепостной стены (на плане Дюбрюкса *4*) местами виден снаружи. Линия юго-западной стены прерывается именно там, где на плане Дюбрюкса поставлена цифра *13*. Повидимому, здесь были ворота. Дюбрюкс верно подметил, что неподалеку от юго-западной стены крепости расположен холм *11*, занимавший по отношению к последней господствующее положение. Но на самом холме нет никаких признаков построек, на что тоже указывает Дюбрюкс.

На месте южной угловой башни *9* выступает большая насыпь, под которой находятся развалины башни (рис. 3). Дюбрюкс тут зафиксировал следы самой большой прямоугольной башни. Выступающие и сейчас крупные облицовочные блоки подтверждают, что башня была в плане прямоугольной.

По степени сохранности юго-восточная линия крепости может быть поставлена едва ли не на первое место. Принцип построения обороны тот же, что и юго-западной стороны. От южной угловой башни в северо-восточном направлении проходила мощная крепостная стена, прерывающаяся в пункте *T*, где находились вторые ворота. К северо-востоку от ворот сверху валообразной насыпи, образовавшейся на месте разрушен-

ных крепостных стен кое-где ясно выступают камни кладки стены *S*, что позволяет выяснить ширину последней, равную 2.30 — 2.40 м. Дюбрюкс указывает, что кладка стены *S* выполнена на извести, но последнее его наблюдение не подтверждается и является явно ошибочным.

К стене *S* примыкает с внешней стороны кладка из очень больших неотесанных камней (на плане Дюбрюкса *4*). В некоторых местах указанная наружная кладка сохранилась в высоту до 3 м (рис. 4).

Когда приближаешься теперь к дер. Ивановке со стороны дер. Чурубаш (дорога проходит по другую сторону балки, в которой на плане Дюбрюкса отмечен ручей *B*) и уже издали показывается расположенное на возвышенности городище, то прежде всего становится заметной линия выступающей наружу кладки *4*, представлявшей собою в древности внешнюю сторону юго-восточной крепостной ограды.

На плане Дюбрюкса юго-восточная крепостная стена имеет четыре прямоугольные башни, из которых две *M* и *9*, расположены на восточном и южном концах стены. Все эти четыре башни (о крайней угловой *9* мы уже говорили) и сейчас вполне отчетливо прослеживаются.

Довольно сложным рисует Дюбрюкс на своем плане устройство оборонительных сооружений с северо-восточной стороны. Помимо передней стены, проходящей по краю плато, Дюбрюкс показывает следы еще двух стен (*p* и *q*), которые находятся на довольно значительном расстоянии от первой стены. Теперь никаких признаков указанных стен, также как башен *N* и *L*, не заметно. Северо-восточный край плато городища в настоящее время на значительном своем протяжении представляет обнаженную скалу без строительных остатков. Что касается стен *p* и *q*, то их местоположение внутри поселения на некотором расстоянии от переднего края плато, где, вероятно, действительно проходила оборонительная стена, заставляет усомниться в правильности этих наблюдений Дюбрюкса. Не принял ли он следы стен внутригородских сооружений, обрамлявших поперечную улицу, за признаки оборонительных сооружений *p* и *q* ? Ответ на этот вопрос могут дать только раскопки.

Перед юго-восточной оборонительной стеной на всем ее протяжении Дюбрюксом показаны остатки так называемых «передовых укреплений» (*6*). Эти пристройки, как бы прикрывают собой внешнюю сторону оборонительной стены. В настоящее время сохранность указанных сооружений очень плохая и воспроизвести их на плане по уцелевшим внешним признакам с такой определенностью, как это сделал Дюбрюкс, совершенно невозможно. Очевидно, что 120 лет назад сохранность пристроек к юго-восточной оборонительной стене, именуемых Дюбрюксом «передовыми укреплениями», была гораздо лучше, что и позволило представить их на плане с должной отчетливостью. При обследовании городища в 1939 г. мы смогли проверить следующую деталь дюбрюксовского плана. Рядом с воротами *T* с юго-западной стороны на плане изображен примыкающий к оборонительной стене полукруг, входящий в комплекс внешних пристроек. Полукруг этот сохранился сравнительно неплохо,[1] во всяком случае, значительно лучше остальных подобных же пристроек к оборонительной стене. Кладка полукруга, выступающая одним своим рядом на поверхности, состоит из грубо обколотых камней мшанкового известняка, поставленных на ребро с внешней и внутренней стороны в качестве своего рода облицовки; внутреннее же пространство, т. е.

[1] Выступающая наружу часть кладки внешнего пояса юго-восточной оборонительной стены и остатки пристроек пострадали в 1939—1940 гг., когда одной строительной дорожной организацией была предпринята попытка организовать заготовку камня на месте древнего городища. К счастью, эта попытка была кратковременной, работы были быстро приостановлены.

промежуток между облицовочными кладками, заполнен бутом. Ширина кладки, включая оба облицовочных ряда камней, 1.25 м. Наибольшая длина ограждаемого полукругом пространства составляет 12 м. На плане Дюбрюкса размеры полукруга немного меньше, но форма его показана верно. Это позволяет думать, что и на остальном пространстве вдоль юго-восточной линии стены Дюбрюкс воспроизвел «передовые укрепления» довольно правильно.

По мысли Дюбрюкса, пристройки к юго-восточной стене входили в общую фортификационную систему и были возведены, вероятно, в расчете на то, чтобы затруднить подступы к крепостной стене, осложнить маневрирование наступающего врага, штурмующего крепость.

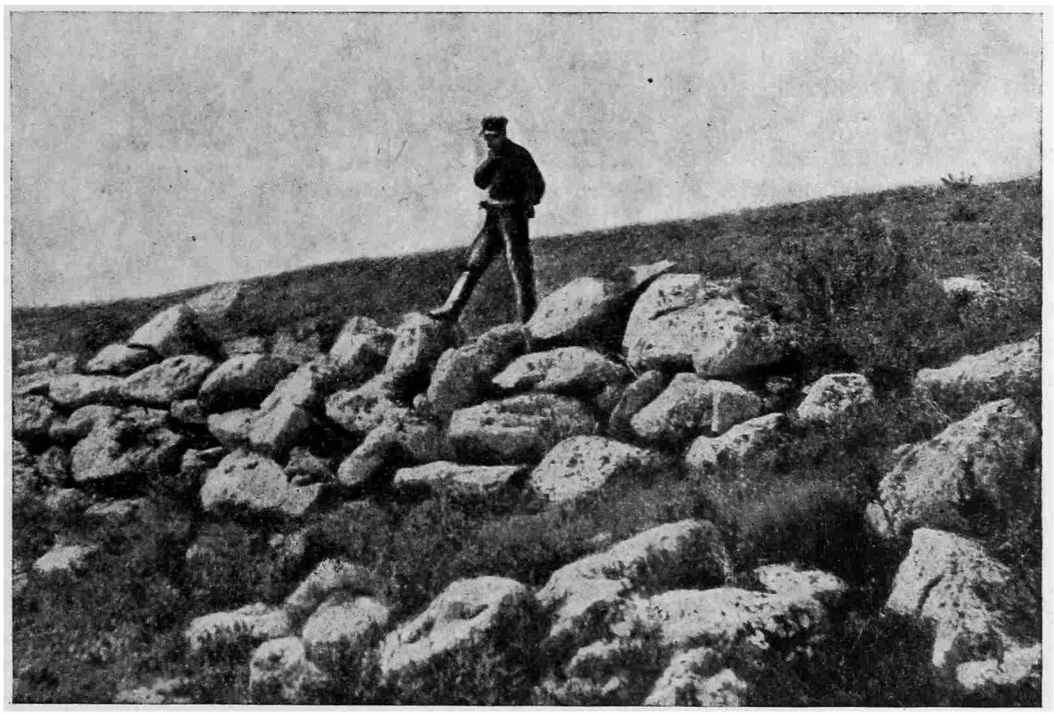

Рис. 4. Облицовочная кладка наружного пояса юго-восточной оборонительной стены. Вид с северо-востока (снимок 1939 г.).

Нельзя сказать, что приведенное толкование достаточно обосновано. Пристройки к оборонительной стене по своему характеру (кладки, небрежно сложенные из бутовых камней) очень близки к тем каменным «кругам», которые видны на поверхности почвенного покрова в прилегающей с юго-востока местности. Эти выложенные по окружности грубые кладки относятся к позднему времени, когда поселение (*А* — на плане Дюбрюкса) уже прекратило свое существование (подробнее об этом см. ниже). Указанный вывод придется, очевидно, распространить и на пристройки к оборонительной стене, а тем самым лишается своего основания и гипотеза Дюбрюкса о «передовых укреплениях».

От южной угловой башни *9* в полном соответствии с планом Дюбрюкса выступает на юго-запад расположенный по прямой линии ряд грубых камней. Они представляют начало того примитивного ограждения, которым было обнесено обширное пространство к югу и юго-востоку от крепости *А*. Описанию этой ограды уделено много места у Дюбрюкса. В настоящее время уцелели незначительные ее следы, но и по ним видно, что Дюбрюкс при съемке плана строго придерживался натуры.

Вдоль края балки (к юго-востоку от башни *M*) уже во времена Дюбрюкса были только разрозненные камни, по которым он мог лишь предполагать существование каменного ограждения. Ныне и этих отдельных камней тут нет, видна лишь обнаженная поверхность скалы.

Дюбрюкс, видимо, предполагал оборонительное назначение ограды, охватывающей значительную территорию около крепости *A*. Поэтому Дюбрюкс называет башнями (tours) каменные круги (*17*, *18*, *19*, *21*, *34*, *38*), встречающиеся по линии прохождения внешней ограды. Такого рода круги находятся не только там, где Дюбрюкс показывает на плане ограду, но и внутри огражденной территории (например, круг *16*), а равным образом и вне ее (круги *39—40*). Особенно большим диаметром отличаются расположенные на возвышенной части против ворот *T* два каменных круга, отмеченных на плане Дюбрюкса буквой *Z*. От южного круга (имеющего на плане вытянутую форму) теперь на поверхности почвы видно мало камней, но от второго круга *Z*, более правильной формы, кладка (из грубых бутовых камней) выделяется хорошо, особенно в части, обращенной в сторону крепости. Далеко не все круги, имеющиеся на территории к югу и юго-востоку от крепости *A*, Дюбрюкс нанес на план; их в действительности гораздо больше, причем диаметр кругов самых разнообразных размеров: от 2—3 до 30 и более метров.

Что же представляют собою эти круги, остатками чего они являются? Дюбрюкс был не прав, называя «башнями» каменные круги, включенные в ограду к югу и юго-востоку от крепости *A*. Они отнюдь не производят впечатления развалин каких-либо монументальных сооружений, могущих играть военно-оборонительную роль.

Круги и та своеобразная ограда, которая охватывала обширную территорию вне крепости *A*, где расположены круги, построены очень грубо из необработанных, не имеющих правильной формы разнородных камней. Ясно, что это не кладка правильных стен, а лишь небрежно сделанные из подручного строительного материала примитивного типа ограждения. Некоторые из кругов, т. е. пространства, огражденные вышеуказанного типа кладкой, имеют форму, близкую к кругу, но есть и такие, которые по своей форме приближаются к полукругу, овалу и даже четырехугольнику.

В 1940 г. Боспорской экспедицией были сделаны разведочные раскопки на двух таких кругах небольшого диаметра. На пространстве, огражденном грубыми, довольно крупными камнями, расположенными по более или менее правильной окружности, был обнаружен культурный слой, состоявший преимущественно из зольных отложений, костей животных и обломков керамики позднеримского времени; наряду с этим в культурном слое оказался кусок каменного жернова. Некоторые из встреченных на уровне камней круга обломков, принадлежащих крупным сосудам, украшенных поясками гребенчатого рифления, относятся к ранне-средневековому времени. Вместе с тем выяснилось, что камни, образующие кругообразное ограждение, сами лежат на культурном слое, состоящем главным образом из золы и содержащем вещевой материал в виде обломков керамики III в. н. э.

Разведка 1940 г. показала, что разбросанные на обширном пространстве около городища «круги» относятся к позднему времени, не раньше III—IV вв. н. э., а скорее еще позже. Возникавшая мысль, что, может быть, это ограждения («кромлехи»), построенные вокруг могил, не нашла подтверждения. Никаких признаков погребений внутри кругов обнаружено не было. Скорее всего, что круги, находящиеся по соседству с городищем античной эпохи, представляют собою остатки какого-то значительно более позднего кочевнического стойбища.

Производившийся в период с 1936 по 1940 г. (во время разведочных обследований) сбор подъемного материала на городище дал следующие результаты. В подавляющем большинстве там оказалась керамика римского времени: редкие обломки краснолаковой посуды, многочисленные обломки узкогорлых амфор с реберчатыми ручками, а также обломки объемистых амфор с толстыми круглыми в сечении ручками боспорского производства, и др. По времени указанный материал охватывает период с I по III в. н. э.

Наряду с этим обнаружены отдельные, единичные в общей массе находок, фрагменты эллинистической керамики: несколько мелких фрагментов сосудов, покрытых тусклым черным лаком, обломки амфор.[1]

Наиболее ранние следы жизни человека в данной местности, однако, восходят к значительно более далекой древности, как об этом свидетельствует, например, находка 1939 г. к северо-западу от городища, по другую сторону ручья *B*, осколков кремня и нескольких кремневых поделок, которые, по определению С. Н. Бибикова, относятся к эпохе бронзы.

На расстоянии приблизительно $^3/_4$ км от угловой башни *9* городища, к югу от нее, расположен некрополь, о котором ряд сведений сообщает в своем труде Дюбрюкс. Руководствуясь указаниями последнего, мы без затруднений отыскали в 1939 г. место этого могильника, состоящего из катакомб, вырубленных в скале. Несколько катакомб, раскопанных в давнее время, оказались открытыми, но внутри они полузасыпаны землей. Их используют иногда пастухи в качестве укрытия во время непогоды.

По словам Дюбрюкса, «на дне этих гробниц находятся только человеческие остовы и простая глиняная посуда грубой работы».

Следует отметить, что в районе катакомбного могильника на поверхности почвы также виден круг, сложенный из бутовых известняковых камней. Могилы, отмеченные на наружной поверхности кольцеобразным ограждением из камней (кромлехом), известны на Керченском полуострове в районах, где, несмотря на эллинизацию, особенно сильны проявления культуры местной, варварской. Так, например, могилы, окаймленные каменными кругами, известны в районе Опука (древний Киммерик).[2] В 1929 г. при обследовании Такильского мыса экспедицией Керченского археологического музея были также обнаружены могилы, заключенные внутри круга из камней.

Возможно, однако, что появление в данном случае каменного круга над катакомбами не связано с последними, а вызвано теми же причинами, по которым возникло значительное число каменных ограждений на территории, непосредственно прилегающей к городищу с юго-востока, о чем уже говорилось выше.

Массовый некрополь, принадлежащий данному городищу, расположен к северо-западу от него, непосредственно на месте дер. Ивановки. При различных земляных работах крестьяне деревни неоднократно обнаруживали древние могилы. Судя по рассказам, эти могилы или простые грунтовые, или облицованы внутри и перекрыты каменными плитами. Оба типа могил хорошо известны в боспорских городских некрополях и являются самыми обычными.

---

[1] Подъемный материал был собран преимущественно на территории крепости *A* и в осыпях у подошвы холма с северо-западной стороны городища.

[2] Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства к югу от Керчи — Киммерик, Китэй, Акра. Керчь, 1928, отд. отт., стр. 11, рис. 11.

Летом 1947 г. один из отрядов Боспорской экспедиции (отряд состоял из группы студентов Педагог. института им. А. И. Герцена и возглавлялся М. М. Кублановым) провел разведочные работы (с пробными раскопками) на городище, на прилегающей с юго-востока территории с «кругами», а также на южном некрополе.[1]

В течение августа—сентября 1948 г. на городище у дер. Ивановки были произведены первые большие раскопки. Они велись в трех местах: на территории городища — участки I (юго-восточный) и III (северо-западный), а также вне городища, с юго-восточной стороны от него, в том прилегающем к оборонительным стенам районе, где находятся каменные «круги» (участок II).[2]

Раскопки показали, что не только оборонительные сооружения, но и остатки внутренних городских кварталов сохранились наредкость хорошо. Сообщение Дюбрюкса о том, что ему представлялось возможным снять план улиц и домов и тем самым выяснить общую систему планировки города, заслуживает полного доверия. Стены городских построек в большинстве случаев выходят на дневную поверхность городища, будучи прикрыты только дерновым слоем почвы. Нередко каменные кладки зданий настолько явственно заметны, что вполне прослеживается их направление, а в ряде мест представляется возможным и сейчас выяснить очертания отдельных построек, скрытых под культурными наслоениями. Наибольшая глубина последних 3.20 м установлена возле оборонительной стены, на участке I. По мере удаления от оборонительной стены к срединной полосе городища глубина культурных напластований уменьшается до 1.60—1.20 м. Наиболее уцелели внутри городские здания, расположенные вдоль оборонительных стен и пристроенные к последним своими стенами впритык. Однако раскопки их представляют немалые трудности в виду того, что они находятся под огромным завалом строительного камня, образовавшимся в результате разрушения и обвала верхних частей оборонительной стены.

Выводы о времени существования настоящего поселения, к которым приводило раньше изучение подъемного материала, полностью подтверждены раскопками. На всей расследованной территории обнаружен весьма насыщенный вещевым материалом культурный слой I—III вв. н. э. с подавляющим преобладанием в нем отложений II—III вв. н. э., как можно об этом судить по наиболее точно поддающейся хронологическому определению краснолаковой керамике, представленной довольно значительным количеством фрагментов; вещей I в. н. э. немного; характерные для IV в. н. э. типы краснолаковой керамики, столь хорошо известные по обильным находкам в Тиритаке, вовсе не встречены. Единственная монета, найденная на участке I, принадлежит времени Рискупорида I (211—227 гг. н. э.).

---

[1] Кратко об этих работах нами уже сообщалось: КСИИМК, XXVII, стр. 45, более подробно см.: М. М. Кублановв. Итоги археологических изысканий в районе дер. Ивановки (Керченский полуостров) в 1947 г. Предварительный отчет. Ученые записки Педаг. инст. им А. И. Герцена, т. 68, стр. 27—54.

[2] В 1948 г. Боспорская экспедиция ЛОИИМК АН СССР, организованная совместно с Ленинградским Гос. университетом и Керченским археологическим музеем, имела возможность провести достаточно широкие исследования городища у дер. Ивановки благодаря содействию, оказанному ей Крымской научно-исследовательской базой АН СССР, которая, учитывая важное научное значение указанных работ, значительно усилила средства экспедиции. В отряде экспедиции, производившем в 1948 г. раскопки на городище у дер. Ивановки, работали студенты Исторического факультета Ленингр. Гос. университета им. А. А. Жданова — Э. Д. Рабинович, Н. З. Питкина, В. И. Овсянникова, К. Н. Никитина, Г. А. Уханова, Л. Т. Коновалов, А. Д. Грач, Н. Л. Журавлева и студент Академии Художеств СССР Ю. К. Бойтман. Отряд располагал бригадой землекопов в 18 человек.

порида V и относится к 40-м годам III в. н. э.[1] Все говорит о том, что время наиболее интенсивной жизни поселения падает на II—III вв. н. э., причем, подобно городу Мирмекию, жизнь здесь, повидимому, стала замирать уже к началу IV в. Во время раскопок, как и при разведочных обследованиях, более ранние культурные остатки, предшествующие I в. н. э., представляют собою случайное явление, признаков доримского культурного слоя нигде не обнаружено. Лишь в виде редких вкраплений, в слое II—III вв. найдено (на участке I) несколько разрозненных обломков керамики классического времени (обломок чернолакового скифоса IV в. до н. э., обломок боспорской черепицы с клеймом Астидама).[2] Более того, в слое II—III вв. н. э. были обнаружены (на участке III) два обломка шлифованных секир периода поздней бронзы. Это заставляет вспомнить случайные находки (в 1939 г.) кремневых поделок, принадлежащих тому же времени.

Таким образом, кажется вероятным, что на месте исследуемого городища существовало селище уже в киммерийский период. Жили здесь и позже в спартокидовское время. Так позволительно думать на основании тех единичных находок, о которых мы уже говорили, хотя конкретных форм жизни здесь в доримское время еще никак нельзя уловить, ввиду крайней малочисленности фактических данных. Но когда речь идет об остатках поселения в том виде, в каком оно представлено существующим ныне городищем, с развалинами могучих укреплений и комплексом городских строений, занимающих всю внутреннюю территорию поселения, то надо признать, что в целом это памятник истории культуры Боспорского царства первых веков н. э. Значение его особенно велико потому, что в нем, как это будет видно из дальнейшего, очень ярко отразились характерные черты своеобразного культурного уклада Боспора в первые века н. э., когда местные элементы в нем стали бесспорно доминирующими.

Оба раскопанных в 1948 г. участка городища дают возможность выяснить устройство главных оборонительных сооружений, которые придают небольшому по занимаемой территории поселению (общая площадь его составляет около 2 га) характер очень сильной крепости. Раскопками участка *I* (рис. 5) расследована восточная угловая башня *I* (на плане Дюбрюкса она обозначена литерой *M*) и идущий от нее в юго-западном направлении отрезок оборонительной стены на протяжении около 24 м. Одновременно подвергнута исследованию прилегающая к указанному отрезку оборонительной стены часть городского квартала общей площадью в 580 кв. м.

В соответствии с наблюдениями Дюбрюкса установлено, что оборонительная стена, прикрывавшая город с юго-востока, состоит из двух последовательно построенных и прилегающих вплотную одна к другой стен. Первая стена (*I*), более ранняя, полностью открыта по фасаду, обращенному к городу, на протяжении 32 м, ширина стены 2.30—2.40 м, наибольшая сохранившаяся высота 3 м (рис. 6). Это та стена, которая на плане Дюбрюкса помечена литерой *S*. На своем восточном конце она заканчиваеся прямоугольной башней *I* — это одна из четырех башен, бывших с юго-восточной стороны крепости. Башня *I* первоначально выступала от внешнего фасада стены на 4.20 м и имела по лицевой стороне в длину 7 м. Но первой стены оказалось недостаточно. Поэтому спустя

[1] Монета определена Н. П. Розановой; на лицевой стороне монеты — голова царя, на оборотной — фигура сидящей на троне Афродиты Урании. Ср.: Подшивалов. Каталог монет нумизматического кабинета Моск. публ. библ. и Румянцевского музея, I. М., 1884. стр. 44, № 292.

[2] Ср.: ИГАИМК, вып. 104, стр. 301, № 11.

некоторое время юго-восточная линия укреплений подверглась основательной перестройке. К внешней стороне стены *I* была пристроена впритык новая стена *II* (по Дюбрюксу *5*) шириною 4 м.[1] Тогда же переделаны были и башни. Восточную башню *I* (по Дюбрюксу *M*) заключили с трех сторон в своего рода каменный панцырь, который значительно увеличил размеры башни. Более поздняя стена и выступает теперь наружу (с юго-восточной стороны), так как облицовка ее внешнего фасада в нескольких местах совершенно обнажена.

Первая стена (*I*) построена тщательнее, чем вторая (*II*), более поздняя. Хотя в качестве облицовочного материала стены *I* применен разнородный рваный камень, но преобладают постелистые плиты, подтесанные с лицевой стороны.

Иной характер имеет внешняя сторона стены *II* и наружный панцырь башни *I*, построенной одновременно со стеной *II*. Их облицовочная кладка состоит, главным образом, из огромных грубо околотых кусков известняка. Вес некоторых отдельных камней составляет тонну и более. Кладка эта вполне может быть названа циклопической. Заготовка и доставка такого строительного материала на место возводившейся стены, подъем камней на требуемую высоту кладки — все это, несомненно, требовало затраты большой силы. Тут же отметим, что способ усиления городских оборонительных стен посредством пристройки к внешней их стороне дополнительного пояса известен по раскопкам боспорского города Китея в 1928 г. Там к первоначальной стене эллинистического времени, шириною 2.5 м, во II—III вв. н. э. была также снаружи пристроена вторая стена, шириною 3 м. Любопытно, что и характер строительства более поздней стены Китея, тип кладки, очень близок юго-восточной наружной стене городища у дер. Ивановки.

Раскопка северо-западной оборонительной стены (участок III), обозначенной на плане Дюбрюкса литерой *F*, привела к раскрытию остатков этой стены на протяжении 22 м. При этом был раскопан и прилегающий к стене небольшой участок города в 180 кв. м (рис. 7).

Оборонительная стена (*I*) здесь слабее, ее ширина составляет всего лишь 1.85 м., а там, где она была утолщена дополнительным поясом *II* (пристройка сделана со стороны города), ширина двойной стены достигает до 4.25 м. Как очень интересную деталь устройства внутреннего выступа *II* отметим сохранившуюся в нем каменную лестницу (уцелело 6 ступеней), ведшую на верх стены.

Северо-западная оборонительная стена не так монументальна, как юго-восточная, она не только тоньше, но в кладке ее преобладает более мелкий камень. Очевидно, наличие крутого склона, затруднявшего нападение на крепость с северо-западной стороны, позволяло ограничиться здесь менее мощными стенами, чем на противоположной юго-восточной стороне, где при отсутствии естественных преград противник легче мог подвести

[1] Дюбрюкс правильно заметил наличие двух примыкающих один к другому поясов стен с юго-восточной стороны, что и отражено у него на плане городища. Однако, поскольку его исследования были основаны лишь на внешнем осмотре развалин, неизбежны были и некоторые ошибочные заключения. Дюбрюксу казалось, что юго-восточная сторона была ограждена одной стеной *S* (на нашем плане стена *I*). Что касается переднего пояса (по Дюбрюксу — *4*, у нас стена *II*), то он представлялся Дюбрюксу лишь основанием стены *S*. Разрушенное состояние передней стены создавало впечатление уступчатой кладки, поэтому Дюбрюкс и писал: «основание стены, сделанное из крупных камней, сложено без цемента и извести в виде ступеней». Последнее объясняется тем, что при разрушении переднего пояса стены особенно значительно была разобрана и изъята внутренняя кладка, состоявшая из более мелких камней («забутовка»). Вследствие этого уцелевшие массивные глыбы известняка, образующие наружную облицовку, стали смещаться, оседая назад. В результате в ряде мест образовалась наклонная и как бы уступчатая кладка стены.

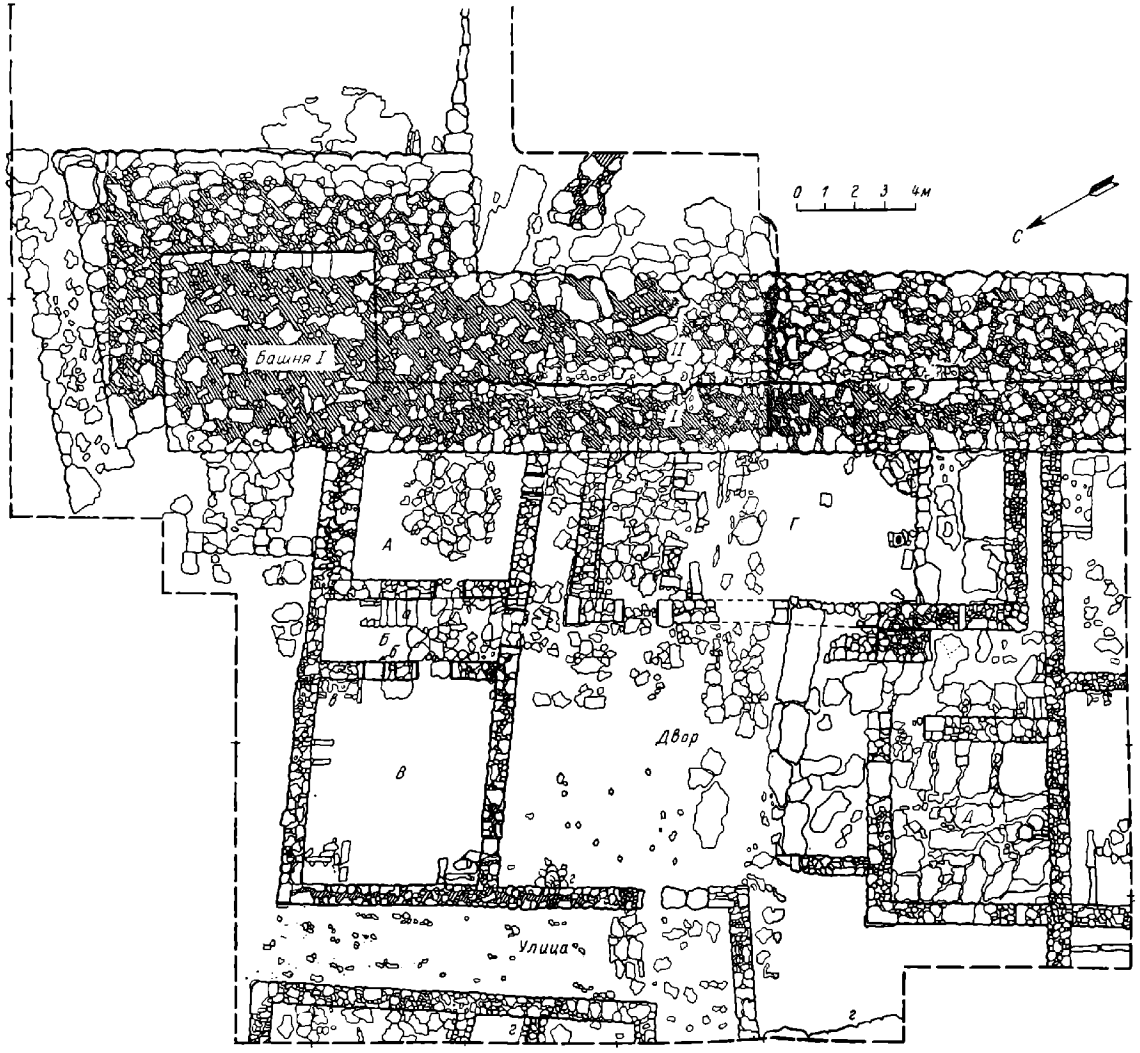

Рис. 5. План участка *I*, раскопанного в 1948 г.

I, *II* – два пояса оборонительных стен; *А*, *Б*, *В*, *Г*, *Д* – помещения; *а* – лестница на второй этаж; *б* – окно; *в* – кухонный очаг; *г* – водостоки.

к крепости стенобитные приспособления. Возводя северо-западную линию укреплений с учетом благоприятных условий рельефа местности, строители обороны сочли все же необходимым усилить ее еще двумя передовыми оградами (протейхизмами), расположенными ниже по склону и, очевидно, делавшими северо-западную сторону крепости вполне надежно защищенной.

Согласно общим данным стратиграфии культурных отложений поселения, мы не можем отнести первые оборонительные стены (участок I и III) к периоду ранее I в. н. э. Так как наиболее интенсивная жизнь поселения падает на II—начало III в. н. э., надо полагать, что к указанному времени (скорее всего это были последние десятилетия II и первые

Рис. 6. Оборонительная стена *I*. Вид с юго-запада.

десятилетия III вв.) относится окончательное оформление системы фортификационных сооружений, выразившееся, в частности, в возведении передовой стены юго-восточной стороны. Последнее, следовательно, совпадает с временем, когда вторичный экономический и культурный подъем Боспорского царства достиг своего наивысшего уровня. Но это было время, когда в культуре Боспора с особенной силой стали выступать на первый план элементы местные, присущие коренному населению. Стиль «циклопической» внешней стены представляет собою проявление мощи рабовладельческого Боспора в тот период, когда уклад его внутренней жизни, его культура определялись активнейшей ролью скифо-сарматского коренного населения.

На обоих раскопочных участках *I* и *III*, где рядом с оборонительными стенами открыты и внутренние части города, остатки построек представлены каменными сооружениями. Почти все здания возведены из бутового камня на глине, но всегда тщательно, с применением в кладке ответственных частей зданий (например, внешние углы домов) тесанных плит. Штучным камнем, плитами, очень аккуратно выложены все дверные проемы,

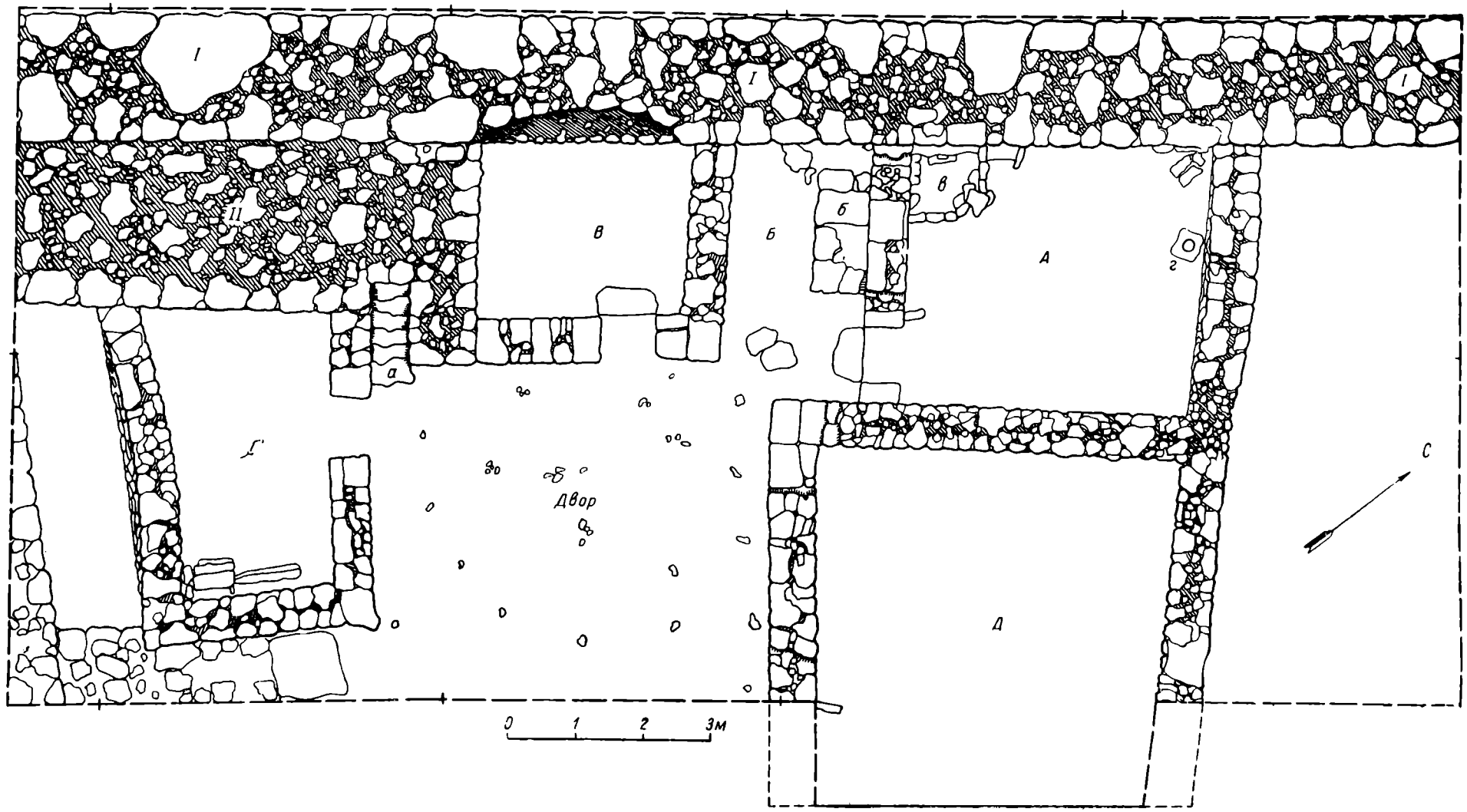

Рис. 7. План участка *III*, раскопанного в 1948 г.

I — оборонительные стены; *II* — утолщение оборонительной стены; *А* — двор; *Б*, *В*, *Г*, *Д* — помещения; *а* — лестница оборонительной стены; *б* — лестница на второй этаж дома; *в* — кухонный очаг; *г* — каменная ступа.

а также оконный проем, сохранившийся в одном из помещений дома, открытого на участке *I*. Проходящая на участке *I* улица, по обеим сторонам которой расположены дома, имеет мостовую, выстланную щебнем. Ширина улицы 2.40—3 м, она идет сначала с северо-востока на юго-запад, а затем под прямым углом поворачивает на северо-запад. Водостоки, устроенные в виде сквозных каналов под стенами, ограждавшими дворы домов, выводили на улицу скапливавшиеся во дворах атмосферные осадки.

Все эти приемы градостроительства известны нам и в других боспорских поселениях (Мирмекий, Тиритака). Если сравнить открытую на участке *I* усадьбу (рис. 8), примыкающую одной своей стороной к обо-

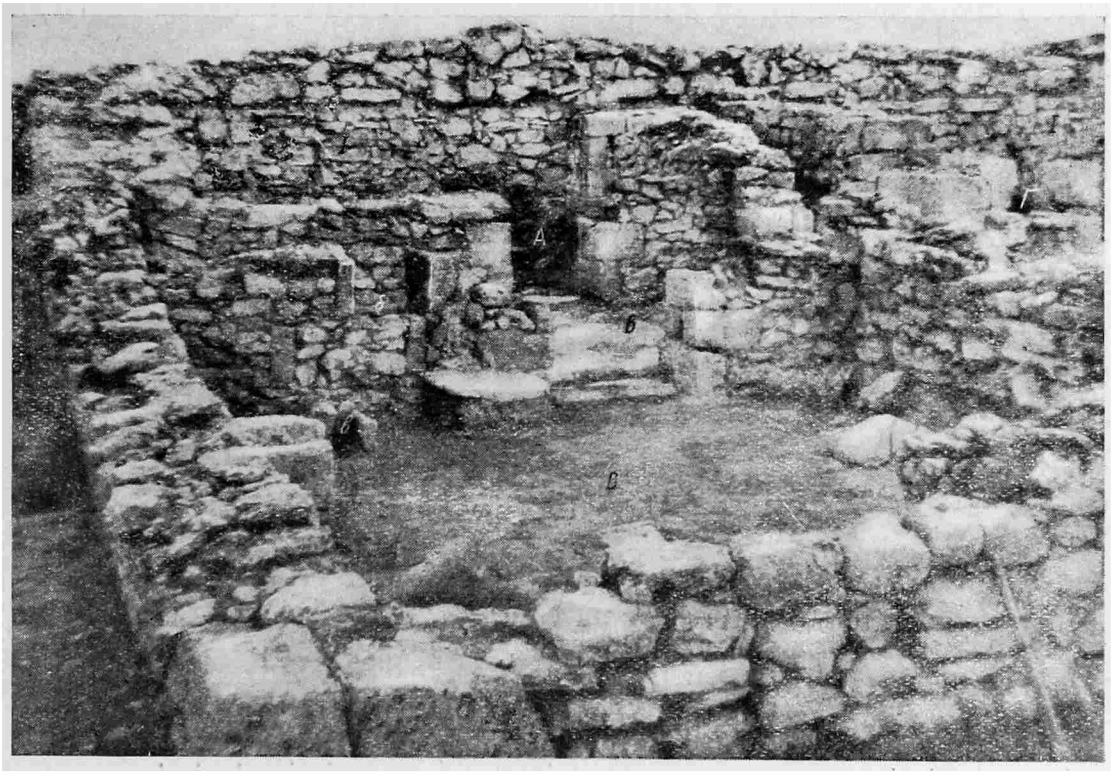

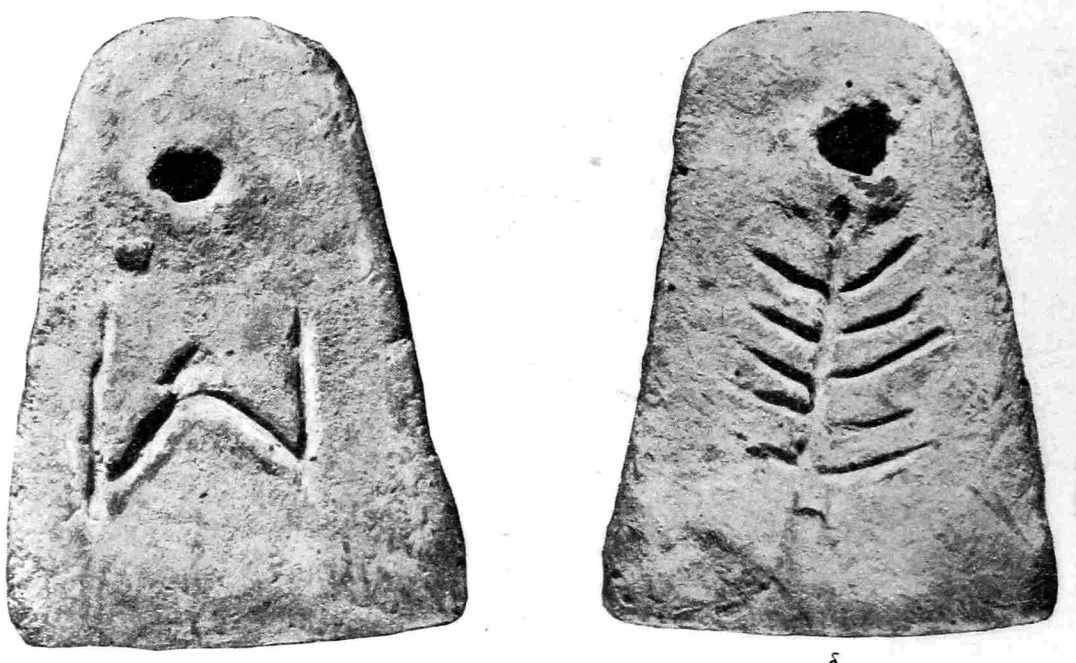
Рис. 8. Развалины дома III в. н. э. с помещениями *А*, *Б*, *В*. Вид с запада.

ронительной стене и состоящую из нескольких помещений, расположенных с трех сторон двора, *А*, *Б*, *В*, *Г*, *Д*, с раскопанным в Тиритаке на участке XV домом III—IV вв. н. э.[1], то сразу же обнаружится много общего в строительной технике, планировке и отдельных деталях устройства дома. Сюда относится наличие каменной лестницы (в помещении *Б*), ведшей на 2-й этаж; устройство окна (в помещении *В*) рядом с кухонным очагом, применение в помещениях особых хозяйственных «загородок», образованных из плит и т. д. Но наряду с перечисленными общими чертами, свойственными массовому строительству жилых домов рядового населения в боспорских городах в первые века нашей эры, городище у дер. Ивановки обладает многими специфическими особенностями сугубо местного характера.

Обратимся к вещевому материалу. Среди керамических изделий оказались в большом числе пирамидальной формы подвески для ткацких станков («грузила»). Часть их сделана из глины, не подвергнутой обжигу.

[1] ВДИ, № 3, 1947, стр. 195 сл.

На некоторых есть знаки и украшения (рис. 9). На участке *III* в одном из помещений (*А*) рядом с очагом (*в*) найдено свыше двух десятков таких подвесок (все они крупные). Встречена и серия глиняных пряслиц. Это позволяет сделать вывод, что население широко занималось ткацким делом, используя шерсть мелкого рогатого скота, который, судя по костным остаткам, имелся в значительном количестве. Как обычно, самым распространенным видом керамики, содержащейся в культурном слое городища, являются обломки амфор. В меньшем числе — узкогорлые амфоры, вероятно малоазийского происхождения (глина светлых тонов со значительным количеством черных минеральных вкраплений), преобладают же хорошо известные и широко распространенные в позднеримское время боспорские амфоры больших размеров, широкогорлые с массивными ручками. Тонкой краснолаковой керамики немного. Но зато очень много леп-

а *б*

Рис. 9. Глиняная подвеска от ткацкого станка, III в. н. э.
а — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона.

ной керамики, т. е. посуды варварского типа, сформованной без гончарного круга. Прогрессирующее увеличение удельного веса лепной керамики в боспорских городах в первые века нашей эры — факт достаточно известный. Но в отличие от приморских поселений, находившихся ближе к столице, керамика городища дер. Ивановки гораздо разнообразнее по своим типам и более богата внешними украшениями, орнаментацией. Очевидно, этнический состав города был таков, что главная масса его жителей принадлежала к коренному, т. е. скифско-сарматскому населению. Поэтому-то здесь так процветала традиционная местная лепная керамика.

Насколько прочно под внешней оболочкой так называемой «эллинизации» продолжали жить здесь местные культурные традиции, присущие коренному населению, свидетельствует открытие в 1948 г. на участке *I* в высокой степени интересного культового комлекса. Мы уже упоминали прилегающий к оборонительной стене комплекс помещений (*А, Б, В, Г, Д*), расположенных по сторонам обширного двора. В этом дворе, мостовая которого состоит главным образом из искусственно выравненной поверхности природной скалы, в юго-восточной части вдоль оборонительной стены находятся развалины здания, длиной 16 м, шири-

ною 6 м (рис. 6, помещение *Г*). Двумя своими стенами оно примыкает к оборонительной ограде, которая, таким образом, замыкает с юго-восточной стороны рассматриваемое сооружение (рис. 10). Хорошо сохранились северо-восточные и юго-западные стены (их высота 1.60—1.90 м), гораздо хуже — северо-западная, у которой часть кладки совсем выбрана, зато в уцелевшей части стены сохранился дверной проем (рис. 11). Здание носит явные следы капитальной перестройки. Первоначальные стены были сложены из бутового камня, при перестройке северо-восточная стена надложена кладкой из хороших тесаных плит (последняя отчетливо видна на рис. 13), одновременно из такого же материала возведена была и северо-западная стена. Применение штучного камня при постройке

Рис. 10. Общий вид на помещение *Г* с севера.

показывает, что настоящий строительный объект рассматривался как не совсем обычное, рядовое частное сооружение.

Внутри здания нет признаков существования каких-либо стен, которые как-то разделяли бы его. Северо-восточная часть помещения хорошо вымощена известняковыми плитами. Середина имеет глинобитный пол и там лишь кое-где лежат разрозненные плиты. Совсем иначе выглядит юго-западный конец помещения. Он представляет собою возвышение, образованное из выступающей наружу и соответственно обработанной материковой скалы (рис. 12). Край возвышения, обращенный внутрь помещения, частично надложен одним-двумя рядами камней (*а*) там, где он сильно понижается (у оборонительной стены). Возможно, такой «барьер» проходил по всему краю скалы. В углу, образуемом возвышением и оборонительной стеной, по глинобитному полу сделана из камней в один ряд полукруглая выкладка (*б*). На возвышенности обнаружены следы большого костра, а возле него лежали кости козы.

Но особое внимание привлекает к себе северо-восточная часть помещения. В восточном его углу оказалось совсем необычное сооружение, образованное из нескольких известняковых плит (рис. 13). Одна плита

трехугольной формы поставлена на ребро диагонально по отношению к углу помещения, при этом она впущена своей вершиной в пол, вернее, в промежуток между плитами половой вымостки. Опираясь на эту плиту и земляную засыпь, заполняющую пространство между плитой и стенами помещения, сверху лежит другой небольшой плоский камень и на нем еще одна плитка меньшего размера. Последняя служила подставкой, на которой лежал человеческий череп (рис. 14*б*)[1]. Череп (рис. 14*а*) сохранился неплохо, хотя он и был засыпан каменным завалом от разрушенных кладок здания и оборонительной стены. Под черепом найдены четыре принадлежащих ему шейных позвонка, причем нижний носит совершенно ясные следы среза, произведенного каким-то острым орудием. Стало быть, го-

Рис. 11. Северный наружный угол помещения *Г* и остатки дверного проема. Вид с севера.

лова была отрублена и помещена затем на специальный «жертвенник», устроенный в восточном углу здания. Интересно, что справа от входа, на расстоянии около 2 м от северо-восточной стены, стоят две пары поставленных на ребро плит, которые образуют как бы подставки для двух столов (они хорошо видны на рис. 11). Весьма показательным является обнаружение внутри «жертвенника», под верхними его камнями, в земляной засыпи скелета птицы (петуха). Это обстоятельство с особенной настоятельностью диктует необходимость поисков объяснения всему рассматриваемому комплексу в области древних религиозных верований, культовых обрядов и обычаев, но, разумеется не эллинских, а местных, варварских.

Нельзя сразу же при этом не вспомнить некоторые сообщения античных писателей. Геродот пишет,[2] что отрубленные головы убитых в бою врагов каждый воин-скиф относил к царю, чтобы получить соответствую-

[1] Актропологическое исследование черепа см.: А. Д. Грач. Человеческое жертвоприношение в эпоху распада Боспорского царства. Природа, № 9, 1949, стр. 81—82.

[2] Herod., IV, 64.

щую долю добычи. Из черепов убитых злейших врагов скифы делали чаши. Скифы держали у себя и показывали гостям сохранявшиеся в качестве

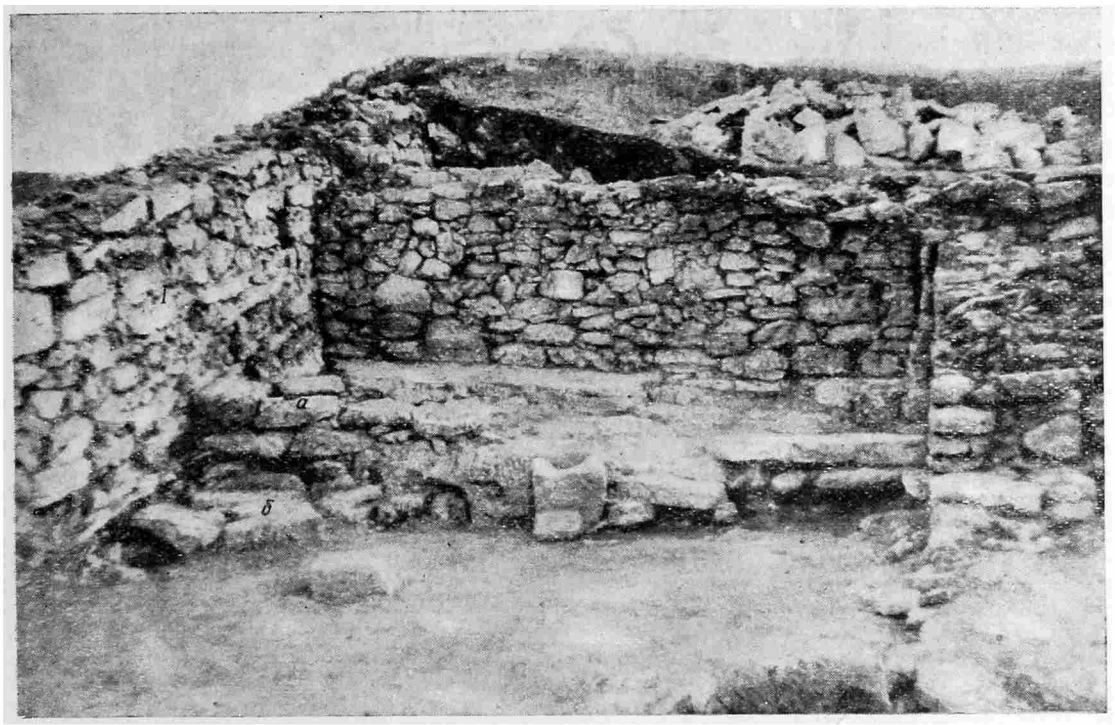

Рис. 12. Юго-западная половина помещения *Г* Вид с севера.

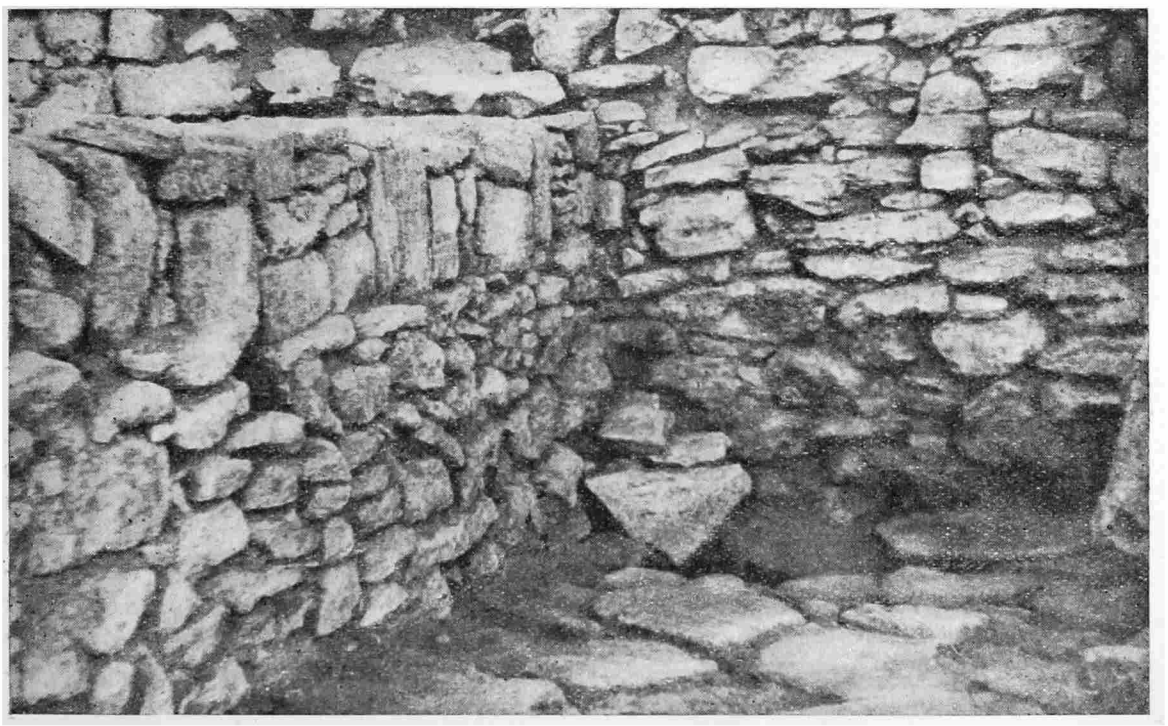

Рис. 13. «Жертвенник» в восточном углу помещения *Г* Вид с запада.

памятного трофея отрубленные головы своих врагов-родственников, побежденных в происходившем перед царем единоборстве.[1]

[1] Herod., IV, 65.

Немало сообщений сохранилось в античной литературе о человеческих жертвоприношениях, которые совершались таврами. От Геродота же мы узнаем, что тавры убивали захваченных в плен иноземцев, принося их в жертву своей богине Парфене (Деве); отрубленную голову насаживали на шест. Отрубали головы и у изловленных врагов, причем голову, воткнутую на длинный шест, ставили над домом; такому трофею придавалось магическое значение, голова считалась «стражем всего дома» (φύλαξ τῆς οἰκίης πάσης).[1] Некоторые писатели говорят о существовании у тавров специальных святилищ, капищ, куда, по одной версии, бросали умерщвленную жертву,[2] по другой помещали и укрепляли на стенах отсеченные головы, как «вечные свидетельства совершенных подвигов».[3]

Рис. 14а. Человеческий череп, найденный на «жертвеннике» в помещении *Г*.

Было ли здание, раскопанное на участке I, таким капищем, сказать с полной уверенностью трудно. Но связь обнаруженного в здании «жертвенника» и лежавшего на нем человеческого черепа с каким-то местным обычаем или культом и соответствующим последнему ритуалом, в котором играла определенную роль отрубленная голова, может быть захваченного в плен врага, вряд ли вызывает сомнения. Тем самым напрашивается сам собою вывод о том, насколько сильны были на Боспоре у коренного населения свои традиционные верования и обычаи, продолжавшие существовать несмотря на длительные греческие культурные влияния. Этот вывод еще более усилится, если мы обратим внимание на наличие рядом с городищем огромных зольников, что обычно является характерной особенностью скифских поселений.

Выяснено, что оба самых больших «круга», расположенных против ворот города с юго-восточной стороны и обозначенных Дюбрюксом на

---

[1] Herod., IV, 103, ср.: Ps. Scymn., 831—844.
[2] Ps. Apoll. Epit., IV, 26.
[3] Amm. Marc., R. gest., XXII, 34.

плане буквой *Z*, лежат на насыпях, представляющих собою громадные свалки жилого мусора, главным образом очажных остатков, состоящих из золы. Раскоп размерами 5×5 м, заложенный на месте южного «круга» (участок *II*), показал, что культурные наслоения вышеуказанного характера имеют глубину 5.20 м и лежат на материковой скале. Образовались

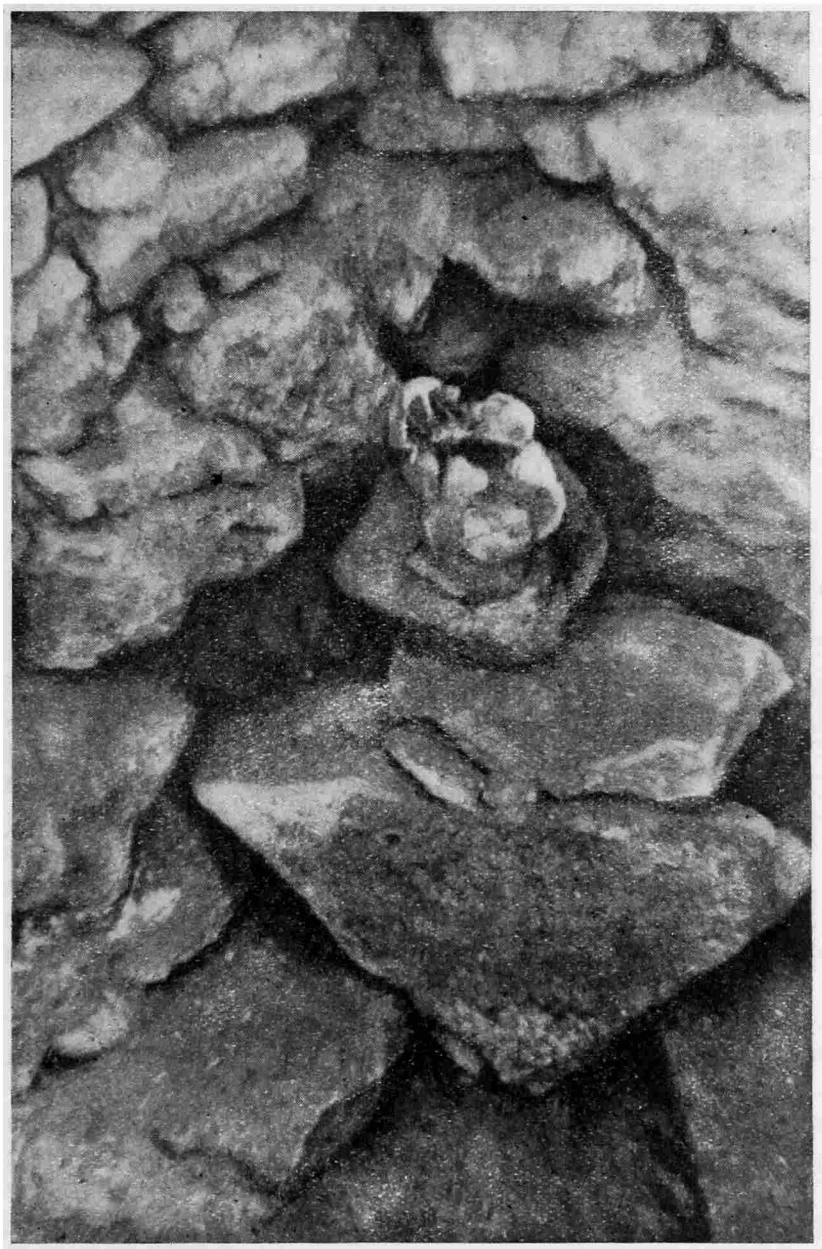

Рис. 14б. «Жертвенник» с человеческим черепом.

они в течение II—III вв. н. э.[1] В слоях золы немало пищевых отбросов (кости) и обломков керамики тех же образцов, которые представлены в культурном слое городища, т. е. с большим процентом лепной посуды. Из керамических вещей, найденных в зольнике, отметим интересный фрагмент терракоты, представляющей, повидимому, какое-то местное

[1] Раскопки на участке *II* вполне подтвердили уже ранее сделанный вывод о позднем происхождении окаймляющего холм «круга», который лежит на самых поздних культурных напластованиях зольника.

божество, с затейливым убором на голове (рис. 15). При весьма обобщенной трактовке лица, без сколько-нибудь четкой передачи деталей (рта, глаз), в то же время очень сильно подчеркнут крупный, сильно выступающий нос. Второй фрагмент сходной по стилю терракоты — голова какого-то рогатого демона — был найден на городище. Популярность такого рода терракот, стилистически и сюжетно тесно связанных с местным коренным населением Боспора, его вкусами и верованиями, бесспорно является одним из проявлений процесса усиленной сарматизации Боспорского царства во II—III вв. н. э. Что именно такие терракоты бытовали у населения исследуемого городища, более чем понятно, если учесть все уже ранее сказанное.

Рис. 15. Голова терракотовой статуэтки, III в. н. э.

Надо еще отметить, что во время разведочных работ 1947 г. была расследована одна из разграбленных катакомб, целая серия которых, как уже указывалось, находится в $^3/_4$ км к юго-юго-востоку от городища. Вырубленная в скале катакомба (рис. 16*а*) состоит из открытого дромоса (дл. 3.20 м, шир. 1.60 м) и погребальной камеры (дл. 3.10 м, шир. 2.90 м, выс. 1.80 м) с тремя лежанками — две боковые находятся на высоте 0.20 м от пола, третья, устроенная против входа, на высоте 0.65 м. Бывшие в камере погребения оказались разграбленными. При расчистке катакомбы от заполнявшей ее земли собраны только незначительные обломки стеклянного сосуда, глиняных сосудов, обломок железного кинжала, железные гвозди от гробов и другие мелочи. Но в дромосе хорошо сохранился костяк лошади (рис. 16*б*). Его присутствие здесь интересно, так как это одно из проявлений тех же местных традиций, которые столь рельефно выступают во всем культурном облике настоящего поселения. При совершении одного из захоронений вместе с умершим человеком была погребена его лошадь.

Городище у дер. Ивановки — это прежде всего мощная крепость, построенная в первые века нашей эры, когда рабовладельческий Боспор вступил в новую полосу экономического процветания. Задача крепости состояла в том, чтобы усилить обороноспособность пантикапейской округи и тем самым обезопасить саму столицу.

Крепостные стены с их «циклопическими» кладками последнего этапа строительства одинаково рельефно иллюстрируют и мощь материальных рессурсов, которыми располагал Боспор во II — начале III в. н. э., и весьма далеко зашедший процесс его варваризации («сарматизации»), что придавало боспорской культуре особенно яркий отпечаток своеобразия и самобытности. Жители города-крепости в своей массе, очевидно, принадлежали к составу местного коренного населения боспорских земель, каковым в Крыму были всегда скифы. Этим и объясняется та замечательная картина культурной ассимиляции, синкретизма, которая выявляется археологическими исследованиями на городище у дер. Ивановки и притом с явственным перевесом в сторону местного, скифского.

Как уже отмечалось в начале, древнее название данного боспорского поселения не известно. Впрочем, некоторые предположения по этому вопросу позволительно высказать, основываясь на сведениях о внутренних поселениях Крыма, сообщаемых Птолемеем.[1] Согласно последнему,

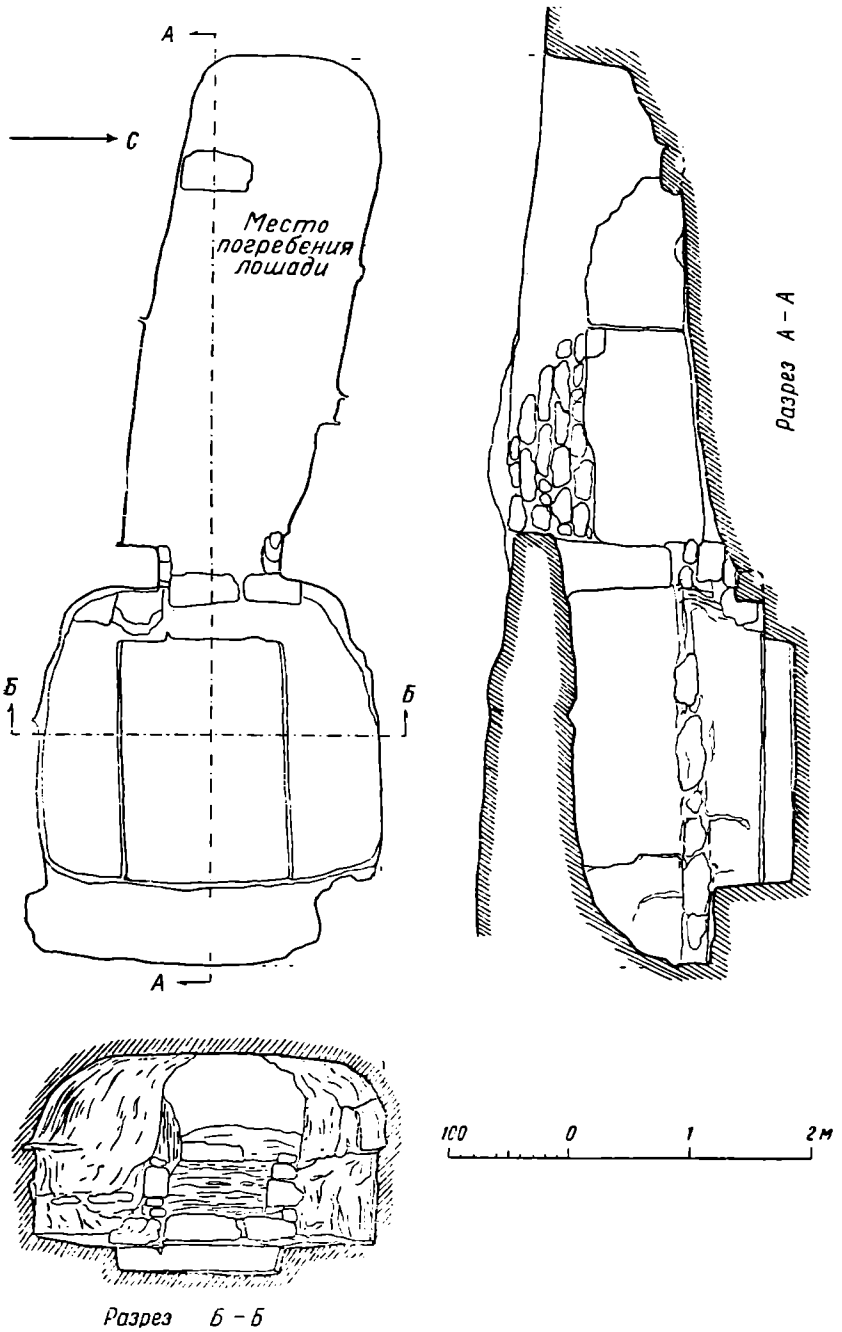

Рис. 16а. План и разрезы катакомбы II—III вв. н. э. с захоронением лошади в дромосе.

наиболее близким к Тиритаке поселением, лежавшим к северо-западу от нее, был город Илурат (Ἰλούρατον).

По Птолемею Илурат находился на 10′ западнее Тиритаки и на 5′ севернее ее. При переводе этих данных на линейное расстояние по прямой,[2]

[1] Ptol., III, 6=SC, I, стр. 234.

[2] О способе перевода градусных данных Птолемея в линейное расстояние см. Э. Штерн. О последних раскопках Аккермана, ЗОО, т. XXIII, стр. 56—57.

получается, что Илурат отстоял от Тиритаки примерно на 12 км, что почти в точности совпадает с действительным расстоянием между Тиритакой (т. е. южной окраиной современного поселка Аршинцева, б. Камыш-бурун) и городищем у дер. Ивановки.

Поэтому с большой уверенностью можно предполагать, что у дер. Ивановки на Керченском полуострове находятся развалины упоминаемого Птолемеем города Илурата. Не греческий характер этого

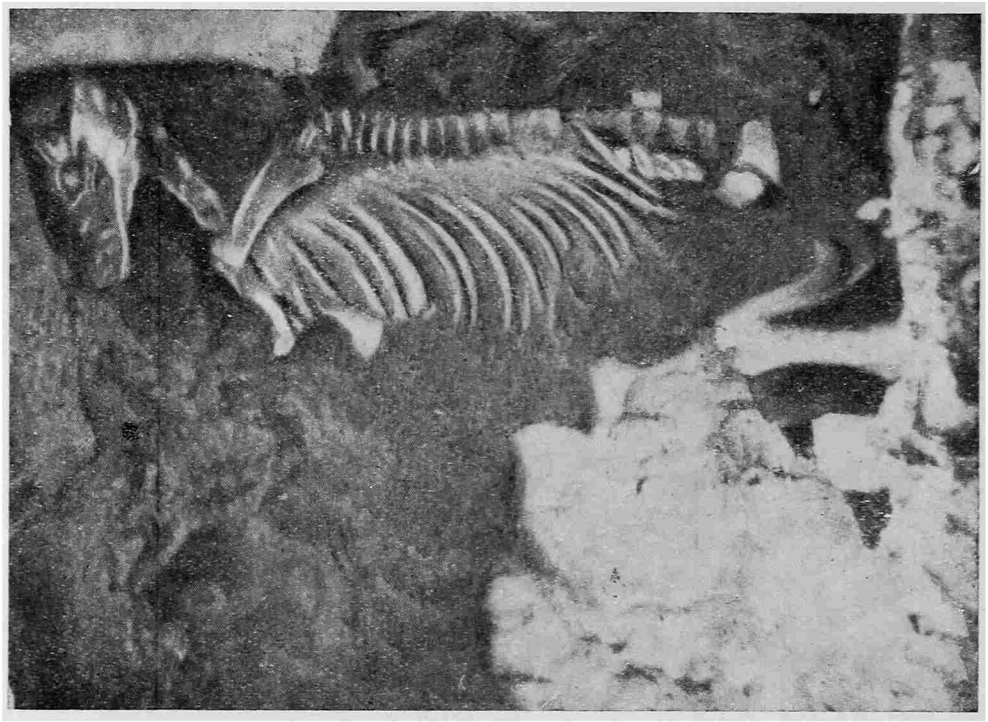

Рис. 16б. Костяк лошади в дромосе катакомбы.

названия совершенно очевиден. В географическом словаре Стефана Византийского упоминается со ссылкой на эллинистического писателя Дексиппа скифское племя елуров (Ἔλουροι). Вполне естественно напрашивается сопоставление этих этно-топонимических терминов. К сожалению, Стефан Византийский не дает указаний относительно места расселения елуров. Но независимо от того, где жило скифское племя елуров, мы вправе думать, что название боспорского города Илурат лингвистически восходит к этническому термину скифов, составлявших главную массу населения в восточном Крыму в то время, когда эта территория входила в состав владений Боспорского царства.

С. И. КАПОШИНА

ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ТИПА В ОЛЬВИИ

Важной задачей в области исследования древних городов Северного Причерноморья является выявление и изучение элементов местной культуры в этих городах, их значимость и широта распространения. В этой связи особенно интересный материал представляют погребения ольвийского некрополя.

Летом 1946 г. при работах Ольвийской экспедиции было раскопано 16 погребений в некрополе Ольвии.

Большинство погребений оказалось разграбленным: из 16—12 были начисто разрушены, два потревожены и только два погребения сохранились нетронутыми.

По счастливой случайности, одно из этих погребений, представляющее наибольший интерес, оказалось уцелевшим.

Погребение № 5 (по нумерации 1946 г.) представляет собой простую грунтовую могилу (длин. — 2.10 м; шир. — 0.90 м; глуб. — 1.27 м). Погребение ориентировано на юго-восток-восток. Форма устройства его — самая обычная прямоугольная яма.

Костяк лежал на спине с вытянутыми ногами и протянутыми вдоль туловища руками. Кости сохранились плохо: позвоночник, ребра, кисти рук и стопы истлели. Судя по сохранившимся костям, здесь был похоронен довольно крупный человек. Длина костяка 1.72 м. Между черепом и стенкой погребения оказалось свободное пространство в 0.28 м.

Еще при снятии черноземной почвы, составляющей верхний покров площади ольвийского некрополя, на глубине 0.48 м был обнаружен венчик амфоры с зацепленной на нем бронзовой лебединой головкой, заканчивающей ручку бронзового черпака (рис. 1). При раскрытии погребения выяснилось, что стоящая у правой ноги костяка остродонная амфора (прекрасной сохранности) была поставлена в сев.-зап. углу погребения и прислонена к северной и западной ее стенкам. Амфора больших размеров (высота ее 0.74 м) оказалась выше, нежели высота вырезанных в материке стенок погребения, поэтому венчик ее возвышался над уровнем материка и был прикрыт почвенным слоем. Эта деталь говорит о некоторой небрежности, может быть, поспешности захоронения (рис. 2).

У правого локтя стоял чернолаковый килик на низкой кольцевой подставке, раздавленный под тяжестью земли, но все фрагменты его сохранились.[1] Несколько выше левого локтя стояла маленькая чернолаковая чашечка (солонка), внутренняя поверхность которой под влиянием обжига получила красный цвет.

У южной стенки погребения, почти на середине, против левого бедра костяка лежал поврежденный (продавлена и рассыпалась часть стенок)

[1] Сосуд реставрирован.

Рис. 1. Ольвия. Погребение № 5. Расчистка амфоры.

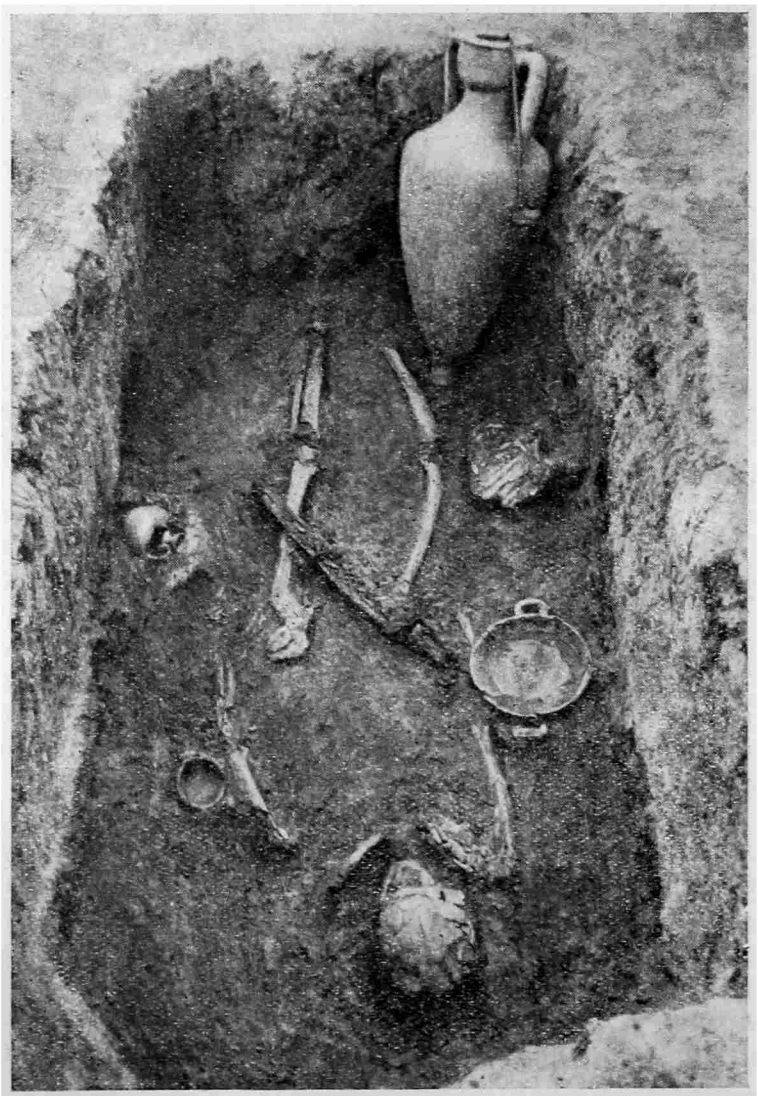

Рис. 2. Ольвия. Погребение № 5.

сероглиняный кувшинчик с шаровидным туловищем, повернутый горлом к погребенному. На нем лежали почти правильными рядами 20 бронзовых наконечников стрел, повидимому положенных в колчане. Может быть, брошенный на серый кувшинчик колчан и повредил сосуд. Два бронзовых наконечника стрел, идентичные по форме лежавшим на сосуде, найдены в насыпи погребения при обнажении нижней части амфоры.

Поверх костяка от правой руки, пересекая частично таз и левое бедро, лежал железный меч (акинак) в деревянных ножнах. Следы дерева от ножен были наблюдены при расчистке меча. Меч очень плохой сохранности и при выборке вещей из могилы распался.[1]

Выше меча у внутренней стороны левого бедра были найдены две бронзовые ворворки в виде усеченных конусов, такая же третья ворворка была найдена с внешней стороны левого бедра, у таза. Расположение ворворок показывает, что с левой стороны спускались концы пояса. Возможно, что здесь к поясу был прикреплен колчан, который, судя по расположению бронзовых наконечников, скорее мог находиться слева в непосредственной близости к поясу погребенного.

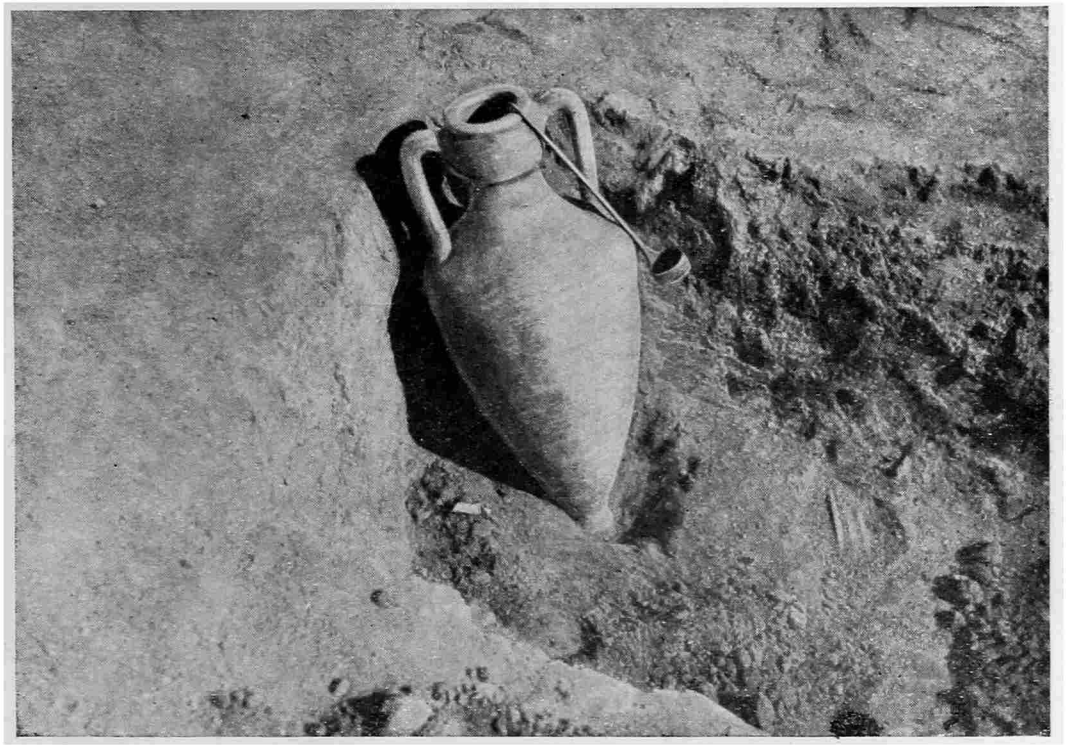

Рис. 3. Ольвия. Погребение № 5. Амфора с черпаком.

Наконец, у северной стенки погребения, почти у правого колена лежали кости барана,[2] являющиеся остатками напутственной пищи. Анализ осадка сохранившегося на внутренней поверхности стенок амфоры, показал, что в нем содержалось вино. Следовательно, умершему положили в погребение кусок мяса, амфору с вином, черпак для зачерпывания вина из амфоры и сосуд для питья. Весь характер инвентаря, сопровождающего это погребение, говорит об определенном облике умершего: это пожилой воин, вооруженный мечом и стрелами, которого отправили в загробный мир, снабдив амфорой с вином, куском мяса и сосудами, необходимыми при употреблении заготовленной пищи и питья.

[1] Меч реставрирован и экспонируется в Киевском Историческом музее.
[2] По определению Е. В. Гаруд.

Погребение, по найденным в нем вещам, может быть отнесено к V в. до н. э. Остродонная амфора со вздутым горлом принадлежит к типу архаических амфор (рис. 3). Близкие аналогии ей можно найти не только в Ольвии, но и в других местах, в частности в комплексах, указанных у Б. В. Фармаковского в «Архаическом периоде на юге России». Одна из таких амфор найдена в Емчихе вместе с золотыми серьгами, украшенными львиными головками, отнесенными Б. В. Фармаковским также к архаической эпохе.[1] Другая амфора происходит из раскопок Эберта у Марицына,[2] третья из кургана № 401 у Криворукова.[3]

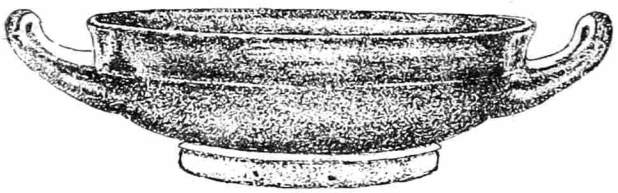

Рис. 4а. Ольвия. Чернолаковый килик ($^1/_4$ н. в.).

4в. Тамань. Чернолаковый килик ($^1/_4$ н. в.).

4б. Ольвия. Сероглиняный кувшинчик ($^2/_5$ н. в.).

4г. Тамань. Краснофигурный глиняный кувшинчик ($^3/_4$ н. в.).

Ольвийская амфора из погребения № 5 в отличие от амфоры из Емчихи и амфоры из раскопок Бобринского имеет резкую перетяжку на горле, деформирующую обычный для архаических типов плавный переход от вздутого горла к плечам. В Ольвии были сделаны многочисленные находки подобных амфор, и обычно они встречаются в слоях классической эпохи.[4]

---

[1] Б. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 30—31, рис. 4.

[2] Там же, рис. 6.

[3] Там же, рис. 5. Ср. также амфору из Фанагории; И. Б. Зеест. Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны. Памятники искусства, № 2, 1947 г., стр. 5, рис. 4.

[4] Можно указать в связи с этим находки обломков амфор при раскопках помещения с «полигональной» кладкой на раскопе «А», инв. №№ 0/40-2168, 0/39-2634, 0/40-2169, а также и в некрополе: погребение № 82 1911 г., № 22 1915 г., № 100 1913 г.; в последнем амфора была найдена в комплексе, в котором представлены золотые серьги, идентичные серьгам из Емчихи (Б. В. Фармаковский, ук. соч., табл. IX). Почти идентичная амфора найдена в кургане между Петриковкой и Ромейковкой (Фундуклей. Обозрение могил, валов и городищ Киевск. губ., 1848, табл. 15).

Пожалуй, наиболее близкой к нашей амфоре из изданного причерноморского материала является амфора из раскопок Эберта, на которой также заметна перетяжка на горле, хотя и менее резкая, чем на ольвийской. Повидимому, амфора из погребения № 5 может быть отнесена ко времени несколько более позднему, чем амфора из Марицына.

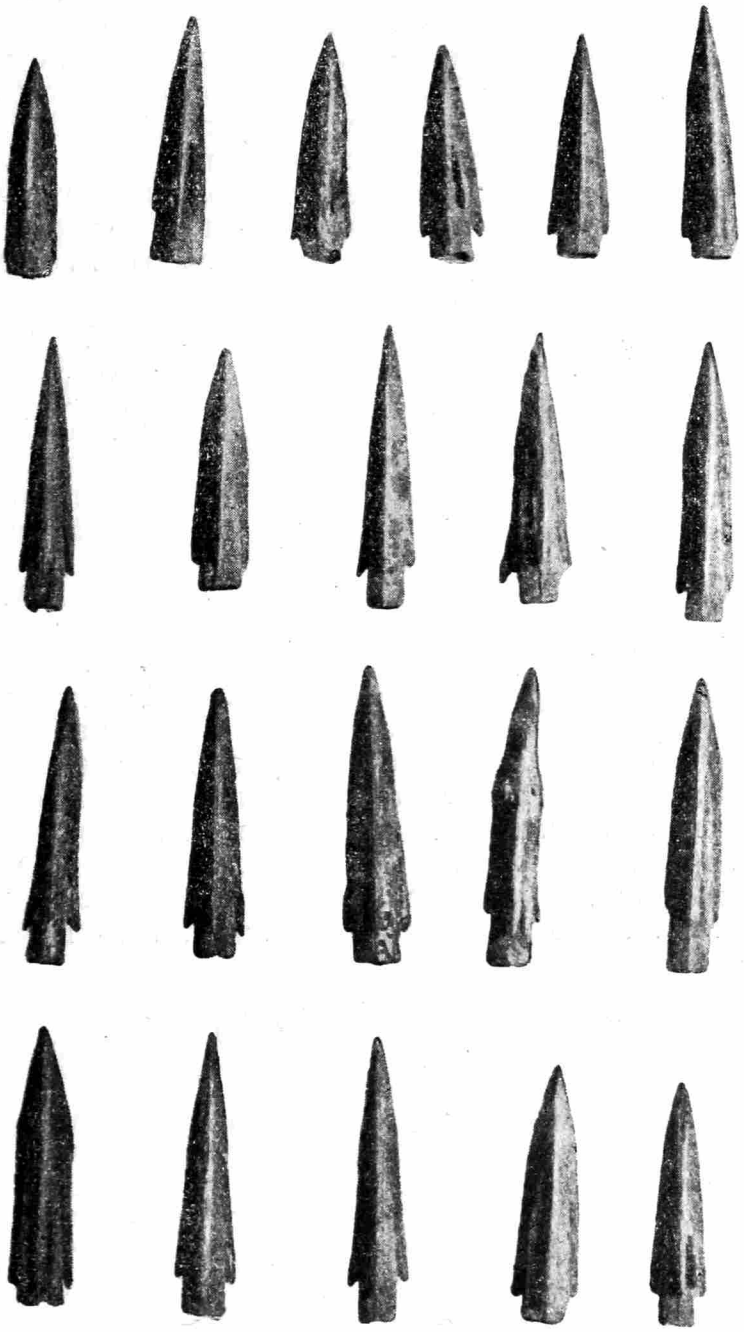

Рис. 5. Ольвия. Бронзовые наконечники стрел.

Чернолаковый килик на низкой подставке аттического происхождения также может быть датирован V в. до н. э. (рис. 4а). Его форма, качество лака, характер кольцевой подставки позволяют отнести его к середине V в. до н. э.[1]

[1] Близкой формы килик из Ольвии см. в ОАК, 1900 г., стр. 102, рис. 179. Можно указать на близкую аналогию из коллекции Ricketts and Shannon (CVA, III, стр. 62, табл. XVIII, рис. 11), где килик датирован первой половиной V в. до н. э. Ср.

Сероглиняный кувшинчик, найденный в описываемом погребении, принадлежит к группе местной серой керамики, сделанной на гончарном круге. Сосуд подвергся недостаточному обжигу, поэтому он довольно рыхлый, стенки его слоятся и отпадают чешуйками (рис. 4б).

Железный меч (акинак) имеет типичную для скифских мечей форму: рукоятка соединяется с клинком сердцевидным перекрестием и заканчивается двумя завитками— птичьими головами или когтями хищной птицы.[1] При сильной окисленности навершия ольвийского меча невозможно точно установить его форму.[2] Наиболее близкой аналогией является меч, найденный Бобринским в Чигиринском кургане № 401.[3]

Все бронзовые наконечники стрел однотипны (рис. 5): трехгранные, несколько вытянутые, с заостренными треугольными головками, концы их ребер представляют острые короткие шипы; все стрелы имеют короткие втулки. Подобные формы стрел встречены во многих комплексах середины и второй половины V в. до н. э.[4]

Три бронзовые ворворки в виде усеченных конусов (рис. 6) близки ворворкам из Чигиринского кургана № 401[5] и находкам у Смелы [6].

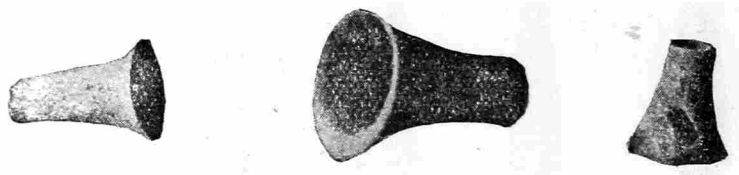

Рис. 6. Ольвия. Бронзовые ворворки.

Местный характер описываемого погребения не вызывает сомнения. Погребенный опоясан мечом по скифскому обычаю. А. А. Миллер, издавая скифское изваяние, найденное у Елисаветовской, и погребение, соответствующее изваянию, писал: «В совершенно правильном соотношении лежали кости таза, бедренная и берцовая кости. Сверху лежал железный кинжал с золотой облицовкой ножен в положении, вполне соответствующем изображению на статуе. Невозможно допустить, чтобы кинжал, надетый на пояс у правого или левого бедра, принял в могиле подобное положение, но вполне естественным, мне кажется, думать, что акинак в данном случае вполне воспроизводит естественное положение кинжала, подвешенного к поясу в середине».[7]

Так же, как и на ольвийском костяке, лежит меч в погребении кургана № 10 в районе Танаиса.[8] Некрополь Елисаветовской, исследованный А. А. Миллером, содержит весьма характерные погребения. Типы ору-

---

чернолаковый килик и чернолаковую чашечку в погребении у Мушвица (Ив. Велков. Могилни гробни находки от Дуванлий. Известия на Българск. археол. инст., VI, стр. 32, рис. 28; стр. 33, рис. 29).

[1] Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, вып. XXII, 1948.

[2] Близкие аналогии можно найти в Роменском кургане № 3 (Смела, II, табл. XXI, *11*; Смела, I, табл. VII, *2*, *5*), в собрании Ханенко, ДП, III, табл. 55.

[3] ИАК, вып. 14, стр. 17; Э. Ленц. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки Киевской губ. (там же, стр. 62, рис. 10).

[4] ОАК, 1879, атлас, II, 21; P. Rau. Die Gräber der frühen Eizenzeit im unteren Wolgagebiet. Покровск, 1929, VI, 3, *Д*; VII, 1, *J*; ОАК, 1913—1915, стр. 148, рис. 151; Rau, ук. соч., VII, 2, *E*; V, 2, *F*; ОАК, 1899, стр. 121, рис. 3; Rau, ук. соч., IX, 1.

[5] ИАК, вып. 14, стр. 17, рис. 43.

[6] Смела, II, табл. V, рис. 3. Летом 1948 г. в Ольвии в раскопе «Е» в архаическом слое была найдена литейная форма для отливки ворворок аналогичных типов.

[7] А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. Известия ГАИМК, т. IV, стр. 105, рис. 4.

[8] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, стр. 104, рис. 9.

жия, расположение вооружения, состав инвентаря, присутствие остатков напутственной пищи дают ясное представление о местном характере этого могильника. Описываемое ольвийское погребение по обряду весьма близко захоронениям у Елисаветовской.

Поперек бедер, только справа налево, зафиксирован меч в погребении при Ендже.[1]

Положение стрел в колчане настолько распространено в скифских комплексах, что на этом нет особой надобности останавливаться,[2] как и на приношении в могилу напутственного мяса.[3]

Весь характер ольвийского погребения необычайно близки, например, упоминавшемуся в кургане № 401 из раскопок Бобринского.

Наличие греческой привозной керамики в составе инвентаря того или иного погребения не может само по себе определить этническую принадлежность погребенного. Ассортимент керамики в ольвийском погребении в тех или иных сочетаниях часто встречается и в скифских курганах. В этом отношении ярким примером может явиться курган № 401, да и вся группа чигиринских курганов V в. до н. э., как и упомянутый могильник Елисаветовской.

Курган № 401 является одним из богатых по составу инвентаря курганов среднего Приднепровья.[4] Хотя курган и был разграблен, в нем все же сохранился ряд золотых и бронзовых украшений конской упряжи, предметы вооружения и другие вещи. Несмотря на то, что этот курган отличается от ольвийского погребения № 5 1946 г. и формой устройства (могильную камеру кургана покрывала деревянная крыша, покоившаяся на деревянных столбах), и наличием конских захоронений, и значительным богатством и разнообразием инвентаря, все же правомерно сопоставить с ним описываемое ольвийское погребение.

Некоторые элементы инвентаря в кургане № 401 полностью соответствуют таким же элементам инвентаря из ольвийского погребения.

В кургане № 401 стояла так же, как и в ольвийском погребении, остродонная амфора, повидимому, с вином, и на ней висел бронзовый черпак, аналогичный ольвийскому.[5]

В кургане № 401 так же, как и в ольвийском погребении, были найдены кости животного — остатки напутственной пищи. Наконец, в кургане № 401 был также найден чернолаковый килик, хотя и несколько иной формы, чем ольвийский (килик из кургана № 401 имеет высокую подставку [6]), но по времени близкий ольвийскому. Почти идентичными оказались в обоих погребениях и мечи. Возможно, что курган № 401 содержал и другие вещи, до нас не дошедшие. Амфора с черпаком, например, была найдена там in situ, наполовину вкопанной в дно могилы.[7]

Курган № 400 датируется серединой V в. до н. э. В нем был найден идентичный по форме килику из кургана № 401 чернолаковый килик с надписью и бронзовая бляха с изображением львиной головки, синхронная, несомненно, таким же двум бляхам из кургана № 401.

Гораздо большее значение, конечно, имеют не близость дат кургана № 401 и ольвийского погребения, но совпадение в некоторых деталях

---

[1] Р. Попов. Могилнитѣ гробове при с. Ендже. Известия на Българск. археол. инст., VI, стр. 100, рис. 87.

[2] Ср. курган № 487 у с. Капитановки. ИАК, вып. 35, стр. 68, рис. 5.

[3] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, стр. 101; Смела, III, №№ 258—300; ИАК, вып. 14, стр. 16.

[4] ИАК, вып. 14, стр. 13 сл.

[5] Там же, стр. 15, рис. 34.

[6] ИАК, вып. 14, стр. 16, рис. 37.

[7] Там же, стр. 15.

обряда. Ольвийское погребение носит несколько упрощенный характер, по сравнению с курганом № 401 (грунтовая простая могила и несложный ассортимент вещей), но ряд деталей обряда сохранил в полной мере местные черты, столь ярко выраженные в кургане № 401.

Несмотря на то, что сосуды, найденные в ольвийском погребении и в кургане № 401, импортные, сочетание элементов ритуала, наличие скифского вооружения, общий облик погребения — местного характера. Все это заставляет отнести ольвийское погребение № 5 1946 г. в разряд погребений скифского типа.

Представители местных племен, входившие в состав населения города, в условиях городской жизни находились в иной обстановке, нежели население среднего Приднепровья и это несомненно должно было отразиться на обряде погребения.

В некрополях античных городов по всему северному Причерноморью можно выделить группы погребений, сохранивших те или иные черты местного обряда. Мы не склонны думать, что греки, подвергаясь воздействию местной культуры, могли заимствовать некоторые элементы обряда местного характера. Вряд ли греки с их совершенно иными, отстоявшимися представлениями о душе и загробном мире могли воспринять более примитивные в этом отношении воззрения и нарушить традиции в наиболее консервативной области религии — в погребальном культе. Скорее всего представители местного населения, проживающие в городах, даже и в том случае, когда они приспосабливались к обычаям греческой части населения, все же сохраняли черты своих традиционных обрядов.

Погребения местного характера в Ольвии весьма разнообразны. К ним относятся погребения с особой формой устройства — с деревянным срубом или перекрытые деревом, как погребения в кургане, раскопанном в 1912 г.[1], скорченные погребения,[2] погребения с пережитками ритуального окрашивания,[3] наконец, погребения, подобные могиле № 5 1946 г. К их числу прежде всего следует отнести погребение № 66, открытое в 1911 г. В дневнике раскопок некрополя в 1911 г. зафиксировано: «Костяк очень крупных размеров (повидимому, воина) лежал головой на запад. В головах амфора, у левого плеча куча медных наконечников стрел, костяная пронизь, у левого бедра кинжал, у левой руки крестовидная привеска, на поясе точильный брусок».[4]

Погребение № 66, судя по наконечникам стрел[5] и форме меча[6], не ранее V в. до н. э. Любопытна бронзовая крестовидная привеска, близкие аналогии которой можно найти среди памятников кобанской культуры (рис. 7).[7]

В ольвийском некрополе может быть выделена группа погребений воинов, тип захоронения которых близок погребению № 5 1946 г.

---

[1] ОАК, 1912, стр. 31 сл.

[2] С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, VII, 1941.

[3] С. И. Капошина. Пережитки ритуального окрашивания в ольвийском некрополе. КСИИМК, вып. XII, 1945.

[4] Архив ИИМК, ф. I, дело № 331, 1911 г., л. 24—25.

[5] Среди стрел 45 целых экземпляров и несколько обломков. Большинство стрел трехгранные, близкие типу стрел из кургана у с. Глинище (Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья. СА, I, стр. 85, рис. 2); один экземпляр представляет двухлопастный наконечник с шипом на втулке (хранятся в Гос. Эрмитаже, инв. № 16734).

[6] Обычного типа акинак с сердцевидным перекрестием. Рукоятка утрачена. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 28286.

[7] МАК, VIII, табл. XXXVI, рис. 22, табл. XXX, рис. 8. Ср. также: П. Савельев. Древности, найденные на Кавказе. Записки Археологического Общества, т. IX. В перечне Савельева № 7. Рисунок воспроизводится с фотографии, хранящейся в фотоархиве ИИМК.

Такое же, как и в погребении № 5 1946 г., положение меча отмечено в погребении № 91 1913 г.,[1] в погребении № 15 1914 г.[2] На левой тазовой и левой берцовой костях лежали мечи в погребениях №№ 82 и 87 1913 г.[3] Слева у бедра найден меч в погребении № 48 1912 г.[4]

Более близкими погребению № 5 1946 г. являются погребения воинов, в которых найдены кости животных — остатки напутственной пищи. К ним относятся погребение № 79 1910 г., в котором отмечено положение меча, аналогичное положению меча в погребении № 5 1946 г.[5], и погребение № 10 1914 г., в котором помимо костей животного найден кабаний клык, повидимому амулет.[6]

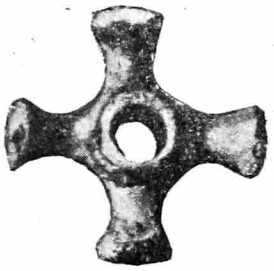

Рис. 7. Бронзовая привеска из погребения № 66 1911 г.

Наличие в составе приношений в могиле мяса мы склонны рассматривать как важный элемент, свидетельствующий о местных обычаях и представлениях.

В задачу настоящей работы не входит исследование всех элементов местного ритуала и полное описание погребений скифского типа. Но следует отметить, что даже внешний вид площади, занимаемой некрополем Ольвии, обращает на себя внимание, так как на ней возвышаются значительные ряды и группы больших и малых курганов. К местным формам древних катакомбных захоронений восходят и формы подбойных могил, которые в Ольвии известны в боль-

---

[1] В дневнике отмечено: у локтя правой руки обломок оселка, три бронзовых наконечника стрел, дно алабастра. Вдоль левой руки 19 наконечников стрел, у пояса справа налево меч, под мечом железный пояс, обломок алабастра, в юго-зап. углу фрагментированная амфора. В засыпи погребения найдены ионийский аск, наконечник стрелы. Архив ИИМК, ф. I, дело № 394, 1913 г., л. 5—6.

[2] В погребении № 15 1914 г. найдены: меч, оселок, 15 бронзовых наконечников стрел, бронзовая пуговица, две амфоры, обломки «костяных предметов». Архив ИИМК, ф. I, дело № 357, 1914 г., л. 32.

[3] В погребении № 82 1913 г., помимо меча, найдена «железная секира», форма которой напоминает бронзовый топорик, изданный Е. О. Прушевской, и привлеченные ею аналогии (ИАК, вып. 63, стр. 54, рис. 11), а также секиру из раскопок Бобринского (ОАК, 1904, стр. 103, рис. 181); железную секиру или боевой топор из погребения № 82 1913 г. можно сопоставить с аналогичными предметами из собрания Ханенко (ДП, III, табл. XXXVIII, *170*; ДП, II, табл. III, *129*, табл. V, *134*, ср. также Leon Kozlowski. Zarys pradziejow Polski. Львов, 1939, стр. 70, табл. XX, рис. 31). Кроме того, в погребении № 82 найдены оселок, 5 бронзовых наконечников стрел, амфора, обломки железного и костяного предметов; в насыпи погребения 57 бронзовых наконечников стрел, медная и костяная пронизи, обломки чернофигурного сосуда, обломки костяного предмета, медная бляха (?). (Архив ИИМК, ф. I, дело № 394, 1913 г., л. 2). «Медной бляхой» в дневнике назван предмет, близкий по форме золотой находке Бобринского в кургане № 400 у Криворукова (ИАК, вып. 14, стр. 12, рис. 19). В погребении № 87 1913 г. были найдены разбросанными 35 бронзовых наконечников стрел и 2 наконечника in situ, меч, следы железного ножа, на пальце левой руки железный перстень, медная пряжка; в засыпи: чернофигурный лекиф, 9 наконечников стрел, обломки железного ножа, обломки амфоры, обломки чернолакового сосуда, обломки серого сосуда (Архив ИИМК, ф. I, дело № 394, 1913 г., л. 4—5).

[4] В погребении № 48 1912 г., судя по дневнику, помимо меча найдены: 16 бронзовых наконечников стрел, обломок железного ножа, обломок оселка, фрагментированная железная втулка копья, обломок бронзовой пластинки, ионийский аск (Архив ИИМК, ф. I, дело № 380, 1912 г., л. 16). Группа ионийских асков из некрополя Ольвии опубликована В. М. Скудновой (Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии. Труды отдела Античного мира Гос. Эрмитажа, 1945). К тому же типу погребений воинов можно отнести погребение № 70 1910 г., погребения №№ 2, 8, 120, 122, 141, 1902 г. Перечень этих погребений далеко не полный.

[5] Архив ИИМК, ф. I, дело № 310, 1910 г., л. 37.

[6] Архив ИИМК, ф. I, дело № 357, 1914 г., л. 22.

шом количестве. Исследование генезиса ольвийских подбойных могил составляет самостоятельную задачу дальнейших работ.[1]

Интересную аналогию описанному ольвийскому погребению № 5 представляет погребение № 8, открытое в 1938 г. в Тамани. При раскопках западной части Таманского некрополя в 1938 г. было открыто 61 погребение. Производивший тогда работы директор Таманского музея А. Остроумов отнес эти погребения к VI—IV вв. до н. э.[2]

Погребение № 8 представляло собою простую грунтовую могилу. Положение костяка, ориентированного на В, не известно, так как в центральной части могила была перерезана позднейшим погребением. Несмотря на это, инвентарь, повидимому, не пострадал. От костяка сохранился череп, незначительные остатки плечевых костей и берцовые кости (рис. 8). Вещи, сгруппированные у ног умершего, хорошо сохранились. В нетронутой части могилы, у головы, вещей не было. С правой стороны костяка лежало копье; железный его наконечник и втулка найдены in situ (рис. 9), потому восстанавливается и длина копья. У левой ноги находился чернолаковый килик (рис. 4в); у правой ноги маленький красноглиняный кувшинчик (рис. 4г), чернолаковая солонка и глиняное пряслице.

Даже при беглом перечне инвентаря этого погребения бросается в глаза его сходство с инвентарем ольвийского по формам и ассортименту.

Чернолаковый килик несколько отличается от чернолакового килика ольвийского погребения профилировкой подставки и худшим качеством лака; солонка также с более прямыми стенками отличается по форме от ольвийской солонки.

Красноглиняный маленький кувшинчик местного производства почти идентичен по форме ольвийскому серому кувшинчику (рис. 4б).

В отличие от ольвийского воина таманский воин положен в могилу с копьем (если не уничтожены другие предметы вооружения вследствие разрушения центральной части могилы). Судя по формам чернолакового килика и чернолаковой солонки, таманское погребение может быть отнесено к несколько более позднему времени, чем ольвийское, хотя оно и укладывается в рамки поздне-классической эпохи.

Ольвийское погребение представляется несколько более богатым, чем таманское, обряд захоронения последнего еще более упрощен, чем обряд захоронения ольвийского воина. В таманском нет амфоры с вином и черпаком и напутственной пищи. Не является ли это упрощение захоронения результатом его более позднего времени? Условия городской жизни могли сказаться с течением времени в большей степени.

Погребения скифского типа в Ольвии не выделены территориально среди общей массы захоронений в грунтовом некрополе. Это положение характерно для некрополя, расположенного за чертой города и для

---

[1] Позволю себе не согласиться с Б. Н. Граковым, который в работе «Термин Σκύθαι и его производные в надписях сѣверного Причерноморья» (КСИИМК, XVI) говорит, что в ольвийском некрополе исследовано слишком мало автохтонных по обряду погребений. При учете форм могильного устройства, генезиса и характера подбойных могил, погребений скифов-воинов, в обряде захоронений которых выступает отчетливо местный характер, автохтонные погребения занимают весьма заметное место в ольвийском некрополе. Количественный их подсчет представит известный интерес, но он чрезвычайно затруднен в ряде случаев смешением греческого и местного элементов в обряде погребений, а механическое деление вряд ли вскроет реальную картину.

[2] А. Остроумов. Краткий отчет о раскопках некрополя Тамани в 1938 г. Хранится в секторе Древнего Причерноморья ИИМК.

некрополя в сев.-вост. части городища.[1] Погребения воинов также располагаются вперемежку с другими могилами. Можно отметить только, что ольвийские курганы большей частью сгруппированы в юго-западном районе некрополя.

Важнейшей задачей, при исследовании местных погребений, является изучение не только их этнической принадлежности, но и социальной. Погребения скифов-воинов, типа погребения № 5 1946 г., сами по себе

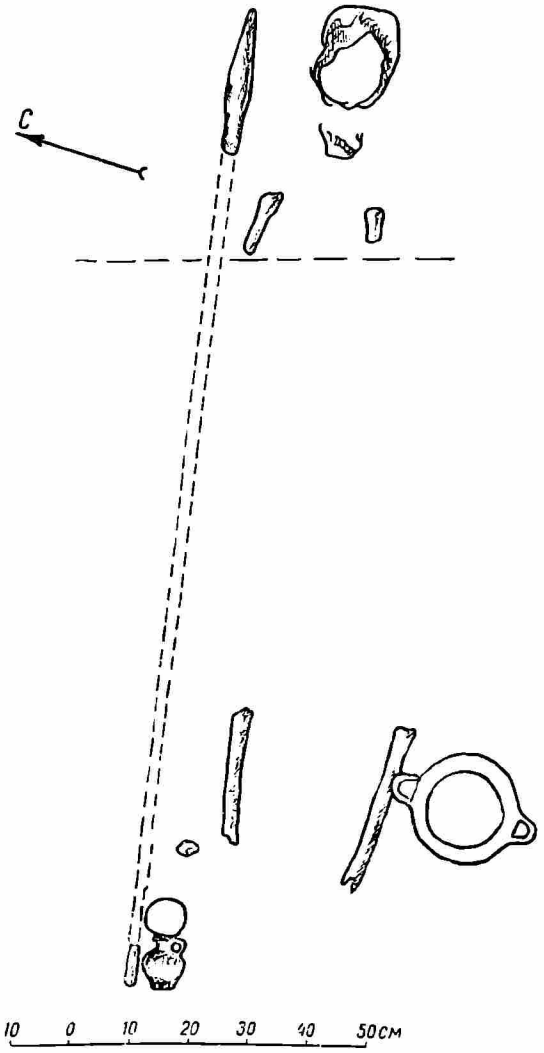

Рис. 8. Тамань. Погребение № 8 1938 г.

Рис. 9. Тамань. Наконечник копья.

уже отвечают в известной мере на этот вопрос. Вряд ли можно сделать вывод об их социальной приниженности. Погребения, открытые в кургане, раскопанном Б. В. Фармаковским в 1912 г., отличались довольно редким для ольвийского некрополя богатством и могли принадлежать представителям местной знати.

Среди серии скорченных погребений можно выделить группу погребений, не содержащих вещей, что может свидетельствовать о социальном положении погребенных. Имеющийся материал пока еще не позволяет сделать широких выводов в этом отношении. Некрополь Ольвии еще

[1] Ср.: Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части ольвийского городища. СА, VI.

нуждается в специальном исследовании, которое должно выяснить наличие различных социальных групп.

В своей рецензии на книгу А. А. Иессена С. В. Киселев указывает, что местное население Ольвии было вытеснено или подчинено греками-пришельцами, что местное укрепление, бывшее на месте Ольвии, подверглось насильственному захвату.[1]

Завоевательный характер греческой колонизации северного Причерноморья не отмечен источниками.

Наличие ряда местных погребений с захоронениями воинов в некрополе конца VI и V вв. до н. э., а также в некрополе и более позднего времени (центральное погребение кургана 1912 г. принадлежит эллинистической эпохе), не позволяет согласиться с предположением о вытеснении греками местного населения из Ольвии.

Торговля рабами и вывоз рабов из Причерноморья на греческие рынки еще не доказывает поголовного порабощения греками местного населения. Б. Н. Граков, исследуя источники, отмечает, что северное Причерноморье никогда не играло особенно заметной роли в снабжении Греции рабами. При широком распространении рабства и освоении греческими рабовладельцами рабских рынков в различных районах античного мира, северное Причерноморье не стало «резервуаром» рабской силы. Даже в период некоторого усиления вывоза рабов в III—II вв. до н. э. все же рабы из Скифии и Кавказа составляли незначительный процент эксплоатировавшихся в древней Греции.[2] Эксплоатация низших слоев населения осуществлялась господствующим рабовладельческим классом, который по этническому составу был смешанным, так как состоял из греков и варварской знати, роль которой с течением времени все более усиливалась. И уже на ранних ступенях истории северного Причерноморья мы имеем «не единоборство двух как будто бы чуждых этнических составов с окончательным придавлением одного из них, а встречу присущих им форм и вызванное ею скрещение со всеми сложными его последствиями».[3] Какие бы цели ни ставила греческая колонизация, местное население оказалось достаточно сильным, чтобы не быть порабощенным, а в поздне-эллинистическое время сама Ольвия находилась в зависимости от скифских царей.

Местные погребения в ольвийском некрополе, в частности погребения воинов, свидетельствуют о наличии местной прослойки в составе населения Ольвии и об ее активной роли в жизни города.

---

[1] ВДИ, № 3, 1948, стр. 119—120.

[2] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, № 3, 1939.

[3] И. И. Мещанинов. Кромлехи, 1930 г., стр. 6.

А. П. МАНЦЕВИЧ

ГРЕБЕНЬ И ФИАЛА ИЗ КУРГАНА СОЛОХА

Территория нашей родины, именно юг европейской части СССР, изобилует памятниками скифского периода, представленными до недавнего времени по преимуществу погребальными комплексами.

Важную часть каждого из этих исторических документов на протяжении всего скифского периода (в середине и конце его в особенности) составляют предметы греческого импорта. Шедевры греческого искусства эпохи его расцвета в богатых курганах северного Причерноморья V—IV вв. — закономерное явление. В кургане Солоха, наиболее богатом комплексе, имеется целая серия высокохудожественных предметов греческой торевтики: девять серебряных сосудов разных форм (среди них на одном — изображения сфинксов, на другом — женские фигуры) и золотые предметы, среди которых выделяются гребень и фиала.

Гребень (рис. 1) находился справа у черепа восточного, главного скелета. Это массивный чеканный предмет длиной 12.3 см, шир. 10.3 см. Наиб. толщ. 7 мм.

Скульптурная композиция, близкая к форме полукруга, венчает девятнадцать зубцов. В центре воин на скачущем влево коне в поднятой правой руке занес копье на противника, в левой опущенной руке держит поводья. По обе стороны всадника две симметричные фигуры пеших воинов в быстром движении нападения: каждый из них опирается на левую ногу, правой едва касаясь земли; туловища воинов наклонены вперед. В правой руке у них меч, в левой — щит. Под скачущим конем лежит раненый второй конь, голова которого касается ног скачущего коня. У него одна рана на груди возле левой лопатки, другая справа на шее, причем резьбой обозначена струящаяся кровь.

Одежда фигур соответствует одежде варваров, изображаемых на памятниках греческого искусства: например на мозаике Александра, на сидонском саркофаге, на кульобской и чертомлыцкой вазах. Она состоит из безрукавки, — на гребне в двух случаях замененной панцырем, — и шаровар—анаксирид.

Вооружение центральной фигуры всадника наиболее полное: коринфский шлем, сдвинутый на затылок, чешуйчатый панцырь с наплечниками, чешуйчатый же пояс, кнемиды. Слева подвешенный к поясу горит со стрелами (лук отсутствует). Спина закрыта овальным чешуйчатым щитом, как это имело место у фракийцев, согласно сообщению Ксенофонта (Anale. VII, IV, 17).

Находящийся перед всадником воин имеет шлем, как на афинской монете Британского музея,[1] определяемый Ростовцевым как фракийский,[2]

[1] Daremberg-Saglio, под словом Galea, стр. 1443, рис. 3446.

[2] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись. СПб., 1914, стр. 334, прим.

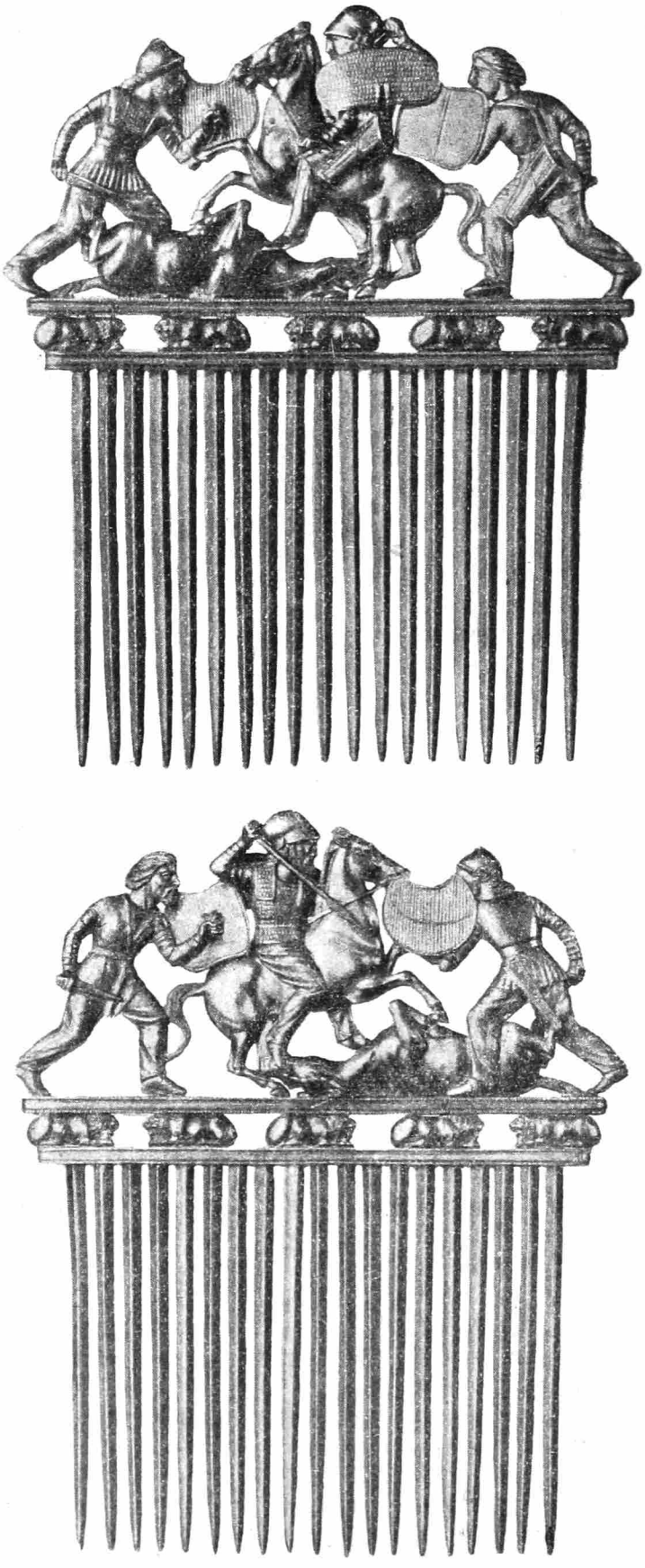

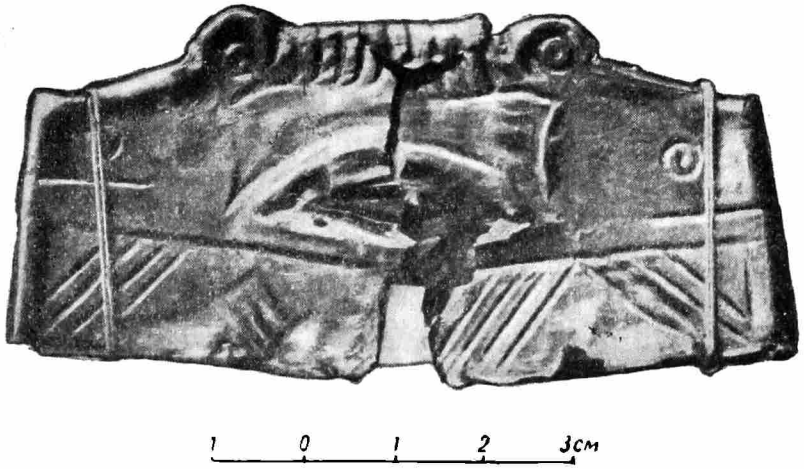
Рис. 1. Гребень из кургана Солоха (золото). (Гос. Эрмитаж).

и кожаный панцырь с наплечниками, привязанными тесемками к пуговкам на груди, как на фигуре Александра на мозаике.[1] Чешуйки, металлические или костяные, закрывают грудь. Край панцыря имеет вид волана, образуя правильные, как бы гофрированные складки. К глад-

Рис. 2а. Головной убор (калаф) из кургана Большая Близница. Деталь (золото). (Гос. Эрмитаж).

кому поясу слева привешены ножны типичной для северного Причерноморья и Ирана формы, короткий обоюдоострый меч в правой руке, круглый щит с вырезом в верхней части, обычно называемый πέλτη,

2б. Гребень из кургана № 11 группы Частых курганов близ Воронежа (кость, золото). (Воронежский музей).

в левой. Этот щит делался из ивовых прутьев, о чем свидетельствует и его название ἴτεα (ива) или γέρρον (плетенка); он являлся характерной принадлежностью вооружения варваров, и азиатских (например, на фигурах персов на лекифах Ксенофанта),[2] и европейских, в том числе фракийцев и амазонок.[3] Таким же щитом вооружен варвар

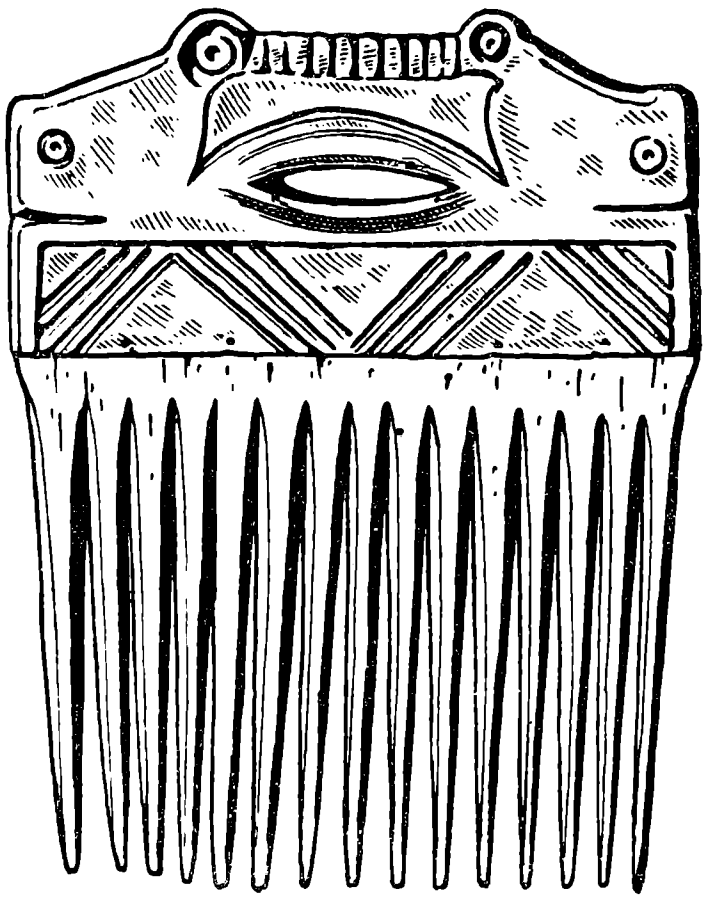
[1] Winter. Das Alexandermosaik. 1909, таблица.

[2] А. А. Передольская, Труды Отдела Античного мира, т. I, Л., 1945, стр. 60, табл. I—VI.

[3] Daremberg-Saglio, под словом Clipeus, стр. 1250, рис. 1639.

на калафе Большой Близницы (рис. 2а) Peltatae, peltiferae — эпитеты амазонок. В Греции этот щит был включен в ассортимент вооружения только Ификратом (впоследствии зять фракийского царя Котиса) около 390 г. и в изобразительном искусстве встречается редко, в противоположность типично греческому круглому щиту с эмблемой.

На фигуре третьего воина надет кафтан-безрукавка с башлыком, а с левого бока к поясу подвешен горит со стрелами, также без лука. В правой руке короткий обоюдоострый меч, а в левой — гладкий щит в форме четырехугольника с двумя вогнутыми и двумя выпуклыми сторонами, очевидно, деревянный, покрытый кожей и называвшийся σκύθος.

2в. То же, что на рис. 2б. Реконструкция С. Н. Замятнина.

У всех воинов густые бороды и длинные волосы, у двух доходящие до плеч, у третьего подрезаны на затылке. Лица первых двух воинов ничем не отличаются от идеальных изображений бородатых голов в античном искусстве. Лицо третьего воина характеризуется толстыми губами, прямыми длинными усами и прядями бороды и, повидимому, подчеркивает его варварское происхождение.

Второй воин находится в непосредственной близости к сраженному коню: его правой ноги касается задняя нога коня, а левая — возле туловища животного. Очевидно, это — только что спешившийся всадник, который продолжает сражаться возле своего раненого коня. Моменту, изображенному на гребне, предшествовал момент поединка двух всадников.

Небольшие размеры предмета помешали мастеру сохранить пропорции фигур гребня: непропорционально велика голова человека в сравнении с туловищем и фигуры людей слишком крупны в сравнении с фигурами коней.

Лица моделированы чрезвычайно тонко, с передачей мельчайших деталей: обозначены зрачки, веки, складки на щеках, мускулы шеи. Тщательно переданы складки шаровар и узор на них, мускулатура лошадей, кровеносные сосуды на их туловище, детали уздечек.

Изображение на гребне — плоский двусторонний рельеф, в известной мере условный: у всех фигур головы и ноги изображены в профиль, а туловище в фас. Переходом от композиции человеческих фигур к монотонному ряду зубцов служит орнаментальный фриз фигур лежащих

львов, таких же, как на концах шейного обруча женского погребения Куль-обы.[1]

Аналогии гребню в смысле стиля и техники не существуют. С. Н. Замятнину я обязана указанием мне еще в 1941 г. на костяной гребень аналогичной формы, найденный в кургане № 11 в группе Частых курганов близ Воронежа в 1915 г. (рис. 2б, 2в).[2] От гребня сохранилась лишь золотая двойная оболочка в виде двух стилизованных кабаньих голов. Это указа-

Рис. 3. Гребень из Второго Семибратнего кургана [кость (?), золото]. (Гос. Эрмитаж).

а, б — боковые стороны; *в* — вид сверху.

ние позволило мне установить, что двойная золотая пластинка из Второго Семибратнего кургана с изображением двух птичьих голов, обычно определявшаяся как ручка сосуда, является частью гребня (рис. 3). В пользу этого говорят и намеченные основания зубцов. Реставрация пластинки произведена ст. реставратором Гос. Эрмитажа Д. И. Смирновой. Микрообследование пластинки следов дерева не обнаружило; очевидно, и этот гребень был костяной и, подобно гребню из кургана Солохи, не был рассчитан на подвешивание, тогда как у воронежского имеется для этой цели специальное отверстие. Кстати, семибратний гребень и по размерам близок к гребню Солохи.

Оболочкой такого же гребня, без сомнения, были и две золотые пластинки, орнаментированные пальметкой и растительными мотивами,

[1] Древности Боспора Киммерийского, табл. VIII, *2*.
[2] СА, VIII, стр. 45, рис. 16 и 17.

предположительно найденные в склепе Куль-оба (рис. 4,*а, б*).[1] Обломок костяного гребня с такими же толстыми и длинными зубцами и ажур-

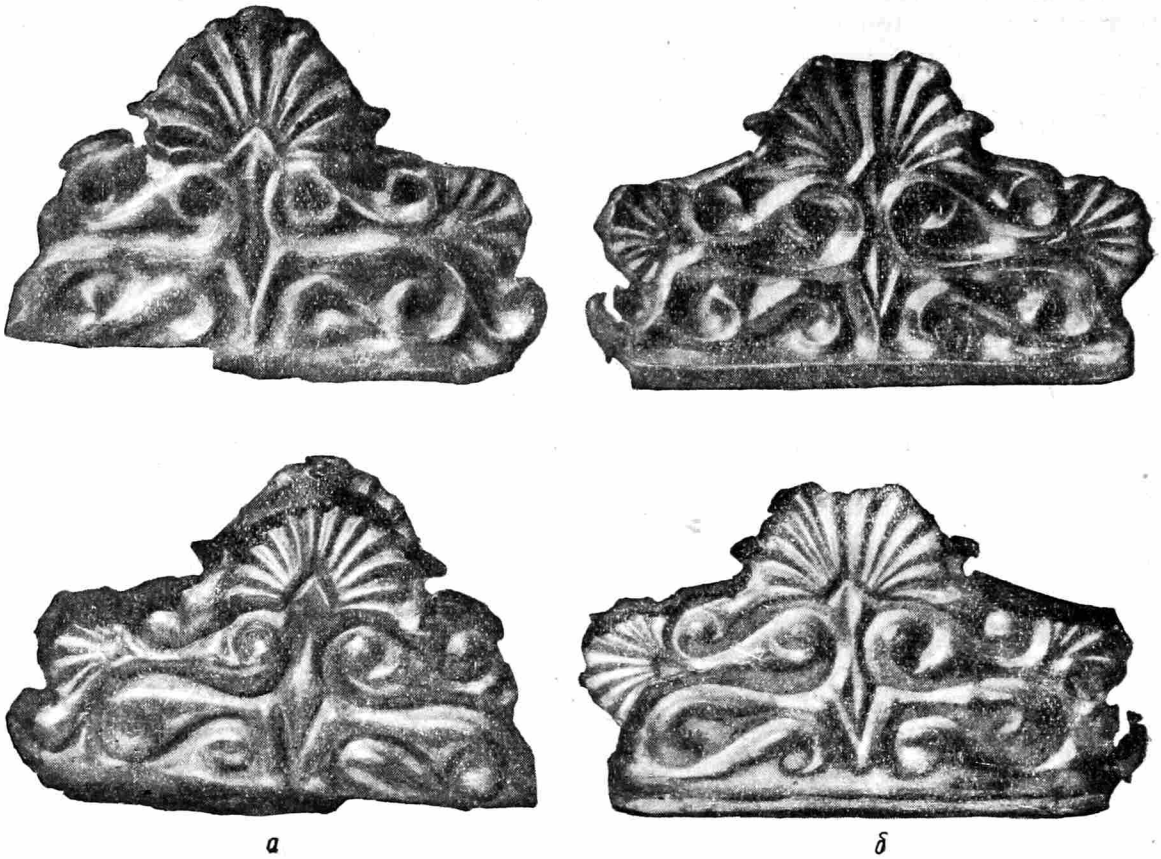

Рис. 4. Пластины — оболочки гребня из кургана Куль-оба (золото). (Гос. Эрмитаж). *а* — 1-я пластина: лицевая и обратная стороны; *б* — 2-я пластина: лицевая и обратная стороны.

ным верхом с отверстием для подвешивания (рис. 5а) найден на Конецгорском селище в Прикамье А. В. Збруевой. Его форма ближе всего к воронежскому гребню. Эта аналогия особенно подчеркивает резкое отличие той среды, которая употребляла гребни, по форме аналогичные гребню Солохи.

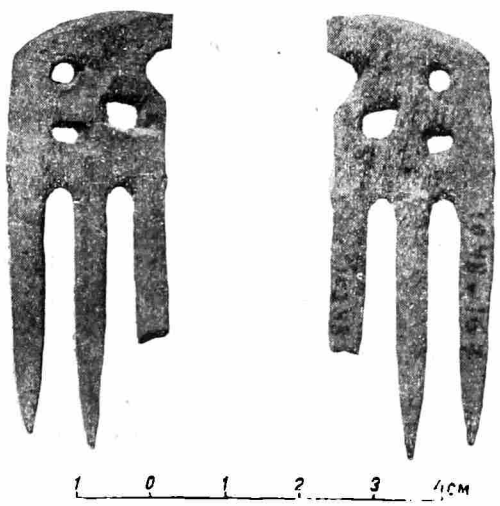
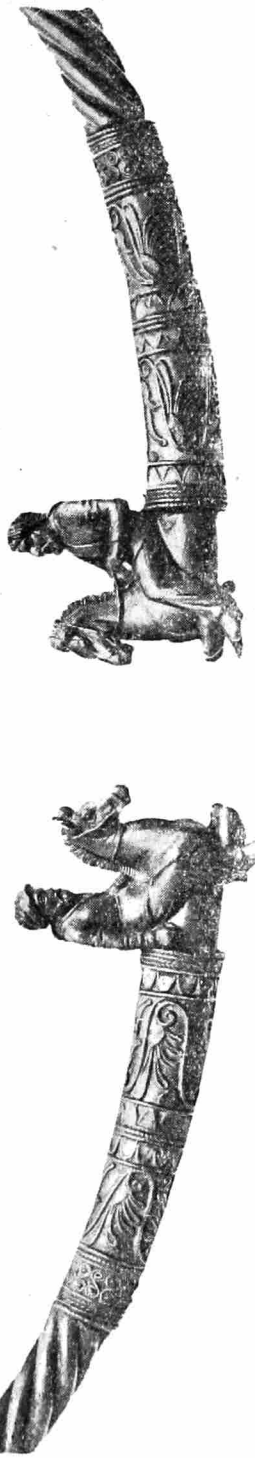

Рис. 5а. Обломок гребня из Конецгорского селища: лицевая и обратная стороны (кость). (Гос. Эрмитаж).

Односторонний же костяной гребень, увенчанный треугольной пластинкой, был найден в Ольвийском некрополе в 1901 г.[2] Относится он к римскому времени. Б. Н. Граков указал, что гребни этой формы характерны для полей погребальных урн. Таким образом, все аналогии гребню Солохи, наиболее близкие ему по времени, распространены в среде местного населения Северного Причерноморья и в связанной с ним через посредство Воронежского района области Ананьинской культуры.

[1] По каталогу Antiquités du Bosphore Cimmérien № 487.
[2] ИАК, вып. 8, стр. 67, рис. 73.

Греческие гребни обычно двусторонние с короткими и тонкими зубцами. Гребень Солохи предназначался для «варвара», на что указывают не только специфическое содержание изображения, но и форма. Мастер гребня был крупный художник, о чем свидетельствует как техническое совершенство исполнения, так и большое умение гармонически распределить массы в целом: упавшая лошадь обусловлена не только сюжетом изображения, но и композицией, заполняя лакуну под ногами скачущей лошади, и, таким образом, уравновешивает композицию. Мотив скачущего всадника обычен на памятниках греческого искусства как прикладного, так и монументального, как, например, на фризе Парфенона (рис. 6), на сидонском саркофаге Александра. Из памятников прикладного искусства можно назвать два лекифа Ксенофанта из Керчи и такой же лекиф из кургана Сез-Севмес близ Варны в Болгарии,[1] сосуд со сценами охоты из Солохи (рис. 7), золотые бляшки из Куль-оба.

5б. Шейная гривна из кургана Куль-оба. Деталь (золото). (Гос. Эрмитаж).

Но особенно хорошо знакома нам композиция всадника в областях Дуная, где на рельефах важнейшие божества, как правило, изображаются в образе всадника. По стилю и композиции изображение всадника на гребне ближе всего связано с фризом Парфенона ввиду хронологической близости обоих памятников, но в композиции гребня имеют место черты условности, архаизма, например фигуры пеших воинов, в действительности являющиеся повторением одной и той же фигуры, как это имеет место и на эгинских фронтонах.

Гребень — один из самых ранних предметов комплекса Солохи, и датировать его следует не позднее времени создания Парфенона, т. е. тридцатыми годами V в.[2] Необходимо отметить, что аналогичная одежда и вооружение воинов, изображенных на гребне, характеризующие их как варваров, встречаются в Северном Причерноморье преимущественно на памятниках торевтики: кроме золотой кульобской бляшки со всадником и такой же серебряной в кургане Александрополя, в комплексе Куль-оба имеется шейный обруч с протомами всадников (рис. 5б) и электровая ваза, а в Солохе — серебряное налучье.

Фиала μεσόμφαλος, или ὀμφαλωτός (рис. 8—9), находилась слева от того же главного, восточного скелета бокового погребения в небольшой нише омфалом вверх, на горите. Диам. ее 22—24 см, выс. 3 см. В противоположность гребню, сосуд этой формы чрезвычайно распространен и в греческом, и в варварском быту и культе. В сообщаемых Геро-

[1] Изв. Болг. арх. инст., т. 6, стр. 171, табл. XII.

[2] Gisela M. A. Richter. A rock sword sheath from Russia. Metropolitan Museum Studies, т. IV, ч. 2, 1932, февр., стр. 126.

Рис. 6. Фриз Парфенона. Деталь (мрамор). (Британский музей).

Рис. 7. Сосуд из бокового погребения кургана Солоха (серебро). (Гос. Эрмитаж).

дотом легендах Липоксай получил и царскую власть вместе с золотой фиалой, упавшей с неба,[1] а младший сын Геракла и Полуехидны (μιξοπάρθενος), Скиф, получил царскую власть над страной вместе с висевшей на поясе Геракла золотой фиалой.[2] Фиала фигурирует в числе царской могильной утвари в описании Геродотом царских похорон в Скифии.[3] Следовательно, золотая фиала в Скифии связана с царским бытом.

Рис. 8а. Фиала из погребения кургана Солоха (зслото). (Гос. Эрмитаж). Общий вид снизу.

Фиала из менее ценного материала была неотъемлемой принадлежностью костюма рядового скифа, как узнаем из той же легенды о Геракле и Скифе. Наличие золотой фиалы в Солохе указывает, что этот курган был царским погребением, равно как и склеп Куль-оба в Керчи, содержавший вторую из шести известных в Европе и Азии золотых фиал. В Северном Причерноморье были найдены также серебряные чеканные фиалы, например в Нимфее, Зубовском хуторе, Чмыревой могиле (три),

[1] Her., IV, 5.
[2] Her., IV, 9, 10.
[3] Her., IV, 71.

Втором Семибратнем кургане. Целая серия серебряных фиал была найдена в Болгарии (Брезово, Радювене, Калето близ Свиленграда, Александрополь, Дуванлий); одна серебряная фиала неизвестного происхождения (?), приобретена Метрополитанским музеем.[1]

Форма фиалы была изготовлена путем ковки, затем подверглась обработке чеканом. Снаружи она имеет рельеф, изнутри полый, оживленный с обеих сторон ретушью, менее тщательной на внутренней стороне. Рельеф изображает борьбу зверей: львов и пантеру, терзающих лань и лошадь. На гладкой поверхности края две греческие надписи (рис. 9а).[2] Группа животных повторяется по семи раз внутри каждого из трех фри-

8б. То же, что на рис. 8а. Деталь.

зов. Таким образом, композиция в одно и то же время строится и лучами и концентрическими кругами (рис. 9а).

В первом, внутреннем фризе группа изображает повернутую влево лежащую лань (dama) с поднятой головой с характерным рогом в виде широкой лопасти (рис. 8б); на ее спину сзади вскочил лев и впился зубами и когтями в ее шею. Белые пятна на шкуре лани переданы снаружи мелкими овалами тончайшего пунктира, на внутренней стороне — овалами из параллельных штрихов, нанесенными при помощи особой формы пунсона.

Сюжет льва, терзающего лань, обычен в античном искусстве, не редок он и на серебряных предметах, например, на шаровидном сосуде из Куль-оба, горите Солохи, чертомлыцкой амфоре. Следует добавить, что этот сюжет представлен также и на резных камнях, например, на горном хрустале Британского музея, где лань представлена влево,[3] и на сер-

[1] R i c h t e r. Bulletin Metropolitan Museum of Art. 1940, январь.

[2] ОАК 1913—1915, стр. 121, рис. 194; RA, т. 23, 1914, табл. XI; Гермес, 1914, вып. 7—8, стр. 221, рис. 15; AA, 1914, стр. 275—278, рис. 100—101; L u s c h e y. Die Phiale, 1939, стр. 112.

[3] Blakas Collection. W a l t e r s. Catalogue of gems, табл. IX, № 538 — конец V в.; G. R i c h t e r. Animals, стр. 50, табл. VII, *21* — вторая половина V в.

долике с изображением группы вправо.[1] Особенно сходно с фиалой очертание гривы треугольной формы у льва на горном хрустале, тогда как рисунок расположения ног льва сближает фиалу с сердоликом. Этот же сюжет имеется и на киликийских монетах, например, на серебряных статерах Мазея (361—333 гг.),[2] где лань также изображена влево. На мо-

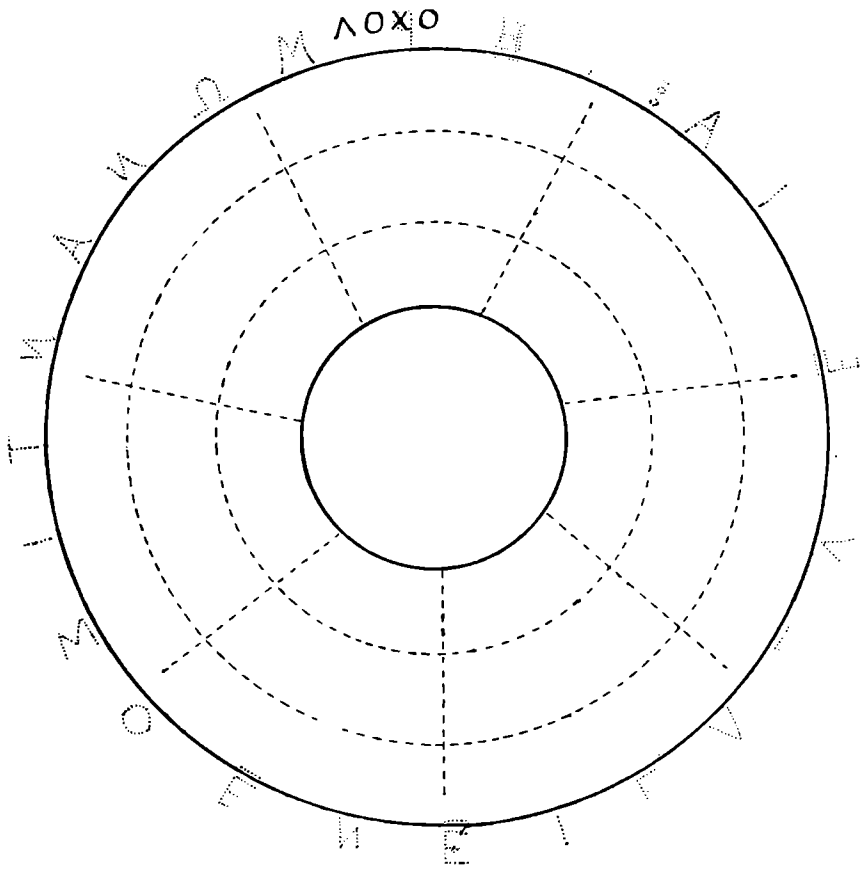
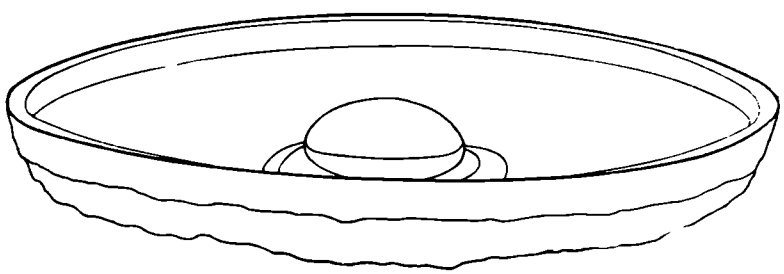

Рис. 9а. Фиала из погребения кургана Солоха. Надпись и схема размещения рельефных групп.

9б. То же, что на рис. 9а. Форма фиалы, вид сбоку.

нетах царей города Кития на южном берегу Крита Азваала (445—425 гг.) и Ваалмелека II (425—400 гг.)[3] группа повернута вправо. Пантера с ланью (?) влево изображена в аналогичной композиции на трех золотых бляшках из бокового погребения Чмыревой могилы.[4]

[1] Греция. Walters, ук. соч., табл. IX, № 540.
[2] Grose. Catalogue of Greek coins, т. III, табл. 328, 15.
[3] Hill. Catalogue of Greek coins of Cypros, стр. XXXII—XXXV, табл. III и XIX.
[4] ОАК, 1909—1910, стр. 129, рис. 192.

Группы второго фриза представляют лошадь, лежащую подобно лани (рис. 8б). Ее шею грызет стоящий на ее спине лев; второй хищник — пантера (пятна на ее шкуре не сплошные, как у барса, а в виде колец; хвост такой же длинный как у льва; отсутствует грива) — схватил ее передней лапой за голову и грызет шею спереди. Пятна на шкуре пантеры на лицевой стороне обозначены группами мельчайших точек, на обратной стороне — тремя крупными точками.

Группы третьего фриза (рис. 8б) представляют лежащую на спине лошадь с поднятыми вверх ногами, которую терзают два льва; у нее, как и у мула, ясно видна грива и более длинный, чем у мула, пушистый хвост. Один лев справа стоит на лошади и впился зубами в ее плечо, второй слева хватает ее за грудь; передние ноги ее расположены вокруг головы льва; задними она касается плеча первого льва.

Этот сюжет также встречается редко и представлен преимущественно резными камнями: на халцедоне Британского музея [1] дана сходная композиция; аналогия фигуре простертой лошади на фиале имеется на другом халцедоне Британского музея, датируемом временем около 450 г.,[2] где изображен лев на простертой лани. Согласно ссылке Вольтерса, тот же сюжет представлен на зеленой яшме работы Aulus'a в собрании Мегам,[3] на сердолике, изображающем бронзовую группу в Ватикане,[4] и на ленточном агате Берлинского Антиквариума.[5] К сожалению, у Липперта и у Телькена нет ни описания, ни изображений камней. Кроме резных камней, этот же сюжет, по композиции сходный с первым и вторым фризами, где терзаемое животное лежит на животе и откинуло назад одну заднюю ногу, представлен на краснофигурной лекане, найденной близ Керчи в 1860 г. и исполненной, по словам Стефани, «в одной из лучших вазовых фабрик IV века»,[6] а также на деревянном саркофаге, найденном в 1868 г. в кургане (в 2 верстах к западу от городища по правую сторону дороги, ведущей к соленому озеру на Тузле) на Таманском полуострове.[7]

Положение фигур лошади и лани очень сходно, оно встречается и на большинстве приведенных аналогий: на резных камнях, монетах, саркофаге, чертомлыцкой вазе и, кроме того, на мозаике дома A VI в Олинфе.[8] У всех этих животных одна передняя нога, согнутая в колене, выставлена вперед, и одна задняя, прямая, вытянута назад; вторая задняя и вторая передняя ноги подогнуты под туловище; голова поднята. Эта схема сходна также с группой льва, терзающего быка, на монетах Аканфа 424—400 гг.,[9] причем сходна с монетами также изображенная в фас передняя часть туловища льва, — трафарет для античного искусства второй половины V в.; локализуется она, повидимому, на севере Греции или Малой Азии.

Несмотря на приведенные изображениям на чаше аналогии с резными камнями и монетами, все группы на фиале чеканились художником от руки, а не по трафарету, так как между ними заметна, хотя и незначительная, разница: например, в расстоянии между двумя задними

---

[1] Walters, Catalogue, стр. 66, табл. IX, 536.
[2] Walters, ук. соч., табл. IX, 539.
[3] Lippert. Dactyliothec, II, № 1014; Millingen, II, стр. 2, № 483.
[4] Sandrart, Maler-Academie, т. II, стр. 2, № 5.
[5] Tölken. Erklärendes Verzeichniss der antiken geschnittenen Steine. 1835, Zweite Klasse, стр. 50, № 14, собрание Stosch.
[6] ОАК, 1861, стр. 28, табл. II, *2—3*.
[7] ОАК, 1869, стр. 177—178.
[8] Robinson. Excavations at Olynthus, V, табл. X B и XI A.
[9] H. Gaebler. Die antiken Münzen Nordgriechenlands, III. Makedonia und Paionia, стр. 27, табл. VII, 9, 10.

ногами льва первого фриза, между мордой лани и хвостом пантеры, между головами льва и барса среднего фриза. Несмотря на отмеченную выше связь с монетами, контур этих изображений не рассчитан на контур диска монеты: например хвост лошади, хвост пантеры второго фриза, рог лани выступают за контур круга и представляют механическую связь между отдельными фризами и группами. При этом следует отметить необычайную точность расчета мастера в размещении групп.

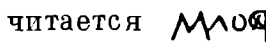
Определение Свороносом сюжетов фиалы как борьбы льва и оленя в первом (внутреннем) фризе, льва и львицы, терзающих козла, во втором и двух львов, терзающих козла, в третьем фризе, — совершенно произвольны, равно как и их толкование.[1] Оценка статьи Свороноса дана Ростовцевым.[2] Нельзя согласиться со Свороносом и в том, что сюжеты фиалы указывают на ее аттическое происхождение,[3] так как с аттическими памятниками они имеют меньше всего соответствий.

Лучшая аналогия фиале Солохи — золотая чаша склепа Куль-оба,[4] хотя сюжет ее отличен, но размещение изображений по радиусам и концентрическим кругам сходно с композицией чаши Солохи. Вдоль гладкого края ее также заметны следы пунктирной надписи, уничтоженной, вероятно, в древнее время. Отличается фиала Куль-оба, также как и зубовская,[5] наличием двух ушков. Серебряные фиалы аналогичной фиале Солохи формы известны в более значительном количестве [например, три фиалы Чмыревой могилы,[6] фиала третьего Семибратнего кургана,[7] фиала Нимфея,[8] знаменитая резная фиала Башовой могилы,[9] две серебряные фиалы из Букьовцы (Ореховско), датируемые Р. Поповым началом Латенской эпохи,[10] две серебряные фиалы из Тетевенско,[11] фиала Карагодеуашха [12]]. Несколько отличную форму, но аналогичную технику рельефа представляет описанная Рихтер фиала Метрополитанского музея и три фиалы, найденные во Франции.[13] Все же в отношении формы наиболее близкими аналогиями являются фиалы Северного Причерноморья (кроме зубовской) и фиала Башовой могилы, которая издателем датируется 430—420 гг., а Шефольд склонен отнести ее даже к 440—430 гг.[14]

Гладкий край чаши шириной в 1 см утолщается внутрь и срезан перпендикулярно внешней поверхности чаши; на нем заметны следы двух греческих надписей: одна из 25 букв, другая из четырех. Первая надпись (рис. 9а) размещена по всей окружности чаши и читается справа налево: ⌈ƎNƎOƧ⌉ITNA NΩMϤ⊟H⁝AIϤƆOYƎΛƎ. Три по вертикали расположенные кружка разделяют начало и конец надписи. Подобным же образом тремя точками разделены слова надписи NAYΣIΣ[T]PATOΣ⁝KAΛOΣ⁝NAI на горлышке фигурного лекифа из Таранто в Оксфорде.[15] Исследователи

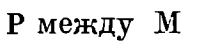
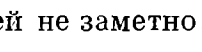
[1] ИАК, вып. 65, стр. 40.
[2] Там же, стр. 72—78.
[3] Там же, стр. 36.
[4] Древности Боспора Киммерийского, табл. XXV.
[5] ИАК, вып. 1, стр. 99, рис. 18а.
[6] ОАК, 1909—1910, стр. 131, рис. 196 и 197; Саханев, ИАК, вып. 45, табл. 14, рис. 1; стр. 119, рис. 2; стр. 120, рис. 4.
[7] E. Minns. Scythians and Greeks. Кембридж, 1913, стр. 209.
[8] E. Minns, ук. соч., стр. 213, рис. 114.
[9] JAI, т. 45, 1930, табл. 8.
[10] Изв. Болг. арх. инст., XII, 2, 1938, рис. 225—226.
[11] Там же, стр. 233.
[12] MAP, вып. 13, табл. VI, 4; полный перечень аналогий см. у Luschey (ук. соч., стр. 138).
[13] Walters. Catalogue of silver plate, №№ 8—10, табл. II—III.
[14] Römische Mitteilungen, т. 46, 1931, стр. 129.
[15] CVA, Оксфорд, III, I, табл. 49, 15.

неправильно считали, что надпись на фиале нанесена была коричневой краской. В действительности же она была выбита довольно глубокими точками, при помощи молотка и пунсона, так что все очертания букв вдавлены, и в них сохранилась принимавшаяся за краску коричневая патина, встречающаяся на золотых предметах после длительного пребывания их в земле в соприкосновении с разлагающимися органическими веществами. Особенно хорошо заметен пунктир на нижних хастах. Высота букв 7 мм (Θ, Ο) и 9 мм (Α, Η). Длина надписи соответствует длине окружности чаши, т. е. 70 см.

Вторая надпись размещена поверх буквы Р между М и слева направо и читается . Пунктира на ней не заметно: повидимому, она была нанесена простым штрихом, в котором сохранилась коричневая патина. Длина второй надписи 26 мм, выс. букв 4 мм.

Уже Бобринский отмечал, что первая надпись почти целиком стерта.[1] Действительно, она едва уловима для глаза. По мнению покойного реставратора Гос. Эрмитажа Ф. К. Вейбеля, обе надписи были стерты. Особенно тщательно были удалены средние и верхние части букв первой надписи, так как край имел слегка выпуклую поверхность; нижние концы их уцелели, благодаря близости рельефной ветки плюща, которую мастер боялся повредить, уничтожая надпись.

Как сообщает Половцева,[2] серьезную трудность для понимания этой надписи В. В. Латышев, Б. В. Фармаковский и М. В. Фармаковский видели в двух рядом стоящих Н. Ростовцев толкование надписи считал «делом безнадежным», так как не признавал «установленным ее чтение» и не был «уверен, что надпись сохранилась полностью»,[3] думая, что, по всей вероятности, впоследствии она окажется посвящением, подобно надписи фиалы Зубовского хутора.[4]

Еще Б. В. Фармаковский заметил,[5] что знак в слове получился оттого, что мастер написал первоначально затем, заметив ошибку, на месте Н написал Э на 1 мм ниже Н и на 1 мм левее, вследствие чего их параллельные хасты оказались очень близко: горизонтальная у Н, средняя горизонтальная у Э и вертикальная у Э с правой вертикальной хастой у Н. Своронос прочел надпись в общем правильно, несмотря на неправильную расстановку им слов, хотя она определяется совершенно точно цезурой в виде трех кружков между словами Ἐλευθέρια и Ἑρμῶν, повидимому, никем из исследователей не замеченной. То же чтение надписи и корректуру дает М. В. Фармаковский.[6]

По мнению С. А. Жебелева, Н перед словом ΕΡΜΩΝ возможно толковать как густое придыхание (spiritus asper); для обозначения его пользовались знаком Н в надписях до введения повсеместно милетского алфавита в 404/3 г. Что касается знака Ω для обозначения долгого «О», то этот знак уже до 404—403 гг. встречается в надписях островов Наксоса, Делоса, Пароса, Сифноса, Восточной Арголиды, Лаконии, Тарента.[7] Таким образом, вся надпись будет читаться так: Ἕρμων Ἀντισθένει Ἐλευθέρια, т. е. «Гермон (подарил эту чашу) Антисфену (на память о празднике) Элевферий».

---

[1] RA, т. 23, 1914, стр. 161.
[2] RA, т. 23, 1914, стр. 188.
[3] ИАК, вып. 65, стр. 76, прим.
[4] Половцева, ук. соч.
[5] АА, 1914, стр. 275.
[6] Известия ГАИМК, т. II, стр. 23, прим. I.
[7] Larfeld. Griechische Epigraphik. 1914, таблица.

Праздник Элевферий справлялся во многих городах греческого мира, между прочим на о. Самосе, и посвящен был Эроту, как божеству, почитавшемуся в гимнасиях, где изображение Эрота стояло вместе с изображением Гермеса и Геракла. Самосский праздник, по мнению Нильсона,[1] имел в виду какое-то политическое событие, в котором «отношения между влюбленными и любящими играли роль, вдохновлявшую их на военные и политические дела» (ссылка на Афинея, XIII, 561).

Вторая надпись, читающаяся ΛΟΧΟ, представляет gen. possessoris по аналогии с ΛΥΚΟ на килике из центрального погребения того же кургана,[2] ΠΟΡΝΑΧΟ (диалектическая разновидность ΦΑΡΝΑΚΟ) на золотой накладке ножен меча в склепе Куль-оба, ΣΚΥΘΟΔΟΚΟ на золотом перстне из «Големата могила» близ Дуванлий [3] и ΔΑΔΑΛΕΜΕ на четырех серебряных и бронзовых сосудах Башовой могилы.[4] Хотя вторая надпись на чаше очень не ясна и, вероятно, также подверглась уничтожению, все же можно утверждать, что никаких других знаков перед словом ΛΟΧΟ нет, и неизвестно, почему Бобринский [5] и Б. В. Фармаковский [6] дополнили ее как ΑΝΤΙ]ΔΟΧΟ. Правда, имя Λόχος — редкое, но все же оно встречается в греческих надписях. Ту же форму родительного падежа имели клейма с именем ΑΡΓΕΙΟ на пяти амфорах из кургана № 1 Дёрт-оба [7] и целый ряд примеров на амфорных клеймах, хотя о датировке окончания «О» в родительном падеже судить трудно, так как в данном вопросе существуют расхождения. Б. Н. Граков, основываясь на милетских памятниках,[8] считает, что до 337 г. «О» незыблемо; с 336 до 314 г. — переходит в «ΟΥ», причем встречаются и параллельные формы. Фармаковский приводит мнение Латышева о незыблемости в греческой эпиграфике положения, что окончание родительного падежа на «О» — признак первой половины IV в.[9] Ростовцев определяет дату перехода «О» в «ΟΥ» 335—334 гг.[10]

Тщательность исполнения первой надписи и размещение ее по всему краю чаши позволяют предположить, что сделана она вскоре после изготовления чаши; после уничтожения надписи (повидимому, не окончательного) для второй надписи-палимпсеста была выбрана наименее поврежденная уничтожением предшествующей надписи поверхность, хотя промежуток между двумя «Е» и «І» в середине больше отвечал бы этой цели. Место этой второй надписи будет понятно в том случае, если у резчика было стремление поместить ее ближе к началу прежней надписи, чтобы этим способом по возможности больше стушевать первую надпись.

Сходство шрифта и размеров букв второй надписи с надписью на фиале Зубовского хутора, определяемой Думбергом концом V в. или самым началом IV в. (по Кизерицкому и С. Рейнаку — последнее двадцатилетие V в.),[11] подтверждает дату фиалы Солохи и указывает, что промежуток между первой и второй надписями был в 10—20 лет.

Разыскания в области имен не дали конкретных результатов: Ἕρμων и Ἀντισθένης, по мнению С. А. Жебелева, хорошо засвидетельствованы

---

[1] Nilsson. Griechische Feste. 1906, стр. 424.
[2] ОАК, 1912 г., стр. 42.
[3] Изв. Болг. арх. инст., т. VII, стр. 226—227, рис. 10—11.
[4] JAI, т. 45, стр. 288—296.
[5] RA, т. 23, 1914, стр. 161.
[6] AA, 1914, стр. 276.
[7] ОАК, 1892 г., стр. 6—10.
[8] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, стр. 111.
[9] ИАК, вып. 58, стр. 131.
[10] ИАК, вып. 60, стр. 72.
[11] ИАК, вып. 1, стр. 99—100.

и встречаются в материковой Греции и в Малой Азии; [1] поэтому мнение Бобринского, что греческие имена Антисфен и Антилох являются именами скифских царьков,[2] не убедительно.

Имя Λόχος менее обычно, но встречается в египетских надписях птолемеевского времени,[3] которые для нас не представляют интереса, и на монетах острова Коса (ΑΡΙΣΤΟΜ. ΛΟΧΟΕ. Br. Mus., № 207. ΠΑΡΜΕΛΟΧΟΣ),[4] датирующихся 166—86 гг. Интересно применение его как названия македонского месяца, соответствующего афинскому Μαιμακτηρίων; [5] у Ксенофонта оно встречается как имя собаки.[6] Учитывая два последние обстоятельства, соблазнительно считать это имя варварским по аналогии со скифским Λύκος, встречающимся и на серебряных монетах Абдеры 352—323 гг.

Обе надписи говорят о том, что чаша была в руках двух владельцев, а факт уничтожения обеих надписей свидетельствует о третьем владельце, имя которого на ней зафиксировано не было.

Аналогии изображений на чаше ведут нас к резчикам резных камней или монетных штампов, что вполне естественно, так как одни и те же мастера были резчиками камней и штампов для монет, кроме того, они применяли свое искусство и на других предметах из благородных металлов.[7]

Известен ряд крупных греческих мастеров — чеканщиков золотых чаш, произведения которых ценились чрезвычайно высоко и в римское время.[8] Плиний [9] перечисляет целый ряд имен знаменитых золотых дел мастеров, из которых наиболее замечательными были Ментор и Мис.[10]

Время Ментора определяется пожаром храма Артемиды Эфесской (Ол., 106, I, т. е. 356 г.), уничтожившим находившиеся там произведения Ментора.[11]

Если можно было бы говорить об имени автора фиалы Солохи, то, скорее всего, это мог быть Мис, современник Фидия и Паррасия, как свидетельствует Павзаний; [12] он работал между 84 и 96 олимпиадами, т. е. между 444—396 гг.,[13] и изготовил щит для бронзовой статуи Афины Фидия. Люше также считает, что имена художников Миса, Мирона, Поликлета и Ментора в отношении к чашам из драгоценных металлов V и IV вв. могут быть применимы только к таким предметам, как чаши Солохи и второго Семибратнего кургана.[14] Разумеется, в этот же ряд попадает и фиала Куль-обы (рис. 10).

На обоих описанных предметах, гребне и фиале, изображены львы и лошади, причем на фиале преобладающее место занимают львы, тогда как на гребне их роль только орнаментальная.

---

[1] Pape-Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, s. v. Ἕρμων и Ἀντισθένης.

[2] RA, т. 23, 1914, стр. 161.

[3] Inscr., 3, 4896, 4930, 5093.

[4] Mionnet. Suppl., т. VI, стр. 568, № 33; Paton u. Hicks. Inscr. of Cos. Оксфорд, 1891, № 163, 171.

[5] Thesaurus graecae linguae ab H. Stefano constructus, s. v. λόχος.

[6] Xen. Ven., 7, 5; Pape-Benseler, ук. соч., s. v.

[7] Richter (Bull. of Metropol. Museum of art, т. 35, 1940, № 1, стр. 12) указывает на чеканщиков монет Кимона, Эвайнета и Эвклида, которые были и золотых и серебряных дел мастерами.

[8] Pottier, Dar.-Sagl. Dictionnaire, s. v. Phiale

[9] N. H., 33, 55.

[10] Ср.: Luschey, ук. соч., стр. 16.

[11] Sillig. Catalogus artificium, стр. 272.

[12] Paus., I, 28, 2.

[13] Sillig, ук. соч., стр. 288 сл.

[14] Luschey, ук. соч., стр. 16.

В изображениях на гребне роль коней настолько велика, что она может конкурировать с ролью людей. Что касается мастерства художника, точности передачи фигур, то, бесспорно, зверям и животным и в частности коням принадлежит первое место в сравнении с людьми.

На обоих предметах животные изображены не только с большим мастерством, но и почти с фотографической точностью. Совершенно

Рис. 10. Фиала из кургана Куль-оба.

очевидно, что внимание, интерес и уменье мастера или мастеров сосредоточены на животных и зверях преимущественно перед людьми. Выше отмечалась диспропорция человеческих фигур, чего отнюдь нельзя сказать о львах и лошадях.

То же можно сказать о кульобской гривне, где как бы разгоряченные, скачущие во весь опор лошади поражают своей жизненностью и экспрессией, в сравнении с застывшими и неподвижными фигурами седоков (рис. 5б).

Все это становится закономерным, если считать, что художник наблюдал изображенные им сюжеты в окружающей его реальной действи-

тельности (сцены боя всадников, нападения львов на лошадей, ланей), может быть, сам на них охотился или сражался верхом.

Сюжет льва для северного Черноморья фантастичен, но он вполне реален в Фессалии, Македонии или Фракии, в районах развитого коневодства, где по сообщениям Геродота и Ксенофонта водились львы. Эти же области настолько славились конями, что Ксеркс на пути в Грецию устроил состязания персидских и фессалийских лошадей (Her., VII, 108).

Поэтому не удивительно, что эмблема серебряных монет Ларисы в Фессалии, — идущий или пасущийся конь, — представлена по приблизительному подсчету на 117 типах монет из 157 типов, чеканенных на протяжении 140 лет.[1]

При Александре I и Филиппе II Македония постоянно принимала участие в олимпийских состязаниях. Известно, что Филипп II наряду с двумя важными событиями 365 года (рождение в Пелле сына Александра и покорение полководцем Парменноном иллирийцев), третьим не менее значительным событием считал победу, одержанную на состязаниях его конями. Изображения царя верхом на коне или голова коня — очень частые эмблемы македонских монет.

Охота была чрезвычайно распространенным занятием фессалийцев и македонян. Известно литературное свидетельство об охоте Александра Великого на дикого кабана, когда его ἑταῖρος Гермолай, опередив Александра, убил кабана и лишил царя чести победы.[2]

Фракийская конница славилась наряду со скифской; еще в Илиаде фракийцы именуются ἱπποπόλοι (Il., XVIII, 4). Несомненно, следуя местному обычаю, Ксеркс принес в жертву Стримону белых лошадей. Так же и легендарный фракийский царь Рес прибыл в троянский стан на колеснице, запряженной белыми конями, привлекшими внимание Одиссея и похищенными им (Il., X, 436—437 и 498—499). Известно также, что фракийцы при похоронах устраивали конские состязания. На пиру у Севта в качестве особо ценного подарка является белый конь (Xen. Anab., VII, III, 23—24). На монетах того же Севта с надписью ΣΕΥΘΟΥ ΚΟΜΜΑ имеется изображение всадника. Изображение фракийских божеств в виде всадников — обычное явление.

Районом распространения львов была территория от Неста до Ахелоя (Her., VII, 126), в частности, на Пангее у Стримона водились львы, барсы, рыси (Xen. Cyneg, XI, 1), а на Халкидике они нападали на верблюдов в войске Ксеркса (Her., VII, 124). Следовательно, и эмблема многочисленных серий серебряных монет Аканфа имеет реальный смысл, так как там же водились и дикие быки. Тот же сюжет быка и льва на рельефе Лувра, может быть происходящий с городских ворот Аканфа,[3] также имеет реальную связь с окружающей обстановкой. Согласно указаниям Ксенофонта, охотиться на львов можно было только верхом.

Чрезвычайно существенным является тот факт, что оба описанные предмета изготовлены из золота. При существующей точке зрения, утверждающей их боспорское происхождение, считается, что греческие мастера, выполняя заказы скифской знати, работали в Пантикапее, создавая свои произведения из уральского или даже алтайского золота.

Между тем именно в районах интенсивного и прославленного коневодства и распространения львов находились богатые россыпи золота и серебра, особенно обильные в горах Пангея, где жили искусные фра-

---

[1] Herrmann. Silbermünze von Larissa in Thessalien. Zeitschrift für Numismatik, XXXV, 1924—1925.

[2] Марков. История конницы, т. I, 1886, стр. 55.

[3] С. А. Жебелев. Келермесское зеркало. Рукопись (хранится в архиве АН СССР), стр. 11—29.

кийские металлурги бессы, они же и служители находившегося там знаменитого святилища фракийского оракула Диониса.

Область между реками Стримоном и Нестом на северном побережье Эгейского моря от Халкидики до Фасоса была родиной сильных фракийских племен рудокопов, которые разрабатывали богатые россыпи золота и серебра, особенно обильные в горной цепи Пангея. Поэтому здесь было очень рано освоено денежное обращение. Даже серебряные рудники Лавриона в Аттике разрабатывал фракиец Сосий.[1]

Пангейская область с о. Фасосом может рассматриваться как отправной пункт чеканки монет, распространявшихся на запад по тому пути, который позднее римляне называли via Egnatia. Лишь по обильным серебряным монетам местной чеканки мы узнаем о названиях племен, употреблявших эти монеты, — оррескиев и зеэлиев, фракийских племен Пангейской области. Неаполь против Фасоса — важный торговый порт в бухте области Пангейских гор, через который проходила и военная горная дорога. Этот Неаполь, именуемый в афинских податных списках παρ' Ἀντισάρην, платил очень высокий налог в 1000 драхм (200—250р.).[2]

Еще Приам, будучи посланником к фракийцам, получил от них в дар драгоценный кубок.[3]

Блиставшие золотом колесница и доспехи Реса и драгоценная утварь его свиты поразили воображение греков, как необычные для них, привлекли именно в их стоянку лазутчиков Одиссея и Диомеда.[4]

Известно, что Писистрат во время второго изгнания жил во Фракии 10 или 11 лет и добыл там на разработке рудников много серебра, из которого на месте чеканил монету, благодаря чему он смог вернуться к власти в Афинах. Фукидид владел серебряными рудниками в Скаптесюле на материке против Фасоса, а жители Абдеры изготовляли золотую и серебряную утварь для сервировки трапезы Ксеркса.

В области бизальтов в Дизорских горах на севере Халкидики также были серебряные рудники, дававшие македонскому царю Александру I талант серебра ежедневно.[5] Все эти районы, изобиловавшие драгоценным металлом, привлекали к себе внимание. Еще финикияне добывали на Фасосе серебро, как о том свидетельствует Геродот, видевший остатки их рудников.

Металл был немаловажным стимулом греческой колонизации и на Халкидике и во Фракии. По выражению Л. Эзе, во Фракии «поиски золота составляли весь секрет истории этой страны».[6] Очевидно, металл привлекал и Дария в 513 г., когда он приказал Мегабазу покорить фракийские племена в районе Стримона и Пангея и близ Прасийского озера.

Укрепление власти Дария в Европе и возвращение войск Мегабаза с пленными пеонийцами было результатом, а может быть целью похода Дария на Скифию. Двумя десятилетиями позже этот район был оккупирован Мардонием, когда он, покорив македонского царя Александра, перешел Аксий у Термейского залива. В это время, кроме Абдеры, были покорены не только города фракийского побережья, но и племена внутри страны. Сломив сопротивление фракийского племени бригов и расставив гарнизоны по всему побережью, Мардоний вернулся в Азию, подготовив, таким образом, путь для похода Дария в Грецию в 490 г.

---

[1] Xen. О доходах, IV, 14, 15.
[2] Head. British Museum Catalogue. Macedonia, стр. 14.
[3] Il. XXIV, 230—235.
[4] Il., X, 438—439, 471—472.
[5] Her., V, 17.
[6] L. Heuzey. Mission archéologique de Macédoine, стр. 2.

С захватом Эйона Кимоном у персов в 476 г. начался ряд завоеваний афинян на фракийском берегу, где они готовились завладеть устьем Стримона, а с ним и областью рудников Пангея.

В 464 г. фасосцы восстали из боязни захвата афинянами пангейских рудников, в связи с переселением в это время десяти тысяч афинских колонистов, разбитых фракийцами у Драбеска.

Покорением Фасоса и основанием Амфиполя в устье Стримона в 437 г. афиняне окончательно утвердили свое господство над Пангеем, а Амфиполь, благодаря обилию леса, серебра и золота, вскоре стал цветущим городом и, как клерухия (земледельческая колония), — опорой власти афинян.

Во время Пелопоннесской войны в 424—423 гг., чтобы окончательно сломить Афины, Спарта стремится уничтожить их влияние на фракийском побережье и Халкидике, и Брасид при содействии Пердикки II присоединяет к Спарте Аканф, Амфиполь, Миркин и на Халкидике Торону, Скиону и Менду. Вступление спорных областей в аргосский союз в 420 г. на некоторое время прекращает борьбу за их обладание. Олинф, возвысившийся после распадения афинского союза, возглавил гегемонию над Халкидикой, пока войны 383—380 гг. не разрушили халкидскую федерацию.

Из сказанного ясна огромная политическая и экономическая роль Македонии, Халкидики и Фракии. Многочисленные серии высокохудожественных серебряных монет, чеканившихся на протяжении VI—III вв. во всех городах фракийского побережья, Македонии, Халкидики, среди которых монеты Аканфа, Амфиполя, Абдеры принадлежат к шедеврам монетных образцов, — служили бесспорным доказательством не только интенсивной добычи, но и древней высокой техники обработки драгоценных металлов у местных племен задолго до водворения там греков.

На всем протяжении описанного периода в этих областях жили и творили великие мастера слова, кисти, резца. Известно, что художник Поликлет был уроженцем Фасоса, а позднее его земляк Ксенофонт изготовил афинянам бронзовую статую Адриана. Пеоний был родом из Менды. Стагира на Халкидике была родиной Аристотеля.

В Македонии и Фракии, как нигде, было тесное соприкосновение эллинской и варварской культуры. А династия Филиппа давно стремилась к сближению с эллинским культурным миром. Александр I (498—454 гг.) вел свое происхождение от Геракла, чтобы быть признанным за эллина, и участвовал в Олимпийских играх. Он был очень богат, так как владел рудниками. Известны его богатые приношения в храмы Дельф и Олимпа. При его преемнике Пердикке II (454—413 гг.), который породнился с Севтом, племянником Ситалка, царя фракийского племени одрисов, Македония особенно близко соприкасалась с Афинами, незадолго до этого основавшими Амфиполь (437 г.) и подчинившими Халкидику. Побочный сын Пердикки и преемник Архелай (413—399 гг.), замечательный организатор, создавший армию, строитель дорог и крепостей, перенес резиденцию из Эги в Пеллу, где построил дворец, расписанный Зевксисом из Гераклеи. Он участвовал и побеждал на Олимпийских играх. При его блестящем дворе некоторое время жил Эврипид, написавший там «Архелая» и «Вакханок», поэт Агафон, Херилл Самосский, кифарист Тимофей. Имеются свидетельства о посещении Архелая Фукидидом, который сам происходил из фракийского царского рода и владел богатыми золотыми рудниками в Скаптэ-Сюле у Стримона, где провел в изгнании 20 лет и писал историю Пелопоннесской войны.

Богатая эллинизованная варварская среда создавала спрос на предметы роскоши, чуждые Греции. Вполне естественно, что при дворах

фракийских династов, как Севт (ср. пир у него, описанный Ксенофонтом), чеканивших монеты с греческими надписями, или среди знати фракийских оррескиев и зеэлиев были свои крупные мастера-торевты. Основной предпосылкой для этого являлось обилие металла для предметов роскоши у родовой знати: ежедневный доход Александра в талант серебра (около 26 кг.) был достаточен для использования его на предметы роскоши.

Среда, для которой работали торевты, сочетала эллинскую культуру с варварским бытом, оживающим в описании пира Севта Ксенофонтом. Ювелирные изделия из этой среды через Фракию проникали и на север Черного моря. Только при сильном влиянии основанного Афинами Амфиполя и после падения Афин могли быть созданы на территории этих обильных металлом областей такие предметы, как гребень и фиала Солохи.

О тесных взаимоотношениях северного Черноморья с Правобережьем Дуная свидетельствуют не только известные у Геродота по эпизоду со Скилом и Октамасадом родственные связи скифской и фракийской знати, но и сходные комплексы богатых погребений, например Солохи, Чмыревой могилы, Семибратних курганов и погребений, открытых раскопками последних лет в Болгарии, таких как Башова могила в Дуванлий, Мушовица, Кукова могила, указывающих на культурную близость этих районов западного и северного Черноморья. Достаточно упомянуть, что аналогией кульобской электровой вазе служит серебряная ваза из Радювене в северо-западной Болгарии, найденная вместе с серебряным же нащечником конской уздечки, имеющим форму стилизованных ног льва, как на бронзовом нащечнике из Керчи и серебряном же из Чмыревой могилы. Серебряная ваза Чертомлыцкого кургана с характерным острым венчиком так же, как и амфоры Солохи первого типа, имеет ближайшую аналогию на монетах Тероны, славившейся первоклассным вином и широко его экспортировавшей. Поэтому невозможно согласиться с Люше, повторяющим общеизвестную точку зрения, что фиала Солохи изготовлена в «южнорусской мастерской» и выявляет приспособление к скифскому вкусу.[1]

Изображение варваров, охотящихся на львов, на серебряном сосуде из Солохи, при этом совсем не греческой формы (рис. 7), наряду с высокой техникой и греческим стилем орнамента (плющ, розетка на донышке) вызывают недоумение, если исходить из положения, что сосуд был изготовлен греческим мастером для скифа в Пантикапее. В действительности же известно, что во время похода Ксеркса в Грецию в 480 г., при переходе его из Аканфа через Халкидику в Терму — на верблюдов в его войске нападали ночью львы, сбегавшие с гор. Водились они только на территории между Ахелоем и Нестом. Если учесть это обстоятельство и обстановку, например, двора Архелая, то станет возможным предположение, что Македония, Халкидика или фракийское побережье — наиболее вероятные места производства не только фиалы и гребня Солохи, но и ряда других шедевров золотых и серебряных дел мастерства с изображениями варваров (не греков), как обруч Куль-обы, калаф Большой Близницы и др., найденных в богатых комплексах северного Черноморья. Дэвис [2] считает южную Фракию местом производства серебряных предметов из Дуванлий.

Македония и Фракия были местом, где, с одной стороны, с привнесением античных элементов на «варварской» основе создавалась свое-

---

[1] H. Luschey, ук. соч., стр. 142.

[2] Olivier Davies. Roman mines in Europe. Оксфорд, 1935, стр. 231, прим. 4.

образная по форме и содержанию культура, с другой стороны, отсюда Греция черпала и обильные материальные ресурсы, обусловившие расцвет греческой культуры в V в., и обогащалась религиозными образами (Дионис, Орфей), оказавшими огромное влияние в формировании греческой идеологии.

Расцвет этих областей падает на V—IV вв., когда играют активную историческую роль области центральной и восточной Европы, те «варвары», которые несколько позже опрокинули античную цивилизацию. Области Скифии, расположенные в северном и частично западном Черноморье, экономически и культурно связанные с южными областями, были непременным важным творцом этой жизни, о чем ярко свидетельствуют исторические документы той эпохи, из них наиболее яркий — курган Солоха.

А. П. ИВАНОВА

БОСПОРСКИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ НАДГРОБИЯ

Интересную и своеобразную группу памятников местного искусства Боспора представляют антропоморфные надгробия. Как правило, это надгробия в форме прямоугольной плиты, схематически изображающей человеческую фигуру.

Повидимому, этот тип надгробного памятника бытовал на Боспоре в течение довольно долгого времени. К сожалению, большинство известных нам антропоморфных надгробий найдено при таких обстоятельствах, которые не дают достаточных данных для их датировки. Многие из них приобретены покупкой.

Интересны с этой точки зрения находки в 1936 г. антропоморфных надгробий на горе Митридат при прорытии котлована.

Систематическое наблюдение за этими работами осуществлял Н. П. Кивокурцев (к сожалению, результаты этих работ остались не опубликованными). В Керченском музее имеется одно хорошо сохранившееся небольшое антропоморфное надгробие (рис. 1) и два фрагментированных (рис. 2). В архиве музея имеется фотография еще одного фрагмента того же происхождения (рис. 2). Судя по сохранившимся в архиве Керченского музея записям Н. П. Кивокурцева, эти памятники были найдены в насыпи некрополя. Относительно одного маленького антропоморфного надгробия Н. П. Кивокурцев отмечает, что оно было найдено в июне 1936 г. в том месте, где 8 августа была раскопана земляная могила (повидимому, детская), крытая плитой известняка; Н. П. Кивокурцев датирует это надгробие, по типу найденного в нем кувшинчика, эллинистическим временем и «вряд ли моложе III в. до н. э.»[1]

Рис. 1. Антропоморфное надгробие из Митридатского котлована.

[1] Архив Керченского музея. Регистрационная карточка № 20, раскопки некрополя в 1936 г.

Заслуживает внимания находка в другом погребении, раскопанном 4 августа 1936 г. Н. П. Кивокурцев датирует его по способу погребения и форме инвентаря Митридатовской эпохой, не старше конца II в. до н. э.[1]

Н. П. Кивокурцев так описывает это погребение, обнаруженное на глубине 2 м от поверхности земли: «При прорытии северной траншеи котлована в рыхлом насыпном земляном грунте найдены были поставленные кружалом плиты известняка, прикрытые обломком антропо-

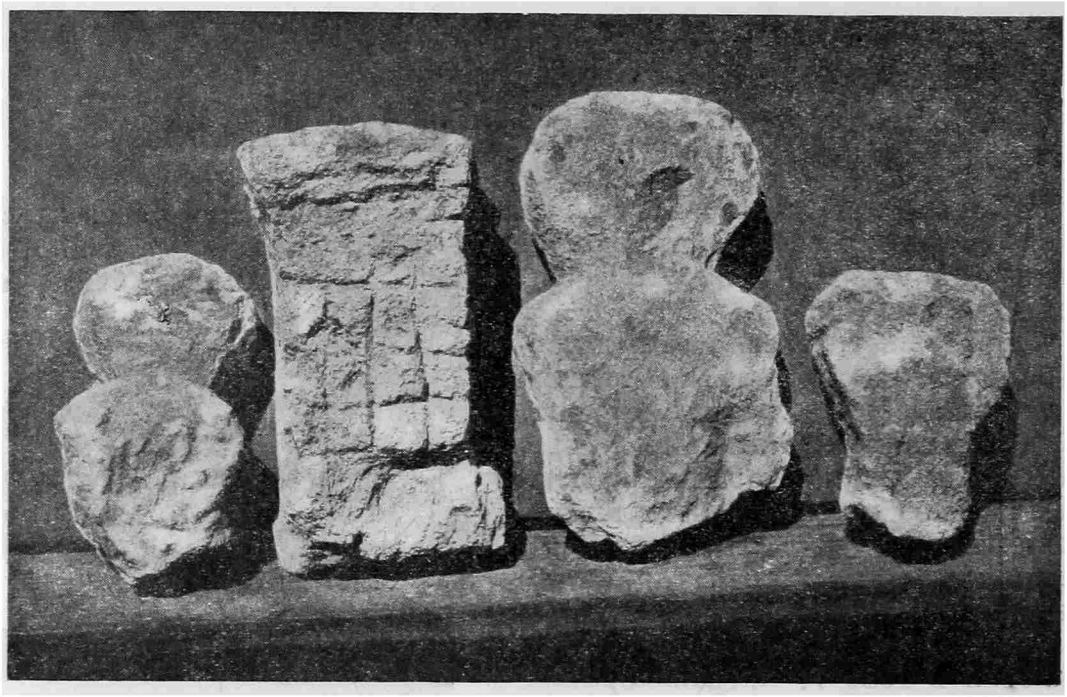

Рис. 2. Фрагменты антропоморфных надгробий из Митридатского котлована.

морфного надгробия (его круглое завершение было перебито у шейки и обломок использован как круглая крышка)».

«Внутри плит по их удалении обнаружена была вытесанная из белого мелкозернистого известняка погребальная урна, наполненная до половины пережженым в золу прахом, поверх которого лежала сероглиняная фляга с длинным горлом и ножкой, с раздутым брюшком, прототип римских бальзамариев».

К сожалению, вещи, происходящие из двух упомянутых погребений, в настоящее время в фондах Керченского музея обнаружить не удается и в вопросах датировки приходится целиком полагаться на приведенные указания Н. П. Кивокурцева.

Наиболее существенно во втором описанном им погребении, что круглая венчающая часть антропоморфного надгробия была использована для покрытия гробницы конца II в. до н. э. Таким образом, само надгробие должно было относиться к более раннему времени.

Ряд антропоморфных надгробий во вторичном использовании был найден также в 1872 г. Гроссом, при раскопках сплошной могильной насыпи на северном склоне горы Митридат (рис. 3): надгробия были использованы для перекрытия подбойной могилы № 35, заключавшей женское погребение римского времени (в могиле были найдены бронзо-

[1] Регистрационная карточка № 19.

вое зеркало и круглый стеклянный флакон).[1] Подбой был закрыт использованными для этой цели надгробиями, среди которых была найдена

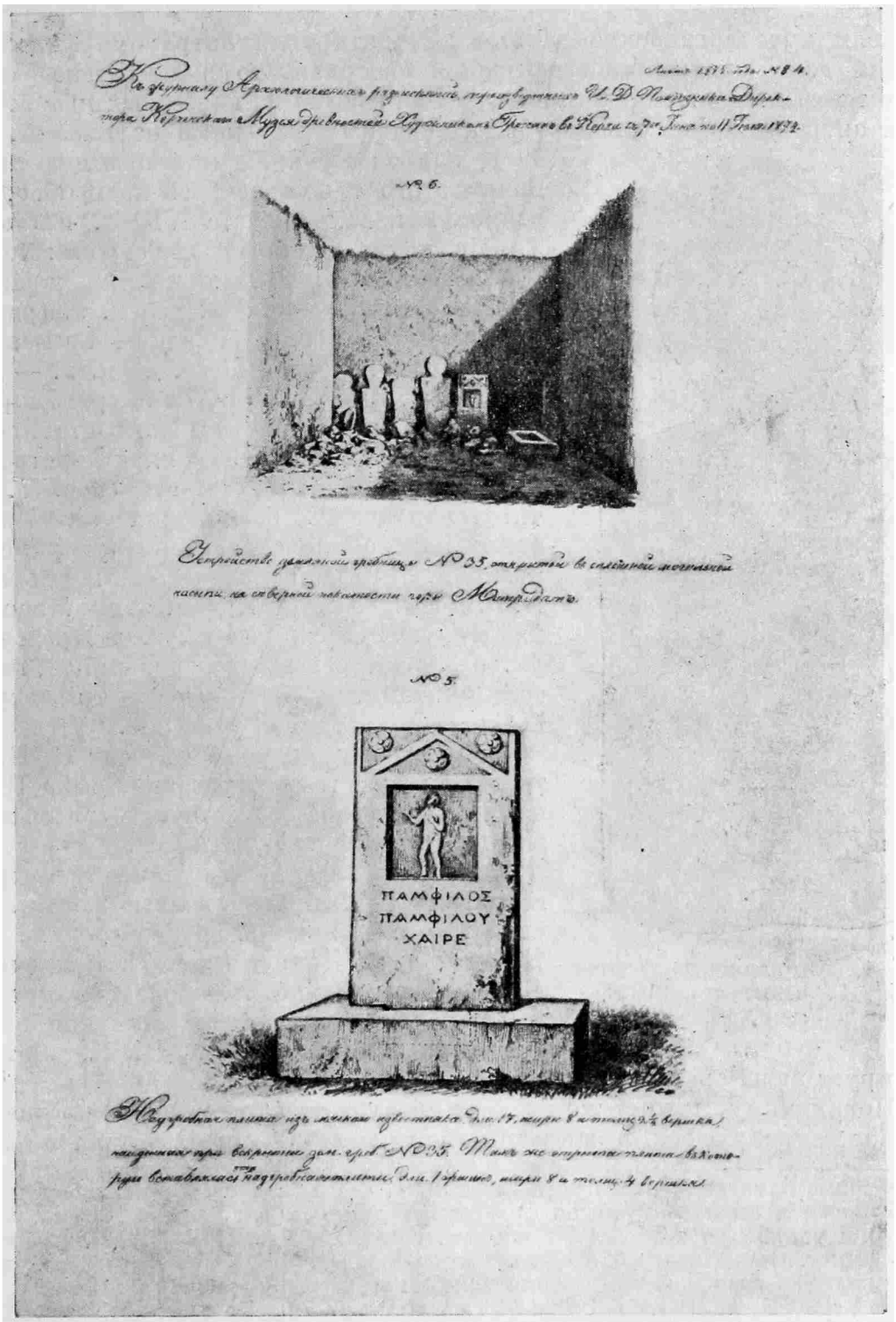

Рис. 3. Антропоморфные надгробия из раскопок 1872 г. (Рисунок Гросса).

[1] Архив ИИМК, дело № 30/1872, журнал Гросса, л. 22; опись находок, л. 44. Рисунок Гросса в Альбоме Арх. ком., 1872 г., л. 41, рис. 6. Интересно отметить, что Гросс не понял антропоморфной формы надгробий; в своем описании, после довольно обстоятельной характеристики устройства подбойной гробницы, он замечает, что «вместо обыкновенных плит, заслонявших погребенного, здесь находились разные

также стела Памфила, сына Памфила, с рельефом и надписью, датированной В. В. Латышевым римским временем.[1] К поздне-эллинистическому или ранне-римскому времени могут относиться и антропоморфные надгробия.

Если археологические данные для датировки антропоморфных надгробий дают сравнительно скудный материал, то значительно больше в этом смысле дает эпиграфика, так как многие из известных нам боспорских антропоморфных надгробий снабжены греческими надписями.

Рис. 4. Антропоморфное надгробие IV в. из станицы Таманской.

К наиболее ранним датированным памятникам этого типа относится надгробие, найденное в начале августа 1910 г. в станице Таманской, с надписью в две строки: Χανάκης | Θ[ά]του,[2] которую Шкорпил по характеру письма относит к IV в. до н. э. (рис. 4).

Несколько более поздним временем — концом III, началом II вв. до н. э. — датирует В. В. Шкорпил другое антропоморфное надгробие, найденное также в станице Таманской 3 ноября 1910 г., с двустрочной надписью Βακυαίων | Μοσχίωνος [3] (рис. 5). Значительная часть боспорских антропоморфных надгробий относится к римскому времени. Римским временем датирует В. В. Латышев стелу Евдии, жены Менодота, найденную 21 октября 1902 г. на Предельной ул. в Керчи, над детской гробницей, покрытой плитами, с надписью в три строки: Εὐδία γυνὴ Μυνοδότου | χαῖρε (рис. 6).[4]

К римскому времени относит В. В. Латышев также стелу Плотиона, сына Прота, найденную в 1867 г. на горе Митридат и хранящуюся в Керченском музее.[5]

Оба эти надгробия отличаются строгой геометрической правильностью формы. Значительно небрежнее и грубее сделана стела Дамаса, сына Дамаса (рис. 7), купленная в 1892 г. у М. Файна, по словам которого она была найдена близ сада Канунникова на Аджимушкайской улице. В. В. Латышев датирует надпись позднеримским временем.[6]

Повидимому, к тому же времени следует отнести антропоморфное надгробие, хранящееся в Царском кургане, купленное 5 января 1914 г.

надгробные памятники из мягкого известняка, часто гладкие, а одна с барельефным изображением стоящей мужской фигуры и надписью». Но рисунок Гросса, изображающий устройство подбойной гробницы, совершенно точно передает антропоморфную форму. Самые надгробия обнаружить в фондах Керченского музея не удалось, не исключена возможность, что они и не были взяты Гроссом.

[1] IosPe, II, 188; G. Kieseritzky u. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland in Auftrage des K. Deutschen Archäologischen Instituts. Берлин, 1909, № 476.

[2] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40, стр. 107, № 20.

[3] В. В. Шкорпил. ук. соч., стр. 101, № 13.

[4] ИАК, вып. 10, стр. 72 сл., № 78.

[5] IosPE, II², 1916, стр. 110; ОАК за 1868 г., стр. 118, № 757, табл. LVI.

[6] MAP, № 17, стр. 46, № 39; G. Kieseritzky u. Watzinger, ук. соч., № 761, табл. VI.

у Л. Димиденко. По его словам, надгробие было найдено в каком-то дворе на Глинище. Греческих надписей на нем нет, но зато на его поверхности с двух сторон вырезано несколько «загадочных знаков» (рис. 8—9).[1] Такого рода «загадочные знаки» встречаются довольно часто на Боспорских памятниках I—III вв. н. э.[2]

Помимо вопроса датировки, эпиграфические данные дают нам материал для решения вопроса о том, в какой среде, в каких слоях боспор-

Рис. 5. Антропоморфное надгробие III в. из станицы Таманской.

Рис. 6. Антропоморфное надгробие Евдии, жены Менодота.

ского общества бытовали антропоморфные надгробия. Наличие греческих имен наряду с местными и самый факт наличия греческих надписей свидетельствует о распространении этой категории надгробных памятников в среде более или менее сильно эллинизированного местного населения. О местном элементе говорят, в частности, «загадочные знаки», которые понимаются в настоящее время большинством исследователей как родовые знаки местного, скорее всего сарматского происхождения.[3]

Интересно также отметить наличие местных имен, как, например, Χανάχης Θάτου на надгробии, найденном в станице Таманской в 1910 г. Как отметил издавший этот памятник В. В. Шкорпил, оба имени — вар-

---

[1] Архив ИИМК, дело № 4/1914, рапорт от 14 февраля 1914 г. за № 17 (там же фото).

[2] В. В. Шкорпил. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпаретия. ИАК, вып. 37, стр. 31.

[3] В. В. Шкорпил, ук. соч., стр. 34. — П. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. Известия ГАИМК, вып. 62, стр. 66.

варские, новые в боспорской ономатологии. Относительно второго имени он высказывает предположение, что оно может быть связано с названием реки Θάτης.[1] Вполне возможно предположить, что оно связано с племенным названием фатеев, подобно тому как этнические имена «скиф» и «синд» неоднократно употреблялись в Северном Причерноморье в качестве личных имен.

Антропоморфная форма надгробия была в большей или меньшей степени распространена во всем Северном Причерноморье.

Рис. 7. Стела Дамаса, сына Дамаса.

В Ольвии в 1902 г. было найдено примитивное каменное изваяние женской фигуры среди камней, которыми была заложена гробница V—IV вв. до н. э.[2] Намечены голова, шея, плечи и суммарные очертания верхней части фигуры. При всей примитивности, эта скульптура объемна, в известном условном смысле можно говорить о ее пластической трактовке. Судя по тому, что она была найдена среди камней заклада гробницы классической эпохи, нужно думать, что она принадлежит к значительно более древнему периоду, может быть, является памятником догреческого населения.

В том же году в Ольвии было найдено другое примитивное изображение человеческой фигуры среди камней, которыми был заложен склеп первых веков нашей эры.[3] По сравнению с предыдущим изваянием здесь наблюдается значительно бóльшая геометрическая правильность форм: очертания головы даны в виде круга, фигура имеет прямоугольную форму, намечены ноги и шея. Таким образом, по общему своему типу этот памятник близок к боспорским антропоморфным надгробиям. Датировать его, повидимому, нужно временем до нашей эры, скорее всего эллинистической эпохой, а может быть, и классической.

Довольно широкое распространение получили антропоморфные надгробия в Херсонесе. Это схематические изображения головы с шеей и плечами, с плоской лицевой и закругленной задней поверхностью. Надгробия этого типа встречаются в классических и эллинистических слоях Херсонеса,[4] но доживают и до позднеримского време-

---

[1] ИАК, вып. 40, стр. 107.
[2] ИАК, вып. 13, стр. 150, рис. 96.
[3] Там же, стр. 160, рис. 109.
[4] Kieseritzky u. Watzinger, ук. соч., №№ 764 *a*, *b*, 765, *a*, *b*, табл. LVI. — Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935 и 1936 г. Севастополь, 1938, стр. 192, рис. 41.

ни.[1] Повидимому, в непосредственной связи с херсонесскими антропоморфными надгробиями римского времени стоят контурные изображения бюстов, сделанные при помощи врезанной линии, нанесенные на наружной стене позднеримской катакомбы № 1480.[2] Формально и технически к ним близки так называемые «примитивы» второго кольца башни Зенона.[3] Так как эти изображения были сделаны, по наблюдению К. Э. Гриневича, до употребления плиты в кладку, то не исключена возможность предположить, что и они первоначально были связаны с каким-то памят-

Рис. 8. Антропоморфное надгробие с «загадочными знаками».

Рис. 9. Антропоморфное надгробие с «загадочными знаками». Оборотная сторона.

ником погребального характера, подобно изображениям на катакомбе № 1480.

Все эти памятники Северного Причерноморья дают общий абстрактный образ умершего (может быть, обожествленного предка), далекий от всяких попыток индивидуальной характеристики. В этом смысле они могут быть сопоставлены с менгирами и другими аналогичными им памятниками европейского неолита и эпохи бронзы. Можно напом-

---

[1] Н. И. Репников. Дневник раскопок Херсонесского некрополя. Херсонесский сборник, II, стр. 186, рис. 55—57. См. также недавнюю находку надгробия этого типа (КСИИМК, XIV, 1947, стр. 126 сл., рис. 61). Керамический материал, сопровождавший находку, относится к римскому времени.

[2] ИАК, вып. 4, стр. 92, рис. 41; ИТУАК, вып. 45, стр. 38 сл.

[3] К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, II, стр. 68 сл., рис. 69; М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. CX.

нить, например, неолитические идолы Испании [1] и Португалии,[2] а также надгробие из Болоньи, имеющее, подобно боспорским антропоморфным надгробиям, форму прямоугольника, увенчанного кругом, причем на его поверхности нанесен ряд изображений.[3] Интересную аналогию к антропоморфным надгробиям Северного Причерноморья дают надгробные памятники горной Осетии, тип которых восходит к глубокой древности и доживает, с теми или иными вариантами, до современности. Богатый материал в этой области был собран Северо-Кавказской экспедицией РАИМК 1923 г. «В числе могильных, или, вернее, посмертных памятников Осетии не раз упоминались так называемые «цырт-цäваны» — каменные столбы с росписью, ставившиеся на видных местах у дорог и на кладбищах в память умерших», говорит А. А. Миллер в отчете об этой экспедиции.[4] На современных надгробных памятниках встречаются портретные изображения умершего и надписи, называющие его имя.[5] Иногда на них встречается изображение креста [6] или предметов мусульманского ритуала.[7] Наиболее древние памятники — дохристианской и домусульманской эпохи — имеют вид столба с круглым или коническим верхом, схематически передающим форму человеческой головы.[8] Они построены по тому же принципу, как боспорские антропоморфные надгробия, но уступают последним в смысле геометрической правильности контура.

Все эти довольно отдаленные параллели заставляют сделать только один вывод: антропоморфные надгробия Северного Причерноморья восходят к традициям, идущим от первобытного общества с характерным для него коллективистским мышлением, продуктом которого и явился такой общий, абстрактный образ умершего.

На Боспоре антропоморфные надгробия, повидимому, восходят к догреческим художественным традициям скифской и, может быть, киммерийской монументальной скульптуры. Так, например, каменная статуя, найденная в 1910 г. на кургане близ станицы Елизаветовской,[9] по своей общей форме близка к боспорским антропоморфным надгробиям: контур ее фигуры приближается к прямоугольнику, а контур головы — к неправильному кругу. Основное отличие этой статуи от антропоморфного надгробия заключается в том, что на ее поверхности показаны черты лица, руки, ритон, акинак и висящий на боку горит.

Еще более строгой геометрической правильностью контура отличаются каменные изваяния мужской и женской фигуры, найденные в кладке оборонительных стен Тиритаки и являющиеся, повидимому, памятниками киммерийской монументальной скульптуры.[10]

Как и скифская «каменная баба» из станицы Елизаветовской, камышбурунские изваяния отличаются от боспорских антропоморфных надгробий тем, что на них изображены черты лица, руки и груди. В том и другом случае нужно отметить геометризацию черт лица, находящуюся в прямом соответствии с геометризацией самого контура фигуры. Эта

---

[1] M. Hoernes. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. 1925, стр. 685, 6.
[2] Hoernes, ук. соч., стр. 213, 4.
[3] Hoernes, ук. соч., стр. 461, 3.
[4] А. А. Миллер. Краткий отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции 1923 г. ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 39.
[5] А. А. Миллер, ук. соч., стр. 41, рис. 26.
[6] А. А. Миллер, ук. соч., стр. 40, рис. 25.
[7] А. А. Миллер, ук. соч., стр. 40, рис. 22 и 23.
[8] А. А. Миллер, ук. соч., стр. 39—40, рис. 19, 20, 21.
[9] ИРАИМК, т. IV, 1925, табл. I, стр. 103, рис. 2 и 3.
[10] МИА СССР, вып. 4, стр. 39, рис. 50 и 51.

геометризация в трактовке человеческой фигуры и лица получает свое дальнейшее развитие в некоторых поздних памятниках боспорского искусства.

Особенно интересна в этом отношении плита из местного раковистого известняка с примитивным, чисто геометрического стиля изображением двух стоящих в фас фигур, мужской и женской, найденная в 1910 г. на горе Опук и хранящаяся в настоящее время в Керченском музее (рис. 10).[1] Строгая геометричность фигур, представляющих почти правильный прямоугольник (плечи образуют подчеркнутый прямой угол), трактовка глаз и носа, трактовка плеч и рук женской фигуры, которые даны в чуть-чуть более сильном рельефе, чем вся остальная фигура, и образуют как бы обрамляющую фигуру рельефную рамку, — все эти детали ближайшим образом напоминают камышбурунские «менгиры». В то же время этот памятник относится, повидимому, к значительно более поздней эпохе. Об этом говорят прежде всего обстоятельства находки: рельеф был найден над гробницей вместе с надписью позднеримского времени с именем Перисала, дополненной В. В. Латышевым, как надпись синода.[2]

Рис. 10. Плита с примитивным изображением мужской и женской фигур.

Рис. 11. Женский бюст, найденный возле мыса Тузлы.

За датировку римским временем говорит также то обстоятельство, что по своему общему типу этот памятник близок к боспорским надгробным стелам этой эпохи. Обычны для стел размеры плиты (1.112×0.65 ×0.13) и плоский рельеф.

Этот памятник может служить интересным показателем оживления традиций кимерийской монументальной скульптуры в искусстве периферии Боспорского царства в позднеримское время.

---

[1] Архив ИИМК, дело № 4/1910, рапорт от 24 октября за № 118 (№ 1, там же фото).

[2] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40, стр. 92, № 1.

Другим примером геометрического стиля в боспорской скульптуре может служить женский бюст, найденный в 1914 г. возле мыса Тузлы во время раскопок в насыпи некрополя[1] (рис. 11).

Наконец, яркое проявление находит геометрический стиль в росписях так называемых «склепов сабазиастов».[2]

Все эти памятники, несомненно, стилистически близки к антропоморфным надгробиям, но не доводят трактовку образа человека до той крайней степени абстракции, которую мы наблюдаем в антропоморфных надгробиях.

В этом смысле все перечисленные памятники геометрического стиля являются значительно более прямыми и непосредственными продолжателями кимерийских и скифских традиций, чем антропоморфные надгробия. В антропоморфных надгробиях развитие этих традиций идет в сторону схематизации.

Интересно отметить имеющие место на Боспоре случаи своеобразного переосмысления антропоморфной формы надгробия. Такое переосмысление можно наблюдать уже в классическую эпоху. Так, верхняя часть описанного выше надгробия 1910 г. из станицы Таманской с надписью χανάης Θάτον не имеет правильной округлой формы, а завершается небольшим прямоугольным выступом. В. В. Шкорпил понимает ее как изображение гранатового яблока.[3] Это толкование кажется мне убедительным. Форма венчающей части надгробия из станицы Таманской, действительно, очень близка к форме граната, как он часто изображается, например, на спартанских надгробных рельефах.[4] Хтоническое значение граната хорошо известно. Не случайно он так часто появляется как атрибут в руках у героизированного умершего на спартанских надгробных рельефах. Встречается он и на боспорских надгробиях. Можно указать на надгробие Хрисии, дочери Деметрия, найденное в 1903 г. на Глинище и хранящееся в Керченском музее,[5] или на надгробиях Птоллы и его жены Евкратии, найденные в 1910 г. в усадьбе Сорокина на углу 1-й Нагорной ул. и 2-го Подгорного переулка и хранящиеся в Царском кургане в Керчи.[6]

Так как гранат — греческий хтонический символ, то надгробие из станицы Таманской можно считать примером эллинизации местной формы антропоморфного надгробия.

Наряду с этим, на Боспоре уже в IV—III вв. до н. э. можно проследить и другой своеобразный процесс — сближение греческой стелы с типом местного антропоморфного надгробия.

Интересный пример этого дает стела Парменонта, сына Гистиэя, и его жены Парматы, найденная в 1889 г. на западном склоне горы Митридат и хранящаяся в настоящее время в Царском кургане в Керчи (рис. 12).[7]

Стела представляет собой правильную прямоугольную плиту из местного известняка, увенчанную карнизом, ниже которого расположена надпись в 5 строк: Παρμένων | Ἱστιαίο | Πάρμαρα | Παρμένοντος | γυνή.

---

[1] Архив ИИМК, дело № 4,1914, рапорт от 14 февраля № 17, III (там же фото).

[2] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. XCVII, XCVIII, XCIX, C, CI.

[3] ИАК, вып. 40, стр. 107.

[4] Напр.: M. N. Tod and A. J. B. Wace. A catalogue of the Sparta Museum. Оксфорд, 906, №№ 3, 4, стр. 103, рис. 21; стр. 104, рис. 3.

[5] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 гг.). ИАК, вып. 10, № 52, стр. 80 сл

[6] В. В. Шкорпил, ИАК, вып. 40, № 2, стр. 93.

[7] Kieseritzky u. Watzinger, ук соч., № 39, стр. 6, табл. II; IosPE, II, 105.

Латышев датирует надпись IV в. до н. э. Над карнизом возвышается выступ, закругленный со всех сторон, с слегка заостренным верхом — повидимому, схематическое изображение скифского головного убора, остроконечный верх которого обломан.[1] Таким образом, перед нами обычная греческая стела IV—III вв. с чисто архитектурным оформлением, но дополненная изображением местного головного убора. Судя по именам умерших (греческое имя и отчество

Рис. 12. Стела Парменонта.

мужа и туземное имя жены), надгробие принадлежало типичной для боспорского общества греко-варварской семье.

То обстоятельство, что над стелой помещено изображение местного головного убора, наводит на мысль о том, что и самая стела в данном случае могла восприниматься как своеобразный вариант местного антропоморфного надгробия: прямоугольная форма стелы совпадает с обычной формой антропоморфного надгробия. Венчающая часть в виде головы заменена, в данном случае (по принципу «часть вместо целого»), изображением головного убора.

[1] Kieseritzky u. Watzinger, ук. соч., № 39, стр. 6, табл. II.

Как известно, в последнем столетии до н. э. и в первые века н. э. на Боспоре получил блестящее развитие тип надгробной стелы с сюжетным рельефом. В связи с этим, в отдельных случаях можно наблюдать использование антропоморфной формы надгробия как рамки для сюжетного рельефа.

Таково хранящееся в Керченском музее надгробие Музы, жены Эрота.[1] Это обычное антропоморфное надгробие из местного известняка, в виде массивной прямоугольной плиты, увенчанной кругом. В верхней части прямоугольника вырезана надпись в три строки: Μοῦσα | "Ερωτο[υ]ς χαῖρε. В. В. Латышев датирует надпись римским временем. В верхней круглой части сделано прямоугольное углубление, в котором помещено рельефное изображение стоящей женской фигуры (рис. 13). Еще более своеобразную переработку антропоморфного надгробия дает стела Публия, сына Коссы, открытая в 1793 г. вделанной в стену церкви Ивана Предтечи, откуда она была вынута в 1895 г. и передана в Керченский музей (рис. 14).[2]

Почти все известные нам боспорские антропоморфные надгробия сделаны из местного известняка. Надгробие Публия — мраморное. Не совсем обычна его форма: это скорее схематическое изображение бюста, чем целой фигуры. Нижняя прямоугольная часть сравнительно короткая и широкая. Чрезвычайно тщательно сделан переход от нижней прямоугольной к венчающей круглой части, передающей плечи и шею. Таким образом, пропорции получаются более стройные, чем обычно. На шее вырезана двухстрочная надпись, которую В. В. Латышев датирует римским временем: πόπλι υἱὲ | Κοσσᾶ χαῖρε.

В венчающей круглой части сделано квадратное углубленное поле, в котором помещено обычное для боспорских надгробных стел рельефное изображение всадника в профиль, вправо, перед ним фигурка слуги. В нижней прямоугольной части сделано такое же углубленное поле, в котором помещена не менее традиционная рельефная сцена загробной трапезы: справа возлежащая на ложе перед круглым пиршественным столом мужская фигура, слева сидящая в кресле женщина, по углам маленькие фигурки слуг.[3] Таким образом, антропоморфная форма использована как декоративная рамка для обычного на Боспоре в конце I — начале II вв. н. э. двухярусного рельефа. Решение декоративной задачи можно считать очень удачным: использована вся поверхность; квадрат с изображением всадника хорошо вписан в круг; рельеф со сценой загробной трапезы почти точно повторяет форму нижней прямоугольной части стелы, причем верхний край углубленного поля изогнут наподобие арки, очертания которой повторяют округлость плечей бюста. Чрезвычайно удачным с декоративной точки зрения можно признать также помещение надписи между двумя рельефами, на шее бюста.

Стелу Публия можно сопоставить с хранящейся в Оттоманском музее стелой Елены, также относящейся к римскому времени.[4] Стела имеет не совсем правильную прямоугольную форму. Она увенчана женским, повидимому, портретным бюстом. Непосредственно под бюстом вырезана однострочная надпись, несколько ниже, в углубленном квадратном поле

---

[1] Kieseritzky u. Watzinger, ук. соч., I, № 762, табл. LVI; IosPE, II, 250.

[2] Kieseritzky u. Watzinger, ук. соч., I, № 703, табл. LV; IosPE, II, 192 (старую литературу см. у В. В. Латышева).

[3] Интересно отметить полное совпадение всех деталей сцены трапезы на аналогичном изображении трехярусной стелы Дионисия, сына Никандра и Аристида, сына Дионисия. См. Известия ГАИИМК, вып. 104, стр. 85 сл., табл. XXI, рис. 22,

[4] G. Mendel. Musée Ottomane. Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines. Константинополь, 1912, т. III, стр. 263, № 1044/1106.

помещен рельеф — сцена загробной трапезы. Это тоже своеобразная переработка антропоморфного надгробия. Но вместо абстрактного подобия человека, здесь имеет место портретное изображение умершего, в то время как нижняя часть стелы трактуется как обычный надгробный рельеф.

Стела Публия, так же как и стела Музы, жены Эрота, производит впечатление утраты антропоморфной формой своего первоначального смысла как изображения человека и превращения ее в чисто-декоративную рамку для сюжетного рельефа.

Рис. 13. Стела Музы, жены Эрота.

Рис. 14. Стела Публия, сына Коссы.

В Херсонесе антропоморфные надгробия в виде плоских бюстов, характерные для классического и эллинистического периода, часто вставляются в античную нишу — эдикулу, обрамленную антами и увенчанную треугольным фронтоном с тремя акротериями.[1] В римское время для Херсонеса характерен тип надгробного рельефа с портретным бюстом умершего в нише.[2] Антропоморфные надгробия классической эпохи, несомненно, являются, в какой-то мере, предшественниками позднейших надгробий с портретными изображениями умершего.

Нечто аналогичное имеет место в эволюции упомянутых выше надгробных памятников горной Осетии, где древнейшие надгробия имеют вид столба, дающего только самое суммарное подобие фигуры человека. Позднее, в XIX в., очевидно, под влиянием города, на этих памятниках появляются портретные изображения умерших.

---

[1] Kieseritzky u. Watzinger, ук. соч., табл. LVI, №№ 765 *а*, *в*; СА, VII, стр. 109, рис. 1.

[2] СА, VII, стр. 111, рис. 4; стр. 112, рис. 5; стр. 119, рис. 13.

На Боспоре подобной эволюции проследить не удается. Только один из городов Боспорского царства — Нимфей — дает некоторые аналогии к херсонесским плоским бюстам в нише.

В 1896 г. Керченский музей приобрел у некоего Коробка найденное им в районе Нимфея надгробие в виде прямоугольной плиты из местного известняка. В нижней части плиты имеется обычный в боспорских стелах срез для вставки в постамент. Во всю длину и ширину прямоугольника в плоском рельефе на поверхности плиты высечено антропоморфное надгробие: прямоугольное туловище, голова в виде круга и шея (рис. 15).[1]

Один недавно открытый памятник представляет ближайшую аналогию к этому надгробию. Это небольшой фрагмент (размеры: 0.32×0.3× ×0.10) из местного раковистого известняка, случайно найденный 22 сентября 1946 г. близ с. Героевка (б. Эльтигень), на территории некрополя Нимфея. Фрагмент представляет верхнюю часть прямоугольной стелы, обрамленной неправильной формы аркой. В арке, в плоском рельефе, прослеживается изображение человеческой головы с шеей, сильно схематизированное, с совершенно плоской лицевой поверхностью. К сожалению, обстоятельства находки этих своеобразных памятников не дают никаких данных для их датировки.

Наконец, следует отметить еще один памятник, также известный мне только по описи Думберга — небольшую нишу, подобную тем, которые в Херсонесе служили обрамлением антропоморфных надгробий, также увенчанную треугольным фронтоном с акротериями (рис. 16).[2] Думберг в своем описании отмечает, что в нижнем крае ниши имеется отверстие для втыкания болта. Трудно, конечно, сказать, какого характера изображение могло быть помещено в нише. У нас нет никаких оснований, кроме херсонесских аналогий, для утверждения, что это было именно антропоморфное надгробие. К сожалению, мы не располагаем также никакими данными о происхождении этого памятника.

Охарактеризованные выше надгробия Публия, сына Коссы и Музы, жены Эрота, свидетельствуют, что в первые века нашей эры антропоморфная форма надгробия как будто бы утрачивает свой первоначальный смысл и превращается в своего рода декоративную рамку для сюжетного рельефа, переживавшего именно в это время свой расцвет.

Но такие памятники, как надгробие Дамаса, сына Дамаса, свидетельствуют, что в позднеримское время на Боспоре продолжали изготовляться антропоморфные надгробия в своей первоначальной форме. Скорее всего также к позднему времени (II—III вв. н. э.) следует отнести и антропоморфное надгробие с загадочными знаками.

Интересна с этой точки зрения плита с надписью Νεῖκος, найденная Боспорской экспедицией ЛОИИМК в 1946 г. при раскопках дома-усадьбы позднеримского времени в Тиритаке в числе плит, которыми было вымощено помещение № 5.[3]

Плита повреждена. В нижней ее части был обычный срез для вставки в постамент, почти полностью утраченный. В середине верхнего края также имеется излом, свидетельствующий о том, что здесь было поме-

---

[1] Архив ИИМК, дело № 30/1898, л. 183—184, «Опись каменных памятников, поступивших в Керченский музей в 1894—1898 гг.», № 30, приложение к рапорту от 24 июля 1898 г., № 117, фото № 30 (л. 29). Самое надгробие в фондах Керченского музея мне не удалось обнаружить. Любопытную аналогию к этому памятнику дает одна находка в Португалии — ниша, в которую вставлено антропоморфное изваяние, близкое по типу к боспорским (см. JAI, XXIX, 1914, Arch. Anz., стр. 383).

[2] Архив ИИМК, дело № 30/1898, л. 182—183, фото № 28 (л. 27).

[3] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 197 сл., рис. 5.

щено какое-то завершение (может быть, круг, обычный в антропоморфном надгробии). Углы верхнего края приподняты, образуя как бы плечи схематически переданной человеческой фигуры. Все эти детали заставляют предположить, что надгробие имело антропоморфную форму. При этом как обстоятельства находки, так и характер надписи, позволяют думать, что этот памятник относится также к позднеримскому времени.

Все эти обстоятельства заставляют высказать предположение, что антропоморфная форма надгробия, получившая широкое распростране-

Рис. 15. Стела с рельефным изображением антропоморфного надгробия.

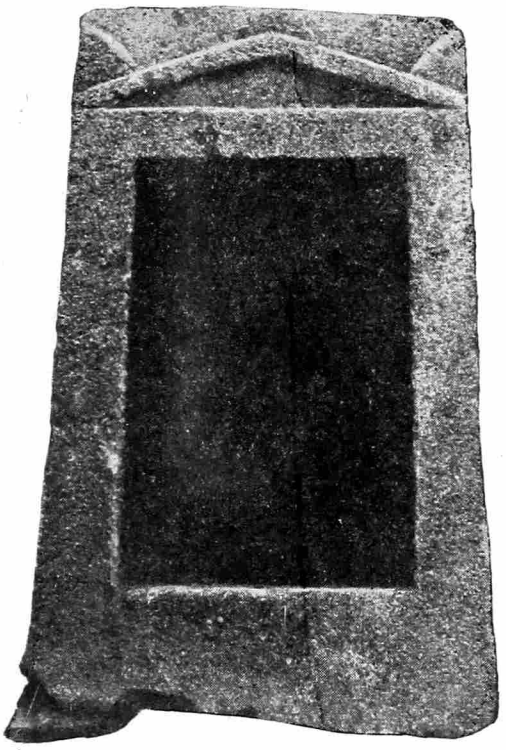

Рис. 16. Ниша, служившая обрамлением надгробного памятника.

ние на Боспоре в эллинистический период, в первые века н. э. потеряла свое первоначальное значение, в связи с пышным расцветом сюжетного надгробного рельефа, и пережила новое возрождение в конце II—III вв. н. э., когда изготовление сюжетных надгробных рельефов прекратилось или, во всяком случае, сильно сократилось.

Интересно, в связи с этим, указать на группу христианских антропоморфных надгробий из Малой Азии, относящихся к III в.[1] Эта ана-

[1] См.: Monumenta Asiae Minoris Antiquae, I. Лондон, 1928, стр. 121, № 228; прямоугольная плита из голубоватого известняка, увенчанная диском, в диске поврежденный крест и буквы Aω; самая плита также разделена крестом на четыре части — в двух верхних секторах помещена надпись, частично заходящая в нижние секторы, в которых помещены мальтийский крест и розетка. Там же, стр. 163, № 307 — фрагмент такого же надгробия; прямоугольная плита, как у Тиритакского надгробия, заканчивается приподнятыми плечиками. Как прямоугольник, так и диск, имеют орнаментальный бордюр.

логия может служить косвенным аргументом по вопросу о бытовании антропоморфных надгробий на Боспоре в III в. н. э. Но ни на Боспоре, ни в других центрах Северного Причерноморья до сих пор не встречалось примеров сочетания антропоморфной формы надгробия с христианскими символами.

Можно указать только на группу позднейших христианских надгробий из Херсонеса в форме креста, заключенного в круг,[1] может быть преемственно связанных с антропоморфными надгробиями: круглая форма венчающей части этих христианских надгробий ближайшим образом напоминает головы антропоморфных надгробий.

---

[1] См.: Н. И. Репников. Дневник раскопок Херсонесского некрополя. Херсонесский сборник, II, стр. 186.

А. А. ПЕРЕДОЛЬСКАЯ

О СЮЖЕТАХ ТРЕХ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК, НАЙДЕННЫХ В КУРГАНЕ БОЛЬШАЯ БЛИЗНИЦА

Великолепный комплекс «карикатур» или «гротесков», найденных в 1868 г. в богатейшем женском погребении № 4 знаменитого кургана Большая Близница на Таманском полуострове, к сожалению, слишком мало обращал на себя внимание исследователей и специалистов.

Даже академик Стефани, знаток и любитель греческой мифологии, издавший впервые эту находку,[1] не сумел полностью понять содержание, вложенное греческим коропластом в эти фигурки, а потому не мог правильно объяснить и мотивы, по которым они были положены в могилу женщины, являвшейся, по его словам, «ревностной последовательницей елевсинского культа».[2]

Отмечая высокое мастерство исполнения статуэток, Л. З. Стефани неоднократно указывает, что они «свидетельствуют о таком странном направлении ума и вкуса покойной, какой мы едва ли вправе были ожидать от женского лица из среды одного из знатнейших семейств того времени».[3]

После Стефани, в течение почти шестидесяти лет, никто не обращал внимания на терракоты из кургана Большая Близница, хотя они и были включены в известный атлас терракот Винтера.[4]

В 1929—1930 гг. важным вопросом о датировке терракот этого любопытного комплекса занялась Е. В. Ернштедт, доказавшая принадлежность их к искусству конца V в. до н. э.[5] Правильно отметив большое художественное значение этих терракот для классического искусства V в. до н. э., Е. В. Ернштедт вовсе не поняла их содержания. Для нее большинство наиболее характерных и необычных фигурок попрежнему осталось только «непристойными гротесками» или «неприличными уродами».

А между тем, только полное раскрытие всех без исключения сюжетов «карикатурных» терракот из кургана Большая Близница и только правильное толкование этих «уродов» дают возможность подойти к задаче объяснения целого ряда проблем, связанных как с вопросами

---

[1] ОАК, 1869 г., Атлас, табл. II и III и текст, стр. 146 сл.

[2] Там же, стр. 163.

[3] Там же, стр. 146 и 165.

[4] F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten. Берлин — Штутгарт, 1903, II, 394, 2; 400, 3; 403, 1; 418, 10, 11; 421, 8; 434, 3; 435, 1, 2, 5, 6; 436, 8; 457, 6; 462, 2—3; 463, 3; 464, 1.

[5] Работа Е. В. Ернштедт не напечатана и хранится в архиве ИИМК АН СССР. Мне эта работа известна по ряду докладов, посвященных датировке терракот, сделанных в Государственном Эрмитаже в 1929 и 1930 гг. и по докладу в ИИМК в 1936 г.

античной культуры, так и с важнейшими проблемами в истории Боспорского царства в его наиболее цветущую пору.

Большинство терракот, найденных в кургане Большая Близница, настолько своеобразны и индивидуальны, что, за очень немногим исключением, не имеют повторений; это, конечно, затрудняло их изучение.

В этой статье я остановлюсь на разборе сюжетов трех статуэток из данного комплекса.

1. Статуэтка сидящей полуобнаженной женщины, любовно прижимающей левой рукой скифос к груди[1] (рис. 1).

Рис. 1. Терракотовая статуэтка сидящей женщины. (Эрмитаж).

Правая рука женщины поднята до уровня плеча и обращена раскрытой ладонью наружу в приветственном жесте. Голова в легком повороте склонилась к левому плечу. На лице блуждает блаженная улыбка. Плащ, задрапированный красивыми складками на коленях, покрывает спину и ноги фигуры, оставляя совершенно обнаженными большой выступающий живот и некрасивую отвисшую грудь женщины.

Характеристика этой женской фигуры слагается, таким образом, из следующих элементов: 1) полуобнажения; 2) реалистической трактовки тучного тела вполне зрелой, даже немолодой уже женщины, с явным подчеркиванием некрасивых, слишком полных форм груди и безобразно большого живота; 3) кубка, прижимаемого к груди; 4) ритуального жеста правой руки, обращенной наружу раскрытой ладонью и поднятой до уровня плеча; 5) явно выраженного удовольствия на блаженно улыбающемся лице.

Статуэтка, найденная в кургане Большая Близница, отнюдь не одинока: две реплики этого же типа имелись в бывшем собрании Vogell'a,[2] третий экземпляр, меньший по размерам, хранился в частном собрании в Киле.[3]

Помимо указанных реплик к этому типу имеется и ряд вариантов его.

Первым вариантом этого типа следует признать найденную в Афинах статуэтку стоящей женщины.[4] Левой рукой она нежно прижимает к груди скифос, правой рукой, поднятой до уровня плеча, делает такой же приветственный жест. Плащ, с красивыми складками на отвороте, прикрывает ноги фигуры и обнажает безобразные формы слишком тучного тела — отвисшую грудь и большой живот. Статуэтка вышла из той же мастерской и даже из рук того же художника, что и фигурка из кургана Большая Близница и три ее реплики в частных собраниях.

---

[1] Эрмитаж, инв. ББ 175, КДБК. 893 Q. Высота: 12.1 см. ОАК, 1869, табл. III, 12.

[2] Sammlung A. Vogell, табл. IX, 27, стр. 66, № 722 и табл. IX, 28, № 723.

[3] Фотография с этого экземпляра была предоставлена мне профессором Eduard Schmidt'ом.

[4] Winter. ук. соч., II, 464, 2 (из Афин).

Второй вариант этого же типа дает фрагмент статуэтки стоящей женщины в собрании Эрмитажа (рис. 2).[1] Левой рукой она прижимает к груди скифос, правая покоится на животе. Вместо плаща ноги фигуры прикрыты гладким передником, оставляющим обнаженными такой же громадный живот и такие же груди. На ногах надеты высокие сапоги. По общему мотиву постановки фигуры с близко друг к другу придвинутыми ногами и по манере трактовки спины и других обнаженных частей тела, эта статуэтка стилистически так тесно связана с группой терракот из кургана Большая Близница, что несомненно происходит из той же мастерской.[2]

Рис. 2. Фрагмент терракотовой статуэтки стоящей женщины. (Эрмитаж).

Рис. 3. Терракотовая статуэтка сидящей на корточках старухи. (Эрмитаж).

Третий, более далекий вариант этого же типа изображений — статуэтка старухи, сидящей на корточках, также в собрании Эрмитажа (рис. 3).[3] Крайне безобразная нагая старуха, в высоком остроконечном уборе на голове, сидит на корточках «на каком-то сосуде». В правой ее руке кубок на высокой ножке, левая рука делает знакомый уже нам приветственный жест.

Характеристика всей фигуры резко натуралистична. Все безобразные черты ее лица и тела грубо преувеличены. Широко раздвинутые и бесформенно трактованные ноги поставлены параллельно друг к другу, громадный живот выступает, слишком большие груди свешиваются на живот. Полное и обрюзгшее лицо ее с вытаращенными, круглыми глазами, с широко сплющенным носом и с высунутым наружу языком напоминает, скорее всего, маску страшной Горгоны.

---

[1] Эрмитаж, инв. Г. 1198. Высота 10.2 см.

[2] Ср., например, по мотиву композиции фигуры статуэтку пьяного Геракла с амфорой и палицей в руках (ОАК, 1869, табл. II, 10) и статуэтку старика, заложившего руку за спину (там же, табл. II, 11).

[3] Эрмитаж, инв. П. 1902. 55. Высота 5.2 см. Глина коричневатая, следов облицовки и раскраски не сохранилось (ОАК за 1902 г., стр. 58, рис. 114; ИАК, вып. 9, 1904 г., стр. 100, рис. 21). Найдена в Керчи в могиле № 147 на Эспланадной улице на горе Митридат. В могиле были найдены краснофигурный лекиф с пальметкой, обломки одноручного глиняного сосуда и монета с головою пана и с луком в горите типа Бурачков XX, 91.

Четвертый, еще более отдаленный вариант этого же типа найден в Олинфе.[1] Это фигурная ваза в виде нагой (?) безобразной старухи, также сидящей на корточках. Спина и голова ее, вероятно, прикрыты плащом. В левой руке ее, опирающейся на колено, она держит неглубокую чашу, прижимая ее к груди; правая рука касается живота. Слишком крупных размеров голова, склоненная к левому плечу, поражает своим безобразием — растянутый в улыбку рот, слишком широкий нос с вдавленной переносицей, резко моделированные, рельефно выступающие брови, высоко поднятые вверх и сходящиеся на переносице — все это носит черты нарочито подчеркнутого безобразия, резко отличающегося от характеристики эрмитажной статуэтки из кургана Большая Близница и близких к ней вариантов и сближающего эту фигуру со старухой третьего варианта.

Таким образом, общие черты, свойственные всем этим типам, сводятся к подчеркиванию следующих деталей и особенностей: 1) женщина изображается или совершенно обнаженною или полунагою; последнее встречается чаще; 2) некрасивое тело ее всегда имеет тучные формы пожилого возраста, выражающиеся в подчеркивании слишком большого живота и отвисших грудей; 3) в одной руке женщина держит сосуд, прижимая его к груди; 4) другая рука либо поднята до уровня плеча и обращена раскрытой ладонью наружу, либо покоится на животе.

Различия, выступающие в этих вариантах, очень не велики.

Тип, представленный экземпляром из кургана Большая Близница с тремя его репликами в собрании Vogell'a и в частном собрании в Киле, изображает женщину сидящей на каком-то сидении; первый и второй варианты этого типа передают ее стоящей; наконец, два последних варианта изображают женщину присевшей на корточки.

Сосуд, который женщина держит обычно в левой руке, — чаще всего скифос обычной формы, реже канфар или кубок на ножке или чаша. В одном случае (статуэтка из кургана Большая Близница и ее реплики) перед нами хотя и не молодая, но явно не старая еще женщина, тогда как на двух последних вариантах — старуха. У двух экземпляров не сохранилась голова.

Перехожу теперь к выяснению самого сюжета наших фигурок.

Жест правой руки, приподнятой на уровне плеча с открытой ладонью, обращенной наружу, — жест несомненно ритуальный, являющийся жестом приветствия или адорации. Такой жест делает богиня Деметра на знаменитой елевсинской пелике в Эрмитаже,[2] приветствуя, очевидно, собравшихся богов или своих почитателей — мистов. Тот же жест мы видим у идола богини на лондонской гидрии Мидия[3] или у Персефоны, выходящей на поверхность земли, на краснофигурном кратере в Нью-Йорке.[4] С подобным же жестом подходит, например, к лутерию и алтарю юноша на чаше мастера Пана в Риме в музее Villa Giulia.[5] Он держит

---

[1] Excavations at Olynthus, IV. David Robinson. The terra-cottas of Olynthus found in 1928. Балтимора—Лондон—Оксфорд, 1931, табл. 44, 398.

[2] ОАК за 1859 г., табл. II; Furtwangler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei. Мюнхен, 1909, табл. 70. — E. Pfuhl. Malerei uud Zeichnung der Griechen. Мюнхен, 1923, III. рис. 596.

[3] Furtwängler-Reichhold, ук. соч., табл. 8. — Pfuhl, ук. соч., рис. 593.

[4] Pfuhl, ук. соч., стр. 556. — G. M. A. Richter. Red-figured Athenian vases in the Metropolitan Museum of art, 1936, табл. 124.

[5] L. Deubne Attis he Feste. Берлин, 1923, табл. 23, 1. — J. D. Beazley. Der Panmaler (в серии: P. Jahobstahl u. Y. D. Beazley. Bilder, griechischen Vasen), 1931, табл. 6, 5. Ср. также жест жрицы-менады, совершающей ритуальный обряд перед маской Диониса, прикрепленной к дереву на стамносе в музее Villa Giulia в Риме (Dedalo, 1932, стр. 83).

ветку в руке и одет в роскошно затканный или вышитый плащ, указывающий на культовый характер всей сцены. Решающую роль в определении сюжета играет кубок для питья — скифос, канфар или просто чаша.

Все эти типы сосудов употреблялись наиболее часто в обрядах, связанных с культом Диониса. С подобными кубками в руках менады и жрицы Диониса приготовляют вино, участвуют в процессиях, танцуют и т. п.[1] Все эти женщины, участвующие в обрядах в честь Диониса, отличаются, однако, молодостью и красотой.

Настойчивое подчеркивание в разбираемой нами группе статуэток некрасивых деталей немолодого женского тела — большого живота и грудей — указывает на значение в данном случае именно женского плодоносящего и рождающего начала.

На основании этого мы, следовательно, можем предположить, что все статуэтки женщин с кубком в руках скорее могли быть связаны с культом Деметры, чем с культом Диониса.

В Гомеровском гимне в честь Деметры[2] рассказывается эпизод с Ямбой, сумевшей развеселить опечаленную и уставшую от поисков дочери богиню и утолить ее жажду чудесным напитком — κυκεών, который приготовлялся из смеси ячменной муки с водой и вином или с медом и из козьего сыра.[3]

Таким образом, если остановиться на толковании напитка, содержащегося в кубке и вкушаемого женщиной, как священного напитка Деметры — κυκεών, то в самих женских фигурах, изображенных коропластом в перечисленных выше статуэтках, можно видеть: 1) или богиню Деметру, вкусившую напиток, предложенный ей Ямбой; 2) или Ямбу или Баубо, приготовившую или испробовавшую напиток и предлагающую теперь вкусить его богине.

К первому из этих толкований могла бы подойти только статуэтка из кургана Большая Близница. Подобно Деметре на елевсинской пелике, она изображена сидящей, причем жест ее правой руки, приподнятой на уровне груди с раскрытой наружу ладонью, до мелочей совпадает с жестом руки богини на упомянутой вазе. Разница заключается лишь в том, что на вазе богиня изображена в богатых ритуальных одеждах (хитон, плащ, золотой калаф на голове, серьги, браслеты и ожерелье), торжественно восседающей на троне, тогда как на терракотовой статуэтке фигура женщины изображена полуобнаженной, аналогий чему я привести не могу. Тучное тело женщины указывает на важную роль и значение женщины, как плодоносящего и рождающего начала, оно должно было олицетворять, по народным представлениям, изобилие, богатство и земледельческое благополучие.[4]

В каком образе могла представлять себе богиню Деметру народная мысль в глубокой древности — остается для нас пока загадкой. Этот народный образ богини мог и не совпадать с представлениями, выработ-

[1] Ср., например, рисунки на краснофигурных вазах: P f u h l, ук. соч., III, рис. 438 (Макрон), 516 («мастер из виллы Джулия»), 582. — F u r t w ä n g l e r-Reichhold, ук. соч., табл. 36—7 («мастер берлинского диноса»). — L. Deubner, ук. соч., табл. 20, 1 и 21, 1, и т. п.; обильный материал у Frickenhaus (Lenäenvasen, 72 Winckelmannsprogramm, Берлин, 1912), где скифос является типичным сосудом на вазах, связанных с ленеями. Ср. также: L. D e u b n e r, ук. соч., стр. 133.

[2] Гомеровский гимн Церере (Деметре) в дальнейшем H. h. C., 195 сл.

[3] P. F o u c a r t. Les mystères d'Eleusis. Париж, 1914, стр. 378. Ср. также: M. Brillant. Les mystères d'Eleusis (Bibliothèque internationale de critique. Religion et philosophie). Париж, 1920, стр. 90 сл.; о приготовлении подобного напитка см.: Илиада, XI, 624, 630 и 638.

[4] Ср., например, замечания Б. Л. Богаевского (Земледельческая религия Афин, 1916, стр. 142, 148 сл. — в применении к изображениям Плутоса).

танными в течение веков официальной религией и искусством Афин.

Для второго из предлагаемых мною толкований статуэток, как возможных изображений Ямбы или Баубо, особенно подошла бы найденная в Керчи статуэтка присевшей на корточки старухи с высунутым языком. Согласно гомеровскому гимну, Ямбе удалось развеселить опечаленную богиню грубыми шутками и непристойными жестами.[1] Обычно с подобным сюжетом связывают довольно поздние терракотовые статуэтки IV в. до н. э., найденные на территории храма Деметры в Приене.[2] Однако несомненно должны были существовать какие-то изображения Баубо и в более раннюю эпоху.

Непристойная поза старухи, найденной в Керчи, ее высунутый язык и вытаращенные глаза, как нельзя лучше могли бы соответствовать «грубым шуткам» Ямбы или тождественной с ней Баубо.

К подобному толкованию наших статуэток должна подойти и статуэтка из Олинфа с ее характерным «неприличным» жестом правой руки на животе и, может быть, стоящая фигурка в переднике (Эрмитаж).

Наконец, толкование наших статуэток можно расширить и дальше.

История богини Деметры с ее поисками исчезнувшей дочери и другими эпизодами составляла существеннейшую часть в елевсинских мистериях, учрежденных, по преданию, самой богиней. Эпизод встречи богини с Ямбой, отожествленной позже с Баубо, также, вероятно, мог иметь свое законное место в мистериях.[3] Он не только рассказывался, он мог и воспроизводиться. Во всяком случае, о посте и вкушении священного напитка Деметры — κυκεών — во время елевсинских мистерий, совершаемых в подражание как раз этому эпизоду встречи богини с Ямбой, говорит и знаменитая сакральная елевсинская формула, приведенная Климентом Александрийским: «ἐνήστευσα, ἔπιον τὸν κυκεῶνα».[4]

Эта формула дает возможность расширить толкование сюжета наших терракотовых статуэток следующим образом:

1) в некоторых случаях мы, может быть, имеем право видеть в статуэтках жрицу Деметры, изображавшую в елевсинских мистериях богиню Деметру в эпизоде встречи с Ямбой;

2) в других случаях — изображение посвященной в таинства женщины, вкушающей после установленного поста «священный напиток Деметры».

В этом последнем случае статуэтки, подобные найденной в кургане Большая Близница, могли быть вотивными приношениями посвященных в мистерии женщин.

Я должна подчеркнуть, что предложенное мною толкование статуэтки из кургана Большая Близница ни в коем случае не допускает ничем не обоснованного толкования ее как жанрового изображения пьяной гетеры,[5] по какой-то странной прихоти попавшего в погребение богатой и знатной женщины Боспора.

Предложенное мною толкование дает объяснение странному на первый взгляд сочетанию различных элементов, заключающихся в харак-

---

[1] О Баубо см. статью O. Kern в Pauly-Wissowa (Real Encyclopädie, III, 1899, стр. 150 сл.).

[2] Th. Wiegand, H. Schrader, R. Zahn. Priene. Берлин, 1904, стр. 161, рис. 149—154. Ср. также: Б. Л. Богаевский, ук. соч., стр. 174 сл.

[3] Н. И. Новосадский (Елевсинские мистерии. СПб., 1887, стр. 130—131) справедливо указывает, что «этот акт подал повод к обличениям со стороны отцов христианской церкви», вопреки мнению P. Foucart (ук. соч., стр. 467 сл.), который предполагает, что эпизод с Баубо никогда не был введен в елевсинские мистерии, что этот эпизод появляется много позднее в орфической поэзии под влиянием птолемеевского Египта.

[4] Clem. Alex., Protr., 21, 2 (цит. по: L. Deubner, ук. соч., стр. 79, прим. 9).

[5] Таково было, например, толкование Е. В. Ернштедт («пьяная гетера») или Л. З. Стефани (ОАК 1869, стр. 163 — «пьяная женщина»).

теристике этой фигуры: ее полуобнаженное с подчеркиванием деталей тучное тело, находящееся в резком контрасте с идеально охарактеризованной головой и изысканно стилизованными складками на отвороте плаща, покрывающего ноги фигуры.

Все эти детали в сочетании с ритуальной эсхрологией вполне находят себе объяснение в древне-земледельческих обрядах, связанных с культом Деметры.

2. Группа супругов на ложе[1] (рис. 4).

Торжественна и величава поза мужчины, увенчанного плющевым венком, толстой шерстяной повязкой, спустившейся на лоб, и лентами (тении), спадающими на плечи. Опираясь на подушку, он держит в левой руке какой-то неясный круглый предмет, прижимая его к груди;

Рис. 4. Терракотовая статуэтка — группа супругов на ложе. (Эрмитаж).

правой рукой обнимает лежащую перед ним женщину. Полуобнаженная, облокотившись также на подушку, она откинула голову к нему на грудь. Уложенный в красивые складки плащ прикрывает лишь ноги фигуры, оставляя обнаженными большой,некрасиво выступающий живот и свешивающиеся груди. Тучность тела зрелой женщины подчеркнута на животе и шее жировыми складками. Лицо женщины моложаво, трактовано в идеализованных формах, в противоположность старчески некрасивому лицу мужчины с ввалившимися глазами, худощавыми щеками и резко проведенными складками от ноздрей к углам рта.

Группа этих супругов ближе всего напоминает традиционные группы супругов на крышках этрусских и римских саркофагов, этрусских урн и т. п.[2]

От греческих надгробных рельефов с изображением загробного пира композиция эта существенно отличается.[3]

Традиционная схема композиций загробного пира теснейшим образом связывается с обычным изображением пира, как мы его знаем, например, по рисункам на греческих вазах.[4] Во всех этих композициях

---

[1] Инв. ББ 174 КДБК 868i; выс. 7.2 см, длина 11.7 см.

[2] Ср.: G. Rodenwaldt. Die Kunst der Antike (Propyläen Kunstgeschichte, III), стр. 494, 497, 634.

[3] Ср., например, надгробный рельеф Kekule von Stradonitz. Die griechische Skulptur, 1922, стр. 191.

[4] Ср., например: E. Pfuhl, ук. соч., III, рис. 388, 432, 494 и др.

мужчина или юноша изображается обычно лежащим на ложе, с чашей в руках, а женщина — сидящей в ногах у него, иногда же танцующей или играющей перед ним на флейте.

Но нередко встречается и другая композиция, более близкая по мотиву к композиции нашей группы, где обе фигуры — и мужчины (юноши) и женщины — изображены на ложе, лежащими одна возле другой.[1]

Ничто как будто не указывает на то, что терракотовая группа из кургана Большая Близница является подобным жанровым изображением пирующих мужчины и женщины (гетеры), если не считать праздничных повязок и венка, увенчивающих мужчину. Но кубок в руках мужчины отсутствует. Нет никаких оснований считать данную группу и воспроизведением загробного пира, подражающего в своей композиции обычному пиру. Такому толкованию противоречат, на мой взгляд, те «гротескные» черты, которые бросаются в глаза при первом взгляде на группу. Такому толкованию противоречит совершенно неожиданное и, казалось бы, необъяснимое сочетание в характеристике этой группы двух противоречивых элементов — резкого натурализма с одной стороны (трактовка женской фигуры и лица мужчины) и своеобразной идеализации с другой стороны (торжественность композиции, идеализированное лицо женщины и трактовка изысканных складок плаща).

Интересно отметить, что фигура женщины в группе в своей характеристике совпадает полностью с предыдущей фигуркой женщины, сидящей со скифосом в руках. Те же типичные особенности в характеристике женского, не совсем молодого, тела встречаются и здесь: 1) чрезмерная тучность тела, выражающаяся в большом животе и отвисших грудях и 2) полуобнажение фигуры, преследующее несомненно желание подчеркнуть эти особенности женского тела.

К этому следует добавить и некоторые детали в характеристике мужчины: 1) его пожилой возраст; 2) толстая шерстяная повязка в сочетании с плющевым венком и тениями на голове; 3) неясный предмет круглой формы в руке, прижимаемый к груди.

Как было отмечено выше, слишком полные формы женского обнаженного тела с нарочитым подчеркиванием некоторых деталей его (живота и груди), имеющих определенное функциональное значение, восходящее к глубокой древности, свидетельствуют о связи подобных изображений с древнейшими аграрными представлениями, вытекающими из идеи плодородия земли. На эту же идею плодородия указывает и плющевый венок, увенчивающий голову мужчины, и тот круглый неясный предмет, который мужчина держит в руке, прижимая его к груди, и который, сохраняя яркокрасную окраску, может быть только плодом — яблоком или гранатом.[2]

Терракотовая группа из кургана Большая Близница должна, таким образом, воспроизводить один из древнейших обрядов какого-то земледельческого культа, возникшего в недрах еще родового общества.

Один из таких древнейших обрядов нашел свое поэтическое выражение в многочисленных мифологических рассказах о ἱερὸς γάμος — священном браке, не столько божественных пар — θεῖος γάμος — как Зевса и Геры, Посейдона и Амфитриды, Афродиты и Ареса и т. п.,

---

[1] Ср., например: E. Pfuhl, ук. соч., рис. 465 и 469 (Дурис) и группу целующихся — юноши и гетеры у Смикра (там же, рис. 388), где женщина все же занимает не все ложе, как женщина в терракотовой группе из кургана Большая Близница, а часть его: ноги женщины спущены вниз на низенькую скамеечку.

[2] На краснофигурном кратере из Беотии (E. Pfuhl, ук. соч., III, рис. 608), мужчина, лежащий на ложе, держит в руке аналогичный предмет овальной формы, явно плод, взятый со столика с явствами, стоящего рядом.

сколько сочетания бога со смертным — Диониса с Ариадной, Афродиты с Адонисом, Фаоном, Анхизом и другими, Кибелы с Аттисом, Деметры с Иазионом, Фетиды с Пелеем и т. д. и т. п. В основе всех этих и подобных им сказаний лежат представления об оплодотворении земли и происхождении человеческого рода.

Какие внешние формы получили эти сказания в изобразительном искусстве Греции?

Архаическое искусство VI в. до н. э. знает только один тип официальных изображений — ἱερὸς γάμος, — тип торжественного шествия супружеской пары на колеснице, представленный в сцене свадьбы Пелея и Фетиды с участием многих богов с их супругами, на знаменитом ранне-чернофигурном кратере Клития и Эрготима во Флоренции.[1]

Эта схема изображений становится для греческого искусства традиционной на всем протяжении VI в. до н. э.[2]

В рисунках на вазах V в. подобные сцены почти не встречаются. Только в рисунках на вазах конца V—IV вв. тема ἱερὸς γάμος снова появляется, что, несомненно, связано с ростом и усилением мистических настроений в рабовладельческом обществе, очутившемся в экономическом и политическом тупике после окончания Пелопонесской войны. Особенной популярностью в это время пользуется миф о Дионисе и Ариадне и миф об Афродите и ее любимцах — Адонисе, Фаоне и др.

Изменяется и самая схема композиций: вместо традиционного торжественно-ператического шествия супружеской пары на колеснице появляются изображения более интимных сцен нежно обнявшихся фигур.[3] Здесь важно отметить еще одно обстоятельство: Дионис в рисунках на вазах этого времени всегда появляется в виде цветущего юноши.

Появление подобной группы Диониса и Ариадны в роскошных одеждах среди изображений актеров, готовящихся к выходу на сцену, на знаменитом кратере Пронома в Неаполе[4] доказывает, что подобный сюжет мог быть темой каких-то театрализованных представлений.

Но каких именно?

Об этом свидетельствует Аристотель,[5] рассказывая, что в его время, т. е. еще в IV в. до н. э., в Афинах существовал старинный обряд культового сочетания басилины, супруги архонта, с самим Дионисом в Буколионе, близ Пританея, где заседал басилевс. Обряд этот совершался

---

[1] Furtwängler-Reichhold, ук. соч., табл. 1—3, 11—13. — Pfuhl, ук. соч., III, рис. 215.

[2] Ср., например, поздне-чернофигурную гидрию в Эрмитаже с изображением свадебного шествия Зевса и Геры (О. Ф. Вальдгауер. Расписные вазы в Эрмитаже. Журнал «Аполлон», 1914, ноябрь, № 9, отд. отт., стр. 13 и табл.), а также ряд чернофигурных гидрий в Эрмитаже с подобным сюжетом свадебного шествия, или свадебное шествие Диониса и Ариадны на чаше Финея (Furtwängler-Reichhold, ук. соч., табл. 41. — Pfuhl, ук. соч., III, рис. 164).

[3] См., например, гидрию во Флоренции (E. Pfuhl, ук. соч., III, рис. 594 — Мидий). Ср. также изображения брачных обрядов на рельефных вазах конца V начала IV в. до н. э. (Alfred Brückner. Anakalypteria, 64 Winckelmannsprogramm, Берлин, 1904, табл. I, II и стр. 8 сл., стр. 12), а также группу на серебряном ритоне из Тарента в Триесте (Jahreshefte des Oesterreichischen Instituts, т. 5, 1902, стр. 112, рис. 27 и табл. I).

[4] Furtwängler-Reichhold, ук. соч., табл. 143, 144 и текст (E. Pfuhl, ук. соч., III, рис. 575; текст, II, стр. 590).

[5] Arist. Ἀθ. πολ. 3, 5: ὁ μὲν βασιλεὺς εἶχε τὸ νῦν καλούμενον Βουκόλειον, πλησίον τοῦ Πρυτανείου. σημεῖον δέ· ἔτι καὶ νυν γὰρ τῆς τοῦ βασιλέως γυναικὸς ἡ συμμειξις ἐνταῦθα γίγνεται τῷ Διονύσῳ καὶ ὁ γάμος.

весной во время праздника Анфестерий,[1] причем в роли Диониса выступал его жрец, который и был, вероятно, сам басилевс.[2]

Обряд этот также нашел свое отражение в рисунках на вазах IV в. до н. э.,[3] причем и Дионис и басилина изображаются в этих сценах полными сил, красоты и молодости.

Каких-либо отступлений от этой традиции, принятой официальным искусством IV в. до н. э., я не знаю, за исключением, может быть, одного случая, принявшего вид грубой шутки или пародии, как показал Дейбнер,[4] опубликовав миниатюрную ойнохою с изображением сочетания осла и мула.

Можно ли связать терракотовую группу из кургана Большая Близница с воспроизведением такого культового сочетания Диониса и басилины?

Плющевый венок, увенчивающий голову мужчины, как будто бы намекает на связь нашей терракоты с культом Диониса, а толстая шерстяная повязка на лбу и пожилой, даже старческий возраст его указывают, может быть, на жреческий сан изображенного — жреца Диониса и басилевса, супруга басилины. Но для изображений при таком толковании басилины в виде немолодой и тучной женщины я привести аналогий не могу.

По народным представлениям, всякое женское божество, олицетворявшее в себе идею плодородия, должно было иметь чрезмерно полные формы тела. Такую идею носила в себе и Афродита; вот почему на одном архаическом памятнике, небольшой и чрезвычайно интересной группе из янтаря в Метрополитанском музее в Нью-Йорке,[5] богиня Афродита, изображенная на ложе юного кипрского героя Кинира, как определяет всю группу издавший ее Кредель, представлена в виде «зрелой женщины с полными формами».[6] Справедливо подчеркивая зрелый возраст богини, по сравнению с юным героем, Кредель, однако, не дает объяснения этому факту. Эта архаическая группа из янтаря изображает героев не в иератической застывшей схеме, а в живой, почти жанровой сценке: юноша изображен просыпающимся от сна, богиня — тайно проникшей к нему под покрывало. Ложе, на котором покоится эта пара, по форме своей, в виде узкого матраса, без ножек, напоминает ложе нашей терракотовой группы.

Но и толкование нашей группы как изображения Афродиты с одним из ее возлюбленных вряд ли подходит. Возраст мужчины и зрелые формы тела женщины заставляют нас искать для группы другое толкование.

Для истории народной религии, вытекающей из старинных чисто земледельческих обрядов, большое значение имел миф, рассказанный

---

[1] О свадьбе басилины см.: E. Buschor. Ein choregisches Denkmal, AM, 53, 1928, стр. 102 и сл., с приведенной литературой. Ср. также: L. Deubner, ук. соч., стр. 100 сл., 104 сл., 110 сл., где приведена позднейшая литература.

[2] L. R. Farnell. The Cults of the Greek states, V. Оксфорд, 1909, стр. 217. — L. Deubner, ук. соч., стр. 109. — он же. Dionysos und die Anthesterien. JAI, т. 42, 1927, стр. 184. — Ch. Picard. Ephèse et Claros. Recherches sur les sanctuaires et les cultes de l'Ionie du Nord, 1922, Париж, стр. 687, прим. 4.

[3] Ср., например, ойнохою Британского музея в Лондоне (JAI, т. 42, 1927, стр. 174, рис. 4—5; L. Deubner. Attische Feste, табл. 10, 1—2 и стр. 101).

[4] L. Deubner, JAI, т. 42, 1927, стр. 176, рис. 6; ср.: L. Deubner. Attische Feste, табл. 9, 3 и стр. 102.

[5] Fr. Kredel. Ein archaisches Schmuck aus Bernstein. JAI, т. 38/39, 1924, табл. IV—V и прилож. V, стр. 169 сл.

[6] Fr. Kredel, ук. соч., стр. 172 и стр. 175: «die Göttin in voller Reife mit üppigen Formen».

в гомеровском гимне Деметры[1] о сочетании Деметры с героем-сеятелем Иазионом на острове Крите на трижды вспаханном паровом поле. От этого брака родился Плутос, олицетворявший богатство.

В поэтической форме миф этот передан в Одиссее.[2] Более сухое изложение этого сказания имеется и у Гезиода в его Теогонии.[3]

Вероятно, в воспоминание этого события, обеспечившего земле плодородие и изобилие, одним из важнейших актов елевсинских мистерий была демонстрация для посвященных во вторую степень «священной драмы», темой которой служил «священный брак» — ἱερὸς γάμος — Деметры и Зевса и, как результат этого брака, — рождение ребенка, вероятно Плутоса.[4] Драма разыгрывалась главным жрецом Елевсина и жрицей Деметры. Весьма вероятно также, что аналогичный обряд ἱερὸς γάμος Коры и Диониса служил также темой такой же «священной драмы» во время празднования малых елевсинских мистерий, справлявшихся в Аграх.[5]

Что ἱερὸς γάμος был одной из самых распространенных тем «священной драмы» в любых мистериях вообще, доказывает известное высмеивание мистерий у Лукиана,[6] саркастически рассказывающего о некоем обманщике Александре из Пафлагонии, организовавшем, якобы в подражание мистериям в Елевсине, свои собственные мистерии с показом множества γάμοι, в том числе и любовной сцены между Селеной и Эндимионом, где он сам выступал в роли Эндимиона, а его любовница, жена одного римлянина, в роли Селены.

Все эти γάμοι, разыгрываемые в «священных драмах», свидетельствуют о том, что они являлись не просто театральными драмами, как таковыми, а театрализованными «священными» действиями, воспроизводившими один из древнейших обрядов, имевших для земледельца глубокий жизненный смысл.[7]

Изучая всевозможные земледельческие обряды, связанные с народной афинской религией, Б. Л. Богаевский указал на один очень интересный в нашей связи обряд культового сочетания на свеже вспаханном поле, во время проведения осенних земледельческих работ.[8] В это время в Афинах справлялись Фесмофории — специально женский, в основе своей земледельческий, праздник, теснейшим образом связанный также с идеей брачной жизни женщины.[9] Деталей этого праздника, справлявшегося тайно, как и многие другие специально женские праздники, мы не знаем. Известно, что участницами их были исключительно замужние женщины знатного происхождения — εὐγενεῖς γυναῖκες, по выражению Аристофана.[10]

---

[1] H. h. C., 488 сл. Ср.: Б. Л. Богаевский, ук. соч., стр. 145, прим. 4. Ср. также: P. Foucart, ук. соч., стр. 479.

[2] Одиссея, 5, 125 сл.

[3] Гезиод, Теогония, 969 сл.

[4] Н. И. Новосадский. Елевсинские мистерии, 1887, стр. 127. — Б. Л. Богаевский, ук. соч., стр. 113, 145, 147, 188. — P. Foucart, ук. соч., стр. 479. — O. Kern. Die griechischen Mysterien der klassischen Zeit. Берлин, 1927, стр. 71. — M. Brillant. Les mystères d'Eleusis, стр. 96 и сл. — L. Deubner. Attische Feste, стр. 85 и др.

[5] P. Foucart, ук. соч., стр. 299 со ссылкой на Стефана Византийского. Ср. также замечание A. Dieterich (Mutter Erde. Берлин, 1905, стр. 106).

[6] L. Deubner, ук. соч., стр. 85. Ср. также: P. Foucart, ук. соч., стр. 481, со ссылкой на Lucian, Alex., 38 сл.

[7] M. Brillant, ук. соч., стр. 99.

[8] Б. Л. Богаевский. Земледельческая религия Афин, стр. 188.

[9] Ср.: A. Mommsen. Feste der Stadt Athen. Лейпциг, стр. 30. — Б. Л. Богаевский, ук. соч., стр. 181 и сл. Сводка последней литературы см.: L. Deubner, ук. соч., стр. 50 и сл.

[10] Aristoph. Thesm., 330.

Одновременно с Фесмофориями, но независимо от них, в Афинах совершались обряды, связанные с подготовкой земли под осенний урожай, обряды так называемой «священной» вспашки — ἱερὸς ἄροτος, посева и приготовления всезерния — πανσπερμία.[1]

Последняя самая важная вспашка поля производилась осенью, на священном поле на Скироне, куда, по преданию, пришла Деметра из Елевсина. Здесь же ночью на свежевспаханном поле и происходил, как предполагается, в воспоминание сочетания Деметры и Иазиона на Крите обряд культового сочетания жреца, производившего «священную вспашку», со жрицей Деметры, справлявшей Фесмофории.[2] Обряд этот, имевший магическое назначение содействовать обеспечению плодородия только что вспаханной и засеянной земли, мог быть гораздо старше самого сказания о Деметре и Иазионе, сказания, выросшего непосредственно из подобного магического действия.[3]

Приведенного материала вполне, как мне кажется, достаточно для того, чтобы убедиться в земледельческом характере группы супругов из кургана Большая Близница; она должна быть связана с одним из вышеупомянутых обрядов — культового сочетания жреца и жрицы.

Ближе всего к нашей группе супругов подходит толкование ее как воспроизведение ἱερὸς γάμος Деметры и Зевса, совершаемого во время елевсинских мистерий верховным жрецом Елевсина и жрицей Деметры, или как изображение культового же сочетания жреца и жрицы на священном поле на Скироне в Афинах.[4]

Во всяком случае, оба эти толкования позволят объяснить и все специфические особенности в характеристике обоих супругов терракотовой группы.

Прежде всего понятен становится образ пожилого мужчины, изображающего жреца в торжественно-ритуальной позе, увенчанного повязкой и тениями и украшенного венком. Небольшой круглый предмет яркокрасного цвета, который он держит в руке, прижимая его к груди, подобно изображениям на традиционных протомах Деметры и Коры, может быть, как мы уже говорили, только плодом — яблоком или гранатом, известными символами плодородия и одновременно смерти.[5] Любопытно, что гранатовое яблоко еще и в новейшее время в некоторых местах используется во время пахоты и посева как старый символ урожая.[6] Точно также и наивно-реалистическая характеристика женщины в зрелом

---

[1] Об обрядах «священной вспашки» см. материал у Б. Л. Богаевского (ук. соч., стр. 178 сл.) и особенно L. Deubner (ук. соч., стр. 51 и сл.). Плутарх (Coniug. praec. 144a) рассказывает о трех священных вспашках в Афинах — на Скироне, на Рарийском поле под Елевсином и о так называемой вспашке Бузига» под Афинами: Ἀθηναῖοι τρεῖς ἀρότους ἱεροὺς ἄγουσι, πρῶτον ἐπὶ Σκίρῳ, τοῦ παλαιοτάτου τῶν σπορῶν ὑπόμνημα, δεύτερον ἐν τῇ Ῥαρίᾳ, τρίτον ὑπὸ πόλιν τὸν καλούμενον Βουζύγιον.

[2] Б. Л. Богаевский, ук. соч., стр. 188. Ср. замечание L. Deubner, ук. соч., стр. 48.

[3] Б. Л. Богаевский (ук. соч., стр. 60, прим. 8) приводит доступную ему литературу о подобном обряде брачного сочетания на свежевспаханном поле, существовавшем в различных земледельческих странах вплоть до последнего времени. Об этом же обряде см. замечание у A. Dieterich (ук. соч., стр. 97) с ссылкой на обильный материал, собранный в книге W. Mannhardt «Wald- und Feldkulte» (I, 1875, стр. 469 сл., 480). О значении обряда священного брака, как связи между древнейшей догреческой «хтонической» и новой «олимпийской» религией см.: O. Kern. Die Religion der Griechen, т. I, Берлин, 1926, стр. 59 сл., 63 сл., 216.

[4] Против этого последнего толкования можно привести только одну деталь в трактовке группы супругов — оба супруга лежат не на земле, а на ложе, подобно Афродите с Киниром в группе из янтаря в Нью-Йорке.

[5] Н. И. Новосадский. Елевсинские мистерии, стр. 32. — K. Böttiсher. Der Baumcultus der Hellenen. Берлин, 1856, стр. 461 и сл.

[6] Ср.: L. Deubner, ук. соч., стр. 51 и сл.

возрасте с тучными формами тела всецело находит свое объяснение в том содержании, которое издавна вкладывалось народом в определенные, твердо сложившиеся представления о женщине, как плодоносящем и рождающем начале.

3. Нагая «гетера», сидящая на алтаре с фаллом в руке[1] (рис. 5).

Гетера изображена в виде немолодой и некрасивой нагой женщины. Широкая повязка почти полностью скрывает волосы, оставляя непокрытым пучок волос на макушке. Женщина сидит на прямоугольной формы сиденьи, напоминающем алтарь, покрытый сверху плащем, концы которого свешиваются по краям спереди. Между раздвинутыми ногами женщины виден сосуд с слегка вогнутыми стенками. Сосуд этот открыт, в нем находится какой-то предмет с губчатой поверхностью. В правой руке ее искусственный фалл, покоящийся на бедре, левая рука касается живота.

Рис. 5. Терракотовая статуэтка нагой женщины на алтаре. (Эрмитаж).

Сюжет и этой статуэтки долгое время производил странное впечатление, особенно при учете места находки фигурки в могиле богатой и знатной женщины.

Что это такое? Жанр? Или карикатура?

Можно ли видеть в этой нагой фигуре лишь образ бесстыдной и развращенной гетеры?[2]

Или скорее в ней следует видеть изображение какого-то культового обряда, воспроизводящего древнее «магическое» действие?

Те же внешние признаки, из которых сложилась характеристика предыдущих фигур должны придти нам на помощь и для объяснения сюжета этой статуэтки. В чем заключаются характерные внешние признаки, имеющие столь решающее значение?

Перечислим их: 1) полная обнаженность женской фигуры; 2) тучность ее тела — большой живот и отвисшие груди; 3) сиденье, напоминающее по своей форме алтарь: 4) сосуд, поставленный между ног женщины; 5) искусственный фалл в ее руке.

Начнем наш разбор с этого последнего.

Общеизвестна роль фалла, как и женского полового органа — κτείς или cunnus, — в доисторических обществах и у первобытных народов.[3] Фалл как древнейший символ плодородия, олицетворявший мужскую силу, играл важную роль во многих мистериях и мистических культах Греции, связанных с почитанием многих женских божеств, как Мать-земля или Великая Мать богов, как Афродита или даже Деметра.[4]

---

[1] Инв. ББ 176 КДБК. 893 р. Выс. 10.4 см.

[2] Л. З. Стефани (ОАК, 1869, стр. 165 и 169) называет ее «пьяной женщиной». Е. В. Ернштедт определяла ее как «пьяную гетеру».

[3] Ср., например: A. Dieterich, ук. соч., I, стр. 93 сл. — E. Buschor. AM, т. 53, 1928, стр. 105 сл., где приведены материалы доисторической Греции, в частности, из Фессалии каменного и бронзового века.

[4] Ср., например: A. Dieterich, ук. соч., стр. 93 сл. и стр. 110 сл. E. Buschor, ук. соч., стр. 105; о культе фалла в древнейший «догреческий» период (пеласги Геродота) см.: O. Kern. Die Religion der Griechen, I, стр. 55.

Почитание фалла было связано с различными древними местными культами кабиров — этих простейших и древнейших демонов плодородия — задолго до того момента, когда фалл стал играть большую роль в культах Диониса, Сабазия, Гермеса и других мужских богов.[1]

В классический период изображение фалла как символа или эмблемы плодородия теснейшим образом было связано с культом Диониса.[2] Во время празднования Великих и Сельских Дионисий процессии с изображениями фаллов, иногда небольших, носимых в корзинах среди фруктов, иногда же огромных размеров, занимали важнейшее место.[3] Процессии эти восходят к очень древним обрядам, дожившим до появления Диониса в Греции и до организации πομπή в его честь, на что указывают и специальные названия подобных процессий или праздников: φαλλαγώγια, или φαλληφόρια [4] и имя Фалеса — божества, олицетворявшего эту мужскую силу.

Древнейший обряд ношения по полям и деревням изображений фалла имел магический характер и, по народным представлениям, обеспечивал богатый урожай.[5]

В качестве τά ἄῤῥητα или τά ἀπόῤῥητα фалл играл важную роль во многих тайных мистических культах и в разных аграрных праздниках, вроде Арретофорий, посвященных Афине,[6] или Скирофорий и Фесмофорий, посвященных Деметре.[7] Одним из важных ритуальных обрядов, совершаемых в эти праздники, был обычай бросания в подземные помещения или ущелья, посвященные этим божествам, или, наоборот, выноса из этих мест печенья фаллической формы, чтобы способствовать плодородию земли.

Но из числа всех женских аграрных праздников, связанных с идеей оплодотворения, особенно велико было значение фалла, как символа плодородия, в тайных обрядах, совершаемых женщинами, на празднике Галой, связанном и с Деметрой и с Дионисом.[8] Некоторые намеки на обряды этого праздника встречаются в известных схолиях к диалогам гетер Лукиана.[9]

Дейбнер умело сопоставляет с этими литературными свидетельствами целый ряд рисунков на краснофигурных вазах. Из приведенных им материалов ясно, что фалл играл в обрядах на празднике Галой определенную роль, причем не столько в виде печенья, которое, может быть, и подавалось на пиру, сопровождавшем этот праздник,[10] но скорее в ряде других обрядов. Так, например, глиняные изображения фаллов монумен-

---

[1] A. Dieterich, ук. соч., стр. 111. — E. Buschor, ук. соч., стр. 104 сл.

[2] Материал в ук. статье Бушора.

[3] Aristoph. Ach., 241 сл. и 260 сл. Ср.: M. P. Nilsson. Die Prozessiontypen im griechischen Kult (JAI, т. 31, 1916, стр. 322 сл.). — L. Deubner, ук. соч., стр. 136.

[4] Во время процессий пелись и специально «фаллические» песни с обращением к древнейшему божеству Фалесу, бывшему олицетворением самого фалла, как божества плодородия (Aristoph. Ach., 241 сл. и 260 сл. — E. Buschor, ук. соч., стр. 104. — L. Deubner, ук. соч., стр. 135 сл.).

[5] На интересный обычай посвящения глиняных фаллов у пастухов в Икарии указывает L. Deubner (ук. соч., стр. 64). Обряд этот следует связать с почитанием Пана, как божества, покровительствующего стадам и пастухам.

[6] L. Deubner, ук. соч., стр. 10 сл.

[7] L. Deubner, ук. соч., стр. 44 и 61 сл. Ср. также: A. Dieterich, ук. соч., стр. 46.

[8] L. Deubner, ук. соч., стр. 61 и 64 сл.

[9] Схолии впервые были изданы Rhode в Rhein. Museum (1870, стр. 557 сл.). Мы цитируем и пользуемся выдержками этого текста по работе L. Deubner [ук. соч., стр. 40, прим. 5 (Фесмофории, Скирофории и Арретофории), стр. 61, прим. 5 (Галои)].

[10] L. Deubner, ук. соч., стр. 66.

тальных размеров откуда-то приносились женщинами,[1] где-то устанавливались и около них производились какие-то действия.[2]

На пелике в Лондоне E 819[3] изображена женщина, совершающая какие-то действия над четырьмя фаллами, посаженными в землю, а на донышке чаши в Берлине[4] коленопреклоненная нагая гетера держит в руках горшок, наполненный такими же фаллами.

В названных схолиях к Лукиану упоминается смутно еще об одном тайном обряде женщин — так называемом «κλεψιγαμία», о котором женщинам, собравшимся тайно, нашептывали на ухо жрицы: «αἱ δὲ ἱέρειαι λάθρα προσιοῦσαι ταῖς γυναιξὶ κλεψιγαμίας πρὸς τὸ οὖς ὡς ἀπόρρητόν τι συμβουλεύουσιν».[5]

В чем заключался этот обряд — сказать трудно. Может быть, с ним можно связать и рисунок на краснофигурной чаше Эпиктета, найденной на острове Березани и хранящейся в Эрмитаже,[6] с изображением нагой гетеры с двумя искусственными фаллами в руках; или рисунок на такой же чаше Никосфена в Британском музее в Лондоне[7] и, быть может, целый ряд других аналогичных же сюжетов.[8] Важно отметить, что на чаше Эпиктета между ногами женщины помещается большой таз на ножках, подобно сосуду на статуэтке из кургана Большая Близница.

Нам не известны детали обряда κλεψιγαμία, как не известны и тайные обряды, совершаемые женщинами, собиравшимися для эсхрологии в здании Фесмофория во время Фесмофорий, как не известно в чем заключался и тот тайный обряд, который совершался нагими женщинами, прибегавшими ночью при полнолунии на поле Скирона.[9]

Не изображает ли статуэтка из кургана Большая Близница один из таких ритуальных обрядов?

Любопытно и важно отметить, что во главе праздника Галой, как и праздника Фесмофорий, стояла жрица Деметры, руководившая всеми обрядами; что праздник Галой имел в Елевсине форму τελετή, посвящений.[10]

Попытаемся расширить возможное толкование сюжета интересующей нас статуэтки.

Тот факт, что женщина изображена сидящей на алтаре (прямоугольное сиденье, покрытое плащом, может быть скорее всего алтарем самой обычной формы), указывает на ритуальный характер изображенного здесь действия.

Тот факт, что эта женщина, помимо алтаря, сидит еще и на сосуде, имеющем форму калафа, указывает на связь изображенной здесь женщины с елевсинскими мистериями. Именно этот довольно высокий сосуд с вогнутыми внутрь стенками может помочь толкованию статуэтки.

Что это за сосуд?

---

[1] Ср. рисунок на краснофигурном кратере мастера Пана. L. Deubner, ук. соч., табл. 4, 2 и стр. 67.

[2] Ср. краснофигурную чашу в Museo di Villa Guilia в Риме (L. Deubner, ук. соч., табл. 4, 1 и стр. 67).

[3] L. Deubner, ук. соч., табл. 3, 3.

[4] L. Deubner, ук. соч., табл. 3, 2.

[5] Schol. Luc., 280, 16; ср.: L. Deubner, ук. соч., стр. 61, прим. 5.

[6] Эрмитаж, инв. Б 475; J. D. Beazley. Attische Vasenmaler des rotfigurigen Stils. Тюбинген, 1925, стр. 26, 24; JAI, вып. 44, 1929, стр. 173, рис. 15—16.

[7] E 815; Pfuhl, ук. соч., III, рис. 348 (деталь); J. D. Beazley, ук. соч., стр. 44, 9.

[8] Например: J. D. Beazley, ук. соч., стр. 98, № 19; стр. 99, № 31; стр. 106, № 2.

[9] Б. Л. Богаевский, ук. соч., стр. 187 и 188.

[10] Ср. означенные схолии к Лукиану, 220, 12 сл.; L. Deubner, ук. соч., стр. 61 сл., P. Foucart, ук. соч., стр. 216 сл., 251.

Может быть, это циста, игравшая столь большую роль в различных обрядах и мистериях, та священная циста, в которой хранились скрытые от постороннего взгляда священные предметы или эмблемы τὰ ἱερά или τὰ ἄῤῥητα.[1]

Если сосуд, изображенный между ног женщины, был цистой, то фалл, находящийся в руках женщины, мог быть вынут ею только из той цисты, в которой осталось что-то лежать.

В священной цисте, игравшей известную роль в элевсинских мистериях,[2] помимо других священных предметов, хранилось, как предполагают, изображение женского полового органа — κτεῖς или cunnus, эмблема плодородия, употреблявшаяся также в различных обрядах и на празднике Галой [3] и на празднике Фесмофорий.[4] В елевсинских мистериях роль цисты и ее содержимого была особенно велика.[5] Она хранила τὰ ἱερά, ее торжественно носили в процессиях из Елевсина в Афины и из Афин обратно в Елевсин.[6]

Во время акта посвящения в мистерии эмблемы вынимались из цисты и показывались посвященным. Богиня Деметра на рельефах, найденных в Елевсине, нередко изображалась сидящей на цисте, хранящей τὰ ἱερά.[7] Однако, как доказал H. G. Pringsheim,[8] циста была круглой плетеной корзиной, снабженной крышкой. Сосуд же, изображенный на статуэтке из кургана Большая Близница, имеет другую форму, форму калафа.

Согласно свидетельству Климента Александрийского,[9] сохранившего туманную сакральную формулу, связанную с елевсинскими мистериями, наряду с цистой какую-то роль в этих мистериях играл и калаф: ἐνήστευσα, ἔπιον τὸν κυκεῶνα, ἔλαβον ἐκ κίστης, ἐργασάμενος ἀπεθέμην εἰς κάλαθον καὶ ἐκ καλάθου εἰς κίστην, т. е. «я постился, я выпил священный напиток Деметры, я взял [нечто] из цисты и, действуя [им] положил обратно в калаф, а из калафа в цисту».

До последнего времени смысл священной формулы вызывал много споров по двум причинам: во-первых, в связи с вопросом о κάλαθος, изображение или упоминание которого, за исключением этого свидетельства Климента Александрийского, отсутствует на всех памятниках, в противоположность другим священным предметам в роде цисты, факелов и т. д.;[10] во-вторых, в связи с спором о том, что же хранилось в элевсинской священной цисте и что вынималось из нее.[11]

---

[1] M. Brillant, стр. 90, прим. 2.

[2] L. Deubner, ук. соч., стр. 72. — O. Kern. ук. соч., стр. 9 и сл.

[3] P. Foucart, ук. соч., стр. 302 и 378. — L. Deubner, ук. соч., стр. 62; Schol. Luc. 280, 19.

[4] L. Deubner, ук. соч., стр. 58 и особенно прим. 2.

[5] L. Deubner, ук. соч., стр. 72, 77 и 79 сл., где указана литература. — O. Kern, ук. соч., стр. 9.

[6] P. Foucart, ук. соч., стр. 302—304.

[7] O. Kern, ук. соч., стр. 9 и стр. 20; O. Kern. Das Kultbild der Göttinen von Eleusis. AM, т. XVII, 1892, стр. 125 сл.; H. G. Pringsheim. Archäologische Beiträge zur Geschichte des eleusinischen Kults. Мюнхен, 1905, стр. 54 сл.

[8] H. G. Pringsheim, ук. соч., стр. 52.

[9] Clem. Protr., 21, 2 (цит. по: L. Deubner. Attische Feste, стр. 79, прим. 9).

[10] Ср.: H. G. Pringsheim, ук. соч., стр. 49.

[11] Споры о содержимом «елевсинской цисты» ставят под сомнение нахождение среди елевсинских эмблем фалла как символа, связанного прежде всего с Дионисом; ср., например: O. Kern, ук. соч., стр. 9; ср. также: L. Deubner. Attische Feste, стр. 80 и сл., стр. 79, прим. 9. Того же мнения придерживается, повидимому, и A. Körte (Archiv für Religionswissenschaft, т. 18, 1915, стр. 116 сл.); A. Dieterich (ук. соч., стр. 110), напротив, говорит о роли фалла в елевсинском культе,

Статуэтка гетеры с фаллом в руках, может быть, внесет некоторую ясность и в этот запутанный и сложный вопрос элевсинских мистерий. Эта статуэтка доказывает, что, во-первых, в елевсинской священной цисте среди «священных предметов» — эмблем, помимо κτεῖς должен был храниться и фалл, и, во-вторых, κάλαθος, упомянутый Климентом Александрийским, искони относился к елевсинским таинствам. Да иначе оно и не могло быть: ведь посвященными в елевсинские таинства были одинаково и мужчины и женщины.

Подводя итоги, мы можем сказать, что и эта статуэтка, найденная в кургане Большая Близница, несомненно воспроизводит один из таинственных ритуальных обрядов, содействующих, согласно примитивно-магическому мышлению, плодородию земли и жизни человеческого рода. В более близком определении ее сюжета возможны два решения, по существу не противоречащие одно другому.

Первое — статуэтка изображает женщину в момент совершения ею обряда κλεφιγαμία на празднике Галой.

Второе — статуэтка изображает женщину, совершающую аналогичный обряд во время елевсинских мистерий, на что указывают такие детали, как алтарь и священный калаф, на которых женщина сидит, как фалл в руках женщины и, может быть, κτεῖς, переложенный также в калаф.

Не берусь решить окончательно вопрос, кого изображает наша фигура. Полное обнажение фигуры говорит против предположения, что перед нами изображение богини Деметры, сидящей на цисте и алтаре. Это может быть только или изображение жрицы Деметры, совершающей ритуальный магический обряд, или женщины, посвященной или посвящаемой в мистерии. В этом последнем случае перед нами, следовательно, вотивная статуэтка.

Таким образом, все три статуэтки из кургана Большая Близница связываются с одним из самых распространенных и знаменитых аграрных праздников Греции — с елевсинскими мистериями, развившимися из древнейшей «материнской» религии первобытного общества. Мистерии эти сохранили до классического периода в неприкосновенности древнейшие сексуальные обряды, связанные с почитанием пола и половых органов, как обеспечивающих общее плодородие.

Предложенное толкование этих статуэток дает удовлетворяющее нас объяснение самому факту находки подобных статуэток в погребении одной из самых богатых и знатных женщин на Боспоре. Вспомним свидетельство Аристофана об участии в фесмофориях только замужних женщин знатного происхождения — εὐγενεῖς γυναῖκες.[1]

Земледельческие обряды и культы, в частности культы Деметры, несомненно, имели на Боспоре особенно широкое распространение и значение. И не случаен тот факт, что один из богатейших боспорских курганов — курган Большая Близница с его знаменитым погребением «жрицы Деметры» — связывается именно с культом елевсинской Деметры, получившим в период V—IV вв. до н. э. широкую известность и популярность во всем эллинском и полуэллинском мире.

ссылаясь на свою работу «Mithras-liturgie» (стр. 125, Anhang, стр. 213). Н. И. Новосадский (ук. соч., стр. 132) также считал, что в елевсинской цисте фалл хранился вместе с изображением женского полового органа.

[1] Aristoph. Thesm., 330.

Г. Д. БЕЛОВ

НЕКРОПОЛЬ ХЕРСОНЕСА КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

1. Территория и геологическое строение

До 1936 г. массового некрополя классической эпохи в Херсонесе, несмотря на многолетние его поиски, обнаружено не было. Однако единичные погребения IV в. до н. э. были открыты, например в 1889 г. — могила с двумя конскими остовами,[1] в 1891 г. — погребение с надгробием Андрокла.[2] Они давали право предполагать о существовании древнейшего некрополя Херсонеса: «Город захватил и уничтожил греческий некрополь», пишет К. К. Косцюшко-Валюжинич в рукописном отчете за 1892 г. В другом месте он говорит, что город расширился и прошел над древнегреческим некрополем, поэтому-то «не найдено сплошного древнегреческого некрополя».[3] Дальнейшие раскопки подтверждают эту мысль Косцюшки, и в отчете за 1895 г. у него сказано уже с полной уверенностью следующее: «После раскопок последних лет пришел к убеждению, что местность эта [северный берег] находилась за чертой древнего города и была занята некрополем».

Раскопки последующих лет (уже после смерти Косцюшки) подтвердили правильность догадки Косцюшки. В 1911—1912 гг. на северном берегу, возле монастырской купальни, было обнаружено семь детских погребений в амфорах.[4] В 1913 г. погребения были открыты также и на монастырской усадьбе.[5]

Однако, все эти могилы, открытые в разных местах и в разное время, в силу того, что они были единичными, еще не решали вопроса о том, был ли массовый некрополь V—IV вв. до н. э., а если был, то где он находился. Отсутствие его затрудняло, в свою очередь, разрешение вопроса о времени и месте возникновения Херсонеса и давало основание некоторым исследователям, как известно, отрицать существование Херсонеса в V—IV вв. и даже утверждать, что древнейший Херсонес находился совсем в другом месте — на Херсонесском мысу, в Казачьей бухте.[6]

Раскопки последних лет, производившиеся на северном берегу с 1931 г., решили, наконец, вопрос об искомом некрополе окончательно

---

[1] Архив ИИМК, дело № 221/1887 г.

[2] Там же, дело № 9/1893 г.

[3] Статья «Археологические раскопки в Херсонесе в 1894 г.» в «Крымском вестнике», № 6475 за 1895 г.

[4] Архив Херсонесского музея, дело №№ 76, 85, 87, 104.

[5] Там же, дело № 89а; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 51 сл.

[6] А. А. Бертье-Делагард. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам. ИАК, вып. 21, стр. 177—207.

и в положительном смысле. Уже на участке 1935 г. встретились остатки двух погребений.[1] А в 1936 г., под жилыми кварталами эллинистической эпохи, было открыто 91 погребение.[2] В 1937, 1938, 1940 и 1946 гг. там же было вскрыто еще 44 погребения.

Таким образом, на небольшой сравнительно территории оказалось свыше 150 погребений, расположенных весьма густо по горизонтали и в несколько ярусов по вертикали. Перед нашими глазами предстал, наконец, этот, так долго не попадавшийся под заступ археолога, древнейший некрополь Херсонеса. Значение этого открытия трудно переоценить: оно поставило на твердую почву решение ряда вопросов из начальной истории Херсонеса.

Перечисленные выше погребения, открытые за время с 1889 по 1940 гг., позволяют определить приблизительные размеры территории, занятой некрополем. Восточной его границей является, примерно, VIII поперечная улица, западной — X улица.[3] Но отдельные могилы находились и значительно далее к западу. С севера некрополь был ограничен морем, с юга — Херсонесской балкой, а с юго-востока — Карантинной бухтой. На берегу последней совершались погребения задолго до постройки крепостных стен, на что указывают гробницы, находящиеся с внутренней стороны городских ворот.[4]

В эллинистический период вся эта территория вошла в городскую черту и находилась в дальнейшем под центральною частью города. Явление это не единичное, свойственное не только Херсонесу. Застройка некрополей при расширении городской территории наблюдается и в других местах. Так, в Ольвии архаический некрополь был застроен жилыми домами в конце IV в. до н. э. и оказался под северо-восточной частью города.[5] Точно также в Пантикапее некрополь V—IV вв., находившийся на южном склоне Митридата, позднее был застроен домами.[6]

Поверхность местности, занятой некрополем V—IV вв. в Херсонесе, представляет небольшую возвышенность, вытянутую с юго-запада на северо-восток, с крутым склоном, обращенным к упомянутой балке и бухте, и с пологим, спускающимся на северо-запад, к морю. На последнем склоне имеется, кроме того, впадина, понижающаяся к морю несколькими уступами (это обстоятельство выяснено раскопками 1937, 1940 гг.). Материком в Херсонесе является скала — известняк сарматского яруса. Непосредственно на ней лежит материковая глина. Накопление грунта происходило наиболее интенсивно, естественно, в нижней части склонов. Наиболее же толстый слой наносной земли, в результате многовековой работы воды и ветра, оказался во впадине. Поэтому последняя представляла более благоприятные условия для совершения погребений. Действительно, наиболее насыщенным погребениями участком является квартал раскопок 1936 г., расположенный возле моря, в самом низком месте берега.

Раскопки 1936—1937 гг. показали, что погребения нижнего яруса находились в слое материковой глины, погребения же верхних горизонтов лежали в насыпи культурного слоя. Этот слой, с находившимися в нем погребениями, сохранился только там, где были незастроенные

---

[1] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 23—24.

[2] Там же, стр. 163—195.

[3] См. план северо-восточной части города в III вып. Херсонесского сборника.

[4] ИАК, вып. 2, стр. 1—3; ИАК, вып. 20, табл. IV.

[5] Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. СА, VI, стр. 92—104 и 302—303.

[6] ИАК, вып. 35, стр. 12 сл.

участки: под улицами, площадями и дворами, т. е. в тех местах, в которых не производились глубокие земляные работы, связанные со строительством. По своему содержанию эта насыпь резко отличается от насыпи, заполнявшей строительные остатки эллинистического периода: дома, подвалы, цистерны и пр. Первая (т. е. предшествовавшая постройке здесь жилых домов) насыпь была насыщена черепками ионийской и краснофигурной аттической керамики, обломками привозных амфор и лепной черноглиняной посуды. Образование этой насыпи произошло, несомненно, в результате вывоза мусора из города.

Вывоз мусора (кухонных отбросов — костей домашних животных, ракушек устриц, а также обломков посуды, строительных остатков, земли и пр.) из города на территорию некрополя производился намеренно, с вполне определенной целью — для увеличения толщины насыпи, бывшей до того не особенно мощной, для совершения же более поздних погребений ставшей совершенно недостаточной. Помимо того, это место было близко к городу и являлось ложбиной, удобной для свалки мусора. Характерно, что этот нижний, самый ранний, культурный слой далеко на запад не простирался — его западная граница совпадает с границей некрополя: за X поперечной улицей отсутствуют и погребения (за единичными исключениями) и описанный культурный слой. Образование его происходило, примерно, в течение столетия, до застройки некрополя в конце IV в. до н. э. С превращением данного участка в жилые кварталы накопление культурного слоя, конечно, продолжалось, но уже с иным содержанием: подавляющее количество керамики и других предметов в нем относится к III— I вв. до н. э.

Насыпь мусора, вывезенного из города, наблюдается и в других местах Херсонеса, причем этот вывоз производился в различное время. Так, например, к северу от храма, раскопанного в 1897 г., находился холм, состоявший из такого огромного количества обломков краснофигурной и чернолаковой посуды, какого не было найдено до тех пор в Херсонесе за 15 лет его раскопок. Следует отметить, что весь этот мусор (в состав которого входили также ракушки устриц, кости животных, зола и пр.) лежал за пределами города — непосредственно возле древнейшей крепостной стены.[1] В более позднее время, например, в XI—XII вв., вывоз мусора производился на северный берег, на котором, в кварталах раскопок 1931—1936 гг., его мощность достигала до 2 м.[2] Огромный насыпной холм подобного же происхождения находился на возвышенной западной части города. Аналогичное явление отмечено при раскопках в Пантикапее: архаический некрополь на Митридате оказался засыпанным городским мусором, в котором позднее совершались погребения.[3]

Вряд ли нужно говорить о том, что все эти массы мусора не могли быть наносными: для образования наносного слоя значительной толщины при помощи дождевых вод потребовалось бы не одно столетие, а многие тысячелетия, причем составными частями наносного слоя были бы только легко переносимые частицы — песок, хрящ и т. п., а не тяжеловесные обломки амфор и другой посуды. Излишне добавлять, что наносные слои земли могли накопиться только в низких местах, а не на возвышенных, на которых также имеются массы вывезенного мусора.

---

[1] ИАК, вып. 16, стр. 44.

[2] Отчет о раскопках в Херсонесе в 1931—1933 гг. МАИ СССР, вып. IV, стр. 206—208.

[3] ИАК, вып. 35, стр. 12 сл., стр. 23.

2. Способ захоронения и устройство могил

Сохранность погребений зависела от ряда обстоятельств. Во-первых, последующие погребения, ввиду густоты могил и недостаточно толстого слоя земли, часто являлись причиной повреждения или полного уничтожения более ранних погребений. Во-вторых, их сохранность стояла в прямой зависимости от позднейших строительных работ: костяки уцелели островками — под площадями, дворами и улицами, т. е. в тех местах, где, как уже сказано, не производились земляные работы, связанные с сооружением зданий. На раскопанной в 1936—1940 гг. площади находилось, несомненно, в несколько раз большее количество погребений, нежели дошедшее до нас их число. Кроме того, многие могилы остались под нераскопанными улицами и помещениями (под средневековыми баней, часовней и др.). Более всего погребений сохранилось в северной части квартала раскопок 1936 г. Объясняется это тем обстоятельством, что в эллинистический период здесь никаких зданий сооружено не было, так как этот участок являлся в то время, повидимому, площадью или каким-либо промежуточным пространством между жилыми кварталами и берегом моря.

В общем, абсолютное количество дошедших до нас погребений не велико, но оно является вполне достаточным для целей нашего исследования.

По способу захоронения погребения в некрополе на северном берегу распадаются на две группы: трупоположение и трупосожжение, причем первое преобладает, а второе является почти исключением. Так, на 91 погребение, открытое в 1936 г., приходится только одна урна с сожженными костями и пеплом. Правда, кроме урны, были обнаружены и кострища, но они не меняют сути дела — господствующим видом погребения остается трупоположение. С этой стороны херсонесский некрополь не отличается от некрополей других греческих городов. Например, в Ольвии на 112 могил, раскопанных в 1901 г., приходится лишь одно сожжение;[1] на 192 могилы, расследованные в 1902—1903 гг., встретились только два сожжения.[2] В некрополе Пантикапея трупосожжение бывает очень редко. На Родосе, в некрополе Камироса на 260 захоронений приходится лишь 4 сожжения[3] и т. д.

Геологические условия — рельеф местности, характер грунта и материка — в значительной мере определяли тот или иной тип могилы. На северном берегу Херсонеса все могилы были грунтовыми, выкопанными в материковой глине (нижний горизонт) или в культурном слое (верхний ярус погребений). В нескольких случаях (в 10 из 150) могильные ямы были вырублены в скале, но очень мелко, всего лишь на 0.10—0.30 м. В квартале, раскопанном в 1947—1948 гг., оказались четыре вырубленные в скале ямы (дл. 1.50 м, шир. 0.65—0.80 м, глуб. 0.30—0.50 м), ориентированные с запада на восток, расположенные в один ряд и служившие, вероятно, могилами, хотя остатков погребений в них не оказалось, они были выброшены при строительных работах эллинистического периода. В немногих могилах костяки были обложены с боков, а иногда и сверху, мелкими камнями или плитками. Под черепом одного костяка лежала плита в наклонном положении.

В квартале 1936 г. при дополнительных раскопках, в связи с удалением архитектурных остатков, обнаружено несколько погребений с тру-

---

[1] ИАК, вып. 8, стр. 7—8.
[2] ИАК, вып. 13, стр. 110 сл.
[3] Clara Rhodos, IV.

посожжением, обложенных со всех четырех сторон поставленными на ребро плитками.

Деревянные гробы являются редким исключением, их следы обнаружены в двух-трех могилах. Весьма значительным был процент погребений в амфорах (34 из 140), в которых находились костяки младенцев. Тело младенца клалось в амфору через пробоину в боку (рис. 3): на некоторых амфорах, сохранившихся целиком, такие пробоины имеются; на стенках нескольких амфор видны выдолбленные острым инструментом бороздки, ограничивающие отверстия. Но в большей части амфоры оказывались разбитыми (при устройстве пробоины) или раздавленными под тяжестью насыпи. Как правило, костяк младенца лежал головой к горлу амфоры.

Сравнение устройства могил Херсонеса с могилами других некрополей дает черты не столько сходства, сколько различия. В Ольвии, например, наряду с простыми грунтовыми могилами встречаются, почти в таком же количестве, подбойные, а также склепы с дромосами, которые появляются в Ольвии уже с середины IV в. до н. э. В Херсонесе же они получают распространение только в римский период. Деревянные гробы в Ольвии и Пантикапее довольно обычны, нередко бывают также и деревянные саркофаги, в то время как в Херсонесе они совершенно не известны. Точно также отсутствуют в Херсонесе и курганы,[1] столь характерные для окрестностей Керчи, где они имеются в большом количестве. Детские погребения в амфорах встречаются и в других городах: в Ольвии, в Керчи,[2] на Родосе.[3] Надо отметить совершенное отсутствие в некрополе на северном берегу семейных захоронений; это обстоятельство следует отнести, повидимому, за счет типа могил: семейными могилами могли быть только склепы, курганы, подбойные гробницы, т. е. такие могильные сооружения, которые по своему объему могли вмещать не одно, а несколько погребений.

На поверхности могил ставились надгробные памятники самого простейшего вида: небольшие известняковые плиты в форме головы и бюста, но без какого-либо изображения. Посредством шипа эти плитки укреплялись в отверстии горизонтальной прямоугольной плитки. Подобного вида памятники были найдены при раскопках 1935—1936 гг.[4] и известны в большом количестве из раскопок эллинистического некрополя.

3. Ориентация и положение костяков

Об ориентации погребений имеются следующие наблюдения. Из 107 костяков лежали головой на восток 64, на северо-восток 16, на юг 11, на север 6, на запад и юго-восток по одному костяку. В 13 случаях направление костяков не могло быть определено из-за плохой их сохранности. Таким образом, господствующим направлением (63%) является восточное. Весьма близкую картину дает некрополь Ольвии, в котором из 156 могил в 107 костяки лежали головой на восток, а из 53, ориентированных с юга на север, головой на юг лежали 25, на север 11.[5] В Пантикапее на Митридате в некрополе V—III вв. подавляющее количество погребений лежало головою также на восток.[6] Таким образом,

[1] В окрестностях Херсонеса известен лишь один курган, подвергавшийся неоднократно раскопкам (ОАК за 1890 г., стр. 35—36 ЗОО, т. IX, стр. 403—409; МАР, XII, стр. 54—55, табл. III, рис. 11, 12).

[2] ИАК, вып. 35, стр. 23, №№ 46, 48.

[3] Cla·a Rhodos, II, табл. VI; могилы 208, 211 и др.

[4] Отчет за 1935—1936 гг., рис. 41 на стр. 192.

[5] ИАК, вып. 13, стр. 112—113.

[6] ИАК, вып. 9, стр. 75 сл.; вып. 17, стр. 3 сл.; вып. 35, стр. 12 сл.

если для этой стороны погребального обряда нельзя констатировать уже вполне сложившегося обычая, то все же можно говорить о существовании определенной тенденции хоронить головой на восток.

По положению костяка погребения на северном берегу Херсонеса распадаются на две резко отличающиеся одна от другой группы. Одну

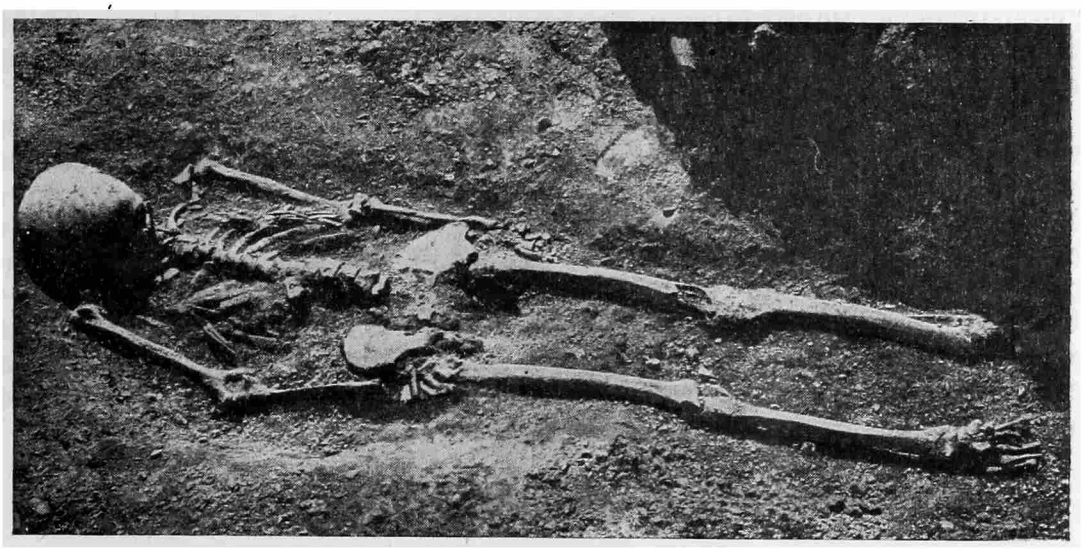

Рис. 1. Вытянутое погребение № 23 раскопок 1936 г.

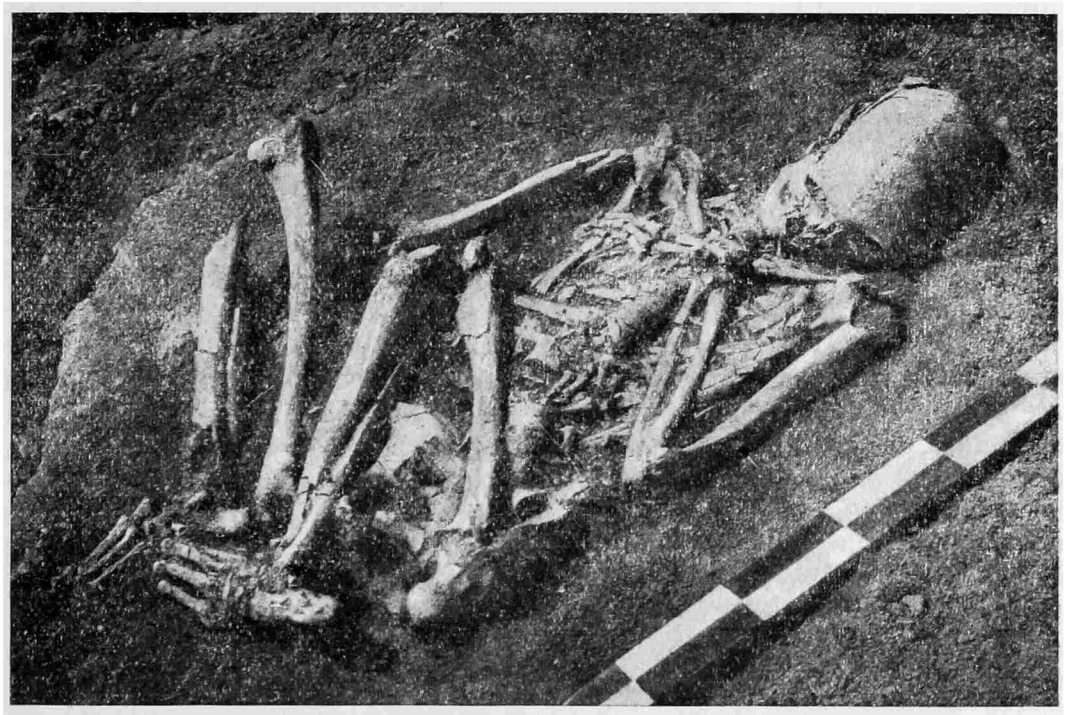

Рис. 2. Скорченное погребение № 73 раскопок 1936 г.

из них составляют вытянутые погребения: костяки лежат на спине с вытянутыми руками и ногами (рис. 1). К другой группе относятся скорченные погребения: костяки этой группы лежали на правом или на левом боку, с поджатыми к животу ногами и, чаще всего, с поднятыми к голове руками (рис. 2). Степень и вид скорченности различны: ноги не всегда прижаты к животу, руки иногда полусогнуты и вытянуты

к коленям, в нескольких случаях костяки лежали на спине, но с несомненными признаками скорченности в положении рук и ног. Некоторые погребения, повидимому, можно считать переходными от скорченного положения к вытянутому. Количественно группа вытянутых костяков достигает 60%, группа скорченных — 40%. Абсолютное количество и процентное соотношение тех и других костяков, в силу неодинаковой их сохранности, могло быть и иным, но оно не имеет большого значения; важно то, что обе группы погребений существовали одновременно, совместно и притом вперемежку на одном и том же кладбище.

Поскольку для греческих некрополей этой поры повсеместно засвидетельствовано вытянутое положение костяка, то и в Херсонесе вытянутые погребения на северном берегу следует признать принадлежащими грекам. Скорченные же погребения надо отнести, несомненно, к местному населению. В некрополях других городов Северного Причерноморья скорченные погребения также встречаются, например в Пантикапее[1] и в Ольвии.[2] Скорченные погребения Ольвии принадлежат, повидимому, скифам. Что же касается скорченных погребений Херсонеса, то, вероятнее всего, они являются таврскими, — тавры были ближайшими соседями Херсонеса.

4. Погребальный инвентарь

В большей части могил, открытых на северном берегу в 1936—1937 гг., погребальный инвентарь совершенно отсутствовал. Из 76 взрослых погребений только в 7 находились какие-либо вещи, следовательно, только в одном погребении из десяти были предметы. Несколько иное соотношение наблюдается в детских погребениях, а именно: в 8 из 35 были вещи. Количество вещей в могилах очень незначительно — один, редко два предмета, притом встречающиеся в могилах вещи являются самыми рядовыми, это — канфар, блюдце (солонка), килик, детский рожок, горшочек, кувшинчик и т. п. Найденные при немногих костяках украшения также просты и выполнены из дешевого материала, это — бронзовые проволочные серьги, перстни, браслеты и пряжки.

Сравнение, в этом отношении, херсонесских погребений с погребениями Ольвии и Пантикапея того же самого времени, т. е. V—IV вв. до н. э., позволяет отметить следующее: в некрополях Ольвии и Пантикапея могилы без вещей являются исключением, они буквально единичны. В Херсонесе же, наоборот, погребения с инвентарем встречаются как исключение, подавляющее же их количество не имеет никаких вещей. Кроме того, в ольвийских и керченских могилах находится обычно не по одному, а по несколько предметов, притом они крупнее по своим размерам и дороже по стоимости. Если сравнить Херсонес с Родосом, то различие еще разительнее: погребальный инвентарь некрополей Родоса еще более богатый и многочисленный. Интересно сравнить также более поздние могилы в самом Херсонесе: в эллинистическом некрополе количество могил с вещами увеличивается, становится больше вещей в отдельных погребениях и возрастает материальная стоимость погребального инвентаря (появляются украшения из драгоценных материалов).

Вещи, найденные в могилах на северном берегу Херсонеса, можно разделить на несколько групп. Начнем с амфор, которые заменяли собой гробы при погребении младенцев. По форме, величине и технике амфоры составляют несколько разновидностей.

---

[1] ИАК, вып. 9, стр. 83.

[2] С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, VII.

Одну из них образуют амфоры №№ 1, 26, 29, 31, 33, происходящие из раскопок 1936 г.:[1] корпус их конической формы, ножка острая, горло высокое цилиндрическое, на нем поясок, нанесенный красной краской, высота амфоры 0.95—0.97 м. Совершенно аналогичные амфоры найдены: в Нимфее при раскопках 1940 г., в слое V в. до н. э.;[2] в Тиритаке при раскопках 1939 г., где амфора датируется V в. до н. э.;[3] в Марицинском могильнике, в котором они датируются V — первой половиной IV в.;[4] на Родосе, где они относятся также к концу V — первой половине IV в. до н. э.[5]

Второй тип — амфора № 43 раск. 1936 г., имеющая широкий яйцевидный корпус, короткое горло и маленькую ножку.[6] Ей тождественна

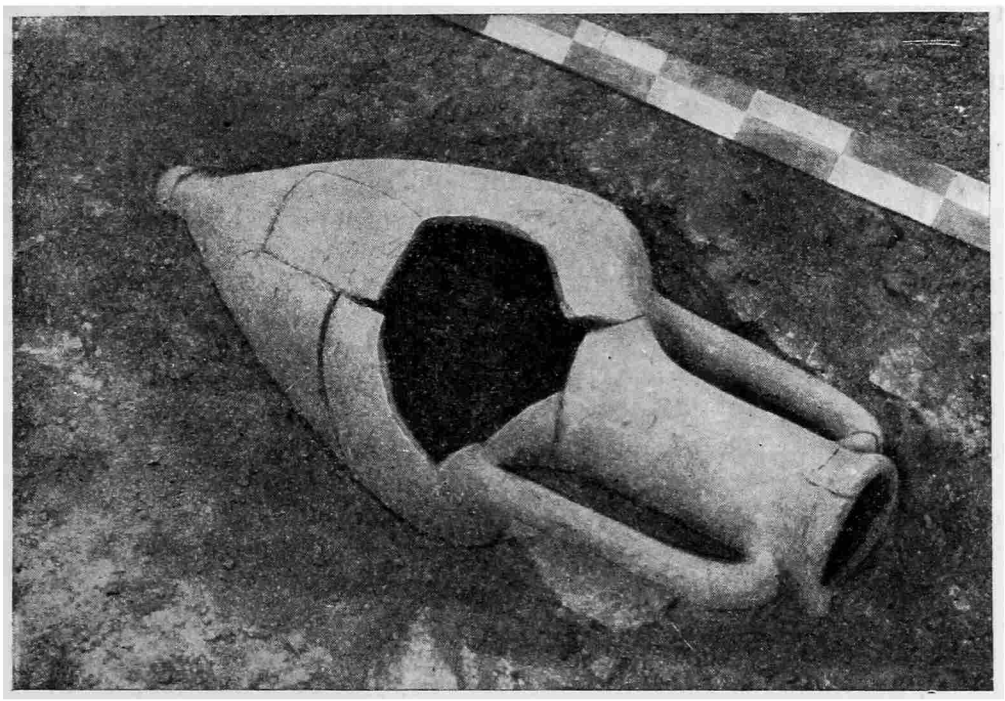

Рис. 3. Амфора с детским погребением № 17 раскопок 1937 г.

амфора на Родосе, принадлежащая концу V — первой половине IV в. до н. э.[7]

Имеется еще несколько разновидностей амфор, например, амфоры №№ 42, 70 раск. 1936 г., амфора № 6 раск. 1937 г., относящиеся, повидимому, к тому же времени, не позднее середины IV в. до н. э. Лишь одна амфора № 31 раск. 1937 г. с энглифическим клеймом датируется Б. Н. Граковым последней четвертью IV в. Но эта амфора вряд ли содержала в себе погребение, так как никаких остатков последнего в ней не обнаружено.[8]

Группу ионийской посуды образуют несколько сосудов (рис. 5). Одноручный кувшинчик, выс. 10 см, из могилы № 32 раск. 1936 г., укра-

---

[1] Отчет, рис. 3 на стр. 165 и рис. 11 на стр. 175.
[2] Хранится в Эрмитаже, Нф, 1940, 470, выс. 0.94 м.
[3] Хранится в ИИМК, № 228, л. 39.
[4] E b e r t. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzen, рис. 30 на стр. 27.
[5] Clara Rhodos, II, табл. VI, № 3.
[6] Отчет, рис. 21 на стр. 179.
[7] Clara Rhodos, II, табл. VI, стр. 154, № 9.
[8] Амфора обнаружена С. Ф. Стржелецким во время зачисток в 1938 г.

шенный двумя поясками на корпусе и одним по венчику, коричневого цвета, находит себе близкую аналогию в Марицинском могильнике.[1] Два канфара, один из могилы № 10 раск. 1937 г., выс.7. 3 см., из темносерой глины с черной матовой обмазкой (рис. 5, *1*), другой из погребения в амфоре № 5 раск. 1912 г., покрытый белой обмазкой снаружи, с коричневым пояском внизу и сплошь чернолаковый внутри, очень близки друг другу по форме. Оба они могут быть сопоставлены с навкратийской чашкой, происходящей из раскопок в Керчи на Митридате, но имеющей более широкий корпус и более прямые стенки и датируемой VI в. до н. э.[2] Канфар, подобный херсонесскому, найден в Ольвии, но датирован очень поздним временем — II в. до н. э.[3] Кроме того, близки им по форме сосуды из раскопок на Родосе, вместе с которыми в могилах были найдены черно- и краснофигурные вазы и другая посуда.[4] К этой же группе относятся еще два сосуда, оба шаровидные, каждый с носиком и одной ручкой, у одного кольцеобразной, у другого вертикальной, один из оранжевой, другой из темносерой глины, покрытые оба темнокоричневой краской, высота одного 7 см (рис. 5, *2*), другого 6.8 см (рис. 5, *3*); происходят они из детских погребений в амфорах №№ 15 и 17 раск. 1937 г. Весьма близкий им по форме сосуд найден в Олинфе, покрытый также темнокоричневой краской и относящийся к IV в.[5] Только что описанная группа посуды, несомненно, является привозной. Но имеется еще несколько сосудов, маленьких размеров и очень простых по технике, из серой глины, без окраски, похожих на предыдущие, также с носиками, являющиеся, быть может, местной продукцией (рис. 4, *3—4*)[6] Следует добавить, что в культурном слое, в котором находились верхние погребения, найдено большое количество черепков ионийской посуды из розоватой глины, с поясками и полосками коричневого цвета.[7]

Краснофигурной посуды при погребениях найдено немного: один лекиф в погребении № 2 раск. 1911 г.; другой, с изображением бегущей лани и пальметки, найден в том же году около скалы и, вероятно, принадлежал погребению, уничтоженному при строительных работах. Подобные лекифы очень часто встречаются в могилах в Пантикапее, в Олинфе, на Родосе, на Балканах и в других местах. Датируются они концом V—IV вв.: вместе с ними обычно находится краснофигурная и чернолаковая керамика. В насыпи же культурного слоя, в которой устраивались могилы, найдено большое количество обломков краснофигурной посуды, относящейся к V—IV вв. до н. э.[8]

Довольно значительную по количеству группу составляет чернолаковая посуда. Найденные в амфорах №№ 33 и 83 раск. 1936 г. маленькие блюдца (рис. 4, *2*), покрытые хорошим черным лаком,[9] находят себе аналогии в Олинфе, где они датируются концом V—IV вв.,[10] в курганах у ст. Елизаветовки,[11] относящихся к тому же времени, а также на Родосе[12] и т. д.

---

[1] Ebert, ук. соч., стр. 19.
[2] Эрмитаж, П. 1911, 19.
[3] ИАК, вып. 8, рис. 31.
[4] Clara Rhodos, III, рис. 204 на стр. 207; IV, рис. 37.
[5] Olynthus, V, табл. 193, № 1082.
[6] Они найдены: один — в погребении № 1 раск. 1911 г., другой — в амфоре № 7 раск. 1912 г., третий — в могиле № 55 раск. 1936 г., четвертый — в могиле № 83 раск. 1936 г.
[7] Отчет, рис. 76 и 77 на стр. 235 и 237.
[8] Отчет, рис. 78—83 на стр. 235—239.
[9] Отчет, рис. 13, на стр. 173 и рис. 34 на стр. 184.
[10] Olynthus, V, табл. 175, 875—877, табл. 176, 879.
[11] ИАК, вып. 35, рис. 13, *10* на стр. 107.
[12] Clara Rhodos, VI—VII, рис. 1 на стр. 447.

Рис. 4. Керамика из погребений.

1 — канфар из детского погребения № 1 раскопок 1936 г.; *2* — чашечка из детского погребения в амфоре № 33 раскопок 1936 г.; *3* — горшочек из погребения № 33 раскопок 1936 г.; *4* — сосуд из погребения № 55 раскопок 1936 г.

Рис. 5. Керамика из погребений.

1 — канфар из погребения № 10 раскопок 1937 г.; *2* — сосуд с носиком из детского погребения № 10 раскопок 1937 г.; *3* — сосуд с носиком из детского погребения в амфоре № 17 раскопок 1937 г

Два канфара, оказавшиеся в амфоре № 1 раск. 1936 г., оба одинаковой величины и формы (рис. 4, 1), покрытые блестящим черным лаком, имеют аналогии на Родосе, где подобные канфары относятся к концу V — началу IV в.,[2] на Балканах в могилах V—IV вв.,[3] в Олинфе они датированы IV в.,[4] в курганах V—IV вв. у ст. Елизаветовки [5] и др.

Килик с двумя двойными ручками из могилы № 16 раск. 1936 г., с шаровидным низом, с уступом, отделяющим низ от верхней части, с отогнутым венчиком, покрытый блестящим черным лаком, весьма близок килику на Родосе,[6] а также в Марицинском могильнике.[7] Кроме того, найдены: килик в амфоре № 7 раск. 1912 г.; килик в могиле № 84 раск. 1936 г.; ойнохоя чернолаковая с изображением женской фигуры, стоящей на коленях, небрежно исполненной белой краской, найдена в могиле раск. 1913 г.; кувшин одноручный из красной глины из могилы № 82 раск. 1936 г., близкий по форме амфорам из Олинфа конца V — начала IV в.[8]

Особую группу составляют маленькие горшочки из простой глины (рис. 4,*3*), повидимому, местной работы, по технике они одинаковы с маленькими сосудиками с носиками, упомянутыми выше. Всех горшочков найдено 4 экз. Совсем обособленно от описанной посуды стоит горшок, найденный в погребении № 7 раск. 1936 г., лепной работы, из черной грубой глины, высотой 10 см.[9]

Из украшений в погребениях были найдены следующие вещи. Два бронзовых перстня, из них один с овальным щитком, другой проволочный (могила № 13—1936 г.), бронзовые проволочные серьги (могила № 65—1936 г. и № 20—1937 г.); железные перстни, от одного сохранился щиток (могила № 19 — 1936 г.), другой — диам. 2.2 см, целый (могила № 65 — 1936); два бронзовых браслета в обломках и пряжка (могила № 86 — 1936 г.); костяное кольцо, диам. 1.8 см (могила № 71 — 1913 г.); несколько штук бус (могила № 2 — 1911 г. и могила № 5 — 1913 г.). Лишь в одной могиле, открытой раскопками 1913 г. в монастырской ограде, под древней улицей, погребальный инвентарь оказался более многочисленным, содержавшим, в отличие от других могил, и терракоты — четыре женские статуэтки; кроме того, в ней найдены чернолаковая ойнохоя, уже упомянутая выше, две серебряных серьги, бронзовое кольцо и 50 астрагалов.

Монеты найдены при двух погребениях: одна из них — в могиле № 62 раск. 1936 г., относящаяся к IV в., другая — в могиле № 67 раск. 1936 г., близкая по типу первой.[10] Оба эти погребения находились в культурном слое, первое на высоте 0.50 м. от скалы, другое на высоте 0.35 м.

Погребальный инвентарь, взятый в целом, позволяет датировать некрополь на северном берегу и на бывшей монастырской усадьбе концом V — концом IV вв. до н. э. Таким образом, погребения на этом участке совершались, примерно, в течение одного столетия. С конца IV в. северный берег застраивается жилыми домами, и некрополь классического периода оказывается под городом эллинистического периода.

---

1 Отчет, рис. 4 на стр. 165.
2 Clara Rhodos, II, рис. 2 на стр. 120, рис. 25 на стр. 127.
3 Мадара, кн. I, рис. 213, стр. 248 и 250.
4 Olynthus, V, табл. 150, № 523, табл. 149, №№ 520, 521.
5 ИАК, вып. 35, рис. 13, *14* на стр. 107 и рис. 5, *9* на стр. 95.
6 Clara Rhodos, III, рис. 204 на стр. 207.
7 Ebert, ук. соч., рис. 54.
8 Olynthus, V, табл. 160, №№ 636 и 643.
9 Отчет, рис. 6 на стр. 169.
10 Первая соответствует типу Бурачков, XV, 70—72; вторая — Бурачков, XV, 73. Первый тип датирован покойным А. Н. Зографом IV в. до н. э.

Заключение

Открытие некрополя классической эпохи дает весьма ценный материал для изучения истории Херсонеса.

1. Наличие большого количества скорченных погребений, наряду с вытянутыми, указывает на то, что до основания греческой колонии здесь существовало местное поселение. Это подтверждается данными и раскопок города — наличием большого количества обломков лепной керамики и каменных орудий. Остатков самого поселения до сих пор, правда, не обнаружено, но они могли не уцелеть вследствие последующего интенсивного городского строительства, при котором эти остатки, не имевшие монументального вида, были совершенно уничтожены.

2. Инвентарь погребений дает вполне определенные указания по вопросу о времени основания Херсонеса греками — оно произошло не позднее конца V в. до н. э. Археологический материал целиком подтверждает точку зрения академика А. И. Тюменева о возникновении Херсонеса на берегу Карантинной бухты в последней четверти V в. до н. э.[1]

Таким образом, весьма сложный вопрос этот ставится теперь на твердую почву и кладет конец прежним спорам как о времени, так и о месте возникновения города.

Нахождение в Херсонесе обломков мелких чернофигурных ваз, относящихся ко второй половине VI в., может только подтверждать существование здесь местного поселения, в обмен с жителями которого вступали греческие торговцы. Можно бы предполагать также существование здесь греческой торговой фактории, но последнее мало вероятно, так как тогда пришлось бы допустить, что процесс становления фактории в полис затянулся бы на срок свыше столетия, срок слишком долгий. Вероятнее, может быть, предположение о длительном существовании на месте Херсонеса местного таврского поселения и об эпизодических заездах сюда греческих торговцев, которые привозили, среди ряда других товаров, как ионийскую керамику, так и аттические расписные вазы.

3. Местоположение некрополя непосредственно свидетельствует о размерах первоначальной территории города и о дальнейшем ее росте.

До конца IV в. город занимал лишь восточную часть и западный берег Карантинной бухты, возле ее устья, простираясь на запад, примерно, до VIII поперечной улицы. Эта территория составляла немногим более трети всей будущей площади города.

Вторым этапом явилось расширение городской территории за счет некрополя, который был в конце IV в. до н. э. застроен жилыми домами. К этому же времени относится сооружение основной линии оборонительных стен Херсонеса.

4. Из материалов некрополя можно почерпнуть важные сведения об этническом и социальном составе населения города в период с конца V в. до конца IV в.

а) В этническом отношении мы наблюдаем в эту пору две, резко отличных одна от другой группы населения — греков и местное население. Кто именно составлял местное население — скифы или тавры? Скорченные погребения Ольвии справедливо относятся к скифам, жившим рядом с Ольвией и составлявшим значительный процент населения города. В местном же населении Херсонеса вряд ли можно видеть скифов, так как последние предпочитали жить в степной, довольно уда-

[1] А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. ВДИ, № 2 (3), 1938.

ленной от Херсонеса части Крыма. Южный же берег, горные районы Крыма и юго-западную его оконечность населяли тавры: поселения их находились в Балаклавской бухте, в Инкермане, в Байдарской долине и в других местах, близких к Херсонесу. Вероятнее всего, что и местное поселение, предшествовавшее основанию Херсонеса греками, принадлежало также таврам, следовательно, именно тавры и составляли большую долю населения Херсонеса.

б) Ввиду того, что вытянутые и скорченные погребения находились на одном общем кладбище, без какого-либо разделения, можно предполагать, что и в общественной жизни города обе группы, если и не были равноправны, то во всяком случае не находились в состоянии зависимости одна от другой.

в) Бедность и однородность погребального инвентаря свидетельствует, во-первых, о том, что быт населения был простым и скромным, лишенным предметов роскоши, что среди населения Херсонеса не было еще сильной имущественной дифференциации, не успели еще образоваться социальные контрасты. И это не стоит в противоречии с тем, что первоначальный контингент населения Херсонеса, состоявший из демократических элементов, выселившихся из Гераклеи, в социальном отношении должен был быть однородным. В течение первого столетия своего существования Херсонес еще не сложился вполне в полис, в город-государство, но оставался до середины или до конца IV в. сравнительно небольшим городом: крепостные стены в нем отсутствовали, собственная монета не чеканилась, город не имел еще больших земельных владений, которые могли бы стать базой для развития сельского хозяйства, и т. д.

МАТЕРИАЛЫ

С. Н. ЗАМЯТНИН

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ РАСКОПОК

(Находка костей «волота» в 1679 г.)

Глубоко неверным является распространенное мнение, ведущее свое начало от К. Н. Бестужева-Рюмина и М. П. Погодина, что научный интерес к вещественным памятникам прошлого начинает проявляться в России лишь со времени первого заграничного путешествия царя Петра, что до этого лишь практический интерес обуславливал внимание к находкам из драгоценных металлов, которые извлекались из древних погребений Сибири и Украины, действительно многочисленными «бугровщиками».

То обстоятельство, что государство интересовалось (с фискальными целями) деятельностью артелей добытчиков бугрового золота, которые объединяя до 300 и более человек, выходили на промысел с ранней весны и до поздней осени и которыми кишели ставшие безопасными в XVII в. степи Сибири, а позже и Причерноморья, — вполне понятно, так же как и то, что этого рода интерес лучше отражен в сохранившихся письменных свидетельствах той поры (в основном, архивные материалы учреждений).

Имеются, однако, свидетельства и другого рода. Я хочу напомнить один весьма любопытный пример, уже давно ставший достоянием печати, но в археологической литературе до сих пор совершенно не использованный. Пример этот важен потому, что он говорит не об отдельной находке, а показывает, видимо, обычную для этой эпохи практику при получении сведений об интересных находках и дает образец указаний для исследований, настоящую инструкцию для раскопок.

В столбцах Белгородского стола Разрядного приказа имеется дело «о находке костей бывших людей — волотов [великанов]». Находка относится к 187 (1679) г., кратковременному царствованию Федора Алексеевича.

Интереснейшая переписка эта была опубликована еще в 1915 г. профессором Томского университета Н. И. Новомбергским в числе других документов, посвященных почти исключительно мельничному делу (разрешения на постройку, установление размера оброка, тяжбы об убытках от затопления лугов в связи с устройством плотины и т. п.), составляющих объемистый том,[1] в котором она совершенно затерялась.

---

[1] Н. Новомбергский. Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия. Продовольственное строение. Материалы. Записки Московского археологического института, т. XX, М., 1915, стр. 199—201.

Суть дела заключается в следующем: сотник черкасского Харьковского полка города Ольшанки [1] Иван Демьянов сын Смороцкий, копая землю для мельничной плотины в урочище Песочный Колодец близ Ольшанки, на глубине полутора сажен, наткнулся на огромные кости, принятые им за скелет волота. В феврале 192 (1684) г., приехав по делам в Москву, он «объявил» в Разряде сохранившийся у него зуб волота. Описывая положение великана в земле, Смороцкий сообщал, что кости «лежат взначь, преж голову, и руки длиною аршин по 5, и ребра шириною по аршину, а длиною — сказать не знает, потому что те кости погнили и иструпорешили».[2] Сообщая далее, что выкопанные кости разобраны любопытными, Смороцкий добавлял, что в земле еще остались некопанными кости, ноги великана, и что «те кости откопать мочно».

А уже 23 марта того же года из Разряда в Курск воеводе Ивану Шеину была послана грамота великих государей, за прописью дьяка Любима Домнина, в которой предписывалось «послать по весне в те места из Курска кого пригоже», и «тому посыльному велеть того человека ноги откопать, а откопав кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину, и написать на роспись, и на чертеже начертить. Да о том к нам, в. г., писать».

А 19 апреля «для досмотра, и меры, и чертежа волотовых костей из Усть-Песочного Колодезя, где укажет ольшанский сотник Иван Смороцкий», выехал курчанин Максим Никифоров сын Анненков. Поездка эта, правда, не увенчалась успехом. В своем доезде Анненков сообщает, что он, взяв с собою Ивана Смороцкого и «градских людей сколько человек пригоже», ездил на Усть-Песочного колодезя, причем выяснилось лишь, что «ныне на том месте тех волотовых костей ничего нет, потому что де то место полая вешняя вода рознесла». Даже найденные ранее кости «разных городов разобрали многие люди», а имевшаяся еще у Ивана Смороцкого половина волотова зуба в пожарное время утратилась.

Но дело не в результатах, а в том, что перед нами наиболее ранний известный у нас сейчас *образец инструкции для археологических раскопок*, преследующих, несомненно, научные, а отнюдь не узко-практические интересы. Инструкция по своему времени неплохая, и, насколько мне известно, не имеющая прецедентов на Западе в эту эпоху.

Чрезвычайно любопытным является также и то обстоятельство, что в ряде более поздних, уже XVIII в., случаев посылки для обследования древних могил, городищ, каменных баб и т. д., указания о них даются в чрезвычайно близких выражениях, говорящих о несомненной преемственности, позволяя думать, что раскопка ольшанского волота, повидимому, и не первый и не единственный случай этого рода.

Обстоятельные наставления, приводимые в этой любопытной переписке, относительно того, что кости, которые «иструпорешили», т. е. плохо сохранились, необходимо предварительно «окопать», чтобы можно было взять нужные измерения, требование не только занести в «роспись»

---

[1] Защитная черта XVII века, прикрывавшая южную границу Московского государства, включала в себя две одноименных крепостцы с названием Ольшанск или Ольшанка, одинаково применявшихся к обоим. Первая из них, основанная в 1645 г., находилась на левом берегу р. Тихой Сосны, в 30 км от впадения ее в Дон, недалеко от Острогожска. Другая, о которой идет речь в переписке, лежала в 30 км к западу от Харькова, на речках Ольшаной и Лосике, притоках р. Уды, впадающей в Донец. Об этой, второй крепостце, к которой и приурочена находка, см.: Д. И. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I (1886), стр. 126—127, т. II (1890), стр. 199.

[2] Описание весьма выразительно и не оставляет сомнения, что мы имеем дело с остатками ископаемого слона.

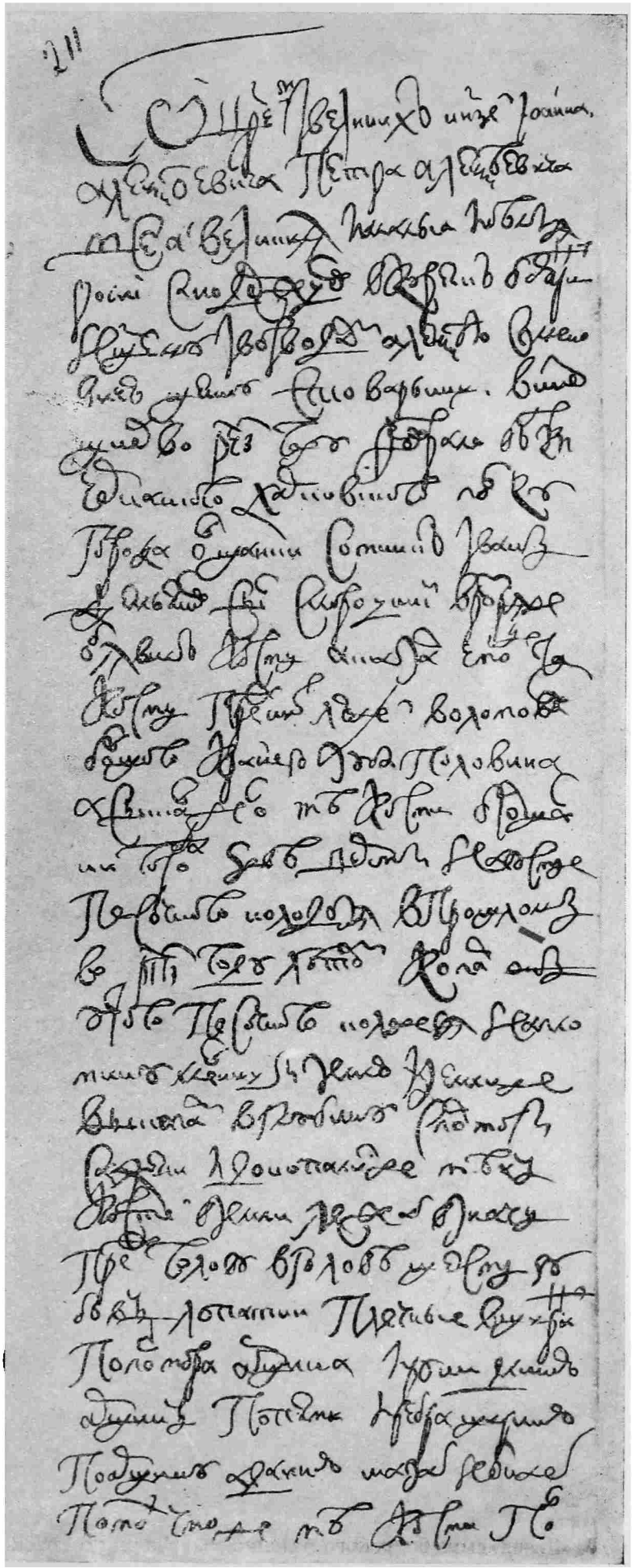

Рис. 1. Грамота из Разряда Курскому воеводе о посылке «кого пригоже» для раскопок в Ольшанку.

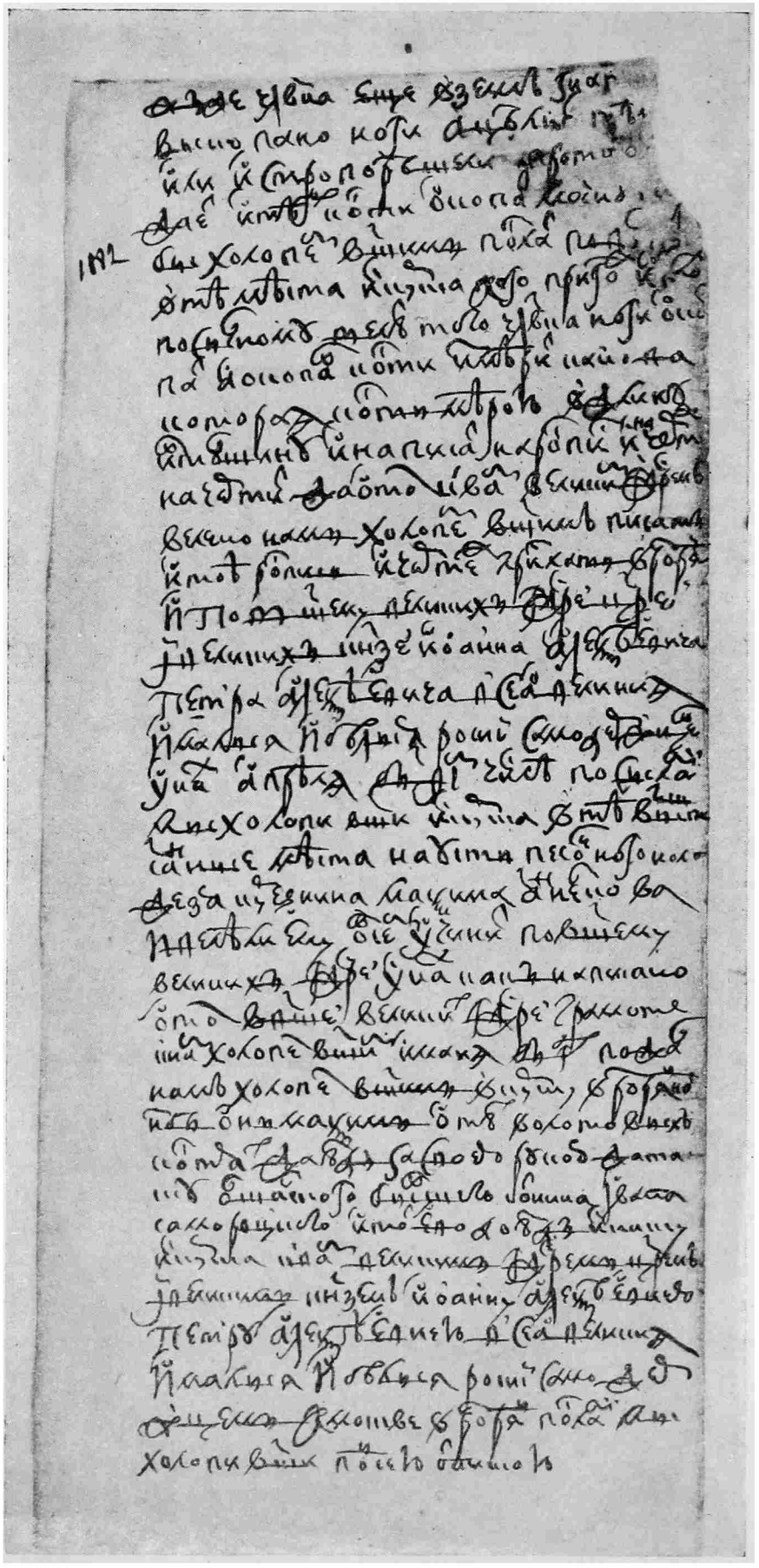

Рис. 2. «Доезд» сына боярского Анненкова о результате раскопок.

обнаруженные кости с необходимыми промерами, но и «на чертеже начертить», говорят и сами по себе не только о серьезной продуманности именно данного обследования, но о существовании уже установившейся практики, основанной на достаточном количестве прецедентов и основательном знакомстве с разного рода археологическими памятниками у русских людей XVII в.

Хотелось бы надеяться, что дальнейшие архивные разыскания доставят нам еще чертежи и описания исследований, более удачливых, чем раскопка ольшанского волота.

Характер и объем археологических знаний русских людей XVII в. в свете приведенной переписки выступают по-новому, и дальнейшие поиски в этом направлении являются, безусловно, задачей, заслуживающей внимания.[1]

---

[1] Около тридцати лет назад, в 1921 г., производя археологические разведки по р. Тихой Сосне, я пытался, разумеется тщетно, искать урочище «Песочный Колодезь» в окрестностях с. Верхний Ольшан Острогожского уезда. Думаю, что было бы не безынтересно продолжить эти поиски в Харьковской области теперь уже с более определенными шансами и попытаться точно установить место находки 1679 г.

Н. Н. ГУРИНА

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ МСТЫ

Летом 1941 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР была организована археологическая экспедиция по обследованию реки Мсты и ближайших ее притоков[1] с целью организации здесь в будущем больших археологических работ. Начавшаяся Великая Отечественная война не позволила осуществить намеченный план в его полном объеме, и работу успел провести только один отряд. Несмотря на краткость срока, была подвергнута обследованию значительная территория — берега рек Мсты (от деревни Ровно до слияния Мсты с р. Уверь), Увери (до дер. Владыкино), Свежи (от ее устья до озера Тиманского), а также берега озер Болонье (окрестности дер. Карманово, Остров, Слуды, Бор, Заозерицы), Тиманского, Платоновского и северозападная часть озеро Шабодро (см. карту, рис. 1).

В общей сложности отряд обнаружил 40 археологических памятников, материал которых характеризует различные ступени развития человеческого общества на данной территории, начиная от эпохи неолита и бронзы и кончая ранним железом.

Каждая из названных эпох представлена группой памятников (поселений, селищ, городищ), благодаря чему имеется возможность составить некоторые общие представления о характере различной категории памятников, несмотря на наличие лишь подъемного и полученного из обрезов и шурфов материала. Этому в значительной степени способствует сопоставление их с памятниками соседних, более подробно исследованных территорий.

Не претендуя на значительную полноту, данный материал, будучи введенным в научный обиход, может послужить общей задаче — выяснению древнейшей истории этого края.

В результате многолетней работы П. Н. Третьякову удалось установить последовательность исторического процесса, происходившего на территории Верхнего Поволжья в период I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. Изучение материала, полученного нами во время рекогносцировочных работ, показало, что установленная П. Н. Третьяковым закономерность смены различных этапов развития культуры, наблюдаемая в Верхнем Поволжье, может быть прослежена и на памятниках среднего течения р. Мсты.

Неолитические поселения, расположенные на низких, надпойменных террасах и характеризующиеся наличием ямочно-гребенчатой керамики

[1] Начальником экспедиции был П. Н. Третьяков, начальником отряда Н. Н. Гурина.

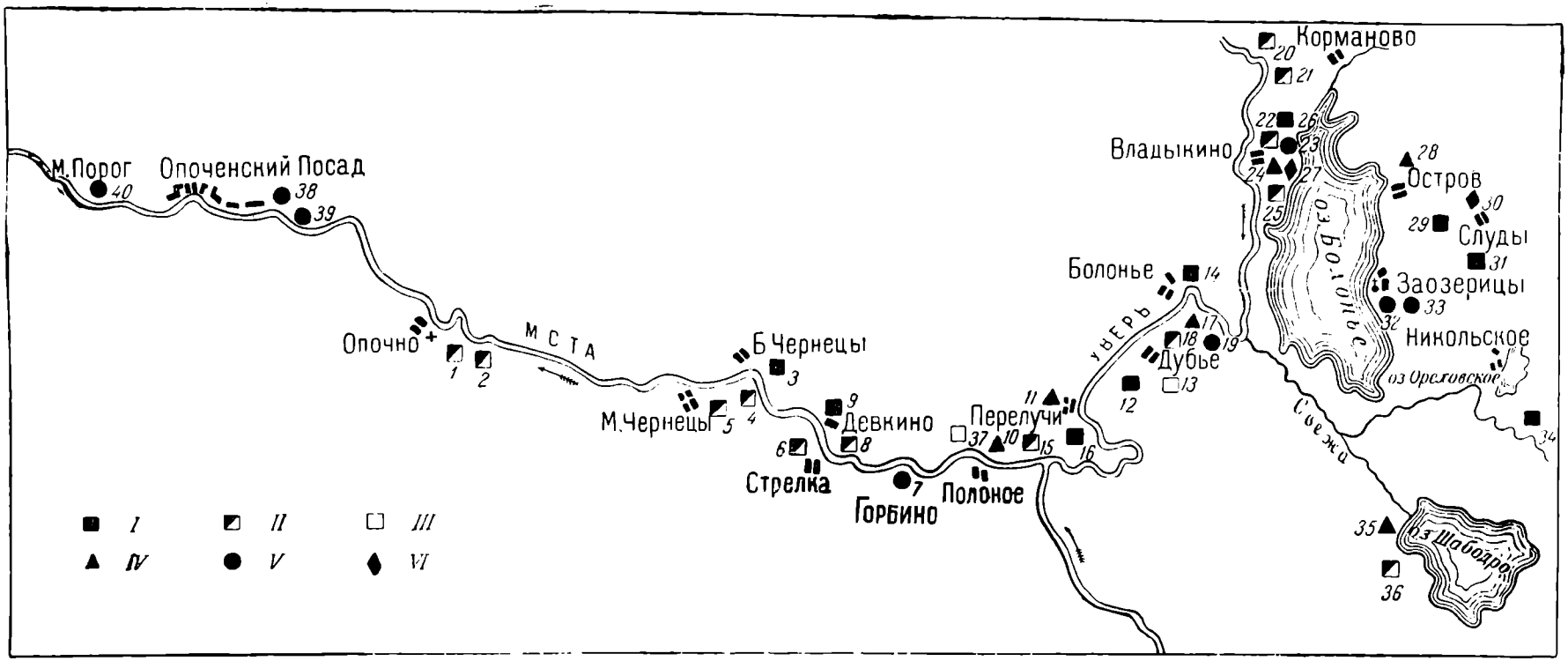

Рис. 1. Археологическая карта среднего течения р. Мсты.

I — стоянки эпохи ранней бронзы; *II* — стоянки и селища эпохи развитой бронзы; *III* — городища; *IV* — стоянки эпохи неолита; *V* — поселения эпохи раннего железа; *VI* — отдельные местонахождения.

Пункты: *1* — на левом берегу р. Мсты, в расстоянии 1 км от дер. Опочно; *2* — на левом берегу р. Мсты, в расстоянии 1.5 км от дер. Опочно; *3* — на правом берегу р. Мсты, близ дер. Чернецы (Большие); *4* — на левом берегу р. Мсты, против дре. Чернецы (Большие); *5* — на левом берегу р. Мсты, близ дер. Малые Чернецы; *6* — на левом берегу р. Мсты, близ дер. Стрелка; *7* — на левом берегу р. Мсты, близ дер. Горбино; *8* — на правом берегу р. Мсты, близ дер. Девкино; *9* — на правом берегу р. Мсты, близ дер. Девкино; *10* — на правом берегу р. Мсты, при впадении в нее р. Увери; *11* — на правом берегу р. Увери, близ дер. Перелучи; *12* — на левом берегу р. Увери, близ дер. Дубье, на дороге к Дубянской мельнице; *13* — на левом берегу р. Увери, близ Дубянской мельницы; *14* — на правом берегу р. Увери, близ дер. Болонье; *15* — на правом берегу р. Увери, у места слияния р. Мсты и Увери; *16* — на левом берегу р. Увери близ дер. Перелучи; *17* — на левом берегу р. Увери, близ дер. Болонье; *18* — на левом берегу р. Увери, близ дер. Болонье, против кладбища; *19* — на левом берегу р. Увери, близ дер. Болонье; *20* — на левом берегу р. Увери, близ дер. Карманово; к ЮЮЗ от дер. Карманово; *22* — близ дер. Владыкино, к ЮВ от кузницы Попоиха; *23* — к ССВ от дер. Владыкино; *24* — близ дер. Владыкино, против местечка Попоиха; *25* — близ дер. Владыкино; *26* — на левом берегу р. Увери, близ дер. Владыкино; *27* — на левом берегу р. Увери, близ дер. Владыкино; *28* — западный берег оз. Болонье, близ дер. Остров; *29* — западный берег оз. Болонье, близ дер. Слуды; *30* — западный берег оз. Болонье, близ дре. Слуды; *31* — западный берег оз. Болонье, близ дер. Слуды; *32* — западный берег оз. Болонье, близ дер. Заозерицы; *33* — западный берег близ оз. Болонье, дер. Заозерицы; *34* — на берегу оз. Тиманского, у мельницы; *35* — на западном берегу оз. Шабодро; *36* — на ССЗ берегу ов. Шабодро; *37* — на правом берегу р. Мсты, против дер. Полоное; *38,39* — на правом берегу р. Мсты, в 2.5 км от дер. Опоченский посад; *40* — на правом берегу р. Мсты, близ дер. Малый Порог.

и специфических форм орудий, сменяются памятниками ранней бронзы. Для последних характерно сохранение в кремневом и керамическом материале старых неолитических традиций, однако, наличие новых элементов не может не указывать в то же время на происшедшие в обществе существенные изменения. Об этом говорит, прежде всего, как отмечает П. Н. Третьяков, расположение поселений эпохи ранней бронзы на более возвышенных участках по отношению к современному уровню реки, свидетельствующее о происшедших изменениях в хозяйственном укладе— появлении металла и усложнении керамического производства (появление сосудов бомбовидной формы).

На смену поселениям ранней бронзы здесь, так же как и на территории Молого-Шекснинской низины, приходят, повидимому, стоянки

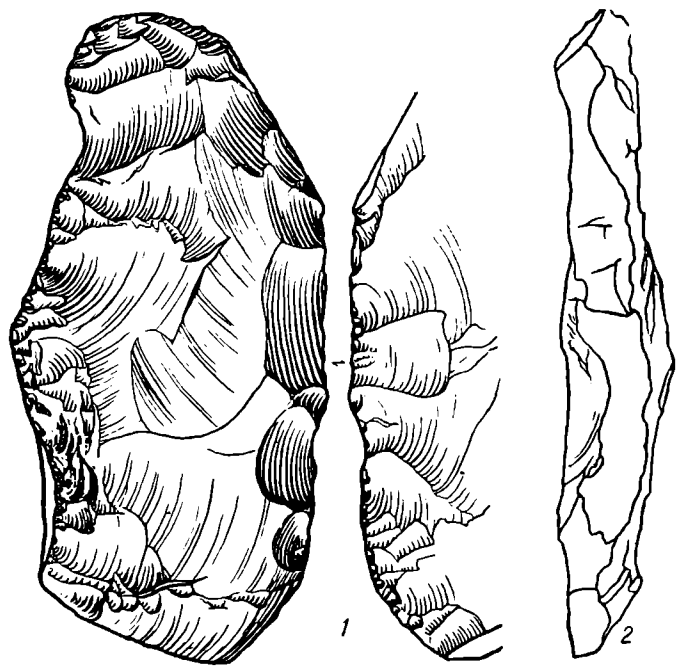

Рис. 2. Орудие эпохи ранней бронзы (пункт *14*).

с сетчатой керамикой и городища дьякова типа, представленные в различных фазах развития.

Несмотря на существенные отличительные черты, наблюдаемые в материале различных групп памятников, нельзя не заметить, вместе с тем, одной свойственной всем им особенности — обилия кремневых орудий, распространенных не только в неолитических или ранних бронзовых поселениях, но и в памятниках городищ дьякова типа. Указанное обстоятельство находит свое объяснение в специфических местных условиях: исключительном обилии кремня, часто выходящего на поверхность, и отсутствии залежей металла. Таким образом, кремень выступает здесь, при изготовлении особой категории орудий, заменителем более дорогого материала — металла, точно так же как в этих случаях на севере его заменяет кварц. Вот почему в таком изобилии мы встречаем отщепы кремня и кремневые орудия даже в памятниках, относящихся к IV—VI вв. н. э. Правда, при внимательном наблюдении нельзя не заметить существенных отличий в кремневых орудиях, встречаемых в неолитических памятниках и в селищах эпохи железа. Если при изучении кремневой индустрии ранних из указанных групп памятников встречается разнообразие типов и форм орудий, начиная от крупных топоров и кончая разнообразными наконечниками стрел и скребков, то в памятниках позднего типа мы ви-

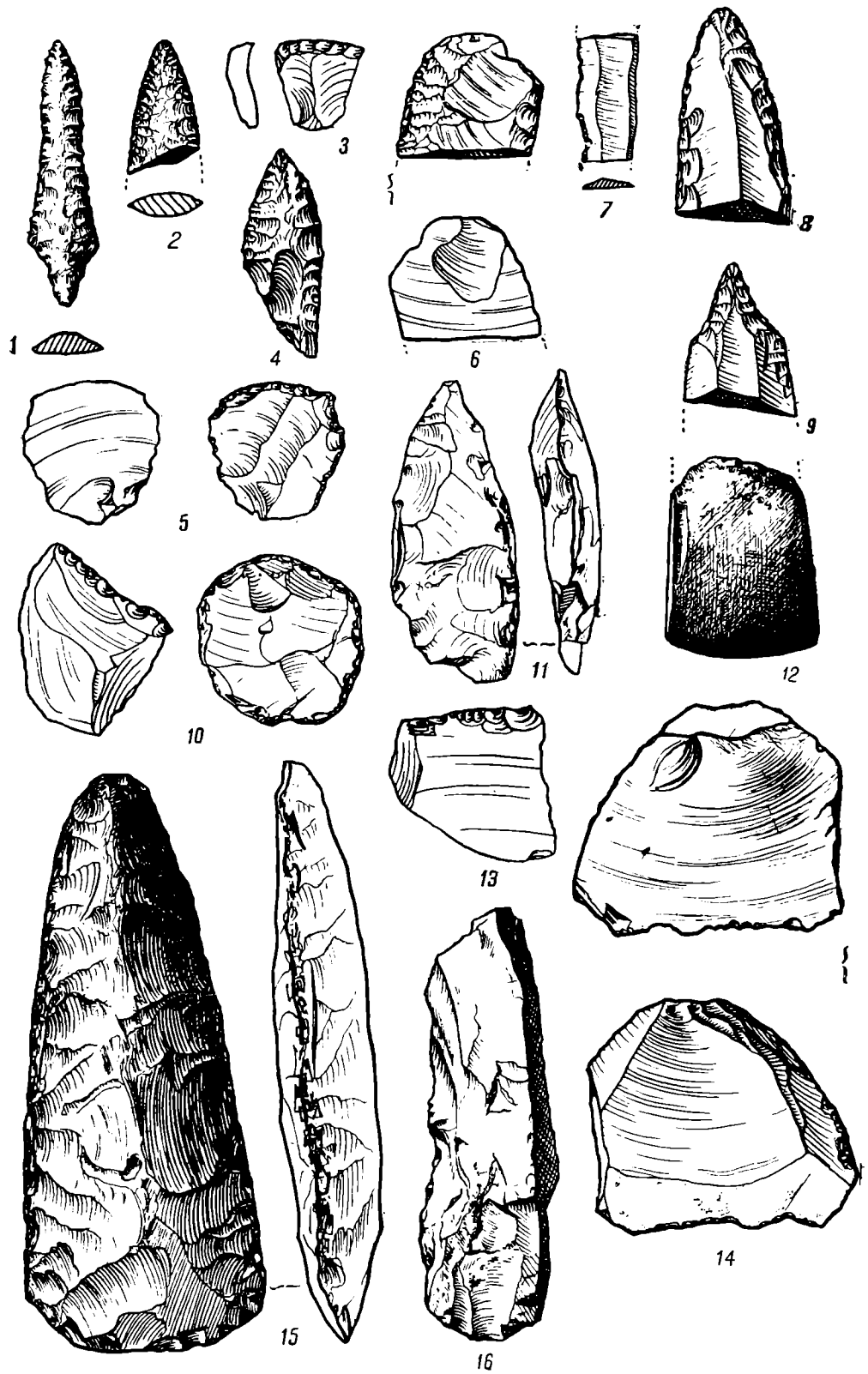

Табл. I. Кремневые орудия неолитических стоянок.

1—7, 9, 10, 11, 13 — пункт *17; 8* — пункт *28; 12* — пункт *24; 14—16* — пункт *10.*

дим только мелкие кремневые орудия, преимущественно скребки и ножевидные пластинки. Не менее существенным различием является и техника их выделки. На смену тщательной, мелкой отжимной ретуши, формующей орудие, приходит крупная, небрежная сколотая техника, лишающая его прежней правильной, законченной формы и делающая орудие похожим скорее на заготовку (последнему, однако, противоречат сильные следы сработанности). Так, в более позднее время вместо скребков и ножей на правильных пластинах, мы встречаем их изготовленными из случайных аморфных отщепов, с неряшливой подправкой по краям. Эти изменения в форме и технике орудий, наблюдаемые на памятниках более позднего времени, являются следствием глубоких сдвигов, происшедших в производительных силах общества, обитавшего в то время в бассейне р. Мсты, вызванных появлением и дальнейшим развитием металла. Кремень продолжал еще применяться, но все более терял свое значение, пока не был забыт совершенно.

Обнаруженные памятники, как было указано, представлены несколькими разновременными группами: 1) стоянками эпохи позднего неолита, 2) стоянками ранней бронзы, 3) селищами эпохи бронзы (с сетчатой керамикой) и 4) городищами дьякова типа.

Поселения позднe-неолитической эпохи

Из числа неолитических памятников, обнаруженных экспедицией, наиболее отчетливо выраженным является поселение, расположенное по левому берегу р. Увери, против современного кладбища дер. Болонье (пункт *17*). Место поселения представляет собой вторую террасу, которая в настоящее время сильно распахана, в силу чего культурный слой на ней не сохранился. Остатки последнего удается проследить только на узких бровках, окаймляющих поле. Таким образом, собранный материал в подавляющем большинстве является подъемным, однако вследствие своей однотипности и характерности форм он дает достаточно точное представление о времени существования памятника.

Кремневый инвентарь поселения состоит из следующих предметов: наконечников стрел, один из которых имеет удлиненную форму, с хорошо выраженным черешком и пильчатыми краями (табл. I, *1*); наконечника копья; проколки, изготовленной из массивного плоского отщепа подтреугольных очертаний, с рабочим концом, сформованным с помощью мелкой ретуши (табл. I, *9*); многочисленных и тщательно изготовленных скребков (табл. I, *3*, *5*, *10*) округлых и подтреугольных очертаний, с обработкой по двум или трем сторонам; обломков ножей на массивных ножевидных пластинках (табл. I, *6*), с ретушью по двум сторонам; нуклеусов дисковидной формы со следами использования их в качестве скребел; ножевидных пластинок (табл. I, *7*), а также крупных и мелких отщепов кремня, многие из которых с частичной обработкой.

Наибольший интерес представляет керамика (табл. IV), вследствие того, что она имеет отчетливо выраженный неолитический характер. Это обломки тонкостенных, хорошо обожженных сосудов, изготовленных из желтоватой глины, с незначительной примесью дресвы. Внешняя поверхность сосудов, повидимому, сплошь покрыта орнаментом, состоящим из мелких коротких и широких, или длинных и узких отпечатков гребенки (табл. IV, *3—5*). Один из имеющихся фрагментов является обломком края сосуда, слегка отогнутого наружу и украшенного небольшими овальными углублениями, направленными длинной осью не перпендикулярно, как бывает обычно, а параллельно краю сосуда (табл. IV, *8*). Форма днища сосудов округлая.

К числу неолитических поселений относится также местонахождение на правом берегу р. Мсты, расположенное на мысу, образованном устьем р. Увери и небольшим ныне высохшим ручьем (пункт *10*). Несмотря на отсутствие керамики, это поселение дает настолько типичный кремневый инвентарь, что не остается сомнений в принадлежности его к неолитической эпохе.

Помимо большого количества кремневых отщепов, сохранивших следы скола их с нуклеусов, обнаружены также изготовленные из него орудия, среди которых наибольший интерес вызывает тесло (табл. I, *15*) и, предположительно, заготовка для долота. Первое орудие темно-серого кремня имеет узкую тыльную часть, почти сведенную на нет, и широкий рабочий конец полукруглой формы, с выемкой в основании, придающей орудию общие черты с желобчатым долотом, столь характерным для северного неолита. Поперечное сечение орудия в верхней части — подтреугольных очертаний, в нижней — полукруглое. Вся поверхность обработана тщательной ретушью.

Второе орудие представляет собой, как сказано, повидимому, заготовку под долото, изготовленную из кремнистого известняка с помощью крупных сколов по всей поверхности (табл. I, *16*). Одна сторона его плоская, две другие сходятся под углом, придавая орудию в поперечном сечении подтреугольную форму. Рабочий конец узкий и следов сработанности не имеет.

Оба типа орудий являются характерными для поселений неолитического времени, расположенных в бассейне р. Мсты. Высказанное положение подтверждается многочисленными находками этих орудий на берегах Мстинского водохранилища (собрание А. Х. Репмана), у истоков р. Мсты (раскопки Н. И. Гумилевского, В. В. Федорова и Л. Я. Крижевской), на берегу оз. Мстино (разведки Н. Н. Гуриной и Л. Я. Крижевской), а также соответствующим материалом из больших собраний Романченко [1] и Кондыбы [2], собранных на территории Верхней Волги.

Помимо указанных орудий, на месте стоянки найден мелкий кремневый инвентарь: скребки на пластинках удлиненной формы, сколотых с нуклеусов и обработанных тщательной, мелкой ретушью; кремневый резчик, изготовленный из отщепа, широкий и округлый в тыльной части и резко суженный к рабочему концу, сформованный с помощью мелкой ретуши, и многочисленные ножевидные пластинки, часть из которых имеет ретушь по одной (реже двум) граням.

Поселения ранней бронзы

Значительную по численности категорию составляют поселения, расположенные преимущественно по обоим берегам р. Увери (на сравнительно небольшом пространстве) и на озере Болонье, сходные черты материала которых позволяют объединить их в одну общую группу.

Сопоставление материала указанных поселений с материалами стоянок неолитической эпохи, рассмотренных нами выше, приводит к заключению о наличии здесь новых черт. К числу последних относится некоторая небрежность в технике изготовления кремневых орудий и отсутствие законченности форм — черты, получившие дальнейшее развитие в памятниках последующих эпох. Появление новых элементов прослеживается еще более отчетливо в керамическом материале. Наряду с сосудами, типичными для неолита, появляются сосуды особой формы и с иным

[1] Хранится в Гос. Эрмитаже.
[2] Хранится в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

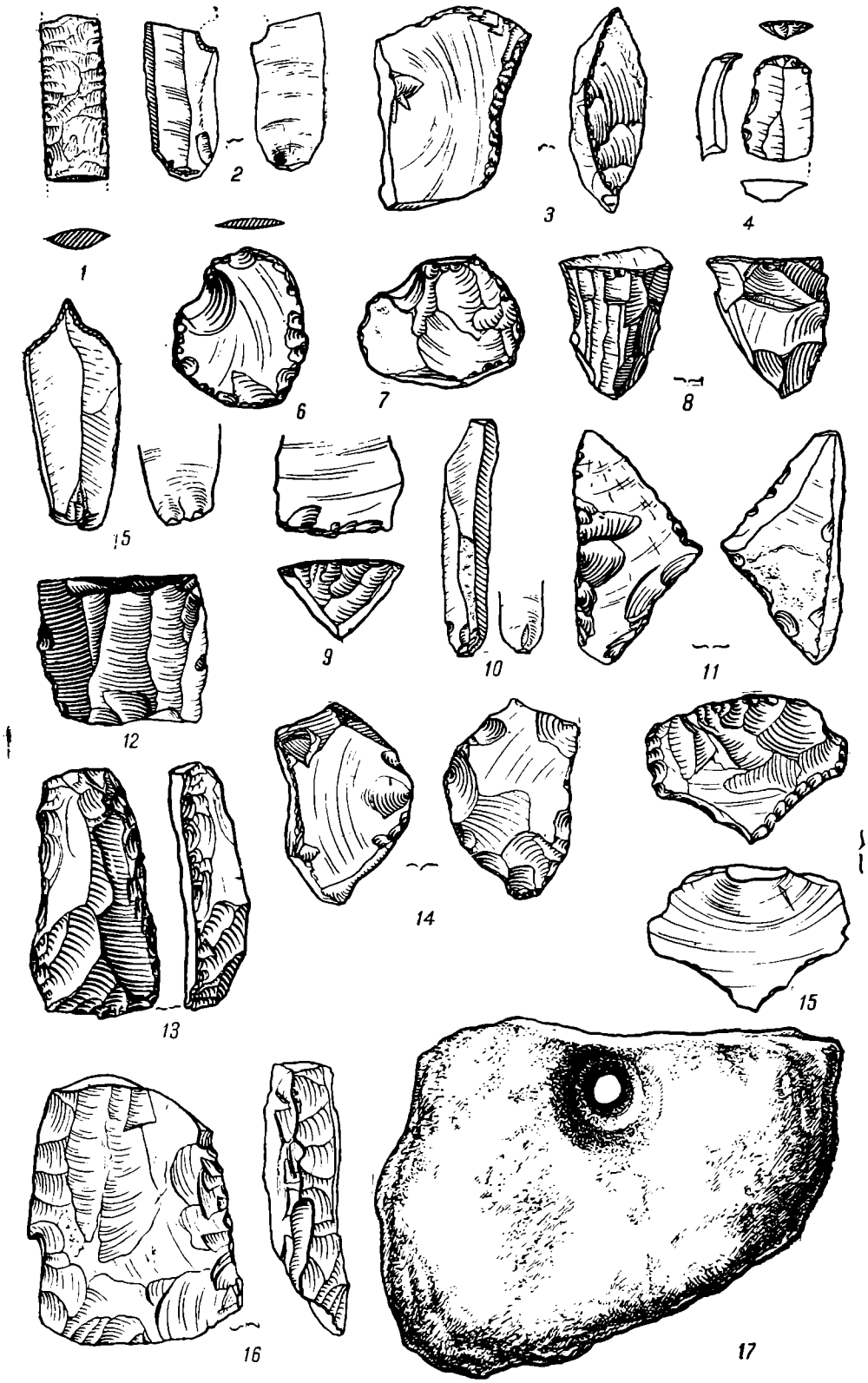

Табл. II. Кремневые орудия стоянок эпохи ранней бронзы.

1—3 — пункт *12*; *4*, *8* — пункт *28*; *5* — пункт *16*; *6*, *7* — пункт *26*; *9* — пункт *29*; *10*, *11* — пункт *14*; *12* — пункт *19*; *13* — пункт *29*; *14*, *17* — пункт *29*; *15* — пункт *14*; *16* — пункт *12*.

орнаментом — бомбовидные, украшенные мелким гребенчатым штампом. Наконец различие наблюдается и в расположении поселений: бо́льшие

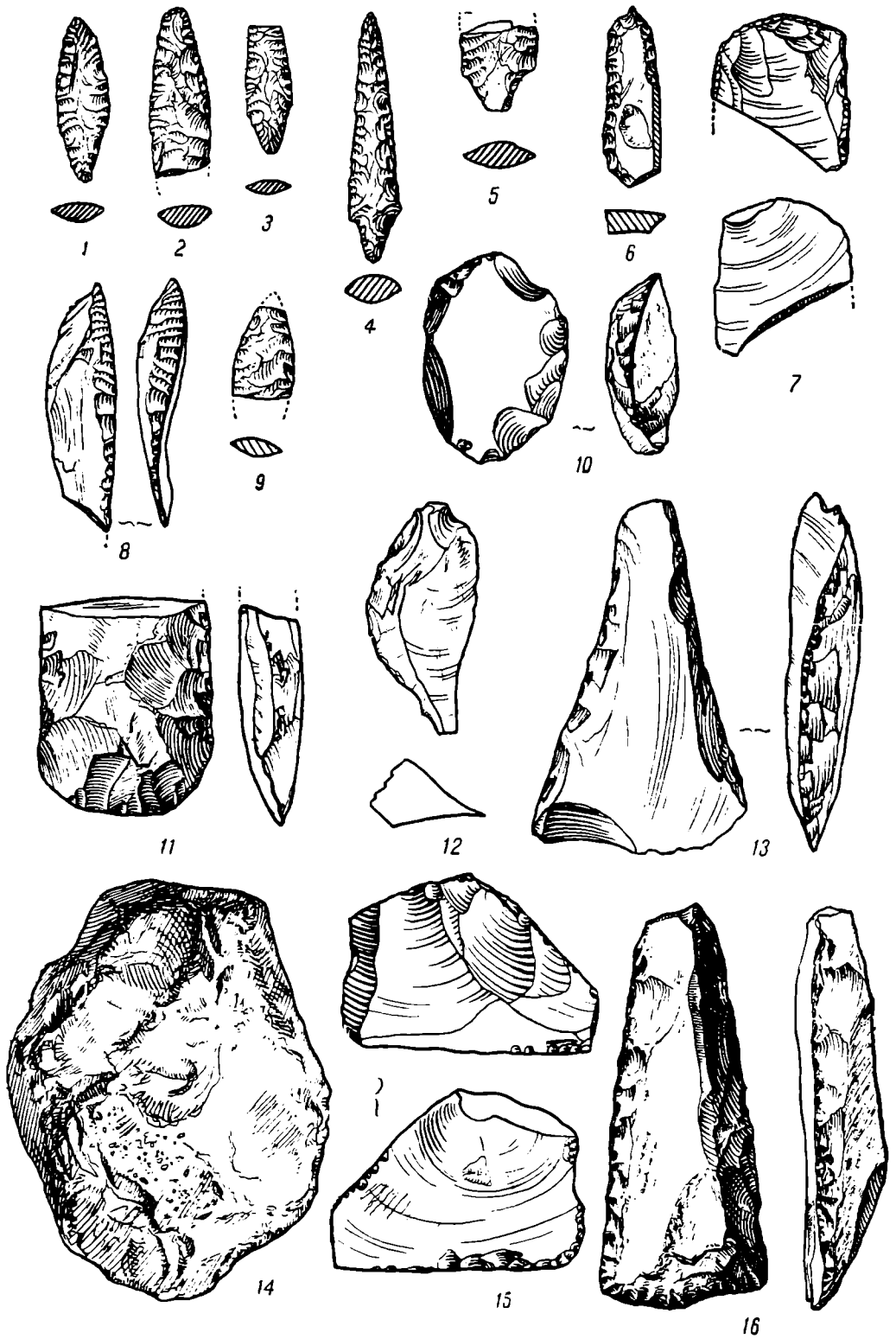

Табл. III. Кремневые орудия стоянок эпохи ранней бронзы.
1—16— пункт *14*.

высотные отметки по сравнению со стоянками неолитической эпохи.

Примером такого памятника может служить поселение, расположенное на левом берегу р. Увери, приблизительно в 1.5 км от дер. Дубье (пункт *12*) (табл. II). На поверхности развеянной дюны было обнаружено

значительное количество кремневого материала и обломков керамики. Культурного слоя проследить не удалось вследствие сильной развеянности дюны. Однако на ее поверхности наблюдалась отчетливо заметная концентрация материала.

Из крупных орудий встречено тесло темносерого кремня, удлиненно овальное в поперечном сечении, с широким и слегка вогнутым рабочим краем, напоминающим по форме желобчатое долото. Его лезвие острое, обработано мелкой ретушью и следов сработанности не имеет. Тыльная часть широкая и плоская вследствие наличия на ней скола, идущего параллельно лезвию.

Среди мелких кремневых орудий имеются: фрагментированный наконечник стрелы светлосерого кремня, листовидной формы, с удлиненно-овальным поперечным сечением, обработанный плоской ретушью по всей поверхности (табл. II, *1*), скребок, изготовленный из плоского отщепа, с тщательной ретушью по трем сторонам; несколько ножевидных пластинок и многочисленные отщепы кремня.

Керамика (табл. IV) представлена значительным количеством фрагментов сосудов, в подавляющем большинстве однотипных. Глина, из которой они изготовлены, желтовато-красного цвета, хорошо отмучена и обожжена. Часть сосудов содержит в качестве примеси к глиняному тесту толченый кварц. Черепки этой группы тонкостенны, внешняя поверхность их тщательно заглажена и сплошь покрыта орнаментом в виде узких, овальных вдавлений, напоминающих отпечатки ногтя (табл. IV, *9*, *6*). Отсутствие днищ и краев сосудов лишает возможности восстановить их форму.

Вторую, более многочисленную группу составляют фрагменты сосудов, в глиняное тесто которых введена какая-то органическая примесь, совершенно выгоревшая при обжиге и оставившая после себя лишь пустоты и отпечатки в виде коротких и довольно толстых волокон. Благодаря этому черепки данной группы, несмотря на большую толщину, имеют меньший вес. Орнамент, покрывающий их поверхность, состоит из неглубоких отпечатков крупного зубчатого штампа (табл. IV, *14*, *15*).

Третью группу составляют более тонкостенные черепки, орнамент которых отличен от описанного выше. Один из них (обломок стенки) украшен узкой, слабо отпечатанной горизонтальной полосой и мелкими, полуовальными вдавлениями, расположенными попарно (табл. IV, *12*). Другой, являясь частью края сосуда, орнаментирован узкой, горизонтальной полосой, расположенной параллельно краю сосуда, и рядом треугольников, выполненных очень мелким и четким гребенчатым штампом, направленных вершинами к венчику (табл. IV, *11*). Судя по его профилю, можно сделать вывод, что данный сосуд имел бомбовидную форму с прямой и узкой шейкой, подобно форме фатьяновских сосудов.

Таким образом, наряду с чертами, типичными для керамики позднеолитических поселений, мы встречаем здесь и отчетливо выраженные сосуды эпохи ранней бронзы.

Вторым местонахождением такого типа можно считать поселение близ дер. Болонье (пункт *14*).[1] Здесь, на развеянной дюне, было встречено значительное количество керамики и кремневого инвентаря, сосредоточенного преимущественно вблизи цельных, не развеянных участков (табл. III).

Среди материала обнаружены наконечники стрел листовидной и ланцетовидной форм, с резко выраженным черешком. Вся поверхность их обработана очень тщательной плоской ретушью. Подобный тип наконечни-

[1] Здесь и далее см. «Археологическую карту» (рис. 1).

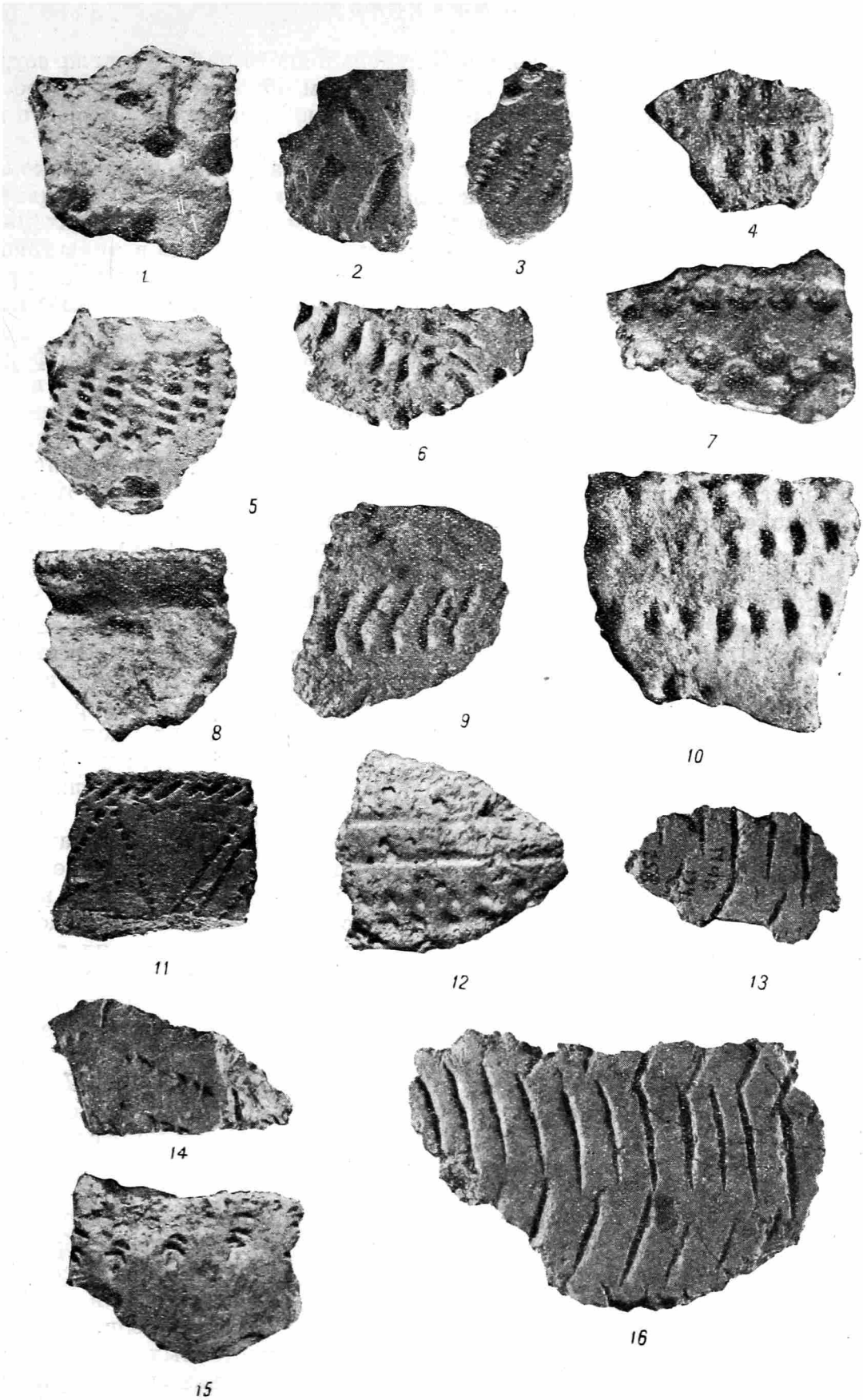

Табл. IV. Керамика стоянок эпохи неолита и ранней бронзы.

ков весьма характерен для стоянок Вышневолоцкого района и реже встречается на других территориях, являясь, таким образом, местной особенностью. Многочисленны ножи и ножевидные пластинки с ретушью по одному краю.

Из мелких орудий, кроме того, встречена кремневая проколка (табл. III, *8*) в виде массивной ножевидной пластинки с четырехугольным поперечным сечением. Одна грань ее на всем протяжении тщательно обработана крутой ретушью, лишь частично заходящей на вторую грань. Рабочая часть сформована путем резкого среза обеих граней, которые в месте пересечения их образуют острие, подправленное с помощью мелкой ретуши.

Из крупных орудий следует указать на плоское, овальное по форме скребло на массивном отщепе (рис. 2) и два тесла, одно из которых имеет округлое, асимметричное и очень острое лезвие (табл. III, *13*), а второе — узкое в поперечном сечении, с рабочими краями, обработанными крупной ретушью (табл. III, *16*). Наличие следов сильной сработанности исключает предположение, что данный экземпляр является лишь заготовкой.

К числу крупных орудий относятся также массивный кремневый нуклеус, со следами употребления его в качестве скребла, о чем свидетельствуют сильные следы сработанности, наблюдаемые на его гранях.

Керамика, обнаруженная на этом поселении, разнородна. Одну часть ее составляют обломки сосудов, изготовленных из хорошо отмученной и обожженной желтовато-красной глины, с примесью крупных зерен кварца и растительных волокон. Орнамент, покрывающий сосуды, состоит из следующих элементов: близко поставленных друг к другу ямок неправильно округлой формы (табл. IV, *1*, *2*, *7*, *10*); слабых отпечатков тонкого гребенчатого штампа, образующего зигзагообразные линии (известного в литературе под названием «шагающего»), и елочного узора, выполненного тонкой гребенкой или глубокими нарезками (табл. IV, *16*).

Особую группу (меньшую по численности) составляют фрагменты толстостенных лепных сосудов со значительной примесью к глине крупных зерен кварца. Форма их, насколько удается проследить по весьма ограниченному материалу, плоскодонная, с прямым, слегка утолщенным краем. Орнамент отсутствует. Как внешняя, так и внутренняя сторона сосудов сохранили на себе следы заглаженности. Не остается сомнений, что эта группа сосудов гораздо более поздняя и, повидимому, именно к ней следует отнести найденные на стоянке крупные куски медного шлака.

Материал других местонахождений (пункты *26*, *27*, *28*, *29*, *31* и др.), могущих быть отнесенными к этой группе, гораздо малочисленнее, менее выразителен по типу, однако наличие общих черт с материалом описанных выше поселений заставляет видеть в нем памятники того же типа и времени.

Три пункта (*26*, *27*, *28*) расположены на левом берегу р. Увери, близ д. Владыкино, на 2-й террасе распаханного поля. Материал, собранный здесь, состоит из скребков (табл. II, *4*, *6*, *7*), изготовленных из массивных отщепов с ретушью по одной, реже по двум граням; отщепов кремня, некоторых с частичной обработкой (табл. II, *8*), и нуклеусов. Обломки сосудов единичны. Они дают представление о тонкостенных лепных сосудах, внешняя поверхность которых гладкая или орнаментирована редкими, неправильных очертаний, мелкими ямками.

Два других пункта (*29*, *31*) расположены на восточном берегу оз. Болонье, близ дер. Слуды, на высоких песчаных развеянных дюнах, возвышающихся среди болотистых участков. Материал их состоит из округлых, концевых и подтреугольной формы скребков, наконечников стрел (боль-

шинство которых фрагментировано); грузил (табл. II, *17*) из песчаника с просверленным отверстием, а также обломков шлифовальных плит.

Керамика немногочисленна. Сосуды тонкостенны, изготовлены из желтой глины, хорошего обжига. Внешняя поверхность их покрыта мелким и нечетким орнаментом в виде удлиненно-округлых ямок и слабо заметных оттисков гребенки. Часть не орнаментирована вовсе. По общему облику керамика в целом близко напоминает керамику известного поселения у дер. Вороксы, описанную П. Н. Третьяковым.[1]

Селища эпохи бронзы

Следующую хронологическую группу памятников, обнаруженных на обследованной территории, составляют поселения с отчетливо выраженными чертами бронзы (пункты *18*, *21*, *36*,) (табл. V).

Наибольший интерес из них представляет селище на северном побережье оз. Болонье в 0.5 км к ЮЮЗ от дер. Карманово. Оно расположено на высокой песчаной дюне, отграниченной с двух сторон небольшим ручьем. Детальное обследование местности не обнаружило ни рвов, ни валов, вследствие чего можно считать, что поселение имело лишь естественные укрепления. Поверхность дюны в настоящее время подвергалась частичной распашке, в силу чего культурный слой оказался в значительной степени разрушенным и сохранился лишь на краю поля. Изучение стратиграфии оставшейся не разрушенной части поселения показало, что она имеет следующий характер: 0.35 м — почвенный слой; 0.35—0.60 м — темный, илистый культурный слой с находками и вкраплением мелких угольков; 0.60—0.75 м — более светлый слой суглинка, и ниже 0.75 м — материковый слой — темножелтый песок.

Немногочисленный кремневый инвентарь, собранный на поселении, состоит преимущественно из обломков ножей, изготовленных из аморфных пластинчатых отщепов кремня, а также из обломков последнего, сколотых с нуклеуса и лишенных дальнейшей обработки (табл. V, *1—4*).

В противоположность кремневому, керамический материал значительно многочисленнее и имеет отчетливо выраженный характер (табл. VII, *1—7*). Он состоит из обломков толстостенных сосудов (до 1 см толщины), вылепленных от руки из желтой глины со значительной примесью дробленого кварца. Форма сосудов баночная, внешняя поверхность (за исключением узкой части, примыкающей к днищу) покрыта отпечатками «сетки», дополненной по краю мелкими ямками округлых очертаний. Этот тип сосудов явно преобладает над другим, более поздним типом, столь же толстостенным, но со значительно большей примесью кварца и внешней поверхностью, лишенной орнамента. Повидимому, это является следствием механического смещения слоев (находки, как было указано, обнаружены на распаханном поле).

В целом собранный материал дает представление о достаточно типичном поселении с сетчатой керамикой. Исходя из наличия хорошо обожженных сосудов, в нижней части которых отсутствует «сетка», можно сделать вывод, что данное поселение, повидимому, относится не к ранней фазе существования поселений с сетчатой керамикой, а к их более поздней второй группе.

Из всех групп памятников, открытых экспедицией, наиболее многочисленными и особенно богатыми материалом являются селища (пункты *1*, *2*, *4*, *7*, *15*, *20*, *25*, *34*), хронологически стоящие непосредственно за поселениями с сетчатой керамикой.

---

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА СССР, № 5, М.—Л., 1941.

Как показано на карте, они протянулись на значительное расстояние по обоим берегам рр. Мсты и Увери.

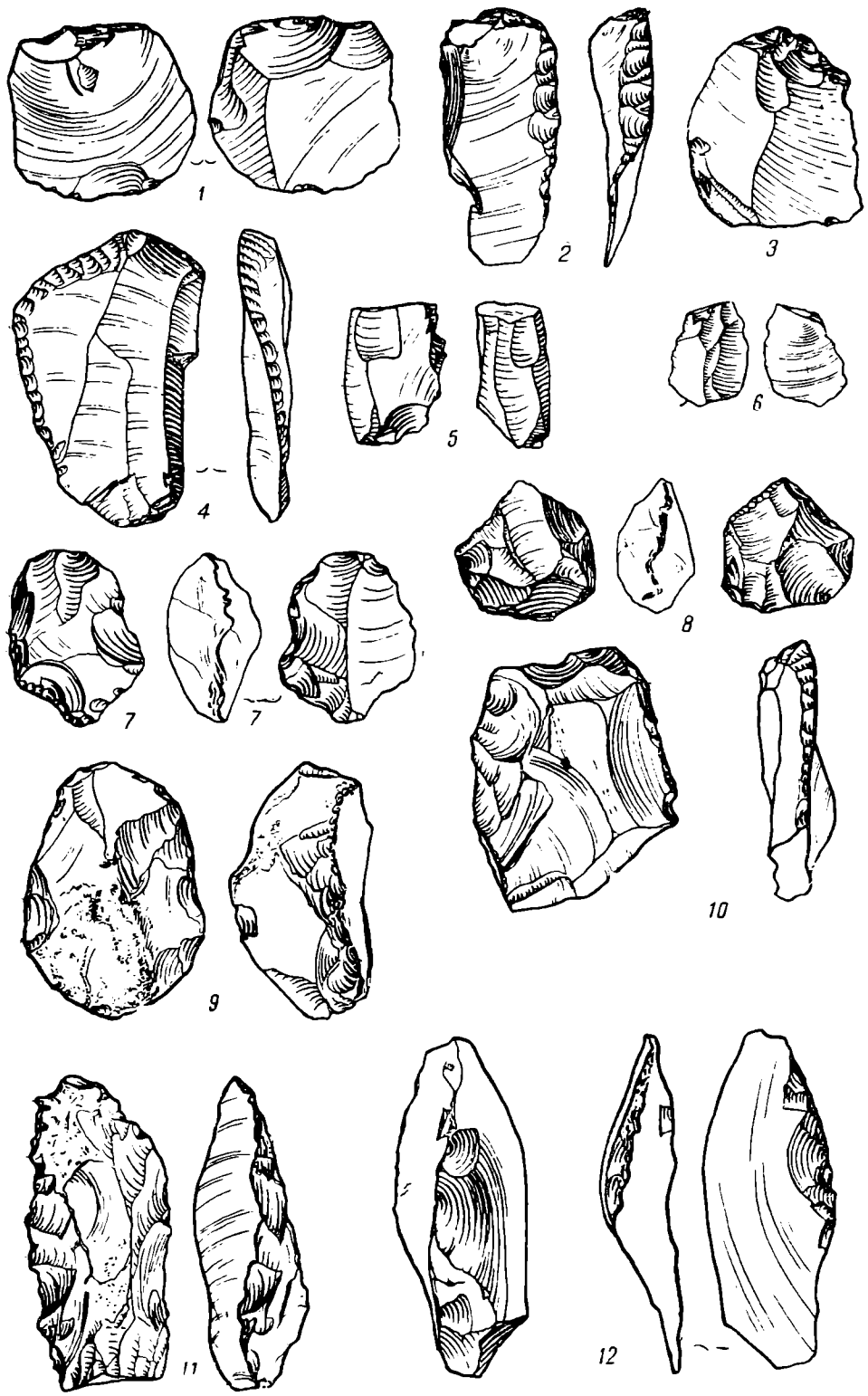

Табл. V. Кремневые орудия стоянок и поселений эпохи бронзы.

1 — пункт *36*; *2* — пункт *18*; *3* — пункт *36*; *4* — пункт *21*; *5*, *6* — пункт *2*; *7*—*9* — пункт *25*; *10* — пункт *2*; *11*, *12* — пункт *20*.

Типичным представителем этой группы памятников служит селище, расположенное на правом берегу р. Увери, в расстоянии приблизительно 0.5 км от впадения ее в р. Мсту, близ дер. Перелучи.

На одном из мысов берега, образованного хорошо выраженной второй террасой, на участке распаханного поля и в шурфе, заложенном на его окраине, было обнаружено значительное количество керамики, в сопровождении отщепов кремня и кремневых орудий. Хорошо выраженного культурного слоя проследить не удалось, так как, повидимому, он был весь уничтожен неоднократным перепахиванием поля.

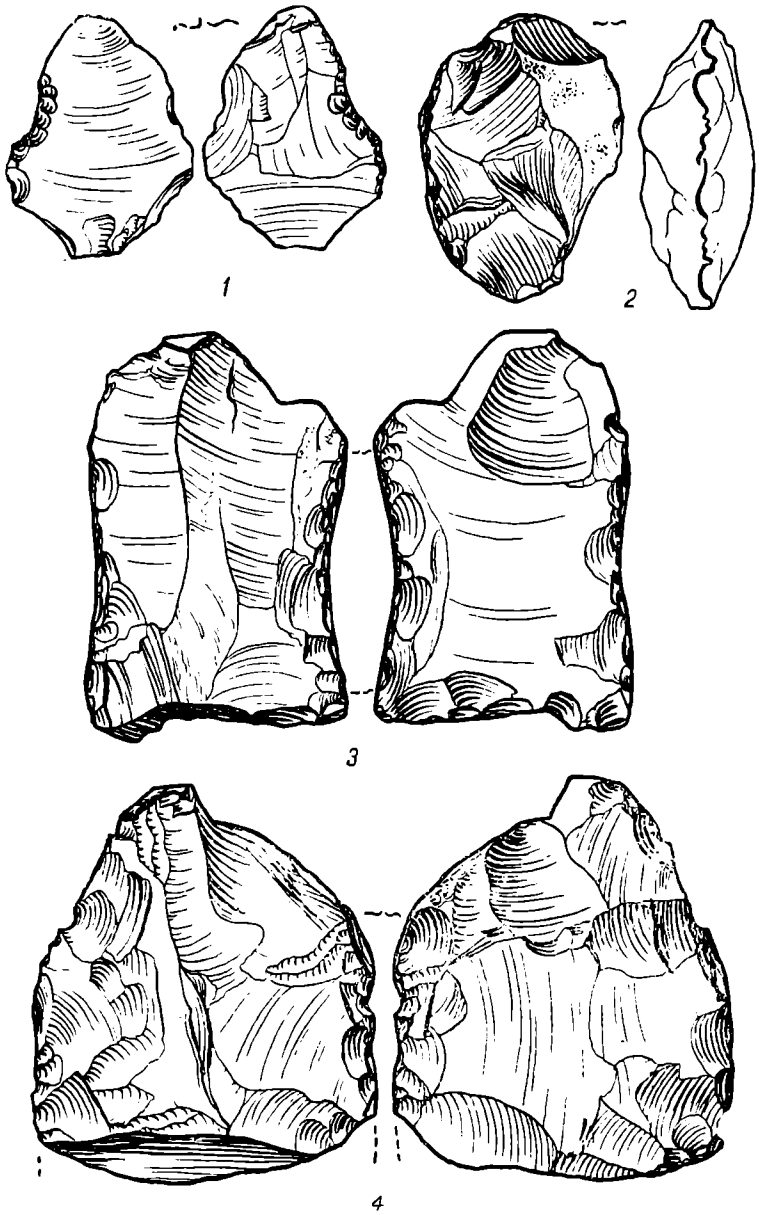

Табл. VI. Кремневые орудия стоянок и поселений эпохи бронзы.

1—4 — пункт *15*.

Кремневый инвентарь имеет отчетливо выраженный поздний характер (табл. V, *5—12*; табл. VI, *1—4*). Он состоит преимущественно из массивных кремневых отщепов, используемых в качестве скребел, и более мелких скребков. Как форма орудий, так и техника их изготовления с очевидностью свидетельствуют о вырождении кремневой индустрии. Здесь нет орудий, тщательно изготовленных с помощью отжимной техники, какие встречались на поселениях предшествующих групп. Ретушь, формующая орудие, крупная, небрежная, полученная в результате сколов,

а не отжима. Однако, нельзя считать имеющиеся в нашем распоряжении орудия за заготовки; этому явно противоречат сильные следы сработанности, наблюдаемые на рабочих частях. Причина упадочности техники изготовления орудий лежит в том, что к тому времени роль кремневой индустрии уже значительно уменьшилась благодаря наличию орудий из металла.

В качестве характерных образцов кремневых орудий этой группы памятников следует указать на наличие значительного количества неправильных дисковидных нуклеусов, со следами сильной сработанности на гранях (употреблявшихся, повидимому, в качестве скребел), и на многочисленные ножевидные пластинки с частичной ретушью по одному из краев.

Наибольший интерес представляет керамический материал, состоящий из обломков сосудов и обмазки. Абсолютное большинство его является частями грубых толстостенных сосудов (до сантиметра толщины), изготовленных из желтоватой глины со значительной примесью крупных зерен кварца (табл. VII, *9*, *10*). Анализ их техники приводит к заключению, что все сосуды изготовлены от руки, без применения гончарного круга. Об этом наглядно свидетельствует внешняя и внутренняя поверхность сосуда, сохранившая следы заглаженности в виде групп параллельных, коротких штрихов, идущих в разных направлениях. Сосуды плоскодонны, имеют прямой или слегка отогнутый край. Подавляющее число фрагментов не орнаментировано совершенно.

Весьма незначительную по численности группу составляют обломки сосудов, изготовленных с помощью тех же технических приемов, что и описанные выше, но внешняя поверхность которых имеет следы орнаментации, сосредоточенной в верхней части сосуда, в непосредственной близости от края, или по его срезу. Орнамент этот как по композиции, так и по технике выполнения, чрезвычайно прост и состоит из двух прочерченных сплошных или прерывистых линий (табл. VII, *11*), которые идут параллельно краю сосуда и напоминают собой отпечатки крученой веревки (табл. VII, *12*). По срезу края сосуда размещен орнамент, тождественный так называемому «ногтевому».

Нельзя не заметить полного соответствия между кремневым и керамическим материалом этой группы поселений. Черты небрежности в технике изготовления кремневых орудий отчетливо прослеживаются и в изготовлении керамики — исключительно грубо приготовленное тесто, крайняя толстостенность, неаккуратность в формовке сосудов. Такого рода керамика и кремневые орудия являются типичными для поселений периода бронзы и раннего металла, когда постепенно отмирают старые традиции, а новые еще не успели занять своего господствующего положения.

Поселения подобного типа, основываясь на выводах П. Н. Третьякова, повидимому, можно датировать IV—VI вв. н. э.[1]

Поселения эпохи железа

Следующую в хронологическом порядке группу обнаруженных нами памятников составляют поселения, которые, судя по характеру их инвентаря, следует отнести несомненно к эпохе железа. Количество их весьма ограничено, и обнаруженный здесь материал малочислен.

В характере кремневого инвентаря трудно заметить существенные изменения по сравнению с инвентарем предшествующей стадии

[1] П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, IX, 1947.

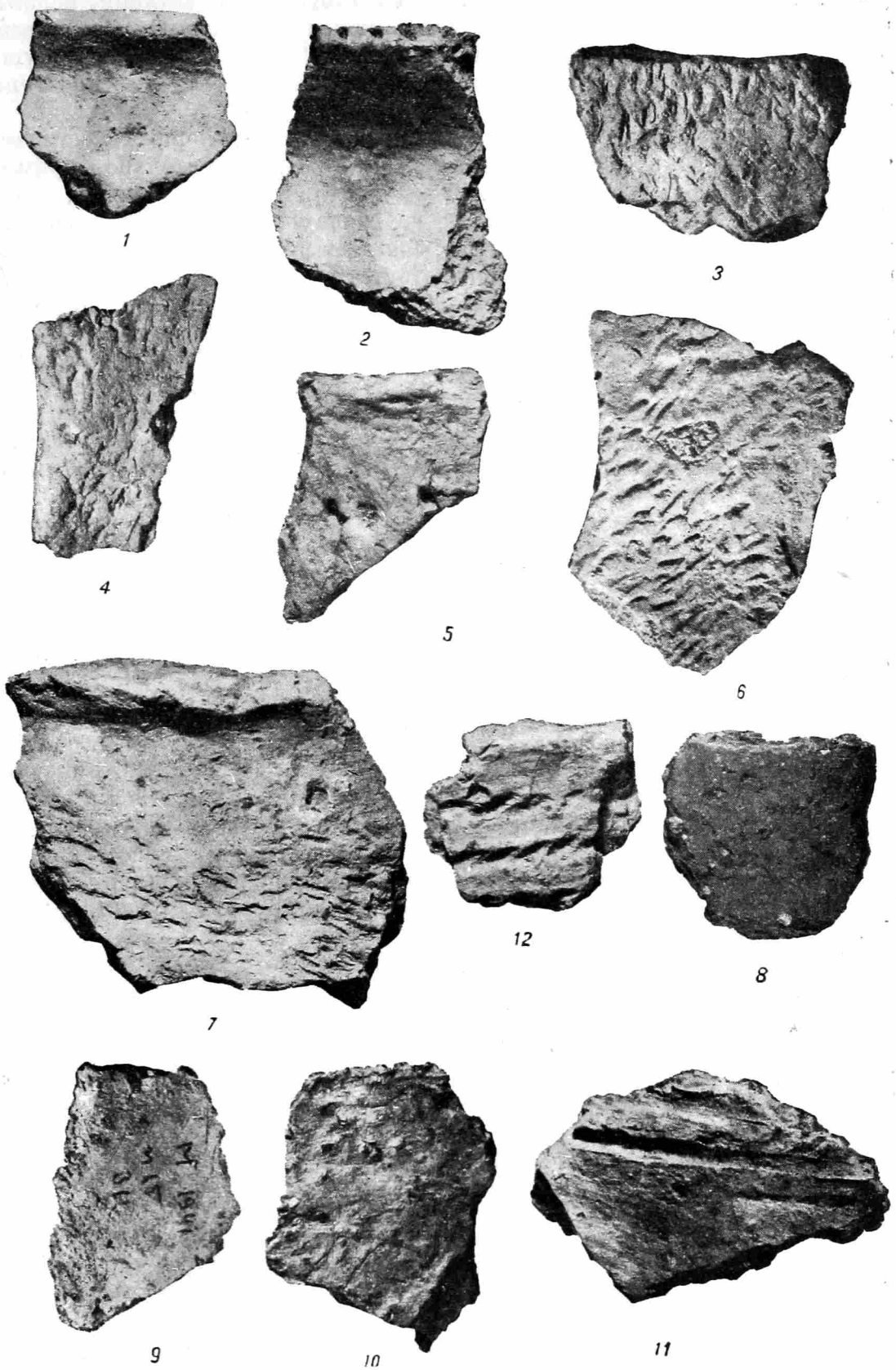

Табл. VII. Керамика стоянок и селищ эпохи бронзы.

(табл. VIII). Попрежнему он состоит из аморфных пластинок, использованных в качестве скребел, скребков, ножей и ножевидных пластинок, а также наконечников стрел листовидной формы с мелкой ретушью. Только отмеченные выше черты небрежности их изготовления проступают здесь еще более отчетливо.

Значительно резче черты различия заметны в керамическом материале. Вместо грубых, толстостенных сосудов, со значительной примесью толченого кварца, мы встречаем здесь достаточно тонкостенные, хорошо обожженные сосуды, изготовленные на гончарном круге. Форма сосудов выражена отчетливо. Край их хорошо профилирован, слегка отогнут наружу. Днище плоское, орнамент отсутствует.

Среди керамического материала этой группы на двух поселениях (пункты *23* и *24*), помимо фрагментов сосудов, были обнаружены обломки глиняных предметов шарообразной формы (табл. VIII, *6*), с отверстием в середине, представляющие собой, очевидно, грузила. Они изготовлены из глины серого цвета, сравнительно слабо обожжены, о чем может свидетельствовать разница в цвете внутренней и внешней части грузил. По своей форме они несколько напоминают напряслица, однако полной аналогии среди верхневолжского материала себе не находят.

Городища

Помимо поселений и селищ эпохи неолита и бронзы, на исследованной нами территории было обнаружено два городища с отчетливо выраженными внешними признаками.

Одно из них (пункт *37*) расположено на правом берегу р. Мсты, против дер. Полоное, на возвышенной песчаной дюне, поросшей сосновым лесом и отделенной от реки (приблизительно на 300 м) низким заливным лугом. Три стороны городища округлы, четвертая, обращенная к пойме,— прямая, с крутым обрывом, который служит естественным укреплением, вследствие чего вал здесь имеется лишь по краю верхней площадки. Три стороны городища окружены двумя расположенными один над другим валами с очень глубокими рвами, отстоящими друг от друга на расстоянии 5 м.

Верхняя площадка городища исключительно ровная, опоясана по краю валом, до 2 м высотой, придающим ей форму блюдца.

Заложенные шурфы не обнаружили наличия культурного слоя. Повидимому, городище не было постоянно обитаемым, а население, жившее по соседству, пользовалось им как убежищем на время нападения врагов. К сожалению, технические причины не позволили нам произвести более детальное обследование.

Второе городище (пункт *13*) находится на левом берегу р. Увери, в расстоянии 3 км от дер. Дубье, в непосредственной близости от мельницы, стоящей на небольшой безыменной речке.

Городище расположено на округлом песчаном холме, возвышающемся среди болота, поросшего крупным сосновым лесом. Крутые склоны его опоясаны двойным рядом валов и рвов. В юго-западной части холма заметно выделяется въезд.

Верхняя площадка городища окружена третьим валом и имеет форму блюдца. Размер площадки 40 × 20 м.

Все внешние признаки городища выражены удивительно отчетливо, структура валов и рвов нигде не нарушена. Однако сама площадка, повидимому, привлекала уже не раз к себе внимание. Помимо большой грабительской ямы, в центре площадки, в некотором расстоянии от нее

заметно несколько более мелких ям, среди которых выделяется одна правильной формы, возможно, остатки старого шурфа.

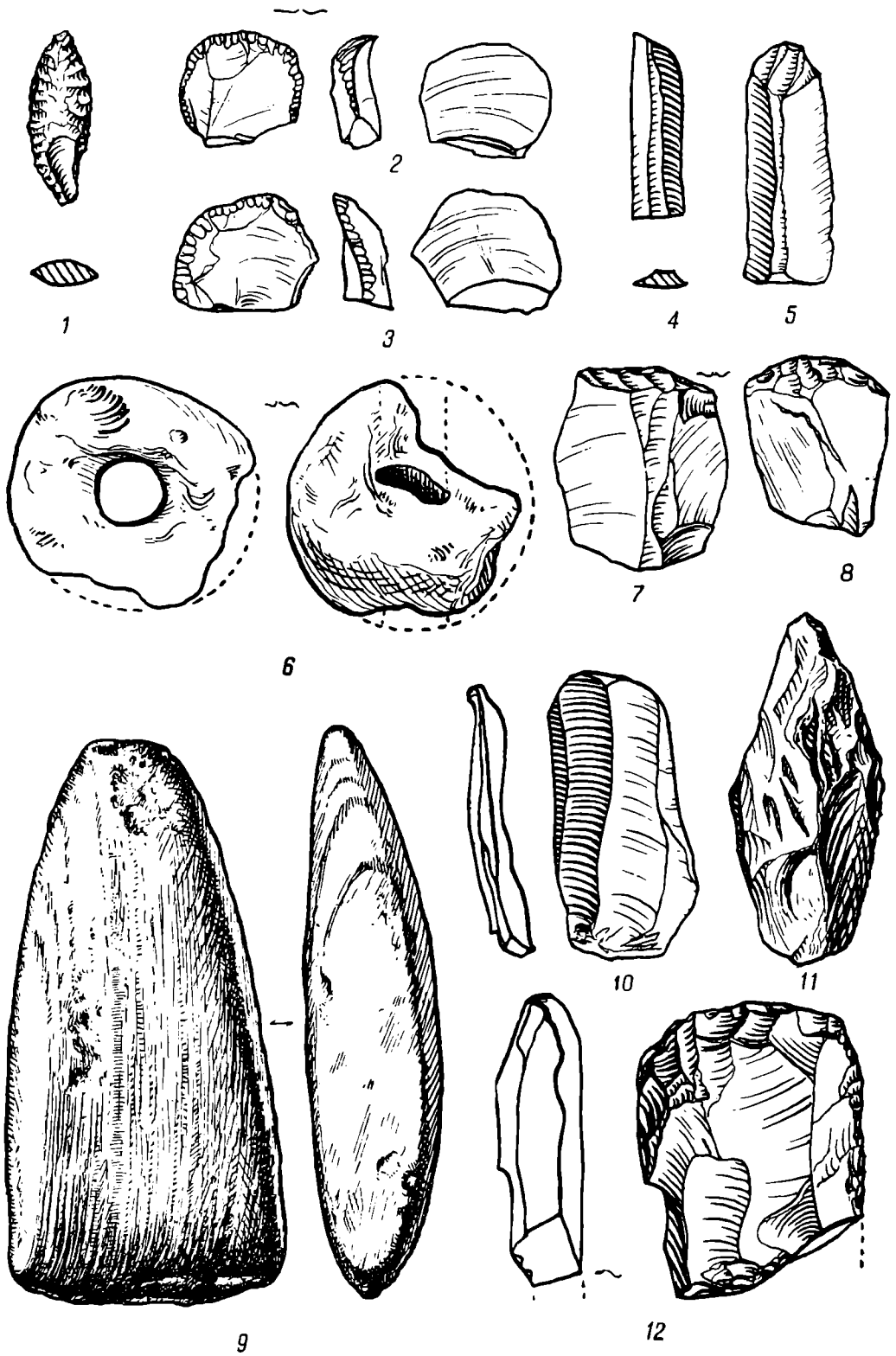

Табл. VIII. Кремневые и сланцевые орудия стоянок эпохи раннего железа.

1—6 — пункт *23*; *7* — пункт *33*; *8*, *9*, *11*, *12* — пункт *23*; *10* — пункт *32*.

При зачистке ее восточной и южной стенок обнаружилось отчетливо прослеживаемое западание несколько темнее окрашенного культурного слоя, шириною 1.5 м, идущего до глубины 0.78 м. Зачистка дна ямы пока-

зала наличие такого же темного слоя, образующего округлое пятно, уходящее под восточную и южную стенку и имеющее в диаметре 2 м.

Судя по размеру и форме западины, можно предполагать наличие здесь жилого комплекса. Отсутствие достаточного количества времени для детального исследования заставило нас ограничить свои работы только зачисткой стенок вырытого до нас шурфа с тем, чтобы не нанести памятнику неизбежного при поспешных работах ущерба.

Даже частичная зачистка ямы показала насыщенность культурного слоя керамикой. Последняя отличается большой однородностью. Это обломки очень грубых толстостенных сосудов с примесью дресвы, вылепленных без применения гончарного круга (табл. VIII, *8*). Внешняя поверхность их совершенно лишена орнамента. Помимо керамики была встречена тонкая медная пластинка, украшенная выпуклыми глазками, служившая, повидимому, обкладкой, а также обломки костяного острия.

Исходя из отчетливо выраженной формы обоих городищ и характера керамики на городище *13*, можно сделать заключение, что они не могут относиться к ранней стадии культуры городищ дьякова типа, а являются, повидимому, отражением ее заключительного этапа и, возможно, увязываются с раннеславянскими памятниками данного района.

***

Таковы основные итоги кратковременного обследования археологических памятников среднего течения р. Мсты, — района, который несомненно заслуживает более детального изучения.

К. В. САЛЬНИКОВ

ХВАЛЫНСКО-АНДРОНОВСКИЕ КУРГАНЫ у с. ПОГРОМНОГО

Летом 1937 г. по поручению Чкаловского областного краеведческого музея мною было произведено исследование группы курганов у с. Погромного Тэцкого района Чкаловской области.

Проводивший в 1922 г. в б. Бузулукском уезде археологическое обследование член Самарского общества краеведения Г. П. Плющенко в своем дневнике указывает на нахождение близ с. Погромного трех курганных групп.

При проверке сведений Г. П. Плющенко мною найдена лишь одна курганная группа, где и были проведены раскопки.

Вторая группа, надо полагать, распахана, как и часть курганов первой, так как местность, на которой стояли эти курганы, после 1922 г. (когда их обследовал Плющенко) обрабатывалась тракторами.

Третья группа Плющенко, видимо, находится под новой Погромнинской школой.

Мною зарегистрирована новая группа курганов, не замеченная Г. П. Плющенко. Она расположена в 0.5 км от села по дороге на станцию железной дороги и состоит из трех насыпей высотой 0.60—1.5 м при диаметре 20—30 м.

Группа, на которой произведены были мною раскопки, находится в 1 км к ЮЗ от села на невысоком распахивающемся сырту. В нее входит 8 курганов,[1] тянущихся цепочкой с ВСВ на ЗЮЗ. Высота насыпей 0.30—1.5 м, диаметр 10—26 м. Один из курганов имел удлиненно-овальную форму, остальные были круглые. У основания наиболее крупных — следы небольших ровиков.

Мною раскопано два кургана — №№ 4 и 5.

Курган № 4

Выс. — 0.70 м, дл. ВСВ—ЗЮЗ — 26 м, шир. (перпендикулярно к оси длины) 14—15 м. Поскольку длинная ось насыпи совпадает с направлением цепочки всей группы, можно было предполагать, что здесь слились насыпи двух курганов. Поэтому исследование кургана велось двумя раскопами. Круглый раскоп диам. 14 м вскрыл зап.-юго-зап. половину кургана. Насыпь сносилась четырьмя секторами с временным оставлением бровок, расположенных по странам горизонта. Вторая половина насыпи снесена прямоугольным раскопом шир. 12 м, примыкавшим к первому

[1] По подсчету Г. П. Плющенко — 11 насыпей.

раскопу. Он также временно был разбит на четверти бровками, расположенными крестообразно. Одна шла по продольной оси кургана, вторая — перпендикулярно к ней (рис. 1).

Курган № 4 дал 7 погребений: шесть трупоположений и одно трупосожжение.

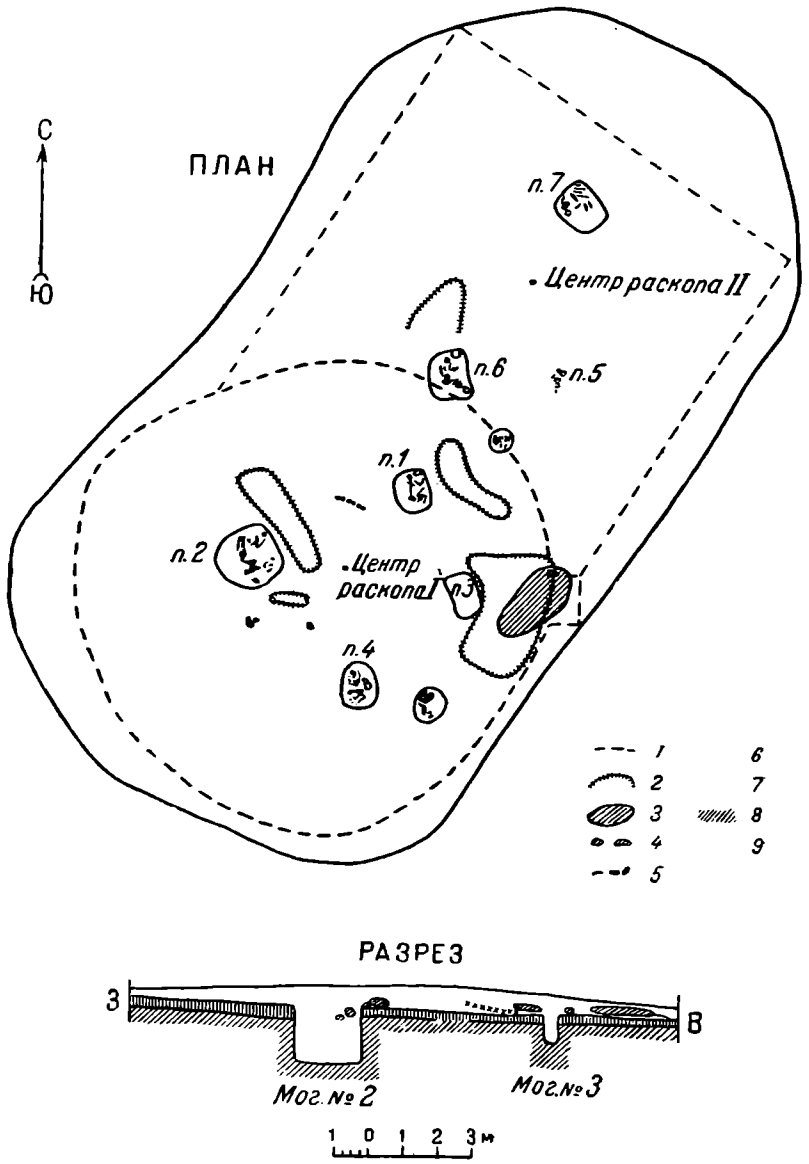

Рис. 1. План и разрез кургана № 4.

1 — граница раскопа; *2* — граница выкида; *3* — зольник; *4* — сосуды и черепки; *5* — кости; *6* — граница подсыпки; *7* — граница рва основного кургана; *8* — грунт и пятна выкида; *9* — слой древнего чернозема.

Погребение № 1 находилось в центральной части кургана. На дне могильной ямы овальной формы (дл. 1.30 м, шир. 0.90 м, глуб. 0.70 м)[1] помещался костяк в скорченном положении на левом боку, головой к С.

Бедра согнуты под прямым углом к позвоночнику, кисти рук перед лицом.

Перед лобной частью черепа — раздавленный глиняный сосуд. Вдоль восточной стенки могилы, в верхней части насыпи — сильно истлевшее бревно.

[1] Глубина в кургане № 4, если не оговорена особо, показана от уровня древней поверхности.

Фрагмент края сосуда (рис. 2) баночной формы, с округлыми плечиками. Поверхность буро-черного цвета, в глине большая примесь толченых раковин. Орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, образует на шейке девять рядов пунктирных линий, сгруппированных по три. Верхние группы линий разделяют два ряда угловых вдавлений. По плечикам меандр из заштрихованных резьбой полос. Диам. края сосуда 23 см.

Погребение № 2 расположено в юго-западной части кургана. Большая могильная яма имеет неправильно-округленную форму, которая получилась, видимо, в результате обвалов стенок, состоящих в значительной части из песка. Диам. могилы около 2 м, глуб. 1.35 м. Засыпку пронизывал обвалившийся накатник из бревен толщиной 20—25 см, которые шли в широтном направлении. У северной стены в засыпке встречена бабка коровы. На дне могилы — костяк в скорченном положении, на левом боку, головой к С. Правое бедро согнуто под прямым углом к позвоночнику, левое под тупым. Кисти рук у лица. Кисть правой руки еще в сочлененном состоянии отошла от туловища к В. Череп также отошел от туловища на 40 см к СВ. Лицевые кости и нижняя челюсть отсутствуют. Здесь прошла крупная нора. Несколько южнее колен — два ребра крупного животного. Против колен, у восточной стенки могильной ямы — остатки костяка ребенка 8—10 лет.

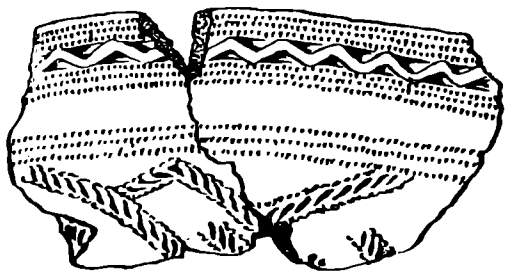

Рис. 2. Фрагмент края сосуда из погребения № 1.

Погребение № 3 расположено к ЮЮВ от погребения № 1 и имеет ту же ориентировку. Дл. 1.5 м, шир. 0.90 м, глуб. 1.10 м. Могильная яма подчетырехугольной формы с округлыми углами.

На дне могильной ямы слой золы толщиной 13 см с редкими мелкими пережженными косточками и комками ошлаковавшегося в костре песка. В толще засыпки встречены гнилушки обвалившегося накатника, который лежал поперек ямы, три ребра и зуб лошади, астрагал овцы, 3 черепка (один с орнаментом из резных городков) и кусок обожженной глины.

К В от могильной ямы на древнем горизонте оказался зольник овальной формы, вытянутый с СВ на ЮЗ. Он покрывал площадь 2.5 × 1.5 м и имел в средней части толщину до 20 см. Вся масса золы пропитана комками ошлаковавшегося песка. В северо-восточной части зольника собрано несколько незначительных кусочков пережженной кости. Поверх золы в центре зольника найден бок от того сосуда, черепки которого были встречены в засыпке могилы.

Зольник почти примыкает к юго-восточному углу могильной ямы погребения № 3, за исключением самой восточной части, покрыт выкидом, начинающимся непосредственно от могилы. Поверх выкида в его западной части найдено несколько скоплений ошлаковавшегося песка, осколок раковины-двухстворки, кость животного и черепки. Отдельные шлаки встречены и вокруг зольника.

В профили бровки ВЗ у западного угла погребения № 3 прослежена граница присыпки. Последнее обстоятельство, а также соотношение зольника, выкида и могильной ямы № 3 позволяют утверждать, что трупосожжение было совершено на древнем горизонте возле уже существовавшей насыпи кургана, сооруженного, видимо, над погребением № 2. Затем у основания кургана была вырыта яма, выкид которой покрыл зольник, и в нее помещен прах покойника вместе с частью черепков сосу-

дов и костей животных с мясом. Кости следов пребывания на огне не имеют.

Фрагмент края сосуда (рис. 3) из зольника — горшечно-баночной формы. В глине большая примесь толченых раковин. Вдоль края ряд косых насечек. На нижней части шейки заштрихованные треугольники, нанесенные резьбой. По плечикам — резной орнамент, состоящий из зигзага, заключенного между двумя горизонтальными линиями. Диам. края 14 см.

Погребение № 4 овальной формы, находилось в южной части кургана в грунтовой яме дл. 1.2, шир. 0.95, глуб. 0.95 м. На дне могильной ямы — костяк в скорченном положении, на левом боку, головой к С. Правое бедро согнуто под острым углом к позвоночнику, левое — под тупым. Кисти рук у лица. Под восточной стенкой могилы — 2 глиняных сосуда.

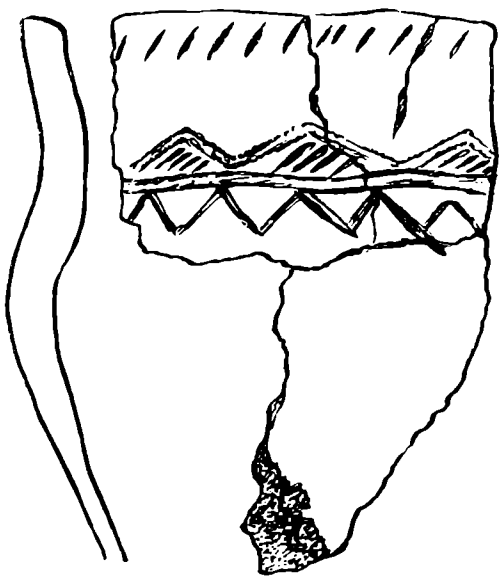

Рис. 3. Фрагмент края сосуда из погребения № 3.

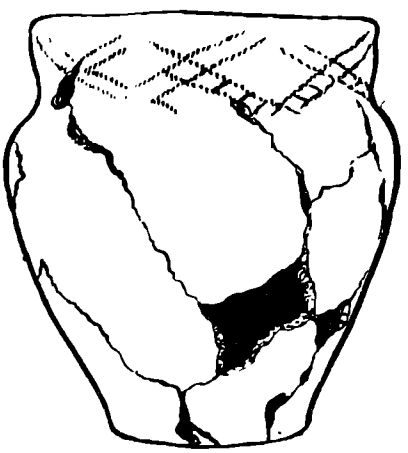

Рис. 4. Сосуд горшечно-баночной формы из погребения № 4.

В верхней части засыпки у западной стенки могилы найдена челюсть овцы, а в северо-западном углу на глубине 1.40 м — ребро лошади. В толще засыпки встречались незначительные гнилушки. В 1.15 м к В от могилы оказалась ямка округлой формы размером 0.80—1 м, углубленная в грунтовую глину на 35 см. На дне ее находились кости черепа и двух ног коровы в сочлененном состоянии.

Большой сосуд горшечно-баночной вытянутой формы со слегка вздутыми плечиками (рис. 4). Поверхность его имеет неравномерную окраску с серыми и черными пятнами. В глине большая примесь толченых раковин. Орнаментирован сосуд по шейке городками, состоящими из гребенчатых полос, заштрихованных внутри глубокими резными насечками. Выс. сосуда 20 см, диам. края 18.4 см, дна 10.5 см. На внутренней поверхности дна и нижней части стенок слой черного нагара.

Малый сосуд горшечно-баночной формы. Поверхность черного цвета. В глине большая примесь толченых раковин. По низу шейки и по плечикам орнаментирован зигзагами, нанесенными мелкими вдавлениями. Леплен грубо. Высота 13 см, диам. края 15 см, дна 9 см.

Погребение № 5. В центре юго-восточной четверти раскопа II, на древнем горизонте обнаружен совершенно истлевший костяк детского погребения. Развалившийся череп и незначительные следы отдельных костей

все же дают возможность установить, что положение костяка было такое же, как и в других могилах этого кургана. К востоку от черепа находился небольшой сосудик баночной формы.

Сосуд (рис. 5) баночной формы со слегка суживающимся краем. Леплен грубо, не симметрично. Цвет поверхности серый. В глине большая примесь толченых раковин. Орнаментирован по краю вертикальными вдавлениями, ниже них ряд из 10 крестов. Орнамент нанесен очень глубоким вдавлением гребенчатого штампа и создает впечатление резного. Выс. 7 см, диам. края 12.5 см, дна 7 см.

Погребение № 6 находилось в средней части кургана (к ССВ от погребения № 1) в грунтовой яме подпрямоугольной формы с округлыми углами (дл. 1.4 м, шир. 1.15 м, глуб. 1.15 м). На дне могилы костяк в скорченном положении, на левом боку, головой к С. Правое бедро подогнуто под прямым углом к позвоночнику, левое под тупым. Правая рука также более подтянута. Фаланги пальцев ее находятся под левой щекой. Кисть

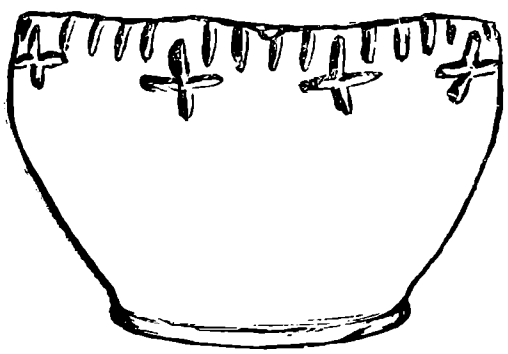

Рис. 5. Сосуд баночной формы из погребения № 5.

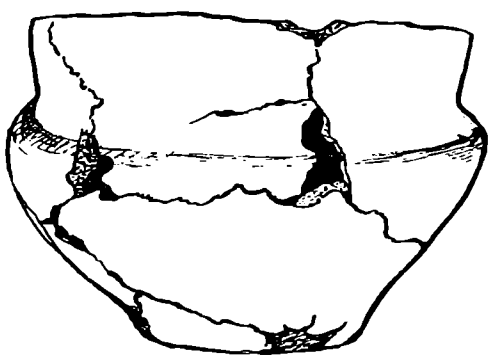

Рис. 6. Горшок из погребения № 6.

левой руки перед лицом. Череп несколько отклонен к В. Под костяком прослежен двухслойный тлен: нижний сероватого цвета, верхний — буро-желтого.

За черепом в северо-восточном углу и у колен в юго-восточном углу могильной ямы стояли два глиняных сосуда горшечной формы. Внутри черепа найдено бронзовое спиральное височное кольцо обычного хвалынского типа. Такое же кольцо, но обложенное тонкой пластинкой золота обнаружено под черепом. Правая височная кость густо покрыта окисью меди.

В могильной засыпке на глубине 1.43 м встречены кости ног коровы и теленка, видимо, лежавшие на накатнике, так как на том же уровне местами прослеживаются незначительные гнилушки, идущие поперек могилы. В 1.35 м к ЮВ от могилы в круглой ямке диам. 0.70 м, врезавшейся на 0.15 м в грунтовую глину, обнаружены очень плохой сохранности кости черепа и двух ног коровы.

Сосуд из северо-восточного угла могилы (рис. 6) имеет форму приземистого горшка со слегка отогнутым краем, с сильно раздутыми плечиками и сильным перегибом на грани шейки и плечиков. Поверхность в буро-серых пятнах. В глине большая примесь толченых раковин. Не орнаментирован. Выс. 12 см, диам. края 17 см, дна — 9.5 см. Сосуд из юго-восточного угла могилы (рис. 7) горшечно-баночной формы с округлыми плечиками. Поверхность в нижней части желтого цвета, в верхней серо-черноватая. На внутренней поверхности ясные следы заглаживания в виде бороздок. В глине большая примесь толченых раковин. Орнаментирован вдоль края пояском из косых насечек, по шейке —

зигзагом из заштрихованной полосы, по плечикам 8 заштрихованными ломаными полосами. Зигзаг и зеты нанесены глубоким вдавлением гребенчатого штампа, что создает впечатление резьбы. Выс. 16.5 см, диам. края 19.4 см., дна 9 см.

Погребение № 7 расположено в вост.-сев.-вост. конце кургана. Грунтовая могильная яма имеет подпрямоугольную форму, дл. 1.8 м, шир. 1 м, глуб. 1.20 м. Возле дна в засыпке по всей площади могильной ямы встречены в беспорядке кости человека, сгруппированные преимущественно в северной половине. Здесь же найден большой черепок глиняного сосуда, орнаментированный меандром.

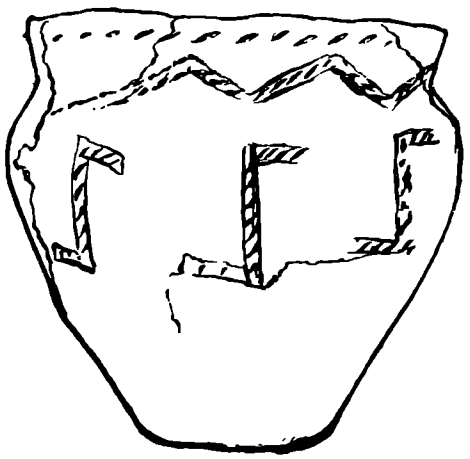

Рис. 7. Сосуд горшечно-баночной формы из погребения № 6.

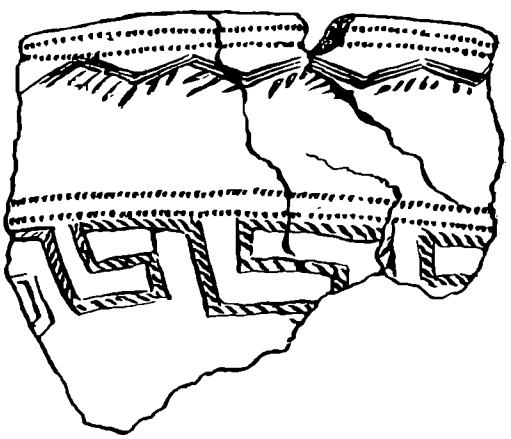

Рис. 8. Фрагмент сосуда из погребения № 7.

Погребение разграблено. Прослежена грабительская яма в виде обширного пятна — выброшенный грунтовой песок и глина. На небольшом сохранившемся в юго-восточной части могилы участке дна прослежен тлен подстилки желто-зеленоватого цвета.

Фрагмент сосуда (рис. 8) в форме приземистого горшка. Над плечиками резкий уступчик. Посредине шейки валик. Поверхность кирпичного цвета, слегка залощенная, изнутри следы сглаживания. По венчику двойной гребенчатый поясок, тройной резной зигзаг и насечки. По плечикам двойной гребенчатый поясок и меандр из заштрихованных резных полос. Выс. 13.5 см, диам. края 15.2 см, дна 8.2 см.

Курган № 5

Выс. 0.75 м, диам. ВЗ 23 м, СЮ 25 м. Раскопка велась по секторам с временным оставлением бровок между ними. Под центром насыпи обнаружена могильная яма неправильной пятиугольной формы, глуб. 1 м от древней поверхности. По всей вероятности, первоначально яма была меньших размеров и более четких очертаний, но песок, из которого состоит низ стенок, затек в пустоту ямы, а глина в верхней части стенок рухнула вместе с накатником. Последний состоял из бревен толщиной 0.20 м и покрывал могильную яму поперек. Обвалившийся накатник вместе со слоем глины непосредственно под гнилушками бревен опускался наклонно от стенок к центру могильной ямы. Поверх накатника оказался тлен толщиной до 0.03 м серо-белого цвета.

На дне могилы костяк мужчины в скорченном положении на левом боку, головой к С. Отсутствуют кости кистей, верхней части позвоночника, череп и часть ребер. Некоторые из этих костей оказались над костяком

в засыпке могильной ямы, куда они затащены грызунами по большой норе, которая прошла через северную часть могилы. Кости стоп и колени слабо окрашены в красноватый цвет.

Выше таза у позвоночника небольшой уголек. У левого колена отдельные кусочки мела. Мел залегал также под позвоночником в виде посыпки. Под костяком — тлен желто-зеленоватого цвета от подстилки. По всему дну могильной ямы под подстилкой встречены отдельные комочки красной красящей глины (охры?).

Южнее колен, на дне могилы — позвоночник молодого теленка. В двух метрах к Ю от могилы на уровне древнего горизонта — грудка костей: череп и кости ног коровы.

***

Раскопки у с. Погромного дают ценные факты, значительно расширяющие наши познания об эпохе бронзы в южном Приуралье. Особенно интересен курган № 4. Он сочетает в себе черты, характерные, с одной стороны, для срубно-хвалынской культуры Поволжья, с другой — андроновской культуры Западной Сибири, южного Приуралья и Зауралья.

Курган № 5, не давший никаких вещей, должен быть отнесен по положению костяка к срубно-хвалынским памятникам. Как он, так и большинство погребений кургана № 4, дают удивительно выдержанный и однообразный обряд погребения. За исключением одной могилы с трупосожжением, в прочих погребениях покойники помещены в неглубокие могильные ямы овально-подпрямоугольной формы. Костяки, как правило, ориентированы на север, иногда с небольшим отклонением к западу и положены на левый бок скорченно, с подогнутыми руками и ногами. Обращает на себя внимание сходство в положении костяков даже в деталях. Так из четырех хорошо сохранившихся в кургане № 4 погребений, в трех ноги были подогнуты совершенно одинаково: правое бедро находилось под прямым углом к позвоночнику, левое — под тупым.

В процессе раскопок удалось установить явные следы сооружения насыпи кургана № 4 путем ряда последовательных присыпок, которые увеличивали курган в северо-восточном направлении. Об обнаружении границы присыпки в разрезе кургана уже говорилось при описании погребения № 3.

Кроме того, к северо-востоку от погребения № 2, которое надо рассматривать как древнейшее, установлены следы рва или выемки, из которой бралась земля при сооружении первоначальной насыпи. Наросту насыпи в указанном нами направлении соответствует соотношение могильных ям и выкидов. Последние, как правило, помещались к северо-востоку и северу от могилы, никогда не налегая на уже существовавшую в момент сооружения могильной ямы насыпь.

Ориентировка костяков головой к С, положение на левый бок, слабая скорченность, которая наблюдается в Погроменских курганах, характерны для срубно-хвалынской культуры, точнее — для ее последней стадии «С» по классификации саратовских археологов. В керамике же кургана № 4 наравне с хвалынскими формами мы имеем сосуды, совершенно не свойственные этой западной поволжской культуре, а наоборот, типичные для андроновских памятников. К последним относятся в первую очередь сосуд из погребения № 1, украшенный меандром из заштрихованных полос (рис. 2); сосуд из погребения № 7, также с меандром в составе орнамента (рис. 8); один из сосудов из погребения № 6, по плечикам которого идет ряд ломаных полос (рис. 7). К ним примыкает большой сосуд из погребения № 4 (рис. 4). По форме он не типичен для андроновской культуры, но среди андроновских памятников южного

Приуралья встречаются, как исключение, указывая на западное влияние, совершенно аналогичные узкие вытянутые вверх сосуды, иногда и с орнаментом, сходным с орнаментом нашего сосуда.[1]

Прочие сосуды ближе стоят к керамике хвалынских памятников, для которых характерна посуда горшечно-баночной формы, украшенная городками (рис. 3), и сосуды баночной формы (типа, указанного на рис. 5).

Обряд погребения через трупосожжение в срубно-хвалынских памятниках встречается в единичных случаях. Из ближайших территориально к погроминским курганам мне известны (по раскопкам Куйбышевских краеведов в 20-х годах) трупосожжения в кургане № 1 у кордона Деркул Уральской области и в кургане у с. Домашка б. Бузулукского уезда.[2] Для андроновских же памятников южного Зауралья (Челябинская обл.) обряд трупосожжения обычен на ранней стадии развития этой культуры.[3]

В погроменском кургане № 4 погребение № 3, совершенное по способу трупосожжения, не является древнейшим, да и различие во времени сооружения отдельных могил кургана № 4 не может выходить за пределы нескольких десятилетий. Погребение № 3 надо рассматривать как пережиток пройденного этапа. Челябинские курганы с трупосожжением резко отличаются от более поздних курганов с трупоположением того же района: типом и орнаментом керамики, сопровождающими костями животных и т. д. В курганах с трупосожжением полагались кости лошади (ребра, лопатка, таз), в погребениях с трупоположением — кости коровы и овцы (черепа, ноги). Ту же картину мы видим и в погребениях кургана № 4. Из 44 костей животных, найденных в этом кургане, только 4 относились к лошади и все они оказались ребрами, причем 3 из них связаны с погребением с сожжением. Остальные 40 костей — черепа и кости ног коровы и овцы — относились к погребениям с трупоположением. Чем объясняется такое сосуществование двух обрядов погребения, пока не ясно.

Наличие в погребальном обряде и инвентаре кургана № 4 у с. Погромного черт, свойственных разным культурам бронзовой эпохи, не является неожиданным.

Б. Н. Граков еще в 1930 г. указывал,[4] что граница между площадью распространения андроновских и срубно-хвалынских памятников эпохи бронзы должна проходить где-то между Чкаловым и Бузулуком. Описываемая группа курганов находится как раз в этом районе и является первым документальным подтверждением стыка в Оренбургских степях европейских и азиатских форм бронзовых культур. Другой подобный памятник со смешанными чертами обнаружен на территории соседней Башкирии. В кургане № 7 у пос. Кашкара близ г. Ишимбая из двух погребений одно носило черты срубно-хвалынской культуры, другое содержало сосуд типично андроновской формы и орнаментации.[5]

Не лишена интереса такая подробность: у скорченного костяка первого погребения, лежавшего на левом боку головой к северо-западу,

---

[1] Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА СССР, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 72, рис. 5, *3*.

[2] Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области, т. I, 1926.

[3] К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у села Федоровки. МИА СССР, вып. 1. М.—Л., 1940. — С. Н. Дурылин. Челябинские курганы. Материалы по изучению Челябинского округа, т. I. Челябинск, 1927.

[4] Б. Н. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Каз. изд., 1930.

[5] П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Гор. Уфа — ст. Ишимбаева. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 140—142.

кисть правой руки оказалась под левой щекой, совершенно так же, как в погребении № 6 кургана № 4 у с. Погромного.

Древнее население, оставившее нам Погроминские курганы, занималось, как устанавливается по ряду изученных курганов и поселений этой эпохи, пастушеским скотоводством и мотыжным земледелием и находилось на патриархальной стадии родового общества. Покойники погребений кургана № 4 объединены под одной общей насыпью по признаку каких-то тесных родственных связей. Вероятнее всего, этот курган является усыпальницей большой патриархальной семьи, а группа курганов в целом — родовым кладбищем.

Как носящий черты поздней стадии хвалынской культуры — стадии «С» — курган № 4 должен быть отнесен к самому концу второго тысячелетия до н. э. Но наличие трупосожжения и преобладание в керамике гребенчатого орнамента заставляют рассматривать его как памятник более ранний. Наиболее приемлемой датой надо считать XIII—XII вв. до н. э.

М. М. ИВАЩЕНКО

КУВШИННЫЙ МОГИЛЬНИК В ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

Кувшинные погребения встречаются во всех республиках Закавказья, в том числе и в Грузии, как в Западной, так и Восточной. Число обнаруженных в Грузии кувшинных могильников довольно велико, но лишь немногие из них были обследованы.

В Западной Грузии из числа семи известных могильников этого типа было планомерно раскопано только два — в сел. Даблагоми, Самтредского района[1] и в сел. Парцханаканеви, Кутаисского района. В настоящей статье дается описание могильника в сел. Парцханаканеви.

Сел. Парцханаканеви находится в 14 км в ЮЗ от Кутаиси. Это обширное селение расположено на плоской равнине, почти вся поверхность которой покрыта крупной окатанной галькой. Могильник был обнаружен случайно при посадке персиковых деревьев нового колхозного плодового сада. Раскопка могильника была произведена в декабре 1937 г.

Раскопкой было обнаружено всего 14 погребений, расположенных отдельными гнездами, на некотором расстоянии друг от друга. Всего таких гнезд или групп обнаружено три. В одном было восемь погребений, в другом — три, в третьем — два погребения. Последнее, 14-е погребение было обнаружено отдельно, к северу от второй группы.

Способ погребения. При погребении выкапывалась яма глубиной около 1.5 м, длиной также около 1.5 м и шириной около 1.00 м. Погребальный сосуд распиливался по его продольной оси от венчика до дна на две равные половины. Одна половина устанавливалась на дне могильной ямы, причем с боков обычно укреплялась крупными булыжниками. На дне этой нижней половины пробивалось от одного до трех небольших отверстий. Назначение их — дать сток дождевой воде, а может быть, и для стока жидких продуктов разложения.

В эту нижнюю половину сосуда укладывался труп умершего вместе с погребальным инвентарем. Затем нижняя половина прикрывалась, как крышкой, другой половиной сосуда. Горло сосуда в большинстве случаев закладывалось, как пробкой, большим булыжником, а поверх горла надевалась донная часть крупного сосуда, часто амфоры. После этого все погребение засыпалось землей. Верхняя, наиболее выпуклая сторона погребального сосуда находилась от поверхности почвы на глубине около 0.40 м (рис. 1).

---

[1] С. И. Макалатия. Археологические находки в Грузии: в сел. Сакобиано, Даблагоми и Аганани. Вестник Гос. Музея Грузии, XI-B, Тбилиси, 1941, стр. 81—90 (на груз. яз.).

В Парцханаканеви все погребальные сосуды ориентированы с севера на юг, причем горло большей частью обращено к югу.

Способ погребения в Парцханаканеви не является общим для всех кувшинных могильников Грузии. В Даблагоми, наряду с ним, применялся и другой — захоронение в вертикально вкопанном сосуде. При этом погребальный сосуд устáнавливался в могильной яме вертикально, вверх дном. Приходившаяся вверху донная часть его отбивалась, а в наиболее широкой части клался большой обломок сосуда, которому иногда

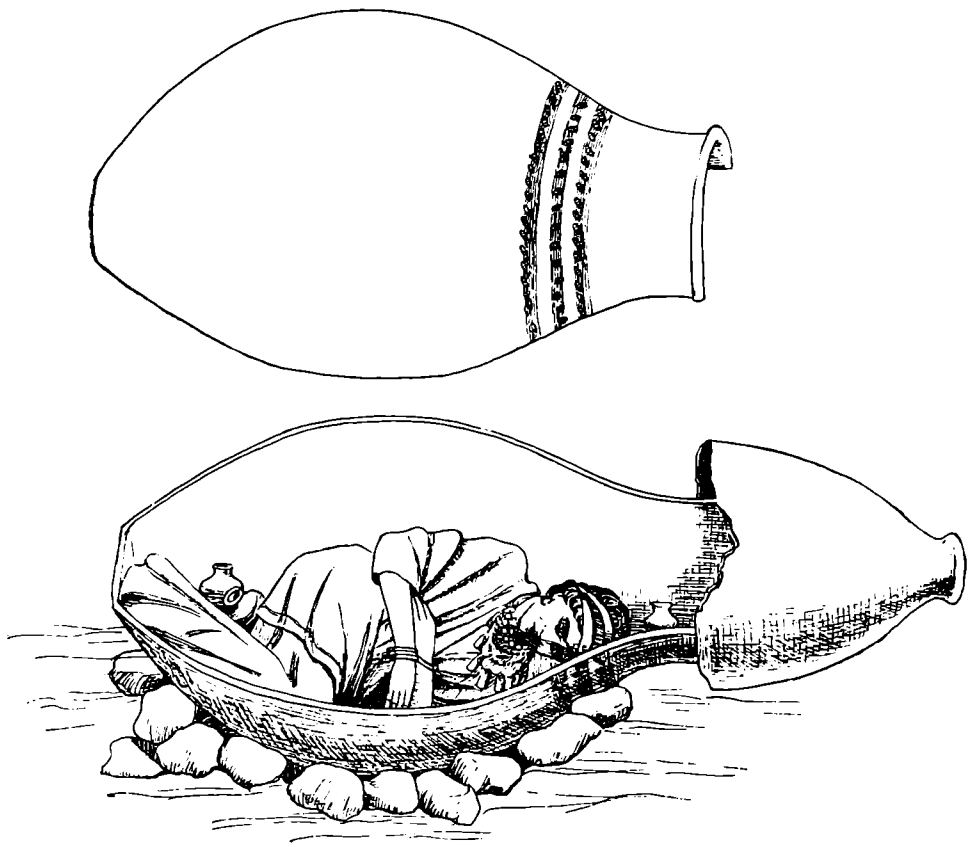

Рис. 1. Реконструкция кувшинного погребения в Парцханаканеви.

придавалась округлая форма. В этой, наиболее широкой части сосуда укладывался труп на боку в сильно согнутом положении.[1]

В Восточной Грузии, в Самтаврском некрополе (Мцхета), погребальные сосуды имели горизонтальное положение. Труп укладывался в них через отверстие, выломанное в боковой стенке сосуда. Выломанная часть затем опять клалась на свое место.

В существующих описаниях погребений в одиночных горизонтально лежащих сосудах обычно не указывается как вкладывался труп. Очевидно, предполагалось, что труп укладывался через горло сосуда. Между тем, это наименее вероятное предположение. Почти невозможно уложить труп, придав ему определенное положение, и установить в надлежащем порядке погребальный инвентарь через горло сосуда.

В Парцханаканеви, как и во многих других пунктах Западной Грузии, кости сохраняются очень плохо. Часто от костей остаются только коронки зубов. Поэтому установить точно положение костяков во всех погребениях не удалось. Судя по наиболее сохранившимся, умершие клались на правом боку в согнутом положении, головой к горлу сосуда.

---

[1] С. И. Макалатия, ук. соч.

Погребальные сосуды сработаны из бурой глины с черной поверхностью, толщина стенок в среднем около 0.02 м. Форма туловища почти сферическая, горло невысокое с маленьким венчиком, дно небольшое, плоское.

Средние размеры: высота с горлом немного более 1.00 м, наибольший диаметр несколько меньше 1.00 м. Встречались сосуды и меньших размеров, «детские». Один из них имел высоту 0.65 м и наибольший диаметр 0.60 м. Наибольший размер имел сосуд из погребения «Д». Высота его 1.25 м, наибольший диаметр 1.00 м, высота горла 0.20 м.

Большая часть погребальных сосудов орнаментирована. Орнамент частью углубленный, частью выпуклый, налепной. У одних он ограничивался пояском на плечиках сосуда, у других покрывал почти все тулово. Углубленный орнамент составлен из насечек, расположенных елочкой;

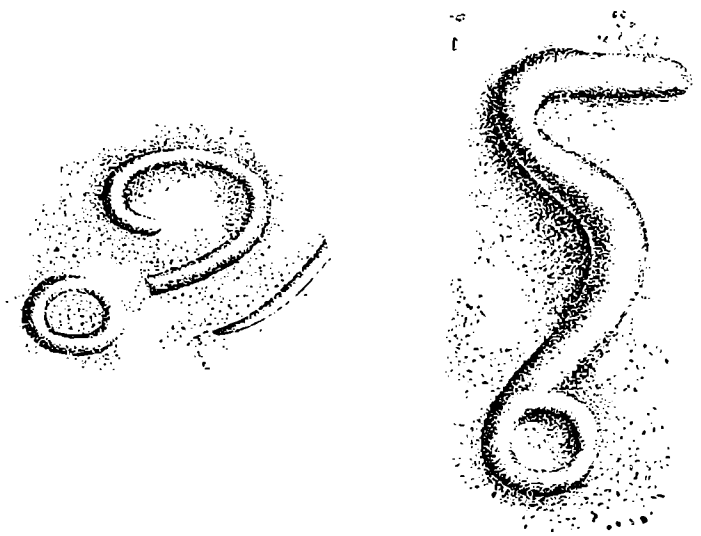

Рис. 2. Знаки на плечиках сосудов.

налепной состоит из полосок, идущих вертикально, или образующих углы и шевроны. Вертикальные полоски обычно заканчиваются плоскими кружками.

На четырех сосудах на плечиках были знаки. Один углубленный в виде греческой буквы М, остальные выпуклые (рис. 2). По всей вероятности, это или родовые знаки, или знаки горшечников. Сходные знаки были и на погребальных сосудах в Даблагоми.

Поверхность у всех погребальных сосудов в Парцханаканеви черная, иногда лощеная, а иногда штрихованная с одной или с обеих сторон.

Погребальный инвентарь состоял из небольших глиняных сосудов, серебряных и бронзовых украшений, монет «колхидок», бус и подвесок, главным образом, из стекла и пасты. Кроме того, во всех погребениях было обнаружено небольшое количество мелких угольков.

Глиняные сосуды были почти во всех погребениях. Из нетронутых погребений только в одном, повидимому, детском, сосудов не было. Число сосудов в отдельных погребениях от одного до трех. Ставились они большей частью в головной (южной) части погребального сосуда. По форме это, главным образом, небольшие кувшинчики или горшочки, те и другие с ручками. Кувшины имеют высоту от 0.12 м до 0.18 м, почти сферические туловища, узкое короткое горло с отогнутым венчиком, дугообразную ручку, верхний конец которой приходился у венчика, и плоское без поддона дно (рис. 3). Бывают они гладкие без орнамента и с орнаментом. У одного из кувшинов типичной формы туло-

вище почти сплошь покрыто орнаментом в виде гребенчатой волны, поверх которой нанесена сетка из пересекающихся лощеных полосок, образующих ромбы; посреди туловища — широкая лощеная полоса. Совершенно аналогичный орнамент имеется на кувшинах из могильника в сел. Эшери, Сухумского района (Абхазия), относящегося к IV—III вв.

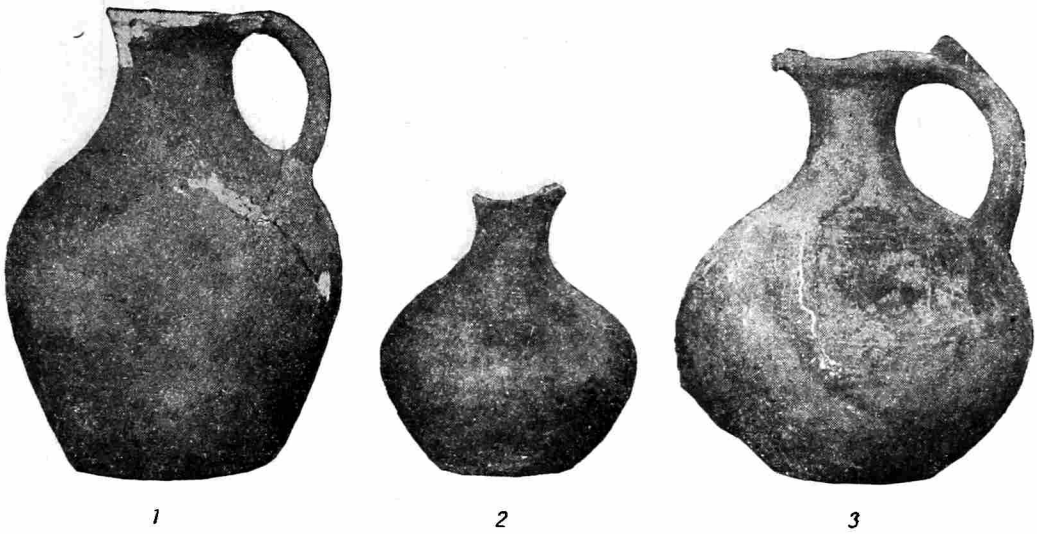

Рис. 3. Кувшинчики из погребений.

до н. э., из кувшинного могильника в сел. Телвани, Ванского района, и из античного селища вблизи Очамчире. На других кувшинах орнамент в виде линейных поясков.

Рис. 4. Горшочки из погребений.

Горшочки из бурой глины разных оттенков. Высота их от 0.08 м до 0.13 м, дно плоское, ручки маленькие, дугообразные, иногда заменены просто выпуклиной (рис. 4, *2*), или совсем без ручек (рис. 5, *3*).

Глиняные сосуды других типов встречались редко.

Плоские миски из темнобурой и красно-бурой глины. Их найдено всего две; одна почти целая, а от другой только дно и часть стенок. Миски с поддоном, высота их 0.045 м, на поддон приходится 0.010 м. Высота бортика 0.005 м, диаметр венчика 0.165 м, поддона — 0.075 м (рис. 5, *2*).

Сосудик из бурой глины с высоким цилиндрическим туловищем и широким плоским дном (рис. 5, *1*). Диаметр дна 0.08 м, верхний диаметр 0.05 м, высота сохранившейся части сосуда 0.10 м. Сосудик этот, пови-

димому, светильник. Сходные сосуды были найдены в уже упоминавшемся античном селище у Очамчире.

К инвентарю можно отнести и те сосуды, которыми были прикрыты горла погребальных сосудов. Из пяти случаев в четырех это были амфоры. Одна из них из хорошо обожженной красной глины; на донышке имеется

Рис. 5.

1 — светильник; *2* — миска; *3* — горшочек.

углубление, характерное для античных амфор V—IV вв. до н. э. (рис. 6, *2*). Донышки других амфор не имеют углублений (рис. 6, *1* и *3*). Много таких донышек было найдено в античном селище вблизи Очамчире. Место производства подобных амфор пока не выяснено, они относятся к несколько более позднему времени, вернее всего, к III в. до н. э.

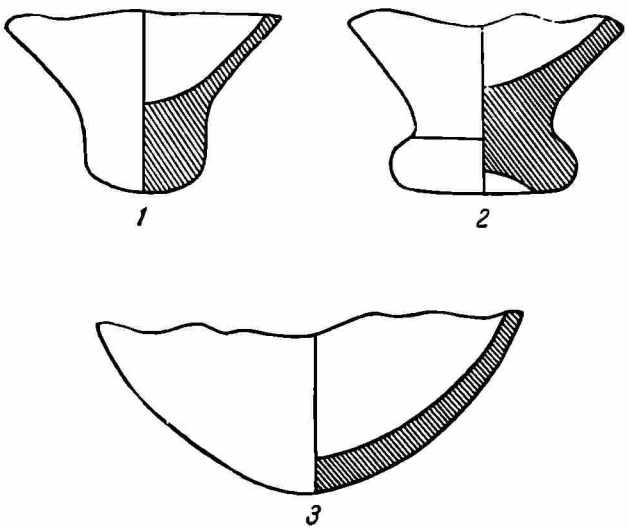

Рис. 6. Днища амфор.

Металлические украшения. Наиболее типичными являются браслеты из тонкой бронзовой проволоки с утолщением на концах и с изгибом в середине (рис. 7). Аналогичные браслеты известны из многих пунктов Западной и Восточной Грузии (Эшери, Очамчире, Даблагоми, Цалка, Казбеги, Самтавро), а также на Северном Кавказе (Кобань, Корца) и в Азербайджане.[1] В большинстве случаев они датируются эллинистическим временем. Найденные в Парцханаканеви относятся к более позднему типу, так как утолщения в середине у них встречаются редко (рис. 8).

Прототипом подобных браслетов являются золотые (электровые) и серебряные браслеты той же формы, но художественной работы, с головками животных на концах. Они известны, с одной стороны, из Амударьинского клада и Суз,[2] а с другой, из раскопок на острове Кипре.[3] В Грузии найдены как браслеты близкие к указанному прототипу (напри-

[1] Е. А. Пахомов. Кувшинное погребение из Мингечаура. Известия Азербайджанского филиала АН СССР, вып. 9, 1944, стр. 49.

[2] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 31—32.

[3] Einar Gjerstad, John Lindros, Erik Sjöqvist, Alfred Westholm. The Swedish Cyprus expedition, finds and results of the excavations in Cyprus 1927—1931, т. III, табл. XVII. Стокгольм, 1935.

мер электровые браслеты из Алгети),[1] так и значительно уклоняющиеся от него. Более древние украшены несколькими утолщениями (например браслеты из Казбеги, Даблагоми), у более поздних утолщения бывают

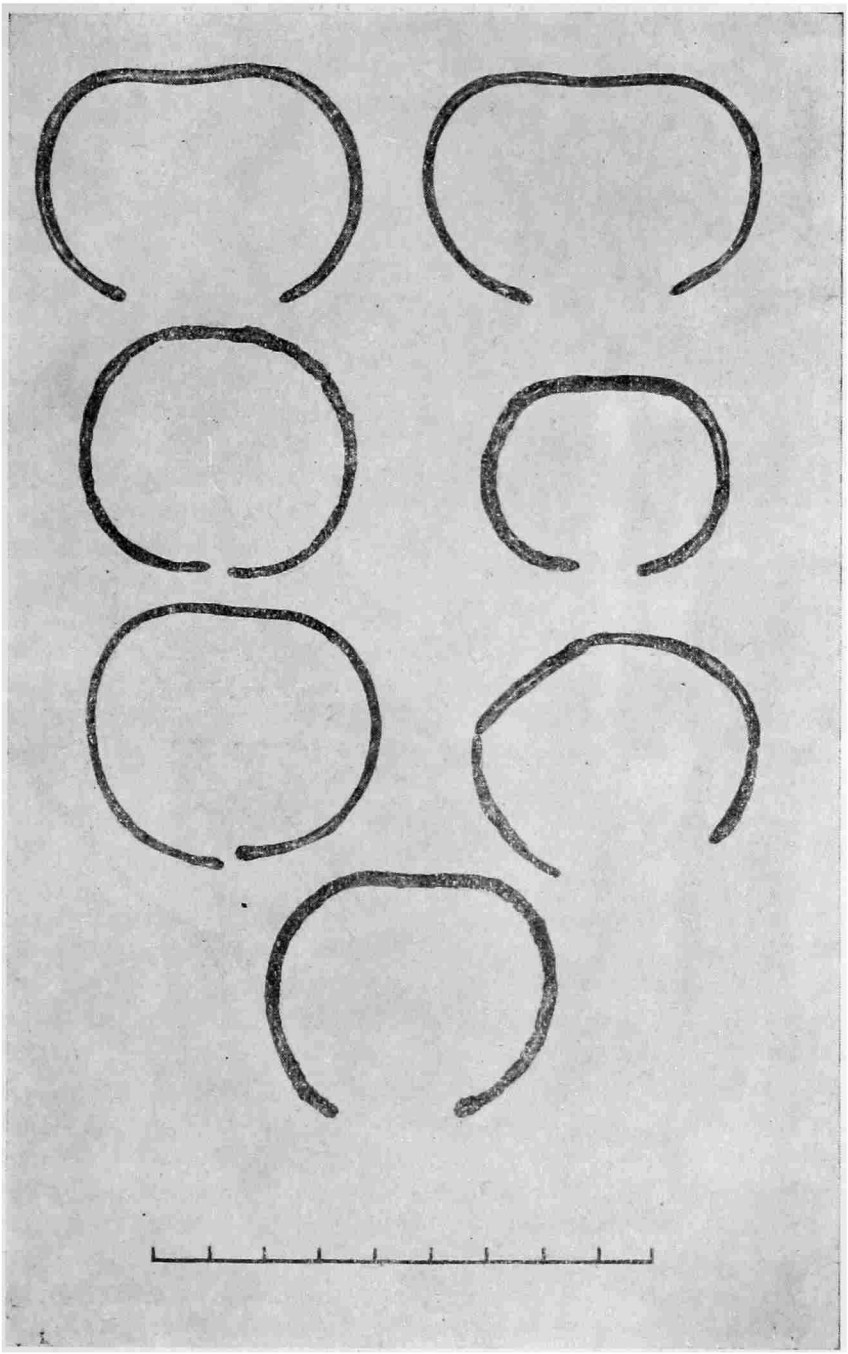

Рис. 7. Браслеты.

только на концах, или их совсем нет и концы заострены (например браслеты из Самтавро).

В Парцханаканеви в значительном количестве найдены браслеты, украшенные рубчиками, и со стилизованными головками на концах. Носились они по несколько штук вместе. В одном погребении их оказалось десять.

[1] Б. А. Куфтин, ук. соч., табл. X.

Типичными украшениями являются бронзовые подвески в форме миниатюрных колокольчиков. В одном из погребений их было найдено 25. Они входили в состав ожерелий и носились вместе с бусами и подвесками иной формы. Подобные колокольчики в Грузии встречаются довольно часто (Очамчире, Бори, Ахалгорийский клад, Казбеги, Самтавро). Есть

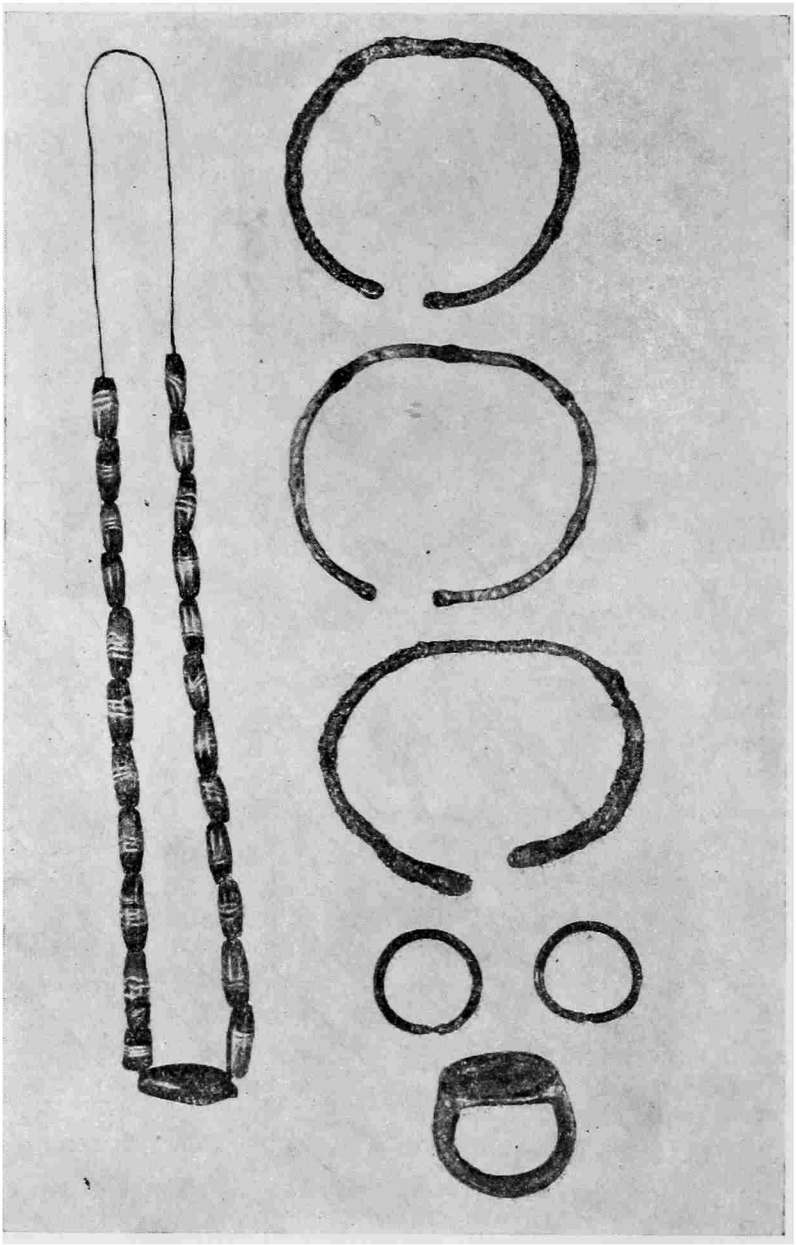

Рис. 8. Бусы, браслеты, серьги и перстень из погребения № 1.

они и на Северном Кавказе. Относятся они также, главным образом, к эллинистическому времени.

Серьги в форме простых колечек из круглой серебряной и бронзовой проволоки были почти во всех погребениях. В сечении проволока имеет от 0.001 м до 0.002 м; диаметр серег от 0.0102 до 0.020 м. Концы не спаяны, на концах часто бывают рубчики (рис. 8). Обычно подобные серьги встречались парами, но иногда их было по три штуки в одном погребении. В этом случае третья серьга очень маленького диаметра

(около 0.01 м). Возможно, что подобные кольца носились не только в ушах, но и в носу. Серьги в форме колечек из проволоки, кроме Парцханаканеви, были найдены в Эшерском могильнике, в Бори и в огромном количестве в кувшинных погребениях Самтавро.

Бронзовых перстней найдено всего два. Шинка у них плоская, жуковина довольно большая (рис. 8). На жуковинах имеются резные изображения: в одном случае бык над поверженной человеческой фигурой (рис. 9 *а*, *б*); в другом — идущая вправо человеческая фигура. Перстни того же типа, также с резными изображениями, известны из Эшерского могильника и из кувшинных погребений Даблагоми.

Остальные металлические предметы малохарактерны: четырехгранные подвески из согнутой листовой бронзы, спиральки, овальные колечки, пластинчатые бляшки и т. п.

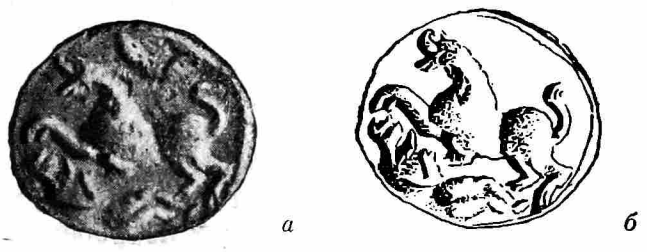

Рис. 9. Резное изображение на перстне.

Бусы были во всех погребениях за исключением двух детских. Число их в отдельных погребениях различно — от нескольких штук до нескольких сот в каждом. Преобладают стеклянные и пастовые бусы, главным образом, синего, голубого и желтого цвета. Величина и форма бус разнообразны: сферические, овальные, цилиндрические, биконические, рубчатые и пр. Есть стеклянные пронизи и подвески в форме сердечек, стилизованных фигур птичек, амфоровидные и пр. Каменные бусы из сердолика и желтоватого камня встретились единичными экземплярами.

Всего бус во всех погребениях найдено 788. Среди них преобладает бисер (640), пронизей и подвесок 28, остальные 120 — бусы среднего размера.

Бисер имеет неправильно округлую форму, преобладает стеклянный (пастовый составляет только 10%). Из стеклянного бисера больше всего темносинего (66%) и бирюзового разного оттенка (20.7%), остальной — белый и оранжевый (рис. 10). Из 120 бус среднего размера 94 стеклянных, 25 пастовых и 1 сердоликовая. Пастовые бусы встречаются только двух цветов — желтые и зеленые цилиндрической формы. Среди стеклянных бус преобладают цилиндрические (вернее боченкообразные), затем сферические, биконические, рубчатые, дисковидные, четочные и т. д. По расцветке бусы бывают одноцветные (39) и многоцветные (55). Среди одноцветных преобладают темносиние (биконических 15, округлых — 6 и рубчатых — 1), других цветов мало (бирюзовых — 8, еще меньше оранжевых, желтых и фиолетовых).

Из 28 пронизей и подвесок только одна пастовая желтая, остальные стеклянные (светлозеленые, синие и др.).

Из многоцветных бус большинство (51) имеет темносиний фон, чаще всего с белыми, реже коричневыми жилками; есть одна синяя с белыми глазками. Кроме темносиних есть 3 кирпичных с белыми жилками и одна черная с белыми жилками.

Большой сравнительный материал дают бусы Самтаврского могильника. В Самтавро до позднеэллинистического времени безраздельно господствуют каменные бусы из сердолика и сургучной яшмы. Начиная с позднеэллинистического времени каменные бусы почти полностью вытесняются стеклянными и пастовыми. В Западной Грузии этот процесс вытеснения местных каменных бус кустарной работы привозными

бусами из стекла и пасты произошел, видимо, раньше, чем в Восточной Грузии.

Если сравнить состав бус из Парцханаканеви с составом бус из кувшинных погребений Самтаврского некрополя, относящихся к концу эллинизма, то можно отметить много сходных черт, но и некоторое различие. И в Парцханаканеви и в Самтавро огромное преобладание стеклянных и пастовых бус, но наблюдающееся в Парцханаканеви большее количество стеклянных бус по сравнению с пастовыми в Самтавро не отмечено. В обоих могильниках много бус темносиних и бирюзовых разных оттенков. Главное отличие заключается в отсутствии в Парцханаканеви золоченых бус, каковых в Самтавро очень много. Так как кувшинные погребения Самтавро относятся ко II и, главным образом, к I вв. до н. э., то можно заключить, что золоченые бусы появляются в Грузии лишь в конце эллинистической эпохи, продолжая бытовать и в первые века н. э.

Монет — колхидок — найдено в Парцханаканеви всего пять. В одном погребении находили по одной-две монеты. Все они триоболы (полудрахмы) обычного типа, без букв.

Одной из особенностей инвентаря могильника в Парцханаканеви является то, что почти во всех погребениях встречаются браслеты, серьги и бусы. Первое впечатление таково, что все погребения женские. Интересно, что к такому же заключению пришел первоначально и Е. А. Пахомов относительно кувшинных погребений Азербайджана.[1]

Однако, повидимому, в эту эпоху браслеты, серьги и ожерелья носили как женщины, так и мужчины. В кувшинных погребениях Самтаврского некрополя изогнутые бронзовые и железные браслеты, проволочные серьги-колечки и бусы встречаются и в женских и в мужских погребениях.

Датировка могильника в Парцханаканеви не возбуждает особых сомнений. Наличие колхидок-триоболов дает прочное основание для датировки этих погребений. А. Н. Зограф считает, что триоболы (полудрахмы) являются наиболее поздними из всех типов колхидских монет и относит их ко времени не ранее IV в. до н. э. (чеканились они в течение двух-трех столетий).[2] Чекан колхидок, вероятно, прекратился во II в. до н. э., когда Колхида начинала клониться к упадку, а затем подпала под власть сначала Понта, а затем Рима.[3] Плохая сохранность колхидок, найденных в Парцханаканеви, указывает на то, что они не могут относиться ко времени возникновения чекана этого типа монет, следовательно и могильник не может быть датирован ранее, чем III в. до н. э.

Сходство погребального инвентаря кувшинных погребений Парцханаканеви с инвентарем Эшерского могильника в Абхазии и с предметами, найденными в античном селище вблизи Очамчире, подтверждает указанную датировку. Эшерский могильник следует датировать IV—III вв. до н. э. Крайние даты существования античного селища у Очамчире V—II вв. до н. э., но, главным образом, IV—III вв. до н. э.

Если сравнить погребальный инвентарь Парцханаканеви с инвентарем кувшинных погребений Самтавро, то первый надо признать более древним. Среди изогнутых браслетов Парцханаканеви встречаются украшенные выпуклинами, чего в Самтавро не наблюдается. В Самтавро много стеклянных золоченных бус, в Парцханаканеви их нет.

---

[1] Е. А. Пахомов, ук. соч., стр. 48.

[2] А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе. ТОН Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1945, стр. 37.

[3] Н. И. Бердзенишвили, И. А. Джавахашвили, С. Н. Джанашия. История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1946, стр. 62.

Самтаврские кувшинные погребения хорошо датируются парфянскими монетами I в. до н. э. и в общем могут быть отнесены ко II—I вв.

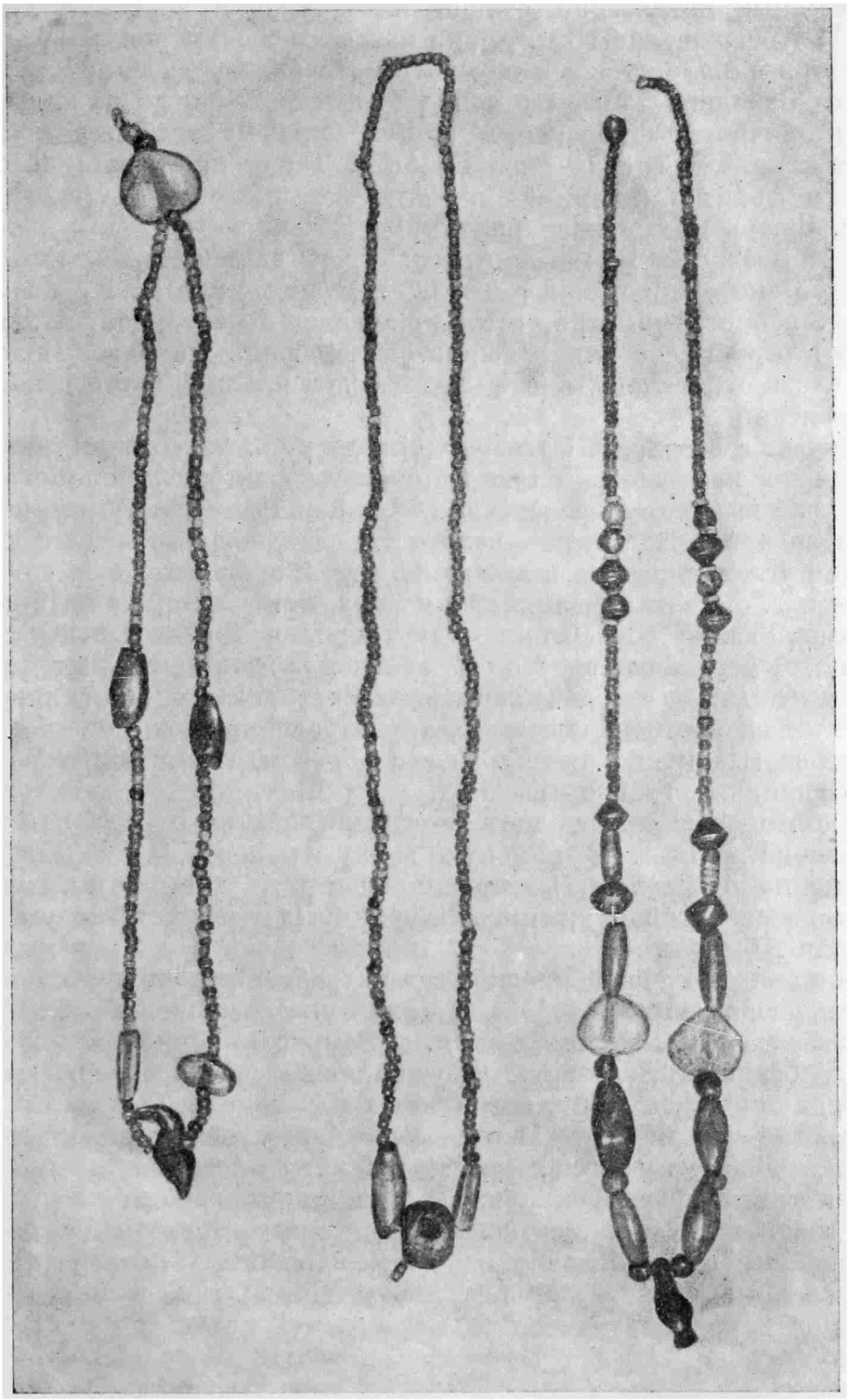

Рис. 10. Бусы и бисер.
Слева направо — из погребения № 3; из погребения *C*; из погребения № 5.

до н. э. Следовательно, кувшинные погребения Парцханаканеви должны быть немного более ранними, т. е., как уже указано, III в. до н. э. будет наиболее вероятной датой.

Инвентарь отдельных погребений в Парцханаканеви не различается сколько-нибудь заметно. Поэтому весь могильник относится к одному времени и образовался в течение нескольких десятилетий.

Кувшинные погребения существовали уже в глубокой древности. В III—II тысячелетиях до н. э. они известны у шумеров в Месопотамии, протохеттов в Малой Азии и во многих странах Средиземноморья.

Колхи Западной Грузии с конца II тысячелетия до н. э. сохраняли обряд вторичного захоронения костей, причем оссуариями служили большие глиняные сосуды типа пифосов. Такие погребения были обнаружены в Абхазии (например в сел. Приморском Гудаутского района и в сел. Эшери Сухумского района).[1]

При этом способе погребения, как это установлено Абхазской археологической экспедицией под руководством академика И. И. Мещанинова в 1934 г. в пос. Амжасгха, сосуд, служивший оссуарием, закапывался в землю в вертикальном положении горлом вниз. Находившаяся вверху донная часть отбивалась, после чего в сосуд клались кости и погребальный инвентарь.

Примерно с середины I тысячелетия до н. э. этот способ погребения под влиянием начавшейся эллинизации исчезает, заменяясь погребением в грунтовых ямах, трупосожжением и кувшинными погребениями.

Вначале при укладывании целого трупа в погребальный сосуд, этот последний устанавливался в том же положении, как и сосуд, служивший оссуарием, т. е. вертикально, горлом вниз, причем верхняя донная часть отбивалась. Такие погребения обнаружены в Даблагоми. С течением времени этот неудобный способ был заменен более практичным, при котором погребальный сосуд закапывался в горизонтальном положении, а для более удобного укладывания трупа распиливался пополам по продольной оси (Парцханаканеви). Таким образом, сосуд фактически обратился в глиняный гроб с крышкой.

Как долго продолжался этот способ погребения в Западной Грузии, сказать пока нельзя. В римскую эпоху трупосожжение бытует уже не только на побережьи, но проникает и вглубь страны. Могильники с трупосожжением обнаружены в Чхороцху (в Мегрелии)[2] и у сел. Ольгинского в Абхазии.

В Восточной Грузии кувшинные погребения появляются к концу эллинистической эпохи во II—I вв. до н. э. В Азербайджане и Армении они существовали и в первые века н. э. Вопрос о проникновении кувшинных погребений в Восточную Грузию остается пока неразрешенным. Этот обряд мог быть заимствован как из Западной Грузии от колхов, так и с юга — из Верхней Месопотамии через Азербайджан или Армению, где, однако, имеются такие формы кувшинных погребений, какие в Грузии до сих пор не обнаружены (например погребение в двух соединенных сосудах — форма, свойственная главным образом Месопотамии).

Дальнейшее сравнительное изучение кувшинных погребений Закавказья позволит окончательно разрешить этот вопрос.

---

[1] М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников в Абхазии. Тбилиси, 1935.

[2] Н. В. Хоштария. Чхороцху. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. II. Тбилиси, 1941, стр. 84—95.

В. С. СИНЯЕВ

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ НИЖНЕГО ЧУЛЫМА

Чулым — самый крупный правый приток Оби. Его истоки находятся в Хакассии, в районе широко известных минусинских культур. В верховьях Чулым близко подходит к Енисею. В нижнем течении выше рабочего поселка Батурино проходила граница между чулымскими тюрками и селькупами. Такое положение реки делает ее интересной не только для археологов, но и для этнографов, лингвистов и антропологов.

В последние годы в Томском университете и в Томском педагогическом институте ведется комплексная разработка вопроса об этногенезе дорусского населения района Чулыма и Томи. В связи с этим в 1946 и 1947 гг. автор вместе с Е. М. Пеняевым и студентами И. В. Саковым и А. И. Уваровым производил разведку совершенно неизвестных археологических памятников на Нижнем Чулыме. В задачу разведочной партии входили поиски комплексов памятников для проведения стационарных работ.

По данным русских исторических актов начала XVII в., здесь проживали чулымские тюрки (выше устья Улу-юлы) и селькупы (в низовьях). Наше внимание было сосредоточено на этих двух районах, и поэтому участок реки между деревней Нижней Курьей и рабочим поселком Батурино пока остался необследованным.

В августе 1946 г. у деревень Тургай и Балагачево были произведены раскопки под руководством проф. А. П. Дульзон, давшие богатый материал.

Нижнее течение Чулыма целиком находится в полосе тайги. Осмотренные нами здесь памятники по внешнему виду довольно разнообразны. По форме среди них можно наметить несколько типов. Городища всегда расположены на возвышениях. Форма их в известной мере зависит от характера местности. Некоторые городища достигают значительной величины: городище Беляй — 3600 кв. м, Большое Смолокуровское — 1260 кв. м. Очевидно, в зависимости от назначения одни из городищ, например Беляй, сильно укреплены (имеет систему из трех больших рвов и валов), другие же, как Малое Смолокуровское, укреплены в гораздо меньшей степени.

Чулымские курганы в основной массе круглые, полусферические; но среди них, часто на одном и том же могильнике, можно встретить курганы овальные и курганы с неправильным очертанием насыпей. Неустойчивость формы курганов иногда зависит от характера почв; в других случаях она объясняется тем, что к основному кургану делались присыпки с новыми погребениями.

На Чулыме мы не встретили курганов, возле которых не было бы выемок, т. е. земля для возведения насыпей курганов бралась в непосредственной близости от них.

Несмотря на отмеченное разнообразие в форме, основная масса памятников оставляет впечатление, что большого разрыва во времени между ними нет; на это, кроме внешнего сходства, указывает и повторение одних и тех же форм предметов в различных частях Нижнего Чулыма вплоть до р. Оби и общность обряда погребения.

По близости к памятникам Тургая и Балагачево основную массу описанных нами курганных могильников можно датировать XVI—XVII вв. и уверенно говорить о том, что многие памятники выше устья Улу-юла принадлежат чулымским татарам.

В предлагаемой информации дается краткое описание памятников Нижнего Чулыма, которые были осмотрены автором (рис. 1). Остальные памятники наносились на карту лишь в том случае, если сведения о них, полученные из расспросов, подтверждались многими местными жителями. Осмотр их предполагается произвести в процессе дальнейшего изучения этого района.

Все находки хранятся в Томском областном музее и в Музее истории материальной культуры при Томском университете.

Пункт 1. На расстоянии около 2 км к востоку от районного центра Пышкино-Троицы расположено городище Беляй. В 400—500 м к югу от него проходит р. Чулым. У юго-западного края городища расположен поселок Беляй. Городище находится на высоком выступе материкового берега и имеет три вала и три рва глубиной в 2.5 м; четвертый ров не окончен. Своей формой городище напоминает ромб. С востока и запада расстояния между валами и рвами равны. На поверхности городища собрано около 20 обломков орнаментированных глиняных сосудов.

Пункт 2. В 50 м к востоку от городища Беляй находится могильник из 9 курганов, расположенных в смешанном лесу. Курганы, за исключением одного, разрыты кладоискателями. Средняя высота их около 1 м, длина окружности основания около 20 м.

Пункт 12. В 1 км к юго-западу от дер. Балагачево, в месте, называемом Стрелкой, расположен могильник из 40 курганов. У Стрелки материковый берег поворачивает с северо-запада к юго-востоку. Только 15 курганов, находящихся на этом выступе, не имеют кладоискательских ям. Часть курганов раскопана экспедицией под руководством проф. А. П. Дульзон. Здесь найдены копейки Михаила Федоровича и счетные жетоны начала XVII в.

Пункт 14. В 3 км от дер. Тургай по дороге к Большому Кордону, где яр террасами из песка спадает вниз к болоту, по которому течет Кордонская протока, впадающая в Чулым, находится городище полуовальной формы. Глубина его рва 0.6 м, длина 44 м. Внутри городища есть 4 ямы.

Пункт 15. Метрах в 450—500 от этого городища в направлении к Большому Кордону, по яру, находится еще одно городище. Оно расположено в более низком месте, чем предыдущее, больше заросло кустарником и имеет форму неправильного треугольника. Размеры его следующие: длина рва 30 м; глубина рва 0.5 м. С южной стороны городища устроен въезд.

Пункт 16. В 1 км к югу от дер. Тургай, по высокому лесистому левому берегу Кордонской протоки, почти на одной линии с юга на север, расположено 14 курганов. Высота курганов в среднем 1.2—1.5 м, диаметр 8.5—30 м. Около них имеются глубокие выемки. Дальше, по направлению к деревне, расположена группа из 6 курганов, примыкающих

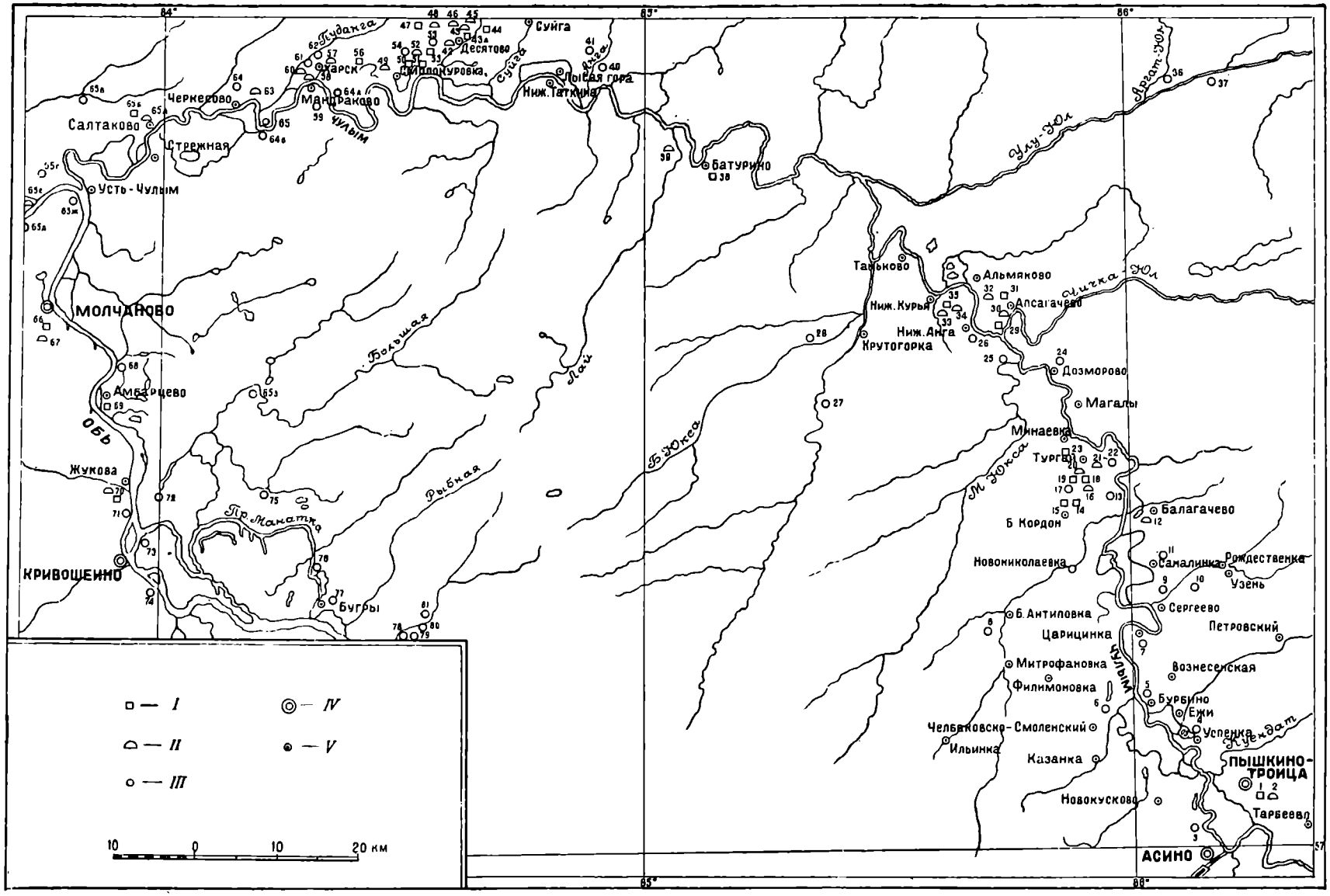

Рис. 1. Схематическая карта археологических памятников по Нижнему Чулыму.

I — городище; *II* — курганы; *III* — памятники, сведения о которых не проверены; *IV* — райцентры; *V* — прочие населенные пункты.

к городищу Тургай I (см. ниже); к северу от него мы насчитали еще 15 курганов, находящихся вблизи городища Тургай II.

Часть курганов раскопана экспедицией под руководством проф. А. П. Дульзон. Находки и обряд погребения аналогичны балагачевским.

Пункт 18. Городище Тургай I по форме приближается к правильному четырехугольнику. Длина его вала 60 м; глубина рва 0.6 м; высота вала со дна рва — 1.8 м. Внутри городища находится несколько глубоких ям, заросших деревьями. В августе 1946 г. здесь были произведены пробные раскопки.

Пункт 19. Городище Тургай II расположено на 200 м к северу от городища Тургай I. Размеры его несколько меньше предыдущего. На нем также имеются возвышения и ямы.

Пункт 20. Вблизи дер. Тургай материковый берег круто поворачивает от Кордонской протоки к западу. Здесь находится не менее 30 курганов, заросших мелким густым сосняком. Курганы расположены очень близко один от другого. По своей форме они частью круглые, частью удлиненно-овальные, приближающиеся к четырехугольным.

Пункт 21. В 1 км к юго-востоку от дер. Тургай, на лугу у оз. Тиквет, во время весеннего паводка было размыто песчаное возвышение. Здесь, на поверхности, нами собрано более 30 обломков глиняной посуды с примитивным орнаментом; тут же были разбросаны человеческие кости.

Пункт 23. В дер. Минаевке на берегу оз. Барановского имеется возвышение овальной формы, окопанное рвом. Надо полагать, что это городище. Длина рва 53 м; ширина рва 2.5 м; глубина 0.7 м; высота вала 0.5 м.

Пункт 29. На правом берегу реки Чичка-юл, в 1 км ниже дер. Апсагачево, находится холм высотой около 30 м, 239 м длины и 60 м средней ширины. Края холма круто обрываются вниз, верх плоский, как бы срезанный. На нем, со стороны Чулыма, на мысу, находится городище, окопанное двумя рвами. Длина первого рва 24 м; второй вал сглаженный — его ширина 4 м. Внутри городища три расплывшихся ямы, одна из них несколько крупнее других.

Пункт 30. На этом же холме, в 50 м к востоку от городища, расположено 7 курганов.

Пункт 31. В 2.4 км от Апсагачево в направлении к дер. Альмяково, на материковом берегу находится возвышающаяся над остальным пространством площадка, окопанная рвом. Края рва в значительной части возвышения размыты и продолжают разрушаться. Высота площадки 1 м; длина оставшейся части рва 45 м, глубина 0.5 м.

Пункт 32. От дер. Альмяково до дер. Апсагачево около 6 км; на полпути между ними материковый берег делает поворот к востоку. Здесь, на участке в 240 м, заросшем смешанным лесом, находится могильник из 54 курганов. Некоторые курганы в северной оконечности могильника имеют значительную длину (например курган № 3 — 23 м).

Пункт 33. Три невысоких кургана расположены в 0.5 км от дер. Нижней Курьи, у дороги в дер. Нижнюю Ангу, на берегу озера, примыкающего к старице.

Пункт 34. Одинокий курган находится в 300 м от полевого стана нижнекурьинского колхоза Рыболов.

Пункт 35. В 2.5 км от Нижней Курьи на лугу среди озер имеется холм высотой 20 м, называемый Ясашной Горой. Один скат его крутой, другой пологий; боковые скаты обрываются довольно резко. На холме расположено позднее кладбище, а в конце пологого ската — небольшой ров.

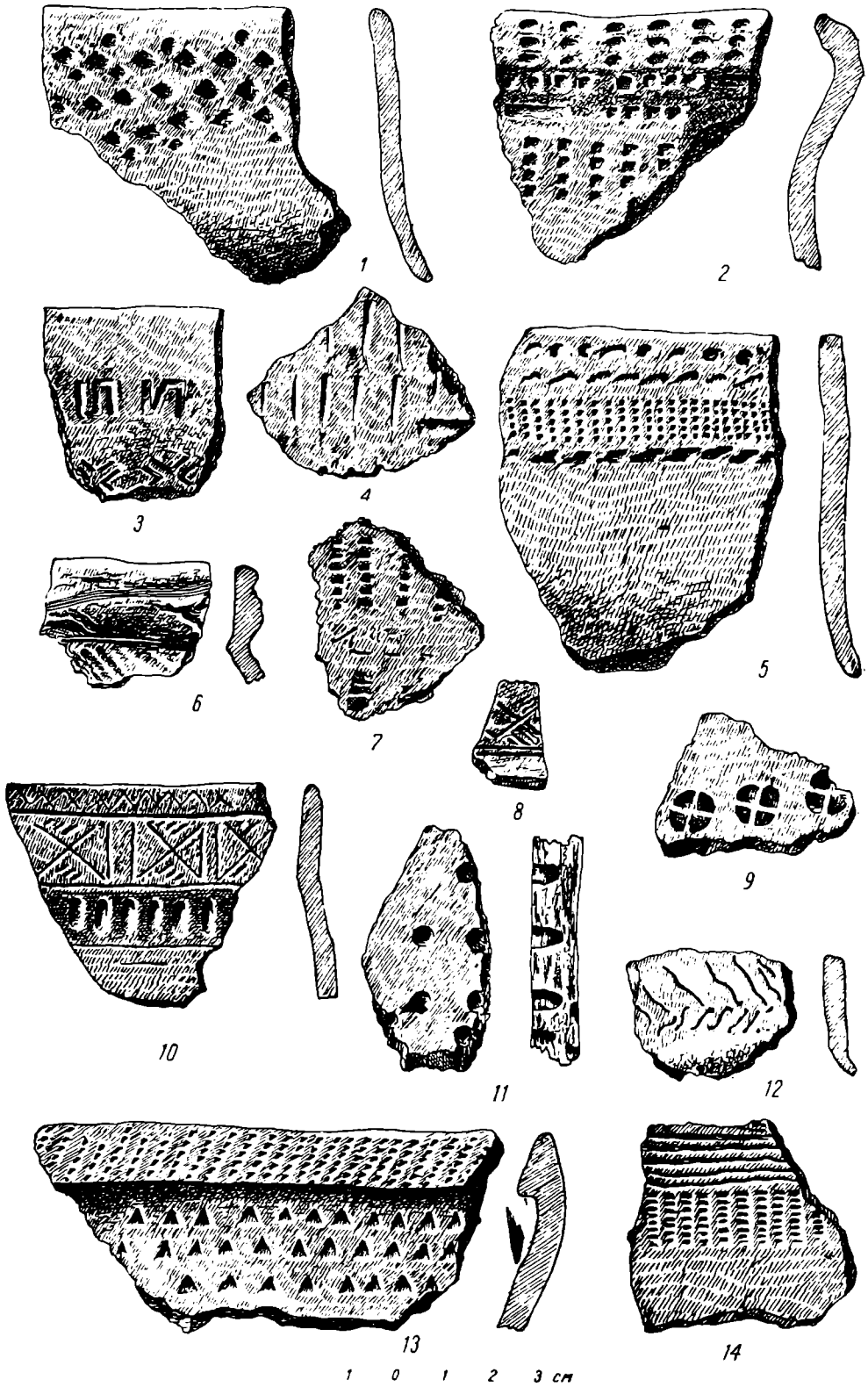

Рис. 2. Образцы нижнечулымской керамики.

1— Малое Смолокуровское городище; *2*— Десятовское селище; *3*— Малое Смолокуровское городище; *4*— городище Беляй; *5*— Десятовское селище; *6*— городище Беляй; *7*— городище Беляй; *8*— Малое Смолокуровское городище; *9*— Малое Смолокуровское городище; *10*— Десятовское селище; *11*— Малое Смолокуровское городище; *12*— Молчановский могильник; *13*— городище Тургай; *14*— городище Беляй.

Пункт 38. В рабочем поселке Батурино на левом берегу Батуринской Курьи в 1.5 км от ее устья находится наполовину разрушенное городище.

Пункт 39. С южной стороны к поселку Усть-лай, расположенному на левом берегу р. Лай, примыкает опушка мелкого соснового леса. В треугольнике между этой опушкой, тропинкой, идущей вдоль реки, и дорогой в Батурино находится более 30 курганов. Осмотр местности показал, что поселок также расположен на территории могильника.

Пункт 42. В 400 м от дер. Десятова, на лесосеке у р. Ледеги, находятся 5 курганов, а невдалеке от них несколько широких оплывших ям.

Пункт 43. В дер. Десятово на берегу Ледеги имеется могильник из 25 курганов. Почва здесь песчаная и курганы постоянно оплывают. Редкий сосновый лесок покрывает почти всю площадь могильника. Многие курганы раскопаны местными жителями — обломки глиняных сосудов и кости лежат прямо на поверхности. Здесь было собрано много фрагментов керамики, поделки из железа и бронзы, стеклянные и бронзовые украшения.

Пункт 43а. Десятовский могильник расположен на месте селища, в котором обнаружено 2 культурных слоя. Во втором, более древнем слое, найдена примитивная керамика и кремневые сколы (рис. 3).

Пункт 44. В полукилометре от Десятово, на небольшом мысе высотой 10 м, у р. Ледеги, где она делает петлю, имеется небольшое городище. В 16.5 м от конца мыса выкопан ров шириной 3 м. Позади рва находится две окопанных площадки 7×7 м.

Пункт 45. Несколько к юго-западу от этого городища, на правом берегу Ледеги стоит одиночный курган.

Пункт 46. В 250 м от этого одиночного кургана находится могильник из 6 курганов.

Пункт 47. В 2 км к западу от Десятова, у р. Педейги, расположена так называемая «Могила Агумена». Это городище сооружено на сравнительно невысоком берегу, поросшем осинником. Строители городища для рва с восточной стороны использовали естественную глубокую выемку. Вал наиболее заметен с запада и северо-запада. Тут же рядом, к востоку от рва находятся несколько выемок различной формы.

Пункт 48. На расстоянии около 150 м в сторону Десятово от городища Могила Агумена к р. Педейге подходит песчаная грива, лежащая несколько выше городища. Здесь расположено 20 расплывшихся курганов. К северу от этого могильника проходит дорога в Десятово.

Пункт 49. У юго-западного края деревни Смолокуровки на берегу р. Хара находится могильник из 19 курганов, некоторые из них разрушаются оврагом. В одном из обрушившихся курганов найден черноглиняный горшочек полуяйцевидной формы. Два других круглодонных горшочка обнаружены местными жителями. Нами раскопан наполовину разрушенный курган № 11, имевший 2 погребения. В маленьком глиняном горшочке, лежавшем у ног покойника, найдены кости мелкой рыбы (челюсти, позвонки и др.).

Пункт 50. В 0.5 км от Смолокуровки находится Третье Смолокуровское городище. Оно имеет форму полуовала и значительно сглажено. В центре прослеживаются два углубления неясных очертаний. Ров с внешней стороны почти не выражен и переходит в лужайку. Высота вала с внешней стороны 0.8 м; с внутренней (из углублений) — около 0.3 м. Общая длина вала 30 м.

Пункт 51. На правом берегу р. Хара в 1.5 км от Смолокуровки, у дороги в дер. Суйгу, расположено Малое Смолокуровское городище.

Нами расчищено имеющееся на нем естественное обнажение. Под слоем гумуса находится супесчаная прослойка в 0.3 м довольно однородного цвета и состава. Под ней идут слоистые пески (материк). Находки обнаружены начиная от травяного покрова и до материка; наибольшее их число приходится на нижнюю границу гумусного слоя. Найдена керамика с чеканным бугорчатым и гребенчатым орнаментом, с чеканным фигурным (тупой зигзаг) и резным линейным, несколько осколков кремня, дробленые кости животных. Культурный слой оползает вниз к подно-

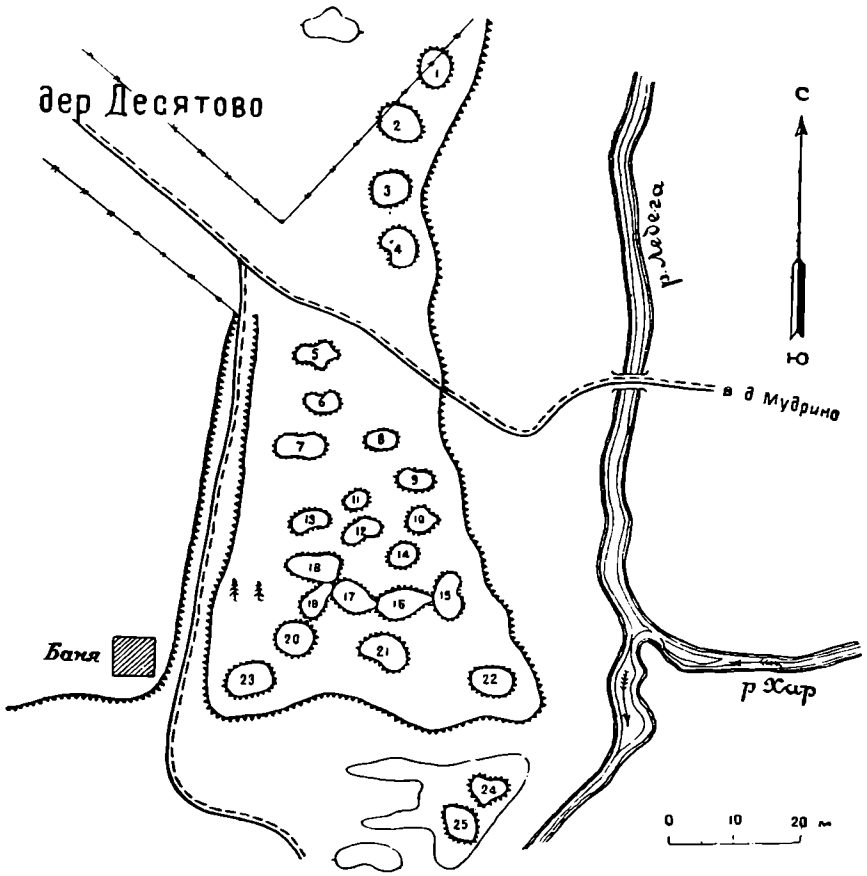

Рис. 3. Десятовский могильник. План.

жию террасы и к построенному здесь взвозу. По размерам это городище почти не отличается от предыдущего. Глубина рва 0.3 м, высота вала 1 м.

Пункт 52. Рядом с Малым Смолокуровским городищем имеется 2 кургана.

Пункт 53. В 1.9 км от Смолокуровки и в 0.4 км от Малого Смолокуровского городища на высоком мысу находится Большое Смолокуровское городище. С юго-востока на северо-запад идут ров и вал длиной 70 м; ширина городища 18 м. На поверхности его в два ряда расположены 22 ямы. В южной части городища ямы более глубокие, чем в северной. Глубина рва 1 м; высота мыса над болотом 25 м.

Пункт 56. Примерно на полпути между деревнями Смолокуровской и Харск, 1 км ниже того места, где в р. Хар с правой стороны впадает ручей из оз. Сыренги, материковый берег отходит от реки, образуя мыс. Здесь находится городище, поросшее густым лесом. Внутри городища имеется 3 ямы. Городище мало сглажено, во многих местах видны еще прямые углы. Дно рва городища и дно ям, как почти всюду на Чулыме, находятся на одном уровне. Длина рва 32 м, глубина 0.8 м, высота вала

0.7 м (рис. 4). Чуть ниже городища мыс образует несколько террас, на верхней из них имеется выемка.

Пункт 57. На высоком песчаном правом берегу р. Хара, 0.5 км выше дер. Харск, имеется 2 оплывших кургана. На этом месте когда-то лежали штабели леса и поэтому остальная часть могильника оказалась сглаженной.

Пункт 58. На правом берегу Хара, 3 км ниже дер. Харск, в таежной местности, где материк от Хара поворачивает в сторону р. Пуданги, находится Нижний Харский могильник, состоящий из 11 курганов со средней высотой 1.5 м.

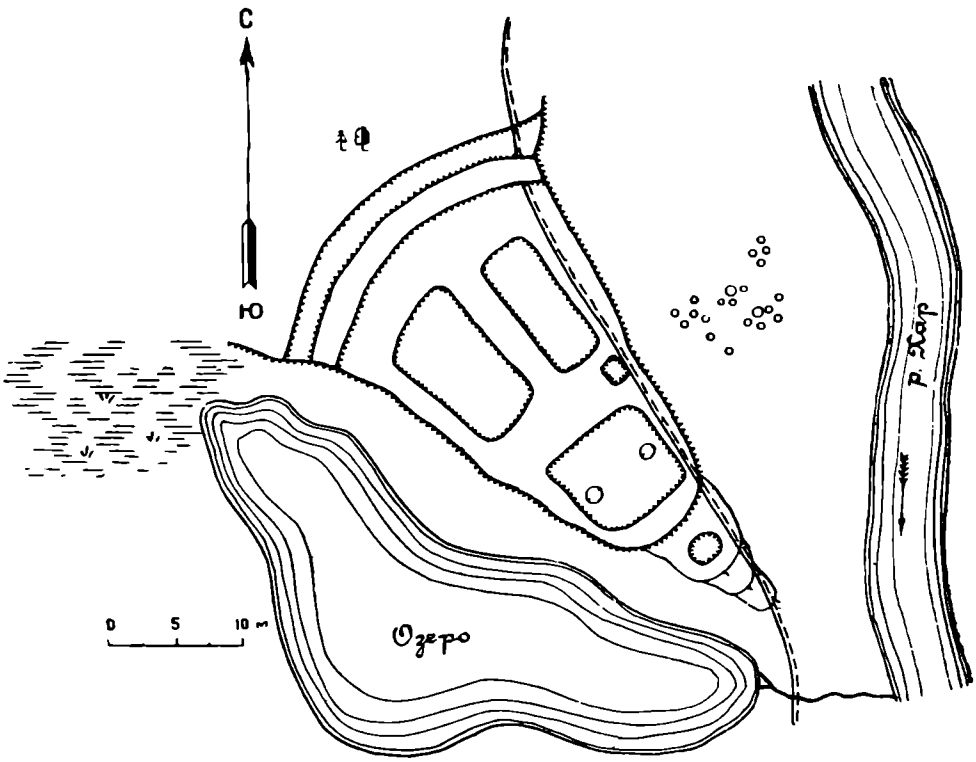

Рис. 4. Городище у оз. Сыренги. План.

Пункт 60. В 0.5 км от устья р. Пуданги, на левом ее берегу, расположен Первый Пудангский могильник. Он состоит из 33 крупных курганов. Высота некоторых из них со дна выемок доходит до 3 м.

Пункт 63. В 5 км от дер. Черкасово и в 3 км от устья Малой Анги, на лесистом правом берегу ее, где материк подходит к реке, находится небольшой одиночный курган. Дальше по берегу реки, в направлении на северо-восток, стоит нежилой барак. С запада к нему подходит дорога и направляется вдоль берега, вскоре переходя в тропу. Здесь находится курганный могильник, на котором мы насчитали 26 курганов. Кроме того, многие курганы сглажены. У оснований курганов имеются глубокие выемки.

Пункт 65а. Большой могильник из 73 курганов находится в 1 км к северу от дер. Нижнее Салтаково, в молодом сосновом лесу, на берегу Салтаковского Хара, несколько дальше впадающего в Чулым. Насыпаны курганы из песка. На многих из них имеются углубления разной величины. Курганы расположены в основном по линии с севера на юг вдоль правого берега реки. Нами раскопан курган № 32, потревоженный кладоискательским подкопом. Найдены круглодонные глиняные сосуды небольшого размера и обломок бронзового зеркала (?). Два находив-

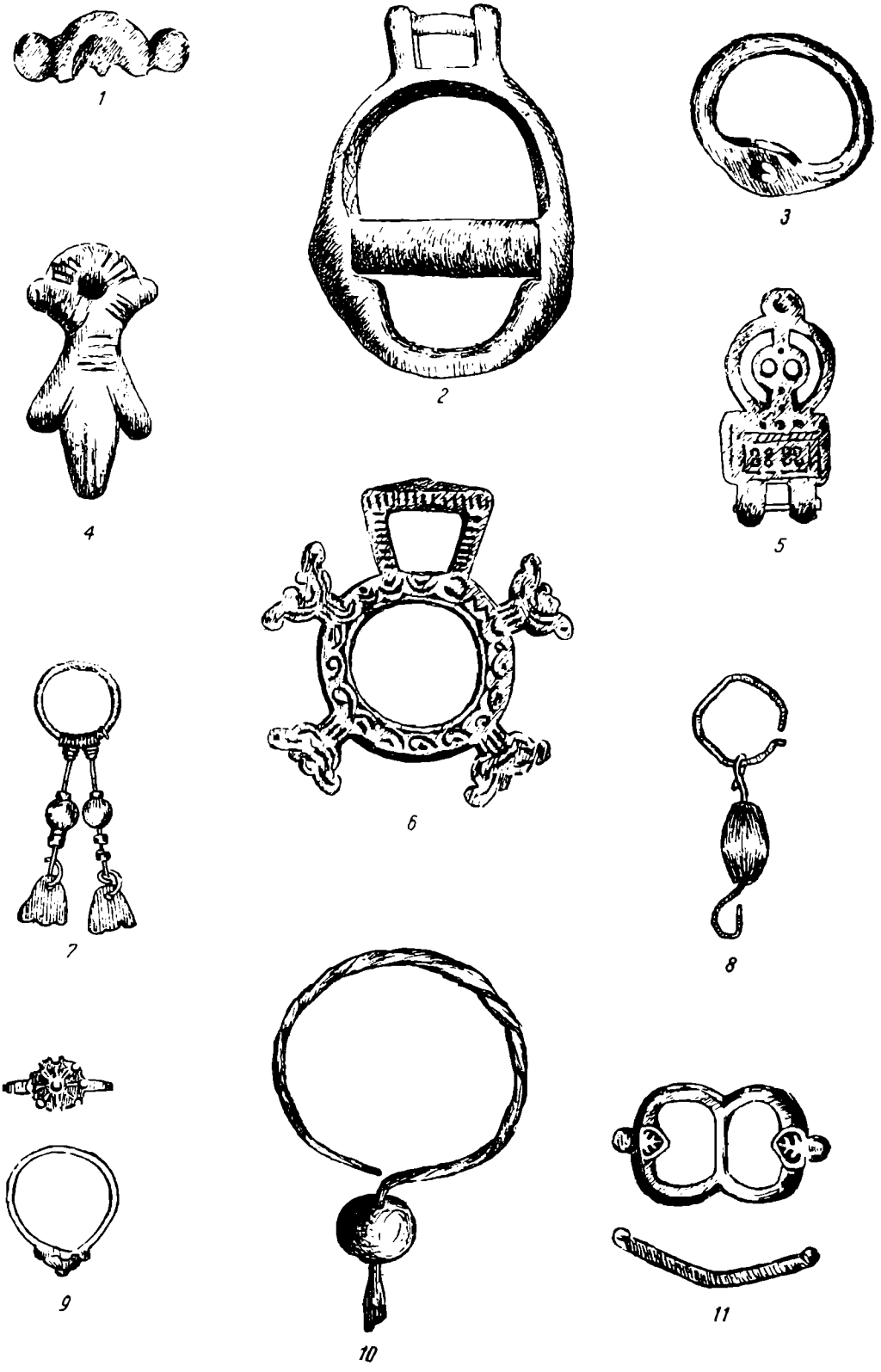

Рис. 5. Находки из могильников.

1 — бронзовая пластинка-накладка из Молчановского могильника; *2* — бронзовая поделка из Десятовского могильника; *3* — бронзовое проволочное кольцо из Молчановского могильника; *4* — бронзовая литая пластинка из Молчановского могильника; *5* — бронзовая накладка из Молчановского могильника; *6* — бронзовая прорезная пластинка из Молчановского могильника; *7* — бронзовое колечко со стеклянными бусами из Молчановского могильника; *8* — бронзовое колечко с бронзовой бусой из Молчановского могильника; *9* — бронзовый перстень с орнаментированным щитком из Молчановского могильника; *10* — серебряная подвеска с голубой стеклянной бусой из Молчановского могильника; *11* — бронзовая поделка из Молчановского могильника.

шихся здесь черепа долихоцефальные. Костяки ориентированы были с юго-запада на северо-восток, головой к северо-востоку.

Пункт 65б. В 50 м к юго-востоку от Салтаковского могильника, на возвышении, находится Салтаковское городище, имеющее форму близкую к четырехугольнику, вытянутому вдоль берега на 27.5 м. Внутри городища есть три ямы, у каждой из которых заметен выход в сторону вала. В юго-восточном углу имеется общий выход из городища. Длина рва 39 м. От вершины вала до дна рва 1.2 м. Ширина рва от гребня вала до наружного края 1.5 м. Глубина рва 0.5 м. Глубина ям со дна до вершины перемычек 0.85 м.

Пункт 65е. На острове, образованном Обью и протокой Кривая Лука, есть грива, называемая Беломойским Островом. С одной стороны она ограничена небольшим болотцем и озером, с другой — Обью. На гриве имеется 6 курганов. От верхнего устья Кривой Луки до могильника по Оби около 1 км. Здесь на прибрежном песке найдено несколько обломков глиняных сосудов, повидимому, из смытых курганов. Расстояния между курганами довольно значительны; например, между № 5 и № 6 — 48 м. Наиболее крупный курган № 6 имеет диаметр 11 м, высоту 2 м.

Пункт 66. В 2 км от села Молчаново находится холм высотой 50 м, имеющий форму полумесяца. На западном крае этого холма расположено городище с одним рвом и четырьмя ямами. Наибольшая ширина холма 30 м; длина рва 19 м, ширина 4.5 м, глубина 0.5 м, высота вала 2.5 м; длина городища 30 м.

Пункт 67. На восточном крае этого холма имеется могильник из 7 курганов. Длина могильника 30 м; расстояние от курганов до рва городища 30 м. Все курганы в 1946 г. вскрыты школьниками с. Молчаново. Найденные при этом предметы переданы в Томский областной музей (рис. 5).

Изучение подъемного материала дает основание заключить, что самыми поздними из чулымских памятников являются тургайско-балагаческие, точно датированные XVII в. Самым же древним можно считать Десятовское селище (нижний слой). Обособленное место среди нижнечулымских памятников, повидимому, занимает Салтаковский могильник.

Дальнейшее изучение археологических памятников Нижнего Чулыма, представляющих большой научный интерес, является неотложной задачей.

В. П. ЛЕВАШЕВА

О ГОРОДИЩАХ СИБИРСКОГО ЮРТА

Западно-сибирские городища разделяются на две группы. Более древние из них относятся к первым векам н. э. и синхроничны западносибирским курганам с вещами сарматского типа; поздние городища, которые являются темой настоящей статьи, составляют особый культурный комплекс другого времени.

К этому комплексу относятся: Самарово городище, находящееся близ устья Иртыша,[1] городище Искер на Иртыше близ г. Тобольска,[2] Тоянов городок и городище Шеломок около г. Томска,[3] Тонтур или Вознесенское городище на р. Оми в Барабинской степи [4] и там же городище на острове Чиняиха (оз. Чаны).[5]

Настоящая работа является попыткой дать сводку этого материала, причем мне придется основываться, главным образом, на данных Барабинских городищ и Искера. Материал Тонтура (Вознесенского городища) хранится в Гос. Омском музее и состоит из коллекции, собранной обследованием А. М. Жихарева и Е. А. Клодт в 1925 г., коллекции, добытой моими раскопками 1926 г., и небольших сборов, сделанных мною в 1928 г. Материал Чиняевского городища хранится там же и состоит из небольшой коллекции подъемного материала, собранного в 1927 г., сборов сотрудника Музея С. В. Флоринского, жившего в Чанах весной 1928 г., и коллекции из моих раскопок летом того же года. Очень близкий материал дали раскопки последних лет, произведенные К. Э. Гриневичем на Басандайке близ г. Томска.

Материал из городища Искер почти весь подъемный, за исключением небольшой коллекции из раскопок В. Н. Пигнатти в 1915 г. Большая часть его хранится в Тобольском музее и издана В. Н. Пигнатти,[6] часть находится в Гельсингфорском музее и небольшая коллекция, собранная в 1896 г. Н. И. Бутаковым, — в Омском музее. Тоянов городок не раскапывался, но производились раскопки соседнего с ним могильника С. К. Кузнецовым[7] (1889 г.) и А. К. Ивановым и М. П. Грязновым (1924 г.).

---

[1] С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

[2] В. Н. Пигнатти. Искер (Кучумово городище). Ежегодник Тобольского музея, XXV, 1915.

[3] С. К. Кузнецов. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 г. Труды Томского общества естествоиспытателей, I. Томск, 1890, стр. 169—180.

[4] В. П. Левашева. Вознесенское городище. Известия Зап.-Сиб. музея, № 1, Омск, 1928.

[5] Раскопки автора (материал не опубликован).

[6] В. Н. Пигнатти, ук. соч.

[7] С. К. Кузнецов, ук. соч., стр. 169—175.

Так как материал этого могильника близок к материалу рассматриваемых городищ, а керамика погребений близка к керамике Тоянова городка, с которой мне удалось познакомиться по сборам С. В. Киселева в 1927 г., то я позволю себе включить и это городище в группу изучаемых памятников. С Самаровского городища имеется одно железное копье, поступившее в Омский музей от П. Л. Драверт. По зарисовкам М. П. Грязнова, которые он показывал мне в 1928 г., я могла познакомиться с керамикой, собранной на Самаровском городище, на городище Шеломок и с материалами последних раскопок курганов Тоянова городка.

По внешнему виду все эти городища являются типичными крепостями, расположенными в удобных стратегических пунктах и хорошо укрепленными. Искер лежит на высоком холме правого берега р. Иртыша в 19 км к востоку от Тобольска при впадении речки Сибирки,[1] Тоянов городок расположен на высокой террасе левого берега р. Томи против г. Томска.[2] Тонтур стоял на высоком мысу правого берега р. Оми, но, вследствие изменения русла реки, городище в наше время оказалось на левом берегу против правобережного села Вознесенского. Уже в 1926 г., когда производились наши раскопки, оставалась лишь незначительная, уцелевшая от размыва, часть городища, теперь же от него, вероятно, не осталось и следа. Чиняевское городище расположено на одном из центральных островов озера Чаны. Городище Шеломок находится в 15 км к югу от Томска на крутом правом берегу Томи между двумя оврагами. Все эти памятники сильно пострадали от размыва вод, по обнажениям выступают культурные слои, сходные по содержанию, но различной мощности (Искер — до 2 м, Тоянов городок — 0.5—1 м, Тонтур — 0.7 м, Чиняевское городище — около 0.5 м). Для всех характерно большое количество костей животных и обломков керамики. Раскопки на Тонтуре позволили проследить форму жилищ: это полуземлянки различной формы с поверхностными стенами из плетня, обмазанного глиной, причем ямы землянок занимали меньшую площадь, чем стены; в двух жилищах прослежены глинобитные печи.[3] В раскопках В. Н. Пигнатти на Искере встретилось жилище, имевшее вид землянки, из двух соединенных круглых ям (повторение формы одной из землянок Тунтура), с чувалом из плохо обожженного кирпича; стены здесь были не плетневые, а представляли собой нечто вроде глинобитного свода. Кроме того, на Искере несомненно имели место и более крупные кирпичные и деревянные постройки с окнами из слюды, о чем говорят находимые в большом количестве кирпичи, крупные обугленные плахи и слюдяные пластины.[4] Возможно, и на Тонтуре имелись крупные и более совершенные постройки, но они не сохранились, так как в настоящее время уцелел и мог быть исследован лишь небольшой край городища. На Чиняевском городище жилищ-землянок не оказалось, но встретились обмазки с отпечатком плетня, а в 1927 г. при поверхностном обследовании удалось проследить в обрыве берега какое-то сооружение из кирпича и обгоревших плах (в 1928 г. это место было уже совсем размыто водой).

Близ Искера имеется могильник, состоящий из небольших окруженных валиком курганов, или кольцевых насыпей. Часть таких могил была раскопана В. Н. Пигнатти и дала ограбленные погребения без вещей.[5] На острове Чиняиха также имеются курганы, исследованные мною в 1928 г. Один из них, окруженный валиком (что сближает его

---

[1] В. Н. Пигнатти, ук. соч., стр. 8—9.
[2] С. К. Кузнецов, ук. соч., стр. 169.
[3] В. П. Левашева, ук. соч., стр. 88.
[4] В. Н. Пигнатти, ук. соч., стр. 13.
[5] В. Н. Пигнатти, ук. соч., стр. 16.

с могилами Искера), дал материал, одновременный городищенскому. О сходстве инвентаря курганов Тоянова городка с материалом городищ уже упоминалось выше. Очень близки к курганам Тоянова городка по своему содержанию и курганы близ дер. Чернильщиковой и Тахтамышевы юрты (близ Томска), раскопанные С. К. Кузнецовым в 1889 г.[1] Все это позволяет использовать для характеристики данной культуры не только материал городищ, но и погребений.

Не имея возможности подробно осветить весь материал, собранный в течение многих лет на Искере и добытый нашими раскопками на Бара-

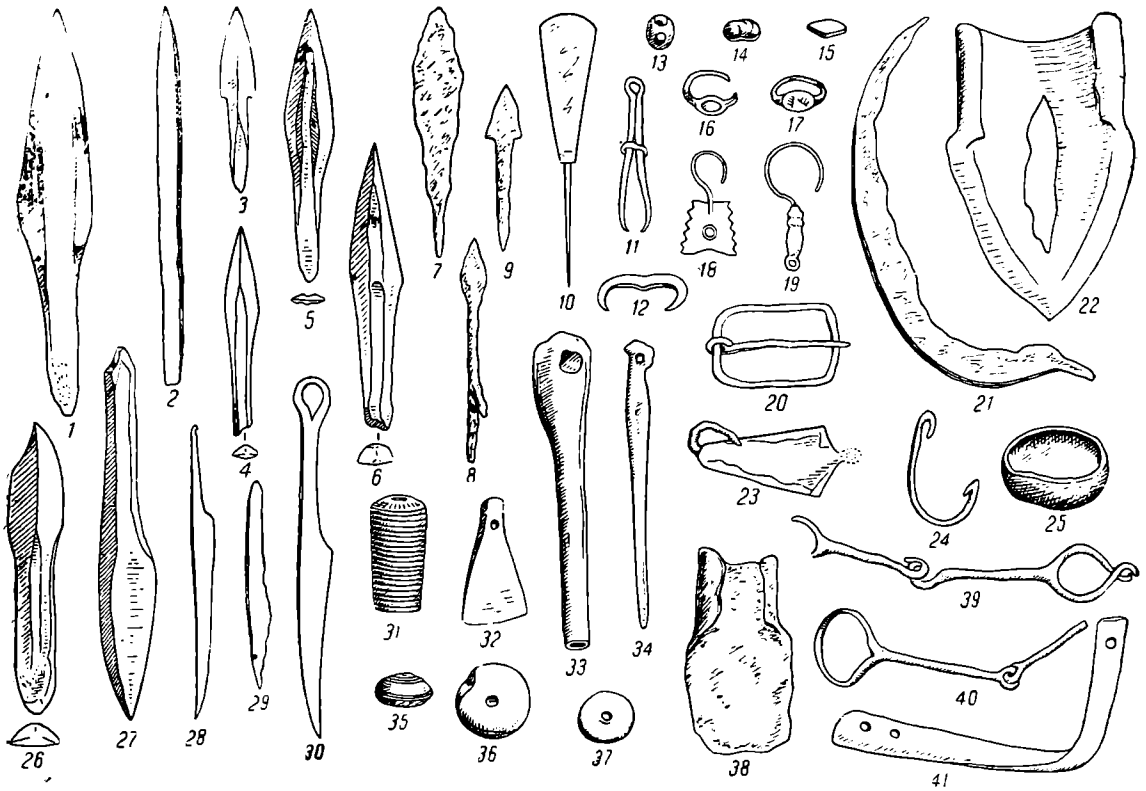

Табл. I. Вещи из городищ и курганов Сибирского юрта:

1, 2, 5, 6, 13, 20, 23, 26, 29, 31, 36 — Чиняевское городище; *3, 4, 8, 14—16, 18, 25, 27, 32—35, 37*— Тонтур; *7, 9—12, 21, 22, 24, 28, 30, 39—41* — Искер; *17, 19* — курганы дер. Чернильщиковой; *38* — курган на о-ве Чиняиха.

1—6, 26, 27, 31—36, 41 — кость; *7—12, 20—22, 24, 28—30, 38—40* — железо; *23* — железо и медь; *16—19* — серебро, медь; *13, 14* — стекло; *15* — камень (сердолик); *25, 37* — глина; *39* и *40* около $^1/_5$ нат. вел., остальные — $^1/_3$ нат. вел.

бинских городищах, ограничусь лишь кратким перечнем его, причем из коллекции Искера я беру лишь главные типы наиболее важных орудий и те предметы из мелких находок, которые имеют аналогии в барабинском материале.[2] Находки с этих городищ следующие:

1. Железные топоры — старинного русского типа с отростком в верхней части обуха, вытянутым вдоль рукоятки (Искер).

2. Железные кельты и тесла (Искер, курган на острове Чиняиха, курганы Тоянова городка и дер. Чернильщиковой; табл. I, *38*).

3. Железные молотки, долота, стамески, пробои (Искер).

---

[1] С. К. Кузнецов, ук. соч.

[2] При описании находок я не делаю отдельных ссылок на использованную и отмеченную выше литературу. Для искеровского материала, кроме указанной статьи В. Н. Пигнатти, послужили источником каталог коллекции находок на Искере, изданный в вып. XXVI Ежегодника Тобольского музея (1915), коллекция Омского музея и зарисовки М. П. Грязнова.

4. Железные ножи с кольцом на рукоятке (Искер; табл. I, *30*) и простые черешковые (Искер, Чиняевское городище, Чиняевский курган, курганы Тоянова городка, дер. Чернильщиковой и Тохтамышевых юрт; табл. I, *28* и *29*).

5. Костяные ножи, плоские, однолезвийные с цельной рукояткой (Искер, Тонтур).

6. Костяные рукоятки ножей или других железных орудий, в том числе и точеные (Искер, Тонтур, Чиняевское городище; табл. I, *31*).

7. Каменные точильные бруски (Искер, Тонтур, Чиняевское городище).

8. Железные серпы-горбуши (табл. I, *21*), железные сошники (табл. I, *22*) и каменные ручные жернова (Искер).

9. Железная острога в форме двухзубых вил с шипами и железные рыболовные крючки (Искер; табл. I, *24*).

10. Железные крючки для самолова (Искер и Чиняевское; табл. I, *23*).

11. Грузила рыболовных сетей каменные и из кирпичей (Искер).

12. Деревянный поплавок рыболовной сети (Тонтур).

13. Глиняные тигли (Искер).

14. Каменные и глиняные литейные формы (Искер).

15. Костяные напрясла от веретена из просверленных головок костей животных (Искер, Тонтур, Чиняевское; табл. I, *36*). Костяные напрясла в форме плоских кружков (Искер, Тонтур).

16. Глиняные напрясла плоские и с округлыми краями (Искер, Чиняевское, Тонтур; табл. I, *37*).

17. Каменные напрясла в форме плоских кружков (Искер, Тонтур).

18. Костяные моталки для пряжи (Искер, Тонтур; табл. I, *33*).

19. Костяные игольники, железная игла, железные ножницы современного типа и железные шилья (Искер).

20. Костяные шилья (Искер, Тонтур).

21. Костяная лопаточка для выделки шкур (Тонтур; табл. I, *32*).

22. Костяная игла для плетения, с тупым плоским концом (Тонтур; табл. I, *34*).

23. Обломок каменного скребка для выделки шкур (Искер).

24. Костяные кочедыки для плетения (Искер, Тонтур).

25. Костяной предмет в форме узкой пластинки с отверстием на концах, согнутой под прямым углом; вероятно, это часть оленьей упряжи (Искер; табл. I, *41*).

26. Костяной предмет из ребра животного с отверстием в головке кости и у срезанного конца, возможно также часть упряжи (Тонтур).

27. Железные удила, простые с круглыми и восьмеркообразными кольцами (Искер, табл. I, *39*, *40*).

28. Костяные наконечники стрел, все черешковые с ясными следами обработки металлическим инструментом, с пологими плечиками, трехчетырех-пятигранные и плоские (Искер, Тонтур, Чиняевское, курганы Тоянова городка и дер. Чернильщиковой; табл. I, *4—6*). Есть плоские с выступающими плечиками (Искер, Тонтур; табл. I, *3*).

29. Костяные дротики, черешковые, узкие, без плечиков, четырехгранные (Чиняевское городище; табл. I, *2*); такие же, но круглые в поперечнике (Искер). Дротики в форме трехгранных стрел, но крупнее размером (Искер, курганы Тоянова городка).

30. Костяные наконечники копий, черешковые, массивные, трехгранные (Искер); плоский, полированный (Чиняевское городище; табл. I, *1*).

31. Костяные кинжалы, массивные, трехгранные с рукояткой из цельного куска (Искер, Чиняевское, табл. I, *26*).

32. Железные наконечники стрел (табл. I, *7—10*), все черешковые, есть с плоским ножевидным, ромбическим, лопаточным и с вырезкой

вильчатым пером, с выступающими книзу в виде шипиков плечиками, есть трех- и четырехлопастные (Искер, курганы Тоянова городка); наконечники с маленьким ромбовидным пером и длинной массивной шейкой (Искер, Тонтур).

33. Железный наконечник копья с узким листовидным пером и длинной втулкой (Самарово) [1] и близкий к нему, судя по описанию (Искер).

34. Бусы в большом количестве и самых разнообразных видов — из стекла, камня, пасты — найдены на Искере. В Чиняевском городище — одна стеклянная глазковая (табл. I, *13*), на Тонтуре — обломок бусы пестрого стекла (табл. I, *14*) и плоская ромбическая сердоликовая, аналогичная искерским (табл. I, *15*). В курганах Тоянова городка и дер. Чернильщиковой также найдены стеклянные бусы, близкие к искерским.

35. Серьги. В коллекции Искера серебряные серьги в виде вопросительного знака, серьга с бирюзой в коронке, орнаментированная с обратной стороны; на Тонтуре серебряная серьга, состоящая из зубчатой пластинки с небольшой круглой коронкой в середине и припаянным медным ушком (табл. I, *18*). В курганах дер. Чернильщиковой медные проволочные серьги в виде вопросительного знака, с длинным стержнем для бус (табл. I, *19*).

36. Подвески и накладки медные найдены в очень большом количестве на Искере. Интересно отметить присутствие среди них так называемых «шумящих» подвесок финского типа. Там же были найдены и отдельные бубенчики, также близкие к финско-славянским.

37. Перстни серебряные и медные, пластинчатые, щитковые, некоторые со вставками камня и с печатками (Искер). На Тонтуре найден перстень с мутнобелым камнем в коронке (табл. I, *16*), в кургане близ дер. Чернильщиковой — перстень с печаткой (табл. I, *17*).

38. Браслеты серебряные и медные, пластинчатые с несомкнутыми концами.

39. Пряжки медные фигурные, прямоугольные и круглые; железные — круглые, прямоугольные и овальные найдены в большом количестве на Искере. На Чиняевском городище найдена одна железная пряжка, прямоугольная, аналогичная искерским (табл. I, *20*).

40. Железные подковки для сапог обычной формы с тремя гвоздиками (Искер).

41. Щипчики медные и железные для выдергивания волос (Искер, табл. I, *11*).

42. Железные огнива, подковообразные (табл. I, *12*) и в форме овала со срезанными концами, и остатки трута (Искер).

43. Железные стрелки от весов, железные ключи и части замков (Искер).

44. Железные обоймы и накладки различных форм (Искер); на Чиняевском городище найдена железная пластинка с отверстиями для прибивания гвоздями.

45. Обломки чугунных котлов (Искер, Тонтур).

46. Берестяные поделки. На Искере найден туес (бурак), на Тонтуре — берестяные сумки.

47. Медные сосуды. На Искере найден сосуд на широком поддоне, там же часть тонкостенного котла; в кургане Тоянова городка — медный сосуд в форме круглодонной чашки с железной дужкой. Обломки найдены на Искере и Тонтуре.

48. Глиняная посуда. Плоскодонный неорнаментированный горшок, плоскодонная неорнаментированная чашка, длинные плошки и кругло-

[1] Коллекция Омского музея.

донный неорнаментированный сосуд найдены на Искере; круглодонные неорнаментированные сосуды — в курганах дер. Чернильщиковой и Тохтамышевых юрт; миниатюрные круглодонные неорнаментированные чашечки (табл. I, *25*) в Тонтуре и на Искере, часть круглодонной неорнаментированной чашки — в Тонтуре. Обломки глиняных сосудов (табл. II) находятся на всех городищах в очень большом количестве. Все они ручной, но тщательной выделки; обжиг хороший до звонкости сосуда. Судя по обломкам краев, сосуды были разной величины и формы — с шейками и без шеек, с прямыми или отогнутыми во внутрь или наружу краями. На Искерском городище найдены плоскодонные сосуды и обломки плоских днищ, на Тонтуре же и Чиняевском городище ни одного плоского днища не встречено, что заставляет предположить, что основной характерной для них формой была круглодонная. На это же указывает и инвентарь погребений. В Тонтуре и Чиняевском городище преобладает орнаментированная керамика, причем орнаментом покрыта обычно вся поверхность сосуда: в верхней части — поясами комбинированного орнамента, в нижней — также поясами или беспорядочно каким-нибудь однородным рисунком. Для Искера и Тоянова городка установить соотношение между гладкой и орнаментированной керамикой невозможно, так как отсюда нет материала из систематических раскопок, можно сказать только, что имеется и гладкая и орнаментированная керамика и что характер выделки и орнаментации аналогичен материалу Барабинских городищ. Орнамент керамики Барабинских городищ преимущественно чеканный, реже резной и, как исключение, на Тонтуре встретилось несколько черепков с печатным — перевитой веревочкой и узелковый. Самым распространенным является зубчатый орнамент, часто покрывавший всю поверхность сосуда. Наносился он плоским чеканом разной величины с поперечными нарезами. Вдавления часто делались с нажимом на одном конце, а иногда краем плоской стороны, так что зубчатая грань дает только свой профиль (ступенчатый орнамент). Часто встречается кругло-ямочный орнамент, обычно расположенный вдоль края в комбинации с другими мотивами. Изредка встречается бугорчатый (кругло-ямочный изнутри). Распространен (особенно в Тонтуре) мазковый орнамент, наносившийся косо поставленной заостренной или с округлым концом палочкой, круглой в поперечном разрезе. Часто встречается орнамент, нанесенный гладким поперечным краем щепки, — линейный, когда щепка становилась вертикально, и лопаточный при нажиме под углом. Вдавления углом такой щепки дают угловой орнамент в виде трехугольников с углубленной вершиной или стороной. Есть трехугольные отпечатки, нанесенные и специальным штампом — трехгранной палочкой с плоским концом. Четырехгранный плоский чекан дает квадратный или ромбический узор. В элементах орнамента отдельных памятников наблюдается почти полное тождество, но в рисунке заметны особенности. Так, судя по материалу, изданному у В. Н. Пигнатти, и по коллекции С. В. Киселева, в керамике Искера и Тоянова городка комбинации различных мотивов богаче чем в Тонтуре, а в чиняевской, наоборот, беднее. Мотивы орнаментации кажутся архаичными, но это впечатление архаичности пропадает, если взять черепок в руки — настолько хороша сама выделка.

49. Для Искеровского городища важно, кроме того, отметить находки китайского фарфора и арабских монет, к сожалению стертых и не дающих точной даты. На Тонтуре был найден черепок с поливой зеленой глазури, близкой по характеру к золотоордынской керамике.

50. Следует отметить еще находки железного шлака (Искер, Тонтур, Чиняевское), а также куски глиняных обмазок от построек (Тонтур,

Чиняевское; возможно, что они находились и на Искере, но В. Н. Пигнатти их не заметил) и кирпичей (Искер, Чиняевское).

51. Кости животных, птиц и рыб найдены в большом количестве на всех городищах. Из костей домашних животных на всех городищах имелись кости лошади, коровы, овцы, свиньи. На Искере, кроме того, встречены кости козы и кошки; там же и в Тонтуре — кости собаки. Из диких животных больше всего и на всех памятниках найдено костей

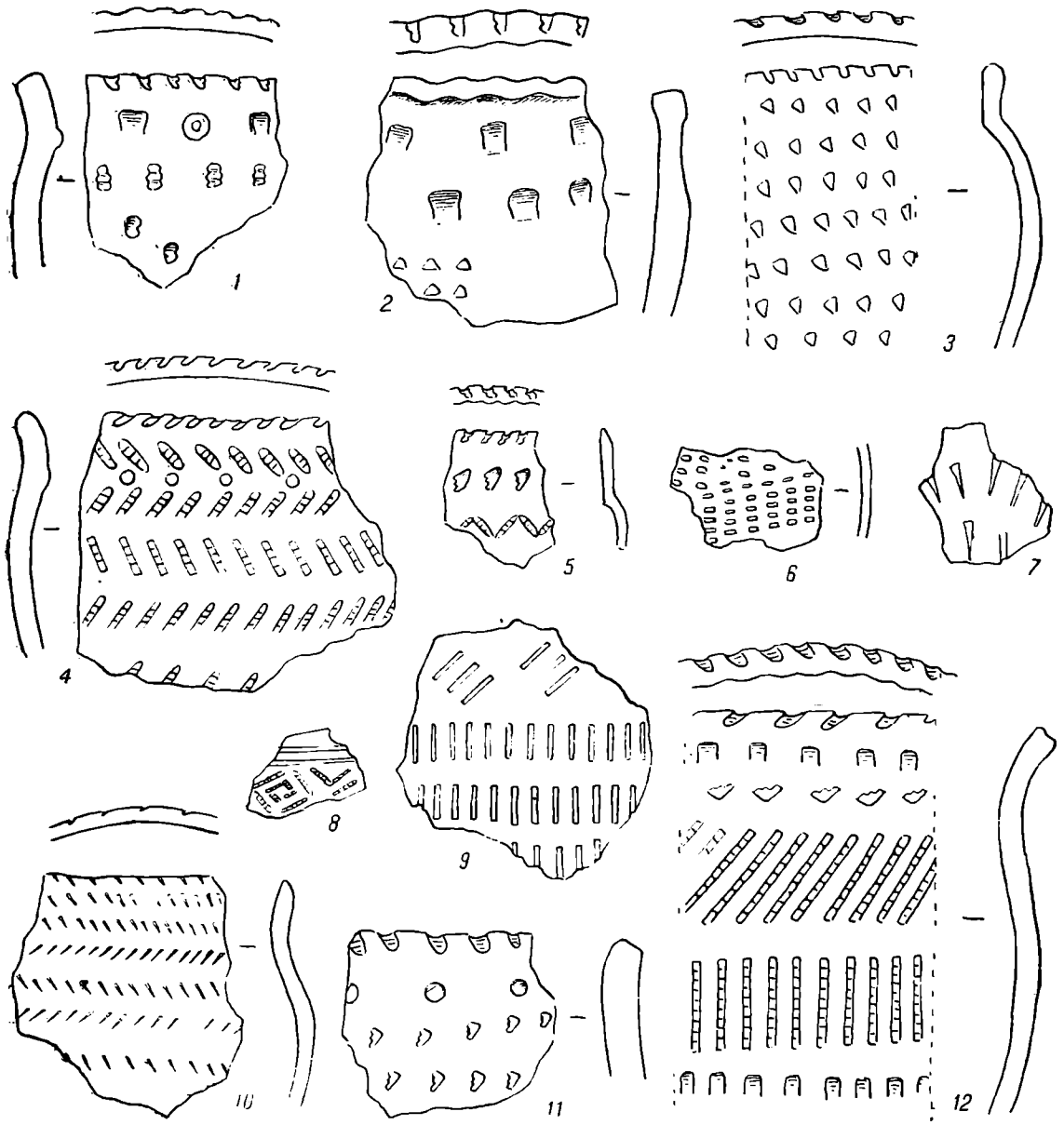

Табл. II. Обломки глиняных сосудов из Чиняевского городища. $^1/_2$ нат. вел.

лося. Встречаются кости медведя, кабана, тура (Искер), антилопы (Тонтур), лисицы (Чиняевское городище) и разных мелких животных — белки, зайца и др. Найдены также и кости птиц — гуся, утки, тетерева, и рыб — щуки, карася, сибирского осетра и разных мелких видов.

Перечисленный инвентарь говорит о занятиях жителей городища. Здесь имеются орудия земледелия, скотоводства, рыболовства, металлургии, ткацкого и швейного дела, скорняжества. Оружие, найденное на городищах, являлось в то же время и охотничьим вооружением. Украшения и некоторые предметы домашнего обихода говорят о довольно высокой ступени культуры. Значительная часть перечисленных выше

предметов найдена только на Искере, но такие предметы, как, например, топоры или земледельческие орудия, несомненно имелись и на других городищах. Они не дошли до нас по причинам, о которых будет сказано ниже. Предметов роскоши, на Барабинских городищах найдено меньше, но они свидетельствуют, что большинство известного в Искере было известно и обитателям Барабинских городищ. В Искере много железных орудий — в Барабинских городищах, хотя и в меньшем количестве, они также есть. То же нужно сказать и об украшениях, которые по своему типу аналогичны искерским. В Барабинских городищах не найдено деревообделочных инструментов, зато есть остатки самих деревянных изделий. Находки костяных точеных предметов — костяной рукоятки в Чиняевском (табл. I, *31*) и шарика неизвестного назначения в Тонтуре (табл. I, 35) — говорят о наличии токарного станка. Если в Барабинских городищах не найдено тиглей и литейных форм, зато есть шлаки. Но возможно, что такая «культурная роскошь» как весы, замки были редкостью в Барабе. Быть может, что связь с внешним миром, ярко отмеченная на Искере арабскими монетами, китайским фарфором и русскими топорами, в барабинских городищах была слабее.

Если сравнить общий комплекс находок с другими памятниками СССР, то больше всего аналогий дадут древности восточных финнов и Золотой Орды. Костяная индустрия очень близка к позднефинским городищам X—XII вв., где также встречаются и железные орудия, близкие к нашим и где они так же составляют незначительный процент,[1] как и на Барабинских городищах. В погребениях Золотой Орды XIV—XV вв. костяные орудия являются исключением. Таким образом, соотношение костяной и железной индустрии Искера является как бы промежуточным между этими группами. Инвентарь наших городищ не дает ничего нового. Это обычный материал для памятников X—XV вв. Новым и оригинальным здесь кажется только одна керамика, но среди золотоордынской керамики Поволжья встречаются изделия, очень близкие к нашим по своей выделке и характеру орнаментации.

Определить время и народность, к которым относятся рассматриваемые городища, не представляет особенной трудности, так как почти все они связаны с определенными историческими именами: Искер известен как столица Кучума, взятая в 1581 г. Ермаком, Тоянов городок связан с именем жившего здесь на грани XVI—XVII вв. татарского князька Тояна, а Вознесенское городище, или г. Тонтур, был резиденцией Буян-Бия, Кучумова наместника на Барабе. Все эти городища связаны с именем татарских князей и входили в состав татарского царства, Сибирского юрта. Как говорит С. В. Бахрушин, «Сибирский юрт состоял в XVI в. из ряда более или менее независимых татарских и туземных княжеств, весьма слабо объединенных под властью сибирских „салтанов". Это полукочевое царство, раздробленное на ряд плохо спаянных между собою племенных владений и объединявшееся чисто внешним образом под властью татарских, остяцких и вогульских князьков, магометан и язычников, было мало способно противостоять сильному удару со стороны немногочисленного, но более культурного и хорошо вооруженного неприятеля».[2] Столица Сибирского юрта сначала находилась на месте современного города Тюмени — Чингиз-Тура,[3] но около начала XVI в. она была перенесена в Искер. В середине XVI в. искерский хан

---

[1] А. П. Смирнов. Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII веков нашей эры. ТСРАНИОН, II, 1928.

[2] С. В. Бахрушин, ук. соч., стр. 152.

[3] Там же.

принял русское подданство и платил дань Москве.[1] Продолжает платить эту дань и Кучум, завоевавший Искер незадолго до прихода Ермака, но это подчинение сибирских татар Москве было только номинальным. Искер был резиденцией хана, кроме этой столицы там же, в окрестностях нынешнего Тобольска, был разбросан целый ряд поселений, отдельных кремлей, в которых жили родственники хана. Так, по словам летописи, на месте Тобольска «город деревянный с осыпью был», а урочище, называемое Абалак, было «любимой вотчиной» Кучума.[2] Пигнатти перечисляет 4 пункта в окрестностях Тобольска, где кроме Искера были татарские поселения; среди них он называет и Чувашский мыс, который имеет несколько культурных наслоений и в них вещи поздних типов, близкие к Искеру и Тонтуру.[3]

О Тояновом городке имеются сведения, что живший здесь князек Тоян отправился в 1603 г. в Москву просить защиты от набегов барабинских татар, принял русское подданство и предложил место для постройки г. Томска.[4]

Тонтур (который я в своей первой работе [5] называла по имени села Вознесенским городищем) был в XVI в. столицей барабинских татар. При Кучуме здесь сидел его наместник Буян-Бий. Когда Кучум был разбит Ермаком, он бежал в Тонтур, чтобы объединить вокруг себя барабинцев. Это ему не совсем удалось, но все же значительная часть населения того аймака, где находился Тонтур, ушла за ним на оз. Убинское, и тут в 1595 г. татары окончательно были разбиты русскими, а город Тонтур с тех пор опустел.

О Чиняевском городище мне не удалось найти в литературе исторических сведений, но вещественный материал дает полную увязку с Тонтуром, и по своему географическому положению район оз. Чаны должен был входить в состав Барабинского княжества, что позволяет считать этот памятник резиденцией одного из второстепенных родов барабинских татар.

Относительное богатство и разнообразие искеровского материала, по сравнению с барабинским, можно объяснить прежде всего тем, что Искер был столицей всего Сибирского царства и, кроме того, лежал на большом водном пути, следовательно, у него были широкие торговые связи. В. Н. Пигнатти, описывая материал Искера, различает в нем два слоя. Первый слой с костяными вещами и с преобладанием орнаментированной керамики он считает более древним, остяцким, а второй с железными орудиями и неорнаментированной керамикой — татарским.[6] Но правильнее будет признать, что костяные орудия и орнаментированная керамика являются характерными для данной культуры независимо от народности, так как в состав Сибирского юрта входили не одни татары, и на Самаровом городище, резиденции остяцкого князя Самара,[7] находят такую же орнаментированную керамику,[8] а инвентарь Барабинских городищ, где естественно дольше сохранился нетронутым облик культуры, совпадает с выделенной Пигнатти «остяцкой» и более древней группой вещей. Что же касается большого количества железа и, главным образом, предметов, говорящих о более высоком уровне культуры, которые действительно выделяются среди костяного материала, то появ-

[1] В. Н. Пигнатти, ук. соч., стр. 3. — С. В. Бахрушин, ук. соч., стр. 151.
[2] С. В. Бахрушин, ук. соч., стр. 32.
[3] А. А. Спицын. Зауральские городища. ЗОРСА, VII, вып. 2, 1906, стр. 226.
[4] С. К. Кузнецов, ук. соч., стр. 174—175.
[5] В. П. Левашева, ук. соч.
[6] В. Н. Пигнатти, ук. соч., стр. 20—26.
[7] С. В. Бахрушин, ук. соч., стр. 29.
[8] Зарисовки М. П. Грязнова.

ление их следует отнести ко второй половине XVI в., когда Искер завязал более оживленные сношения с внешним миром — дань Москве, распространение ислама. Кроме того, большое значение должно иметь и то обстоятельство, что Искер был взят войной и разрушен. В. Н. Пигнатти отмечает, что в верхнем слое Искера, над культурным слоем ясно заметны следы пожарища. И по свидетельству летописи татары отступили из Искера, бросив все свое имущество, а казаки, заняв город, хорошо поживились всякими сокровищами. Однако, естественно, что казаки грабили только ценные вещи — золото, серебро, украшения, меха, дорогие ткани, но никак не предметы домашнего обихода. Обстановка падения Искера была, таким образом, очень благоприятной для обогащения культурного слоя. Совершенно другая картина выясняется для конца Тонтура: он не разрушен войной и пожаром, а просто оставлен жителями, несомненно позаботившимися унести с собой все более ценное. Кроме того, если Искер и пострадал от размыва, то благодаря близости Тобольска и славе древнего города, размываемый материал все время собирался, в результате чего составились хотя и беспаспортные, но большие коллекции. Что же касается Тонтура, от которого дошел до нас лишь небольшой остаток, то весь материал из размытой площади городища унесен водой р. Оми.

Если Чиняевское городище дало совсем ничтожный процент металла и предметов неместного производства, то это тоже естественно — ведь даже по отношению к Тонтуру Чаны были провинцией. Кроме того, для этого городища мы не имеем твердой даты. Возможно, что оно прекратило свое существование раньше, чем Искер и Тонтур и существовало меньшее время.

Итак, рассматриваемые памятники в целом можно отнести к культуре Сибирского юрта. Конечной датой их можно считать XVI—XVII вв., когда пала самостоятельность Сибирского царства и стало усиливаться влияние русских. Определить время основания этих городищ гораздо труднее, но, сравнивая костяной, более древний, если не по времени, то по форме, материал с другими памятниками, можно заметить, что ближе всего они стоят к поздним финским памятникам,[1] в частности удалось найти много точек соприкосновения между материалом Барабинских городищ и городища Донды-Кар Глазовского у., которое точно определяется временем X—XII вв.[2] Предположительно можно взять для ранней даты нашей культуры время около XII в., предшествовавшее монгольскому завоеванию.

Несомненно, что эта культура, которая охватывала не одних татар, а все народности, входившие в состав Сибирского царства, не может ограничиться четырьмя городищами. Уже сейчас, по подъемному материалу, намечаются аналогии с Самаровым городищем (остяцкий памятник) и городищем Шеломок близ Томска.[3] По литературным данным сюда должно относиться городище Кызыл-Тура у устья Ишима.[4] Можно отыскать еще много подобных памятников, следя за расселением народностей, входивших в состав Сибирского юрта, за местными старинными названиями урочищ и селений. Это является одной из очередных задач сибирской археологии, которая должна пополнить, расширить и проверить данные письменных документов по эпохе присоединения Сибири к Русскому государству.

---

[1] А. А. Спицын. Древности камской чуди. МАР, № 26, 1902.
[2] А. П. Смирнов, ук. соч.
[3] Зарисовки М. П. Грязнова.
[4] В. Н. Пигнатти, ук. соч., стр. 3.

ОТ РЕДАКЦИИ

В «Советской археологии» XII (на стр. 199) помещена «Схема хронологических соотношений» памятников Северного Кавказа к статье А. А. Иессена «К хронологии больших кубанских курганов». По недосмотру в последней графе абсолютные даты смещены и поставлены против середины отдельных временных подразделений, тогда как они должны находиться против разделительных черт. Во избежание неправильного понимания абсолютных датировок автора, схема печатается в исправленном виде.

СХЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СООТНОШЕНИЙ

Технический этап	Схема А. В. Шмидта 1929 г.	Схема А. А. Миллера 1932 г.	Схема А. А. Иессена 1935 г.	Предлагаемая схема: Черноморское побережье	Прикубанье	Пятигорье и Кабарда	Степное Предкавказье	Восточный Кавказ	Абсолютная датировка до н. э.
Раннежелезный век		Скифская стадия			Скифская культура	Позднекубанская культура	Скифская культура	Исти-су, Урус-мартан	ок. 700 г.
Бронзовый век	Позднекубанская группа	III стадия	III этап металлургии	Колхидская культура	Позднекубанская культура	Кобанская культура	Предкавказская катакомбная культура II	Хорочоевская культура	ок. 1000 г.
Медный век	Среднекубанская группа	II стадия	II этап металлургии	Вторичные погребения эшерских дольменов; Эшерские дольмены	Среднекубанская культура: Костромской этап; Привольненский этап	Кабардино-Пятигорская поздняя группа; Кабардино-Пятигорская ранняя группа	Предкавказская катакомбная культура I		ок. 1700 г.
	Раннекубанская группа		I этап металлургии	Геленджик, Бочаров Ручей и т. п.	Раннекубанская культура: Новосвободненский этап	Долинское II	Древнейшие кург. погребения	Курган Закан-юрт	ок. 2000 г.
					Майкопский этап	Нальчик, курганы 1922 и 1928 гг.			ок. 2300 г.
						Долинское I			
Неолит	—	I стадия	—	Неолит Причерноморья (Кистрик и т. п.)	Следы неолита	Нальчикский могильник, Агубековское поселение	Мариупольский могильник		ок. 3500 г.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

Редактор издательства *М. М. Смирнов*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *А. П. Конради*
и *Л. С. Халиманович*

*

РИСО АН СССР № 3956. М. 22836.
Подп. к печати 16/VIII 1950 г. Печ. л. 30.14
+ 3 вкл. Бумага 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 11.
Уч.-изд. 30. Тираж 2000. Зак. 1603.
Цена в переплете 27 руб.

1-я тип. Издательства АН СССР, Ленинград,
В. О., 9 линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
70	8 снизу	1902 г.	1909 г.
72	27—26 »	наконечниками.	наконечником.
89	1 сверху	XI в.	IX в.
152	6 снизу	стр. 930	стр. 93
207	1 »	Е. В. Гаруд.	В. Е. Гарутт.
234	15 сверху	Парменноном	Парменионом